

Annotation

Тысячу лет существует Последняя империя, управляемая бессмертным и неуязвимым лордом-правителем, единственным богом и властителем этого мира. Тысячу лет назад он победил в схватке неведомую Бездну, грозившую уничтожить все живое, и, получив огромную силу, поработил мир, вместо того чтобы освободить его. С тех пор с неба в Последней империи сыплется пепел, солнце — цвета крови, а ночью мир обволакивает таинственный туман, отбирающий у людей душу.

Способен ли хоть один человек сокрушить всемогущего императора?

Да, отвечает Кельсер — вор, человек-легенда, совершивший в свое время попытку ограбить дворец самого лорда-правителя, сосланный за это на рудники и сумевший не только выжить, но и бежать на свободу. И начинает собирать силы для решительного удара...

*

Брендон Сандерсон

Благодарности

Пролог

Часть первая¹

2

3

4

5

6

7

8

Часть вторая

10

11

12

13

14

15

Часть третья16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

Часть четвертая26

27

28

29

30

31

32

33

34

Часть пятая35

36

37

38

Эпилог

Приложение

*

Брендон Сандерсон

Пепел и сталь

Рожденный туманом. Книга 1

Посвящается Бет Сандерсон, которая читает фантастику дольше, чем я живу на свете, и вполне заслуживает такого же сумасшедшего внука, как она сама

Copyright © 2006 by Brandon Sanderson

© Т. Голубева, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

*

Талант демиурга вообще один из главных козырей Сандерсона. Пусть даже в первом романе трилогии львиная часть Последней империи остается «за кадром», писателю удалось создать цельный, проработанный, богатый на загадки мир, с неповторимой атмосферой и множеством оригинальных особенностей.

Мир фантастики

Интриги, политические амбиции и заговоры сплетены в сложное полотно. Сандерсон создал более чем убедительную вселенную, у его персонажей

впечатляющие характеры.

Booklist

Чарующий мир...

The Washington Post

Сюжет не просто уникальный, а на редкость интересный. Я прочел много фэнтези и научной фантастики, и эта книга понравилась особенно — благодаря множеству оригинальных идей, уместившихся под ее обложкой. Невозможно устоять перед гипнотической силой героев Сандерсона и очень трудно оторваться от чтения.

Amazon.com

Благодарности

Снова, в который раз, я должен поблагодарить моего замечательного агента Джошуа Билмеса и столь же удивительного редактора Моше Федера. Они проделали потрясающую работу над этой книгой, и я горжусь тем, что имел возможность сотрудничать с ними.

Также не могу не поблагодарить моих неутомимых помощников, постоянно мне помогавших и поощрявших меня. Это Алан Лэйтон, Джанет Лэйтон, Кейлин Зобелл, Нэйт Хэтфилд, Брюс Кандик, Кимбал Ларсен и Эмили Скоруп. И первых читателей, которые увидели эту книгу в сыром, необработанном виде и помогли мне превратить ее в то, что вы видите теперь. Это Криста Ольсен, Бенджамин Р. Ольсен, Мика Дему, Эрик Эхлер, Изи Уайтинг, Стэйси Уитман, Кристина Куглер, Меган Кауфман, Сара Байлунд, С. Ли Плэйер, Итэн Скарстедт, Джилена О'Брайен, Райан Джурадо и непредсказуемый Питер Альстром.

Есть еще несколько человек, которых я хотел бы поблагодарить отдельно. Айзек Стюарт, составлявший карты для этого романа, был неистощимым источником идей и зрительных образов. Хизер Кирби давала дельные советы, помогая мне разобраться в таинственной работе ума молодой женщины.

В дополнение мне бы хотелось выразить признательность нескольким

очень важным для меня людям, также трудившимся над книгой, которую вы держите в руках. Ирэн Галло, главный художник издательства «Тор», проделала блестящую работу: именно благодаря ей у серии такие замечательные обложки. Дэвид Монш из рекламного отдела приложил немало усилий, чтобы обеспечить циклу успех. Я очень благодарен им обоим.

И наконец, я, как обычно, благодарю своих родных за постоянную поддержку и веру в меня.

В особенности я хочу поблагодарить моего брата Джордана за его энтузиазм, поддержку и преданность. Вы можете ознакомиться с работами брата на моем сайте: www.brandonsanderson.com.

Пролог

Иногда меня тревожит, что я совсем не тот герой, за которого меня принимают.

Философы уверяют, что пришло время и были соответствующие знамения. Но я продолжаю думать: а что, если они выбрали не того человека? Так много людей зависит от меня. Они говорят: я стану держать в руках будущее всего мира.

Но что они подумают, если узнают, что их защитник — Герой Веков, спаситель — сомневается в себе? Может, они вовсе и не будут потрясены. И пожалуй, это беспокоит меня сильнее всего. Что, если в глубине души они и сами удивлены — так же как и я?

Когда они видят меня, не видят ли они лжеца?

Пепел сыпался с неба.

Лорд Трестинг хмурился, поглядывая вверх, на красное полуденное небо, а его слуги суетились, раскрывая зонт над Трестингом и его высокопоставленным гостем. Дожди из пепла нередко шли в Последней империи, но Трестинг надеялся обойтись без пятен копоти на новом сюртуке и красном жилете, только что доставленных из самой Лютадели. К счастью, ветра почти не было; зонт, пожалуй, мог их спасти.

Трестинг и его гость стояли на маленькой террасе на вершине холма. Отсюда открывался хороший вид на поля: сотни людей в коричневых комбинезонах трудились под пепельным дождем, оберегая урожай. Двигались они медленно — что, впрочем, нормально для скаа. Лень — их отличительное свойство. Конечно, им хватало ума не жаловаться на жизнь, просто они всегда работали вяло, опустив головы, погруженные в безмолвную апатию. Приближение надсмотрщика с кнутом заставляло их на несколько мгновений проявлять усердие, но, как только тот удалялся, они тут же снова теряли темп.

Трестинг повернулся к человеку, стоявшему рядом с ним на холме.

— Можно было предположить, — заметил Трестинг, — что тысячи лет работы на полях научили их хоть чему-то.

Поручитель посмотрел на него, приподняв одну бровь, — этот жест эффектно подчеркнул и без того весьма заметную сложную татуировку, покрывавшую кожу вокруг глаз. Татуировка была огромной, она заползала на лоб и виски. Поручитель состоял в чине полного прелана, то есть был крайне влиятельной персоной. У Трестинга в особняке имелись собственные поручители, но они были просто мелкими чиновниками с едва заметными отметками вокруг глаз. А этот человек прибыл из Лютадели, и прибыл на том же судне, что и новый костюм Трестинга.

— Вам бы следовало увидеть городских скаа, Трестинг, — сказал поручитель, глядя на работающих скаа. — Ваши еще вполне прилежны в сравнении с живущими в Лютадели. Вы... довольно строги со своими скаа. Сколько вы примерно теряете в месяц?

— О, с полдесятка или около того, — ответил Трестинг. — Кто-то гибнет от побоев, кто-то от переутомления.

— Беглые есть?

— Нет! — воскликнул Трестинг. — Когда я только унаследовал от отца эти земли, несколько скаа сбежало — но я тут же казнил их семьи. Остальные перетрусили. Я никогда не понимал тех, у кого возникают трудности со скаа; этими тварями легко управлять, если дать им почувствовать твердую руку.

Поручитель кивнул; он стоял неподвижно, закутавшись в серый плащ. Он выглядел довольным, что не могло не радовать. Скаа на самом деле не были собственностью Трестинга. Как и все скаа, они принадлежали Вседержителю; Трестинг лишь арендовал рабочих у своего божества, точно так же как он платил за службу его поручителям.

Поручитель бросил взгляд на свои карманные часы, потом посмотрел вверх, на солнце. Несмотря на пеплопад, солнце светило ярко, пылая ослепительным алым шаром позади дымной черноты, затянувшей небо. Трестинг достал носовой платок и промокнул лоб, радуясь, что зонт укрывает их от полуденного зноя.

— Очень хорошо, Трестинг, — сказал поручитель. — Я передам ваши предложения лорду Венчеру, как вы просили. И он получит от меня весьма благоприятный отчет о вашей деятельности.

Трестинг с трудом сдержал вздох облегчения. При заключении любого контракта или делового соглашения между знатными людьми требовалось свидетельство поручителя. Вообще-то, свидетелями могли быть даже низшие поручители вроде тех, кого нанял Трестинг, — но намного значительнее выглядело свидетельство личного поручителя самого Страффа Венчера.

Поручитель повернулся к нему:

— Я отправлюсь обратно сегодня же днем.

— Так скоро? — спросил Трестинг. — И вы не останетесь на ужин?

— Нет, — ответил поручитель. — Хотя есть еще одно дело, которое я хотел бы обсудить с вами. Я прибыл не только по приказу лорда Венчера, но и... выяснить кое-что по поручению кантона инквизиции. Ходят слухи, что вы развлекаетесь с женщинами скаа.

Трестинг похолодел.

Поручитель улыбнулся. Он, вероятно, хотел, чтобы улыбка выглядела успокаивающей, но Трестингу она показалась зловещей.

— Не беспокойтесь, Трестинг, — сказал поручитель. — Если бы возникли

реальные опасения за ваше поведение, к вам явился бы Стальной инквизитор, не я.

Трестинг медленно кивнул. Инквизитор. Он никогда не видел ни одного из этих нечеловеческих существ, но слышал... много разных историй.

— Я удовлетворен тем, что узнал о вашем обращении с женщинами скаа, — продолжил поручитель, оглядывая поля. — То, что я видел и слышал здесь, свидетельствует, что вы всегда соблюдаете порядок в делах. Человек вроде вас — деятельный, успешный — может далеко пойти в Лютадели. Еще несколько лет работы, несколько удачных сделок, и... кто знает?

Поручитель отвернулся, а Трестинг вдруг заметил, что улыбается. Конечно, это не было обещанием, ведь поручители оставались в большей степени чиновниками, нежели священниками, и все же услышать такую похвалу от одного из слуг самого Вседержителя... Трестинг знал, что кое-кто из знати считал поручителей досадной помехой, кто-то воспринимал их как источник беспокойства, — но в этот момент он был готов расцеловать своего высокочтимого гостя.

Трестинг снова уставился на скаа, молча работавших под кровавым солнцем и медленно падавшими хлопьями пепла. Трестинг принадлежал к сельской знати, он жил на своей плантации, мечтая когда-нибудь переехать в Лютадель. Он слышал о балах и приемах, о высшем свете и интригах, и это всерьез волновало его.

«Я должен сегодня отпраздновать это», — подумал он.

В четырнадцатой хижине есть одна молоденькая девушка, за которой он наблюдал уже некоторое время...

Он снова улыбнулся. Еще несколько лет работы, так сказал поручитель. Но разве Трестинг не может ускорить дело, если начнет работать чуть более усердно? Его скаа в последнее время размножились. И если он будет их подгонять, то сможет этим летом собрать дополнительный урожай и выполнить договор с лордом Венчером.

Трестинг кивнул своим мыслям, глядя на толпу ленивых скаа: одни орудовали мотыгами, другие стояли на коленях, руками смахивая золу с молодых растений. Они не жаловались. Они не надеялись. Они едва

осмеливались думать. Так и надлежало быть, потому что они скаа. Они...

Трестинг застыл на месте, когда один из скаа посмотрел вверх. Он встретился взглядом с Трестингом, и искра... нет, пламя вызова вспыхнуло в его глазах. Трестинг никогда не видел ничего подобного, во всяком случае на лицах скаа. Он невольно отступил назад, по всему его телу пробежал холодок, пока странный скаа, выпрямившись, смотрел ему в глаза.

И улыбался.

Трестинг отвел взгляд.

— Курдон! — рявкнул он.

Коренастый надсмотрщик тут же подбежал к нему:

— Да, мой лорд?

Трестинг повернулся, показывая на...

Он нахмурился. Где же стоял тот скаа? Все они работали, опустив головы, все были перепачканы сажей и покрыты потом, так что отличить их друг от друга было трудно. Трестинг помолчал, всматриваясь. Ему показалось, что он нашел нужное место... пустое место, где теперь никого не было.

Но нет. Это невозможно. Человек не в состоянии исчезнуть так быстро. Куда он подевался? Он должен быть там, где-то там, работать со склоненной головой, как положено. Все равно его секундная дерзость непростительна.

— Мой лорд? — снова повторил Курдон.

Поручитель стоял рядом, с любопытством наблюдая за Трестингом. Ему уж точно не стоит знать, что один из скаа поступил столь бесстыдно.

— Заставь скаа вон там, в южном секторе, работать поусерднее, — приказал Трестинг, кивая на поле. — Они слишком медлительны, даже для скаа. Поколоти парочку.

Курдон пожал плечами, но кивнул. Битье особой пользы не приносило, но,

с другой стороны, ему не нужна была причина, чтобы отлупить рабочих.

В конце концов, они всего лишь скаа.

*

Кельсер слышал многое.

Он слышал шепоток о других временах, о том, что когда-то, давным-давно, солнце не выглядело красным. О временах, когда небо не заволакивали дым и пепел, когда растениям не приходилось бороться за жизнь и когда скаа не были рабами. Но те дни почти забылись. Даже легенды о них становились все более неопределенными, смутными.

Кельсер наблюдал за солнцем: его глаза следовали за огромным красным диском, пока тот полз к горизонту на западе. Кельсер замер на несколько долгих мгновений в пустом поле, один. Дневная работа была закончена; всех скаа загнали в хижины. Скоро придет туман.

Наконец Кельсер вздохнул, повернулся и стал пробираться через борозды и узкие тропинки, лавируя между большими кучами золы. Он старался не наступать на растения, хотя сам не знал почему. Растения едва ли стоили такой осторожности. Чахлые, с поникшими коричневыми листьями, они выглядели такими же подавленными, как и люди, ухаживавшие за ними.

Хижины скаа смутно вырисовывались в угасающем свете. Кельсер уже видел, как начинает сгущаться туман, постепенно заполняя воздух и оставляя от похожих на могильные холмы строений лишь размытые силуэты. Хижины никто не охранял. Надобности в страже не возникало: ни один скаа не решился бы выйти наружу после наступления ночи. Страх перед туманом был слишком силен.

«Я должен однажды избавить их от этого страха, — думал Кельсер, подходя к одному из крупных строений. — Но всему свое время».

Он потянул на себя дверь и проскользнул внутрь.

Разговор мгновенно затих. Кельсер закрыл дверь, с улыбкой повернулся и окинул взглядом помещение, где находилось около трех десятков скаа. В яме в центре хижины слабо горел огонь, а большой котел, стоявший рядом,

был наполнен водой, в которой плавало немного овощей, — первое блюдо вечерней трапезы. Суп, конечно, оказался жидковат, но пахнул соблазнительно.

— Добрый вечер всем, — с улыбкой сказал Кельсер, опуская на пол свой мешок и прислоняясь спиной к двери. — Как прошел день?

Его слова нарушили молчание, и женщины тут же вернулись к приготовлению пищи. Но мужчины, сидевшие у грубо сколоченного стола, продолжали с недовольным видом рассматривать Кельсера.

— Наш день был полон работы, путник, — сказал наконец Теппер, один из старших скаа. — Это нечто такое, чего ты умудряешься избегать.

— Работа в поле мне и в самом деле не подходит, — ответил Кельсер. — Она слишком тяжела для моей нежной кожи.

Он улыбнулся, протягивая вперед руки, сплошь покрытые бесчисленными тонкими шрамами. Шрамы тянулись вдоль предплечий, как будто неведомый зверь многожды прошелся по ним когтями.

Теппер фыркнул. Он был слишком молод для старейшины, ему, пожалуй, едва перевалило за сорок, получалось, что он лет на пять старше Кельсера. Однако этот сухопарый мужчина держался так, словно привык быть главным, и ему это нравилось.

— Сейчас не время для легкомыслия, — строго произнес Теппер. — Когда мы даем приют путнику, то ожидаем, что он будет вести себя так, чтобы не возбуждать подозрений. А ты, когда исчез с поля сегодня утром, мог навлечь порку на тех, кто находился поблизости.

— Верно, — согласился Кельсер. — Но их могли избить и за то, что они встали не на то место, или слишком долго отдыхали, или просто кашлянули, когда мимо проходил надсмотрщик. Я однажды видел, как человека высекли просто потому, что его хозяин заявил, будто тот «дерзко подмигнул».

Теппер продолжал сидеть все в той же напряженной позе, прищуриив глаза, а его руки неподвижно лежали на столе. На лице застыло упрямое выражение.

Кельсер закатил глаза:

— Хорошо. Если вы хотите, чтобы я ушел, я уйду.

Он закинул на плечо мешок и беспечно толкнул дверь.

Густой туман тут же потек внутрь, окутывая тело Кельсера, проливаясь на пол и стелясь по нему, как выжидающий в засаде зверь. Несколько человек судорожно вздохнули от ужаса, но большинство были настолько ошеломлены, что вообще не издали ни звука. Кельсер мгновение-другое постоял в дверях, вглядываясь в темный туман, живые волны которого подсвечивались от очага.

— Закрой дверь!

Теппер не приказывал, он умолял.

Кельсер выполнил его просьбу, плотно прикрыв дверь и преградив путь волнам тумана.

— Туман вовсе не то, что вы о нем думаете. Вы слишком его боитесь.

— Люди, рискнувшие выйти в туман, теряют свои души, — прошептала одна из женщин.

Ее слова породили в умах вопрос. Ходил ли Кельсер в тумане? И если да, что случилось с его душой?

«Если бы только вы знали правду», — подумал Кельсер.

— Ладно, полагаю, это значит, что я могу остаться. — Он махнул рукой какому-то парнишке, чтобы тот принес ему табурет. — И это хорошо. Мне самому было бы стыдно, если бы я ушел, не поделившись новостями.

Многие сразу насторожились при его словах. Такова была настоящая причина того, почему его терпели, почему даже самые робкие из крестьян давали приют людям вроде Кельсера — скаа, оказывающим неповиновение Вседержителю и путешествующим от плантации к плантации. Возможно, он был отступником, опасным для всей общины, но он принес новости из внешнего мира.

— Я пришел с севера, — сообщил Кельсер. — Из тех краев, где рука Вседержителя ощущается слабее, чем здесь.

Он говорил громко, отчетливо, и люди, продолжая заниматься своими делами, невольно прислушивались к нему. На следующий день слова Кельсера будут повторять сотни людей в других хижинах. Скаа могли быть трусливыми рабами, но при этом они оставались неизлечимыми сплетниками.

— На западе всем заправляют местные лорды, — продолжил Кельсер. — Они слишком далеко от железной хватки Вседержителя и его поручителей. Некоторые из этих господ даже обнаружили, что счастливые скаа работают лучше, чем запуганные. Один человек, лорд Рену, вообще приказал надсмотрщикам не бить рабочих без его разрешения. И еще поговаривают, что он собирается платить жалованье скаа на своих плантациях, примерно столько же, сколько зарабатывают городские ремесленники.

— Чушь, — резко бросил Теппер.

— Прошу прощения, — возразил Кельсер. — Я не предполагал, что добрый Теппер недавно побывал в поместье лорда Рену. Когда ты ужинал с ним в последний раз, он, видимо, рассказал тебе что-то, чего не знаю я?

Теппер покраснел: скаа никогда не путешествовали и, уж конечно, не ужинали с лордами.

— Ты считаешь меня дураком, странник, — сказал Теппер. — Но я знаю больше, чем ты думаешь. Ты тот, кого называют Выжившим: тебя выдают шрамы на руках. От тебя одни неприятности — ты бродишь по плантациям и возбуждаешь недовольство. Ты ешь нашу пищу, рассказываешь свои прекрасные истории, ты лжешь — а потом исчезаешь и предоставляешь людям вроде меня справляться с бессмысленными надеждами, которые ты даешь нашим детям.

Кельсер приподнял бровь.

— Неплохо, добрый Теппер, — кивнул он. — Однако твои тревоги безосновательны. К тому же я не намерен есть твою пищу. Я принес свою.

С этими словами Кельсер подхватил свой мешок и опустил его на землю

перед Теппером. Полупустой мешок завалился набок, и из него посыпались разные продукты. Хороший хлеб, фрукты и даже несколько толстых копченых колбасок.

Большой фрукт покатился по утоптанному земляному полу и легонько стукнулся о ногу Теппера. Немолодой скаа ошеломленно уставился на фрукт:

— Это еда знатных людей!

Кельсер фыркнул:

— Вряд ли. Знаешь, у твоего лорда Трестинга удивительно дурной вкус для человека его положения. Его кладовая — просто позор для аристократа.

Теппер побледнел.

— Так вот куда ты уходил днем, — прошептал он. — Ты забрался в особняк. Ты... обокрал хозяина!

— Да, ты прав, — сказал Кельсер. — И могу добавить, что, хотя твой лорд ничего не смыслит в еде, выбирать солдат он умеет. Проникнуть в его особняк среди бела дня было нелегкой задачей.

Теппер не отводил взгляда от мешка с едой.

— Если надсмотрщик найдет это здесь...

— Ну, я полагаю, всему этому нетрудно исчезнуть, — возразил Кельсер. — Могу поспорить, что это куда вкуснее пустой воды с овощами.

Две дюжины пар голодных глаз изучали продукты. Если Теппер намеревался спорить и дальше, ему следовало поторопиться с подбором аргументов, потому что его молчание было воспринято всеми как согласие. В несколько минут содержимое мешка изучили и поделили, а котел с супом, забытый всеми, продолжал кипеть на огне, пока скаа пировали.

Кельсер откинулся назад, прислонившись спиной к деревянной стене хижины, и наблюдал за тем, как люди пожирают пищу. Он сказал чистую правду: в кладовой лежали самые простые продукты. Однако этих людей с

детства кормили только супом и жидкой кашей. Для них мягкий хлеб и фрукты выглядели деликатесами: им ведь доставались лишь сухие корки, которые приносили слуги из особняка.

— Твои новости что-то слишком быстро кончились, юноша, — сказал один из старших скаа, подходя к Кельсеру и опускаясь на табурет рядом с ним.

— О, я подумал, что они могут подождать, — ответил Кельсер. — До того времени, как доказательства моей кражи будут окончательно уничтожены. А ты не хочешь что-нибудь попробовать?

— Мне ни к чему, — сказал старик. — В последний раз, когда я попробовал пищу лордов, у меня три дня болел живот. Новая еда вроде новых идей, юноша. Чем старше ты становишься, тем труднее их переваривать.

Кельсер некоторое время молчал. Старик выглядел не слишком впечатляюще. Из-за обветренной морщинистой кожи и лысого черепа он казался слабым, хрупким. Но конечно, в действительности он должен был быть куда крепче: немногие скаа на плантациях доживали до таких лет. Большинство лордов не освобождали стариков от ежедневной работы, а частые побои еще ощутимее сокращали их жизнь.

— Как тебя зовут, не расслышал? — спросил Кельсер.

— Меннис.

Кельсер оглянулся на Теппера:

— Ну, добрый Меннис, расскажи мне что-нибудь. Почему, например, ты позволяешь ему командовать?

Меннис пожал плечами:

— Когда доживешь до моих лет, тоже будешь беречь силы и не тратить их понапрасну. В иные битвы и ввязываться не стоит. — В словах Менниса как будто проскользнул намек — он имел в виду нечто большее, нежели свое противостояние с Теппером.

— Значит, тебя все устраивает? — спросил Кельсер, кивком указывая на хижину и ее полуголодных, измученных обитателей. — Ты доволен

жизнью, полной побоев и бесконечной тяжелой работы?

— По крайней мере, это жизнь, — ответил Меннис. — Я знаю, что приносят недовольство и бунты. Взгляд Вседержителя и гнев Стального братства куда страшнее нескольких ударов кнутом. Люди вроде тебя призывают к переменам, но я сомневаюсь, можем ли мы выиграть эту битву?

— Ты уже в ней участвуешь, добрый Меннис. Только ты безнадежно проигрываешь, — сказал Кельсер, пожав плечами. — Но что я могу знать? Я всего лишь странствующий еретик, я здесь, чтобы поесть вашей пищи и произвести впечатление на вашу молодежь.

Меннис покачал головой:

— Ты дурачишься, но Теппер, возможно, прав. Я боюсь, что твой приход принесет нам беду.

Кельсер улыбнулся:

— Вот потому я с ним и не спорю — по крайней мере, на эту опасную тему. — Он помолчал, и его улыбка стала шире. — На самом деле то, что Теппер назвал меня причиной неприятностей, было единственной разумной вещью, произнесенной им с момента моего прихода.

— Как тебе это удастся? — спросил Меннис, нахмурившись.

— Что именно?

— Постоянно улыбаться.

— О, просто я счастливый человек!

Меннис бросил взгляд на руки Кельсера:

— Знаешь, я лишь однажды видел подобные шрамы... но тот человек был мертв. Его тело привезли к лорду Трестингу как доказательство того, что наказание настигло преступника. — Меннис посмотрел Кельсеру в глаза. — Его поймали на подстрекательстве людей к бунту. Трестинг отправил его в Ямы Хатсина, и он работал там, пока не умер. Парень протянул меньше

месяца.

Кельсер тоже посмотрел на свои руки. Они еще время от времени горели, хотя Кельсер был уверен: боль просто застряла в памяти. Он глянул на Менниса и улыбнулся:

— Ты спрашиваешь, почему я улыбаюсь, добрый Меннис? Ну, Вседержитель думает, что смех и веселье — это только для него. Я не согласен. Это такая битва, для которой не требуется чрезмерных усилий.

Меннис уставился на Кельсера, и на мгновение ему показалось, что старик вот-вот улыбнется в ответ. Однако Меннис лишь медленно покачал головой:

— Я не знаю. Я просто не...

Его прервал крик. Он донесся снаружи, возможно с севера, хотя туман обычно искажает звуки. Люди в хижине замолчали, прислушиваясь к слабому высокому звуку. Несмотря на расстояние и туман, Кельсер отчетливо слышал, что в крике сквозит боль.

Кельсер поджег олово.

Теперь, после многих лет тренировок, это давалось ему легко. Олово вместе с другими алломантическими металлами лежало в желудке, проглоченное заранее, и ожидало своего часа. Кельсер потянулся мыслью внутрь себя и коснулся олова, выпуская силу, которую сам едва понимал. Олово ожило внутри его, обожгло желудок, как крепкое, выпитое залпом спиртное.

Алломантическая сила пронеслась по телу Кельсера, обострив чувства. Помещение вокруг как будто осветилось, тускло тлевший огонь приобрел почти слепящую яркость. Кельсер ощущал каждое волокно древесины, из которой была сделана табуретка под ним. Он чувствовал вкус хлеба, который украл днем. Но куда важнее было то, что сверхъестественным слухом он слышал крики. Кричали две женщины. Одна — пожилая, вторая — совсем молоденькая, возможно еще ребенок. И молодой голос все удалялся и удалялся.

— Бедняжка Джесс, — пробормотала женщина рядом с Кельсером, и ее

голос ударил по ушам. — Ее дитя было сущим проклятием. Скаа лучше не иметь хорошеньких дочерей.

Теппер кивнул:

— Лорд Трестинг все равно прислал бы за девушкой, рано или поздно. Мы все это знали. И Джесс знала.

— И все равно это просто позор! — сказал другой мужчина.

Крики не утихали. Воспламенив олово, Кельсер мог точно определять направление. Голос девушки удалялся в сторону особняка лорда. Эти звуки разбудили что-то в Кельсере, и он почувствовал, как на лице проступила краска гнева.

Кельсер обернулся:

— Лорд Трестинг возвращает девушек после того, как позабавится с ними?

Старый Меннис покачал головой:

— Лорд Трестинг — законопослушный господин. Он убивает девушек через несколько недель. Не хочет, чтобы на него обратили внимание инквизиторы.

Таков был приказ Вседержителя. Он не желал, чтобы вокруг бегали маленькие полукровки — дети, которые могли обладать силой, о которой скаа не полагалось даже догадываться...

Крики затихли, но гнев Кельсера лишь усилился. Он вспомнил обо всех мольбах о помощи. О том, как кричала когда-то другая женщина. Кельсер резко встал, опрокинув табурет на пол.

— Осторожнее, парень, — с испугом сказал Меннис. — Вспомни, что я говорил насчет траты своих сил. Тебе не удастся организовать этот твой бунт, если тебя убьют сегодня ночью.

Кельсер бросил взгляд на старика. Потом заставил себя улыбнуться, несмотря на душевную боль.

— Я здесь не для того, чтобы подстрекать вас к бунту, добрый Меннис. Я просто хочу устроить маленькие беспорядки.

— И что с них проку?

Улыбка Кельсера стала шире.

— Грядут новые времена. Проживи еще немножко — и сможешь увидеть великие события в Последней империи. Счастливо оставаться, и спасибо за гостеприимство.

С этими словами он резко распахнул дверь и шагнул в туман.

*

Меннис лежал без сна до самого рассвета. Похоже, чем старше он становился, тем труднее ему было заснуть. Но на этот раз его вдобавок мучила тревога — он думал о путнике, который не вернулся в их хижину.

Меннис надеялся, что Кельсер пришел в себя и просто отправился дальше. Однако такая перспектива выглядела маловероятной. Меннис прекрасно видел ярость в глазах Кельсера. И ему казалось нелепым, что человек, сумевший выжить в Ямах, может найти смерть здесь, на случайной плантации, пытаясь защитить девушку, которую все считали обреченной на гибель.

Как отреагирует на это лорд Трестинг? Говорили, что он особенно жесток к тем, кто мешает его ночным забавам. Если Кельсер умудрится испортить хозяину удовольствие, Трестинг легко может наказать всех своих скаа.

Постепенно обитатели хижины начали просыпаться. Меннис лежал на твердой земле — кости у него болели, спина ныла, мышцы ослабели — и пытался решить, стоит ли вообще прилагать усилия для того, чтобы встать. Он каждое утро поднимался с трудом. И с каждым днем делать это становилось немножко тяжелее. Однажды он, наверное, просто останется в хижине, ожидая, когда придут надсмотрщики — добить тех, кто тяжело болен или слишком стар, чтобы работать.

Однажды, но не сегодня. Он видел в глазах скаа отчаянный страх — они ведь знали, что ночная выходка Кельсера грозит неприятностями всем им.

Они нуждались в Меннисе; они смотрели на него. Он должен был встать.

И он поднялся. Как только он начал двигаться, старческие боли немного поутихли, и он, волоча ноги, вышел из хижины и направился к полю, опираясь на одного из молодых скаа.

Внезапно он уловил в воздухе странный запах.

— Что это? — спросил он. — Ты чувствуешь дым?

Шам — парень, который поддерживал Менниса, — приостановился. Последние клубы ночного тумана уже растаяли, за завесой темных облаков поднималось красное солнце.

— Я в последнее время постоянно чувствую дым, — сказал Шам. — Пепельные горы уж очень неистовы в этом году.

— Нет, — возразил Меннис, ощущая, как в нем нарастает тревога, — это что-то другое.

Он посмотрел на север, где уже толпились скаа. Он позволил Шаму повернуть туда и зашаркал к остальным, с каждым шагом поднимая облако пыли и золы.

В центре большой группы он увидел Джесс. Ее дочь, та самая, которую, как полагали, забрал лорд Трестинг, стояла рядом с матерью. Глаза юной девушки покраснели от бессонницы, но выглядела она вполне благополучно.

— Она вернулась вскоре после того, как ее увели, — объясняла женщина.

— Пришла и стала колотить в дверь, кричала там, в тумане. Флен не сомневался, что это туманный призрак прикинулся нашей дочерью, но я не могла ее не впустить. Мне было наплевать, что он говорит. И вот теперь я вывела ее на солнечный свет, и она не исчезла. Это доказывает, что она настоящая!

Меннис, спотыкаясь, направился прочь от растущей толпы. Неужели никто ничего не замечает? Ни один надсмотрщик не подошел до сих пор, чтобы разогнать собравшихся. Ни одного солдата не появилось, чтобы пересчитать рабочих. Случилось что-то дурное. Меннис продолжал

двигаться на север, в сторону особняка.

К тому времени как он добрался до края плоской возвышенности, все остальные заметили наконец дым, едва видимый в утреннем свете. И тут же бросились вдогонку за Меннисом.

Особняк исчез. На его месте осталось лишь черное дымящееся пятно.

— Во имя Вседержителя! — прошептал Меннис. — Что случилось?

— Он убил их всех.

Меннис обернулся. Это сказала дочь Джесс. Она стояла неподалеку, глядя вниз, на остатки дома, и на ее юном лице светилось удовлетворение.

— Они все были мертвы, когда он вывел меня наружу, — пояснила девушка. — Все: солдаты, надсмотрщики, лорды... мертвы! Даже лорд Трестинг и его поручители. Хозяин оставил меня, когда поднялся шум, и пошел выяснить, в чем дело. Когда мы покидали дом, я видела его — он лежал залитый собственной кровью, а из его груди торчал кинжал. А тот человек, который меня спас, бросил в дом факел, когда мы уходили.

— Тот человек? — переспросил Меннис. — У него на руках были шрамы, от локтей и ниже?

Девушка молча кивнула.

— Что он за демон такой? — сдавленным голосом пробормотал один из скаа.

— Туманный призрак, — прошептал другой, явно забыв, что Кельсер пришел при свете дня.

«Но он вышел в туман, — подумал Меннис. — И как ему удалось совершить подобное?.. У лорда Трестинга было больше двух дюжин солдат! Может, с Кельсером тайно прибыл целый отряд бунтовщиков?»

Слова Кельсера, сказанные накануне ночью, все еще звучали в ушах старика: «Грядут новые времена...»

— Но что теперь будет с нами? — спросил испуганный Теппер. — Что будет, когда Вседержитель узнает обо всем? Он подумает, что это мы сделали! Он отправит нас в Ямы, а может, пришлет сюда своих колоссов и те всех прикончат! Зачем беспутный бродяга натворил все это? Неужели он не понимает, чем кончится его затея?

— Он понимает, — сказал Меннис. — Он нас предупредил, Теппер. Он пришел, чтобы устроить небольшие беспорядки.

— Но зачем?

— Затем, что он знает: сами мы никогда не взбунтуемся. Вот он и не оставил нам выбора.

Теппер побледнел.

«Вседержитель, — подумал Меннис, — я не могу этого сделать. Я едва поднимаюсь по утрам... я не могу спасти этих людей».

Но разве у него был выбор?

Меннис повернулся к Тепперу:

— Собери людей, Теппер. Мы должны бежать до того, как весть о несчастье достигнет Вседержителя.

— И куда мы пойдём?

— В пещеры на востоке, — ответил Меннис. — Путники говорили, там спрячутся мятежные скаа. Может, они примут нас.

Теппер побледнел еще сильнее.

— Но... нам придется идти туда много дней. И ночевать в тумане!

— Мы справимся, — сказал Меннис. — Или можем остаться здесь и умереть.

Теппер несколько мгновений стоял неподвижно, и Меннис подумал, что он слишком потрясен. Однако вскоре Теппер сдвинулся с места и принялся

сзывать всех, как ему было приказано.

Меннис вздохнул, глядя на струйки дыма над пожарищем, и мысленно как следует обругал Кельсера.

Да уж, действительно — новые времена.

Часть первая

Выживший в Хатсине

1

Я считаю себя человеком принципов. Но у кого их нет? Я заметил, что даже последний головорез находит свои действия нравственными.

Возможно, кто-то, читая историю моей жизни, назовет меня религиозным тираном. Он может счесть меня высокомерным. И почему его мнение должно считаться менее важным, чем мое собственное?

Но я полагаю, в итоге все сводится к одному факту: в конце концов, только у меня есть армия.

Пепел сыпался с неба.

Вин наблюдала за пушистыми хлопьями, плывшими в воздухе. Лениво. Беззаботно. Свободно. Комки сажи кружились, как черные снежинки, опускаясь на темный город Лютадель. Они забивались в углы, их несло ветром, они образовывали крошечные водовороты на вымощенной булыжником дороге. Они выглядели такими безобидными. А как им еще выглядеть?

Вин неподвижно сидела на одном из пунктов наблюдения — потайной нише в кирпичной стене дома. Из этой ниши члены шайки могли наблюдать за улицей, высматривая признаки опасности. Вин находилась не на дежурстве, просто наблюдательная ниша была одним из немногих мест, где она могла остаться одна.

Вин любила уединение. «Когда ты в одиночестве, никто тебя не предаст». Это слова Рина. Брат научил ее многому, а потом подкрепил свои уроки тем, что сам ее предал. «Это единственный способ учиться. Любой может предать тебя, Вин. Любой».

Зола и пепел продолжали падать. Иногда Вин представляла, что она сама похожа на пепел, или на ветер, или даже на туман. Что она нечто, не имеющее мыслей, способное просто существовать, ни о чем не думая, не заботясь, ничего не чувствуя. Тогда она была бы... свободной.

Она услышала неподалеку какой-то шорох, и люк в задней части

маленького помещения со щелчком открылся.

— Вин! — окликнул ее Улеф, просовывая внутрь голову. — Вот ты где! Камон ищет тебя уже с полчаса.

«Потому-то я и спряталась».

— Тебе надо поспешить, — сказал Улеф. — Скоро можно будет приниматься за работу.

Улеф был долговязым парнем, по-своему очень милым и наивным, если, конечно, того, кто вырос на дне, можно назвать наивным. И разумеется, это не означало, что он не может ее предать. Предательство не имело никакого отношения к дружбе, оно было вопросом выживания. Жизнь на улицах жестока, и если какой-нибудь вор-скаа хотел избежать поимки и казни, он вынужден был предавать.

«Безжалостность важнее всех эмоций». Это тоже сказал Рин.

— Ну? — вопросительно произнес Улеф. — Надо идти. Камон в бешенстве.

«А когда он не бесился?»

Однако Вин кивнула, выбираясь из тесного, но уютного пространства наблюдательной ниши. Она проскользнула мимо Улефа и вынырнула из люка в коридор, а оттуда — в заброшенную кладовую. Эта комната была одним из многих помещений, расположенных в задней части склада, — они служили передней стеной тайного дома. Собственно берлога шайки скрывалась в каменной пещере под зданием.

Вин вышла из здания через заднюю дверь, Улеф тащился следом. Работать предстояло в нескольких кварталах отсюда, в более богатой части города. Это была сложная работа — одна из самых сложных, с какими вообще когда-либо сталкивалась Вин. Если Камона не поймают, награда светила по-настоящему большая. Если же поймают... Конечно, обжуливать вельмож или поручителей — опасное занятие, но все же лучше, чем работать в кузнице или на текстильной фабрике.

Вин вышла из переулка, очутившись на темной улице, вдоль которой

тянулись многоквартирные дома одной из городских трущоб, населенных скаа. Скаа, слишком большие, чтобы работать, прятались в углах и сточных канавах, заметаемых пеплом. Вин опустила голову и поглубже натянула капюшон плаща, защищаясь от падавших хлопьев.

«Свободна. Нет, я никогда не буду свободна. Рин об этом позаботился, когда уходил».

*

— Наконец-то! — Камон поднял короткий жирный палец и ткнул ей чуть ли не в лицо. — Где ты была?

Вин не позволила ненависти или возмущению отразиться в своих глазах. Она просто смотрела вниз, предоставляя Камону увидеть то, что ему захочется. Существовали разные способы быть сильной. Этому Вин научилась самостоятельно.

Камон поворчал еще немного, потом вдруг размахнулся и тыльной стороной ладони ударил Вин по лицу. Сила удара была такова, что щеку обожгло болью и Вин отлетела к стене. Она вынесла наказание молча. Просто еще один синяк. Она достаточно сильна, чтобы справиться с этим. Она уже не раз справлялась.

— Слушай, — прошипел Камон, — это очень важная работа. Она стоит многих тысяч монет.... она стоит в сотни раз больше тебя. И я не желаю, чтобы ты все испортила. Понятно?

Вин кивнула.

Камон несколько мгновений изучал ее взглядом, и его пухлое лицо было красным от гнева. Наконец он отвернулся, что-то пробормотав себе под нос.

Он был чем-то раздражен — чем-то более серьезным, чем Вин. Может, он услышал о бунте скаа, случившемся в нескольких днях пути на север от столицы. Один из провинциальных лордов, Фемос Трестинг, был, судя по всему, убит, а его особняк сожжен дотла. Такие беспорядки вредны для их дела: аристократы сразу настораживались, становились менее легковверными. А это, в свою очередь, серьезно отражалось на доходах

Камона.

«Он ищет, на ком бы сорвать злость, — подумала Вин. — Он всегда нервничает перед серьезной работой».

Она посмотрела на Камона, ощущая на губах вкус крови. Вероятно, самонадеянность отчасти отразилась на ее лице, потому что он бросил на нее косой взгляд и помрачнел. Потом вскинул руку, как будто хотел еще раз ударить ее.

Вин призвала на помощь свою удачу.

Она пустила в ход лишь маленькую ее толику, остальное ей понадобится для работы. Она направила удачу на Камона, успокаивая его. Глава шайки замер на мгновение — он не заметил прикосновения Вин, но тем не менее ощутил его воздействие. Он немного постоял в замешательстве, потом вздохнул, отвернулся и опустил руку.

Вин облизнула губы, когда Камон вперевалку пошел прочь. Глава воров выглядел весьма убедительно в одежде знатного человека. Это был самый дорогой костюм, какой Вин когда-либо видела: поверх красивой белой рубашки Камон надел темно-зеленый жилет с резными золотыми пуговицами. Черный сюртук был длинным, по последней моде, и еще Камон подобрал к нему черную шляпу. На его пальцах сверкали кольца, он даже прихватил красивую дуэльную трость. Да уж, Камон отлично изображал вельможу. Лишь немногие воры могли превзойти его в этой роли. Вот если бы он еще умел держать себя в руках...

А вот комната Камона особого впечатления не производила. Вин поднялась на ноги, когда Камон начал ругать других членов команды. Они арендовали большой номер на последнем этаже одного из местных отелей. Не слишком роскошный, но в этом была вся суть. Камон собирался разыгрывать из себя лорда Джедуи, провинциального господина, у которого возникли финансовые затруднения и который в отчаянии прибыл в Лютадель, надеясь заключить выгодный контракт и поправить свои дела.

Центральная комната была преобразована в некое подобие приемного зала: здесь поставили большой письменный стол для Камона, по стенам развесили дешевые картины. Рядом со столом стояло двое мужчин, одетых в ливреи. Они должны были изображать лакеев Камона.

— Что за гвалт? — спросил вошедший в комнату мужчина.

Он был высок ростом, одет в простую серую рубашку и свободные штаны, а на поясе его висел тонкий меч. Ферон тоже руководил воровской шайкой, и идея аферы принадлежала именно ему. Он взял в долю Камона, потому что ему требовался тот, кто мог бы сыграть роль лорда Джедуи, а все знали, что в этом деле Камон один из лучших.

Камон посмотрел на него:

— Хм... гвалт? О, просто небольшие проблемы с дисциплиной. Не стоит тревожиться, Ферон. — Камон небрежно взмахнул рукой, и жест этот выглядел весьма аристократично.

Камон был достаточно высокомерен, чтобы сойти за представителя одного из Великих Домов. Ферон прищурился. Вин догадывалась, о чем он думал: он прикидывал, насколько рискованно будет воткнуть нож в жирную спину Камона после окончания спектакля. Но наконец высокий главарь отвел взгляд от Камона и посмотрел на Вин.

— А это кто? — спросил он.

— Член моей команды, — ответил Камон.

— Я думал, нам никто больше не нужен.

— Ну она нам точно нужна, — сказал Камон. — Не обращай на нее внимания. Моя часть операции тебя не касается.

Ферон присмотрелся к Вин, заметил ее окровавленную губу. Вин отвела взгляд. Глаза Ферона задержались на ней, изучая с головы до ног. На Вин была простая белая рубашка с пуговицами и широкие штаны. Вряд ли она могла показаться соблазнительной: тощая, с лицом подростка, она не выглядела даже на свои шестнадцать. Впрочем, некоторые мужчины предпочитают именно таких женщин.

Вин уже подумала, не пустить ли в ход свою удачу, но Ферон наконец отвернулся.

— Поручитель скоро будет, — сказал он. — Вы готовы?

Камон вытаращил глаза, усаживаясь в кресло за столом.

— Все в полном порядке. Предоставь дело мне, Ферон! Вернись в свою комнату и жди.

Ферон нахмурился, потом развернулся и вышел из комнаты, что-то бормоча себе под нос.

Вин осмотрела комнату, изучая обстановку, слуг, общую атмосферу. Наконец она подошла к столу Камона. Главарь воров сидел, перебирая стопку бумаги и явно размышляя, какой листок положить перед собой.

— Камон, — тихо сказала Вин, — слуги слишком хороши.

Камон нахмурился, поднял голову и посмотрел на нее.

— О чем ты там бормочешь?

— Слуги, — повторила Вин все тем же мягким шепотом. — Предполагается, что лорд Джедуи находится в отчаянном положении. У него есть дорогая одежда, оставшаяся от лучших времен, но он не может платить настоящим слугам. Он должен использовать скаа.

Камон молча продолжал смотреть на нее. В физическом смысле между знатными людьми и скаа не было особой разницы. Но воры, которых Камон назначил изображать слуг, были одеты как мелкие вельможи: на них были цветные жилеты, и держались они слишком уверенно.

— Поручитель должен думать, что ты на грани нищеты, — пояснила Вин.
— Лучше набей комнату толпой слуг-скаа.

— Да что ты в этом смыслишь? — спросил Камон, мрачно уставившись на нее.

— Достаточно. — Вин тут же пожалела о вырвавшемся у нее слове: оно прозвучало слишком вызывающе.

Камон поднял унизанную кольцами руку, и Вин приготовилась к очередной пощечине. Она не могла позволить себе потратить еще немного удачи. У нее и так оставался небольшой запас.

Однако Камон не ударил ее. Вместо этого он вздохнул и опустил пухлую руку ей на плечо:

— Ну почему ты постоянно меня провоцируешь, Вин? Ты ведь знаешь, какие долги оставил твой брат, сбежав. Ты хоть понимаешь, что чуть менее милосердный человек, чем я, давным-давно уже продал бы тебя в бордель? Как бы тебе это понравилось — развлекать в постели какого-нибудь лорда, пока ты не надоела бы ему и он не прикончил тебя?

Вин уставилась в пол.

Камон сжал ее плечо, его пальцы впились ей в основание шеи, и Вин судорожно вздохнула от боли. Камон усмехнулся.

— Если честно, я и сам не понимаю, почему держу тебя здесь, Вин, — сказал он, еще крепче стискивая ее плечо. — Мне бы следовало избавиться от тебя несколько месяцев назад, когда твой брат предал меня. Полагаю, у меня просто слишком доброе сердце.

Он наконец отпустил ее и жестом приказал встать у стены, рядом с высоким комнатным растением. Она сделала, как он велел, и повернулась так, чтобы хорошо видеть комнату. Как только Камон перестал смотреть на нее, она потеряла плечо.

«Это просто еще одна боль. Я умею справляться с болью».

Камон молчал несколько мгновений. Потом, как и ожидала Вин, он махнул рукой двум стоявшим неподалеку «слугам».

— Вы двое! — сказал он. — Вы слишком богато одеты. Быстро пойдите и наденьте что-нибудь такое, чтобы стать похожими на слуг-скаа... и приведите сюда еще шесть человек.

Вскоре комната была набита битком, как и предлагала Вин. А еще немного погодя прибыл поручитель.

Вин наблюдала за тем, как прелан Лэйрд с надменным видом входит в комнату. Голова у него была обрита наголо, как у всех поручителей, и он носил темно-серое одеяние. Татуировка братства вокруг его глаз говорила о том, что он находится в чине прелана, младшего чиновника кантона

финансов. Следом за ним вошло несколько младших поручителей, их татуировки были куда менее сложными.

Камон поднялся навстречу прелану, выражая уважение, — так следовало поступать даже вельможам из Великих Домов при встрече с поручителями такого ранга, как Лэйрд. Лэйрд не ответил ни поклоном, ни даже кивком. Вместо этого он просто прошел вперед и сел перед столом Камона. Один из членов шайки, изображавший слугу, ринулся вперед, чтобы подать поручителю охлажденное вино и фрукты.

Лэйрд взял одну ягодку, предоставив склоненному слуге стоять рядом, как будто тот был предметом мебели.

— Лорд Джедуи, — заговорил наконец Лэйрд, — я рад, что мы все же смогли встретиться.

— Я тоже, ваша милость, — ответил Камон.

— Но я снова спрашиваю: почему вы не смогли прийти в мой кантон, почему пригласили меня сюда?

— Все дело в моих коленях, ваше сиятельство, — сказал Камон. — Мои врачи рекомендуют мне ходить как можно меньше.

«И ты к тому же здорово боишься, что тебя швырнут в тюрьму братства», — подумала Вин.

— Понимаю, — кивнул Лэйрд. — Больные колени. Весьма неудачно для человека, который занимается перевозками.

— Но я ведь не обязан сам путешествовать, ваша милость, — возразил Камон, склоняя голову. — Я лишь организатор.

«Неплохо, — подумала Вин. — Постарайся и дальше выглядеть так же раболепно, Камон. Ты должен казаться отчаявшимся человеком».

Вин было необходимо, чтобы авантюра удалась. Камон плохо с ней обращался, бил ее, но все равно смотрел на нее как на талисман, приносящий удачу. Вин сомневалась, что Камону известно, почему его планы сбываются куда лучше, если она находится рядом, но связь он

безусловно уловил. А это придавало Вин немалую ценность, да и Рин всегда говорил, что лучший способ выжить на дне — это доказать свою незаменимость.

— Понимаю, — повторил Лэйрд. — Но боюсь, что наша встреча произошла слишком поздно с точки зрения ваших целей. Кантон финансов уже проголосовал по вашему предложению.

— Так быстро? — спросил Камон с искренним удивлением.

— Да, — кивнул Лэйрд, делая глоток вина и по-прежнему не замечая слуги.
— Мы решили не принимать ваше предложение.

Камон мгновение-другое сидел не шевелясь, ошеломленный.

— Мне тяжело это слышать, ваша милость.

«Но Лэйрд пришел на встречу с тобой, — подумала Вин. — А это значит, что он пока не отказался от мысли о переговорах».

— Да, тяжело, — продолжил Камон, уловив то, о чем подумала Вин. — И это тем более неприятно, поскольку я как раз готов был сделать братству предложение куда лучшее.

Лэйрд приподнял бровь, окруженную татуировками.

— Сомневаюсь, что в этом есть смысл. Кое-кто в Совете считает, что лучшие услуги для нашего кантона сможет предоставить более надежный перевозчик.

— Это было бы серьезной ошибкой, — вкрадчиво произнес Камон. — Давайте будем откровенны, ваша милость. Мы оба знаем, что этот контракт — последний шанс Дома Джедуи. Теперь, когда мы лишились договора с Фарваном, мы не можем позволить себе направлять суда в Лютадель. И без покровительства братства мой Дом в финансовом смысле просто погибнет.

— Меня это ничуть не убеждает, ваша светлость, — сказал поручитель.

— Разве? — удивился Камон. — Спросите себя, ваша милость: кто будет служить вам лучше? Тот Дом, у которого уже есть десятки контрактов и

которому придется делить свое внимание между ними, или тот, что смотрит на ваш контракт как на последнюю надежду? Кантон финансов не найдет более преданного партнера, чем этот отчаявшийся. Позвольте моим судам стать единственными, перевозящими ваших служителей с севера... и позвольте моим солдатам сопровождать их — и вы не будете разочарованы.

«Неплохо», — подумала Вин.

— Да... понимаю, — произнес поручитель, явно обеспокоенный.

— Я буду рад предложить вам длительный контракт с фиксированной ценой — пятьдесят мер с человека за поездку, ваша милость. Ваши служители смогут путешествовать на наших судах в свое удовольствие и всегда брать с собой столько сопровождающих, сколько им понадобится.

Поручитель вскинул бровь:

— Но это половина предыдущей цены.

— Я говорил вам, — напомнил Камон, — мы в отчаянном положении. Мой Дом действительно нуждается в том, чтобы поддерживать суда на плаву. Пятьдесят мер не принесут нам прибыли, но не в этом дело. Контракт с братством даст нам уверенность, и мы сможем поискать другие контракты, чтобы наполнить наши сундуки.

Лэйрд явно задумался. Сделка выглядела неправдоподобно выгодной — настолько, что вызывала подозрение. Однако Камон отлично играл представителя Дома, находящегося на краю финансовой гибели. Главарь другой шайки, Ферон, потратил пять лет на подготовку этого момента, вынюхивая, разведывая и рассчитывая. Братство проявило бы непростительную небрежность, если бы не рассмотрело такое предложение.

Лэйрд это понял. Стальное братство представляло собой не только власть чиновников и закона в Последней империи, оно само по себе было чем-то вроде знатного Дома. Чем богаче оно становилось, тем более выгодные контракты могло заключать и тем больше средств для достижения своих целей получали разные его кантоны и благородные Дома.

Однако Лэйрд продолжал колебаться. Вин видела выражение его глаз,

видела так хорошо знакомое ей подозрение. Он не собирался принимать предложение.

«Ну, — подумала Вин, — теперь моя очередь».

Она направила на Лэйрда свою удачу. Сначала она предприняла пробную попытку — не слишком уверенная в том, что и зачем делает. Ее прикосновение было инстинктивным, отработанным за годы тайной практики. Она поняла, что умеет делать то, что не под силу другим людям, когда ей было десять лет.

Она еще раз слегка пригасила чувства Лэйрда. Его подозрения ослабели, страх утих. Он успокоился. Вот его тревоги исчезли окончательно, и Вин увидела, как в глазах поручителя снова возникло спокойное, властное выражение.

И все же Лэйрд казался слегка неуверенным. Вин нажала чуть сильнее. Поручитель вскинул голову и задумчиво посмотрел на Камона. Он открыл было рот, чтобы заговорить, и Вин подтолкнула его еще раз, отчаянно швырнув в него последнюю щепотку удачи.

Лэйрд помолчал еще немного.

— Очень хорошо, — произнес он наконец. — Я передам ваше новое предложение Совету. Возможно, мы сумеем прийти к соглашению.

2

Если кто-нибудь прочтет эти слова, пусть знает, что власть — это тяжкая ноша. Постарайтесь не оказаться связанными этими цепями. Террисийские пророчества твердят, что я обрету власть, чтобы спасти мир.

Однако хитрость в том, что я получу силу также и для того, чтобы разрушить его.

На взгляд Кельсера, Лютадель — резиденция Вседержителя — представляла собой мрачное зрелище. Большинство зданий было сооружено из каменных блоков, богатые крыли свои дома черепицей, а все остальные — простыми деревянными плашками. Строения стояли вплотную друг к другу, из-за чего казались приземистыми, хотя большинство из них насчитывало не менее трех этажей.

Многоквартирные дома и магазины выглядели одинаково: столица была не тем местом, где кто-либо хотел привлекать к себе внимание. Если, конечно, он не был представителем высшей знати.

По городу было разбросано около дюжины монолитных крепостей. Сложной архитектуры, с рядами бойниц для лучников и копейщиков, они-то и служили домами настоящей аристократии. На самом деле это было знаком отличия: любая семья, которая могла позволить себе построить крепость и поддерживать определенный уровень жизни, считалась Великим Домом.

Большинство открытых площадей в городе находилось как раз вокруг крепостей. Пятна свободного пространства среди плотной застройки походили на поляны в лесу, а сами крепости напоминали одинокие горы, возвышавшиеся над прочим ландшафтом. Черные горы. Как и весь город, крепости почернели за те бесчисленные годы, что с неба сыпались зола и пепел.

Каждое строение в Лютадели — а в сущности, вообще каждое строение из тех, что приходилось видеть Кельсеру, — почернело в той или иной мере. Даже городская стена, на которой сейчас стоял Кельсер, была черной от сажи. Здания в основном почернели сверху, где собирался пепел, но дожди

и ночные туманы разносили пятна по поперечным балкам, карнизам и вниз по стенам. Как краска, стекающая по холсту, тьма, казалось, ползла по стенам домов.

И улицы, разумеется, были совершенно черными. Кельсер стоял, выжидая, изучая взглядом город, а на улице под ним тем временем трудилась группа скаа, убирая недавно нанесенные холмики золы. Они увезут золу к реке Каннерал, что протекает через город, и вода унесет пепел, который иначе грозит постепенно похоронить под собой город. Иной раз Кельсер пытался понять, почему, собственно, вся империя до сих пор не превратилась в огромную кучу золы? Он предполагал, что пепел и зола, наверное, постепенно уходят в почву. Но все равно поддержание городов и полей в нормальном состоянии требовало невероятных усилий.

К счастью, для этого дела всегда хватало скаа. Рабочие на улице были одеты в простые куртки и штаны, перепачканные пеплом, рваные. Как и те, кто трудился на плантации, куда забрел Кельсер несколько недель назад, они двигались медленно, вяло. Другие группы скаа шли мимо них на звон далеких колоколов, собиравших всех к началу утренней работы в кузницах или на фабриках. Главной статьей экспорта Лютадели был металл, в городе жили сотни кузнецов и плавильщиков. Однако, кроме того, река позволяла поставить на ней множество мельниц — и для помола зерна, и для производства текстиля.

Скаа продолжали трудиться. Кельсер отвернулся от них и посмотрел вдаль, в сторону центра столицы, где возвышался дворец Вседержителя, похожий на огромное насекомое со множеством шипов. Кредикская Роцца, Холм Тысячи Шпилей. Дворец в несколько раз превосходил размерами любую из крепостей знатных семей и был, безусловно, самым большим сооружением в городе.

Пока Кельсер стоял, созерцая город, опять начался пеплопад. Легкие хлопья оседали на улицах и домах.

«Слишком много в последнее время сыплется этой золы, — подумал Кельсер, радуясь поводу натянуть на голову капюшон плаща. — Должно быть, Пепельные горы не дремлют».

Едва ли кто-нибудь в Лютадели мог узнать его — три года прошло с тех

пор, как его схватили. И все же капюшон на голове придавал ему уверенности. Если все пойдет хорошо, то настанет момент, когда Кельсер сам захочет, чтобы его узнали. А пока лучше сохранять анонимность.

Наконец на стене появилась вторая фигура. Этот человек, Доксон, был ниже Кельсера, а его широкое лицо вполне соответствовало крепкому сложению. Неопределенного оттенка коричневый капюшон прикрывал черные волосы, и он по-прежнему носил такую же небольшую бородку, как и двадцать лет назад, когда на его лице впервые начала пробиваться растительность.

Он, как и Кельсер, был одет на манер знатного человека: яркий жилет, темный сюртук и штаны, и еще тонкий плащ, укрывающий от золы и пепла. Одежда не выглядела очень дорогой, но ее покрой означал принадлежность к среднему классу Лютадели. Большинство людей, знатных по рождению, не обладало достаточным богатством, чтобы считаться частью одного из Великих Домов, но в Последней империи знатность измерялась не деньгами. Это был вопрос истории рода. Бессмертный Вседержитель до сих пор не забыл тех, кто поддерживал его в первые годы властвования. И потомки тех людей, как бы они ни обеднели, всегда пользовались уважением.

Такая одежда помогала обходить патрули и избавляла от множества вопросов. Конечно, в случае Кельсера и Доксона она была фальшивкой. Ни один из них не считался знатным человеком, хотя, вообще-то, Кельсер был полукровкой. Однако во многих отношениях полукровкам приходилось хуже, чем обычным скаа.

Доксон остановился рядом с Кельсером и оперся о парашют, опустив на камни крепкие руки.

— Ты опоздал на несколько дней, Кел.

— Я решил сделать несколько остановок на северных плантациях.

— А, — сказал Доксон, — так, значит, это ты позаботился о смерти лорда Трестинга.

Кельсер улыбнулся:

— Можно и так сказать.

— Его убийство встревожило местную знать.

— Еще бы, — ответил Кельсер. — Хотя, если честно, я не планировал ничего подобного. Случайность, если можно так выразиться.

Доксон вскинул брови:

— Как ты мог «случайно» убить лорда в его собственном особняке?

— Просто воткнул нож ему в грудь, — беспечно пояснил Кельсер. — Или точнее, парочку ножей... чтобы наверняка, — (Доксон при этих словах закатил глаза.) — Его смерть — не такая уж большая потеря, Докс, — улыбнулся Кельсер. — Трестинг даже среди вельмож считался слишком жестоким.

— Трестинг меня не интересует, — сказал Доксон. — Я просто прикидываю, не приступ ли безумия заставил меня согласиться на новое дело с твоим участием. Нападать на лорда в его особняке, в присутствии стражи... Нет, честно, Кел, я почти забыл, каким ты можешь быть безрассудным.

— Безрассудным? — со смехом повторил Кельсер. — Это не безрассудство... это просто небольшое развлечение. Ты просто не знаешь кое-чего из того, что я предполагаю сделать.

Доксон пару мгновений молчал, потом тоже расхохотался.

— Ох, Вседержитель... как же хорошо, что ты вернулся, Кел! Боюсь, что я жутко скучал последние годы.

— Мы это исправим, — пообещал Кельсер.

Он глубоко вздохнул, глядя на оседающие хлопья пепла. Скаа-уборщики уже вернулись к работе на улице внизу, сметая темную золу. По стене прошагали патрульные, кивнув Кельсеру и Доксону. Пришлось подождать, пока стража удалится.

— Я рад, что вернулся, — сказал наконец Кельсер. — Что-то родное для

меня есть в Лютадели... хотя этот город и не похож на живой. Ты уже подготовил встречу?

Доксон кивнул:

— Мы все равно не могли начать раньше сегодняшнего вечера. А как ты проник внутрь, кстати? Я поставил своих людей у ворот.

— Хм... Ну, я просто прокрался в город ночью.

— Но как?.. — Доксон умолк на полуслове. — Ох, ладно. Пора уже привыкнуть.

Кельсер пожал плечами:

— А что такое? Ты же постоянно работаешь с туманщиками.

— Ну да, только не в этом дело, — ответил Доксон.

Он вскинул руку, предлагая закрыть тему.

— Не важно, Кел. Я просто сказал, что мне пора привыкнуть.

— Хорошо. Кто придет сегодня?

— Ну, Бриз и Хэм будут, конечно. Они просто сгорают от любопытства по поводу этого загадочного дела. К тому же они жутко раздражены: я ни слова не сказал им о том, чем ты занимался в последние годы.

— Отлично, — улыбнулся Кельсер. — Пусть гадают. А что насчет Капкана?

Доксон покачал головой:

— Капкан мертв. Братство поймало его пару месяцев назад. Они даже не потрудились отправить его в Ямы... просто отрубили голову прямо там, на месте.

Кельсер прикрыл глаза и осторожно вздохнул. Похоже, Стальное братство переловит их всех поочередно. Иногда Кельсеру казалось, что в жизни скаа-полукровок, туманщиков, главным является не выжить, а выбрать

подходящее время для смерти.

— Значит, мы остались без курильщика, — сказал наконец Кельсер, открывая глаза. — Можешь кого-нибудь предложить?

— Кирпич, — сказал Доксон.

Кельсер покачал головой:

— Нет. Он хороший курильщик, но не слишком хороший человек.

Доксон улыбнулся:

— Недостаточно хороший, чтобы войти в команду воров... Кел, я действительно соскучился по работе с тобой. Ладно, кто тогда?

Кельсер немного подумал.

— Колченог до сих пор работает в той лавочке?

— Да, насколько я знаю, — медленно произнес Доксон.

— Он считался одним из лучших курильщиков в городе.

— Наверное, — согласился Доксон. — Но... разве не говорят, что с ним трудновато работать?

— Он не так уж плох, — сказал Кельсер. — Особенно когда привыкнешь к нему. Кроме того, я думаю, он должен... легко согласиться на эту работу.

— Хорошо. — Доксон пожал плечами. — Я его приглашу. Кажется, один из его родственников — ищейка. Хочешь, чтобы я и его позвал?

— Почему нет? — сказал Доксон. — Ну и кроме того, остается еще Йеден. Предположим, он заинтересуется...

— Он будет здесь, — сказал Кельсер.

— Да уж, лучше ему быть, — кивнул Доксон. — В конце концов, именно он платит.

Кельсер кивнул, потом нахмурился:

— Ты не упомянул о Марше.

Доксон опять пожал плечами:

— Я тебя предупреждал. Твой брат никогда не одобрял наших методов, и теперь... ну ты ведь знаешь его. Он вообще больше не желает иметь дел с Йеденом и бунтовщиками, не говоря уже о банде преступников вроде нас. Думаю, нужно найти кого-нибудь еще, чтобы проникнуть в тыл к поручителям.

— Нет, — проговорил Кельсер. — Он это сделает. Мне только нужно убедить его.

— Как скажешь.

Доксон замолчал, и двое мужчин какое-то время стояли рядом, перегнувшись через парапет и глядя на засыпанный пеплом город.

Наконец Доксон тряхнул головой:

— Это ведь безумие?

— Зато как весело! — улыбнулся Кельсер.

— Веселее не бывает, — кивнул Доксон.

— Это будет дело, каких еще не видели, — сказал Кельсер, глядя на причудливое сооружение в центре города.

Доксон отошел от парапета.

— У нас есть еще несколько часов до собрания. Я хочу тебе кое-что показать. Думаю, времени хватит... если поспешим.

Кельсер обернулся и бросил на Доксона удивленный взгляд.

— Ну, я, вообще-то, собирался разобраться с моим капризным братом. Но...

— Это стоит того, чтобы потратить время, — пообещал Доксон.

*

Вин сидела в углу главного помещения тайного дома. Она держалась в тени, как обычно: чем реже она попадалась на глаза другим, тем меньше на нее обращали внимания. Она не могла позволить себе расхотать удачу на то, чтобы избежать мужских прикосновений. Она только-только успела восстановить потраченное несколько дней назад во время встречи с поручителем.

За столами собралось, как обычно, множество народа: кто-то играл в кости, кто-то обсуждал разные мелкие дела. Дым из десятков разнообразных трубок клубился под потолком, а стены потемнели после бесчисленных лет не слишком бережного обращения. Пол был черным от въевшейся золы и пепла. Как и большинство воровских шаек, команда Камона не славилась аккуратностью.

В конце комнаты находилась дверь, а за ней скрывалась винтовая каменная лестница, выводящая к фальшивому дождевому стоку в переулке. Это помещение, как и многие другие, скрытые в имперской столице Лютадели, считалось несуществующим.

Громкий смех донесся с той стороны комнаты, где вместе с полудюжиной доверенных друзей сидел за столом Камон, наслаждавшийся обычным послеобеденным пивом и грубыми шутками. Стол Камона стоял поблизости от бара, набитого страшно дорогим спиртным, — это был еще один простой способ, которым Камон эксплуатировал тех, кто на него работал. Криминальный мир Лютадели усвоил многие уроки, преподанные ему знатю.

Вин изо всех сил старалась оставаться невидимой. Шесть месяцев назад она и представить не могла, насколько ухудшится ее жизнь без Рина. Ведь, несмотря на то что брат то и дело взрывался гневом, он все равно защищал Вин от других членов шайки. В воровских сообществах было относительно мало женщин, и, как правило, те, кто втягивался в жизнь дна, становились проститутками. Рин постоянно твердил сестре, что девушке необходимо быть сильной — сильнее мужчин, — если она хочет выжить.

«Ты думаешь, хоть один главарь захочет иметь в своей команде обузу вроде

тебя? — говорил Рин. — Даже я не хочу с тобой работать, а я ведь твой брат!»

В спине Вин еще пульсировала боль: Камон высек ее накануне. Кровь окончательно испортила рубашку, но Вин не могла купить себе новую. Камон удерживал ее жалованье за долги, оставленные Рином.

«Но я сильная», — думала Вин.

Во всем этом крылась определенная ирония. Побои уже почти не причиняли ей боли, потому что постоянные наказания Рина сделали Вин нечувствительной, и в то же время благодаря брату Вин научилась выглядеть несчастной и сломленной. И в определенном смысле битье шло ей только на пользу. Синяки и шишки рассасывались, но каждый удар закалял Вин. Делал ее сильнее.

Камон встал. Он сунул руку в карман жилета и достал золотые часы. Кивнув одному из приятелей, он оглядел комнату, отыскивая... ее.

Его глаза остановились на Вин.

— Время пришло.

Вин нахмурилась: «Время для чего?»

*

Кантон финансов внушал уважение, — впрочем, в Стальном братстве все производило впечатление.

Высокое здание, сложенное из крупных каменных блоков. Фасад его украшало большое круглое окно, стекло которого снаружи казалось темным. Рядом с окном на стене были укреплены два больших флага, и сквозь сажу на красной ткани проступали хвалы Вседержителю.

Камон окинул здание изучающим взглядом. Вин ощутила его опасения. Кантон финансов был едва ли не самым опасным подразделением братства, хотя, конечно, кантон инквизиции и даже ортодоксальный кантон имели куда более зловещую репутацию. Однако добровольно войти в любое подразделение братства... отдать себя во власть поручителей... на такое

можно решиться только после серьезных раздумий.

Камон глубоко вздохнул и пошел вперед, при каждом шаге постукивая по бульжникам дуэльной тростью. Он был одет в костюм вельможи, и его сопровождало с полдюжины членов шайки — включая Вин, — изображавших его слуг.

Вин следом за Камоном поднялась по ступеням, потом подождала, пока один из воров поспешит открыть дверь перед «хозяином». Из шестерых сопровождающих только Вин, похоже, ничего не знала о планах Камона. Но ей показалось подозрительным то, что нигде не видно Ферона, предполагаемого партнера Камона в этой афере.

Вин вошла в здание кантона. Пульсирующий свет, красный с проблесками голубого, лился сквозь круглое окно. Одиноким поручителем с татуировками среднего ранга сидел за столом в конце просторного холла.

Камон подошел к нему, на ходу постукивая тростью по ковру.

— Я — лорд Джедуи, — сообщил он.

«Что ты творишь, Камон?! — подумала Вин. — Ты ведь говорил Ферону, что тебе совершенно незачем встречаться с преланом Лэйрдом в его кантоне. И тем не менее ты здесь!»

Поручитель кивнул, делая какую-то пометку в лежавшей перед ним книге. Потом махнул рукой, указывая в сторону:

— Вы можете взять с собой одного сопровождающего и пройти в палату ожидающих. Другие должны остаться здесь.

Камон презрительно фыркнул, давая понять, что думает о таком запрете. Однако поручитель даже не поднял глаз от книги учета. Камон немного постоял на месте, и Вин не сказала бы, действительно ли он разгневан, или это просто игра, часть роли негодующего лорда. Наконец Камон ткнул пальцем в сторону Вин.

— Пошли, — сказал он, поворачиваясь и ленивым шагом направляясь к указанной двери.

Комната за ней оказалась поистине роскошной, и в ней находилось несколько вельмож, ожидавших приема. Камон выбрал для себя кресло и опустился в него, потом ткнул пальцем в сторону стола, на котором стояли вино и пирожные, политые красной глазурью. Вин послушно принесла ему бокал вина и тарелку еды, не обращая внимания на терзавший ее голод.

Камон принялся жадно есть пирожные, причмокивая губами.

«Он нервничает. Нервничает куда сильнее, чем раньше».

— Как только мы туда войдем, ты должна молчать, — пробормотал Камон с набитым ртом.

— Ты предаешь Ферона, — прошептала Вин.

Камон кивнул.

— Но почему, зачем?

План Ферона был сложным по исполнению, но простым по замыслу. Каждый год братство вызывало свежее испеченных поручителей с северных тренировочных площадок на юг, в Лютадель, для получения окончательных инструкций. Однако Ферон выяснил, что служащие и их сопровождающие обычно везут с собой огромные суммы денег — замаскированные под обычный багаж, — чтобы сдать их на хранение в Лютадели.

Разбойные нападения в Последней империи представлялись весьма затруднительными, потому что вдоль всех водных маршрутов по каналу и реке постоянно курсировали патрули. Но если бы кто-то контролировал именно те суда, на которых плыли служители братства, грабеж стал бы вполне осуществимым. Просто нужно было выбрать подходящий момент... а потом стража вдруг напала бы на пассажиров... и ловкач получил бы огромную прибыль, а вину свалил бы на разбойников.

— У Ферона слабая команда, — тихо ответил Камон. — И он слишком потратился на эту затею.

— Но он же отомстит... — начала было Вин.

— Этого не случится, если я сейчас урву что смогу, а потом исчезну, — с

улыбкой сказал Камон. — Я уговорю поручителя выдать мне аванс — для приведения моих судов в порядок — и тут же сбегу, и пусть Ферон сам разбирается, когда братство обнаружит, что все это было просто мошенничеством.

Вин отступила на шаг, ошарашенная. Подготовка дела наверняка стоила Ферону тысяч и тысяч мер... и если сделка сорвется, он погибнет. А поскольку его тут же начнет преследовать братство, у него даже не будет времени, чтобы отомстить. Камон может в один момент получить неплохие деньги, а заодно избавится от одного из своих наиболее сильных конкурентов.

«Ферон был просто дураком, когда решил привлечь Камона к этому делу», — подумала Вин.

Но ведь Ферон обещал Камону весьма неплохое вознаграждение. Наверное, он рассчитывал, что жадность заставит Камона вести себя честно, пока Ферон не провернет свою авантюру. Камон просто действовал быстрее, чем кто-либо другой, даже быстрее, чем могла ожидать Вин. Откуда Ферону было знать, что Камон предпочтет сорвать сделку, вместо того чтобы ждать, когда можно будет наконец-то ограбить целый караван судов?

Желудок Вин судорожно сжался.

«Это просто очередное предательство, — с отвращением подумала она. — Почему же это так меня тревожит? Все и всегда предавали друг друга. Такова жизнь...»

Ей хотелось найти какой-нибудь уголок — тесный и тихий — и забиться в него. Остаться одной.

«Все будут предавать тебя. Все».

Но сбежать было некуда. Вскоре вошел младший поручитель и вызвал лорда Джедууи. Вин следом за Камоном направилась в приемный зал.

Человек, сидевший за столом, не был преланом Лэйрдом.

Камон помедлил в дверях. Комната была обставлена сурово, в ней

находился только один стол, а пол застилал простой серый ковер. Каменные стены ничто не украшало, единственное окно было шириной едва ли в ладонь. Поручитель, ждавший их, имел вокруг глаз самые затейливые татуировки, какие только видела в своей жизни Вин. Она даже не поняла, какой именно ранг они обозначают, но запутанные темные линии распространялись до ушей и по всему лбу поручителя.

— Лорд Джедуи, — сказал странный поручитель.

Как и Лэйрд, он был одет в серое, но притом ничуть не напоминал тех строгих чиновников, с какими Камон имел дело прежде. Этот был подтянут, чисто выбрит, а треугольное лицо придавало ему вид хищника.

— Мне почему-то казалось, что я должен встретиться с преланом Лэйрдом, — осторожно произнес Камон, все еще не проходя в комнату.

— Прелана Лэйрда вызвали по другим делам. Я — высший прелан Аррьев, и я возглавляю тот Совет, который рассматривал ваше предложение. Вам представилась редкая возможность обратиться лично ко мне. Обычно я не выслушиваю просителей, но отсутствие Лэйрда вынудило меня взять на себя часть его работы.

Вин инстинктивно напряглась.

«Мы должны уйти отсюда. Сейчас же».

Камон надолго застыл на месте, и Вин видела, как он соображает. Сбежать прямо сейчас? Или все же рискнуть ради большого куша? Вин не интересовалась прибылями, она просто хотела жить. Однако Камон не стал бы главарем воровской шайки, если бы не умел рисковать. Он медленно шагнул вперед и сел напротив поручителя, настороженно глядя на него.

— Ну что ж, высший прелан Аррьев, — негромко заговорил он, — я полагаю, что если уж меня пригласили сюда, то Совет рассмотрел мое предложение?

— Разумеется, мы его рассмотрели, — ответил поручитель. — Хотя должен признать, некоторые из членов Совета считают, что опасно иметь дело с семьей, столь близкой к экономическому краху. Братство, как правило, проводит финансовые операции только на верняка.

— Да, понимаю.

— Но, — продолжил Аррьев, — в Совете есть и те, кто с интересом отнесся к выгодам вашего предложения.

— И к какой части Совета относитесь вы, ваша милость?

— Я пока что не решил. — Поручитель наклонился вперед. — Именно поэтому я и сказал, что вам представилась редкая возможность. Убедите меня, лорд Джедуи, и получите свой контракт.

— Наверняка прелан Лэйрд уже изложил вам вкратце суть моего предложения, — сказал Камон.

— Да, но я предпочел бы услышать доказательства от вас лично. Ну, давайте.

Вин нахмурилась. Она осталась в дальнем конце комнаты, рядом с дверью, все еще наполовину убежденная, что ей следует удрать.

— Ну? — повторил Аррьев.

— Мы нуждаемся в этом контракте, ваша милость, — заговорил Камон. — Без него мы не сможем продолжать нашу судоходную деятельность. Ваш контракт дал бы нам время, необходимый период стабильности — и шанс привести в порядок свои караваны, пока мы ищем другие контракты.

Аррьев мгновение-другое внимательно изучал взглядом Камона.

— Уверен, вы способны на большее, лорд Джедуи. Лэйрд говорил, вы умеете убеждать... так позвольте и мне услышать доказательства того, что вы заслуживаете нашего покровительства.

Вин настроила свою удачу. Она может заставить Аррьева стать более доверчивым... но что-то ее остановило. Она почуяла неладное.

— Но это наилучший для вас выбор, ваша милость, — сказал Камон. — Вы боитесь, что мой Дом слишком пострадал от финансовых неудач? Даже если так, что теряете вы? В худшем случае вам придется найти другого перевозчика. Но если вашего покровительства будет достаточно, чтобы

восстановить положение моего Дома, тогда вы получите долгосрочный и очень выгодный контракт.

— Да, понимаю, — небрежно бросил Аррьев. — Но почему именно братство? Почему вы не обратились куда-нибудь еще? Уверен, вы могли бы найти с кем заключить сделку... с какими-то дельцами, которые ухватились бы за выгодное предложение.

Камон нахмурился:

— Тут дело не в деньгах, ваша милость, а в том, чтобы победить обстоятельства... приобрести уверенность... а именно ее мы получим, если у нас будет контракт с братством. Если вы доверяете нам, то и другие тоже поверят. Я просто нуждаюсь в вашей поддержке.

Камон уже вспотел. Возможно, он пожалел о том, что начал игру. Неужели за этой странной встречей стоит Ферон?

Поручитель молча ждал. Он мог уничтожить их обоих, Вин это знала. Если бы он только заподозрил, что его пытаются обмануть, то сразу отправил бы их в кантон инквизиции. Многие знатные люди входили в здание этого кантона — и уже не выходили обратно.

Стиснув зубы, Вин осторожно потянулась и прикоснулась удачей к поручителю, успокаивая его подозрения.

Аррьев улыбнулся.

— Ладно, вы меня убедили, — неожиданно заявил он.

Камон испустил вздох облегчения.

— В вашем последнем письме, — продолжал Аррьев, — говорится, что вы нуждаетесь в трех тысячах мер аванса для замены такелажа и возобновления судоходных операций. Подойдите к писцу в главном холле, чтобы он зарегистрировал эту бумагу и вы могли подать заявку на необходимую сумму.

Поручитель выдернул из стопки толстый официальный лист и поставил в его нижней части печать. Потом протянул бумагу Камону:

— Ваш контракт.

Камон широко улыбнулся.

— Отправляясь в братство, я знал, что поступаю мудро, — сказал он, беря контракт.

Потом встал, уважительно кивнул поручителю и жестом приказал Вин открыть перед ним дверь.

Вин повиновалась.

«Что-то тут не так. Что-то тут здорово не так!»

Она приостановилась, когда Камон проходил мимо нее, и оглянулась на поручителя. Тот все еще улыбался.

Довольный поручитель всегда считался дурным знаком.

Однако никто не остановил их, когда они проходили через зал ожидания, наполненный знатными людьми. Камон зарегистрировал контракт и официально вручил его соответствующему писцу, и все равно не появились солдаты, чтобы арестовать его и Вин. Писец извлек небольшой ящик, наполненный монетами, и с безразличным видом протянул его Камону.

Когда же они наконец вышли из здания кантона, Камон оглядел своих спутников с явным облегчением. Ни тебе сигналов тревоги, ни топота солдатских ног. Они были свободны. Камон успешно надул и братство, и другого воровского главаря.

Похоже, что надул.

*

Кельсер сунул в рот еще одно маленькое пирожное с красной глазурью и принялся жевать с довольным видом. Жирный вор и его тощая сопровождающая прошли через комнату ожидания и скрылись за дверью в главный холл. Тот поручитель, что разговаривал с двумя жуликами, остался в своем кабинете, ожидая, видимо, следующего просителя.

— Ну? — спросил Доксон. — Что думаешь?

Кельсер посмотрел на пирожные.

— Они довольно хороши, — сказал он, беря еще одно. — Братство всегда обладало отменным вкусом... ну, они ведь могут позволить себе закуски высшего качества.

Доксон закатил глаза:

— О девочке, Кел!

Кельсер улыбнулся, сгреб в ладонь сразу четыре пирожных и кивнул в сторону двери. В зале ожидания было слишком много народу, чтобы обсуждать столь деликатную тему. Когда они направились к выходу, Кельсер задержался возле поручителя-секретаря, сидевшего в углу, и сообщил, что им придется прийти в следующий раз.

Потом они пересекли холл у входа, пройдя мимо воровского главаря, говорившего с писцом. Кельсер вышел на улицу, натянул на голову капюшон, защищаясь от по-прежнему сыпавшегося пепла, и сразу же пересек улицу. Он остановился рядом с переулком, там, откуда они с Доксоном могли наблюдать за выходом из здания кантона.

Кельсер с удовольствием ел печенье.

— А как ты вообще о ней узнал? — спросил он, жуя.

— От твоего брата, — ответил Доксон. — Камон несколько месяцев назад пытался надуть его и привел с собой эту девочку. Вообще-то, маленький талисман Камона уже обретает скромную известность в определенных кругах. Я до сих пор не уверен, что он знает, что она такое. Ты ведь в курсе, какими суеверными нынче стали воры.

Кельсер кивнул, отряхивая ладони:

— А откуда ты знал, что она сегодня будет здесь?

Доксон пожал плечами:

— Несколько мелких взяток. Я следил за девочкой с тех пор, как Марш показал ее мне. И я хотел дать тебе возможность самому увидеть ее за работой.

На другой стороне улицы распахнулась дверь здания кантона, и появился Камон, окруженный толпой «слуг». Маленькая, коротко стриженная девушка тоже шла вместе с ними. Ее вид заставил Кельсера нахмуриться. Она явно сильно нервничала, она даже подпрыгнула, когда кто-то рядом сделал слишком резкое движение. На правой стороне ее лица все еще бледнел почти сошедший синяк.

Кельсер оглядел самоуверенного Камона.

«Я просто обязан сотворить с ним нечто особенное», — подумал Кельсер.

— Бедняжка, — пробормотал Доксон.

Кельсер усмехнулся:

— Ну, скоро она от него избавится. Просто чудо, что ее до сих пор никто не обнаружил.

— Значит, твой брат прав?

Кельсер кивнул:

— Она в любом случае туманчик, а если Марш утверждает, что она представляет собой нечто большее, я склонен ему верить. Я только немного удивлен, что она решилась применить алломантию к члену братства, да еще прямо в здании кантона. Полагаю, она не осознает своей силы, даже когда ее использует.

— Разве это реально? — спросил Доксон.

— Да, — ответил Кельсер. — В воде попадаются малюсенькие частички металлов, которые можно поджигать, хоть силы в них всего ничего. И это, кстати, одна из причин, почему Вседержитель построил свою столицу именно здесь, — тут очень много металлов в почве. Я бы сказал...

Кельсер умолк на полуслове и слегка нахмурился. Что-то было не так. Он

посмотрел вслед Камону и его команде. Они все еще виднелись вдали, как раз переходили улицу, удаляясь в южном направлении.

В дверях кантона появилась фигура. Уверенного вида человек имел вокруг глаз татуировки высшего прелана кантона финансов. Возможно, именно с ним недавно встречался Камон. Поручитель вышел из здания в сопровождении второго мужчины.

Доксон внезапно вздрогнул и застыл.

Второй человек был высок и крепко сложен. Когда он повернулся, Кельсер заметил металлические стержни, торчавшие из глаз мужчины. Толщиной ровно в ширину зрачка, эти похожие на гвозди металлические прутья были настолько длинны, что их острые концы на дюйм торчали сзади из бритой головы мужчины. Плоские наверхия сверкали спереди, как два серебряных диска, — там, где полагалось быть глазам.

Это был Стальной инквизитор.

— А этот что здесь делает? — спросил Доксон.

— Стой спокойно, — быстро произнес Кельсер, стараясь не двигаться с места.

Инквизитор посмотрел на них. Его металлические глаза сначала изучили Кельсера и лишь потом обернулись вслед уходящему Камону и девушке. Как все инквизиторы, он имел замысловатые татуировки вокруг глаз — в основном черные, с одной яркой красной линией, — и они означали, что он обладает весьма высоким чином в кантоне инквизиции.

— Он не за нами, — сказал Кельсер. — Я ничего не воспламенял... он примет нас за парочку аристократов.

— Девушка, — выдохнул Доксон.

Кельсер кивнул:

— Ты говоришь, Камон давно затеял авантюру с братством? Ну, значит, девушку заметил кто-то из поручителей. Они обучены распознавать алломантические вмешательства.

Доксон задумчиво нахмурился. На другой стороне улицы инквизитор о чем-то совещался с поручителем, потом они вместе повернулись и направились в ту сторону, куда ушел Камон. Они явно не спешили.

— Должно быть, они приставили к ним хвост, — предположил Доксон.

— Это братство, — напомнил Кельсер. — Значит, там по меньшей мере два хвоста.

— Да, — согласился Доксон. — И Камон приведет их напрямик к своему логову. Десятки людей погибнут. Они, конечно, не самые достойные граждане, но...

— Они на свой лад тоже борются с Последней империей, — сказал Кельсер. — Кроме того, я не позволю вероятной рожденной туманом ускользнуть от нас... Я хочу поговорить с девочкой. Ты разберешься с хвостами?

— Я говорил, что веду скучную жизнь, Кел, — ответил Доксон. — Но форму не потерял. С парочкой шпииков братства я уж точно справлюсь.

— Хорошо.

Кельсер сунул руку в карман плаща и достал маленький флакон. Там в спиртовом растворе плавали крошечные чешуйки разных металлов. Железо, сталь, олово, пьютер, медь, бронза, цинк и латунь — все восемь основных алломантических металлов. Кельсер вытащил пробку из флакона и одним глотком осушил его.

Спрятав в карман опустевший пузырек, он вытер губы.

— Я разберусь с инквизитором.

Доксон глянул на него с опаской:

— Ты попытаешься его схватить?

Кельсер отрицательно качнул головой:

— Слишком опасно. Просто отвлеку его. Ну а теперь вперед... мы ведь не

хотим, чтобы шпики нашли тайный дом.

Доксон кивнул.

— Встретимся потом на пятнадцатом перекрестке, — сказал он, прежде чем нырнуть в переулок и исчезнуть за углом.

Кельсер мысленно сосчитал до десяти, давая другу время, а потом поджег металлы. Его тело наполнилось силой, чистотой и мощью.

Кельсер улыбнулся. Потом, отдельно разжигая цинк, он выбросил силу вперед и решительно вцепился в эмоции инквизитора. Тварь застыла на месте, потом развернулась назад, лицом к зданию кантона.

«Что ж, давай мы с тобой устроим погоню», — подумал Кельсер.

3

Мы прибыли в Террис в начале этой недели, и, надо сказать, местность тут прекрасная. Величественные горы на севере — со снежными вершинами и лесистыми склонами — высятся, словно боги-хранители, над зеленой плодородной землей. Мои родные края на юге в основном плоские, равнинные. Думаю, они могли бы выглядеть не такими унылыми, если бы их разнообразили несколько холмов.

Здесь живут в основном скотоводы, хотя попадаются и лесорубы, и фермеры. И все равно это край пастухов. И кажется очень странным, что именно эти столь откровенно земледельческие места могли породить пророчества и божественных существ, от которых теперь зависит весь мир.

Камон пересчитал монеты, по одной опуская золотые меры в небольшой ящичек, стоявший на столе. Он все еще выглядел ошеломленным — но, впрочем, это было вполне естественно. Три тысячи мер представляли собой огромную сумму — куда большую, чем Камон мог заработать даже в самый удачный год. Его ближайшие помощники сидели за столом рядом с ним, эль — и хохот — лились рекой.

Вин забилась в свой угол, пытаясь понять, в чем причина ее страха. Три тысячи мер. Братство ни за что не должно было отдать такую большую сумму. Прелан Аррьев выглядел слишком умным, чтобы можно было так легко одурачить его.

Камон опустил в ящичек еще одну монету. Вин никак не могла разобраться, то ли он от большой глупости выставляет напоказ свое богатство, то ли от большого ума. Все шайки дна соблюдали строгое правило: каждый получал долю добычи в соответствии со своим положением. И хотя у иных возникало время от времени желание убить главаря и захватить его деньги, тем не менее удачливый главарь мог обеспечить добычей всех. Убей его — и лишишься будущих доходов... не говоря уж о том, что на тебя обрушится ярость остальных членов шайки.

И все же три тысячи мер... они могли соблазнить даже самого осторожного вора. И вообще все было неправильно.

«Я должна выбраться отсюда, — думала Вин. — Сбежать от Камона, из этой берлоги, на случай если что-то произойдет».

И... куда она пойдет? Одна? Вин до сих пор никогда не оставалась одна, рядом всегда был Рин. Это он вел ее из города в город, и они присоединялись к разным воровским шайкам. Да, Вин любила уединение. Но мысль о том, чтобы оказаться в одиночестве в столице, ужасала ее. Именно поэтому она никогда не пыталась убежать от Рина; именно поэтому она оставалась с Камоном.

Она не могла уйти. Но она должна была это сделать. Вин смотрела из угла, изучая взглядом комнату. В их шайке было не слишком много людей, к которым она испытывала привязанность. И все же нашлась бы парочка тех, кому ей не хотелось бы причинить вред, случись поручителям действительно заинтересоваться их командой. Несколько мужчин, никогда не пытавшихся оскорбить ее или даже — что, конечно, редкость — по-своему проявлявших к ней доброту.

Улеф стоял во главе этого списка. Он не был ей другом, но он стал Вин ближе всех после того, как Рин сбежал. Если бы он пошел с ней, она бы, по крайней мере, не осталась одна. Вин осторожно встала и направилась туда, где Улеф пил пиво вместе с другими молодыми ворами.

Она потянула Улефа за рукав. Улеф обернулся: он был еще почти не пьян.

— Вин?

— Улеф, — прошептала она, — нам надо уйти.

Он нахмурился:

— Уйти? Куда?

— Просто уйти, — сказала Вин. — Отсюда.

— Сейчас?

Вин настойчиво кивнула.

Улеф оглянулся на своих приятелей: те хихикали, бросая

многозначительные взгляды на Вин и Улефа.

Улеф вспыхнул:

— Ты хочешь, чтобы мы куда-то пошли, только ты и я?

— Я не о том, — сказала Вин. — Просто... ну мне необходимо уйти из берлоги. А я не хочу оставаться одна.

Улеф сердито наклонился к ней, от него жутко разило пивом.

— Что это значит, Вин? — тихо спросил он.

Вин немного помолчала.

— Я... я думаю, что-то должно случиться, Улеф, — прошептала она наконец. — Что-то связанное с поручителями. Я просто не хочу сейчас находиться в берлоге.

Улеф мгновение-другое сидел неподвижно, глядя на нее.

— Ладно, — сказал он. — И сколько времени это продлится?

— Я не знаю, — ответила Вин. — По меньшей мере до вечера. Но мы должны уйти. Сейчас же!

Улеф неторопливо кивнул.

— Задержись тут на минутку, — шепнула Вин, поворачиваясь.

Она бросила взгляд на Камона, который хохотал над собственной шуткой. Потом она осторожно прошла через перепачканную золой и пеплом прокуренную комнату и скрылась в задней части берлоги.

Жилая часть воровского тайного дома состояла из голого длинного коридора, по обе стороны которого лежали матрасы. Здесь было тесно и неуютно, но все же намного лучше, чем в холодных переулках, где приходилось ночевать Вин в те годы, когда они с Рином путешествовали.

«Может, мне опять придется спать на улице», — подумала Вин.

Но она ведь сумела выжить на улице. Выживет и теперь.

Она подошла к своему тюфяку. Из соседнего помещения доносился приглушенный смех и пьяные выкрики мужчин. Вин опустилась на колени, чтобы собрать пожитки. Если что-то случится с шайкой, она уже не вернется в берлогу. Никогда. Но она не может забрать тюфяк прямо сейчас — это был бы слишком откровенный поступок. Так что ей оставалось взять только маленькую коробку, в которой помещалось все ее личное имущество: по камешку из каждого города, где она побывала, сережка, о которой Рин говорил, что она осталась от мамы, и кусочек вулканического стекла размером с крупную монету. Он имел неопределенную форму, и Рин всегда носил его с собой в качестве талисмана. Это была единственная вещь, которую оставил брат, когда сбежал полгода назад. И бросил ее.

«Он всегда говорил, что сделает это, — строго напомнила себе Вин. — Я и не думала, что он действительно уйдет... именно поэтому он просто обязан был так поступить».

Она сжала осколок обсидиана в ладони, а камешки сунула в карман. Серьгу она вдела в ухо. Вещица была совсем простой: маленький гвоздик, не стоящий даже того, чтобы его украсть. Именно поэтому Вин не боялась оставлять сережку в спальном помещении. Но все же Вин редко надевала ее, боясь, что украшение сделает ее более женственной.

Денег у Вин не водилось, но Рин научил ее рыться в отбросах и попрошайничать. И то и другое было довольно сложным делом в Последней империи, особенно в Лютадели, но, если придется, Вин найдет способ выкрутиться.

Вин оставила коробку и матрас на месте и снова выскользнула в главную комнату. Возможно, она напрасно суетится, возможно, ничего и не случится с шайкой... Но если все же... ну, если Рин и научил ее чему-то полезному, так это беречь собственную шкуру. Взять с собой Улефа было неплохой идеей. У него есть знакомые в Лютадели. И если что-то произойдет с командой Камона, Улеф, наверное, заберет ее с собой...

Вин застыла в центре главной комнаты. Улефа не было у того стола, где она его оставила. Он стоял около бара. Рядом с... Камоном!

— Это еще что такое? — Камон встал, его лицо стало красным, как солнце.

Оттолкнув табурет, он резко шагнул к Вин. Он уже основательно напился.

— Бежать задумала? Выдать меня братству?

Вин бросилась к двери, ведущей к лестничному колодцу, отчаянно пробираясь между столами и членами команды.

Табурет, запущенный Камоном, ударил ее в спину и сбил на пол. Острая боль вспыхнула между лопаток. Несколько воров восторженно заорали, когда табурет, отскочив от спины Вин, со стуком упал на доски пола.

Вин лежала, плохо соображая. А потом... нечто внутри ее — нечто, о чем она знала, но чего не понимала, — придало ей сил. Головокружение мгновенно прошло, боль превратилась в сосредоточение. Вин неловко поднялась на ноги.

Камон был уже рядом. Он ударил ее по лицу, как только она встала. Голова Вин дернулась от удара, шея изогнулась с такой силой, что от боли Вин едва не упала снова.

Камон наклонился над ней, одной рукой сгреб за рубашку и подтащил к себе, одновременно занося кулак. У Вин не было времени, чтобы думать или говорить. Она могла сделать только одно. И, бешеным усилием собрав всю свою удачу, она швырнула ее в Камона, умиряя его ярость.

Камон пошатнулся. На мгновение его взгляд смягчился, пальцы почти разжались.

Но гнев тут же вернулся в его глаза. Бешеный. Пугающий.

— Будь ты проклята, дрянь! — пробормотал он, хватая Вин за плечи и встряхивая. — Твой поганый братец никогда не уважал меня, и ты такая же! Я был слишком мягок с вами обоими. Мне следовало...

Вин вертелась, пытаясь вырваться, но Камон держал ее крепко. Она в отчаянии оглянулась на других членов шайки, заранее зная, что увидит. Безразличие. Все отвернулись, кое-кто выглядел смущенным, но не сочувствующим. Улеф стоял рядом со столом Камона, и вид у него был слегка виноватый.

Вин показалось, что она слышит звучащий в голове голос. Голос Рина.

«Дура! Безжалостность — самое логичное из чувств. Ты не должна иметь друзей на дне. У тебя никогда не будет друзей на дне!»

Вин опять попыталась вырваться, но Камон ударил ее, сбив с ног. Удар был слишком сильным, Вин не могла вздохнуть.

«Надо терпеть. — (Мысли путались в ее голове.) — Он не убьет меня. Я ему нужна».

Однако когда Вин с трудом перевернулась, то обнаружила, что в комнате как будто потемнело, а Камон навис над ней и его пьяное лицо пылает бешенством. Она поняла, что в этот раз все будет по-другому: простыми побоями дело не кончится. Камон ведь решил, что Вин собралась выдать его братству. И вышел из себя.

В его глазах горела жажда убийства.

«Пожалуйста!» — в отчаянии подумала Вин, нашаривая свою удачу, пытаюсь пустить ее в ход.

Но отклика не услышала. Удача, как и следовало ожидать, предала ее.

Камон наклонился, что-то бормоча себе под нос, и схватил Вин за плечо. И тут же размахнулся другой рукой — жирные пальцы сжались в кулак, мускулы напряглись, пот лился по его лицу, и одна капля, соскользнув с подбородка, упала на щеку Вин.

В нескольких футах от них внезапно дрогнула и распахнулась дверь, выведившая в лестничный колодец. Поднятая рука Камона замерла, когда он оглянулся на дверь, желая знать, какой невезучий воришка решил ровно в этот момент вернуться в берлогу.

Вин воспользовалась моментом. Не обратив внимания на вошедшего, она попыталась отползти от Камона, но оказалась слишком слаба. Ее лицо горело от пощечины, на губах Вин ощущала вкус крови. Ее плечо было неловко вывернуто, бок отчаянно болел от удара об пол. Она попробовала оторвать от себя руку Камона, но тут силы окончательно покинули ее, как и удача. Боль вдруг разрослась, став еще более пугающей, более...

настойчивой.

Она в отчаянии посмотрела на дверь. Дверь так близко... очень близко! Вин почти удалось сбежать. Еще бы несколько шагов...

И тут она увидела человека, молча стоявшего в дверном проеме. Он был ей незнаком. Высокий, с ястребиным лицом и светлыми волосами, незнакомец был одет в свободный костюм знатного человека с накинутым поверх просторным плащом. Ему было, пожалуй, лет тридцать пять на вид. При нем не было ни шляпы, ни дуэльной трости.

И выглядел он очень-очень разгневанным.

— Это еще что такое? — резко спросил Камон. — Ты кто?

«Как он нашел спуск вниз? — подумала Вин, пытаясь собраться с силами. Боль. Она умеет справляться с болью. — Поручители... может, это они прислали его?»

Незнакомец посмотрел на Вин, и выражение его лица немного смягчилось. Потом он перевел взгляд на Камона — и его глаза потемнели.

Весь гнев Камона мигом растаял, когда он внезапно отлетел назад, как будто его ударило мощным невидимым кулаком. Его рука выпустила плечо Вин, и он грохнулся на пол так, что затрещали доски.

В комнате стало тихо.

«Надо убираться отсюда», — подумала Вин, заставляя себя подняться на колени.

Камон в нескольких футах от нее застонал от боли, и Вин отползла подальше, забившись под свободный стол. В берлоге имелся еще и тайный выход, люк за дальней стеной. Вот если бы доползти туда...

И вдруг Вин ощутила бесконечный покой. Это чувство как будто внезапно упало на нее, заставив ее собственные эмоции умолкнуть, словно их смела чья-то рука. Страх погас, как задутая свеча, и даже боль потеряла значение.

Она замедлила движение, пытаясь понять, из-за чего так переполошилась.

Потом встала и замерла, глядя на люк. Дышала она тяжело, и голова у нее слегка кружилась.

«Камон только что пытался убить меня! — вспомнила она. — Кто-то чужой ворвался в берлогу. Я должна бежать!»

Однако ее чувства не сочетались с логикой. Ее охватила... безмятежность. Ей было спокойно. И еще она была весьма удивлена.

Кто-то использовал удачу, и объектом ее приложения стала она, Вин.

Вин каким-то образом это поняла, хотя никогда не ощущала на себе воздействие удачи. Она остановилась возле стола, положив руку на деревянную поверхность, потом медленно обернулась. Незнакомец все еще стоял в дверном проеме и изучающе рассматривал ее. А потом он вдруг улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

«Что происходит?»

Чужак наконец шагнул в комнату. Шайка Камона замерла за столами. Все выглядели удивленными, но не особо встревоженными.

«Он их всех окатил удачей. Но... как ему удастся держать под контролем такое количество людей сразу?»

Вин никогда не могла накопить много удачи, ее хватало только на случайные короткие толчки.

Когда незнакомец вошел в комнату, Вин наконец заметила второго человека, стоявшего за его спиной. Этот второй не производил особого впечатления. Он был ниже ростом, с коротко подстриженными прямыми волосами и небольшой темной бородкой. Он тоже носил дворянскую одежду, но не такую нарядную.

Камон на другой стороне комнаты застонал и сел, держась за голову. И посмотрел на вошедших.

— Мастер Доксон! Да уж, это сюрприз!

— Действительно, — согласился тот, что пониже ростом.

Вин сосредоточилась, сообразив, что уже видела его где-то.

«Кантон финансов. Они оба сидели в комнате ожидания, когда мы с Камоном выходили».

Камон наконец поднялся на ноги, не отрывая взгляда от светловолосого незнакомца. Камон посмотрел на руки мужчины, сплошь покрытые странными пересекающимися шрамами.

— Вседержитель!.. — прошептал Камон. — Выживший в Хатсине!

Вин нахмурилась. Обращение было ей незнакомо. Должна ли она знать этого человека? Ушибы и раны все еще болели, несмотря на захлестнувший ее покой, а голова слегка кружилась. Она оперлась о стол, но садиться не стала.

Кем бы ни был светловолосый чужак, Камон явно счел его важной персоной.

— Что ж, мастер Кельсер, — сказал Камон. — Это редкая честь для нас!

Чужак — Кельсер — покачал головой:

— Знаешь, мне не очень-то хочется тебя слушать.

Камон хрюкнул от боли, когда снова полетел на пол. Кельсер при этом и пальцем не пошевелил. Однако Камон валялся на полу, как будто его сбила с ног невидимая сила.

Камон умолк, а Кельсер обвел взглядом комнату:

— Остальные знают, кто я?

Многие из членов шайки кивнули.

— Хорошо. Я пришел в вашу берлогу, потому что вы, друзья, по-крупному задолжали мне.

В комнате стояла абсолютная тишина, если не считать стонов Камона. Наконец кто-то решился заговорить:

— Мы... что-то должны вам, мастер Кельсер?

— Разумеется. Видите ли, мы с мастером Доксоном только что спасли ваши жизни. Ваш недалекий главарь около часа назад вышел из кантона финансов и отправился напрямик сюда. А за ним шло два шпиона братства, а следом за шпионами — прелан высокого ранга и... Стальной инквизитор.

Все молчали, словно онемев.

«Вседержитель!» — мысленно воскликнула Вин.

Она оказалась права... она просто не сумела вовремя сообразить. Если там был один из инквизиторов...

— С инквизитором я управился, — продолжил Кельсер и немного помолчал, давая ворам осмыслить услышанное.

Кто мог так легко сообщить, что «управился» с инквизитором? Об этих существах говорили, что они бессмертны, умеют заглядывать в человеческую душу, а главное, они — непобедимые воины...

— И я требую соответствующей платы за свою услугу, — закончил Кельсер.

Камон на этот раз не встал: он явно сильно ударился и теперь плохо соображал. Все остальные продолжали молчать. Наконец Милев — темнокожий мужчина, ближайший помощник Камона — взял со стола ящик с золотыми мерами и шагнул к Кельсеру, протягивая ему деньги.

— Это то золото, что Камон получил в кантоне, — пояснил Милев. — Три тысячи мер.

«Милев страшно хочет угодить ему, — подумала Вин. — Да, тут нечто большее, чем просто удача... или это такая удача, какой я не умею пользоваться».

Кельсер немного помолчал и взял ящичек.

— Ты кто?

— Милев, мастер Кельсер.

— Хорошо, главарь Милев, я приму плату, если ты еще кое-что для меня сделаешь.

— И что именно? — спросил Милев после небольшой паузы.

Кельсер кивнул в сторону чуть живого Камона:

— Разберись с ним.

— Разумеется, — ответил Милев.

— Я хочу, чтобы он жил, Милев, — пояснил Кельсер, поднимая палец и грозя новому вожаку, — но не хочу, чтобы он наслаждался жизнью.

Милев согласно кивнул.

— Мы заставим его попрошайничать на улице. Вседержитель не одобряет эту профессию... так что Камону нелегко придется в Лютадели.

«Милев все равно избавится от него, как только Кельсер отойдет достаточно далеко».

— Хорошо, — сказал Кельсер, открыл ящичек с монетами и стал отсчитывать золотые меры. — Ты весьма перспективный человек, Милев. Быстро соображаешь и не такой пугливый, как другие.

— Мне уже приходилось иметь дело с туманчиками, мастер Кельсер, — ответил Милев.

Кельсер кивнул.

— Докс, — сказал он, обращаясь к своему спутнику, — где у нас пройдет встреча?

— Я думал, что в лавке Колченога.

— Я не назвал бы это нейтральной территорией, — покачал головой Кельсер. — Особенно если он решил не иметь с нами дел.

— Верно.

Кельсер посмотрел на Милева:

— У меня в этом районе будет одно дельце. И было бы неплохо заручиться поддержкой местных. — Он держал пригоршню монет, примерно сотню мер. — Мы хотим арендовать на вечер твой тайный дом. Можно это устроить?

— Конечно, — ответил Милев, с готовностью принимая деньги.

— Вот и славно, — кивнул Кельсер. — Теперь уходите.

— Уходить? — неуверенно переспросил Милев.

— Ну да. Забирай своих людей, и бывшего главаря не забудь, и уходи. Мне нужно поговорить наедине с госпожой Вин.

В комнате снова повисла напряженная тишина. Похоже, не одну Вин удивило то, что Кельсеру известно ее имя.

— Ну, все слышали? — рявкнул Милев.

Он жестом приказал нескольким громилам подхватить Камона и погнал всех к лестнице. Вин с опаской наблюдала за ними. Этот Кельсер явно обладал властью, а инстинкты твердили ей, что с такими людьми следует держать ухо востро. Знал ли он о ее удаче? Очевидно, да, иначе зачем ему разговаривать с ней наедине?

«Как этот Кельсер намерен меня использовать?» — думала она, потирая ушибленное плечо.

— Кстати, Милев, — небрежно бросил Кельсер, — когда я говорил «наедине», я имел в виду, что за мной не будут шпионить те четверо, что прячутся за дальней стеной. Будь добр, заberi их с собой.

Милев побледнел.

— Слушаюсь, мастер Кельсер.

— Вот и хорошо. В переулке ты найдешь двух мертвых шпионов братства. Ради нас всех — окажи любезность, избавься от трупов.

Милев молча кивнул, поворачиваясь к выходу.

— Да, Милев... — добавил Кельсер. Милев обернулся. — Позаботься, чтобы никто из твоих людей не выдал нас. За твоей шайкой уже присматривает Стальное братство... не наживай себе еще и такого врага, как я.

Милев снова кивнул — резко, коротко — и исчез в лестничном колодце, плотно прикрыв за собой дверь. Несколько мгновений спустя Вин услышала шаги: кто-то выходил из тайной комнаты. Потом все стихло. Она осталась наедине с человеком, который умудрился напугать толпу воров и головорезов.

Вин посмотрела на дверь. Кельсер наблюдал за ней. Что он сделает, если она попытается сбежать?

«Он утверждает, что убил инквизитора, — думала Вин. — И... у него есть удача. Я должна остаться здесь, хотя бы для того, чтобы выяснить, что ему известно».

Улыбка Кельсера стала шире, и он расхохотался.

— Докс, это все слишком смешно!

Второй мужчина, которого Камон называл Доксоном, фыркнул и двинулся в другой конец комнаты. Вин напряглась, но он направлялся не к ней, а к бару.

— Ты и раньше был невыносим, Кел, — сказал Доксон. — Даже не знаю, что делать с твоей новой репутацией. Во всяком случае, не уверен, что смогу держаться подобающим образом.

— Ты просто завидуешь.

— Верно, — согласился Доксон. — Я ужасно завидую твоей способности управляться с мелкими жуликами. Но знаешь, я бы сказал, что ты чересчур жестоко обошелся с Камоном.

Кельсер сел за один из столов. Веселье его быстро угасло.

— Ты же видел, что он делал с девочкой.

— Вообще-то, нет, — сухо ответил Доксон, шаря на полках бара. — Кто-то загородил мне обзор.

Кельсер пожал плечами:

— Посмотри на нее, Докс. Бедняжку избили почти до потери сознания. Так что я не испытываю симпатии к толстяку.

Вин стояла на том же месте, внимательно наблюдая за чужаками. Теперь ее раны снова дали о себе знать пульсирующей болью. Между лопатками, наверное, будет гигантский синяк... да и лицо все еще горело от сильной пощечины. И голова немного кружилась.

Кельсер посмотрел на нее. Вин стиснула зубы. Боль. Она умеет справляться с болью.

— Тебе что-нибудь нужно, детка? — спросил Доксон. — Может, холодную примочку на лицо?

Вин не ответила, сосредоточив все внимание на Кельсере.

«Ну же, давай! Скажи, что тебе нужно. Начни свою игру».

Доксон, не дождавшись ответа, пожал плечами и отвернулся к бару. Через мгновение-другое он извлек пару бутылок.

— Что-то стоящее? — поинтересовался Кельсер, поворачиваясь в его сторону.

— А сам как думаешь? — усмехнулся Доксон. — Вкус у Камона не слишком изысканный, даже среди воров есть ценители получше. Так что это вино... самогон и тот приличнее.

Кельсер вздохнул:

— Ладно, все равно налей мне стаканчик. — Он снова посмотрел на Вин.

— Ты хочешь чего-нибудь?

Вин промолчала.

Кельсер улыбнулся:

— Да не беспокойся ты... мы вовсе не такие страшные, как думают твои друзья.

— Вряд ли они ее друзья, Кел, — бросил из-за стойки бара Доксон.

— Верное замечание, — согласился Кельсер. — Ну, это не важно. Тебе незачем нас бояться, детка. Вот разве что Доксондохнет на тебя...

Доксон закатил глаза:

— Ну да, или Кел возьметесь шутить.

Вин стояла все так же неподвижно и молча. Она могла изобразить слабость, даже обморок, как она делала, общаясь с Камоном, но инстинкт подсказывал ей, что этих двоих на мякине не проведешь. Поэтому она просто стояла на месте, пытаясь оценить ситуацию.

Ее снова охватило спокойствие. Ей как будто предлагали расслабиться, проникнуться доверием, сделать то, что ей предложат...

«Нет!»

Она не двинулась с места.

Кельсер вскинул брови.

— Этого я не ожидал.

— Чего? — поинтересовался Доксон, наполняя вином стакан.

— Ничего, — отмахнулся Кельсер, все так же пристально глядя на Вин.

— Ты хочешь выпить или нет, девушка? — спросил Доксон.

Вин опять промолчала. Всю жизнь, сколько Вин себя помнила, она

обладала удачей. Удача делала ее сильной, давала превосходство над другими ворами. Но Вин никогда не понимала, что это такое и как ей удастся применять удачу. И теперь логика и инстинкты твердили ей одно и то же: она должна выяснить, что известно чужаку.

Каким бы образом он ни намеревался ее использовать, каковы бы ни были его планы, она обязана все выдержать. Она должна разобраться, как он сумел обрести такую силу.

— Я буду эль, — сказала она наконец.

— Эль? — переспросил Кельсер. — Вот как?

Вин кивнула, осторожно поглядывая на него:

— Да, мне он нравится.

Кельсер почесал подбородок.

— С этим придется поработать, — заявил он. — Ну все равно садись.

Слегка поколебавшись, Вин прошла вперед и села за маленький стол напротив Кельсера. Ее раны болели, но она не собиралась показывать свою слабость. Слабость убивает. Она должна сделать вид, что не замечает боли. Впрочем, когда она села, ее голова почти перестала кружиться.

Мгновение спустя к ним присоединился Доксон; он поставил перед Кельсером стакан вина, а перед девушкой — кружку пива. Но она не стала пить.

— Кто ты такой? — тихо спросила она.

Кельсер приподнял одну бровь:

— А ты, похоже, не любишь ходить вокруг да около?

Вин не ответила.

Кельсер вздохнул:

— А я так старался быть загадочным!

Доксон тихонько фыркнул, и Кельсер улыбнулся:

— Меня зовут Кельсер. Можешь считать меня главарем воровской шайки... только моя команда — это нечто большее. Людям вроде Камона нравится думать, что они — хищники, которые кормятся от знати и разных подразделений братства.

Вин покачала головой:

— Не хищники. Падальщики.

Кто-нибудь мог подумать, что в непосредственной близости от самого Вседержителя любая преступность невозможна. Но Рин давно объяснил ей, что на самом деле все наоборот: вокруг Вседержителя собралась самая влиятельная и богатая знать. А там, где есть власть и богатство, есть и теневой мир, особенно с тех пор, как Вседержитель стал обращаться со знатными людьми совсем иначе, чем со скаа. Видимо, благодаря той привязанности, которую он испытывал к их предкам.

В любом случае воровские шайки вроде той, что возглавлял Камон, были крысами, кормившимися отбросами города. Как и крыс, их не удавалось полностью истребить, особенно в таком огромном и густонаселенном городе, как Лютадель.

— Падальщики, — с улыбкой повторил Кельсер: похоже, он часто улыбался. — Да, подходящее определение, Вин. Ну, мы с Доксом тоже падальщики... только уровнем повыше. Можно сказать, мы другой породы... или более честолюбивы.

Вин нахмурилась:

— Вы знатные люди?

— Вседержитель, нет! — воскликнул Доксон.

— Или по крайней мере, не чистой крови, — уточнил Кельсер.

— Полукровок не существует — так говорят, — осторожно произнесла Вин. — Братство охотится за ними.

Кельсер бросил на нее насмешливый взгляд:

— Полукровок вроде тебя?

Вин как будто ударили.

«Откуда он...»

— Даже Стальное братство совершает ошибки, Вин, — сказал Кельсер. — Если они не заметили тебя, могли не заметить и других.

Вин после паузы задумчиво произнесла:

— Милев. Он назвал тебя туманщиком. Это нечто вроде алломанта?

Доксон посмотрел на Кельсера.

— А она сообразительна, — с одобрением заявил невысокий мужчина.

— Да, в самом деле, — согласился Кельсер. — Милев назвал нас туманщиками, Вин, однако он поспешил одарить нас этим именем. По-настоящему ни Докс, ни я — не туманщики. Однако мы ведем с ними кое-какие дела.

Вин замерла под изучающими взглядами двух мужчин. Алломантия. Таинственная сила, которой обладают знатные люди... ее даровал им Вседержитель около тысячи лет назад в награду за их преданность. Это было основной государственной доктриной, даже скаа вроде Вин прекрасно ее знали. Аристократия обладала алломантией и особыми правами благодаря своим предкам, по той же причине скаа несли вечное наказание.

Но по правде говоря, Вин совершенно не представляла себе, что такое алломантия. Похоже, это имело какое-то отношение к боевым искусствам. Она слышала, что один туманщик, как называют обладающих алломантической силой, способен убить целую воровскую шайку. Впрочем, знакомые скаа рассказывали об этой силе шепотом и с опаской. И до нынешнего момента она не задумывалась о том, что алломантия — это, возможно, то же самое, что ее удача.

— Скажи-ка, Вин, — заговорил Кельсер, с любопытством наклоняясь вперед, — ты сама понимаешь, что сделала с поручителем в кантоне финансов?

— Я использовала свою удачу, — тихо ответила Вин. — Я заставила его немного успокоиться.

— Или стать менее подозрительным, — уточнил Кельсер. — Чтобы его легче было надуть.

Вин кивнула.

Кельсер погрозил ей пальцем:

— Тебе следует многому научиться. Но первый урок я дам прямо сейчас. Никогда не используй свою эмоциональную алломантию против поручителей. Они обучены распознавать эту силу, они сразу видят, когда ими пытаются манипулировать. Даже высшей знати запрещено так или иначе воздействовать на чувства поручителей. Это именно из-за тебя поручитель послал за инквизитором.

— И молись, чтобы эта тварь окончательно потеряла твой след, — негромко добавил Доксон, прихлебывая вино.

Вин побледнела.

— Ты ведь убил инквизитора?

Кельсер покачал головой:

— Я просто отвлек его ненадолго... но и это уже достаточно опасно. Не беспокойся так, большинство слухов об инквизиторах — чистая выдумка. И раз уж он потерял тебя, то больше не найдет.

— Скорее всего, — тихо сказал Доксон.

Вин с опаской посмотрела на невысокого мужчину.

— Скорее всего, — согласился Кельсер. — Мы очень многого не знаем об инквизиторах, они, похоже, не подчиняются общим правилам. Эти штыри в

глазах, например, должны были бы убить их. И все мои знания об алломантии никак не объясняют, почему они остаются в живых. Да... Если бы за тобой отправили обычного туманщика-ищейку, вообще не стоило бы беспокоиться. Но инквизитор... что ж, тебе придется быть осторожной. Хотя, конечно, это ты умеешь.

Вин нервно поерзала на табурете. Кельсер кивнул на ее кружку с пивом:

— Ты не пьешь.

— Вы могли что-нибудь туда подсыпать, — буркнула Вин.

— О, мне незачем заниматься подобными вещами, — с улыбкой сказал Кельсер, доставая что-то из кармана. — Ты просто сама, добровольно выпьешь вот эту таинственную жидкость.

Он поставил на стол маленький флакончик. Вин, нахмурившись, уставилась на него. В жидкости, на самом дне, осели какие-то темные крупинки.

— Что это? — спросила она.

— Если я скажу, никакой загадки не останется, — ответил Кельсер, посмеиваясь.

— В этом пузырьке, — вздохнув, сообщил Доксон, — спиртовой раствор и металлическая пыль.

— Металлическая? — недоуменно переспросила она.

— Здесь два из восьми основных алломантических металлов, — пояснил Кельсер. — Мы должны провести эксперимент.

Вин продолжала пристально смотреть на флакон. Кельсер пожал плечами.

— Ты выпьешь это, если хочешь побольше узнать о своей удаче.

— Сначала сам половину выпей, — потребовала Вин.

Кельсер вздернул брови:

— Похоже, у тебя паранойя.

Вин промолчала.

Наконец Кельсер, вздохнув, потянулся к флакону. Он вытащил пробку.

— Встряхни сначала, — сказала Вин. — Чтобы тебе досталась часть осадка.

Кельсер поднял глаза к потолку, но послушно встряхнул флакон, влил в себя половину его содержимого и со стуком поставил на стол.

Вин продолжала хмуриться. Потом перевела взгляд на Кельсера: тот улыбался. Он знал, что завоевал девочку. Он продемонстрировал ей свою силу, разбудил в Вин любопытство.

«Подчиняться владеющим силой можно только по одной причине: чтобы однажды научиться тому, что умеют они» — так говорил Рин.

Вин протянула руку, взяла флакон и решительно проглотила жидкость. И замерла, ожидая какого-то магического превращения или прилива сил... или хотя бы признаков отравления. Но ничего не почувствовала.

«Как-то это... скучно», — подумала она, откидываясь на спинку стула, и просто так, из любопытства, потянулась к своей удаче.

И тут же ее глаза изумленно расширились.

Удача была внутри, но она стала похожей на большой слиток золота. Запас силы был огромным, превосходившим понимание Вин. Прежде ей всегда приходилось экономить свою удачу, ограничивать себя, использовать ее по капельке. А теперь Вин ощущала себя как умирающая от голода женщина, внезапно попавшая на пир в знатный дом. Вин выпрямилась, ошеломленная, всматриваясь в огромное богатство внутри себя.

— Ну же, — негромко сказал Кельсер, — испытай ее. Пригаси меня.

Вин осторожно потянулась мыслью внутрь себя, касаясь неожиданно обретенной бездны удачи. Зачерпнув немножко, она бросила удачу в Кельсера.

— Неплохо. — Кельсер нетерпеливо наклонился вперед. — Но мы уже знаем, что ты умеешь это делать. Теперь проведем настоящую проверку, Вин. Способна ли ты проделать нечто другое? Ты можешь смягчить мои чувства, но можешь ли ты разжечь их?

Вин нахмурилась. Она никогда не использовала удачу подобным образом, она даже и не осознавала, что ей это доступно. А почему он так волнуется?..

Преисполнившись подозрения, Вин коснулась своего источника удачи и тут же заметила кое-что интересное. То, что она вначале приняла за один огромный источник силы, оказалось на самом деле двумя источниками. Это были два разных типа удачи.

«Восемь. Он сказал, металлов восемь. Но... что тогда делают остальные?»

Кельсер ждал. Вин потянулась ко второму, незнакомому источнику удачи и так же, как делала прежде, направила удачу на Кельсера.

Улыбка Кельсера растянулась до ушей, он выпрямился и посмотрел на Доксона:

— Вот так! Она это сделала!

Доксон покачал головой:

— Если честно, Кел, я не знаю, что и думать. Мне и одного тебя более чем достаточно. А уж если таких станет двое...

Вин подозрительно посмотрела на него, прищурившись:

— Двое каких?

— Даже среди знатных людей алломантия — редкость, Вин, — заговорил Кельсер. — По правде сказать, это наследственное искусство, и среди знати есть несколько сильных родов. Однако кровь еще не гарантирует обретения алломантической силы. Многие знатные люди владеют только одним из восьми базовых аспектов алломантии. И тех, кто это умеет, называют туманщиками. Иногда сила проявляется в скаа — но только в тех скаа, в которых течет благородная кровь, причем кровь ближайших предков. Один

туманщик приходится примерно на... примерно на десять тысяч скаа-полукровок. Чем ближе родственник знатной крови и чем сильнее кровь, тем более вероятно, что скаа родится туманщиком.

— Кем были твои родители, Вин? — спросил Доксон. — Ты их помнишь?

— Меня вырастил мой сводный брат Рин, — смущенно ответила Вин.

Это была не та тема, которую стоило обсуждать с посторонними.

— Он что-нибудь рассказывал о твоих отце и матери? — задал Доксон новый вопрос.

— Так, немножко, — призналась Вин. — Рин говорил, наша мать была шлюхой. Не то чтобы она сама выбрала этот путь, просто в нижнем мире...

— Она умолкла, не договорив.

Однажды мать пыталась убить ее, когда Вин была еще совсем маленькой. Вин почти не помнила этого. Ее спас Рин.

— А что насчет отца? — поинтересовался Доксон.

Вин посмотрела ему прямо в глаза:

— Он высший прелан Стального братства.

Кельсер негромко присвистнул.

— Подумать только — такой человек забыл о своем долге. Какая ирония!..

Вин уставилась в стол и наконец протянула руку, взяв свою кружку с пивом и сделав основательный глоток.

Кельсер улыбнулся:

— Большинство высших поручителей братства — очень знатные люди. Твой отец вместе с кровью передал тебе редкий дар.

— Так, значит... я одна из тех туманщиков, о которых ты говорил?

Кельсер отрицательно качнул головой:

— Вообще-то, нет. Как раз поэтому ты нас так и интересуешь. Туманчики обладают только одной алломантической силой. А ты только что доказала, что владеешь двумя. А если у тебя есть по крайней мере две из восьми, то ты можешь открыть в себе и остальные. Так уж устроено: если ты алломант, то ты обладаешь или всего одной силой, или получаешь их все.

— Кельсер наклонился вперед. — В общем, Вин, ты — из тех, кого обычно называют рожденной туманом. Даже среди знати такие люди чрезвычайно редки. А уж среди скаа... ну, достаточно сказать, что я за всю жизнь видел только одного скаа — рожденного туманом.

В комнате стало намного тише. И намного спокойнее. Вин смотрела на свою кружку, не видя ее. Рожденные туманом. Она слышала разговоры о них, конечно. Легенды.

Кельсер и Доксон сидели молча, не мешая Вин думать. Но вот наконец она заговорила:

— Ну и... что все это значит?

Кельсер улыбнулся:

— Это значит, что ты, Вин, весьма необычная персона. У тебя есть сила, которой позавидуют даже высшие вельможи. И если бы ты родилась аристократкой, эта сила могла бы сделать тебя одной из самых влиятельных и смертельно опасных фигур во всей Последней империи. — Он опять наклонился поближе к Вин. — Но ты не аристократка. Ты не знатная леди, Вин. И ты не обязана играть по их правилам... а это делает тебя еще более могущественной.

4

Очевидно, следующая часть моего путешествия пройдет в высокогорьях Терриса. Говорят, это холодное, безжалостное место — земля, где горы сотворены из льда.

Наши слуги не отправятся в это путешествие. Нам, видимо, придется нанять террисийских носильщиков, чтобы они обо всем позаботились.

— Ты слышал, что он сказал?! Он задумал какое-то дело! — Глаза Улефа сверкали от возбуждения. — Вот интересно, на какой из Великих Домов он задумал напасть?

— Это будет один из самых могущественных, — заявил Дистен, охранник Камона.

У него не было одной кисти, но он обладал самыми зоркими глазами и самым острым слухом во всей шайке.

— Кельсер никогда не опускается до мелочей.

Вин сидела молча, ее кружка с элем — все та же, которую дал ей Кельсер, — стояла перед ней почти полная. Но теперь за ее столом было полно народу: Кельсер позволил вора́м вернуться в их дом незадолго до того, как должно было начаться собрание, на котором он хотел присутствовать. Однако Вин предпочла бы остаться в одиночестве. Жизнь с Рином приучила ее к одиночеству, ведь, если кто-то становится слишком близок тебе, у него появляется больше возможностей предать тебя.

И даже после исчезновения Рина Вин предпочитала держаться сама по себе. Она не хотела куда-то бежать, однако не испытывала и потребности сблизиться с другими членами воровской шайки. А они в ответ охотно оставляли ее в одиночестве. Положение Вин было сомнительным, и связываться с ней никому особо не хотелось, чтобы заодно с девушкой не попасть в неприятности. Только Улеф делал попытки подружиться с ней.

«Если ты позволишь кому-то подойти слишком близко, то тебе только больнее будет, когда этот человек предаст тебя». Голос Рина как будто

шептал эти слова в голове Вин.

Но был ли Улеф ее настоящим другом? Он с такой легкостью предал ее! А остальные члены команды просто приняли как должное и избиение Вин, и ее мгновенное спасение, ни один и словом не обмолвился о том, что все они предали ее и отказались ей помочь. Они всего лишь поступали так, как требовали обстоятельства.

— Выживший в Хатсине давно уже не брался ни за какую работу, — сказал Хармон, старый взломщик с жидкой бородкой. — За последние годы его видели в Лютадели всего несколько раз. И вообще-то, он не соглашался на работу с тех пор, как...

— Так это в первый раз? — пылко перебил его Улеф. — Первый раз после того, как он сбежал из Ям? Тогда это должно быть нечто совершенно особенное!

— Он что-нибудь говорил об этом, Вин? — спросил Дистен. — Вин! — Он помахал перед ней искалеченной рукой, стараясь привлечь внимание.

— А? — встрепенулась Вин, поднимая взгляд.

Она уже слегка привела себя в порядок после побоев Камона, приняв от Доксона носовой платок, чтобы вытереть кровь с лица. Но с синяками, конечно, она ничего поделать не могла. В них все так же пульсировала боль. Вин только надеялась, что у нее ничего не сломано.

— Кельсер, — повторил Дистен. — Он что-нибудь говорил о том, какое дело задумал?

Вин покачала головой и посмотрела на окровавленный носовой платок, лежавший у нее на коленях. Кельсер и Доксон ушли совсем недавно, но обещали вернуться, когда она обдумает их слова. В их словах таился некий скрытый смысл, некое... обещание. Что бы они ни задумали, ее приглашали поучаствовать.

— И вообще, почему он выбрал именно тебя? — спросил Улеф. — Он что-нибудь говорил об этом?

Вот, значит, как они поняли: решили, что Кельсер выбрал ее посредником

для общения с шайкой Камона... то есть Милева.

Дно Лютадели делилось на две части. Одну из них составляли воровские шайки вроде той, что собрал Камон. А другую... Другая часть состояла из особенных людей. Это были группы чрезвычайно умелых преступников, или чрезвычайно безрассудных, или же невероятно талантливых. Из алломантов.

Две эти составляющие никогда не смешивались: профессиональные воры предпочитали держаться сами по себе. Однако время от времени группы туманщиков нанимали воровские шайки для каких-нибудь не слишком сложных дел, и тогда они выбирали посредника, который работал с обеими командами. И Улеф решил, что Вин станет именно таким посредником.

Члены шайки заметили наконец, что Вин не хочет отвечать на вопросы, и перешли к другой интересной теме: туманщикам. Об алломантах воры говорили не слишком уверенно, понизив голос, а Вин с неловкостью слушала. Как можно представить, что она имеет отношение к тому, о чем люди говорят с благоговейным страхом? Ее удача... ее алломантия... была чем-то незначительным, чем-то таким, что помогало ей выживать, но все равно очень важным для нее.

«Но такая сила...» — подумала Вин, заглядывая в свои запасы удачи.

— Интересно, чем занимался Кельсер в последние годы? — сказал Улеф.

В начале общего разговора он вроде бы слегка смущался, глядя на Вин, но это быстро прошло. Да, он предал ее, но таково дно. Никаких друзей.

«Однако между Кельсером и Доксоном отношения как будто другие. Они, похоже, доверяют друг другу».

Может, так просто кажется? Или они составляют одну из тех редких шаек, где не принято предавать своих?

Но самым непонятным и тревожащим казалось Вин то, что Кельсер и Доксон были так откровенны с ней. Они как будто хотели доверять Вин, даже принять ее в свой круг, и это после такого короткого знакомства... Вин не верила в их искренность... на дне никто не выжил бы, придерживаясь такой тактики. И все же их дружелюбие привело ее в

замешательство.

— Два года, — сказал Хруд, молчаливый плосколицый головорез. — По-видимому, он все это время готовился к делу.

— Ну, это должно быть нечто особенное! — предположил Улеф.

— Расскажите мне о нем, — тихо попросила Вин.

— О Кельсере? — уточнил Дистен.

Вин кивнула.

— А что, на юге о Кельсере ничего не знают?

Вин отрицательно покачала головой.

— Он был главарем лучшей шайки во всей Лютадели, — пояснил Улеф. — Просто легенда, даже среди туманщиков. Он ограбил несколько самых богатых Великих Домов в столице.

— И?.. — вопросительно произнесла Вин.

— И кто-то его предал, — негромко сказал Хармон.

«Ну конечно, как же иначе!» — подумала Вин.

— Кельсера схватил сам Вседержитель, — продолжал Улеф. — И отправил его с женой в Ямы Хатсина. Но Кельсер сбежал оттуда. Он сбежал из Ям, Вин! Он единственный, кому это удалось!

— А его жена? — спросила Вин.

Улеф посмотрел на Хармона, но тот покачал головой:

— Ей не удалось.

«Значит, он тоже кого-то потерял. Как же он может все время смеяться? Да еще так искренне?»

— Именно там он заработал свои шрамы, понимаешь? — сказал Дистен. —

Ну, на руках. Это из Ям, ему ведь пришлось карабкаться вверх по скалам, по отвесной стене, чтобы сбежать.

Хармон фыркнул:

— Да нет, он их заработал иначе. Он убил инквизитора, когда удирал... оттуда у него и шрамы.

— А я слышал, это следы зубов одного из тех чудищ, что охраняют Ямы, — вставил Улеф. — Кельсер сражался с ним, а потом сунул руки ему в пасть и задушил его изнутри. А руки ободрал о зубы.

Дистен нахмурился:

— Как можно задушить кого-то изнутри?

Улеф пожал плечами:

— Ну, я просто слышал такую историю.

— Он странный человек, — пробормотал Хруд. — Что-то с ним случилось там, в Ямах, что-то дурное. Он ведь прежде не был алломантом, как вы знаете. Когда он попал в Ямы, он был обычным скаа, а теперь... Теперь он наверняка туманщик — и не совсем человек. Он слишком много времени провел в тумане, вот в чем дело. Кое-кто поговаривает, что настоящий Кельсер давно мертв, а то, что носит его личину... короче, это не он.

Хармон покачал головой:

— Это просто сказки, которые так любят скаа на плантациях. Все мы выходим в туман.

— Но не в тот туман, что за городом, — настойчиво произнес Хруд. — Там есть туманные призраки, которые захватывают людей и отбирают у них лица. Это точно!

Хармон закатил глаза.

— Хруд прав в одном, — сказал Дистен. — Кельсер — не человек. Он, может, и не туманный призрак, но уже и не скаа. Я слышал, он проделывает

такие вещи, которые могут только они. Те, что выходят ночью. Вы же сами видели, что он сотворил с Камоном.

— Рожденный туманом, — пробормотал Хармон.

«Рожденный туманом». Конечно, Вин слышала это название еще до того, как его обронил Кельсер. Да и кто не слышал? По сравнению со слухами о рожденных туманом байки про инквизиторов и туманщиков казались чистой правдой. Говорили, что рожденные туманом — посланцы тумана как такового, а великой силой их наделил не кто иной, как Вседержитель. Только самые высокопоставленные вельможи были рожденными туманом: они якобы являлись тайными убийцами, служившими Вседержителю, и выходили на улицы лишь по ночам. Рин всегда говорил ей, что это полная чушь, и Вин ему верила.

«Но Кельсер сказал, что я, как и он, одна из них».

Как это могло быть? Она ведь никто, просто дочь проститутки. Никто и ничто.

«Никогда не доверяй человеку, принесшему хорошие новости, — частенько повторял Рин. — Это самый древний и самый легкий способ обмануть кого угодно».

Да, но у нее есть удача. Алломантия. Вин все еще ощущала внутри тот запас, который возник благодаря флакончику Кельсера, и тут же испробовала свои силы на членах воровской шайки. Она обнаружила, что теперь у нее куда больше удачи и что она может воздействовать на людей намного сильнее.

Вин начала понемногу понимать, что ее прежняя цель — просто остаться в живых — уже не так воодушевляет. Она ведь могла сделать куда больше. Прежде она была рабыней Рина; потом — рабыней Камона. И она готова стать рабыней этого Кельсера, если он в итоге приведет ее к свободе.

Милев, сидевший за своим столом, посмотрел на карманные часы и встал:

— Ладно, пора двигать отсюда.

Комнату быстро прибрали, готовя ее к назначенному Кельсером собранию.

Вин осталась на месте: Кельсер ясно дал всем понять, что она приглашена на эту встречу. Вин еще какое-то время сидела молча: помещение, на ее взгляд, стало куда более приятным, когда его покинула воровская братия. А немного погодя начали прибывать друзья Кельсера.

Первый, с коротко стриженными волосами, показался Вин здоровенным, как солдат. На нем была свободная рубашка без рукавов, выставлявшая напоказ руки с рельефными мышцами. Да, мускулы его впечатляли, но двигался он при этом плавно и грациозно.

С ним явился человек, одетый как вельможа — в сливового цвета жилет с золотыми пуговицами и черное пальто. Дополняла его облик шляпа с узкими полями и дуэльная трость. Он был старше солдата и слегка полноват. Войдя в комнату, он снял шляпу. Его черные волосы были уложены в безупречную прическу. Мужчины о чем-то говорили между собой, но, войдя в пустую комнату, сразу замолчали.

— А это, должно быть, наш посредник, — сказал наконец мужчина в дорогом костюме. — Кельсер уже здесь, милая?

Он говорил так, словно они с Вин были давними друзьями. И Вин вдруг почувствовала (вопреки собственному желанию), что ей нравится этот хорошо одетый, вежливый человек.

— Нет, — негромко ответила она.

До сих пор свободные штаны и рабочая рубашка вполне ее устраивали, но тут ей неожиданно захотелось иметь одежду получше. Внешний вид незнакомца как бы требовал более официальной обстановки.

— Следовало бы сообразить, что Кел непременно опоздает на встречу, которую сам назначил, — проговорил солдат, усаживаясь за один из столов поближе к центру комнаты.

— Да, действительно, — согласился мужчина в дорогой одежде. — Но полагаю, его опоздание нам не мешает. Я был бы не против что-нибудь выпить...

— Позвольте предложить вам, — быстро сказала Вин, вскакивая.

— Как это мило с твоей стороны, — улыбнулся нарядно одетый человек, садясь рядом с солдатом.

Он закинул ногу на ногу, а трость поставил рядом, опустив ладонь на набалдашник.

Вин приблизилась к бару и стала выбирать бутылку.

— Бриз... — предостерегающе произнес солдат, когда Вин нашла бутылку с самым дорогим из вин Камона и начала разливать его по стаканам.

— А? — недоуменно вскинул брови второй.

Солдат кивнул на Вин.

— Ну ладно, ладно, — со вздохом произнес мужчина в костюме.

Вин замерла, едва не пролив вино, и слегка нахмурилась.

«Что это я делаю?»

— Клянусь, Хэм, — сказал мужчина в костюме, — ты иной раз бываешь ужасным занудой.

— То, что ты способен воздействовать на кого-то, не означает, что именно это тебе и следует делать, Бриз.

Вин, ошеломленная, стояла на месте.

«Он... он бросил в меня удачу».

Когда Кельсер пытался управлять ею, она почувствовала его прикосновение и сумела воспротивиться. Но на этот раз она даже не успела осознать, что делает!

Она, прищурившись, посмотрела на мужчину в дорогом костюме:

— Ты — рожденный туманом.

Мужчина, которого звали Бриз, усмехнулся:

— Это вряд ли. Кельсер единственный скаа — рожденный туманом, другого тебе вряд ли удастся встретить, дорогая... И молись, чтобы никогда в жизни не столкнуться со знатным рожденным туманом. Нет, я обычный скромный туманщик.

— Скромный? — переспросил Хэм.

Бриз пожал плечами.

Вин посмотрела на отчасти наполненный вином стакан.

— Ты потянул за мои чувства. Я хочу сказать... своей алломантией.

— Скорее, я на них надавил, — уточнил Бриз. — Когда за чувства тянут, человек становится менее доверчивым и более решительным. А когда на них слегка давят, сглаживают, это располагает к тебе человека.

— Да какая разница... ты манипулировал мной, — произнесла Вин. — Ты заставил меня предложить тебе выпить.

— Я бы не сказал, что я тебя заставил, — возразил Бриз. — Я просто чуть-чуть изменил твои чувства, повернул их так, чтобы ты сделала то, что мне хотелось.

Хэм почесал подбородок:

— Ну не знаю, Бриз. Вообще-то, вопрос интересный. Воздействуя на ее эмоции, не лишил ли ты ее возможности выбора? Если бы, например, она кого-нибудь убила или что-то украдала под твоим влиянием, чье это было бы преступление — твое или ее?

Бриз закатил глаза:

— Это не тема для обсуждения! И ты не должен думать о таких вещах, Хэммонд, это повредит твой мозг! Я лишь слегка приободрил ее, просто сделал это несколько необычным способом.

— Но...

— Я не намерен с тобой спорить, Хэм.

Мускулистый мужчина вздохнул с несчастным видом.

— Так ты дашь мне выпить? — с надеждой в голосе спросил Бриз, глядя на Вин. — Я хочу сказать, ты ведь уже взялась за дело, и тебе в любом случае надо вернуться и сесть где-нибудь...

Вин внимательно прислушалась к своим чувствам. Нет ли в ней неодолимого желания сделать то, о чем он просит? Может, он снова принялся манипулировать ею? Наконец она просто отошла от бара, оставив вино там, где оно стояло.

Бриз вздохнул. Но не встал и не взял выпивку сам.

Вин осторожно подошла к столу, за которым сидели мужчины. Она привыкла прятаться по углам — так, чтобы слышать все разговоры, но в то же время достаточно далеко, чтобы иметь шанс сбежать. Но она не сможет прятаться от этих двоих — во всяком случае, сейчас, пока никого другого в комнате нет. Она выбрала место за соседним столом и осторожно села. Ей нужно было многое узнать; до тех пор пока она ничего не знает, она будет находиться в весьма невыгодном положении в новом для нее мире туманщиков.

Бриз хихикнул:

— Немножко нервничаешь, малышка?

Вин не обратила внимания на его слова.

— Ты, — сказала она, посмотрев на Хэма. — Ты... тоже туманщик?

— Да, — кивнул тот. — Я громила.

Вин смущенно нахмурилась.

— Я поджигаю пьютер, — пояснил Хэм.

Но Вин и теперь ничего не поняла.

— Он может сделать себя намного сильнее, дорогая, — сказал Бриз. — Легко разбросать все вокруг... в основном людей, которые мешают нам

заниматься своими делами.

— Ну не все так просто, — сказал Хэм. — Я обеспечиваю безопасность наших дел, поставляю главарю людскую силу и бойцов, когда это необходимо.

— И еще он попытается уморить тебя своей доморощенной философией, как только ему представится возможность, — добавил Бриз.

Хэм покачал головой:

— Если честно, Бриз, я иногда и сам не понимаю, почему я...

Он замолчал, потому что дверь открылась и вошел еще один человек.

Он был одет в тусклое желтовато-коричневое пальто, темно-коричневые брюки и простую белую рубашку. Однако его лицо оказалось куда выразительнее одежды: сплошь в каких-то узлах и шишках, как старое дерево, а в глазах светилось неодобрение и недовольство, какое бывает только во взгляде стариков. Но Вин не смогла бы определить его возраст: с одной стороны, он был достаточно молод, чтобы держаться прямо, не сутулясь, а с другой — достаточно стар, чтобы Бриз, человек средних лет, выглядел рядом с ним молодо.

Вновь прибывший оглядел Вин и остальных, недовольно фыркнул, прошел к столу в другом конце комнаты и сел. Он заметно прихрамывал.

Бриз вздохнул:

— Мне будет не хватать Капкана.

— Нам всем будет его не хватать, — тихо сказал Хэм. — Впрочем, Колченог очень хорош. Я с ним работал раньше.

Бриз внимательно посмотрел на новичка:

— Интересно, а смогу ли я заставить его принести мне выпивку?..

Хэм хихикнул:

— Готов заплатить за зрелище.

Вин поглядела на мужчину, сидевшего в отдалении: тот выглядел абсолютно спокойным и не обращал внимания на нее и остальных.

— А кто он?

— Колченог? — откликнулся Бриз. — Он, моя милая, курильщик. Именно он скрывает нас от глаз инквизиторов.

Вин закусила нижнюю губу, взглядом изучая Колченога и переваривая новые сведения. Мужчина бросил на нее короткий взгляд, и она тут же отвернулась. И сразу заметила, что на нее смотрит Хэм.

— Ты мне нравишься, малышка, — сказал он. — Другие посредники, с которыми я работал, были либо слишком напуганы, чтобы разговаривать с нами, либо злились из-за того, что мы вторглись на их территорию.

— Да, действительно, — согласился Бриз. — Ты не похожа на большинство огрызков. Конечно, ты бы мне понравилась еще больше, если бы все-таки принесла стаканчик вина...

Вин, не обратив на него внимания, уставилась на Хэма:

— Огрызки?..

— Так иные из слишком самоуверенных членов нашего сообщества называют мелких воришек, — пояснил Хэм. — Зовут их огрызками, поскольку обычно вовлекают их в... наименее интересные проекты.

— Тут нет ничего оскорбительного, — добавил Бриз.

— Ох, мне наплевать на оскорбления... — Вин умолкла на полуслове, ощутив неожиданное желание доставить удовольствие хорошо одетому человеку, и уставилась на Бриза. — Прекрати!

— Ну вот, видишь, — сказал Бриз, посмотрев на Хэма, — она ничуть не утратила способности выбирать.

— Ты безнадежен.

«Они считают меня обычным посредником, — подумала Вин. — Значит, Кельсер не рассказывал им обо мне. Но почему?»

Может, момент был неподходящим? Или это слишком важный секрет, чтобы делиться им вот так сразу? Насколько можно доверять этим людям? Но если они считают ее простым «огрызком», почему они так милы с ней?

— Кого еще мы ждем? — спросил Бриз, поглядывая на дверь. — То есть кроме Кела и Докса, я хочу сказать.

— Йедена, — ответил Хэм.

Бриз скривился:

— Ах вот как!..

— Разделяю твои чувства, но могу поспорить, он точно так же относится к нам.

— Я вообще не понимаю, почему его пригласили, — сказал Бриз.

Хэм пожал плечами:

— Очевидно, он играет определенную роль в планах Кела.

— Ну да, его хитроумные планы, — задумчиво протянул Бриз. — Что же это за дело, что это?..

Хэм тряхнул головой:

— Ну, Кел всегда был излишне склонен к театральным эффектам.

— Да уж, действительно.

Через несколько мгновений дверь распахнулась и вошел тот, о ком они говорили, — Йеден. Он оказался весьма скромным с виду человеком, и Вин совершенно не поняла, почему двое других так недовольны, что его пригласили на встречу. Йеден, с вьющимися каштановыми волосами, был одет в простую серую одежду скаа и залатанное, перепачканное золой коричневое пальто рабочего. Он неодобрительно осмотрел комнату, но не

выказал и признака открытой враждебности, как Клабс, сидевший в другом конце комнаты и бросавший сердитые взгляды на любого, кто смотрел в его сторону.

«Не слишком большая компания, — подумала Вин. — С Кельсером и Доксоном получается всего шестеро».

Конечно, Хэм говорил, что он руководит группой «громил». Может, на собрание пришли только представители разных шаяек? Главари небольших специализированных групп? Некоторые воровские шайки работали именно так.

Бриз успел три раза посмотреть на карманные часы, прежде чем наконец явился Кельсер. Главарь туманщиков с шумом ворвался в дверь, а следом за ним не спеша вошел Доксон. Хэм сразу встал, широко улыбаясь, и за руку поздоровался с Кельсером. Бриз тоже поднялся, и, хотя его приветствие выглядело более сдержанным, Вин была вынуждена признать, что никогда не видела главаря, которого так радостно встречали бы его люди.

— Ах! — воскликнул Кельсер, глядя в дальнюю часть комнаты. — Колченог и Йеден тоже здесь. Значит, все собрались. Хорошо... я терпеть не могу ждать.

Бриз вопросительно поднял брови, когда они с Хэмом уселись снова, а Доксон занял место за этим же столом.

— Ну и как ты объяснишь свое опоздание?

— Мы с Доксоном навещали моего брата, — сказал Кельсер, направляясь в другой конец комнаты.

Он повернулся и прислонился спиной к стойке бара, внимательно оглядывая всех. Встретившись глазами с Вин, он подмигнул.

— Твоего брата? — переспросил Хэм. — А что, Марш тоже придет?

Кельсер и Доксон переглянулись.

— Не сегодня, — сказал Кельсер. — Но позже он присоединится к нам.

Вин посмотрела на остальных. Вид у них был откровенно недоверчивый.

«Похоже, у Кельсера проблемы с братом?»

Бриз поднял дуэльную трость и ткнул ею в сторону Кельсера.

— Хорошо, Кельсер, ты уже восемь месяцев держишь в тайне, что ты задумал. Мы только и знаем, что это нечто грандиозное, мы знаем, что ты весьма взволнован, и нас уже порядком достала вся эта секретность. Так почему бы тебе наконец не рассказать нам, в чем суть?

Кельсер улыбнулся. Он встал, выпрямившись во весь рост, и широким жестом указал на грязного, простоватого с виду Йедена.

— Господа, позвольте представить вам нашего нового нанимателя.

Это было откровенно шокирующее заявление.

— Он? — изумленно спросил Хэм.

— Он, — с кивком ответил Кельсер.

— А что? — впервые открыл рот Йеден. — Вам не по нраву работать с тем, у кого есть моральные принципы?

— Не в этом дело, дорогой мой, — сказал Бриз, кладя дуэльную трость себе на колени. — Видишь ли... мне почему-то казалось, что тебе не очень-то по нраву такие, как мы.

— Все верно, — ровным спокойным тоном ответил Йеден. — Вы себялюбивы, недисциплинированны, вы плевать хотели на остальных скаа. Вы хорошо одеты, но внутри вы грязны, как пепел.

Хэм фыркнул.

— Я уже догадываюсь, что работа будет иметь огромное значение для улучшения нашего морального облика.

Вин молча наблюдала за происходящим, покусывая нижнюю губу. Йеден явно был простым рабочим-скаа — возможно, из кузницы или с

текстильной фабрики. Какое он имеет отношение к миру дна? И... как он собирается заплатить за услуги воровской шайки, в особенности такой непростой, как команда Кельсера?

Наверное, Кельсер заметил ее смущение, потому что Вин вдруг обнаружила, что он смотрит на нее, пока остальные продолжают говорить.

— Я в недоумении, — сказал Хэм. — Йеден, мы все знаем, как ты относишься к ворам. Так что... почему ты решил нас нанять?

Йеден слегка покраснел.

— Потому что всем известно, как вы умеете работать, — сказал он в конце концов.

Бриз хихикнул:

— Да, понимаю. Как бы плохо ты ни относился к тому, что у нас нет морали, ты волей-неволей вынужден признавать наше искусство. Ну, что же это за работа? Чего хочет от нас скаа-мятежник?

«Скаа-мятежник?» — мысленно повторила изумленная Вин, и для нее тут же все встало на свои места, а непонятные намеки в разговоре сами собой прояснились.

Дно делилось на две части. Большинство его обитателей были ворами-одиночками, ворами из разношерстных шаек, проститутками и попрошайками, пытавшимися выжить в стороне от основной массы скаа.

Но, кроме них, были еще и мятежники. Люди, выступавшие против Последней империи. Рин всегда называл их дураками, и точно так же относилось к ним большинство и обитателей нижнего мира, и законопослушных скаа, с которыми приходилось встречаться Вин.

Все глаза постепенно обратились к Кельсеру, а он опять прислонился к стойке бара.

— Мятежные скаа, благодаря любезности их лидера Йедена, наняли нас для одного весьма специфичного дела.

— Какого? — спросил Хэм. — Грабежа? Убийства?

— Всего понемножку, — ответил Кельсер, — и в то же время ни того ни другого. Господа, мы еще ни разу не сталкивались с подобной работой. Ни одна из воровских шаек не сталкивалась. Мы поможем Йедену опрокинуть Последнюю империю.

Воцарилось молчание.

— Прошу прощения? — произнес наконец Хэм.

— Ты все правильно расслышал, Хэм, — сказал Кельсер. — Это и есть то, что я задумал, — разрушение Последней империи. Или по крайней мере, центра, который ею управляет. Йеден нанял нас, чтобы мы собрали для него армию и предоставили возможность захватить город.

Хэм откинулся на спинку стула и переглянулся с Бризом. Потом они оба повернулись к Доксону, и тот торжественно кивнул. В комнате довольно долго висела тишина, а потом вдруг Йеден громко расхохотался.

— Мне ни за что не следовало соглашаться на это, — сказал он, качая головой. — Теперь, когда ты произнес все вслух, я понял, как глупо это звучит.

— Поверь, Йеден, — заявил Кельсер. — Эти люди привыкли осуществлять планы, на первый взгляд казавшиеся очень глупыми.

— Может, это и правда, Кел, — заговорил Бриз, — но в данном случае я, пожалуй, соглашусь с нашим вечно недовольным другом. Разгромить Последнюю империю... да мятежные скаа уже тысячу лет пытаются это сделать! Что заставляет тебя думать, будто мы сумеем добиться того, чего не смогли добиться остальные?

Кельсер улыбнулся:

— Мы преуспеем, Бриз, потому что мы дальновидны. А именно дальновидности всегда и не хватало мятежникам.

— Не понял? — негодуя произнес Йеден.

— К несчастью, это правда, — сказал Кельсер. — Мятежники проклинают таких, как мы, за жадность, но при всей их высокой нравственности — к которой, кстати, я отношусь с большим уважением — они так ничего и не добились. Йеден, твои люди скрываются в лесах и горах, рассчитывая, что однажды восстанут и начнут победоносную войну против Последней империи. Но вы же понятия не имеете, как разработать стратегию и претворить ее в жизнь.

Лицо Йедена потемнело.

— А ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

— Вот как? — беспечно бросил Кельсер. — Скажи-ка, чего вы, мятежники, достигли за тысячу лет борьбы? Где ваши успехи, где ваши победы? Может, та резня в Тугьере три века назад, когда было уничтожено семь тысяч скаа? А может, я должен считать успехами то, что вы изредка нападаете на речные суда или похищаете мелких чиновников?

Йеден покраснел.

— Это лучшее, что мы можем сделать с имеющимися ресурсами. И нечего винить нас за неудачи... вини остальных скаа. Мы не в состоянии добиться от них даже помощи. Их унижали и избивали целое тысячелетие, в них совсем не осталось силы духа. Только один из тысячи соглашается хотя бы выслушать нас, не говоря уж о том, чтобы к нам присоединиться!

— Успокойся, Йеден, — сказал Кельсер, скидывая руку. — Я вовсе не пытаюсь оскорбить тебя. Мы заодно, помнишь? Ты и пришел ко мне потому, что тебе трудно набрать людей для армии.

— Я все больше и больше сожалею о том, что сделал, вор! — воскликнул Йеден.

— Ну ты ведь уже заплатил нам, — возразил Кельсер. — Так что отступить некуда. Мы снабдим тебя армией, Йеден. Люди, которых ты видишь в этой комнате, — самые искусные, самые умные и самые опытные алломанты в столице. Сам увидишь.

В комнате снова стало тихо. Вин сидела за своим столом, хмуро наблюдая за перепалкой.

«Что за игру ты затеял, Кельсер?»

За его словами о разгроме Последней империи явно что-то скрывалось. И больше всего это походило на то, что он намеревался обмануть мятежных скаа. Но... если ему уже заплатили, зачем продолжать игру?

Кельсер отвернулся от Йедена и посмотрел на Бриза и Хэма.

— Ну, господа, а вы что думаете?

Те переглянулись.

— Видит Вседержитель, я никогда не отказывался от вызова, — наконец произнес Бриз. — Но, Кел, я взываю к твоему разуму. Уверен ли ты, что мы на это способны?

— Абсолютно уверен, — заявил Кельсер. — Все предыдущие попытки свалить Вседержителя потерпели неудачу просто потому, что были неправильно организованы. Мы с вами воры, господа, и превосходные воры. Мы умеем забираться туда, куда забраться невозможно, и обманывать тех, кого прежде не удавалось обмануть. Мы знаем, что если взяться за невообразимую задачу, а потом разделить ее на части, то нетрудно справиться с каждой из частей. Мы знаем, как добиться желаемого. И все это делает нас незаменимыми в предстоящем деле.

Бриз нахмурился:

— И... сколько нам заплатят за то, что мы добьемся невозможного?

— Тридцать тысяч мер, — ответил Йеден. — Половину сейчас, половину — когда вы соберете армию.

— Тридцать тысяч? — недоверчиво повторил Хэм. — За такую гигантскую операцию? Да это даже расходов не покроет! Нам ведь придется шпионить среди знати, собирать слухи, нам понадобится парочка тайных домов, не говоря уж о том, что придется найти место, где можно будет спрятать и обучить целую армию...

— Нет смысла торговаться, вор! — резко перебил его Йеден. — Тридцать тысяч, возможно, и не кажутся большой суммой такому, как ты, но нам

понадобилось несколько десятилетий, чтобы собрать ее. Мы не можем заплатить больше, потому что это все, что у нас есть.

— Это благое дело, господа, — заметил Доксон, впервые открыв рот за все время переговоров.

— Ну да, еще бы! — сказал Бриз. — Я, вообще-то, считаю себя достаточно добрым малым. Вот только... как-то все это выглядит... слишком альтруистично. Я уж молчу о том, что это просто глупо.

— Ну, — неторопливо произнес Кельсер, — мы можем получить кое-что еще, кроме платы.

Вин вскинула голову, а Бриз улыбнулся.

— Сокровищница Вседержителя, — пояснил Кельсер. — По плану мы снабдим Йедена армией и поможем захватить столицу. И как только он доберется до дворца, он первым делом наложит руку на сокровищницу и воспользуется деньгами для дальнейших действий. Но в центральной части сокровищницы хранится...

— Атиум Вседержителя! — выдохнул Бриз.

Кельсер кивнул:

— По договору с Йеденом мы получим половину запасов атиума, найденных во дворце, как бы велики они ни были.

Атиум. Вин слышала об этом металле, но никогда не видела. Он был чрезвычайно редким, и предполагалось, что использовать его могут только очень знатные люди.

Хэм просиял.

— Ну что ж, — негромко сказал он, — это достаточно большой приз, чтобы поддаться искушению.

— Предполагается, что запасы атиума там огромны, — добавил Кельсер. — Вседержитель продает его очень маленькими кусочками и за каждый берет с вельмож фантастические суммы. Он просто вынужден иметь большой

запас атиума, чтобы держать контроль над рынком и быть уверенным: что бы ни случилось, богатства у него достаточно.

— Верно, — кивнул Бриз. — Но уверен ли ты, что хочешь ввязаться в подобную затею вскоре после того... что случилось во время нашей последней попытки проникнуть во дворец?

— На этот раз мы все сделаем по-другому, — ответил Кельсер. — Господа, я буду с вами откровенен. Дело предстоит нелегкое, но мы можем справиться. План весьма прост. Мы найдем способ нейтрализовать гарнизон Лютадели и оставим столицу без блюстителей закона. А потом ввергнем город в хаос.

— У нас уже есть парочка вариантов, как именно это сделать, — сказал Доксон. — Но их мы обсудим позже.

— Да, — согласился Кельсер. — Итак, когда в столице начнутся беспорядки, Йеден со своей армией войдет в Лютадель и захватит дворец, взяв в плен Вседержителя. Пока Йеден будет охранять город и дворец, мы стащим атиум. Половину отдадим ему, а с остальным просто исчезнем. И пусть он сам управляется с тем, что ему досталось.

— Звучит так, будто это малость опасно для тебя, Йеден, — заметил Хэм, поглядывая на вождя мятежников.

Тот передернул плечами:

— Возможно. Но если у нас каким-то чудом получится захватить дворец, мы, во всяком случае, сделаем то, что никогда еще не удавалось мятежным скаа. Для моих людей смысл не в богатстве и даже не в том, чтобы остаться в живых после операции. Смысл в том, чтобы совершить нечто грандиозное, нечто прекрасное, чтобы дать скаа надежду. Но не думаю, что вы способны это понять...

Кельсер бросил на Йедена предостерегающий взгляд, и тот, фыркнув, замолчал и откинулся на спинку стула.

«Он что, воспользовался алломантией?» — с любопытством подумала Вин.

Ей приходилось видеть, как ведут себя наниматели, когда им нужна работа

воровской шайки, но тут разворачивалось что-то особенное. Похоже, Йеден целиком находился во власти Кельсера...

Кельсер снова повернулся к Хэму и Бризу.

— Суть не только в том, чтобы продемонстрировать отчаянную храбрость. Если нам удастся украсть атиум, это станет смертельным ударом по финансам Вседержителя. Ему необходимы деньги, которые дает атиум... без них он просто не сможет платить своей армии. И даже если он сам ускользнет от нас... или мы решим напасть на город в его отсутствие, чтобы уменьшить риск, — все равно в финансовом смысле ему придет конец. Он не сумеет заставить солдат воевать с Йеденом. И если все сработает, мы в любом случае получим взбунтовавшуюся столицу, а знать без солдат не сможет противостоять силам мятежников.

— А колоссы? — негромко спросил Хэм.

Кельсер немного помолчал.

— Если он пошлет этих тварей на свою собственную столицу, то те разрушения, которые они устроят, могут оказаться намного опаснее финансовой нестабильности. В суматохе провинциальные лорды обязательно воспользуются случаем и объявят себя королями, а привести их в чувство Вседержителю не удастся без войска. Повстанцы Йедена вполне удержат Лютадель, а мы, друзья мои, станем очень-очень богатыми. У каждого будет все, о чем он только мечтал.

— Ты как будто забыл о Стальном братстве, — резко бросил Колченог, сидевший далеко в стороне и молчавший до сих пор. — Вряд ли инквизиторы позволят нам устроить безумный хаос в их упорядоченном мире.

Кельсер не спеша повернулся в сторону Колченога.

— Мы найдем способ совладать с братством. У меня уже есть наготове несколько вариантов. В любом случае с проблемами такого рода мы должны справиться. Нам придется избавиться от гарнизона Лютадели, ведь, если на улицах будут патрули, у нас ничего не получится. Мы найдем, как устроить беспорядки в городе, и обязательно отыщем возможность устранить с дороги поручителей. И если мы все сделаем правильно, то

вынудим Вседержителя отправить в город дворцовую стражу, а может, даже инквизиторов — чтобы те навели порядок. Таким образом сам дворец окажется без прикрытия и у Йедена появится прекрасная возможность нанести удар. А потом будет уже не важно, что случится с братством или гарнизоном... у Вседержителя просто не останется денег, чтобы удержать власть над империей.

— Ну не знаю, Кел, — сказал Бриз, качая головой.

Его легкомыслие как ветром сдуло: он, похоже, всерьез обдумывал план Кельсера.

— Вседержитель откуда-то ведь брал атиум. Что, если он просто привезет новый запас?

Хэм согласно кивнул.

— Никто ведь не знает, где находятся рудники, в которых добывают атиум.

— Я бы не сказал, что этого не знает никто, — с улыбкой произнес Кельсер.

Бриз и Хэм быстро переглянулись.

— Тебе известно? — спросил Хэм.

— Конечно, — ответил Кельсер. — Я отработал там целый год.

— Ямы Хатсина? — изумился Хэм.

Кельсер кивнул:

— Именно поэтому Вседержитель так заботится, чтобы оттуда никто не ушел живым: он не может допустить, чтобы его тайна стала широко известна. Это ведь не просто каторга, не просто адская дыра, куда скаа отправляют умирать. Это рудник.

— Ну конечно... — протянул Бриз.

Кельсер выпрямился и подошел к столу, за которым сидели Хэм и Бриз.

— У нас есть шанс, господа. Шанс совершить нечто великое... нечто, чего никогда не совершала ни одна воровская шайка. Мы можем ограбить самого Вседержителя! Но это не все. Ямы чуть не убили меня, но после побега я... стал видеть все несколько иначе. Я вижу скаа, работающих безо всякой надежды на перемены. Я вижу шайки воров, которые пытаются выжить, подбирая объедки со столов аристократов, и вижу, как их, а заодно и других скаа, постоянно убивают. Я вижу, как мятежные скаа пытаются сопротивляться Вседержителю, но ничего не добиваются. Мятежники погибают, потому что их отряды слишком неповоротливы и находятся далеко друг от друга. Каждый раз, когда где-то вспыхивает бунт, Стальное братство уничтожает бунтовщиков. Так не победить Последнюю империю, господа. Но небольшая команда — обладающая особыми умениями и искусствами — имеет надежду. Мы можем действовать, не опасаясь, что нас раскроют. Мы знаем, как ускользнуть от щупальцев Стального братства. Мы понимаем, как мыслит высшая знать и как использовать вельмож в своих интересах. Мы способны на это!

Он остановился перед столом, за которым сидели Бриз и Хэм.

— Не знаю, Кел, — задумчиво сказал Хэм. — Не то чтобы я не понимал, что тобою движет, просто... Все это кажется слегка безрассудным.

Кельсер улыбнулся:

— Я знаю. Но ты ведь все равно не откажешься?

Хэм помолчал немного, потом кивнул:

— Ты знаешь, я пойду с тобой, что бы ты ни задумал. Пусть это сумасшествие, но у тебя все планы такие. Вот только... скажи мне: ты серьезно рассуждал насчет того, чтобы свалить Вседержителя?

Кельсер кивнул, и Вин ему почти поверила.

Хэм решительно произнес:

— Ладно. Я с тобой.

— Бриз? — вопросительно произнес Кельсер.

Хорошо одетый вор с сомнением повел плечами:

— Я не знаю, Кел. Это уж как-то слишком, даже для тебя.

— Но ты нам нужен, Бриз, — напомнил Кельсер. — Никто не умеет гасить толпу так, как ты. И если мы хотим собрать армию, нам понадобятся твои алломанты — и твой талант.

— Что ж, тут ты прав, — пробормотал Бриз, — и все-таки...

Кельсер улыбнулся и поставил что-то на стол. Это был стакан, который Вин наполняла для Бриза. Она и не заметила, как Кельсер взял его с барной стойки.

— Посмотри на это как на вызов, Бриз, — сказал Кельсер.

Бриз глянул на стакан, перевел взгляд на Кельсера. И расхохотался, протянув руку к стакану.

— Отлично. Я в деле.

— Это невозможно, — послышался хриплый голос с другого конца комнаты.

Колченог сидел, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел на Кельсера.

— Что ты задумал на самом деле, Кельсер?

— Я говорил правду, — ответил тот. — Я задумал украсть атиум Вседержителя и разрушить его империю.

— Ты не можешь этого сделать, — возразил Колченог. — Это чистый идиотизм. Инквизиторы подвешат всех нас на крюках, пропущенных сквозь горло.

— Возможно, — согласился Кельсер. — Но подумай о награде, если мы добьемся успеха. Богатство, власть и страна, где скаа будут жить как люди, а не как рабы.

Колченог громко фыркнул. Он встал, отшвырнув стул так, что тот с

грохотом повалился на пол.

— Никакие сокровища не заменят тебе жизни! Вседержитель однажды уже пытался убить тебя — и я вижу, что ты не успокоишься, пока он не добьется своего.

С этими словами старик повернулся и, прихрамывая, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

В воровской берлоге стало очень тихо.

— Похоже, нам понадобится другой курильщик, — сказал наконец Доксон.

— И ты позволишь ему так просто уйти? — резко спросил Йеден. — Он все знает.

Бриз хихикнул.

— А я-то думал, ты в нашей компании самый высокоморальный человек!

— Мораль не имеет к этому никакого отношения, — огрызнулся Йеден. — Позволять кому-либо такие поступки — просто глупость! Он может в любую минуту навести на нас поручителей!

Вин согласно кивнула, но Кельсер лишь покачал головой.

— Я не сторонник таких методов, Йеден. Я пригласил Колченога на встречу, где изложил некий опасный план, который кое-кто действительно может назвать глупым. И я не намерен подсылать к нему убийц, потому что он счел дело чересчур рискованным. А если ты будешь вытворять такое, очень скоро никто не станет слушать твои предложения.

— Кроме того, — добавил Доксон, — мы не стали бы приглашать на эту встречу кого бы то ни было, если бы сомневались, что нас не предадут.

«Это просто невозможно», — подумала Вин, наморщив лоб.

Должно быть, он блефует, чтобы поддержать боевой дух шайки, — нельзя же быть и впрямь таким доверчивым. В конце концов, разве они сами не говорили о том, что Кельсер несколько лет назад потерпел неудачу... в

результате каких-то событий был отправлен в Ямы Хатсина... разве его не предали тогда? Может, на самом деле за Колченогом уже крадутся убийцы, прямо сейчас следят за тем, чтобы он не отправился к властям?..

— Ну хорошо, Йеден, — заговорил Кельсер, возвращаясь к делу. — Они согласны. План у нас есть. Ты остаешься с нами?

— А что, если я скажу «нет», ты вернешь деньги? — поинтересовался Йеден.

Единственным ответом ему был короткий смешок Хэма. Лицо Йедена потемнело, но он лишь покачал головой:

— Если бы у меня были другие варианты...

— Да перестань ты ныть! — сердито бросил Кельсер. — Ты теперь официально член воровской шайки, так что можешь сесть рядом с нами.

Йеден помедлил, потом вздохнул и, подойдя к столу, за которым сидели Бриз, Хэм и Доксон, опустился на стул рядом с продолжавшим стоять Кельсером. Вин все так же оставалась за соседним столом.

Кельсер повернулся и посмотрел на нее:

— А как насчет тебя, Вин?

Она недоуменно уставилась на него.

«Почему он спрашивает? Он ведь уже знает, что завоевал меня. Для меня их дело значения не имеет, если я научусь тому, что умеет он».

Кельсер выжидающе молчал.

— Я с вами, — сказала Вин, решив, что именно это он хочет услышать.

Должно быть, она угадала, потому что Кельсер улыбнулся и кивком указал ей на последний свободный стул.

Вин вздохнула, но подчинилась — встала и пересела за общий стол.

— Что это за дитя? — спросил Йеден.

— Она посредник, — сообщил Бриз.

Кельсер весело вскинул брови:

— Вообще-то, Вин — наш новобранец. Мой брат несколько месяцев назад поймал ее на том, что она гасила его чувства.

— Гасила? — пробормотал Хэм. — Ну, думаю, такие нам всегда пригодятся.

— Но на самом деле, — продолжил Кельсер, — она умеет и разжигать эмоции.

Бриз вытаращил глаза.

— Ты серьезно? — спросил Хэм.

Кельсер кивнул:

— Мы с Доксом проверили ее несколько часов назад.

Бриз хихикнул.

— А я тут уверял ее, что она в жизни не встретит другого рожденного туманом, кроме тебя!

— Второй рожденный туманом в команде, — одобрительно произнес Хэм.
— Ну, это в известной мере увеличивает наши шансы.

— Что вы мелете? — злобно бросил Йеден. — Скаа не могут быть рожденными туманом! Я вообще не уверен, что они существуют! Я лично никогда ни одного не видел!

Бриз хмыкнул, опуская руку на плечо Йедена.

— Ты бы лучше не болтал так много, приятель, — предложил он. — Когда ты молчишь, то выглядишь не таким глупым.

Йеден стряхнул руку Бриза, а Хэм расхохотался. Но Вин сидела тихо, съездившись, пытаясь разобраться в том, что говорил Кельсер. Идея украсть запасы атиума выглядела соблазнительной, но захватывать ради этого

столицу?.. Неужели эти люди действительно настолько безрассудны?

Кельсер придвинул к столу стул и сел на него верхом, положив локти на спинку.

— Ладно, — сказал он, — команда в сборе. В следующий раз мы проработаем детали, но я хочу, чтобы каждый из вас подумал о предстоящем деле. У меня имеются кое-какие идеи, но свежие мысли не помешают. Нам надо будет обсудить, каким образом мы удалим из города гарнизон и что нужно предпринять для того, чтобы ввергнуть столицу в хаос. Такой хаос, после которого Великие Дома уже не смогут мобилизовать свои силы и остановить армию Йедена.

Все, кроме Йедена, разом кивнули.

— Однако, прежде чем мы завершим сегодняшний разговор, — продолжил Кельсер, — я хотел бы сказать об еще одной части моего плана.

— Еще одной? — со смешком переспросил Бриз. — Тебе мало того, что ты хочешь украсть все состояние Вседержителя и разрушить его империю?

— Именно, — спокойно ответил Кельсер. — Если получится, я намерен убить его самого.

Все умолкли.

— Кельсер, — осторожно заговорил Хэм, — Вседержитель — это осколок вечности. Он — часть самого бога. Ты не можешь его убить. Даже захватить его в плен, скорее всего, нельзя.

Кельсер промолчал, однако в его глазах светилась отчаянная решимость.

«Ну вот, — подумала Вин, — так и есть, он просто сумасшедший».

— У Вседержителя небольшой должок передо мной, — наконец сказал Кельсер. — Он отнял мою Мэйр и чуть не лишил меня рассудка. И должен признаться, что отчасти мой план — это личная месть ему. Мы лишим его власти, дома и богатства. Однако все это будет иметь смысл лишь в том случае, если мы избавимся и от него самого. Возможно, запрем его в собственной башне-тюрьме... в любом случае нам необходимо будет как-то

отрезать его от столицы. Однако я думаю, что есть вариант получше. В тех рудниках, куда он отправил меня, со мной кое-что случилось, и во мне пробудилась алломантическая сила. И теперь я намерен ее использовать, чтобы убить его.

Кельсер сунул руку в карман и, достав какой-то предмет, положил его на стол.

— На севере существует одна легенда, — продолжил он. — Она гласит, что Вседержитель не бессмертен... не совсем бессмертен. Говорят, его можно убить, если добыть нужный металл. Одиннадцатый металл. Вот этот.

Все уставились на вещицу, лежавшую на столе. Это была тонкая металлическая пластинка, размером примерно с мизинец Вин, плоская, серебристо-белая.

— Одиннадцатый металл? — неуверенно переспросил Бриз. — Я никогда не слышал такой легенды.

— Вседержитель старается, чтобы она не распространялась широко, — пояснил Кельсер. — Но она существует, только надо уметь слушать и знать, где спрашивать. Теория алломантии говорит нам о десяти металлах: восьми основных и двух высших. Однако есть еще один, неизвестный большинству. Он заключает в себе больше силы, чем все остальные, вместе взятые.

Бриз недоверчиво скривился. Однако Йеден, похоже, заинтересовался.

— И что, этот металл способен каким-то образом убить Вседержителя?

Кельсер кивнул:

— В том-то и заключается его слабость. Стальное братство убеждает нас, что он бессмертен, но даже его можно убить... Его способен убить алломант, который воспламенит вот это.

Хэм протянул руку и взял маленький кусочек металла:

— И где ты это раздобыл?

— На севере, — сказал Кельсер. — В краю у Дальнего Полуострова, там, где люди помнят, как называлось их прежнее королевство до Вознесения Вседержителя.

— И как он работает? — спросил Бриз.

— Точно не знаю пока, — честно ответил Кельсер. — Но намерен выяснить.

Хэм внимательно рассматривал похожий на фарфор металл, вертя его в пальцах.

«Убить Вседержителя?» — в ужасе подумала Вин.

Вседержитель был своего рода природной силой, как ветер или туман. Их нельзя убить. Они на самом деле и не живые. Они просто существуют.

— Ну как бы то ни было, — сказал Кельсер, забирая кусочек металла у Хэма, — вам незачем беспокоиться. Убийство Вседержителя — мое личное дело. Если окажется, что это действительно невозможно, мы постараемся как-нибудь выставить его из столицы, а потом ограбим. Я просто подумал, вам следует знать, что я хочу сделать.

«Я связалась с сумасшедшим», — смиренно подумала Вин.

Но это не имеет значения... если он готов научить ее алломантии.

5

Я даже не понимаю, что я, собственно, должен сделать. Мудрецы Терриса утверждают, что я узнаю о своем долге, когда придет время, но это не слишком утешает.

Бездна должна быть уничтожена, и, видимо, я один могу сделать это. Она и теперь разрушает наш мир. Если я не остановлю ее достаточно быстро, на земле не останется ничего, кроме костей и пыли.

— Ага!

С торжествующим криком Кельсер выскочил из-за стойки бара, и лицо у него было чрезвычайно довольным. В руке вор держал пыльную винную бутылку. Он поставил ее на барную стойку.

Доксон удивленно уставился на бутылку.

— Где ты ее отыскал?

— В потайном ящике, — ответил Кельсер, вытирая с бутылки пыль.

— Я думал, я все нашел, — сказал Доксон.

— Так и есть. Только в одном из них была фальшивая задняя стенка.

Доксон ухмыльнулся:

— Умно, ничего не скажешь.

Кельсер кивнул, откупоривая бутылку, и наполнил три стакана.

— Фокус в том, чтобы не прекращать поиски. Всегда находится еще какой-нибудь секрет. — Он подхватил все три стакана и подошел к столу, где сидели Вин и Доксон.

Вин осторожно взяла предложенный стакан. Собрание недавно закончилось, Бриз, Хэм и Йеден ушли, обсуждая то, что сказал им Кельсер. Вин чувствовала, что и ей следовало бы уйти, но ей некуда было податься.

Однако Доксон и Кельсер, похоже, восприняли то, что она осталась, как само собой разумеющееся.

Кельсер сделал большой глоток рубиновой влаги и улыбнулся:

— Вот это намного лучше!

Доксон согласно кивнул, но Вин пока что не решилась попробовать вино.

— Нам нужно найти другого курильщика, — заметил Доксон.

— Да, — согласился Кельсер. — Но остальные как будто нормально все восприняли.

— Бриз еще не до конца уверен, — сказал Доксон.

— Он не откажется. Бризу нравится, когда ему бросают вызов, а более дерзкого вызова он никогда еще не получал, — усмехнулся Кельсер. — Кроме того, он просто сойдет с ума, если будет знать, что мы взяли за какую-то работу без него.

— И все же он прав, проявляя осторожность. Я и сам немного тревожусь.

Кельсер кивнул, соглашаясь, и Вин тут же нахмурилась.

«Так, значит, они говорили всерьез? Или они продолжают спектакль ради меня?»

Конечно, они выглядели весьма уверенными. Но разрушить Последнюю империю? Да им скорее удастся уничтожить туман или заставить солнце не всходить по утрам!

— Когда вернутся твои друзья? — спросил Доксон.

— Через пару дней. К тому времени нам будет нужен другой курильщик. И еще мне понадобится дополнительное количество атиума.

Доксон вопросительно посмотрел на него:

— Уже?

Кельсер кивнул:

— Я почти все истратил на оплату контракта Ор-Сьера, а последний кусочек израсходовал на плантации Трестинга.

Трестинг. Так звали лорда, убитого в собственном особняке неделю назад.

«Какое отношение имеет к этому Кельсер? И что он говорит насчет атиума?»

Он утверждал, что Вседержитель сохраняет власть над знатью благодаря тому, что владеет монополией на этот металл...

Доксон поскреб бородку:

— Атиум раздобыть не так-то легко, Кел. Чтобы украсть последнюю частицу, понадобилось почти восемь месяцев подготовки.

— Просто тебе пришлось осторожничать, — сказал Кельсер, лукаво улыбаясь.

Доксон с явной опаской уставился на Кельсера. Тот улыбнулся еще шире. Тогда Доксон покачал головой и вздохнул, а потом посмотрел на Вин:

— Ты что-то совсем не пьешь.

Вин пожала плечами. Но Доксон ждал объяснения, и Вин пришлось ответить:

— Я предпочитаю не пить то, что не наливала своими руками.

Кельсер фыркнул:

— Она напоминает мне Вента.

— Вента? — Доксон хихикнул. — Наша подруга безумно недоверчива, но все-таки в своем уме. А Вент был такой дерганый, что мог испугаться собственного сердцебиения, честное слово!

Они оба расхохотались, но Вин почувствовала себя еще более неловко.

«Чего они от меня ждут? Может, я должна стать кем-то вроде подмастерья?»

— Ну ладно, — сказал наконец Доксон. — Ты намерен сообщить мне, как собираешься достать атиум?

Кельсер открыл было рот, чтобы ответить, но тут на лестнице загромыхали чьи-то шаги. Кельсер и Доксон обернулись к двери, а вот Вин заранее позаботилась о том, чтобы сесть правильно, то есть чтобы видеть всю комнату и двери, не делая при этом лишних движений.

Вин ожидала, что войдет кто-нибудь из воров, отправленный выяснить, закончил ли Кельсер свои дела. И была не на шутку удивлена, когда в проеме резко распахнувшейся двери появился сморщенный старик, которого звали Колченогом.

Кельсер улыбался, прищурившись.

«А он не удивился. Доволен, похоже, но не изумлен».

— Колченог, — только и сказал Кельсер.

Колченог остановился в дверях, неодобрительно рассматривая всех троих по очереди. Затем, прихрамывая, он вошел в комнату. За ним следовал тощий неловкий подросток.

Мальчик принес стул для Колченога и поставил его возле стола Кельсера. Колченог уселся, что-то тихо ворча. Наконец он, наморщив нос, внимательно посмотрел на Кельсера.

— Гасильщик ушел?

— Бриз? Да, ушел, — ответил Кельсер.

Колченог фыркнул и взглянул на бутылку с вином.

— Угощайся, — предложил Кельсер.

Колченог махнул рукой мальчику, приказывая принести стакан, и снова повернулся к Кельсеру.

— Мне нужно было убедиться, — сказал он. — Никогда не доверяй себе, если рядом гасильщик... особенно такой, как Бриз.

— Но ты курильщик, Колченог, — возразил Кельсер. — Что он сделает с тобой, если ты не захочешь?

Колченог передернул плечами:

— Мне не нравятся гасильщики. Это не просто алломантия... люди вроде него... Ты не можешь быть уверен, что, если они поблизости, тобой не манипулируют. С медью или без меди.

— Я бы не стал полагаться на подобное, желая добиться твоей верности, — сказал Кельсер.

— Ну, это я уже слышал, — проворчал Колченог, наблюдая, как мальчик наливает вино. — Однако мне нужна уверенность. Я должен поговорить с тобой без Бриза. — Он нахмурился, но почему — Вин не поняла, потом взял стакан и выпил половину одним глотком. — Хорошее вино, — сообщил он, довольно хрюкнув, и взглянул на Кельсера. — Итак, Ямы действительно свели тебя с ума?

— Целиком и полностью, — спокойно ответил Кельсер.

Колченог улыбнулся, но на его лице это выражение выглядело весьма жутко.

— Значит, ты намерен взяться за это? За твою так называемую работу?

Кельсер торжественно кивнул. Колченог допил вино.

— Значит, у тебя есть курильщик. Деньги тут ни при чем. Если ты и впрямь задумал устроить переворот, я в деле.

Кельсер ухмыльнулся.

— И нечего скалить зубы! — рявкнул Колченог. — Терпеть этого не могу!

— Да я бы не посмел.

— Ну что ж, — сказал Доксон, наполняя свой стакан, — проблема курильщика, значит, решена.

— Толку-то, — огрызнулся Колченог. — Все равно у вас ничего не получится. Я всю жизнь потратил на то, что прятал туманщиков от Вседержителя и его поручителей. А он все ловит их и ловит.

— Тогда зачем помогать нам? — спросил Доксон.

— Затем, — ответил Колченог, вставая, — что Вседержитель и до меня доберется рано или поздно. Так я хотя бы смогу плюнуть ему в рожу по пути на тот свет. Разрушить Последнюю империю... — Он усмехнулся. — В этом что-то есть. Пошли, малыш. Нам пора готовить лавку к приходу гостей.

Вин наблюдала, как Колченог дерганой походкой прошел к двери, как мальчик открыл дверь перед ним и захлопнул, выйдя. Потом она посмотрела на Кельсера:

— Ты знал, что он вернется.

Кельсер пожал плечами, встал и потянулся.

— Я надеялся. Люди — рабы своего воображения. А то, что я предлагаю... от такой затеи нелегко отказаться. По крайней мере, если ты стар, тебе скучно и тебя раздражает повседневная жизнь. Ну и ладно. Вин, я полагаю, ваша шайка владеет всем этим зданием?

Вин кивнула:

— Да, магазин наверху — только прикрытие.

— Хорошо.

Достав из кармана часы, Кельсер посмотрел на них и протянул Доксону.

— Скажи своим друзьям, что они могут вернуться, — велел он девушке. — Туман, наверное, уже надвигается.

— А мы? — спросил Доксон.

Кельсер усмехнулся:

— А мы поднимемся на крышу. Я же сказал, мне необходимо еще немного атиума.

*

Днем Лютадель казалась черной от золы и пепла и докрасна обожженной солнцем. Линии ее были резко очерчены, масштабы — подавляли.

Однако ночью туман делал все расплывчатым и неопределенным. Крепости Великих Домов превращались в призрачные силуэты, нависавшие над улицами. Сами улицы как будто становились намного уже, и даже проспекты делались безлюдными, опасными переулками. И знатные люди, и воры не решались выходить по ночам — только обладатель поистине храброго сердца рискнул бы окунуться в эту угрожающую, таинственную тишину. Ночной город был миром отчаявшихся и безумцев, целиком во власти тумана и странных его обитателей.

«Странных вроде меня», — думал Кельсер.

Он стоял у низкого ограждения, опоясывавшего плоскую крышу воровской берлоги. Вокруг высились темные здания, и из-за тумана казалось, что все они движутся, шевелятся. Кое-где из окон сочился слабый свет, но крошечные огоньки выглядели как будто напуганными.

На Кельсера налетали порывы прохладного ветра, шевелившего покровы тумана; ветер, как легкое дыхание, касался щек Кельсера, влажных от осевших капель. В прошлом — задолго до того, как все пошло наперекосяк, — Кельсер всегда по вечерам, перед очередным делом, поднимался на крышу, желая посмотреть на город. И теперь он не осознавал, что вернулся к старой привычке, — пока не бросил взгляд в сторону, ожидая, что рядом окажется Мэйр, как это случалось прежде.

Но он увидел лишь пустоту. Он был один. Вокруг царила тишина. Туман занял место Мэйр. Занял — но не заменил ее.

Кельсер вздохнул и обернулся. Вин и Доксон стояли поодаль. Обоим явно не нравилось находиться в тумане, но они справлялись со своим страхом. В нижнем мире долго не продержишься, если не научишься нырять в туман,

терпеть его.

Но Кельсер научился куда большему чем просто «терпеть» туман. Ему в последние годы так часто приходилось плавать в его плотных клубах, что теперь ночью, в объятиях тумана, он стал чувствовать себя спокойнее, чем днем.

— Кел, — негромко сказал Доксон, — тебе действительно необходимо торчать на самом краю? Может, твои планы и безумны, но я не хочу, чтобы они кончились тем, что ты расшибешься вдребезги о мостовую.

Кельсер улыбнулся.

«Он до сих пор не воспринимает меня как рожденного туманом, — подумал он. — Им всем понадобится время, чтобы привыкнуть к этому».

Много лет назад он стал самым прославленным воровским главарем в Лютадели и добился этого, даже не будучи алломантом. Мэйр была ищейкой, но они с Доксоном — всего лишь людьми. Один — полукровка, не обладающий силой, второй — беглый скаа с плантации. И все равно вместе они ставили на колени Великие Дома, дерзко грабя наиболее могущественных людей Последней империи.

А теперь Кельсер стал чем-то неизмеримо большим. Когда-то он лишь мечтал об алломантии, желая обладать такой же силой, как Мэйр. Она умерла до того, как он пробудился. Теперь она не увидит, на что он способен...

Ведь и раньше высшая знать боялась Кельсера. Понадобилась ловушка, расставленная самим Вседержителем, чтобы поймать его. А сейчас... вся Последняя империя содрогнется, прежде чем он покончит с ней.

Он еще раз окинул взглядом столицу, глубоко вдохнув влажный воздух, потом отошел от края крыши и направился к Доксону и Вин. Они не взяли с собой фонарей: слабого света звезд, пробивавшегося сквозь туман, было, как правило, вполне достаточно.

Кельсер снял пальто и жилет, отдал их Доксону и выдернул из-за пояса полы рубашки, чтобы они болтались свободно. Ткань была темной, что позволяло стать практически невидимым ночью.

— Хорошо, — сказал Кельсер. — С кого мне следует начать?

Доксон нахмурился:

— Ты уверен, что действительно хочешь этого?

Кельсер лишь улыбнулся в ответ. Доксон вздохнул:

— Дома́ Урбейн и Теньерт недавно ограбили, хотя искали не атиум.

— Какой из Домов сейчас самый сильный? — спросил Кельсер, опускаясь на корточки и развязывая мешок, лежавший у ног Доксона. — Кто вообще не ожидает удара?

Доксон немного помолчал.

— Венчер, — сказал он наконец. — Последние несколько лет они на самом верху. Держат постоянную охрану в несколько сотен человек, к тому же у них добрых две дюжины туманщиков.

Кельсер кивнул:

— Отлично, значит, туда я и направлюсь. У них наверняка есть атиум. — Он открыл мешок и достал оттуда темно-серый плащ.

Этот плащ, большой и широкий, не был сшит из одного куска ткани. Наоборот, он состоял из сотен длинных, похожих на ленты полос. Они скреплялись между собой на плечах и груди, а дальше лежали свободно, хотя частично накладывались одна на другую.

Кельсер надел это странное одеяние, завязав у горла. Полосы ткани шевелились, извиваясь, как туман.

Доксон тихонько вздохнул:

— Никогда не видел так близко кого-нибудь в этой одежде.

— А что это? — негромко спросила Вин, и ее голос в тумане прозвучал как шелест.

— Плащ рожденных туманом, — ответил Доксон. — Они все носят такие.

Это что-то вроде членского билета в их клубе.

— Его цвет и конструкция предназначены для того, чтобы скрывать человека в тумане, — пояснил Кельсер. — А заодно он предупреждает городских стражников и других рожденных туманом: не беспокойте! — Он резко повернулся вокруг собственной оси, и полосы ткани эффектно взлетели в воздух. — Думаю, мне он к лицу.

Доксон демонстративно прикрыл глаза.

— Хорошо, — сказал Кельсер, наклоняясь и доставая из мешка тканый пояс. — Дом Венчер. Мне следует знать еще что-то?

— Предполагается, что в кабинете лорда Венчера есть сейф, — сообщил Доксон. — Видимо, там он и держит запасы атиума. Кабинет на третьем этаже, через три комнаты от южного балкона. Но будь осторожен, в Доме Венчер, кроме стражи и туманщиков, есть еще около дюжины туманных убийц.

Кельсер кивнул, прилаживая пояс, — на нем не было пряжки, зато были две пары небольших ножен. Достав из мешка стеклянные кинжалы, Кельсер проверил, нет ли зазубрин, и сунул их в ножны. Потом сбросил ботинки и снял носки, оставшись стоять босиком на холодных камнях. Вместе с ботинками он избавился от последней частицы ненужного металла, и теперь у него были только монеты в кошельке и три флакона с металлами на поясе. Он выбрал самый большой из них, выпил содержимое, а пустой флакон протянул Доксону.

— Ну, я пойду? — вопросительно произнес он.

Доксон кивнул:

— Удачи.

Стоявшая рядом Вин с огромным интересом наблюдала за приготовлениями Кельсера. Тот бросил на нее быстрый взгляд. Девушка казалась тихой, застенчивой малышкой, но в ней скрывалась сила, которая поражала даже рожденного туманом. Да, конечно, она немного страдала паранойей, но была не робкого десятка.

«Тебе тоже выпадет шанс, детка, — подумал Кельсер. — Просто не сегодня».

— Ну что ж, — сказал он, доставая из кошелька монету и швыряя ее вниз.
— Похоже, мне пора. Увидимся позже в лавке Колченога.

— Конечно.

Кельсер повернулся и пошел к краю крыши. А потом прыгнул с нее.

Туман закружился возле него. Кельсер воспламенил сталь, второй из базовых алломантических металлов. Светящиеся голубые лучи рассекли воздух, но видел этот свет только сам Кельсер. Каждый луч начинался в его груди, рядом с металлом-источником. Линии были неяркими, и это означало, что они указывают на небольшие металлические предметы: дверные петли, гвозди и прочую ерунду. Когда туманчик поджигал сталь или железо, голубые лучи устремлялись к любым металлическим предметам, если те находились достаточно близко и были достаточно велики.

Кельсер выбрал тот луч, что тянулся прямо вниз, к брошенной им монете. Разжигая сталь, он оттолкнулся от монеты.

Его падение тут же остановилось: Кельсера подбросило в воздухе, повлекло прочь от монеты. Он оглянулся по сторонам, выбрал оконную задвижку, мимо которой пролетал, и оттолкнулся от нее, чтобы изменить направление полета. И мягко двинулся через улицу, к зданию, стоявшему напротив воровской берлоги.

Он легко приземлился на крышу, пригнулся и быстро перебежал на противоположную сторону. У края он помедлил, всматриваясь в клубящийся туман. Воспламенив олово, Кельсер почувствовал, как оно ожило в груди, обостряя его ощущения. И сразу туман показался не таким плотным. Это не значило, что ночь стала светлее, просто теперь Кельсер видел и ощущал много лучше. Он даже различал вдали, на севере, большое строение. Крепость Венчер.

Кельсер не стал гасить олово — оно тлело медленно, так что можно было не опасаться, что оно закончится. Пока Кельсер стоял, туман понемногу обволок его тело. Пряди тумана извивались, образуя медленный водоворот

возле Кельсера. Туман знал его, туман стремился к нему. Туман чувствовал алломантию.

Кельсер оттолкнулся от металлической каминной трубы позади и отправил тело в длинный прыжок. Одновременно он бросил монету, и крошечный кусочек металла сверкнул в темноте. Он оттолкнулся от монеты до того, как та упала на землю, и от удара она с бешеной силой впечаталась в мостовую. В ту же секунду Кельсер устремился вверх, закончив прыжок длинной дугой.

Он опустился на другую крышу — деревянную, с высоким коньком. Отталкиваться от стали и притягиваться к железу — первое, чему научил его Джемел. «Когда ты отталкиваешься от чего-то, ты как бы бросаешь на этот предмет весь свой вес, — объяснял безумный старик. — А свой вес ты изменить не можешь — ты же алломант, а не какой-нибудь северный мистик. Не притягивайся к чему-то, что весит меньше тебя самого, если, конечно, не хочешь, чтобы эта штука полетела в тебя. И не отталкивайся от того, что намного тяжелее тебя, если не хочешь улететь в противоположном направлении».

Кельсер почесал шрамы и плотнее закутался в плащ. Доски крыши царапали босые ступни. Кельсеру частенько хотелось, чтобы олово обостряло не все ощущения — или, по крайней мере, не все сразу. Ему необходимо было улучшенное зрение, чтобы видеть в темноте, и усиленный слух. Однако из-за тлеющего олова ночь казалась куда более холодной, поскольку и кожа приобрела повышенную чувствительность, а уж босые ноги замечали каждый крошечный камешек, с которым сталкивались, и каждую неровность деревянной крыши.

Перед Кельсером высилась крепость Венчер. Она полыхала на фоне темного города. Высшая знать жила иначе, чем простые люди, она могла позволить себе такую роскошь, как масляные лампы и свечи, и это означало, что жизнь богачей не зависела от милостей природы и погоды.

Крепость с первого взгляда поражала величием. Ее окружала мощная стена, однако само здание походило скорее на произведение искусства, чем на укрепленный замок. Прочные арочные опоры поддерживали конструкцию со всех сторон, а над ними красовались затейливые окна и тонкие шпили. Окна на верхних этажах сверкали цветными стеклами, и

сейчас сквозь них лился свет, пестрыми пятнами окрашивавший туман.

Кельсер поджег железо, заставив его как следует разгореться, и стал исследовать пространство в поисках крупных металлических предметов. Он был слишком далеко от крепости, чтобы использовать разные мелочи вроде монет или дверных задвижек. Он нуждался в крупном якоре, чтобы преодолеть оставшееся расстояние.

Большинство голубых линий было слабыми. Кельсер отметил, что две из них движутся, — видимо, они тянулись к паре стражников, топтавшихся на стене. Кельсер чувствовал их латы и оружие. Прекрасно разбираясь в алломантии, большинство знатных людей продолжало одевать свою стражу в металл и вооружать металлом. Туманчики, умеющие отталкиваться от металлов и притягиваться к ним, были редким явлением, не говоря уже о настоящих рожденных туманом. И многие лорды считали неразумным оставлять своих солдат без защиты из-за столь малой части населения.

К тому же высшая знать полагалась на другие средства противодействия алломантам. Кельсер улыбнулся этой мысли. Доксон говорил, что лорд Венчер держит команду туманных убийц; если это правда, Кельсер, скорее всего, столкнется с ними еще до рассвета. Он оставил солдат и сосредоточился на плотном голубом луче, тянувшемся к высокой крыше здания. Кельсер разжег железо, глубоко вздохнул и потянул за этот луч.

И резко взлетел в воздух.

Он продолжал жечь железо, приближаясь к крепости с ужасающей скоростью. Слухи утверждали, что рожденные туманом умеют летать, но на самом деле все было куда проще. Когда туманчик притягивался к металлу или отталкивался от него, это, скорее, напоминало падение... только в другом направлении. Алломанту приходилось тянуться к якорю изо всех сил, и из-за этого он несся с пугающей быстротой.

Кельсер летел к крепости, а вокруг клубился туман. Он уже без труда различал крепостную стену, но его тело начало понемногу снижаться. Опять его подводил слишком большой вес. Даже самая быстрая из стрел все равно постепенно теряет скорость и падает на землю...

Из-за своего веса Кельсер начал снижаться по дуге, не достигнув крыши. Он приближался к каменной стене, летя на несколько десятков футов ниже,

чем нужно, но с той же бешеной скоростью.

Глубоко вздохнув, Кельсер воспламенил пьютер — он увеличивал силы точно так же, как олово обостряло чувства. Он развернулся в воздухе и врезался в каменную стену ногами. Даже его усиленные мышцы противились такому обращению, однако Кельсер остановился, не сломав ни единой косточки. Он сразу же устремился к крыше, швырнув вниз монетку и оттолкнувшись от нее ровно в тот момент, когда уже начал падать. Оглядевшись, он поискал что-нибудь металлическое наверху, нашел свинцовый переплет на витражном окне и потянулся к нему.

Упавшей на землю монетки оказалось достаточно, чтобы компенсировать его немаленький вес. Кельсер сиганул вверх, отталкиваясь от монеты и одновременно подтягиваясь к окну. Потом, погасив оба металла, он несколько последних футов пролетел по инерции сквозь темный туман. Кельсер ухватился за ограждение верхней галереи, перевалился через каменную балюстраду и тихо спрыгнул на крышу.

Меньше чем в трех шагах от него стоял ошеломленный стражник. Кельсер тотчас же прыгнул, потянув за стальную кирасу, и сбил стражника с ног. Выхватив один из стеклянных кинжалов, Кельсер дождался момента, когда железное притяжение сблизило его с противником. Когда его ноги ударили упавшего человека в грудь, присел и перерезал тому горло одним движением, исполненным пьютерной силы.

Стражник дернулся и затих. Кельсер мягко отпрыгнул в сторону, прислушиваясь к звукам ночи и ожидая, что кто-то забьет тревогу. Вокруг стояла тишина.

В горле стражника что-то булькнуло, но Кельсер на него уже не смотрел. Этот человек, похоже, был мелким дворянином. То есть врагом. Если бы на его месте оказался солдат-скаа, предавший свой народ за несколько монет... тогда Кельсер с еще большим удовольствием отправил бы его в вечность.

Он оттолкнулся от лат умирающего, чтобы перепрыгнуть с открытой галереи на собственно крышу. Бронзовая крыша была холодной, и голые ноги скользили по ее поверхности. Кельсер направился к южной стороне здания, ища балкон, о котором говорил Доксон. Он не слишком

беспокоился, что его могут заметить. Да, он пришел выкрасть атиум, десятый и самый могущественный из общеизвестных алломантических металлов. Но его второй целью было устроить побольше шума.

Нужный балкон Кельсер отыскал без труда. Широкий и просторный, он явно предназначался для проведения небольших приемов. Сейчас там никого не было, кроме двух стражей. Кельсер, пригнувшись, подошел к самому краю: плащ делал его почти невидимым. Стражи беспечно болтали прямо под ним.

«Пора немножко пошуметь», — решил Кельсер.

Он спрыгнул на балкон точно между стражниками. Разжигая пьютер, чтобы усилить тело, он оттолкнулся сталью от обоих мужчин. Его сдавило алломантической отдачей, а стражников отбросило в противоположные стороны. Они закричали от испуга, когда непонятная сила внезапно перекинула их через перила балкона прямо в темноту.

Они так и кричали всю дорогу до земли. Кельсер рывком распахнул балконную дверь, позволив туману пробраться внутрь. Усики тумана поползли в темное помещение.

«Третья комната», — мысленно повторил Кельсер и двинулся вперед короткими перебежками.

Вторым помещением оказалась тихая оранжерея. Вдоль нее стояли в низких широких кадках ухоженные кусты и маленькие деревца, а одна стена представляла собой сплошное окно от пола до потолка — через него к растениям проникал солнечный свет. Хоть было темно, Кельсер знал, что эти растения отличаются цветом от привычных коричневых, — они могли быть белыми, красноватыми, а может, и светло-желтыми. То, что выращивалось для знатных людей, всегда представляло собой редкость.

Кельсер быстро миновал оранжерею и остановился перед следующей дверью, заметив под ней полосу света. Он погасил олово, чтобы слишком чувствительные глаза не пострадали от яркого освещения, и распахнул дверь.

Он стремительно вошел, щурясь и сжимая в руках стеклянные кинжалы. Комната оказалась пустой. Это, безусловно, был кабинет: рядом с

книжными полками на стенах висели горящие фонари, в углу стоял письменный стол.

Кельсер спрятал ножи, поджег сталь и сосредоточился на поиске металлов. В одном из углов кабинета стоял большой сейф, но он был уж слишком на виду. Другой источник металлической энергии прятался в восточной стене. Кельсер подошел, пробежался пальцами по штукатурке. Как и большинство стен в крепостях знатных людей, эта была украшена фреской в пастельных тонах. На картине нежились под красным солнцем существа из неведомых стран. Фальшивая панель занимала около двух квадратных футов, и ее края были искусно замаскированы живописью.

«Всегда находится какой-нибудь секрет», — подумал Кельсер.

Он не стал ломать голову над тем, как открыть хитроумные запоры. Он просто воспламенил сталь и потянул на себя тот сгусток металла, который, как он полагал, был замком потайного сейфа. Замок сначала сопротивлялся, даже прижал Кельсера к стене, но Кельсер поджег пьютер и дернул посильнее. Замок щелкнул, панель распахнулась, открыв небольшой сейф, встроенный в стену.

Кельсер улыбнулся. Сейф выглядел достаточно маленьким, чтобы его мог унести человек, наполненный силой пьютера, — если, конечно, удастся вытащить его из стены.

Кельсер подпрыгнул, потянув сейф силой стали, и уперся ногами в стену по обе стороны открывшейся ниши. Продолжая тянуть, он заставил пьютер вспыхнуть. Сила хлынула в ноги, и вслед за пьютером зажглась сталь — только так можно было выдернуть сейф из стены.

Он даже закричал от напряжения. Интересно, что сдастся раньше — сейф или его ноги?

Сейф слегка подался. Кельсер потянул так, что мышцы, казалось, вот-вот лопнут. Одно бесконечно долгое мгновение ему чудилось, что ничего не происходит. Потом сейф вздрогнул и выскочил из стены. Кельсер полетел на пол спиной вперед, но успел оттолкнуться от сейфа. Он неуклюже приземлился, обливаясь потом, а сейф с грохотом рухнул на деревянный пол, и во все стороны брызнули мелкие щепки.

В кабинет ворвалось двое испуганных стражников.

— Как раз вовремя, — заметил Кельсер, поднимая руку и силой железа дергая на себя меч одного из солдат.

Меч вырвался из ножен, кувыркнулся и понесся к Кельсеру острием вперед. Кельсер погасил железо, шагнул в сторону и схватил летевший по инерции меч за рукоять.

— Рожденный туманом! — завизжал стражник.

Кельсер улыбнулся и прыгнул вперед.

Стражник выхватил из ножен кинжал — Кельсер тотчас же выдернул его алломантическим рывком, а потом развернулся и отсек голову мужчины от тела. Второй стражник, ругаясь, торопливо расстегивал ремни кирасы.

Завершая замах, Кельсер толкнул свой меч, и тот, вырвавшись из пальцев, со свистом понесся ко второму стражнику, чья кираса упала на пол одновременно с телом его напарника. Мгновением позже меч Кельсера вонзился в теперь ничем не защищенную грудь мужчины. Тот пошатнулся и молча упал.

Кельсер резко отвернулся от трупов — взметнулись ленты плаща. На этот раз гнев разгорелся не слишком жарко, его и сравнить нельзя было с той яростью, что охватила Кельсера в ночь убийства лорда Трестинга. Но он до сих пор ощущал ее отзвуки, он чувствовал, как начинают чесаться шрамы, стоит лишь вспомнить крики женщины, которую он любил. И вообще, с точки зрения Кельсера, каждый, кто поддерживал и защищал Последнюю империю, тем самым терял право на жизнь.

Он воспламенил пьютер, наполняя тело физической мощью, присел на корточки и поднял сейф. Сначала Кельсер пошатнулся под его тяжестью, но тут же восстановил равновесие и медленно пошел назад, к балкону. Может, в сейфе был атиум, может, и нет. В любом случае у Кельсера не было времени разбираться.

Он уже дошел до середины оранжереи, когда услышал позади шаги. Он оглянулся и увидел, что кабинет наполнился людьми. Восемь одетых в свободные серые одеяния мужчин, вооруженных дуэльными тростями и

щитами вместо мечей. Туманные убийцы.

Кельсер уронил сейф на пол. Туманные убийцы не владели алломантией, но их специально обучали сражаться с туманщиками и рожденными туманом. В их одежде не было ни грамма металла, и они были готовы к любым трюкам с его стороны.

Кельсер отступил на шаг и с улыбкой расправил плечи. Восемь убийц рассыпались по кабинету, ступая уверенно и тихо.

«Это должно быть интересно».

Туманные убийцы бросились в атаку, парами проникая из кабинета в оранжерею. Кельсер выхватил кинжалы, увернулся от первой атаки и полоснул первого убийцу по груди. Однако тот успел отскочить и замахнулся тростью, вынудив Кельсера отпрянуть.

Кельсер разжег пьютер, и сильные ноги позволили ему отпрыгнуть далеко назад. Одной рукой он выхватил из кошелька горсть монет и швырнул в противников, применив силу стали. Металлические диски, сверкая, понеслись вперед, однако враги Кельсера были готовы к этому: они подняли щиты — и монеты отскочили от дерева, оставив на нем глубокие засечки, но не повредив людям.

Кельсер бросил взгляд на других туманных убийц, вошедших в оранжерею и приближавшихся к нему. Они и не рассчитывали победить в продолжительной схватке, их тактика основывалась на том, чтобы навалиться на него всем вместе и закончить дело побыстрее или, в худшем случае, продержаться до тех пор, пока в битву не вступят алломанты. Кельсер приземлился и посмотрел на сейф.

Он не мог уйти без сейфа. И он должен был завершить бой как можно скорее. Вызвав вспышку пьютера, Кельсер прыгнул вперед, пытаясь достать кинжалом одного из убийц, но не смог пробить защиту противника. И сам едва успел уйти от удара дуэльной тростью по голове.

Трое туманных убийц зашли сзади, отрезав дорогу к балкону.

«Отлично!» — подумал Кельсер, стараясь следить за всеми восемью сразу.

Они приближались к нему с осторожностью, действуя слаженно, как единая команда.

Стиснув зубы, Кельсер снова вызвал вспышку пьютера и заметил, что она вышла тускловатой. Пьютер выгорал быстрее других базовых металлов.

«Некогда об этом думать».

Те, что были позади, напали, и Кельсер отпрыгнул в сторону, подтянувшись к сейфу так, чтобы очутиться в центре помещения. Как только его ноги коснулись пола, он сразу оттолкнулся и взлетел в воздух. Поджав под себя ноги, он перескочил через нападавших сзади и оказался рядом с кадкой, в которой росло какое-то дерево. Развернувшись и одновременно усилив горение пьютера, он вскинул руку, чтобы защититься от неизбежного удара.

В руку тут же врезалась дуэльная трость. Боль обожгла, но кость, усиленная пьютером, выдержала. Кельсер без промедления выбросил вперед другую руку и вонзил кинжал в грудь противника.

Тот отшатнулся, застигнутый врасплох, и рукоять кинжала вырвалась у Кельсера из пальцев. Другой убийца бросился в атаку, но Кельсер ушел от удара и сорвал с пояса кошель. Туманный убийца ожидал, что Кельсер ударит его вторым кинжалом, но Кельсер швырнул в его щит мешочек с монетами.

А потом толкнул монеты.

Убийца закричал, могучий стальной удар отбросил его. Кельсер поджег сталь и толкнул снова, так что его самого откинуло назад... и кстати, потому что в этот момент двое других как раз попытались напасть на него. Кельсер врезался спиной в дальнюю стену, но продолжал толкать, направляя врага — вместе со щитом и монетами — к огромному окну оранжереи.

Стекло разлетелось, и на его осколках вспыхнули отблески света. Перекошенное лицо туманного убийцы исчезло в темноте за разбитым окном, и туман — бесшумный и зловецкий — пополз в оранжерею.

Однако оставшиеся шестеро продолжали неуклонно наступать, и Кельсер заставил себя не замечать боли в руке, когда ему пришлось согнуться,

уходя от двойного удара. Он метнулся в сторону, мимо какого-то маленького деревца, но тут его поджидал третий убийца; удар трости пришелся по ребрам Кельсера.

Его отбросило на одну из кадок. Он споткнулся и рухнул у входа в освещенный кабинет, выронив кинжал. Упал на колени, задыхаясь от боли и схватившись за ушибленный бок. У любого другого после такого удара были бы сломаны все ребра; но даже у Кельсера должен был остаться здоровенный синяк.

Шестеро туманных убийц неуклонно приближались, расходясь веером, чтобы отрезать ему все пути. Кельсер с трудом поднялся на ноги, перед глазами все плыло от боли и напряжения. Стиснув зубы, он достал флакончик с металлами. Залпом осушив флакон, Кельсер снова наполнился силой пьютера, а потом поджег олово. Свет едва не ослепил его, боль в руке и боку ощутимо усилилась, но зато в голове мгновенно прояснилось.

Шестеро туманных убийц двигались синхронно, готовясь к атаке.

Кельсер взмахнул рукой, поджигая железо и оглядываясь в поисках металла. Ближайшим к нему металлическим предметом оказалось тяжелое серебристое пресс-папье на письменном столе в кабинете. Кельсер притянул его и повернулся лицом к приближавшимся убийцам, приняв угрожающую стойку.

— Ну хорошо... — прорычал он.

Внутри его яростно вспыхнула сталь. Прямоугольный слиток металла вырвался из его пальцев и со свистом рассек воздух. Идущий первым вскинул щит, но слишком медленно. Пресс-папье с хрустом ударило его в плечо, и убийца, вскрикнув, упал.

Кельсер увернулся от посоха, отскочив в сторону, и один из убийц оказался между ним и упавшим на пол. Воспламенив железо, он потянул пресс-папье на себя. Оно свистнуло и врезалось в висок второго убийцы. Тот рухнул, а пресс-папье полетело дальше.

Один из оставшихся с проклятиями бросился в атаку. Кельсер оттолкнул летящее пресс-папье, направляя его прочь от себя и от убийцы, который поднял щит. Кельсер услышал, как тяжелый серебряный предмет упал на

пол за его спиной, и тут же, разжигая пьютер, перехватил в воздухе занесенную дуэльную трость.

Туманный убийца закричал, тщетно пытаясь вырвать свое оружие из усиленной пьютером руки противника. Но Кельсеру трость была и не нужна; он просто резко потянул на себя пресс-папье, лежавшее позади, а в последний момент развернулся вместе с туманным убийцей, подставив того под удар.

Убийца свалился на пол.

Кельсер снова вызвал вспышку пьютера, готовясь к новому нападению. Тотчас же на его спину обрушилась трость. Кельсер упал на колени, и доски пола треснули под ним, но горящее олово позволило ему не потерять сознания. Боль болью, но его ум был предельно ясен. Он снова рванул на себя пресс-папье, выдернув его из тела умирающего, и отшатнулся в сторону, чтобы не пострадать от собственного импровизированного оружия.

Двое убийц припали к полу. Пресс-папье ударило в один из щитов, но Кельсер не стал нажимать на него, чтобы самому не лишиться равновесия. Вместо этого Кельсер воспламенил железо и опять притянул к себе многострадальное пресс-папье. В очередной раз уклонившись от встречи с ним, он лишь почувствовал, как тяжелое серебро просвистело над головой. А потом с хрустом ударило того, кто подкрадывался к Кельсеру сзади.

Кельсер стремительно развернулся, поджигая железо, а следом за ним сталь, чтобы мощным ударом пресс-папье добить оставшихся двоих. Они шарахнулись в сторону, однако Кельсер отпустил пресс-папье, и оно упало на пол перед ними. Убийцы с тревогой посмотрели на опасную безделушку — и отвлеклись от Кельсера, который тут же прыгнул, силой стали отталкиваясь от серебра и пролетая над головами мужчин. Они выругались, разворачиваясь. А Кельсер, приземлившись, снова дернул пресс-папье, и оно врезалось в затылок одного из туманных убийц.

Тот упал без звука. Пресс-папье несколько раз кувыркнулось в воздухе, и Кельсер схватил холодный, скользкий от крови предмет. Туман, пробравшийся сквозь разбитое окно, подполз к его ногам, обвиваясь вокруг лодыжек. Кельсер опустил руку, указывая на последнего убийцу.

Кто-то из поверженных врагов застонал.

Оставшийся убийца отступил назад, уронил оружие и бросился бежать. Кельсер улыбнулся.

Пресс-папье внезапно выскочило из его руки и улетело в разбитое окно. Кельсер выругался, оборачиваясь: в кабинет вбегали новые люди. Судя по одежде, аристократы. Алломанты.

Некоторые из них вскинули руки, и рой монет понесся к Кельсеру. Он воспламенил сталь и отшвырнул монеты. Уцелевшие стекла зазвенели, посыпались осколки и щепки — все помещение наполнилось взбесившимися летающими монетами. Кельсер почувствовал, как дернулся кармашек на поясе, — это выскочил наружу последний оставшийся флакон с металлами, притянутый кем-то из кабинета. Кое-кто из мужчин покрепче выдвинулся вперед, пригибаясь, чтобы избежать столкновения с монетами. Это были громилы — поджигатели пьютера, как Хэм.

«Пора удирать», — подумал Кельсер, отмахиваясь от очередной волны монет и скрипя зубами от боли в боку и руке.

Он оглянулся: у него в запасе оставалось несколько секунд, но до балкона ему было не добраться. Когда в его поле зрения появились еще несколько туманщиков, Кельсер глубоко вздохнул и бросился к огромному, от пола до потолка, разбитому окну. Он прыгнул в туман, перевернулся в воздухе и решительно потянул на себя сейф, лежавший на полу оранжереи.

Кельсер дернулся в воздухе, его занесло, но он не отпускал сейф. И почувствовал, как тот поехал к нему. Кельсер ударился о стену, но продолжал тянуть, прилипнув снизу к подоконнику. Он едва не лопался от напряжения.

Сейф подполз к окну. Покачнувшись, он вывалился наружу и полетел на Кельсера. Вор усмехнулся, погасил железо, обеими ногами оттолкнулся от стены и нырнул в туман, как сумасшедший пловец. Он несся сквозь тьму спиной вперед, краем глаза успев заметить чье-то взбешенное лицо в проеме разбитого окна.

Аккуратно притягиваясь к сейфу, Кельсер падал. Вокруг клубился туман, мешая видеть и рождая ощущение, что он вовсе не падает, а висит в

пустоте.

Достигнув сейфа, он развернулся и, оттолкнувшись, понесся вверх.

Сейф ударился о камни мостовой. Кельсер легонько оттолкнулся от него, замедляя падение, и завис в воздухе в нескольких футах над сейфом. Мгновение-другое он парил, и ленты его плаща полоскались на ветру. Потом он опустился на землю.

Железный ящик разбился от удара. Кельсер отбросил в сторону вырванную дверцу. Его слух, обострившийся благодаря олову, улавливал на верхнем этаже здания тревожные крики. В сейфе он нашел небольшой кошелек с драгоценными камнями и пару долговых расписок на сумму в десять тысяч мер; все это он рассовал по карманам. Он еще раз обшарил сейф, внезапно встревожившись, что все его ночные труды окажутся напрасными. Но наконец пальцы нащупали то, что он искал, — маленький мешочек в самой глубине сейфа.

Кельсер распустил шнурки и увидел темные, похожие на бусинки кусочки металла. Атиум. Шрамы Кельсера заныли, он вспомнил время, проведенное в Ямах Хатсина.

Он завязал мешочек и встал. Весело глянул на неестественно выгнутое тело на мостовой — это были останки того туманного убийцы, которого он выкинул из окна. Рядом с трупом валялся кошелек. Кельсер силой железа подхватил монеты.

Нет, ночь прошла не напрасно. Даже если бы он не достал атиум, все равно любая ночь, увенчанная разгромом Великого Дома, была просто великолепна. Так считал Кельсер.

Зажав в одной руке мешок с монетами, а в другой — атиум, Кельсер снова разжег пьютер; без алломантической подпитки он бы, наверное, уже потерял сознание от боли. А потом он устремился в ночь, спеша к лавке Колченога.

6

Я никогда этого не хотел, честное слово. Но кто-то должен остановить Бездну. И, судя по всему, Террис — единственное место, откуда это можно сделать.

Впрочем, здесь я полагаюсь не на слова мудрецов. Я просто чувствую теперь нашу цель, я ее ощущаю, хотя другим это не удастся. Мой разум воспринимает ее как далекую пульсацию где-то в горах...

Вин проснулась в тихой комнате; красные лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели в ставнях. Вин несколько мгновений лежала неподвижно, ощущая беспокойство. Что-то не так. И дело было не в том, что она проснулась в незнакомом месте, — путешествия с Рином приучили ее к кочевой жизни. Миг спустя она поняла, в чем дело.

Комната была пуста.

Не только пуста, но еще и просторна. Огромна. И вдобавок... уютна. Вин лежала на настоящей кровати с пологом, простынями и мягким одеялом. Комнату украшал крепкий деревянный шкаф, здесь даже был на полу круглый коврик. Возможно, кто-то другой счел бы обстановку убогой, но Вин она казалась роскошной.

Она села, хмурясь. Это как-то неправильно — иметь отдельную комнату. Вин привыкла к битком набитым спальным помещениям. Даже в путешествиях она ночевала в переулках с нищими или в пещерах мятежников, и всегда рядом был Рин. Ей постоянно приходилось прилагать огромные усилия, чтобы хоть немножко побыть одной. И вдруг одиночество досталось ей вот так запросто... Это как будто обесценивало те годы, когда Вин наслаждалась краткими моментами уединения.

Она выскользнула из постели, но ставни открывать не стала. Солнечный свет был слабым, то есть утро едва начиналось, однако Вин слышала, что по коридору уже ходят люди. Она подкралась к двери, чуть приотворила ее и выглянула наружу.

Накануне ночью, когда Кельсер ушел, Доксон отвел Вин в лавку Колченога.

Час был поздний, и Колченог сразу же разослал их по спальням. Однако Вин не стала ложиться. Она дождалась, пока все заснут, и отправилась изучать новое место.

Лавка оказалась большой и походила, скорее, на гостиницу. На первом этаже располагались торговое помещение и просторная мастерская, а на втором этаже Вин обнаружила несколько длинных коридоров, куда выходили двери спален. Был еще и третий этаж, и там двери располагались на большем расстоянии друг от друга, что говорило об ином размере комнат. Вин не стала простукивать стены в поисках потайных люков или фальшивых перегородок — шум обязательно разбудил бы кого-нибудь, — но опыт подсказывал ей, что берлога не будет настоящей берлогой, если в ней нет хотя бы потайного подвала и нескольких смотровых ниш.

В целом Вин была, конечно, поражена. Плотницкие инструменты и наполовину законченные вещи внизу говорили о большом количестве заказов. Убежище выглядело надежным, хорошо оборудованным и содержалось в порядке. Глядя в приоткрытую дверь, Вин увидела группу тощих молодых людей, вышедших из коридора напротив и спустившихся по лестнице, к мастерской. Одеты они были очень просто.

«Подмастерья, плотники или столяры, — подумала Вин. — Этим Колченог и занимается... он же скаа-ремесленник».

Большинство скаа занимались тяжелым трудом на плантациях, и даже те, кто жил в городе, в основном выполняли самую грязную работу. Однако некоторым, наиболее талантливым, позволялось осваивать ремесла. Но и тут они оставались всего лишь скаа: платили им мало и заставляли выполнять все прихоти знати.

Но все же у них была некоторая свобода, способная вызвать зависть у других скаа.

Колченог, судя по всему, был известным столяром. Как же такой человек — живший, по меркам скаа, на удивление хорошо — мог рискнуть и связаться с преступным миром?

«Он туманщик, — подумала Вин. — Кельсер и Доксон называли его курильщиком».

Наверное, ей придется самой разбираться во всем этом. Опыт подсказывал ей, что Кельсер, скорее всего, постарается скрывать от нее знания как можно дольше, скармливая ей лишь жалкие крохи. Он уже накрепко привязал к себе Вин, и с его стороны было бы не слишком умно сразу дать ей то, чего она так желала.

В коридоре опять послышались шаги, и Вин прильнула к щели.

— Пора привести себя в порядок, Вин, — сказал Доксон, проходя мимо ее двери.

Он был одет в рубашку и свободные брюки «дворянского» покроя и выглядел бодрым и собранным. Приостановившись, он продолжил:

— Вон в той комнате в конце коридора для тебя приготовлена ванна, и я попросил Колченога раздобыть тебе новую одежду. Для начала сойдет, а потом мы подберем тебе костюм получше. Можешь побольше времени провести в ванне — Кел собирался устроить собрание после полудня, но мы не сможем начать, пока не придут Бриз и Хэм.

Доксон улыбнулся, бросив на нее взгляд сквозь приоткрытую дверь, и пошел дальше. Вин покраснела оттого, что ее застукали за подсматриванием.

«Они наблюдательные люди. Следует об этом помнить».

В коридоре стало совсем тихо. Вин выскользнула из комнаты и осторожно пошла в указанном направлении. Там она с изумлением обнаружила, что для нее действительно приготовлена ванна с теплой водой. Хмурясь, Вин внимательно изучила комнату с кафельными стенами и металлическую ванну. От воды приятно пахло: так мылись только знатные дамы.

«Здесьние обитатели больше похожи на аристократов, чем на скаа», — подумала Вин.

Она просто не знала, как ко всему этому отнестись. Однако от нее явно ожидали, что она будет вести себя так же, как другие, поэтому она заперла дверь на задвижку, сбросила одежду и забралась в ванну.

*

Просто смешно, как теперь от нее пахло.

Хотя запах, исходивший от кожи, был очень легким, Вин все равно время от времени улавливала его. Так пахли знатные дамы, проходившие мимо нее на улицах, так пахло из надушенных ящичков комодов, которые вскрывали ловкие пальцы ее брата-взломщика. С каждым часом запах становился слабее, но продолжал тревожить Вин. Он слишком отличал ее от других скаа. И если в этом доме ожидают, что она будет принимать ванну регулярно, она попросит, чтобы в воду ничего не добавляли.

Завтрак тоже превзошел все ожидания. Несколько женщин-скаа, разного возраста, трудились в кухне Колченога, готовя закуски, — в тонкие лепешки они заворачивали вареный ячмень и овощи. Вин постояла в дверях кухни, наблюдая за женщинами. Ни от одной из них не пахло так, как от нее, хотя все они были намного ухоженнее обычных скаа.

Во всем доме витал дух чистоты. Накануне ночью, в темноте, Вин этого не заметила, но теперь видела, что полы здесь отмыты до блеска. У всех рабочих — и у кухарок, и у подмастерьев — белые лица и руки. Это казалось Вин очень странным. Она привыкла к тому, что ее собственные пальцы всегда черны от пепла; во время путешествий с Рином, стоило ей умыться, она тотчас же заново пачкала щеки сажей. Умытое лицо привлекало слишком много внимания на улицах.

«Здесь даже по углам пепла нет, — подумала Вин, рассматривая полы. — И в комнатах тоже».

Ей никогда прежде не приходилось жить в подобном месте. Это было все равно что попасть в дом знатного человека.

Она снова посмотрела на кухарок. Они носили простые серые и белые платья, а головы у всех были повязаны шарфами, из-под которых сзади спадали длинные волосы, забранные в хвост. Вин ощупала собственную голову. Она стриглась коротко, как мальчик, — в последний раз ее стриг, особо не утруждаясь, один из воров. Она была не такая, как эти женщины, — она всегда была другой. Под руководством Рина Вин жила и выглядела так, чтобы остальные смотрели на нее в первую очередь как на вора, а уже потом как на девушку.

«Но что будет теперь? Кем я стала?»

От нее пахло духами, но одета она была в ржаво-коричневые свободные брюки и простую рубашку на пуговицах, как подмастерье, и чувствовала себя не в своей тарелке. А это плохо: когда она ощущала неловкость, то и выглядела неловкой. Это делало ее еще более заметной.

Вин заглянула в мастерскую. Подмастерья уже принялись за работу, трудясь над разнообразной мебелью. Они располагались в дальней мастерской, а сам Колченог работал в главном помещении, собирая детали мебели воедино с явным знанием дела.

Задняя дверь кухни внезапно распахнулась. Вин инстинктивно скользнула в сторону и прижалась к стене.

В дверном проеме стоял Хэм, освещенный красными лучами солнца. На нем были свободная рубашка без рукавов и жилет, в руках он держал несколько больших пакетов. На нем, как и на всех остальных, не было ни пятнышка сажи.

Хэм прошел в мастерскую.

— Ну, — сказал он, бросая пакеты, — кто-нибудь знает, какую комнату мне отвели?

— Я спрошу мастера Кладента, — предложил один из подмастерьев, быстро выходя в соседнее помещение.

Хэм улыбнулся, потягиваясь, и повернулся к Вин:

— С добрым утром. Вин! Знаешь, тебе незачем прятаться от меня. Мы теперь одна команда.

Вин слегка расслабилась, но осталась стоять на месте, за рядом почти законченных стульев.

— А ты тоже будешь жить здесь?

— Это очень выгодно — жить рядом с курильщиком, — ответил Хэм, заходя в кухню.

Через несколько мгновений он вернулся, держа четыре большие лепешки с

овощами.

— Кто-нибудь знает, где сейчас Кел?

— Спит еще, — сообщила Вин. — Он вчера вернулся очень поздно и пока что не выходил.

Хэм фыркнул, впиваясь зубами в одну из лепешек.

— А Докс?

— В комнате на третьем этаже, — ответила Вин. — Он встал рано, спустился поесть, потом вернулся наверх.

Она не стала добавлять, что успела заглянуть в замочную скважину его двери и увидела, что он сидит за столом и что-то пишет.

Хэм вскинул брови:

— А ты всегда за всеми следишь?

— Да.

Хэм помолчал и усмехнулся:

— Ты странный ребенок, Вин.

Вернулся подмастерье, и Хэм, собрав пакеты, ушел следом за юношей вверх по лестнице. Вин стояла неподвижно, прислушиваясь к их шагам. Они остановились примерно в середине первого коридора — возможно, рядом с ее комнатой.

Запах вареного ячменя привлек ее внимание. Вин заглянула в кухню. Хэм ввалился туда и взял еды. А ей можно сделать то же самое?

Стараясь выглядеть уверенной, Вин вошла в кухню. Гора свернутых лепешек лежала на большом блюде, — наверное, они предназначались для подмастерьев. Вин осторожно схватила две лепешки. Ни одна из женщин не сказала ни слова поперек, а кое-кто даже уважительно кивнул Вин.

«Я теперь важная персона», — подумала Вин, чувствуя себя не слишком

уютно.

Интересно, они знают, что она... рожденная туманом? Или просто относятся к ней уважительно, как к гостье?

Решившись, Вин взяла третью лепешку и ускользнула в свою комнату. Вообще-то, она взяла еды больше, чем могла съесть, но она собиралась выбрать из лепешек начинку, а хлеб припрятать на всякий случай.

*

В дверь постучали. Вин чуть приоткрыла ее, осторожно и нешироко. Снаружи стоял молодой человек — тот самый, что приходил с Колченогом в берлогу Камона накануне вечером.

Высокий, худой, немного неловкий, одетый во все серое. Ему было, наверное, лет четырнадцать, хотя из-за роста он казался старше своих лет. И еще он как будто нервничал.

— Да? — вопросительно произнесла Вин.

— Э-э...

Вин нахмурилась:

— В чем дело?

— Тебя ждут, — сказал он с заметным восточным акцентом. — Тама, на самой верхотуре. Мастер Джампис, на третьем этаже. Ну, я пойду, пожалуй что.

Юноша покраснел, развернулся и поспешил прочь, взбежав вверх по лестнице.

Вин постояла немного в дверях, озадаченная.

«Что бы это значило?» — гадала она, всматриваясь в полутемный коридор.

Юноша, похоже, ожидал, что она пойдет следом за ним. Еще немного подумав, Вин решила. По лестнице она поднялась очень осторожно.

Из-за открытой двери в конце коридора слышались голоса. Вин подошла и заглянула внутрь. Комната оказалась роскошной: там были ковры и удобные с виду кресла. У стены находился горящий камин, а кресла были расставлены широким полукругом перед большой грифельной доской на специальной подставке.

Кельсер стоял у камина, опершись локтем о полку и держа бокал с вином, и что-то говорил. Просунув голову дальше, Вин обнаружила, что Кельсер разговаривает с Бризом. Гасильщик явился около полудня, и половине подмастерьев Колченога пришлось разгружать его пожитки. Вин из своего окна наблюдала, как подмастерья таскают наверх багаж, замаскированный под ящики с обрезками древесины. Сам Бриз и пальцем не пошевелил, чтобы помочь им.

Хэм тоже был здесь, и Доксон, и даже Колченог устроился в большом мягком кресле — подальше от Бриза. Юноша, пригласивший Вин, сел на стул рядом с Колченогом и изо всех сил старался не смотреть в ее сторону. В последнем из занятых кресел Вин увидела Йедена, по-прежнему одетого как скаа-рабочий. Он сидел прямо, не опираясь на спинку, как будто не одобрял мягкой мебели. Его лицо было темным от сажи, как и полагалось рабочему.

В комнате оставалось еще два свободных кресла. Кельсер наконец заметил стоявшую в дверях Вин и ободряюще улыбнулся ей.

— А вот и она! Входи.

Вин еще раз внимательно оглядела комнату. В ней имелось окно, но ставни были закрыты, потому что приближались сумерки. Свободные кресла стояли поблизости от Кельсера. Смирившись, Вин вошла и села рядом с Доксоном. Кресло оказалось огромным, и Вин забралась в него с ногами.

— Ну вот, теперь все в сборе, — сказал Кельсер.

— А для кого еще одно кресло? — спросил Хэм.

Кельсер улыбнулся, подмигнул, но на вопрос не ответил.

— Что ж, давайте поговорим. Нам предстоит та еще работенка, и чем скорее мы набросаем план, тем лучше.

— Я думал, у тебя уже есть план, — осторожно произнес Йеден.

— Только общее представление, — ответил Кельсер. — Я знаю, что должно произойти, и у меня есть несколько идей относительно того, как этого добиться. Невозможно собрать команду вроде нашей и просто сообщить каждому, что ему делать. Следует поработать над этим вместе, начав со списка проблем, которые надо решить, чтобы наш план осуществился.

— Ладно, — сказал Хэм, — тогда для начала разберемся с этим общим представлением. Суть плана, как я понимаю, в том, чтобы собрать армию для Йедена, устроить беспорядки в Лютадели, захватить дворец, украсть у Вседержителя атиум, а потом поглядеть на то, как разваливается государство?

— Совершенно верно, — согласился Кельсер.

— Тогда, — заявил Хэм, — нашей главной проблемой является гарнизон. Если в Лютадели необходим настоящий хаос, то нам совершенно ни к чему двадцать тысяч солдат, готовых навести порядок. Не говоря уже о том, что войска Йедена просто не попадут в город, пока на стенах будут находиться вооруженные защитники Лютадели.

Кельсер кивнул. Взяв кусок угля, он написал в верхней части доски: «Гарнизон».

— Что еще?

— Нам нужен способ начать в столице упомянутые беспорядки, — сказал Бриз, небрежно качнув бокалом вина. — Инстинкты тебя не подвели, друг мой. Этот город — ключевая позиция, поскольку именно здесь располагается братство и здесь же соприкасаются маленькие торговые империи Великих Домов. И если мы хотим лишить Вседержителя власти, мы должны разгромить Лютадель.

— И кстати, знать — это второй пункт, — добавил Доксон. — Великие Дома имеют в городе свои отряды, не говоря уже об их алломантах. И если мы собираемся отдать город Йедену, нам придется разобраться со всеми вельможами.

Кельсер кивнул и написал на доске рядом с «Гарнизон»: «Хаос» и

«Великие Дома».

— Братство, — сказал Колченог, откинувшись на спинку кресла так, что Вин почти перестала видеть его раздраженное лицо. — Никаких перемен в во власти не будет до тех пор, пока Стальные инквизиторы имеют хоть какое-то влияние.

Кельсер написал на доске: «Братство».

— Что еще?

— Атиум, — высказался Хэм. — Нам будет необходимо очень быстро захватить дворец, как только начнется всеобщая суматоха, да еще сделать так, чтобы никто другой не успел забраться в сокровищницу.

Кельсер опять кивнул и написал: «Атиум. Охрана сокровищницы».

— Надо придумать, как собрать армию для Йедена, — напомнил Бриз. — Придется действовать тихо, но быстро и найти место для обучения людей — такое, где их не обнаружит Вседержитель.

— И еще неплохо бы убедиться в том, что мятежные скаа действительно согласны войти в Лютадель, — с усмешкой сказал Доксон. — Конечно, захват дворца и грабеж сокровищницы — это звучит восхитительно, но будет еще восхитительнее, если Йеден и его люди и впрямь окажутся готовыми взять власть и управлять страной, когда все кончится.

На доске появились слова: «Войско» и «Мятежные скаа».

— И еще, — сказал Кельсер, — я намерен добавить сюда «Вседержитель». Мы ведь собираемся по меньшей мере выпроводить его из города, если больше ничего не удастся. — Добавив к списку «Вседержитель», Кельсер оглянулся на остальных. — Я ничего не забыл?

— Ну, — сухо произнес Йеден, — если ты перечисляешь проблемы, с которыми нам необходимо справиться, то тебе следовало бы написать в самом начале, что все мы абсолютно безумны... хотя я сомневаюсь, что от такой записи будет польза.

Все засмеялись, а Кельсер написал на доске: «Скверный нрав Йедена».

Потом отступил на несколько шагов, изучая взглядом список.

— Когда все вот так разберешь на части, выглядит не очень-то и страшно.

Вин нахмурилась, пытаясь понять, пошутил Кельсер или нет.

Список не просто обескураживал — он пугал. Двадцать тысяч имперских солдат? Объединенные отряды и мощь высшей знати? Братство? Люди говорили, что один-единственный Стальной инквизитор сильнее, чем тысяча солдат.

Но еще больше пугало Вин то, что все смотрели на список как на простое перечисление фактов. Да как они подумать могли о том, чтобы бунтовать против Вседержителя? Он был... богом. Он властвовал над миром. Он был творцом, защитником и карающей дланью человечества. Он спас их от Бездны, а потом наслал на них пепел и туман в наказание за недостаток веры. Вин была не очень-то религиозна (умные воры знали, как избежать столкновения со Стальным братством), но даже она верила легендам.

А эти люди рассматривали список «проблем» со спокойной решимостью. И на их лицах светилась мрачная радость, как будто они прекрасно знали, что скорее солнце взойдет среди ночи, чем они повергнут в прах Последнюю империю, и все же намеревались попытаться.

— Великий Вседержитель! — едва слышно прошептала Вин. — Да вы всерьез? Вы действительно намерены это сделать?

— Не стоит клясться его именем, Вин, — сказал Кельсер. — Даже богохульство делает ему честь, ведь тем самым ты признаешь эту тварь своим божеством.

Вин замолчала, съежившись в кресле.

— Ну, идем дальше, — продолжил Кельсер, беспечно улыбаясь. — У кого есть предложения, как именно решить наши задачи? Кроме нрава Йедена, конечно. Мы все знаем, что он безнадежен.

В комнате стало тихо: все задумались.

— Мысли? — спросил Кельсер. — Точки зрения? Впечатления?

Бриз пожал плечами:

— Теперь, сидя здесь, я поневоле думаю, что наше дитя не зря напугалось. Работка устрашающая.

— Но ее можно выполнить, — возразил Кельсер. — Давайте начнем с обсуждения того, как взбудоражить город. Что мы можем сотворить такое, чтобы знать потеряла рассудок и чтобы даже дворцовая гвардия ринулась в город, подставившись под наши войска? Что-то, что отвлекло бы братство и самого Вседержителя, в то время как мы бросим в атаку свою армию?

— Ну, мне приходит на ум только всеобщий бунт, — сказал Хэм.

— Не получится, — твердо заявил Йеден.

— Почему? — спросил Хэм. — Ты же знаешь, как власти обращаются с людьми. Скаа живут в трущобах, целыми днями работают на фабриках и в кузницах и при этом едва не умирают от голода.

Йеден покачал головой:

— Разве ты не понимаешь? Мятежники уже тысячу лет пытаются добиться восстания в Лютадели. Но ни разу ничего не вышло. Люди слишком забиты... у них нет ни воли, ни надежды, они не в силах сопротивляться. Именно поэтому я пришел к вам с просьбой собрать армию.

Все замолчали. Однако Вин задумчиво кивнула. Она была согласна с Йеденом: она это видела, она это чувствовала. Никто не мог бороться с Вседержителем. Даже живя среди воров, приютившись на самом краю общества, она это знала. Никакого бунта просто не может быть.

— Боюсь, он прав, — сказал Кельсер. — Скаа не станут восставать, по крайней мере в нынешней ситуации. И если мы собираемся устроить переворот, мы должны сделать это без помощи народа. Мы сумеем, возможно, набрать здесь какое-то количество солдат, но не стоит рассчитывать на все городское население.

— Может, устроим какое-нибудь грандиозное бедствие? — предложил Хэм.
— Пожар, например?

— Это может на некоторое время приостановить торговлю, но сомневаюсь, что мы добьемся нужного эффекта, — возразил Кельсер. — Кроме того, слишком многие скаа поплотятся своей жизнью. Гореть-то будут трущобы, а не каменные крепости знати.

Бриз вздохнул:

— Ну хорошо, тогда что мы можем сделать, по-твоему?

Кельсер улыбнулся, в глазах у него плясали искры.

— А что, если мы натравим Великие Дома друг на друга?

Бриз на миг застыл.

— Война между Домами... — пробормотал он наконец, с задумчивым видом делая глоток вина. — Такое уже случилось в городе, только очень давно.

— А это значит, что недовольства накопилось достаточно и момент настал, — сказал Кельсер. — Высшая знать становится невероятно могущественной, сам Вседержитель с трудом удерживает власть над ней. Именно поэтому у нас есть шанс ослабить его хватку. Великие Дома Лютадели — наш главный ключ. Они держат всю имперскую торговлю, не говоря уже о том, что поработили абсолютное большинство скаа. — Кельсер ткнул пальцем в доску — между строчками «Хаос» и «Великие Дома». — Если мы сумеем столкнуть лбами Великие Дома Лютадели, мы перевернем весь город. Рожденные туманом начнут убивать глав Домов. Банкротства пойдут одно за другим. А от этого недалеко и до открытых столкновений на улицах. Часть нашего договора с Йеденом состоит в том, что мы даем ему возможность захватить город, — и вот она, эта возможность. Хотите придумать лучше?

Бриз кивнул с усмешкой:

— В этом что-то есть... Мне лично нравится идея заставить лордов убивать друг друга.

— Тебе всегда нравится, когда твою работу делает кто-то другой, — заметил Хэм.

— Мой дорогой друг, — возразил Бриз, — весь смысл жизни в том и состоит, чтобы так или иначе заставлять других делать то, что должен делать ты. Разве ты не знаком с основами экономики?

Хэм вскинул брови:

— Ну, вообще-то, я...

— Это был риторический вопрос, Хэм, — перебил его Бриз, закатив глаза.

— Как раз риторические вопросы интереснее всего, — парировал Хэм.

— Отложим философию до лучших времен, — сказал Кельсер. — Вернемся к делу. Что вы думаете о моем предложении?

— Может получится, — заявил Хэм, откидываясь на спинку кресла. — Вот только не думаю, что Вседержитель позволит ситуации зайти так далеко.

— А это уже наша задача — сделать так, чтобы у него не осталось выбора, — произнес Кельсер. — Известно, что он позволяет знати ссориться между собой — возможно, для того, чтобы Великие Дома не сумели объединиться. И мы просто раздуем тлеющие угли, а потом как-нибудь заставим гарнизон города вязаться в свару. Когда Великие Дома начнут драться всерьез, Вседержитель уже не сможет остановить их... если, конечно, не пошлет дворцовую гвардию. Чего мы и добиваемся.

— Но он может заодно вызвать армию колоссов, — напомнил Хэм.

— Верно, — согласился Кельсер. — Но колоссы расположены довольно далеко от столицы — это стоит учесть. Ты же понимаешь, колоссы — отличные бойцы, но их следует держать подальше от цивилизации. Столица Последней империи не защищена по-настоящему, поскольку Вседержитель слишком уверен в своих силах... И действительно, с чего бы ему беспокоиться? Вот уже несколько веков ему не приходилось сталкиваться с серьезными угрозами. В большинстве городов для поддержания порядка хватает и небольших отрядов.

— Ну, двадцать тысяч солдат гарнизона вряд ли можно назвать «небольшим отрядом», — возразил Бриз.

— Подумай, много ли это по сравнению со всем народом, — напомнил Кельсер, назидательно поднимая палец. — Да и вообще, Вседержитель держит бо́льшую часть войск в дальних областях империи, где наиболее сильна угроза бунтов. Именно потому мы нанесем удар здесь, в самой Лютадели, — и именно поэтому добьемся успеха.

— В том случае, если справимся с городским гарнизоном, — уточнил Доксон.

Кельсер кивнул, повернулся к доске и под «Хаосом» и «Великими Домами» дописал строчку: «Междоусобная война».

— Хорошо. Давайте теперь поговорим о гарнизоне. Что будем делать?

— Вообще-то, — задумчиво протянул Хэм, — если учитывать исторический опыт, то наилучший способ справиться с большим количеством вражеских солдат — это иметь много собственных. Мы намерены снабдить Йедена армией — так почему не бросить ее на гарнизон? Разве не для этого предназначены армии?

— Ничего не выйдет, Хэммонд, — сказал Бриз.

Он заглянул в свой опустевший бокал и протянул его юноше, сидевшему рядом с Колченогом. Тот сразу же поспешил налить Бризу еще вина.

— Если мы хотим управиться с гарнизоном, — продолжил Бриз, — нам понадобятся собственные силы по меньшей мере такой же численности. Но скорее, нам потребуется гораздо больше людей, потому что наши солдаты будут неопытными новобранцами. Может, мы и сумеем собрать для Йедена армию, может, она и окажется достаточно большой, чтобы какое-то время удерживать город. Но найти столько людей, чтобы справиться с гарнизоном в его собственных укреплениях? Если наш план именно таков, лучше сразу от него отказаться.

Все опять замолчали. Вин замерла в кресле, по очереди изучая взглядом мужчин. Слова Бриза произвели впечатление. Хэм открыл было рот, но тут же закрыл его и углубился в размышления.

— Отлично, — заговорил наконец Кельсер. — Забудем на минутку о гарнизоне. Поговорим о нашей собственной армии. Как собрать

достаточное количество людей и спрятать их от Вседержителя?

— Тут возникает немало трудностей, — проговорил Бриз. — Вседержитель не зря так уверенно чувствует себя в Центральном доминионе. По рекам и каналам постоянно движутся патрули, а деревни и плантации расположены чуть ли не в дне пути друг от друга. В такой густонаселенной местности вряд ли удастся собрать армию без лишнего шума.

— У мятежников есть пещеры на севере, — сказал Доксон. — Можно спрятать часть людей там.

Йеден побледнел:

— Ты знаешь о пещерах Аргуа?!

Кельсер демонстративно поднял глаза к потолку:

— Даже Вседержитель знает о них, Йеден! Просто мятежники не настолько опасны, чтобы заставить его действовать.

— Сколько вас там? — спросил Хэм. — То есть сколько вас вообще? В Лютадели и в других местах, включая пещеры? Может, начнем с тех, что есть?

Йеден пожал плечами:

— Полагаю, человек триста... включая женщин и детей.

— А сколько человек можно спрятать в пещерах?

Йеден снова пожал плечами и промолчал.

— Там, разумеется, можно укрыть куда больше народа, — сказал Кельсер.

— Тысяч десять, я думаю. Я там бывал... бунтовщики уже долгие годы прячут у себя разных людей, и Вседержитель никогда не пытался уничтожить их убежища.

— Догадываюсь почему, — хмыкнул Хэм. — Сражение в пещерах — дело неблагоприятное, особенно для нападающих. А Вседержитель избегает битв, обреченных на поражение, — он ведь до безумия тщеславен. Значит, десять

тысяч. Это серьезно. Десять тысяч легко возьмут дворец, да и укрепленный город смогут удержать.

Доксон повернулся к Йедену:

— Когда ты говорил об армии, что ты имел в виду? Какое количество?

— «Десять тысяч» — звучит неплохо, — сказал Йеден. — И это даже больше, чем я себе представлял.

Бриз осторожно покрутил в пальцах бокал, устроив маленький винный водоворот.

— Терпеть не могу спорить, — вздохнул он, — это Хэм у нас любитель, но... я просто вынужден вернуться к предыдущей проблеме. Десять тысяч человек. Они даже не напугают гарнизон. Мы ведь говорим о двадцати тысячах хорошо вооруженных, отлично обученных солдат.

— Он прав, Кел, — подтвердил Доксон.

Он нашел где-то небольшой блокнот и делал в нем заметки по ходу собрания.

Кельсер нахмурился.

— Как ни крути, Кел, а гарнизон — крепкий орешек, — добавил Хэм. — Может, лучше сосредоточиться на лордах? Устроим такой бардак, что даже гарнизон не сможет подавить его?

Кельсер покачал головой:

— Сомнительно. Это и есть главная обязанность гарнизона — поддерживать порядок в столице. Если мы не сумеем нейтрализовать его, то никогда не осуществим задуманное. — Он помолчал и посмотрел на Вин. — А ты что думаешь, Вин? У тебя есть предложения?

Вин похолодела. Камон никогда не интересовался ее мнением. Что Кельсер от нее хочет? Она вжалась в кресло, когда заметила, что остальные тоже повернулись и смотрят на нее.

— Я... — протянула Вин.

— Не мучай бедняжку, Кел! — сказал Бриз, взмахнув рукой.

Вин согласно кивнула, но Кельсер не отстал.

— Нет, в самом деле, — настаивал он. — Скажи, что ты думаешь, Вин. Представь, что столкнулась с серьезным врагом и он тебе угрожает. Что ты сделаешь?

— Ну, — осторожно начала Вин, — вам его не победить, это точно. Даже если вы каким-то чудом выиграете, то будете слишком потрепаны, чтобы после драться с кем-то еще.

— Резонно, — заметил Доксон. — Но возможно, у нас не будет выбора. Нам ведь нужно как-то избавиться от гарнизона.

— А если он просто уйдет из города? — спросила Вин. — Это же выход? Если бы я задумала что-то грандиозное, я бы для начала попыталась отвлечь солдат, чтобы они оставили меня в покое.

Хэм хихикнул.

— Да, хорошо бы гарнизон сам ушел из Лютадели. Вседержитель иногда отправляет отдельные отряды в патруль, но весь гарнизон покидал столицу только однажды, насколько мне известно, — полвека назад, когда в Куртелайне взбунтовались скаа.

Доксон покачал головой:

— Идея Вин слишком хороша, чтобы отбросить ее сразу. Верно, мы не можем сражаться с гарнизоном — по крайней мере, в стенах города. А значит, мы должны заставить его покинуть Лютадель.

— Да, — согласился Бриз. — Нужна только особая ситуация, действительно требующая вмешательства столичного гарнизона. Если не возникнет настоящей угрозы, Вседержитель не вышлет из города весь гарнизон. А если опасность окажется слишком велика, он взбесится и отправит колоссов.

— Бунт в одном из ближайших городов? — предположил Хэм.

— Тут встает прежняя проблема, — возразил Кельсер, качая головой. — Если мы не можем поднять скаа здесь, то в другом городе мы тем более не заставим их бунтовать.

— А как насчет ложного выпада? — спросил Хэм. — Мы ведь предполагаем собрать значительное количество собственных солдат. Если они сделают вид, что пытаются захватить какой-то город, возможно, Вседержитель отправит на помощь свой гарнизон?

— Сомневаюсь, чтобы он послал его в другой город, — ответил Бриз. — Ведь таким образом он оставит без защиты Лютадель.

Все в очередной раз замолчали, мысленно перебирая варианты. Вин огляделась по сторонам и заметила, что Кельсер смотрит на нее.

— Еще идеи? — спросил он.

Вин слегка поежилась, опуская взгляд.

— А далеко отсюда Ямы Хатсина? — спросила она наконец.

Все замерли. Потом Бриз расхохотался:

— Вот это потрясающее коварство! Вельможам ведь неизвестно, что в Ямах добывается атиум, так что Вседержитель не сможет поднять шум, иначе все узнают, что это за шахты. Значит, он не пошлет туда колоссов. И единственным оружием останется гарнизон!

Кельсер улыбался, его глаза сияли.

— Чтобы устроить нападение на Ямы, не понадобится много людей. Тысячи человек вполне хватит. Мы отправим их туда, а когда гарнизон покинет столицу, выведем вторую, большую часть армии — и захватим саму Лютадель! Когда гарнизон обнаружит, что его надули, то не успеет вовремя вернуться и помешать нам проникнуть за городские стены.

— Но сможем ли мы удержать победу? — с опаской спросил Йеден.

Хэм с жаром кивнул:

— С десятью тысячами скаа я смогу оборонять город от гарнизона. Вседержителю придется вызывать колоссов.

— Но мы к тому времени уже добудем атиум, — подхватил Кельсер. — А Великие Дома окажутся не в состоянии остановить нас, они будут слишком слабы из-за междоусобиц.

Доксон что-то быстро записал в блокноте.

— Тогда нам действительно понадобятся пещеры Йедена. Они удачно расположены, даже немного ближе к Лютадели, чем к Ямам. Если наша армия выступит оттуда, то будет в столице раньше, чем гарнизон вернется из Ям.

Кельсер кивнул. Доксон продолжал записывать.

— Тогда я начну собирать припасы в пещерах или даже съезжу туда и осмотрю их как следует.

— Да, но как доставлять туда солдат? — спросил Йеден. — Пещеры в неделе пути от столицы... а скаа не позволятся путешествовать по собственному желанию.

— Я уже нашел кое-кого, кто нам поможет, — сообщил Кельсер, записывая на доске под «Гарнизон Лютадели»: «Ямы Хатсина». — У меня есть приятель, который будет доставлять людей на север по воде.

— Предположим, — продолжал Йеден, — ты сумеешь выполнить свое первое и главное обещание. Я заплатил тебе за то, чтобы ты собрал для меня армию. Десять тысяч человек — это огромное количество, но я до сих пор не слышал приемлемого объяснения тому, как ты намерен побудить их к восстанию. Я ведь уже объяснял тебе, что мы столкнулись с этой проблемой, когда пытались набирать рекрутов в Лютадели.

— Нам ведь не нужно, чтобы нас поддержало все население, — ответил Кельсер. — Необходим лишь небольшой процент... а в Лютадели почти миллион рабочих. Это самая легкая часть плана, поскольку в наших рядах находится один из величайших в мире гасильщиков. Бриз, я рассчитываю

на тебя и твоих алломантов. Вы заставите людей проснуться и наберете нам отличных рекрутов.

Бриз сделал глоток вина.

— Кельсер, милый мой, мне бы хотелось, чтобы ты не употреблял слово «заставить», говоря о моих талантах. Я просто подбадриваю людей.

— Отлично, можешь подбодрить для нас целую армию? — спросил Доксон.

— Сколько у меня времени? — поинтересовался Бриз.

— Год, — ответил Кельсер. — Мы планируем восстание на следующую осень. И даже если Вседержитель соберет все силы, чтобы выбить нас из города, мы все равно сможем продержаться до зимы.

— Десять тысяч человек, — с улыбкой произнес Бриз, — которых нужно набрать из числа покорных скаа меньше чем за год. Интересная задачка.

Кельсер хихикнул.

— Раз тебе интересно, значит ты согласен. Начни с Лютадели, потом пройдишь по окрестным городам. Нам нужны люди, которых легко перебросить в пещеры.

Бриз кивнул.

— Нужно еще оружие и продовольствие, — сказал Хэм. — И мы должны обучить людей.

— Насчет оружия у меня есть одна мысль, — сообщил Кельсер. — А что касается инструкторов... можешь их найти?

Хэм помолчал.

— Думаю, да, — сказал он наконец. — Я знаю нескольких солдат-скаа, сражавшихся на стороне Вседержителя во время одного из бунтов.

Йеден побледнел:

— Предатели?!

Хэм пожал плечами.

— Большинство из них не слишком гордятся собой, — сказал он. — Но при этом хотят есть. Жизнь — сложная штука, Йеден.

— Мои люди ни за что не станут работать с ними, — отрезал Йеден.

— Придется, — сердито бросил Кельсер. — Большинство бунтов скаа провалилось именно потому, что люди не умели сражаться. Но мы намерены предоставить тебе армию хорошо обученных, подготовленных солдат — и будь я проклят, если позволю отправить на бойню тех, кто не знает, с какой стороны братья за меч! — Кельсер помолчал и посмотрел на Хэма. — Но я бы посоветовал тебе поискать людей, затаивших злобу на Последнюю империю. Я не доверяю тем, чья преданность зависит от количества золотых мер в кошельке.

Хэм кивнул, а Йеден умолк. Кельсер снова повернулся к доске и под словом «Войско» написал: «Хэм: военная подготовка» и «Бриз: набор рекрутов».

— А что все-таки с оружием? — спросил Бриз. — Как ты намерен вооружить десять тысяч человек, не возбуждив подозрений Вседержителя? За перевозками оружия он следит очень пристально.

— Мы и сами можем изготовить оружие, — подал голос Колченог. — У меня достаточно лишней древесины, чтобы делать пару боевых посохов в день. Пожалуй, и стрелами я сумею вас обеспечить.

— Благодарю за предложение, Колченог, — кивнул Кельсер. — Думаю, это хорошая идея. Однако нам понадобятся не только посохи. Нам будут нужны мечи, щиты и латы — и чем скорее, тем лучше, чтобы сразу начать обучение солдат.

— Ну и как ты собираешься все это раздобыть? — спросил Бриз.

— У Великих Домов масса оружия, — задумчиво произнес Кельсер. — Им не приходится ломать голову над тем, как вооружить свиту.

— И ты хочешь их обокрасть?

Кельсер покачал головой:

— Нет, постараемся действовать легально. Купим оружие. Точнее, найдем сочувствующего лорда, который купит для нас все необходимое.

Колченог расхохотался:

— Лорд, сочувствующий скаа? Такого никогда не будет!

— Ну, «никогда» осталось в прошлом, — беспечно бросил Кельсер. — Я уже нашел того, кто готов помочь нам.

Все умолкли. В полной тишине слышно было, как негромко потрескивают горящие поленья. Вин шевельнулась, оглядывая всех по очереди. Да, слова Кельсера поразили их.

— И кто это? — спросил наконец Хэм.

— Его зовут лорд Рену, — ответил Кельсер. — Он приехал несколько дней назад. Остановился в Феллисе: его влияния недостаточно, чтобы устроиться в Лютадели. Кроме того, я думаю, благоразумнее заниматься подобными делами подальше от Вседержителя.

Вин задумчиво вскинула голову, уставившись в потолок. Феллис был маленьким провинциальным городком в часе езды от Лютадели: они с Рином работали там, прежде чем перебраться в столицу. Как Кельсеру удалось привлечь на свою сторону этого лорда Рену? Может, он подкупил вельможу или узнал о нем нечто скандальное?..

— Я слышал об этом Рену, — медленно проговорил Бриз. — Он с запада и вроде как обладает немалой властью в Окраинном доминионе.

Кельсер кивнул:

— Да, лорд Рену недавно решил добиться для своей семьи более высокого общественного положения. Официальная версия такова: он прибыл на юг с торговыми целями. Он надеется, что если доставит на север отличное южное оружие, то сможет заработать достаточно денег — а заодно

обзаведется достаточным количеством связей, — чтобы построить для себя крепость в Лютадели к концу текущего десятилетия.

Все снова замолчали.

— Но, — нарушил молчание Хэм, — на самом деле оружие окажется у нас?

Кельсер кивнул:

— Нам придется подделывать накладные — на всякий случай.

— Это весьма странно, Кел, — сказал Хэм. — Знатная семья, которая действует заодно с нами...

— Но... — смущенно пробормотал Бриз. — Кел, ты же ненавидишь лордов!

— Этот не такой, как все, — ответил Кельсер с хитрой улыбкой.

Все озадаченно уставились на него. Никому не хотелось иметь дело со знатными людьми, Вин это видела и отлично понимала. А то, что Рену обладал большой властью, только ухудшало ситуацию.

Вдруг Бриз рассмеялся. Откинувшись на спинку кресла, он залпом допил вино.

— Ты просто сумасшедший! Ты его убил. Я о Рену... ты его убил и заменил каким-то самозванцем!

Улыбка Кельсера стала шире. Йеден выругался, а Хэм просто усмехнулся:

— Ах вот оно что!.. Ну, в этом есть смысл. По крайней мере, с точки зрения Кельсера Безрассудного.

— Рену устроил временную резиденцию в Феллисе, — сказал Кельсер. — Он будет нашим прикрытием, если нам понадобится сделать что-то официально. Например, закупить вооружение и припасы.

Бриз задумчиво кивнул:

— Да, это сработает.

— Сработает? — повторил Йеден. — Ты убил вельможу! К тому же могущественного!

— Мы, вообще-то, собираемся разрушить всю империю, Йеден, — напомнил Кельсер. — Рену — не последняя благородная жертва в нашем маленьком предприятии.

— Да, но подменять его самозванцем! Слишком опасно.

— Ты нанял нас, потому что хотел достигнуть необычайной цели, мой дорогой, — проговорил Бриз. — Но необычайная цель требует и необычайного риска.

— Впредь мы постараемся свести его к минимуму, Йеден, — пообещал Кельсер. — Мой актер очень хорош. Однако многое нам придется делать самим.

— А если я прикажу тебе чего-то не делать? — спросил Йеден.

— Мы можем прикрыть лавочку в любой момент, — сказал Доксон, не отрываясь от записей. — Но пока мы в деле, Кельсер составляет планы и разрабатывает детали. Мы всегда так работаем: ты знал это, когда нанимал нас.

Йеден уныло покачал головой.

— Ну? — сказал Кельсер. — Мы продолжаем или нет? Тебе решать, Йеден.

— Говори свободно, если хочешь отступить, друг мой, — с надеждой в голосе произнес Бриз. — Не бойся обидеть нас. Лично я ничего не имею против тех денег, что ты уже нам заплатил.

Вин видела, что Йеден слегка побледнел. По ее мнению, ему вообще повезло, что Кельсер не прирезал его, получив деньги. Но она уже понемногу начала понимать, что дело вовсе не в деньгах.

— Это безумие, — сказал Йеден.

— То, что мы собрались свергнуть Вседержителя? — уточнил Бриз. — Ты прав.

— Ладно, — решил наконец Йеден. — Продолжаем.

— Вот и хорошо, — кивнул Кельсер и написал на доске под словом «Войско»: «Кельсер: вооружение». — Личина Рену позволит нам проникнуть в высшее общество Лютадели. А это очень важно: нам необходимо провести разведку настроений Великих Домов, если мы хотим спровоцировать войну.

— Войну между лордами будет не так легко затеять, как ты думаешь, Кельсер, — предостерег Бриз. — Большинство семей держится осторожно и обособленно.

Кельсер улыбнулся:

— Значит, очень хорошо, что ты с нами, Бриз. Ты большой мастер заставлять людей делать то, что тебе хочется... и вместе мы обязательно придумаем, как стравить высшую знать. Серьезные войны между домами, как следует из истории, случаются примерно раз в два столетия. Наша умелая компания лишь сделает новую войнушку серьезнее предыдущих, и я не думаю, что кто-то сможет нам в этом помешать. Честно говоря, я уже начал...

Бриз вытаращил глаза и оглянулся на Хэма. Громила что-то проворчал себе под нос, достал из кармана золотую монету в десять мер и бросил ее через комнату довольному гасильщику.

— Что это значит? — удивился Доксон.

— Мы поспорили, — объяснил Бриз, — о том, имеет ли Кельсер отношение к ночным событиям.

— Каким событиям? — спросил Йеден.

— Кто-то вломился в Дом Венчер, — ответил Хэм. — В городе поговаривают, что некто якобы послал троих рожденных туманом убить самого Страффа Венчера.

Кельсер фыркнул.

— Троиш? Страфф слишком много о себе возомнил. Меня вообще не интересовала его персона. Я ходил за атиумом... и просто постарался, чтобы меня заметили.

— Венчер понятия не имеет, кого подозревать, — сказал Бриз. — Но поскольку в деле замешан рожденный туманом, все уверены, что затея принадлежит одному из Великих Домов.

— Чего я и добивался, — с довольным видом сообщил Кельсер. — Высшая знать серьезно относится к нападениям рожденных туманом... между Домами существует негласное соглашение не использовать их в борьбе друг против друга. Еще несколько таких ударов — и они начнут грызться, как взбесившиеся звери.

Он повернулся к доске и под строчкой «Великие Дома» добавил две надписи: «Бриз: планирование» и «Кельсер: переполох».

— В любом случае, — продолжил он, — мы должны следить за новостями, чтобы знать, какие Дома заключат союз между собой. Поэтому нам нужно заслать шпионов.

— Разве это действительно необходимо? — смущенно спросил Йеден.

Хэм кивнул:

— Это часть любой работы в Лютадели. Если существуют важные сведения, узнать их можно только от могущественных людей. Рядом с ними всегда следует держать подходящего человека.

— Да, и это нетрудно, — добавил Бриз. — Твоему самозванцу всего-то и нужно, что посещать разные приемы.

Кельсер отрицательно покачал головой.

— К несчастью, лорд Рену не сможет лично приехать в Лютадель.

Йеден нахмурился.

— Почему? Твоего актера лучше не рассматривать вблизи?

— Он выглядит в точности как лорд Рену, — отмахнулся Кельсер. — Вообще-то, он абсолютная копия лорда Рену. Вот только его не стоит подпускать близко к инквизиторам...

— Ах! — судорожно вздохнул Бриз, и они с Хэмом переглянулись. — Так он из тех... Тогда понятно.

— Что такое? — нервно спросил Йеден. — Что это значит?

— Тебе лучше не знать, — сказал Бриз.

— Лучше не знать?!

Бриз развел руками:

— Ты ведь расстроился, узнав, что Кельсер заменил лорда Рену самозванцем? Ну а это в десятки раз хуже. Поверь, чем меньше ты узнаешь, тем спокойнее будет твой сон.

Йеден посмотрел на Кельсера: тот широко улыбался. Йеден побледнел и осторожно откинулся на спинку кресла.

— Наверное, ты прав... — пробормотал он.

Вин сосредоточенно разглядывала всех по очереди. Похоже, они знали, о чем шла речь. Ладно, надо будет найти возможность и самой как следует рассмотреть этого лорда Рену.

— В общем, — снова заговорил Кельсер, — мы должны засылать кого-то на светские приемы. Значит, Докс будет изображать племянника и наследника лорда Рену, отпрыска семьи, недавно завоевавшей благосклонность Вседержителя.

— Эй, погоди-ка! — вскинулся Доксон. — Мы так не договаривались!

Кельсер пожал плечами:

— Нам нужен кто-то, кто будет дурачить знать. Полагаю, ты вполне

подходишь на эту роль.

— Нет, я не могу, — сказал Доксон. — Я засветился во время работы с Эйзером, пару месяцев назад.

Кельсер нахмурился.

— Что такое? — спросил Йеден. — На этот раз мне позволено узнать, о чем вы?

— Он имеет в виду, что за ним следит братство, — пояснил Бриз. — Он изображал из себя лорда, и его засекли.

Доксон кивнул.

— Да уж, меня видел сам Вседержитель, а он ничего не забывает. Даже если я сумею избежать встречи с ним, все равно кто-нибудь со временем узнает меня.

— Значит... — пробормотал Йеден.

— Значит, — сказал Кельсер, — нам необходим кто-то другой, чтобы притворяться наследником лорда Рену.

— Вот только на меня смотреть не надо, — испуганно произнес Йеден.

— Поверь, — невыразительно проговорил Кельсер, — больше никому. Колченог не в счет... его слишком хорошо знают все ремесленники Лютадели.

— Я тоже пас, — заявил Бриз. — У меня уже есть несколько фальшивых знатных имен. Наверное, я мог бы воспользоваться одним из них, но только не на большом приеме и не на балу... Представь, я встречу с кем-то, кто знает меня под другим именем!

Кельсер задумался.

— Я бы мог, — предложил Хэм. — Но ты знаешь, актер из меня никудышный.

— А как насчет моего племянника? — предложил Колченог, кивком указывая на молодого человека рядом с собой.

Кельсер оглядел юношу с головы до пят:

— Как тебя зовут, сынок?

— Лестиборнес.

Кельсер усмехнулся:

— Длинновато. А прозвища у тебя нет?

— Не-а, нетути.

— Ладно, мы над этим поработаем, — решил Кельсер. — Ты всегда говоришь с восточным акцентом?

Юноша пожал плечами, явно нервничая из-за того, что оказался в центре внимания.

— Ну так я малой был, пообвыкся, чего тут...

Кельсер оглянулся на Доксона, и тот покачал головой:

— Нет, Кел, вряд ли он подойдет.

— Согласен. — Кельсер повернулся к Вин и улыбнулся. — Похоже, осталась только ты. Сумеешь изобразить знатную леди?

Вин слегка побледнела.

— Вообще-то, брат учил меня кое-чему... Но я никогда не пыталась...

— Ты справишься, — решил Кельсер и сделал еще одну надпись на доске под словами «Великие Дома»: «Вин: проникновение в тыл противника». — Хорошо. Йеден, тебе, пожалуй, пора начинать думать над тем, как ты будешь управлять империей.

Йеден кивнул. Вин стало немного жаль этого человека: его замыслы были такими грандиозными, что он буквально сгибался под их тяжестью. И в то

же время ей трудно было симпатизировать ему, ведь Кельсер только что и ее саму вовлек в это невероятное предприятие.

«Изображать знатную даму? — подумала она. — Наверняка кто-то другой справился бы гораздо лучше...»

Бриз наблюдал за Йеденом, видя, что тому откровенно не по себе.

— Слушай, милый друг, ну что ты распереживался? — спросил Бриз. — Тебе же не придется на самом деле управлять столицей. Скорее всего, нас переловят и казнят задолго до того, как мы чего-нибудь добьемся.

Йеден вымученно улыбнулся:

— А если не переловят? Что помешает вам прирезать меня и забрать империю себе?

Бриз закатил глаза:

— Мы воры, дорогой мой, а не политики! Судьбы народов — не то, на что мы готовы тратить время. Мы будем счастливы, заполучив атиум!

— Ну да, счастливы и богаты, — добавил Хэм.

— Эти слова — синонимы, Хэммонд, — усмехнулся Бриз.

— Кроме того, — уточнил Кельсер, — мы не собираемся отдавать тебе всю империю... Я лично надеюсь, что она просто развалится, как только пошатнется Лютадель. У тебя будет этот город и, возможно, неплохой кусок Центрального доминиона, если ты, конечно, сумеешь подкупить местные войска, чтобы они встали на твою сторону.

— А... Вседержитель? — спросил Йеден.

Кельсер улыбнулся:

— Я не отказался бы от мысли лично разделаться с ним... Мне только нужно выяснить, как работает одиннадцатый металл.

— А если ты этого не узнаешь?

— Ну, тогда, — пробормотал Кельсер, добавляя к надписям на доске еще одну, под словами «Мятежные скаа»: «Йеден: подготовка и управление», — мы просто постараемся выманить его из города. Может, он отправится вместе со своей армией к Ямам, чтобы присмотреть за всем лично?

— И что тогда? — спросил Йеден.

— Ты найдешь способ нейтрализовать его. Ты ведь нанимал нас не для убийства Вседержителя, Йеден... это моя личная идея.

— Я бы на твоём месте не слишком беспокоился, Йеден, — добавил Хэм.
— Что может Вседержитель без денег и армии? Он, конечно, сильный алломант, но он не всемогущ.

Бриз засмеялся.

— Хотя, если подумать, враждебно настроенное и свергнутое с трона ложное божество — неважный сосед. Тебе придется что-то с ним сделать.

Йедену идея явно не понравилась, но он не стал спорить.

Кельсер развел руками:

— Что ж, похоже, это все.

— Угу, — вздохнул Хэм, — а как насчет братства? Не следует ли нам подумать о том, как избежать внимания инквизиторов?

Кельсер улыбнулся:

— Предоставим это моему брату.

— Мечтать не вредно, — послышался из дальнего конца комнаты незнакомый голос.

Вин соскочила с кресла и стремительно развернулась к двери. Там стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, он застыл как величественное изваяние. Одет просто: в рубаху, широкие штаны и свободную куртку, какие носили скаа. Руки демонстративно сложены на груди. Вин всмотрелась в его суровое лицо с резкими чертами. Что-то в нём было

знакомое...

Она оглянулась на Кельсера. Конечно. Сходство очевидно.

— Марш?! — воскликнул Йеден, вставая. — Марш, это ты?! Он обещал, что ты будешь участвовать в деле, но я... я... Рад, что ты вернулся.

На лице Марша ничего не отразилось.

— Я пока не уверен, что «вернулся», Йеден. Если не возражаете, я бы хотел поговорить наедине с младшим братишкой.

Похоже, на Кельсера не произвел ни малейшего впечатления его строгий тон. Он спокойно кивнул:

— Пожалуй, на сегодня достаточно, друзья.

Все неторопливо поднялись, и каждый, выходя, старательно огибал Марша. Вин последовала за остальными и аккуратно прикрыла за собой дверь. Она не спеша направилась к своей комнате, стараясь, чтобы все это заметили.

Но не прошло и трех минут, как она уже стояла под дверью гостиной и внимательно вслушивалась в голоса, доносившиеся изнутри.

7

Рашек высок ростом, как и большинство террисийцев. Он молод, но другие носильщики явно его уважают. Он обладает неким особым обаянием, и придворные дамы назвали бы его интересным, хоть и несколько грубоватым.

Я не могу взять в толк, однако, как мог заслужить всеобщее почтение человек, чьи речи переполнены ненавистью. Он никогда не видел Хленниума, но проклиняет этот город. Он совершенно не знает меня, но я уже вижу гнев и враждебность в его глазах.

Три года не слишком изменили Марша внешне. Он выглядел все тем же властным, суровым человеком, каким Кельсер знал его с детства. В его взгляде по-прежнему светилось разочарование, а голос звучал так же неодобрительно.

И все же, если Доксон сказал правду, три года назад Марш стал почти что другим человеком. Кельсер до сих пор с трудом верил, что брат отказался руководить мятежными скаа. Он всегда со страстью относился к своему делу...

Видимо, теперь эта страсть угасла. Марш зашел в комнату, критически оглядел надписи на доске. Его одежду слегка запачкал пепел, но лицо было относительно чистым — во всяком случае, для скаа. Он постоял немного, изучая заметки Кельсера. Потом повернулся и бросил на кресло лист бумаги.

— Что это? — спросил Кельсер, поднимая лист.

— Имена одиннадцати человек, которых ты убил прошлой ночью, — ответил Марш. — Я подумал, ты захочешь их знать.

Кельсер смял лист и швырнул в очаг, где потрескивали поленья.

— Они служили Последней империи.

— Они были людьми, Кельсер! — резко бросил Марш. — Живыми

людьми, имели семьи. Некоторые из них были скаа.

— Это предатели.

— Это люди, — повторил Марш. — Люди, которые всего лишь пытались принять жизнь такой, какая она есть.

— Ну, я делаю то же самое, — сказал Кельсер. — Какая удача — именно мне судьба предоставила возможность сбрасывать таких, как они, с крыш. Если уж они хотят сражаться со мной по тем же правилам, что и аристократы, то пусть и умирают соответственно.

Лицо Марша потемнело.

— Как ты можешь столь легкомысленно говорить о смерти?

— Да так, Марш, — пожал плечами Кельсер. — Чувство юмора — это все, что у меня осталось. Чувство юмора и решимость.

Марш негромко фыркнул.

— Тебе следовало бы радоваться, — продолжал Кельсер. — Я десятки лет выслушивал твои лекции и наконец-то решил сделать нечто, достойное моих талантов. И теперь, когда ты пришел, чтобы помочь, я уверен...

— Я здесь не для того, чтобы помогать, — перебил его Марш.

— Тогда зачем ты явился?

— Задать тебе вопрос. — Марш шагнул вперед и остановился прямо перед Кельсером.

Они были почти одного роста, но поскольку Марш всегда держался очень прямо, то казался намного выше.

— Как ты смеешь заниматься этим? — тихо спросил он. — Я всю жизнь посвятил тому, чтобы разрушить Последнюю империю. Пока ты со своими друзьями-воришками веселился, я был в бегах. Пока вы задумывали очередное ограбление, я организовывал налеты на лордов. Пока ты жил в роскоши, я видел, как храбрые и достойные люди умирали от голода. —

Марш наклонился и ткнул пальцем в грудь Кельсера. — Да как ты смеешь?! Как ты смеешь превращать восстание в очередную «работенку»? Как ты смеешь использовать великую мечту ради собственного обогащения?

Кельсер отвел руку Марша:

— Деньги тут ни при чем.

— Вот как? — язвительно спросил Марш, кивнув на надпись «Атиум» на доске. — Зачем ты затеял эту игру, Кельсер? Зачем втянул Йедена да еще делаешь вид, будто он тебя «нанял»? Ты изображаешь из себя защитника скаа? Но мы с тобой отлично знаем, какова твоя подлинная цель.

Кельсер стиснул зубы, чувствуя, как его покидают последние капли веселости. «Брат всегда умел вывести меня из себя...»

— Ты совсем не знаешь меня нынешнего, Марш, — тихо произнес он. — Дело не в деньгах... У меня уже было денег больше, чем вообще может истратить человек. Смысл этого дела в другом.

Марш стоял все так же близко, глядя Кельсеру в глаза, как будто пытался разглядеть правду где-то внутри.

— Ты всегда был отличным лжецом, — сказал он наконец.

Кельсер тяжело вздохнул:

— Прекрасно, думай как хочешь. Но избавь меня от проповедей. Возможно, когда-то ты и мечтал разрушить Последнюю империю... но теперь ты превратился в хорошего послушного скаа, работающего в собственной лавке и виляющего хвостом перед знатными людьми, когда те достаивают тебя визитом.

— Я трезво взглянул на вещи, — отрезал Марш. — Как раз это тебе никогда не удавалось. Даже если ты всерьез строишь планы, ты все равно потерпишь поражение. Каждый раз, когда начинался бунт — с налетами, грабежами и убийствами, — он заканчивался поражением. И самые отчаянные наши усилия не вызывали у Вседержителя даже легкого раздражения.

— Ох, — сказал Кельсер, — я-то как раз отлично умею раздражать. Вообще-то, я не просто раздражаю — я способен взбесить кого угодно, это все знают. Почему бы мне не воспользоваться своим даром ради благой цели, а?

Марш вздохнул, отворачиваясь:

— Да при чем тут «хорошее», Кельсер? Это же просто месть. Ты все такой же. Я верю, что ты не гонишься за деньгами... Я даже верю, что ты действительно намерен собрать для Йедена армию, за которую он тебе заплатил. Но я никогда не поверю, что тебя и впрямь все это волнует.

— Вот здесь ты ошибаешься, Марш, — тихо произнес Кельсер. — И всегда ошибался, когда думал обо мне так.

Марш нахмурился:

— Возможно. Но как все началось? Йеден сам пришел к тебе или ты явился к нему?

— Да какая разница? — отмахнулся Кельсер. — Послушай, Марш, мне нужен кто-то, кто может проникнуть в братство. Ничего не выйдет, если мы не найдем способ присматривать за инквизиторами.

— И ты действительно рассчитываешь, что я тебе помогу?

Кельсер кивнул.

— Именно потому ты пришел, что бы ты ни говорил. Ты однажды сказал, что считаешь меня способным на великие дела, если, конечно, я выберу достойную цель. Ну вот, цель найдена... и ты мне поможешь.

— Теперь это не так легко, Кел, — сказал Марш, качая головой. — Одни люди изменились. Другие... других уже нет.

Кельсер надолго замолчал. Повисла тишина, и даже огонь в очаге начал затухать.

— Мне ведь тоже ее не хватает, — едва слышно прошептал Кельсер.

— Да, понимаю... Но давай взглянем правде в глаза, Кел. Несмотря ни на что... я иногда жалею, что именно тебе удалось выжить в Ямах Хатсина.

— Я сожалею об этом каждый день.

Марш повернулся и бросил на Кельсера холодный, оценивающий взгляд. Взгляд охотника, бронзового туманщика. Как бы то ни было, Кельсер, похоже, добился одобрения Марша.

— Я ухожу, — сказал Марш. — Но ты, кажется, был вполне искренен. Я вернусь и послушаю, какой еще безумный план ты состряпаешь. А потом... ну, потом увидим.

Кельсер улыбнулся. Несмотря на суровую внешность, Марш был хорошим человеком — лучшим из всех, кого встречал Кельсер. Но когда Марш повернулся к выходу, Кельсер вдруг заметил тень, мелькнувшую в щели под дверью. Он мгновенно воспламенил железо, и светящиеся голубые лучи вырвались из его тела, устремившись к ближайшим источникам металла. Марш, разумеется, не имел при себе ни единой металлической крошки — даже мелкой монетки в карманах. Человеку, который выглядит хотя бы относительно состоятельным, опасно ходить по районам города, населенным скаа.

Но кое-кто другой еще не знал, что не следует носить с собой ничего металлического. Голубые лучи были тонкими и слабыми, они не пробивали дерево насквозь, однако их силы хватило, чтобы Кельсер засек пряжку на поясе некоей особы, быстро и бесшумно удиравшей по коридору.

Кельсер улыбнулся. Весьма одаренная девочка. Однако годы, проведенные на улице, не прошли даром. Кельсер лишь надеялся, что, развивая ее таланты, он постепенно поможет ей залечить и душевные раны.

— Я приду завтра, — сказал Марш, на секунду задержавшись в дверях.

— Только не слишком рано, — подмигнул Кельсер. — У меня были планы на вечер.

*

Вин притаилась в своей комнате, в темноте, прислушиваясь к удаляющимся

шагам в коридоре. Она скрючилась возле двери, решив подождать, — ведь следом мог пройти и второй собеседник. Но в коридоре было тихо, и она облегченно вздохнула.

И тут же в дверь постучали — в нескольких дюймах над ее головой.

От изумления Вин едва не упала.

«А он молодец!» — подумала она.

Она быстро взъерошила волосы и потерла кулаками глаза, стараясь придать себе заспанный вид. Расстегнув рубашку, она подождала, пока стук повторится, и лишь тогда открыла дверь.

Кельсер прислонился к дверному косяку. В спину ему светила та единственная лампа, что горела в коридоре. Высокий мужчина критически оглядел растрепанную Вин.

— Ну? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал сонно.

— Что ты думаешь о Марше?

— Не знаю, — ответила Вин. — Я не успела его рассмотреть, ты же всех выгнал.

Кельсер улыбнулся:

— Не желаешь признавать, что я тебя поймал?

Вин чуть не улыбнулась в ответ. Ее спасла лишь выучка Рина. «Больше всего бойся тех, кто хочет добиться твоего доверия». Голос брата как будто прозвучал в ее голове. Да, этот голос усилился с тех пор, как Вин встретила с Кельсером, и все ее инстинкты были на взводе.

Кельсер какое-то время изучающе смотрел на нее, потом отступил на шаг.

— Застегни рубашку и пошли со мной.

Вин нахмурилась:

— Куда мы пойдем?

— Начнем тебя учить.

— Прямо сейчас? — изумилась Вин, оглядываясь на окно.

В щелях ставен не видно было ни малейшего признака света.

— Конечно, — усмехнулся Кельсер. — Прекрасная ночь для прогулки.

Вин привела в порядок одежду и вышла в коридор. Если Кельсер действительно собрался учить ее, она не станет жаловаться, который бы ни был теперь час. Они спустились на первый этаж. В мастерской стояла темнота, в тених притаились наполовину готовые стулья и прочая мебель. Однако в кухне горел яркий свет.

— Погоди-ка минутку, — бросил Кельсер, направляясь к кухне.

Вин замерла в тени и лишь вытянула шею, заглядывая в освещенное помещение. Там за большим столом сидели Доксон, Бриз, Хэм и Колченог со своими подмастерьями. На столе Вин увидела эль и вино, хоть и в небольшом количестве: мужчины ели пышные ячменные лепешки и тушеные овощи.

Из кухни доносился смех. Не тот грубый хохот, к которому Вин привыкла в берлоге Камона, а совсем другой — мягкий, говорящий об искреннем веселье и прекрасном настроении.

Вин и сама не понимала, почему не решается войти. Она колебалась... как будто смех представлял собой некий барьер и намного безопаснее было оставаться в темной пустой мастерской. Она наблюдала и не могла подавить в себе желание очутиться там, рядом со всеми...

Кельсер вернулся очень быстро. Он держал в руках свой мешок и еще какой-то небольшой узелок. Вин с любопытством посмотрела на узелок, и Кельсер, улыбнувшись, протянул его.

— Подарок, — сообщил он.

В узле оказалась одежда — мягкая, скользкая между пальцами, — и Вин почти сразу поняла, что это. Плащ рожденного туманом. Как и плащ Кельсера, он был сшит из отдельных полос ткани.

— Ты удивлена, — заметил Кельсер.

— Я... его не заработала.

— При чем тут «заработала»? — пробормотал Кельсер, надевая собственный плащ. — Ты есть то, что ты есть, Вин.

Она немного помедлила, потом набросила плащ и завязала его у горла. Плащ вызывал странные ощущения. Он давил на плечи, но ничуть не мешал движениям, легко спадая вдоль тела. Ленты были сшиты внахлест, и Вин могла стягивать их как угодно туго. Она почувствовала себя как будто в надежной броне.

— Ну как тебе? — спросил Кельсер.

— Хорошо, — просто ответила Вин.

Кельсер кивнул, доставая из мешка несколько стеклянных флаконов. Два из них он протянул Вин:

— Выпей один, второй оставь на всякий случай. Я тебя потом научу смешивать металлы.

Вин быстро осушила один флакон, а второй засунула в кармашек на поясе.

— Я велел сшить для тебя новую одежду, — сказал Кельсер. — Ты должна привыкнуть носить такие вещи, в которых нет ни крупицы металла: пояса без пряжек, башмаки без заклепок, штаны без крючков. Может, потом, когда ты немного пообвыкнешься, сообразим тебе платье.

Вин слегка покраснела. Кельсер засмеялся:

— Я просто дразню тебя. Но как бы то ни было, ты теперь вступаешь в новый мир и, вероятно, скоро обнаружишь, что иногда лучше выглядеть как благородная дама, чем как воришка.

Вин кивнула и направилась следом за Кельсером к выходу. Кельсер распахнул дверь, открыв взгляду темную шевелящуюся стену тумана. И шагнул прямо в нее. Глубоко вздохнув, Вин последовала за ним.

Кельсер закрыл дверь. Мощенная булыжником дорога как будто скрадывала звук шагов, и Вин ощущала вокруг влагу. Ничего не было видно, улица словно исчезала в пустоте, она стала дорогой в вечность... И неба над головой не было, лишь на сером фоне кружили серые облака.

— Ну хорошо, давай понемногу начинать, — сказал Кельсер.

Его голос прозвучал очень громко. В тоне Кельсера слышалась уверенность, как будто он бросал вызов туману. Вин такой уверенности не чувствовала.

— Сейчас будет твой первый урок, — продолжил Кельсер, шагая по улице. — Но не алломантии, а отношения к миру. — Кельсер сделал широкий жест рукой. — Все это, Вин... все это принадлежит нам. Ночь, туман — они наши. Скаа боятся тумана до смерти. Воры и солдаты выходят по ночам, но им тоже страшно. Знать делает вид, что ей плевать на все, но и в лордах туман порождает смущение. — Он обернулся и посмотрел на Вин. — Туман — твой друг, девочка. Он прячет тебя, он защищает тебя... и он дает тебе силу. Братство внушило скаа некую идею... Оно утверждает, что рожденные туманом — потомки тех немногих людей, которые сохраняли верность Вседержителю до Вознесения. Правда, есть и другие легенды, их рассказывают только шепотом; и они гласят, что рожденные туманом — нечто такое, над чем даже Вседержитель не властен, нечто возникшее в тот самый день, когда туман впервые опустился на мир.

Вин осторожно кивнула. Ее поразило, что Кельсер говорит обо всем этом столь откровенно. По обе стороны улицы высились здания, битком набитые спящими скаа, но Вин казалось, что они с Кельсером совершенно одни. Одни в этом перенаселенном городе, одни во всей Последней империи.

Кельсер шел все дальше, и его бодрая походка как-то плохо сочеталась с туманной мглой.

— А мы разве не должны опасаться солдат? — тихо спросила Вин.

Ворам всегда приходилось держаться осторожно, чтобы не нарваться на ночной патруль.

Кельсер покачал головой:

— Если даже мы окажемся настолько беспечны, что нас заметят, ни один имперский патруль не осмелится побеспокоить рожденного туманом. Они увидят наши плащи и тут же сделают вид, что нас здесь нет. Помни, почти все рожденные туманом — члены Великих Домов, а остальные принадлежат к чуть менее знатным семьям Лютадели. В любом случае все они — очень важные особы.

Вин нахмурилась:

— Значит, стражники просто не обратят внимания на рожденного туманом?

Кельсер пожал плечами:

— Это, видишь ли, дурной тон — признавать, что некто крадущийся по крышам на самом деле является знатным и уважаемым господином, если не госпожой. Рожденные туманом настолько редки, что на них нельзя распространять обычные светские правила и предубеждения. Они всегда жили двойной жизнью. С одной стороны, они аристократы, допущенные ко двору, а с другой — шалящие по ночам алломанты. И каждая семья тщательно охраняет тайну своего рожденного туманом. Это, кстати, служит неизменной пищей для сплетен и обсуждений в высшем свете.

Кельсер повернул за угол, и Вин, все еще нервничая, поспешила за ним. Она не знала, куда он ее ведет, а ночью так легко заблудиться... А может, он не вел ее к какой-то конкретной цели, а просто знакомил с туманом?

— Ладно, — сказал Кельсер, — давай учиться использовать базовые металлы. Ты ощущаешь свой металлический запас?

Вин немного помолчала. Сосредоточившись, она отчетливо различила восемь источников силы внутри себя — и каждый из них был мощнее тех двух, на которые успел указать ей Кельсер. С того дня она не использовала удачу. Она начала осознавать, что всегда обладала оружием, силы которого по-настоящему не понимала, — оружием, которое случайно привлекло к ней внимание Стального инквизитора.

— Начиная поджигать их, по одному, — сказал Кельсер.

— Поджигать?..

— Так мы называем активацию алломантических способностей, — пояснил Кельсер. — Ты «поджигашь» металл, связанный с конкретной силой. Ты сейчас поймешь, что я имею в виду. Начни с тех металлов, с которыми ты пока незнакома, а с приглушением и разжиганием эмоций мы поработаем в другой раз.

Вин кивнула, остановившись посреди улицы. Очень осторожно она потянулась мыслью внутрь себя, к новым источникам силы. Один из них показался ей смутно знакомым. Может, она и прежде его использовала, сама того не замечая? А что он делает?..

«Проверить это можно только одним способом...»

Не слишком хорошо представляя, что, собственно, должна делать, Вин ухватила за источник силы, пытаясь извлечь его на свет.

И в то же мгновение в ее груди вспыхнул жар. Ничего неприятного, Вин просто отчетливо и ясно ощущала его. А вместе с теплом пришло что-то еще... как будто все ее тело налилось здоровьем и мощью. Вин словно бы стала крупнее, сильнее...

— Ну, что случилось? — спросил Кельсер.

— Я как-то по-другому себя чувствую, — ответила Вин.

Она подняла руку, и ей показалось, что мышцы реагируют быстрее.

— Тело какое-то другое. Я больше не ощущаю усталости, и я вроде как начеку.

— Ага, — бросил Кельсер, — это пьютер. Он увеличивает твои физические возможности, делает тебя намного сильнее, ты лучше сопротивляешься усталости и боли. Реакции тоже ускорились. В общем, теперь твое тело выносливее и крепче.

Вин для проверки несколько раз наклонилась в разные стороны. Ее мышцы, казалось, не увеличились, но появилось что-то новое... не только в мускулах, но и в костях, в коже... Вин снова заглянула внутрь себя и почувствовала, как источник физической силы уменьшается.

— Он догорает, — сказала Вин.

Кельсер кивнул:

— Да, пьютер горит довольно быстро. В том флаконе, что я дал тебе, был запас пьютера примерно на десять минут непрерывного горения... хотя он кончается быстрее, если заставлять его вспыхивать ярко, и медленнее, если использовать осторожно.

— Вспыхивать ярко?..

— Ты сможешь раздувать горение уже подожженных металлов, когда научишься, — пояснил Кельсер. — Они от этого сгорают быстрее, становятся трудноуправляемыми, зато дают дополнительный прилив сил.

Вин нахмурилась, пытаясь проделать то, о чем сказал Кельсер. С некоторым усилием она как бы разворошила пламя в своей груди, и остатки пьютера ярко вспыхнули.

Это было похоже на глубокий вдох перед отчаянным прыжком. Внезапный прилив энергии и силы. Ее тело напряглось в ожидании, и на мгновение Вин почувствовала себя непобедимой. Но еще через мгновение все прошло, и мышцы медленно расслабились.

«Интересно», — подумала Вин, отметив, как быстро сгорел пьютер в этой вспышке.

— Ты должна еще кое-что знать об алломантических металлах, — заговорил Кельсер, когда они отправились дальше. — Чем они чище, тем эффективнее. Смеси, которые мы разливаем по флаконам, содержат чистейшие металлы, продающиеся специально для алломантов. Сплавы вроде пьютера изготовить куда сложнее, потому что процентное соотношение металлов должно быть точно выверенным. И если ты будешь невнимательна при покупке металлов, тебе могут всучить совсем неправильный сплав.

Вин немножко подумала.

— Хочешь сказать, кто-то может надуть меня?

— Не намеренно, — ответил Кельсер. — Если разобраться, слова вроде «латунь», «пьютер» и «бронза» не вполне отражают суть вещей. Взять, к примеру, пьютер — обычно так называют сплав олова со свинцом, с добавлением меди или серебра, в зависимости от того, для чего он нужен. А вот в алломантическом пьютере девяносто один процент олова и девять процентов свинца. И если ты хочешь выжать максимум из металла, то должна использовать именно этот сплав.

— А... что будет, если поджечь неправильный сплав? — спросила Вин.

— Если в сплаве допущена небольшая ошибка, ты получишь определенный эффект, — ответил Кельсер. — Но если ошибка велика, ты можешь причинить себе вред, воспламенив его.

Вин задумчиво кивнула:

— Я... думаю, что и раньше поджигала этот металл. Время от времени, понемножку.

— Металлический осадок, — сказал Кельсер. — Ты пила воду, в которой много металла, или ела что-то из металлической посуды.

Верно, подумала Вин. В берлоге Камона было несколько кружек из металла, похожего на олово.

— Ну хорошо. Погаси пьютер. Попробуем поджечь какой-нибудь другой металл, — предложил Кельсер.

Вин так и сделала. Погасив пьютер, она почувствовала себя слабой, уставшей и беззащитной.

— Теперь, — сказал Кельсер, — ты должна научиться разделять металлы на пары.

— Как те два, что воздействуют на чувства? — спросила Вин.

— Совершенно верно. Найди металл, связанный с пьютером.

— Я его уже вижу, — пробормотала Вин, сосредоточиваясь.

— Для каждой из сил существует по два металла, — продолжил Кельсер.
— Один толкает, другой тянет... Второй — это обычно сплав, включающий первый. Если говорить об эмоциях, то их ты тянешь цинком, а толкаешь латунию. Ты только что использовала пьютер, чтобы подтолкнуть свое тело. Он — источник физической силы.

— Так Хэм делает? — спросила Вин. — Поджигает пьютер?

Кельсер кивнул:

— Туманщиков, поджигающих пьютер, называют громилами. Наверное, это звучит грубо, но они обычно довольно грубые люди. Наш дорогой Хэммонд — исключение из правил.

— А что делает другой металл, влияющий на тело?

— Попробуй — увидишь.

Вин мгновенно последовала его совету — и мир вокруг как будто осветился. Или нет, не так. Вин вдруг стала лучше видеть, хотя туман никуда не делся. Он просто как бы утратил плотность, и редкие огни вокруг стали ярче.

Изменилось и еще кое-что. Вин ощутила свою одежду. Она понимала, что, конечно, всегда ощущала ее, просто никогда не обращала внимания. А теперь Вин чувствовала каждый шов, особенно там, где ткань слишком плотно прилегала к коже.

Потом свело от голода живот. Вообще-то, она давно привыкла не замечать голод, но сейчас... это было нечто особенное. Кожа стала влажной, в воздухе запахло грязью, сажей, отбросами...

— Олово обостряет чувства, — сказал Кельсер, и Вин показалось, что он говорит слишком громко. — Это один из наиболее медленно горящих металлов... Того олова, что было во флаконе, хватит, чтобы поддерживать остроту ощущений в течение нескольких часов. Большинство рожденных туманом поджигает олово, когда отправляется на прогулку... и я поджег, как только мы вышли из лавки.

Вин кивнула. Богатство ощущений переполняло ее. Она слышала в темноте

непонятный тихий треск, неторопливые шаги, и ей хотелось спрятаться, потому что казалось: шаги рядом, кто-то крадется за ней...

«Похоже, к этому надо хорошенько привыкнуть...»

— Оставь его гореть, — сказал Кельсер, жестом предлагая отправиться дальше. — Тебе нужно освоиться. Только не позволяй олову гореть все время и слишком ярко. Не только потому, что его надо беречь, но... если металлы горят постоянно, с людьми происходят странные вещи.

— Странные? — повторила Вин.

— Металлы — особенно олово и пьютер — испытывают твоё тело на прочность. Алломантическая вспышка делает испытание серьезнее. Если оно станет слишком серьезным или затянется надолго, что-то может и сломаться.

Вин кивнула, не разобравшись, о чем речь. Кельсер замолчал, и они просто пошли дальше, а Вин исследовала свои новые ощущения и тот необычный мир, который открыло перед ней олово. Прежде поле ее зрения было ограничено. А теперь она видела весь город, окутанный одеялом кружащегося тумана. Она узнавала вдали крепости, похожие на небольшие темные горы, различала свет в окнах — как будто маленькие дырочки в саване ночи. А наверху... она увидела огни в небесах. Вин остановилась, восторженно задрала голову. Они выглядели неярко и размытыми даже для ее обостренного оловом зрения, но они там были... Сотни. Тысячи. Маленькие, как искры на фитилях потушенных свечей.

— Звезды, — тихо произнес Кельсер, подходя к Вин. — Их нечасто можно разглядеть, даже с помощью олова. Должно быть, сегодня особенно ясная ночь. Раньше люди могли смотреть на них каждый вечер... до того, как пришел туман, до того, как Пепельные горы стали выбрасывать в небо дым и золу.

Вин удивленно посмотрела на него:

— Откуда ты знаешь?

Кельсер улыбнулся:

— Вседержитель изо всех сил старается уничтожить воспоминания о тех днях, но они живы.

Он повернулся, так и не ответив на ее вопрос, и пошел вперед. Вин поспешила за ним. Благодаря олову туман уже не казался таким зловещим. Теперь она понимала, почему Кельсер так спокойно и уверенно ходит по ночному городу.

— Ну ладно, — сказал наконец Кельсер, — давай испытаем еще один металл.

Вин кивнула. Оставив олово медленно тлеть, она выбрала другой металл и воспламенила его. И тут же случилось нечто странное: из ее груди вырвалось множество слабых лучей голубого света. Вин застыла на месте, уставившись на собственную грудь и задохнувшись от изумления. Большинство голубых линий были очень тонкими, как хлопковые нити, но две оказались толстыми, как шерстяная пряжа. Кельсер хмыкнул.

— Оставь пока этот металл и его напарника в покое. Они немного сложнее прочих.

— Но что?..

Вин проследила взглядом за голубыми линиями. Они показывали на разные предметы. Двери, окна... две уткнулись в самого Кельсера.

— Мы с ним разберемся, — пообещал Кельсер. — Погаси его пока и опробуй два последних.

Вин погасила странный металл и, не обратив внимания на его пару, выбрала один из оставшихся. И сразу ощутила вибрацию. Вин замерла, ясно различая некий пульс, который невозможно услышать... Но она чувствовала, как энергия короткими толчками проносится сквозь нее. Она как будто исходила от Кельсера. Вин вопросительно посмотрела на него.

— Это, наверное, бронза, — сказал Кельсер. — Внутренний металл, он притягивает, тянет. Он позволяет узнать, есть ли рядом кто-то из алломантов. Его используют охотники вроде моего брата. Обычно от него нет особой пользы... если, конечно, ты не Стальной инквизитор, который ищет туманчиков-скаа.

Вин побледнела.

— Инквизиторы пользуются алломантией?

Кельсер кивнул:

— Да, они все охотники... Вот только я не знаю, то ли они стали инквизиторами, потому что родились охотниками, то ли посвящение в инквизиторы дарует такую силу. Поскольку их главная обязанность — искать полукровок, которые пользуются алломантией, для них это полезное умение. К несчастью, полезное для них оказывается очень вредным для нас.

Вин хотела было кивнуть, но застыла на месте. Пульсирующая энергия угасла.

— Что случилось? — спросила она.

— Я воспламенил медь, напарницу бронзы, — ответил Кельсер. — Когда ты поджигаешь медь, то скрываешь свою силу от других алломантов. Можешь попробовать зажечь ее сейчас, если хочешь, но ничего особенного не почувствуешь.

Вин так и поступила. Но единственным, что она ощутила, была слабая вибрация внутри.

— Медь — жизненно важный металл, — сказал Кельсер. — Она спрячет тебя от инквизиторов. Но пожалуй, сегодня ночью нам не о чем тревожиться — любой инквизитор примет нас за знатных рожденных туманом, которые вышли немного попрактиковаться. Однако, если ты будешь одета как скаа и тебе понадобится зажечь один из металлов, позаботься сначала воспламенить медь.

Вин согласно кивнула.

— На самом-то деле, — продолжил Кельсер, — многие рожденные туманом никогда и не гасят медь. Она тлеет очень медленно и делает тебя невидимым для других алломантов. Она скрывает тебя от бронзы, а заодно не позволяет воздействовать на твои чувства.

Вин насторожилась.

— Так и знал, что ты заинтересуешься, — сказал Кельсер. — Любой, кто поджигает медь, невосприимчив к алломантии, влияющей на чувства. К тому же горение меди создает вокруг тебя большое облако. Это облако — его называют медным — скрывает от охотников всех, кто входит в него, но, правда, не спасает их от эмоциональной алломантии, как спасает тебя.

— Колченог, — пробормотала Вин. — Так вот чем занимается курильщик?

— Совершенно верно. Если кого-то из наших замечают охотники, им стоит просто вернуться в убежище. Они могут спокойно тренироваться, развивать свои способности, не боясь, что их обнаружат. Ведь, если от какой-то лавчонки в квартале скаа будет исходить волна алломантии, ее моментально засекут инквизиторы.

— Но ты же умеешь поджигать медь, — сказала Вин, — зачем тебе курильщик в команде?

— Да, я умею поджигать медь, — согласился Кельсер. — И ты тоже. Мы оба можем пользоваться всеми силами, но не можем находиться в нескольких местах одновременно. Хороший главнокомандующий должен уметь распределять обязанности, особенно когда задумано такое серьезное дело, как наше. Стандартный прием — всегда вешать медное облако над убежищем. Колченог не в состоянии поддерживать его постоянно: кое-кто из его подмастерьев — тоже курильщики. Когда ты нанимаешь человека вроде Колченога, вполне естественно, что он обеспечивает тебя и базой, и командой курильщиков, достаточно умелых, чтобы постоянно обновлять защиту.

Вин кивнула. Однако ее куда больше заинтересовала способность меди ограждать от воздействий на чувства. Надо будет запастись медью, раз уж ее придется жечь постоянно.

Они снова двинулись в путь, и Кельсер не спешил, давая Вин возможность привыкнуть к олову. Но Вин думала о другом. Что-то казалось ей неправильным. Почему Кельсер рассказывает ей все это? Что-то он уж слишком легко расстается с секретами...

«Кроме одного, — тут же вспомнила она, наполняясь подозрениями. — Что

за металл с голубыми лучами? О нем Кельсер до сих пор ничего не сказал».

Может, это и есть то, что Кельсер хотел скрыть, некая сила, с помощью которой он намеревается управлять Вин?

«Наверное, это очень сильный металл. Самый сильный из восьми».

Они все шли и шли по тихим улицам, и Вин осторожно потянулась мыслью внутрь себя. Краем глаза следя за Кельсером, она подошла к неизвестному металлу. И снова во все стороны от нее разбежались голубые лучи.

Эти странные нити двигались вместе с ней. Один конец каждой касался ее груди, а другой оставался привязанным к чему-то вдали. Вин шла, и по мере ее движения возникали новые лучи, а прежние угасали. Лучи были разной толщины, одни ярче, другие бледнее.

Удивленная Вин мысленно пощупала нити, пытаясь разгадать их тайну. Сосредоточившись на одной, особенно тонкой и с виду совершенно безобидной, Вин обнаружила, что может ощущать ее отдельно от прочих. Вин казалось даже, что она может взяться за этот тоненький лучик. И тогда она мысленно потянула за нить.

Нить вздрогнула — и что-то помчалось к Вин из темноты. Вин взвизгнула, пытаясь отпрыгнуть в сторону, но предмет, оказавшийся ржавым гвоздем, летел прямо в нее.

Вдруг что-то остановило его и отшвырнуло в темноту. Вин вскочила и замерла, присев; ленты туманного плаща развевались вокруг нее. Потом огляделась и увидела, что Кельсер смотрит на нее и негромко посмеивается.

— Мне следовало бы сообразить, что ты попытаешься это сделать, — сказал он.

Вин смущенно порозовела.

— Ладно, пошли. Ничего ведь не случилось.

— Но гвоздь попал на меня!

Неужели алломантические металлы оживляют вещи? Ну тогда это просто невообразимая сила!..

— На самом деле ты сама на себя напала, — сказал Кельсер.

Вин еще некоторое время топталась на месте, потом догнала Кельсера.

— Я тебе через минуту объясню, что именно ты сделала, — пообещал он.

— Но прежде ты должна твердо запомнить еще кое-что.

— Еще одно правило?

— Скорее, философская идея. Это касается последствий.

Вин уставилась на него:

— О чем ты?

— Каждое действие влечет за собой некий результат, Вин, — сказал Кельсер. — Я этому научился и у жизни, и у алломантии. Тот, кто способен лучше других предвидеть последствия собственных поступков, добивается большего. Например, ты поджигаешь пьютер. Каков будет результат?

Вин пожала плечами:

— Я стану сильнее.

— А что случится, если ты несешь что-то очень тяжелое и в этот момент твой пьютер догорает?

Вин немного помолчала.

— Ну, наверное, я уроню это, — предположила она.

— Да, но если груз слишком тяжел? Ты можешь пострадать сама, и серьезно. Многие громилы продолжали драться, получив смертельные раны, — но когда их пьютер догорал, они мгновенно умирали.

— Понимаю... — чуть слышно пробормотала Вин.

— Ха!

Вин подпрыгнула, перепуганная, и прижала ладони к ушам.

— О! — жалобно простонала она, оглядываясь на Кельсера.

Он улыбался.

— А это следствие того, что ты воспламенила олово. Если кто-то неподалеку внезапно зажжет свет или издаст громкий звук, ты можешь ослепнуть или оглохнуть.

— Да, но как это связано с двумя последними металлами?

— Железо и сталь позволяют управлять другими металлами, — пояснил Кельсер. — С помощью железа ты притягиваешь к себе металл, а с помощью стали — отталкиваешь. Ага, вот мы и пришли.

Кельсер остановился, глядя вперед и вверх. Сквозь туман Вин увидела мощную городскую стену, нависшую над ними.

— А зачем мы здесь?

— Потренируемся в притягивании железом и отталкивании сталью, — ответил Кельсер. — Но сначала — несколько основных уроков.

Он достал что-то из кармашка на поясе. Это оказалась мелкая монетка. Кельсер шагнул в сторону и вытянул руку, держа монетку перед Вин.

— Воспламени сталь, это металл, парный тому, что ты недавно поджигала.

Вин кивнула, и снова вокруг нее засветились голубые линии. Одна из них уперлась точно в монетку.

— Отлично, — кивнул Кельсер. — Толкни ее.

Вин мысленно ухватила за нужную нить и легонько толкнула. Монета выскользнула из пальцев Кельсера и полетела в противоположном от Вин направлении. Вин сосредоточенно продолжала направлять монетку, пока та не ударила в стену ближайшего дома.

Внезапно невидимая сила резко отбросила Вин назад. Кельсер подхватил

ее, не дав упасть.

Вин, опомнившись, встала на ноги. На другой стороне улицы монетка, которую теперь никто не толкал, упала на булыжники, негромко звякнув.

— Ну и что случилось? — спросил Кельсер.

Вин покачала головой:

— Я не знаю. Я толкнула монету, она отлетела. Но когда она ударилась о стену, что-то толкнуло меня.

— Почему?

Вин пожала плечами:

— Наверное... Наверное, монетке больше некуда было лететь, и поэтому отодвинуться пришлось мне.

Кельсер одобрительно кивнул:

— Следствия, Вин! Толкая что-то при помощи стали, ты используешь свой собственный вес. Если ты намного тяжелее, чем твой якорь, — так мы это называем, — он отлетит от тебя, как отлетела эта денежка. Но если предмет тяжелее — или если он наткнулся на что-то, как сейчас, — то отлетишь ты сама. Когда ты притягиваешь что-нибудь железом — это похожий процесс, то есть или ты притягиваешься к якорю, или он притягивается к тебе. Если вес примерно одинаковый, вы оба будете двигаться. Это и есть великое искусство алломантии, Вин. Зная, какие металлические предметы есть вокруг тебя, ты можешь двигаться, поджигая сталь или железо, и это дает тебе огромное преимущество над противником. Ты скоро поймешь, что эти две способности — самые гибкие и полезные из восьми.

Вин слушала его разинув рот.

— Но помни вот что, — продолжал Кельсер. — В обоих случаях — хоть ты толкаешь, хоть притягиваешь — сила будет действовать в направлении тебя или ровно в противоположном. Ты не можешь заставить предметы летать вокруг и вообще делать то, что тебе хочется. Алломантия так не работает, она следует законам материального мира. Когда ты толкаешь что-либо —

хоть рукой, хоть алломантической силой, — то предмет отлетает строго от тебя. Действие и противодействие, причина и следствие. Понимаешь?

Вин кивнула.

— Вот и хорошо, — довольным тоном произнес Кельсер. — А теперь давай перепрыгнем через стену.

— Что?!

Кельсер пошел вперед, оставив изумленную девушку стоять посреди улицы. Вин поглядела, как он приближается к подножию стены, и помчалась следом.

— Ты сумасшедший? — тихо предположила она.

Кельсер усмехнулся:

— Ты второй раз за день заподозрила меня в безумии. Тебе следовало бы быть более внимательной... Если бы ты прислушивалась к другим, то уже знала бы, что я давно избавился от здравого смысла.

— Кельсер, — пробормотала Вин, окидывая взглядом стену, — я не... Я хочу сказать, что никогда прежде не пользовалась алломантией!

— Да, но ты быстро учишься, — возразил Кельсер, вытаскивая что-то из-под плаща.

Это оказался пояс.

— Вот, надень его. В него вшиты металлические пластинки. Если что-то пойдет не так, я, пожалуй, смогу поймать тебя.

— Пожалуй? — нервно переспросила Вин, затягивая пояс.

Кельсер засмеялся и бросил на землю перед собой большой металлический брусок.

— Давай становись перед железкой и думай только о том, чтобы отталкиваться от нее сталью. Не используй железо. И толкай до тех пор,

пока не очутишься у самого верха стены.

Потом Кельсер согнул ноги в коленях и подпрыгнул.

Он молниеносно взлетел в воздух, и его темная фигура исчезла в клубах тумана. Вин подождала немножко, но Кельсер обратно не падал.

Вокруг было тихо, даже ее обостренный слух ничего не улавливал. Туман кружился возле нее, словно играя. Или поддразнивая. Или подбадривая.

Вин, глядя на металлический брусок, воспламенила сталь. Голубая линия вспыхнула слабым, призрачным светом. Вин посмотрела на туман, потом еще раз на брусок...

Наконец она глубоко вздохнула и изо всех сил оттолкнулась от бруска.

8

«Он сохранит их в пути, но будет жесток с ними. Он станет их спасителем, но они назовут его еретиком. Имя ему будет Разлад, и его за это полюбят».

Вин стремительно взлетела. Она с трудом сдержала крик, помня о том, что должна, невзирая на страх, продолжать отталкиваться от бруска. Камни, из которых была сложена стена, проносились мимо в нескольких футах от нее. Земля исчезла внизу, а голубой луч, упирившийся в брусок, становился все бледнее и бледнее.

«А что будет, если он совсем исчезнет?..»

В движении Вин поубавилось стремительности. Чем слабее делался голубой луч, тем медленнее она летела. Через несколько мгновений она остановилась и повисла в воздухе на конце едва заметной теперь голубой нити.

— Мне всегда нравился вид, открывающийся отсюда.

Вин посмотрела в ту сторону, откуда донесся голос Кельсера. Он стоял неподалеку — Вин настолько сосредоточилась на полете, что и не заметила стены в нескольких футах под собой.

— Помоги! — жалобно попросила она, продолжая отчаянно отталкиваться от земли силой стали.

Туман вокруг двигался, кружился, играл волнами, словно темный океан проклятых душ...

— Тебе незачем тревожиться, — сказал Кельсер. — Конечно, гораздо легче маневрировать в воздухе, если у тебя есть три якоря, но можно обойтись и одним. Твое тело само поддерживает равновесие. Умение двигаться, которым ты владеешь с младенчества, преобразовалось в алломантическое искусство. Пока ты висишь спокойно, будешь сохранять равновесие. Твой ум и тело сами исправят любое легкое отклонение от оси, связывающей тебя с якорем, не дадут завалиться вбок. Но если ты оттолкнешься от чего-то еще или слишком резко дернешься в сторону, то потеряешь связь с

якорем и уже не сможешь отталкиваться от него в строго вертикальном направлении. Тогда у тебя возникнут сложности... ты можешь, например, оказаться в роли грузила на слишком длинной удочке.

— Кельсер... — жалобно простонала Вин.

— Надеюсь, Вин, ты не боишься высоты? — поинтересовался Кельсер. — Это было бы весьма некстати для рожденного туманом.

— Я... не боюсь... высоты, — процедила Вин сквозь стиснутые зубы. — Но я не привыкла висеть в воздухе в ста с лишним футах над улицей, будь она неладна!

Кельсер хмыкнул, и Вин тут же почувствовала, как некая сила потянула ее за пояс. Она плавно приблизилась к Кельсеру, тот схватил ее и перебросил через каменное ограждение, а потом поставил, как куклу, рядом с собой. После чего вытянул руку над ограждением — и через секунду металлический брусок вылетел из тумана, задев каменную кладку, и послушно лег в ладонь Кельсера.

— Неплохо для начала, — сказал Кельсер. — А теперь надо спуститься.

И он небрежно швырнул брусок в туманную мглу по другую сторону стены.

— Мы что, собираемся выйти из города? — испуганно спросила Вин. — За стену? Ночью?!

Кельсер улыбнулся одной из самых своих раздражающих улыбок. Он шагнул вперед и вскарабкался на зубчатый парапет.

— Изменять силу, с которой ты притягиваешь или отталкиваешь предметы, трудно, хоть и возможно. Лучше начать с простого падения, а потом оттолкнуться и замедлить его. Позволь себе свободно пролететь еще немного и опять оттолкнись. Если поймает правильный ритм, благополучно достигнешь земли.

— Кельсер, — сказала Вин, подходя к краю стены, — я не...

— Ты сейчас наверху городской стены, Вин, — перебил он, шагая прямо в

воздух.

Он повисел некоторое время на месте, слегка покачиваясь и балансируя на луче, как и объяснял ей только что.

— И есть только два способа спуститься. Или ты прыгнешь, или попытаешься объяснить сторожевому патрулю, зачем рожденному туманом понадобилась лестница.

Вин испуганно огляделась — и увидела, что в темном тумане подпрыгивает светлое пятно фонаря: к ней приближалась стража.

Она снова обернулась к Кельсеру, но тот исчез. Вин выругалась вполголоса, перегибаясь через парапет и заглядывая в туман. Она уже слышала голоса неторопливо приближавшихся солдат.

Кельсер был прав: выбора у нее просто не оставалось. Разозлившись, Вин забралась на ограждение. Она не то чтобы боялась высоты, но... Любой почувствовал бы себя не слишком уверенно, стоя на городской стене и глядя в густой туман. Сердце Вин отчаянно колотилось, желудок сжался в комок.

«Надеюсь, я не наткнусь на Кельсера», — подумала она, нащупывая голубой луч и убеждаясь в том, что находится точно над металлическим бруском.

И шагнула со стены.

Вин камнем полетела вниз. Она инстинктивно оттолкнулась силой стали, но траектория уже была нарушена: Вин летела в сторону от бруска, и толчок лишь отнес ее еще дальше. Вин перевернулась в воздухе, ее падение ускорило.

Испугавшись, она снова оттолкнулась, вызвав вспышку стали. Ее швырнуло вверх, и она описала в воздухе дугу, взлетев над парапетом. Проходившие мимо стражники изумленно обернулись, но тут же их лица исчезли из поля зрения Вин, потому что она устремилась назад, к земле.

Перестав соображать от страха, Вин потянулась к бруску и дернула, желая приблизиться к нему. И конечно же, брусок послушно рванулся к ней.

«Я погибла».

Но тут ее тело изогнулось от сильного рывка. Падение замедлилось, и вот наконец Вин неторопливо поплыла в воздухе. Из тумана возник Кельсер — он стоял на земле под ней. И разумеется, улыбался.

Он позволил Вин свободно пролететь последние несколько футов, подхватил ее и поставил на мягкую землю. Вин несколько мгновений не шевелилась, дрожа всем телом и боясь даже вздохнуть.

— Ну, это было забавно, — весело сказал Кельсер.

Вин промолчала. Кельсер уселся на лежавший неподалеку камень, явно желая дать девушке возможность прийти в себя. Она быстро опомнилась и воспламенила пьютер, чтобы взбодриться.

— У тебя неплохо получилось, — заметил Кельсер.

— Я чуть не погибла.

— Такое со всеми случается в первый раз, — утешил ее Кельсер. — Тянуть силой железа и толкать силой стали — опасное искусство. Ты можешь пораниться куском металла, который сама же вонзишь в собственное тело, ты можешь прыгнуть — и потерять якорь внизу, ты можешь совершить десяток других ошибок. И по личному опыту, хотя и не слишком большому, я знаю, что лучше начать осваивать это искусство не откладывая и обязательно с чьей-либо помощью. Но в любом случае я уверен, что теперь ты понимаешь, почему алломанту так важно иметь при себе как можно меньше металлических предметов.

Вин кивнула, потом, немного помолчав, потрогала свое ухо.

— Сережка, — сказала она. — Мне нельзя будет носить ее.

— У нее есть застежка? — спросил Кельсер.

Вин отрицательно покачала головой:

— Нет, это совсем маленькая сережка, простой гвоздик, загнутый вниз.

— Тогда ничего страшного, — решил Кельсер. — Металлы внутри тела — включая те крупницы, что ты проглотила, — невозможно притянуть или оттолкнуть. Иначе другие алломанты выуживали бы металл из твоего желудка и ты бы не успевала воспламенить его.

«Вот это полезное знание», — подумала Вин.

— Именно поэтому инквизиторы и расхаживают с металлическими прутьями в глазах. Металл пронзает их тело, и на него не в состоянии воздействовать другие алломанты. Носи свою серьгу — она совсем маленькая, так что вряд ли представляет опасность, зато ты сама в крайнем случае сможешь ее использовать как оружие.

— Ладно...

— Ну, ты готова двигаться дальше?

Вин окинула взглядом стену, мысленно приготовившись к прыжку, и кивнула.

— Нет, мы не возвращаемся, — уточнил Кельсер. — Идем.

Вин нахмурилась, когда Кельсер пошел в туман.

«Так что же, у него все-таки есть какая-то цель, — подумала она, — или он решил просто еще немного побродить вокруг города?»

Приветливость и беззаботность Кельсера странным образом мешали понять, что у него на уме.

Вин поспешила за ним, не желая оставаться одна в тумане. Вокруг Лютадели раскинулась пустошь, где росли только чахлые кусты и сорная трава. Колючки и сухие листья, присыпанные золой и пеплом после недавнего пеплопада, царапали ее босые ноги. Их шаги сопровождались тихим хрустом — это гнулся подлесок, чуть влажный из-за осевшего на стеблях тумана.

Они прошли мимо нескольких куч золы, вывезенной из города. Вообще-то, обычно пепел и золу бросали в реку Каннерал, протекавшую через Лютадель. Вода куда-то уносила их, — по крайней мере, так считала Вин.

Ведь иначе континент уже давным-давно был бы погребен под пеплом.

Вин старалась держаться поближе к Кельсеру. Хотя ей приходилось путешествовать между городами, она всегда шла вместе со скаа-бурлаками. Множество лодок и барж сновало взад-вперед по каналам Последней империи, и знатные люди, как правило, перетаскивали суда с помощью не лошадей, а скаа. Те шагали по дорогам вдоль берегов каналов и тянули суда. Это была тяжелая работа, но она давала возможность путешествовать — а ведь большинство скаа никогда не покидали своих плантаций или городов.

То, что Вин прежде постоянно бродила от города к городу, зависело не от нее: так решал Рин. Он ужасно боялся оказаться запертым где-нибудь. Обычно он сам находил для них с Вин суда, и вместе с бурлаками они добивались до нового места жительства. Но и там Рин не задерживался дольше чем на год. Он всегда двигался, всегда куда-то спешил. Как будто убегал от чего-то.

Вин и Кельсер шли все дальше. Ночью голые холмы и поросшая редким кустарником равнина выглядела угрожающей, запретной территорией. Вин молчала и вообще старалась производить как можно меньше шума. Она слышала немало историй о том, что происходит за пределами городов по ночам, и сплошной туман, даже притом что чувства Вин обостряло олово, вызывал ощущение, словно за ней следили.

Это ощущение усиливалось по мере того, как они с Кельсером продвигались вперед. А потом Вин услышала какие-то звуки. Они были приглушенными, слабыми... как будто шуршала трава и шаркали неподалеку чьи-то ноги, но шаги скрадывал туман...

«Ты просто сходишь с ума!» — строго сказала себе Вин, подпрыгнув от очередного воображаемого звука.

Наконец она почувствовала, что просто не в силах вынести это.

— Кельсер! — окликнула она шепотом, и собственный голос показался ей нестерпимо громким. — Мне кажется, там кто-то есть.

— А? — промычал Кельсер.

Он, похоже, глубоко задумался.

— Мне кажется, за нами кто-то идет!

— Ах, — вздохнул Кельсер. — Ну да, конечно. Это туманный призрак.

Вин застыла как вкопанная, а Кельсер продолжал спокойно шагать вперед.

— Кельсер! — вскрикнула Вин, заставив его остановиться. — Ты хочешь сказать, они действительно существуют?

— Само собой, — ответил Кельсер. — Иначе откуда бы взялись все эти легенды?

Вин стояла, не в силах шевельнуться от потрясения.

— Хочешь на него посмотреть? — спросил Кельсер.

— Посмотреть на туманного призрака? — пролепетала Вин. — Да ты...

Она замолчала.

Кельсер усмехнулся и вернулся к ней.

— Туманные призраки, может, и выглядят странновато, но они относительно безвредны. Они в основном падальщики. Ну, идем же!

Он пошел вперед, махнув рукой Вин, чтобы та поспешила. Вин тронулась с места, хоть и неохотно, и все же ее охватило какое-то болезненное любопытство. Кельсер шагал быстро, направляясь к вершине холмика. Потом он присел, жестом велел Вин сделать то же самое.

— Они не очень хорошо слышат, — негромко произнес он, когда Вин опустилась на колени рядом с ним — прямо на жесткую, усыпанную пеплом и золой землю. — Но у них очень острое обоняние, точнее, осязание. Наверное, призрак идет по нашему следу, надеясь, что мы выбросим или уроним что-нибудь съедобное.

Вин поежилась.

— Я ничего не вижу, — сказала она, всматриваясь в туман в поисках какой-

нибудь фигуры.

— Вон там. — Кельсер показал на невысокий холмик.

Вин прищурилась, воображая некое существо, припавшее к вершине холма и смотрящее прямо на нее.

Тут холмик стронулся с места.

Вин вздрогнула. Темная гора — наверное, не меньше десяти футов высотой и длиной раза в два больше — двинулась вперед странной шаркающей походкой, и Вин вытянула шею, стараясь рассмотреть ее получше.

— Разожги олово как следует, — подсказал Кельсер.

Вин кивнула и вызвала внутри себя вспышку, прибавившую ей алломантической силы. Вокруг сразу стало светлее, туман уже почти не мешал видеть.

Но то, что предстало взгляду Вин, заставило ее содрогнуться. Это было нечто одновременно и зачаровывающее, и тошнотворное, и, безусловно, пугающее. У твари оказалась полупрозрачная, слегка светящаяся шкура, сквозь которую просматривались кости. Еще у нее было много десятков лап, и все они выглядели так, словно туманный призрак позаимствовал их у разных существ. Там нашлись и человеческие руки, и бычьи ноги с копытами, и собачьи лапы, и невесть что еще, чего Вин просто не узнавала.

Все эти разнокалиберные конечности вполне позволяли твари передвигаться, пусть и довольно неуклюже. Туманный призрак полз медленно, как раненая сороконожка. Присмотревшись, Вин поняла, что часть конечностей вообще не действует — просто болтается на теле туманного призрака, как бессмысленные отростки.

Тело призрака напоминало вытянутую луковицу. Или огромную каплю. Однако оно не было простым сгустком плоти... в его устройстве чувствовалась странная логика. Зрение Вин обострилось благодаря олову, и она сквозь полупрозрачную шкуру отчетливо различала скелет твари и светящиеся мускулы и сухожилия. Но мускулы работали как-то странно... А потом Вин поняла, что у твари с дюжину грудных клеток. Руки и ноги висели вдоль основного туловища под необычными, пугающими углами.

И головы... Вин насчитала шесть, и все они были обтянуты полупрозрачной светящейся кожей. Одна голова принадлежала лошади, рядом торчала голова оленя. Потом одна из голов повернулась в сторону Вин, и та разглядела человеческий череп. Он болтался на длинном позвоночнике неизвестного животного, тело которого, в свою очередь, соединялось с мешаниной неведомого происхождения костей.

Вин едва не вырвало.

— Но что... как это?..

— У туманных призраков изменчивые тела, — пояснил Кельсер. — Они могут натянуть свою шкуру на любой скелет и даже заново воссоздать мышцы и внутренние органы, если у них есть образец для подражания.

— Ты хочешь сказать...

Кельсер кивнул:

— Именно. Когда они находят труп, то наползают на него и медленно переваривают мышцы и внутренности. А потом используют то, что съели, в качестве схемы, создавая копию мертвого существа. Но они могут немного изменить порядок, выбросить кости, которые им не нужны или не нравятся, а что-то, наоборот, добавить. Так и возникает то, что ты видишь.

Вин пристально смотрела на тварь, ползшую через поле по ее собственным следам. Под брюхом туманного призрака свободно, до земли, болталась слизистая шкура.

«Он пробует запахи, — подумала Вин. — Ползет там, где прошли мы с Кельсером».

Она пригасила олово, и туманный призрак снова превратился в неясно различимый холм. Но в виде силуэта он почему-то казался еще более странным.

— А они разумны? — спросила Вин. — Раз уж могут... разбирать тела на части и складывать, как им захочется?

— Разумны? — повторил Кельсер. — Нет, особенно в таком молодом

возрасте, как этот. Ими руководят скорее инстинкты, чем разум.

Вин снова вздрогнула.

— А люди знают о них? Я имею в виду — что-либо, кроме легенд?

— О каких именно людях ты говоришь? Алломанты, конечно, знают о туманных призраках, и братство тоже, я уверен. А обычные люди... ну они же не выходят за городские стены по ночам. Большинство скаа боится туманных призраков и прокликает их, по-настоящему так ни одного и не увидев.

— Они счастливы, — пробормотала Вин. — Но почему никто ничего не делает с этими тварями?

Кельсер пожал плечами:

— Потому что они не опасны.

— Но у него человеческая голова!

— Наверное, он нашел где-то труп, — ответил Кельсер. — Я никогда не слышал о том, чтобы туманные призраки нападали на здорового взрослого человека. Видимо, как раз поэтому ими никто и не интересуется. И конечно, высшая знать извлекает для себя пользу из этих существ.

Вин бросила на Кельсера вопросительный взгляд, но Кельсер, не сказав больше ни слова, поднялся и пошел по склону. Вин еще раз обернулась на странное, противоестественное создание и бросилась вдогонку за Кельсером.

— Ты это хотел мне сегодня показать? — спросила она.

Кельсер усмехнулся:

— Туманные призраки, может, и выглядят зловеще, но вряд ли стоят того, чтобы совершать дальнюю прогулку. Нет, мы идем вон туда.

Вин посмотрела в сторону, куда показал Кельсер, и обнаружила, что впереди ландшафт меняется.

— Имперская дорога? Мы обогнули город и вышли к воротам?

Кельсер кивнул. Еще несколько минут быстрым шагом (за это время Вин трижды оглянулась назад, подозревая, что туманный призрак может их догнать), и они выбрались из зарослей кустарника на ровную и твердую имперскую дорогу. Кельсер остановился, внимательно оглядывая дорогу в обоих направлениях. Вин нахмурилась, гадая, что он затеял.

А потом она увидела карету у обочины. Рядом с каретой топтался человек.

— Привет, Сэйзед, — сказал Кельсер.

Мужчина поклонился.

— Мастер Кельсер, — произнес он, и его негромкий голос прозвучал в ночи очень мелодично, высокий звучный голос с красивым акцентом. — Я уже решил, что вы не придете.

— Ты же меня знаешь, Сэйз, — ответил Кельсер, весело хлопая мужчину по плечу. — Я — сама пунктуальность! — Он обернулся и указал на Вин. — А вот это осторожное маленькое существо зовут Вин.

— Ах да, — сказал Сэйзед, произнося слова медленно и отчетливо.

Что-то было странное в его выговоре... Вин осторожно подошла ближе, рассматривая незнакомца. У Сэйзеда было удлинненное плоское лицо, он оказался гибким, точно ива, высоким — даже выше Кельсера, настолько высоким, что это выглядело немного неестественным, — и весьма длинноруким.

— Ты террисиец, — предположила Вин.

Теперь она видела длинные мочки ушей и то, что в ушах красовалось множество крошечных сережек. Сэйзед был одет в нарядную, яркую ливрею террисийского дворецкого: трехцветный вышитый орнамент из перевернутых V-образных мотивов явно демонстрировал Дом его хозяина.

— Да, дитя мое, — ответил Сэйзед, кланяясь. — Вы уже встречали моих соотечественников?

— Нет, но я знаю, что высшая знать предпочитает нанимать дворецкими и лакеями именно террисийцев.

— Так оно и есть, дитя, — согласился Сэйзед. — Нам пора, мастер Кельсер. Уже поздно, а до Феллиса ехать не меньше часа.

«Феллис? — мысленно удивилась Вин. — Значит, мы собираемся повидать подставного лорда Рену?»

Сэйзед открыл перед ними дверцы кареты, а когда они забрались внутрь — аккуратно закрыл их. Вин устроилась на бархатных подушках. Сэйзед сел на место кучера, и карета покатила вперед.

*

Кельсер ехал молча. Занавески на окнах кареты были задернуты, чтобы не впускать туман, в углу висел маленький фонарь, горевший вполсилы. Вин сидела напротив него, поджав под себя ноги и плотно закутавшись в ленты плаща.

«Она всегда так делает, — думал Кельсер, поглядывая на девушку. — Где бы ни оказалась, она пытается стать как можно меньше и незаметнее. До чего же она напряжена!»

Вин не сидела, она съеживалась. И не ходила, а как будто кралась. Даже на открытом пространстве она выглядела так, словно пытается забиться в угол.

«И все равно она храбрая девочка».

Будучи учеником, Кельсер не выказал особого желания прыгнуть с городской стены, и старый Джеммел вынужден был его столкнуть.

Вин наблюдала за ним спокойными темными глазами. Когда же он это заметил, она сразу отвела взгляд и плотнее закуталась в плащ. И вдруг, совершенно неожиданно, заговорила.

— Твой брат, — сказала она почти шепотом. — Вы с ним не очень ладите?

Кельсер чуть приподнял брови:

— Да. Вообще-то, мы никогда не были близки. Это плохо, конечно. Нам следовало бы исправить это, но мы просто... не можем.

— Он старше тебя? — (Кельсер кивнул.) — Он тебя часто бил?

Кельсер нахмурился:

— Бил? Нет, никогда.

— Значит, ты его останавливал? — спросила Вин. — Может, он поэтому тебя не любит? А как ты это делал? Просто убегал? Или ты был сильнее?

— Вин, Марш никогда не пытался ударить меня. Мы ссорились, верно... но никогда не испытывали желания причинить друг другу боль.

Вин не стала возражать, но Кельсер по глазам понял, что она ему не верит.

«Что же это за жизнь?..» — подумал Кельсер.

Сколько на дне детей, похожих на Вин... Конечно, большинство из них умирает, не дожив до ее возраста. Кельсер был из тех, кому повезло: его мать, весьма находчивая возлюбленная знатного человека, сумела скрыть от своего господина тот факт, что она — скаа. Кельсер и Марш росли в отличных условиях: пусть незаконнорожденные, но все же знатные дети... А потом их отец вдруг узнал правду.

— Почему ты меня учишь? — спросила Вин, прервав его размышления. — Я имею в виду алломантию.

Кельсер недоуменно уставился на нее:

— Но я же обещал.

— Да, но теперь я знаю твои секреты, и что помешает мне сбежать?

— Ничто не помешает, — ответил Кельсер.

И снова настороженный взгляд дал Кельсеру понять, что Вин не верит ни единому его слову.

— Есть еще металлы, о которых ты мне не рассказал. На том собрании, в

первый день, ты говорил, что их десять.

Кельсер кивнул, чуть наклоняясь вперед:

— Верно, десять. Но я не говорил о последних двух не потому, что хотел что-то скрыть от тебя. Они просто трудны в управлении. Тебе самой будет легче, если ты сначала научишься работать с базовыми металлами. Однако, если хочешь узнать о двух последних, я тебе все объясню, как только мы приедем в Феллис.

Вин выразительно прищурилась. Кельсер закатил глаза:

— Да не пытаюсь я обмануть тебя, Вин! Люди работают в одной команде со мной только потому, что сами этого хотят, а я могу действовать эффективно, потому что свободно полагаюсь на компаньонов. Никакого недоверия, никаких предательств.

— Кроме одного, — прошептала Вин. — Того предательства, из-за которого ты оказался в Ямах.

Кельсер нахмурился:

— Где ты это слышала?

Вин молча пожала плечами.

Кельсер вздохнул, потер ладонью лоб. На самом деле ему хотелось сделать кое-что другое — ему хотелось почесать шрамы, исполосовавшие руки от кончиков пальцев до плеч. Однако Кельсер сдержался.

— Об этом не стоит говорить, — сказал он.

— Но ведь рядом с тобой был предатель, — возразила Вин.

— Я не знаю наверняка. — Это прозвучало неубедительно даже для самого Кельсера. — Как бы то ни было, наша общая работа строится на доверии. А это значит — никакого принуждения. Хочешь, прямо сейчас вернемся в Лютадель? Я покажу тебе два последних металла, а потом отправляйся куда угодно.

— У меня нет денег, чтобы прожить в одиночку, — пробормотала Вин.

Кельсер сунул руку под плащ и, достав мешочек с монетами, бросил его на сиденье рядом с Вин.

— Три тысячи мер. Деньги, что я забрал у Камона.

Вин недоверчиво покосилась на мешочек.

— Возьми, — предложил Кельсер. — Это ведь ты их заработала... Насколько я успел разобраться, за большинством последних успехов Камона стояла ты, и именно ты рисковала, воздействуя на эмоции поручителя.

Вин не шелохнулась.

«Отлично», — подумал Кельсер, поднимая руку и легонько стуча вознице.

Карета остановилась, через секунду в окно заглянул Сэйзед.

— Разверни, пожалуйста, экипаж, Сэйзед, — сказал Кельсер. — Отвези нас обратно в Лютадель.

— Хорошо, мастер Кельсер.

Через несколько мгновений карета уже катила в противоположном направлении. Вин молчала, но, похоже, уверенности у нее поубавилось. Она еще раз посмотрела на мешочек с монетами.

— Я говорю серьезно, Вин, — негромко произнес Кельсер. — Мне не нужен в команде человек, который не хочет со мной работать. Я тебя отпускаю — это не наказание, просто по-другому нельзя.

Вин не ответила. Кельсер знал, что отпустить ее было бы ошибкой... однако удерживать ее было бы ошибкой куда худшей. Кельсер молчал, пытаясь понять Вин, разобраться в этой девочке. Если она уйдет, выдаст ли она их властям? Нет, он так не думал. Она хороший человек.

Просто она думала, что вокруг нее — только дурные люди.

— Мне кажется, твой план — безумие, — сказала она наконец.

— Так думает половина шайки.

— Ты не можешь победить Последнюю империю.

— Это и не нужно. Просто соберем армию для Йедена и захватим дворец.

— Вседержитель остановит тебя. Ты не сумеешь его уничтожить... он бессмертен.

— У нас есть одиннадцатый металл, — сказал Кельсер. — Я найду способ убить Вседержителя.

— Братство слишком сильно. Оно отыщет твою армию и разобьет ее.

Кельсер наклонился, заглядывая Вин в глаза:

— Ты доверилась мне настолько, чтобы прыгнуть с городской стены, и я поймал тебя. Тебе придется довериться мне еще раз.

Похоже, слово «довериться» не слишком нравилось Вин. Она долго рассматривала Кельсера в слабом свете фонаря и молчала до тех пор, пока тишина не стала неловкой.

Наконец она схватила мешочек с монетами и спрятала под плащом.

— Я остаюсь, — сказала она. — Но не потому, что доверяю тебе.

— Тогда почему? — удивленно спросил Кельсер.

Вин пожала плечами, но ее ответ показался Кельсеру абсолютно честным.

— Просто потому, что хочу посмотреть, чем все это кончится.

*

Чтобы обладать наивысшим статусом в обществе, необходимо было иметь крепость в Лютадели. Однако иметь крепость не означало жить в ней, тем более постоянно. Многие знатные семьи владели резиденциями в окружающих Лютадель маленьких городках.

Населения здесь было меньше, улицы — чище, к тому же не так сильно чувствовалась тяжесть имперских законов. Феллис принадлежал как раз к таким городам. Это был богатый город. Здесь не нашлось бы могучих крепостей — вместо них повсюду красовались роскошные особняки. Вдоль некоторых улиц даже росли деревья, в основном осины, чья желтовато-белая кора словно отталкивала пепел.

Вин в окно кареты смотрела на окутанный туманом город: фонарь внутри Кельсер погасил по ее просьбе. Воспламенив олово, Вин отчетливо видела аккуратно спланированные, ухоженные улицы. Они оказались в том районе Феллиса, который она прежде видела очень редко: несмотря на богатство города, трущобы в нем были точно такими же, как везде.

Кельсер тоже смотрел на город и хмурился при этом.

— Тебе не нравится роскошь, — шелестящим шепотом предположила Вин.

Слух Кельсера обострило олово, и он прекрасно расслышал ее слова.

— Ты смотришь на богатый город, а сам думаешь, что все это построили скаа.

— Отчасти так и есть, — ответил Кельсер тихо. — Но есть еще кое-что. Если учесть, сколько сюда вложено денег, город должен выглядеть поистине прекрасным.

Вин резко обернулась к нему:

— Но он и так прекрасен.

Кельсер покачал головой:

— Дома сплошь в черных пятнах, как и раньше. Почва по-прежнему ядовита и бесплодна. Листья на деревьях все еще коричневые.

— Само собой, коричневые. А какими же им быть?

— Зелеными, — ответил Кельсер. — Все вокруг должно быть зеленым.

«Зеленым? — изумленно подумала Вин. — Какая странная идея!»

Она попыталась представить дерево с зелеными листьями, но картинка показалась ей ужасно глупой. Кельсер выдумал что-то совсем непонятное... но, впрочем, у любого, кто много времени провел в Ямах Хатсина, наверняка свои причуды.

Кельсер обернулся к ней:

— Пока не забыл... есть еще пара вещей, которые тебе следует знать. Я об алломантии.

Вин кивнула, готовая слушать.

— Прежде всего, — сказал Кельсер, — не забывай на исходе ночи выжигать все металлы, которые не использовала. Некоторые из них ядовиты, опасны для пищеварения. Лучше ложиться спать с пустым желудком.

— Хорошо, — послушно ответила Вин.

— И еще, — продолжал Кельсер, — никогда не пытайся воспламенить металлы, не относящиеся к десятке. Я уже предупреждал, что от металла с примесями или неправильного сплава тебе станет плохо. А если ты попытаешься воспламенить то, что к алломантии вообще не имеет отношения, можешь и помереть.

Вин мрачно кивнула.

«Полезное знание», — подумала она.

— О, — воскликнул Кельсер, поворачиваясь к окну, — вот мы и прибыли! Новоприобретенный особняк Рену. Лучше тебе снять плащ. Здешние обитатели преданы нам, но все равно лучше соблюдать осторожность.

Насчет осторожности Вин была полностью согласна с Кельсером. Сняв плащ, она отдала его Кельсеру, и тот спрятал его в мешок. Она выглянула в окно кареты, пытаясь сквозь туман рассмотреть особняк, к которому они подъезжали. Его окружала невысокая каменная стена с железными воротами. Двое стражников открыли их, услышав голос Сэйзеда.

За воротами по обе стороны подъездной дороги росли осины, а впереди, на

вершине холма, Вин увидела большое здание, из окон которого струился слабый свет.

Сэйзед остановил карету перед домом, передал поводья подбежавшему слуге и спрыгнул на землю.

— Добро пожаловать в поместье Рену, госпожа Вин, — сказал он, открывая дверцу кареты и протягивая Вин руку, чтобы помочь выйти.

Вин посмотрела на эту руку, но не стала прикасаться к ней. Она предпочла выбраться наружу самостоятельно. Но террисийца, похоже, ничуть не обидел ее отказ.

Белые мраморные ступени перед парадной дверью освещали стоявшие по обе стороны фонари. Когда Кельсер вышел из кареты, Вин увидела, что наверху собираются какие-то люди. Кельсер быстро взбежал по ступеням, Вин поднялась следом, отметив, что лестница выглядит очень чистой. Видимо, ее регулярно скребут и моют, если на ней нет пятен сажи. Интересно, а скаа, работающие здесь, знают, что их хозяин — подменьш? И чем, собственно, «благой» план Кельсера по разрушению Последней империи поможет обычным людям, чистящим ступени?

«Лорд Рену», худощавый и немолодой, был одет в роскошный костюм, а на его носу красовались аристократического вида очки. У него были седые редкие усы, и он не опирался на трость при ходьбе, несмотря на возраст. Он уважительно кивнул Кельсеру, сохранив при этом величественный вид, и Вин поняла: этот человек прекрасно знает, что делает.

Камон отлично умел изображать вельмож, но в том, как он напускал на себя важный вид, Вин чувствовала некую наивность. Конечно, существовало немало лордов, похожих на Камона, однако гораздо большее впечатление производили те, что походили на лорда Рену: спокойные и уверенные в себе. Люди, знатность которых проявлялась в умении держаться, а не в том, чтобы обливать презрением окружающих. Вин с трудом удержалась, чтобы не сжаться в комочек, когда подменьш посмотрел на нее: он выглядел по-настоящему знатным лордом, а Вин всегда инстинктивно избегала внимания подобных особ.

— Особняк стал намного лучше, — заметил Кельсер, обмениваясь рукопожатием с Рену.

— Да, я сам удивлен, — ответил Рену. — Моя команда уборщиков оказалась весьма умелой. Дайте нам еще немного времени — и особняк станет таким величественным, что я без колебаний готов буду принять в нем самого Вседержителя.

Кельсер рассмеялся:

— Ну, это был бы очень странный ужин. — Он немного отступил и указал на Вин. — Вот та юная леди, о которой я говорил.

Рену внимательно посмотрел на нее, и Вин отвела взгляд. Ей не нравилось, когда люди разглядывали, словно прикидывали, как бы ее использовать.

— Позже поговорим об этом, Кельсер, — сказал Рену, кивком указывая на входную дверь. — Час поздний, но...

Кельсер переступил порог особняка.

— Поздний? Да ну, еще только полночь. Не могут ли твои люди приготовить что-нибудь поесть? Мы с госпожой Вин не ужинали.

Для Вин было не впервой остаться без ужина. Однако Рену тут же махнул рукой слугам, и те засуетились. Рену вошел в дом, Вин шагнула за ним. Но в дверях она остановилась, и Сэйзед терпеливо замер за ее спиной.

Кельсер оглянулся, заметив, что Вин отстала.

— Вин?

— Здесь... так чисто, — неуверенно произнесла Вин, не находя другого определения.

Ей время от времени приходилось видеть дома знатных людей. Но это обычно случалось ночью, при весьма слабом освещении. Вин оказалась не готова к открывшемуся зрелищу.

Белые мраморные полы особняка как будто светились, отражая огни дюжины ламп. Все здесь выглядело таким... незапятнанным. Стены были белыми там, где их не украшали традиционные фрески с изображением зверей. Наверху, над двойной парадной лестницей, ослепительно сверкала

люстра, а все убранство комнаты — хрустальные фигурки, вазы с букетами из осиновых веток — просто сияло, и нигде не нашлось бы ни пятнышка золы или пепла, ни единого отпечатка пальца...

Кельсер усмехнулся.

— Что ж, вот высшая оценка твоих усилий, — сказал он лорду Рену.

Вин позволила ввести себя в дом. Они повернули направо — в комнату, белизна которой была разбавлена бордовой мебелью и такого же цвета занавесками.

Рену обратился к Кельсеру:

— Возможно, дама захочет отдохнуть немного перед ужином? Мне бы хотелось обсудить с тобой кое-какие деликатные вопросы.

— Да сколько угодно, — пожал плечами Кельсер, направляясь вслед за Рену к другой двери. — Сэйз, почему бы тебе не составить Вин компанию, пока мы с лордом Рену разговариваем?

— Разумеется, мастер Кельсер.

Кельсер улыбнулся, покосившись на Вин, и она поняла, что Сэйзед оставлен здесь для того, чтобы она не подслушивала.

Вин бросила вслед уходящим мужчинам раздраженный взгляд.

«Что ты говорил о доверии, Кельсер?»

Но еще больше Вин разозлило ее собственное беспокойство. С какой стати она вообще переживает, что Кельсер исключит ее из своих планов? Ее ведь всю жизнь не замечали и вечно задвигали куда-нибудь подальше. Но до сих пор она не придавала значения тому, что главари банд не посвящали ее в свои дела.

Вин уселась в одно из пухлых бордовых кресел, поджав под себя ноги. Она уже поняла, в чем дело. Кельсер выказывал к ней слишком много уважения, заставил ее почувствовать собственную значимость. И она начала думать, что вполне заслуживает того, чтобы с ней делились секретами. Вин, как

наяву, услышала смех Рина, издевательский смех... И правда, как ей могло прийти в голову такое? Вин сердилась на себя и на Кельсера, ей было стыдно, но она толком не понимала почему.

Слуги Рену принесли ей большую тарелку с фруктами и хлебом. Они придвинули к ее креслу маленький столик и даже подали Вин прозрачную чашку со сверкающей красной жидкостью. Вин не знала, что это — вино или сок, но не собиралась проверять. Она съела один фрукт: привычки не позволяли ей отказываться от бесплатной пищи, пусть даже приготовленной незнакомыми руками.

Сэйзед стоял справа от ее кресла и немного сзади. Он ждал, сложив руки на груди и глядя в пространство перед собой. Его напряженная поза, судя по всему, символизировала уважение, но от его присутствия настроение Вин не улучшалось.

Она попыталась сосредоточиться на окружающем, но лишь сильнее расстроилась, оценив богатство обстановки. Вин было неуютно среди всей этой роскоши, она казалась себе чем-то вроде черного пятна на чистом ковре. Она даже хлеб не стала есть из страха, что на пол упадут крошки, и то и дело с тревогой посматривала на свои ноги: они испачкались пеплом и золой, когда они с Кельсером бродили за городом, и могли теперь испортить обивку кресла...

«Но ведь чистоту здесь наводят скаа, это их работа, — думала Вин. — Почему же я боюсь что-то испачкать?»

Она изо всех сил старалась не злиться. Как бы то ни было, «лорд Рену» просто обязан поддерживать определенный уровень жизни. Иначе это казалось бы подозрительным.

Вдобавок ко всему слуги-скаа выглядели счастливыми. Они деловито выполняли свои обязанности, как будто никто их ни к чему не принуждал. Вин слышала смех, раздававшийся за дверью в коридоре. Похоже, со здешними скаа хорошо обращались, и для них, наверное, не имело значения, посвящает их Кельсер в свои планы или нет.

Вин выпрямилась и заставила себя съесть еще один фрукт, время от времени зевая. Было уже далеко за полночь. Слуги в конце концов ушли, только Сэйзед продолжал маячить позади.

«Я не могу есть, когда он тут стоит!» — сердито подумала Вин.

— А ты не мог бы не торчать за моей спиной?

Сэйзед кивнул. Сделав два шага, он очутился рядом с креслом, а не позади него и встал в точно такую же позу, как прежде.

Вин раздраженно нахмурилась и вдруг заметила улыбку на губах Сэйзеда. Он посмотрел на нее сверху вниз, подмигнул, подошел к ближайшему креслу и опустился в него.

— Вот не знала, что у террисийцев есть чувство юмора, — сухо произнесла Вин.

Сэйзед бросил на нее веселый взгляд:

— А мне казалось, что вы вообще не знаете террисийцев, госпожа Вин.

— Ну, я никогда не слышала о террисийцах с чувством юмора. Про вас говорят, будто вы всегда суровы и официальные.

— Мы просто очень хитрые, госпожа, — сказал Сэйзед.

Он сидел очень прямо, но выглядел почему-то расслабленным. Словно держать осанку ему было так же удобно, как другим — развалиться в кресле.

«Ну да, таким ему и полагается быть. Безупречный слуга, безоговорочно преданный Последней империи...»

— Вас что-то беспокоит, госпожа Вин? — спросил Сэйзед.

«Много ли он знает? Может, он даже не осознает, что Рену — подменьш?»

— Я просто пыталась угадать, как ты попал сюда, — сказала она наконец.

— Вы имеете в виду, как террисийский дворецкий очутился среди мятежников, намеренных разрушить Последнюю империю? — мягко уточнил Сэйзед.

Вин покраснела. Похоже, он вполне осведомлен о здешних делах...

— Да, интересный вопрос, госпожа, — продолжил Сэйзед. — Конечно, это выглядит не совсем обычно. Но я бы сказал, что я здесь благодаря вере.

— Вере?

— Да, — подтвердил Сэйзед. — Вот скажите, госпожа, во что вы верите?

Вин нахмурилась:

— Что за вопрос такой?

— Думаю, это очень важный вопрос.

Вин замолчала, надувшись, но Сэйзед явно ожидал ответа, и в конце концов она пожала плечами:

— Я не знаю.

— Люди часто так говорят. Но я обнаружил, что это редко бывает правдой. Вы верите в Последнюю империю?

— Я верю, что она сильна, — ответила Вин.

— И бессмертна?

Вин фыркнула:

— Ну, так далеко я не загадываю.

— А Вседержитель? Он действительно вознесся, превратившись в воплощение бога? Вы верите, что он, как убеждает нас братство, является осколком вечности?

— Я... никогда прежде об этом не думала.

— Возможно, стоит подумать. И если после такого размышления решите, что вам не нравится то, чему учит нас братство, я буду рад предложить другой вариант.

— Какой вариант?

Сэйзед улыбнулся:

— В зависимости от обстоятельств. Искренняя вера вроде хорошего плаща, мне кажется. Если он вам впору, в нем будет тепло и уютно. А если мал — станете задыхаться.

Вин задумалась, а Сэйзед все так же улыбался. Наконец Вин вспомнила о еде. Через некоторое время боковая дверь открылась и вернулись Кельсер и Рену.

— Ну а теперь, — предложил Рену, когда они расселись и слуги принесли еду для Кельсера, — поговорим об этой малышке. Ты сказал, что человек, который должен был играть моего наследника, вышел из дела?

— К несчастью, — кивнул Кельсер, принимаясь за еду.

— Это все усложняет, — вздохнул Рену.

Кельсер повел плечами:

— Мы просто сделаем твоей наследницей Вин.

Рену покачал головой:

— Девушка такого возраста может быть наследницей, но это подозрительно — то, что я выбрал именно ее. В Доме Рену достаточно мужчин, двоюродных братьев, которые выглядели бы куда более уместным выбором. Даже мужчине средних лет нелегко удостоиться внимания высшего света. А уж молодая девушка... нет, слишком многим захочется покопаться в ее прошлом. Наши вымышленные родословные могут выдержать не слишком тщательную проверку, но если кому-нибудь вздумается отправить гонцов, чтобы проверить, кто она такая на самом деле...

Кельсер нахмурился.

— Кроме того, — добавил Рену, — есть и еще кое-что. Если я назову своей наследницей молодую незамужнюю девушку, ее тут же сочтут одной из самых выгодных партий в Лютадели. Было бы весьма затруднительно шпионить, находясь в центре всеобщего внимания.

Вин покраснела при этих словах и сама удивилась тому, как забилось ее сердце.

«Но это единственная подходящая роль в плане Кельсера. Если я не могу ее играть, какой от меня прок?»

— Ну хорошо, что ты предлагаешь? — спросил Кельсер.

— Она не должна быть моей наследницей, — сказал Рену. — Что, если она станет изображать просто юную родственницу, которую я привез с собой в Лютадель? Возможно, я обещал ее матушке — какой-нибудь троюродной, но любимой сестре, — что представлю дочь ко двору. Знать с пониманием отнесется к моему намерению выдать ее замуж в один из хороших Домов и тем самым укрепить собственное положение. Однако она не должна привлекать много внимания... ей следует обладать не слишком высоким положением и выглядеть немножко провинциально. Она ведь якобы из весьма дальних мест.

— Ага, это вполне объяснит, почему ее манеры не отличаются особой утонченностью, как у всех прочих придворных, — задумчиво произнес Кельсер. — Без обид, Вин.

Вин, прятая в карман обернутый салфеткой кусочек хлеба, удивленно посмотрела на Кельсера.

— А почему я должна обижаться?

Кельсер улыбнулся:

— Да это я так, забудь.

Рену кивнул собственным мыслям.

— Ну да, так будет куда лучше. Все уже знают, что Дом Рену со временем присоединится к высшей знати, так что Вин примут просто из вежливости. Однако она будет выглядеть такой незначительной, что большинство людей ее и не заметит. Это идеальная ситуация для того, чтобы она смогла выполнить свою часть работы.

— Мне нравится твое предложение, — сказал Кельсер. — Мало кто станет

ожидать от человека твоего возраста и рода занятий посещения балов и приемов, но, если ты вместо себя отправишь ко двору молодую родственницу, это благотворным образом повлияет на твою репутацию.

— Несомненно, — согласился Рену. — Но с ней придется поработать... и не только в плане внешнего вида.

Вин съежилась под их изучающими взглядами. Похоже, ее часть плана получит дальнейшее развитие, и Вин внезапно осознала, что это значит. Даже рядом с лордом Рену она ощущала себя неловко... а он был всего лишь фальшивым лордом. Что же она будет делать, когда очутится в комнате, битком набитой настоящей знатью?..

— Боюсь, мне придется на какое-то время позаимствовать у тебя Сэйзеда, — сказал Кельсер.

— Все в порядке, — ответил Рену. — Он ведь на самом деле не мой дворецкий, а твой.

— Сдается мне, — проговорил Кельсер, — он теперь ничей дворецкий. Так, Сэйз?

Сэйзед вскинул голову:

— Террисиец без хозяина — все равно что солдат без оружия, мастер Кельсер. Я с радостью служил лорду Рену и уверен, что с честью вернусь на службу к вам.

— О нет, ты не вернешься на службу ко мне, — возразил Кельсер.

Сэйзед бросил на него вопросительный взгляд. Кельсер кивком указал на Вин.

— Рену прав, Сэйзед. Вин нуждается в некоторой подготовке, а я знаю немало высших лордов, которые воспитаны куда хуже тебя. Как думаешь, тебе удастся помочь этой девочке?

— Уверен, что смогу предложить юной госпоже свои услуги, — ответил Сэйзед.

— Вот и хорошо, — сказал Кельсер, засовывая в рот последнее печенье и вставая. — Я рад, что все устроилось, потому что я устал, а бедняжка Вин вообще выглядит так, словно готова уснуть лицом в тарелку.

— Я в порядке, — поспешно заявила Вин, стараясь подавить зевок.

— Сэйзед, — попросил Рену, — ты не покажешь им гостевые комнаты?

— Разумеется, мастер Рену.

Сэйзед плавно поднялся с кресла.

Вин и Кельсер пошли за высоким террисийцем, а несколько слуг-скаа принялись убирать остатки еды. «Я не все съела», — сонно вспомнила Вин. Когда они поднялись по лестнице и свернули в коридор, Кельсер задержался, поджидая отставшую Вин.

— Извини, что оставил тебя одну.

Она пожала плечами:

— Мне вовсе незачем знать обо всех твоих делах.

— Ерунда, — возразил Кельсер. — Ты приняла сегодня решение, которое сделало тебя полноправным членом команды. Однако Рену хотел поговорить о совершенно личных проблемах. Он прекрасный актер, но чувствует себя неловко рядом с людьми, которые знают, как именно он очутился на месте лорда Рену. Я клянусь, мы ни словом не обмолвились о твоей части плана.

Вин кивнула на ходу:

— Я... тебе верю.

— Вот и хорошо, — с улыбкой сказал Кельсер, легонько хлопая ее по плечу.

— Сэйз, я знаю, где находятся гостевые комнаты для мужчин... в конце концов, именно я купил это поместье. Дальше я справлюсь сам.

— Очень хорошо, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед, уважительно кивнув.

Кельсер подмигнул Вин и пошел дальше по коридору, энергично, как всегда.

Вин проводила его взглядом и направилась вслед за Сэйзедом в другую сторону, размышляя об уроках алломантии, о разговоре в карете и, наконец, о том, что Кельсер ей пообещал. Три тысячи золотых мер — целое состояние — оттягивали ее пояс.

Наконец Сэйзед открыл дверь и двинулся вперед, чтобы зажечь лампы.

— Белье на постели свежее, утром я пришлю горничную, чтобы приготовила ванну. — Он повернулся, протягивая Вин свечу. — Вам нужно что-нибудь еще?

Вин покачала головой. Сэйзед улыбнулся, пожелал ей спокойной ночи и вышел в коридор. Вин какое-то время неподвижно стояла в дверях, взглядом изучая комнату. Потом обернулась и посмотрела в ту сторону, куда ушел Кельсер.

— Сэйзед? — окликнула она.

Дворецкий остановился:

— Да, госпожа Вин?

— Кельсер, — негромко сказала Вин. — Он ведь хороший человек?

Сэйзед улыбнулся.

— Очень хороший, госпожа. Один из лучших, с кем мне доводилось встречаться.

Вин чуть заметно кивнула.

— Хороший человек... — тихо пробормотала она. — Не думаю, чтобы мне раньше попадались хорошие люди.

Сэйзед осторожно усмехнулся, отвесил почтительный поклон и удалился.

А Вин вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

Часть вторая

Повстанцы под пепельным небом

9

И еще я тревожусь, как бы мое высокомерие не погубило всех нас.

Вин оттолкнулась от монеты и нырнула в туман. Она оторвалась от земли и камней, паря в темных волнах, и ветер трепал ее плащ.

«Это свобода, — думала она, глубоко вдыхая прохладный влажный воздух. Закрыв глаза, Вин кожей ощущала порывы ветра. — Именно этого мне всегда не хватало, хотя я не понимала, в чем дело».

Начав снижаться, она открыла глаза. В самый последний момент она снова бросила монетку. Та ударилась о бульжную мостовую, и Вин слегка оттолкнулась от нее, замедлив падение. Воспламенив пьютер, она стремительно помчалась по тихим улочкам Феллиса. Стояла поздняя осень, воздух был холодным, но вообще в Центральном доминионе зимы довольно мягкие. Уже несколько лет здесь не выпадал снег.

Вин бросила монетку себе за спину и, оттолкнувшись, взлетела вверх и вправо. Она опустилась на низкую каменную стену и побежала по ней, ни на мгновение не сбившись с шага. Пьютер увеличивал не только силу мышц, но и все прочие способности ее тела. Когда Вин жгла пьютер медленно, он давал ей такое чувство равновесия, какому позавидовал бы любой ночной грабитель.

Стена поворачивала на север, и Вин остановилась на углу. Она присела на корточки, остро ощущая босыми ногами холодные камни. Сперва запалив медь, чтобы скрыть свою алломантическую силу, Вин вызвала вспышку олова, обостряя чувства до предела.

Тишина. Ряды осин в тумане казались почти нереальными, они напоминали Вин изможденных скаа, выстроившихся в длинную очередь. Вокруг раскинулись ухоженные поместья — каждое было окружено стеной и хорошо охранялось. В этом городе ночью виднелось гораздо меньше огней, чем в Лютадели. Многие дома здесь служили лишь сезонными резиденциями, их хозяева большую часть времени проводили в других областях Последней империи.

Внезапно впереди вспыхнули голубые лучи: у каждого один конец упирался в грудь Вин, а другой — таял в тумане. Вин отклонилась в сторону и пригнулась, когда пара монет прорезала ночной туман. Вызвав вспышку пьютера, она прыгнула со стены на мостовую. Ее обостренный оловом слух уловил тихий шорох. Потом в небо взвилась темная мужская фигура, и голубой луч Вин коснулся кошелька с монетами на его поясе.

Вин швырнула монету и взлетела следом за противником. Несколько мгновений они парили над спящим поместьем какого-то ни о чем не подозревавшего лорда. Потом противник Вин неожиданно изменил направление полета, рванувшись к особняку. Вин кинулась за ним, забыв про лежавшую на земле монету, разжигая железо и притягивая себя к одному из шпингалетов на окне особняка.

Ее противник добрался до здания первым, и Вин услышала глухой удар, когда тот врезался в стену. Спустя мгновение он помчался дальше.

Вспыхнул свет, из окна высунулась чья-то голова — как раз в тот момент, когда Вин, развернувшись в воздухе, ногами ударила о стену. Приняв вертикальное положение, она оттолкнулась от того же самого шпингалета. Стекло треснуло, но Вин унеслась в ночь прежде, чем ее успело остановить земное притяжение.

Вин летела сквозь туман, пытаясь отыскать след того, за кем гналась. Он швырнул в нее пару монет, но Вин небрежно отмахнулась от них. Смутный голубой луч указал вниз, на упавшую монету, и противник Вин повернул в сторону. Вин бросила на землю свою монетку и оттолкнулась от нее. Однако монета внезапно исчезла — ее утащил противник. Это неожиданное движение изменило траекторию прыжка Вин и бросило ее вбок. Вин выругалась, кидая монету в противоположную сторону и отталкиваясь от нее, чтобы вернуть равновесие. И тут она опять потеряла того, за кем гналась.

«Ладно, отлично...» — подумала она, опускаясь на мягкую землю с внутренней стороны стены.

Она высыпала в ладонь несколько монет и швырнула в воздух почти полный кошелек, сильным толчком направив его в ту сторону, где исчез противник. Кошелек растаял в тумане, оставив за собой едва заметный голубой

алломантический след.

Целый рой монет внезапно вылетел из кустов неподалеку от Вин и помчался следом за ее кошельком. Вин улыбнулась. Противник принял кошелек за саму Вин. Он был слишком далеко, чтобы заметить монеты в ее ладони и чтобы сама Вин могла обнаружить те монеты, что он держал при себе.

Темная фигура выскочила из кустов и вскарабкалась на каменную стену. Вин замерла, ожидая, пока человек пробежит по стене и спрыгнет с противоположной стороны.

Тогда она тоже взмыла в воздух и швырнула оставшиеся монеты в бегущего внизу. Он мгновенно оттолкнул их, разметав в разные стороны, но монеты были лишь отвлекающим маневром. Вин приземлилась перед противником, выхватив из ножен стеклянные кинжалы. Она помчалась вперед, размахивая кинжалами, но противник почему-то отпрыгнул назад.

«Что-то не так».

Вин метнулась в сторону, когда горсть блестящих монет — ее собственных монет — вдруг помчалась к тому человеку. Он повернулся и швырнул их в Вин. Она, тихо взвизгнув, уронила кинжалы и выбросила вперед руки, чтобы оттолкнуть монеты. И тут же отлетела назад, когда их с противником алломантические силы столкнулись.

Одна из монет зависла в воздухе, дергаясь из стороны в сторону. Остальные разлетелись.

Вин на лету вызвала вспышку стали — противник, крикнув, полетел назад и ударился о стену. Вин врезалась в дерево, но вспышка пьютера избавила ее от боли. Упираясь спиной о дерево, Вин продолжала толкать.

Монета дрожала в воздухе, попав между двумя противоборствующими алломантическими силами. Давление увеличивалось. Вин стиснула зубы, ощущая, как за спиной начинает сгибаться тонкая осина.

Противник тоже давил, не ослабляя усилий.

«Тебе... меня... не одолеть!» — подумала Вин, вызывая одновременную

вспышку стали и пьютера и с тихим стоном вкладывая все силы в монету.

Мгновение стояла полная тишина. Потом Вин резко отбросило, потому что дерево с громким треском сломалось.

Вин повалилась на землю, а вокруг нее веером рассыпались щепки. Даже олова и пьютера оказалось недостаточно, чтобы удержать ее мысли в порядке, когда она катилась по бульжникам мостовой. Темная фигура приблизилась в ореоле развивающихся лент плаща рожденного туманом. Вин с трудом поднялась на ноги, тщетно пытаясь отыскать на поясе кинжалы, которые совсем недавно бросила.

Кельсер откинул капюшон и протянул Вин ее оружие. Один кинжал оказался разбитым.

— Я знаю, что это инстинктивное движение, Вин, но незачем выбрасывать вперед руки, когда ты толкаешь что-то... и тем более незачем ронять то, что ты держишь.

Вин скривилась, потирая плечо, и забрала кинжалы.

— Неплохой фокус ты проделала с кошельком, — похвалил Кельсер. — Я почти купился.

— Толку-то, — проворчала Вин.

— Ты тренируешься всего несколько месяцев, — весело продолжал Кельсер, — и, если учесть все обстоятельства, должен сказать, что ты просто фантастически продвинулась вперед. Но я бы все-таки посоветовал тебе избегать таких вот единоборств, если противник весит больше тебя. — Он помолчал, оценивая невысокую худощавую фигурку Вин. — А это, видимо, означает, что тебе вообще ни с кем не следует бодаться.

Вин вздохнула и выпрямилась. Да, синяков у нее прибавится.

«Ну и ладно, их все равно никто не увидит».

Сейчас, когда с ее лица окончательно исчезли следы побоев Камона, Сэйзед просил, чтобы она была осторожнее. Косметика не скроет всего, а Вин надлежало выглядеть «приличной» молодой леди, если она намеревалась

проникнуть в придворные круги.

— Вот, держи, — сказал Кельсер, протягивая ей что-то. — На память.

Это оказалась монета, которую они толкали с двух сторон. Она погнулась и стала в два раза тоньше.

— Увидимся в особняке, — бросил Кельсер.

Вин молча кивнула, и он исчез в темноте.

«Он прав, — подумала Вин, рассматривая монету. — Я меньше ростом, и вес у меня невелик, и учусь я совсем недавно. Если на меня нападет кто-нибудь здоровенный, я пропала».

Впрочем, она знала и другую тактику, из прежней жизни, — нападать тихо, оставаться невидимой... Ей необходимо было научиться использовать алломантию именно таким образом. Кельсер все время твердил, что она быстро учится. И похоже, думал, что это его заслуга, но она ощущала, что тут кроется нечто большее. Туман... тайные ночные прогулки... во всем этом была какая-то правильность. Вин ничуть не тревожилась, успеет ли она как следует овладеть алломантией к тому времени, когда Кельсеру понадобится помощь в борьбе с другими рожденными туманом.

Вин беспокоила другая часть его плана.

Вздохнув, она перемахнула через стену, чтобы отыскать кошелек. В окнах особняка — это был дом не Рену, а другого знатного лорда — вспыхнул свет, видно было, как суетятся люди. Но никто из них не решался выйти в ночь. Скаа боялись туманных призраков, знатные люди догадывались, что шум подняли алломанты, а ни один здравомыслящий человек не стал бы вмешиваться в их драку.

Вин, воспламенив сталь, нашла наконец свой кошелек, повисший на одной из верхних веток дерева. Она легонько потянула его, и кошелек опустился ей в ладонь. Потом она выбралась на улицу.

Кельсер, скорее всего, не стал бы возвращаться за деньгами. Однако Вин большую часть жизни попрошайничала, воровала и голодала. Она просто не могла позволить себе расточительство. Даже когда ей приходилось

выбрасывать монеты ради прыжков, она чувствовала себя не слишком уютно.

К тому же благодаря этим монетам она скорее вернется в особняк Рену — вместо того чтобы использовать случайные металлические предметы. Манера передвижения рожденных туманом — затяжные прыжки — стала для нее вполне естественной, и она уже не задумывалась, что и как надо делать.

Но вот как выдать себя за знатную леди? Вин даже не пыталась скрыть свои опасения, во всяком случае от себя самой. Камон отлично умел изображать лордов, потому что был крайне самоуверен, а у Вин это качество отсутствовало. Успехи в алломантии, по мнению Вин, доказывали только то, что ее настоящее место — в углах и в тени, но никак не на светском балу.

Однако Кельсер и слышать не желал о том, чтобы отпустить ее.

Вин мягко приземлилась на согнутые ноги перед особняком Рену и устало вздохнула. С легким опасением она посмотрела на освещенные окна.

«Ты и этому научишься, Вин, — постоянно повторял Кельсер. — Ты талантливый алломант, но, чтобы соревноваться со знатью, недостаточно уметь воспламенять сталь. Пока ты не научишься двигаться среди лордов так же легко, как плаваешь в тумане, ты будешь оставаться в невыгодном положении».

Испутив еще один тяжелый вздох, Вин выпрямилась, сняла плащ и спрятала до следующей прогулки. Она поднялась по мраморным ступеням и вошла в дом. Когда она спросила, где Сэйзед, кто-то из слуг указал ей в сторону кухни, так что пришлось отправиться в скрытый от посторонних глаз флигель, где располагались комнаты слуг.

Даже эта часть дома содержалась в безукоризненной чистоте. Вин понемногу начала понимать, почему подмесь Рену выглядел так убедительно: он не терпел несовершенства ни в чем. Если он изображал лорда вполнину так хорошо, как следил за порядком в особняке, то Вин сомневалась, что хоть кому-то пришла бы в голову мысль о мошенничестве.

«Однако, — подумала она, — у него должен быть какой-то изъян. На том собрании два месяца назад Кельсер сказал, что Рену не выдержит встречи с инквизитором. Может, дело в его скрытых чувствах; может, они способны выдать его?»

Это был не слишком существенный вопрос, но Вин не забывала его. Несмотря на уверения Кельсера, будто он честен с ней, Вин знала, что у него есть секреты. У всех есть.

Сэйзед она действительно нашла в кухне. Он разговаривал с немолодой женщиной, слишком высокой для скаа, хотя рядом с Сэйзедом ее рост не казался чрезмерным. Вин узнала ее: женщина была из прислуги, ее звали Косан. Вин старательно запоминала имена всех слуг, с которыми сталкивалась.

Сэйзед взглянул на вошедшую Вин.

— А, госпожа Вин! Вы вернулись как раз вовремя. — Он показал на свою собеседницу. — Это Косан.

Косан окинула Вин деловитым взглядом. Вин тут же захотелось вернуться в туман, где никто не смотрел на нее вот так.

— Уже достаточно длинные, мне кажется, — сказал Сэйзед.

— Возможно, — ответила Косан. — Но я не умею творить чудеса, мастер вэخت.

Сэйзед кивнул. Видимо, «вэخت» и было правильным обращением к террисийскому дворецкому. Вообще, террисийцы, не будучи в полной мере скаа и в то же время не являясь знатными людьми, занимали весьма странное положение в имперской иерархии.

Вин подозрительно уставилась на обоих.

— Мы говорим о твоих волосах, госпожа, — спокойно пояснил Сэйзед. — Косан должна их немного подрезать.

— Ох!.. — выдохнула Вин, поднося руку к голове. Волосы уже чуть отросли, и это было не в ее вкусе, но она почему-то сомневалась, что ее

ждет мальчишеская стрижка.

Косан жестом указала ей на стул, и Вин неохотно повиновалась. Ей не нравилось покорно сидеть, пока кто-то что-то делает с ее головой, но деваться было некуда.

Косан несколько мгновений перебирала волосы Вин, потом взялась за ножницы.

— Прекрасные волосы, — сказала она негромко скорее себе, чем Вин. — Густые, и такой глубокий черный цвет. Просто стыдно, что за ними совсем не ухаживали, мастер вэшт. Многие придворные дамы все бы отдали за такую шевелюру... волосы пышные и слегка волнистые, но в то же время не настолько выются, чтобы с ними было трудно работать.

Сэйзед улыбнулся:

— Ну, в будущем мы позаботимся о надлежащем уходе за ними.

Косан продолжала работать, время от времени кивая собственным мыслям. Сэйзед взял стул и устроился в нескольких футах напротив Вин.

— Кельсер еще не вернулся, насколько я понимаю? — спросила Вин.

Сэйзед отрицательно покачал головой, и Вин вздохнула. Кельсер думал, что она еще не готова сопровождать его в ночных рейдах, куда он частенько отправлялся после очередного урока. В течение двух последних месяцев Кельсер, словно призрак, возникал в разных знатных домах Лютадели и Феллиса. Он изменял внешность и почерк преступлений, стараясь посеять смятение в Великих Домах.

— Что такое? — спросила Вин, глядя на Сэйзеда, который с любопытством рассматривал ее.

Террисиец уважительно склонил голову:

— Я просто гадал, захотите ли вы выслушать еще одно предложение.

Вин вздохнула, закатывая глаза:

— Давай.

«Все равно мне больше нечего делать, пока я здесь сижу».

— Мне кажется, я подобрал вам отличную религию, — заговорил Сэйзед, и в его обычно бесстрастных глазах вспыхнул энтузиазм. — Она называется «трелагизм», по имени бога Трела. Трелу поклонялись нелазане, небольшой народ, живший далеко на севере. В тех краях смена дня и ночи происходит очень странно. В течение нескольких месяцев в году почти весь день темно. А летом, наоборот, темнеет совсем ненадолго. Нелазане верили, что в темноте есть особая красота, а день по сравнению с ней примитивен и даже нечист. Они считали, что звезды — это тысячи глаз Трела, наблюдающего за людьми. А солнце — единственный глаз его завистливого брата Налта. Поскольку у Налта один глаз, он заставлял его гореть очень ярко, чтобы затмить своего брата. Однако на нелазан это не производило впечатления, и они предпочитали поклоняться молчаливому, тихому Трелу, который смотрел на них даже тогда, когда Налт захватывал все небо.

Сэйзед замолчал. Вин, не зная, что сказать, тоже помалкивала.

— Это действительно хорошая вера, госпожа Вин, — добавил наконец Сэйзед. — Тихая, сдержанная и одновременно очень сильная. Нелазане не были слишком развитым народом, но отличались решимостью. Они составили карты ночного неба, пересчитав все заметные звезды и определив их место. Их верования подойдут тебе... особенно то, что они предпочитают ночь дню. Если хочешь, могу рассказать побольше.

Вин покачала головой:

— Вполне достаточно, Сэйзед.

— Выходит, я не угадал? — спросил Сэйзед, слегка нахмурившись. — Ладно. Мне следует еще немного подумать. Спасибо, госпожа... вы очень терпеливы со мной, как мне кажется.

— Еще подумать? — переспросила Вин. — Это уже пятая вера, в которую ты пытаешься меня обратить, Сэйзед. Сколько их осталось?

— Пятьсот шестьдесят две, — с готовностью ответил он. — По крайней

мере, известных мне. Но в нашем мире были и другие религии, которые, к сожалению, исчезли, не оставив следа, так что мой народ не может включить их в списки.

Вин помолчала.

— И ты что же, помнишь эти религии наизусть?

— Более или менее, — подтвердил Сэйзед. — Молитвы, основные божества, мифология. Многие похожи, потому что их исповедуют секты одного направления.

— Пусть похожи, но как ты все это помнишь?

— У меня... свой метод.

— Да, но зачем тебе это?

Сэйзед развел руками:

— Мне кажется, ответ очевиден. Человек — великая ценность, госпожа Вин, и так же ценна его вера. Но с тех пор как тысячу лет назад случилось Вознесение, многие религии канули в небытие. Стальное братство запрещает верить в кого-либо, кроме Вседержителя, и усердные инквизиторы уже уничтожили сотни верований. И если кто-нибудь не сохранит их в памяти, от многих религий вовсе ничего не останется.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво начала Вин, — что пытаешься обратить меня в веру, умершую тысячу лет назад?

Сэйзед кивнул.

«Похоже, каждый, кто имеет дело с Кельсером, немного не в своем уме».

— Последняя империя не вечна, — тихо произнес Сэйзед. — Не знаю, разрушит ли ее именно мастер Кельсер, но конец все равно наступит. И когда это случится, когда Стальное братство потеряет влияние, люди захотят вернуться к вере своих отцов. В тот день они обратятся к хранителям, и мы отдадим человечеству забытые истины.

— Хранители? — переспросила Вин, пока Косан присматривалась к ее челке. — Значит, таких, как ты, много?

— Не очень. Но мы есть. И нас достаточно, чтобы передать знание следующему поколению.

Вин задумалась, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вырваться из рук Косан. Эта женщина явно никуда не спешила. Когда Рин подрезал ей волосы, ему хватало нескольких взмахов ножницами.

— Может, вернемся к нашим занятиям, чтобы скоротать время, госпожа Вин? — спросил Сэйзед.

Вин покосилась на террисийца, и тот едва заметно улыбнулся. Он знал, что застал ее врасплох: ей некуда спрятаться, она не может даже пересечь к окну, чтобы глядеть на туман. Ей ничего не оставалось, кроме как сидеть и слушать.

— Ладно, — вздохнула она.

— Можете перечислить все десять Великих Домов Лютадели, начиная с самого могущественного?

— Венчер, Гастинг, Элариэль, Текиэль, Лекаль, Эрикеллер, Эрикелл, Хот, Урбейн и Бувидас.

— Очень хорошо. А вы сама...

— Я — леди Валетт Рену, четвертая кузина лорда Тивена Рену, владельца этого особняка. Мои родители — лорд Хадрен и леди Фелетт Рену — живут в Чакате, городе в Западном доминионе. Их основное занятие — экспорт шерсти. Моя семья занимается также продажей красок, в особенности темно-красной, которую делают из улиток, их много водится в наших краях, и темно-желтой — из древесной коры. Мои родители отправили меня в Лютадель к дальнему родственнику, с которым ведут дела, так что теперь я могу какое-то время провести при дворе.

Сэйзед кивнул:

— И что вы почувствовали, когда узнали об этом?

— Я была поражена, даже немного подавлена, — послушно ответила Вин.
— Я подумала, что люди станут обращать на меня внимание, потому что захотят поближе сойтись с лордом Рену. А поскольку я незнакома с правилами придворной жизни, то, боюсь, такое внимание смутит меня. Я решила, что постараюсь снискать расположение при дворе, но буду держаться тихо и ни во что не ввязываться.

— У вас блестящая память, госпожа, — сказал Сэйзед. — Ваш покорный слуга может лишь гадать, каких успехов вы могли бы добиться, посвятив себя учебе, а не хитростям, позволяющим ее избегать.

Вин мрачно глянула на него:

— Интересно, все «покорные террисийцы» так командуют своими хозяевами, как ты?

— Только те, кому везет.

Вин некоторое время молча смотрела на него, потом вздохнула:

— Извини, Сэйз. Я вовсе не избегаю твоих уроков. Я просто... ну... туман... я иногда отвлекаюсь.

— Что ж, я искренне рад тому, что вы быстро учитесь. Однако придворные всю жизнь посвящают изучению этикета. Даже леди из далекой провинции должна кое-что знать.

— Да, понимаю, — согласилась Вин. — Я не хочу выделяться на общем фоне.

— Увы, госпожа, этого не избежать. Новенькая из отдаленных краев? Вас точно заметят. Мы просто не хотим, чтобы у них сразу возникли подозрения. Вас внимательно изучат и перестанут обращать внимание. Но если слишком часто совершать ошибки, это может оказаться опасным прежде всего для вас.

«Великолепно».

Сэйзед замолчал, чуть склонив голову набок. Через несколько секунд Вин услышала в коридоре шаги. В комнату ленивой походкой вошел Кельсер, и

на его лице блуждала самодовольная улыбка. Он сбросил плащ и остановился, глядя на Вин.

— Что? — спросила она, тщетно пытаясь слиться со спинкой стула.

— Неплохая прическа, — ответил Кельсер. — Отличная работа, Косан.

— Ерунда, мастер Кельсер. — Вин по голосу поняла, что та краснеет. — Я просто сделала все возможное.

— Дай зеркало, — потребовала Вин, протягивая руку.

Косан подала ей зеркало. Вин подняла его перед собой — и то, что она увидела, заставило ее замереть. Она стала похожей... на девушку.

Косан не зря трудилась над ее волосами. Вин всегда замечала, что когда волосы отрастают, то обязательно встают дыбом. Но Косан и с этим справилась. Конечно, волосы были еще не слишком длинными, они едва прикрывали уши, — но они, по крайней мере, лежали ровно.

«Они не должны думать о тебе как о девушке», — предостерег ее голос Рина.

И тут Вин впервые захотелось не обращать внимания на этот голос.

— Похоже, нам удастся превратить тебя в леди, Вин! — со смехом воскликнул Кельсер и заработал в ответ ее возмущенный взгляд.

— Прежде всего мы должны убедить ее не хмуриться так часто, мастер Кельсер, — заметил Сэйзед.

— Это будет трудновато, — ответил Кельсер. — Она просто обожает строить недовольные гримасы. Но как бы то ни было, неплохо сделано, Косан!

— Надо еще немного подравнять, мастер Кельсер, — тихо сказала женщина.

— Продолжай в том же духе, — решил Кельсер. — А пока я должен украсть ненадолго Сэйзеда.

Он подмигнул Вин, улыбнулся Косан, и они с Сэйзедом вышли из кухни — и снова Вин не имела ни малейшей возможности подслушать их разговор.

*

В дверях Кельсер еще раз оглянулся на мрачную Вин. Ее прическа действительно вышла удачной. Однако его комплименты преследовали особую цель. Кельсер подозревал, что Вин в своей жизни слишком часто слышала, что ничего не значит и ничего не стоит. Возможно, если она обретет чуть больше уверенности в себе, то перестанет прятаться ото всех.

Он закрыл дверь и повернулся к Сэйзеду. Террисиец, как обычно, терпеливо ждал.

— Как идет подготовка? — спросил Кельсер.

— Очень хорошо, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед. — Кое-что она и так знает из уроков своего брата. Но кроме того, она чрезвычайно умная девочка... быстро развивается, много запоминает. Я не ожидал такого от ребенка, выросшего в трущобах.

— На улицах множество умных детей, — пожал плечами Кельсер. — Глупцы там не выживают.

Сэйзед грустно кивнул:

— Да, у нее прекрасные задатки, но я чувствую, что она не понимает всей ценности моих уроков. Она очень послушна, но готова использовать любую ошибку... Если я не объясню ей абсолютно точно, где и когда мы должны встретиться, мне иной раз приходится обыскивать весь особняк, чтобы найти ее.

— Думаю, это ее способ управлять собственной жизнью. Послушай, я хочу знать, готова она или нет?

— Я не уверен, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед. — Чистое знание не равнозначно навыку. Я не могу сказать точно, удастся ли ей изобразить знатную леди, пусть даже совсем молодую и неопытную. Мы устраивали тренировочный ужин, она освоила правила светской беседы, заучила множество сплетен. В учебной ситуации у нее все получается неплохо. Она

отлично держалась среди знатных гостей Рену, которых он приглашал на чай. Но мы не можем быть уверены, что она все сделает правильно, когда останется одна среди целой толпы аристократов.

— Хотел бы я дать ей еще немного времени на учебу, — невесело покачал головой Кельсер. — Но с каждой неделей увеличивается опасность того, что братство обнаружит нашу тайную армию в пещерах.

— Значит, весь вопрос в выборе правильного момента, — сказал Сэйзд. — Мы должны ждать так долго, чтобы собрать необходимое число людей, и в то же время должны успеть выступить, пока нас не обнаружили.

— Да, — согласился Кельсер. — Мы не можем задерживаться из-за одного члена команды. И нам придется найти другого лазутчика, если у Вин ничего не получится. Бедная девочка... хотелось бы мне иметь побольше времени, чтобы хорошенько обучить ее алломантии. Мы едва освоили первые четыре металла. Но у меня просто нет времени!

— Если позволите, я бы хотел кое-что предложить...

— Конечно, Сэйз.

— Отправьте наше дитя поработать с кем-нибудь из туманщиков. Я слышал, что тот человек, Бриз, весьма искусный гасильщик. И наверняка другие не хуже владеют своим мастерством. Пусть они покажут госпоже Вин, как пользоваться ее возможностями.

Кельсер задумался.

— Хорошая идея, Сэйз, — сказал он наконец.

— Но?..

Кельсер оглянулся на дверь, за которой Вин продолжала терпеливо сносить издевательство над своими волосами.

— Я не уверен... Сегодня, когда мы с ней тренировались, мы толкали друг друга силой стали. Малышка весит в половину меньше меня, но тем не менее задала мне жару.

— У разных людей разная алломантическая сила, — заметил Сэйзед.

— Да, но различия обычно не так велики, — возразил Кельсер. — И вот еще что. Мне самому понадобились многие месяцы, чтобы научиться тянуть и толкать. Это ведь совсем не так легко, как кажется... даже если речь идет о чем-то простеньком вроде полета на крышу. Даже тут необходимо понимать соотношение веса, равновесия и траектории. Но Вин... Она как будто от рождения знает все это. Правда, она искусно использует только первые четыре металла, но ее прогресс просто ошеломляет.

— Она необычная девочка.

— Это верно. И заслуживает того, чтобы ей уделяли больше времени, учили управлять своей силой. Я даже чувствую себя виноватым из-за того, что втянул ее в наши планы. Она ведь может кончить с нами на одном эшафоте.

— Это не помешает вам использовать ее в качестве шпионки.

Кельсер покачал головой.

— Нет, — тихо сказал он, — не помешает. Мы не должны упускать ни единой возможности. Ты просто... присматривай за ней, Сэйз. С этого момента ты станешь ее дворецким и телохранителем. Никто не увидит ничего странного в том, что она привезла с собой слугу-террисийца.

— Верно, — согласился Сэйзед. — На самом деле, было бы удивительно, если бы девушку ее возраста отправили ко двору без сопровождающего.

— Именно. Защищай ее, Сэйз. Она может стать могущественным алломантом, но у нее совсем нет опыта. И мне будет проще отправить ее в это змеиное гнездо, если я буду знать, что ты рядом.

— Я стану защищать ее даже ценой собственной жизни, мастер Кельсер. Я обещаю.

Кельсер улыбнулся и положил руку на плечо Сэйзеда.

— Мне заранее жаль любого, кто встанет у тебя поперек дороги.

Сэйзед скромно склонил голову. Он выглядел безобидным, но Кельсер отлично знал, какая сила скрывается в Сэйзеде. Лишь немногие, даже среди алломантов, сумели бы выстоять против разъяренного хранителя. Возможно, именно поэтому братство постоянно охотилось за членами этой секты и почти уничтожило ее.

— Ну хорошо, — сказал Кельсер. — Возвращайся к ней и продолжай уроки. Лорд Венчер в конце недели дает бал, и Вин должна присутствовать там, готова она или нет.

10

Меня изумляет, как много народов нам удалось объединить своей целью. Конечно, еще остались несогласные, а иные короли, к сожалению, и вовсе затеяли войны, которые я не могу остановить.

И все же я горд наблюдать их славное единство, повергающее в трепет. Как хотелось бы мне, чтобы людям не требовалась столь страшная угроза ради осознания ценности мира и согласия.

Вин, накинув капюшон, шла по улице в Щелях — одной из многочисленных трущоб Лютадели. По ряду причин она предпочитала красному свету солнца духоту капюшона.

Она шла, ссутулившись и опустив глаза в землю, по самому краю мостовой. Те скаа, что попадались ей навстречу, выглядели такими же унылыми и подавленными. Никто не поднимал головы, никто не шагал выпрямив спину или улыбаясь. В трущобах подобное поведение вызвало бы массу подозрений.

Вин почти забыла, какой мрачной может быть Лютадель. За недели, проведенные в Феллисе, она привыкла к деревьям и чистому камню. Но здесь не осталось ничего светлого — ни чахлах осин, ни выбеленного гранита. Здесь все было черным.

Стены зданий испятнали неисчислимые, неустанные пеплопады. Воздух был наполнен дымом, тянувшимся из печально знаменитых столичных кузниц и тысяч дворянских кухонь. Мостовые, двери и углы домов покрывал толстый слой сажи... в трущобах редко кто брал на себя труд хотя бы подмести перед входом.

«Здесь как-то... ночью все выглядит ярче и чище, чем днем», — подумала Вин, поворачивая за угол и плотнее запахиваясь в покрытый заплатками плащ скаа.

Она миновала попрошаек на углу — они протягивали руки в надежде получить хоть что-нибудь, но их мольбы не достигали ушей прохожих, поскольку те и сами едва не умирали от голода. Навстречу Вин прошли

рабочие — склонив головы, опустив плечи. Все они были в капюшонах, защищавших глаза от пепла. Время от времени Вин встречались отряды городской стражи. Гвардейцы маршировали в полном вооружении — кирасы, шлемы и черные плащи — и всячески старались выглядеть настолько суровыми, насколько это вообще было возможно.

Очередной встретившийся ей отряд выполнял в трущобах роль руки Вседержителя, позволяя ему дотянуться туда, куда большинству поручителей было противно заглядывать. Солдаты пинали попрошаек, чтобы убедиться, что те действительно калеки, останавливали медленно шагавших рабочих и резко спрашивали, почему те находятся на улице, вместо того чтобы работать, — короче, мешали как могли. Когда отряд проходил мимо нее, Вин съежилась и поглубже натянула капюшон. Она была достаточно взрослой, чтобы уже либо растить детей, либо трудиться на фабрике, но из-за небольшого роста выглядела моложе своих лет.

То ли маскировка помогла, то ли этот отряд не интересовался женщинами-скаа, но солдаты едва взглянули на Вин. Она нырнула за угол, прошла по засыпанному пеплом переулку и очутилась у двери столовой в конце улицы.

Как и большинство подобных заведений, столовая была грязной и убогой. Поскольку рабочие редко могли заплатить за еду (а как правило, вообще не могли), столовые существовали за счет знати. Местные лорды, владельцы окрестных фабрик и кузниц, платили хозяевам столовых, чтобы те обеспечивали пищей местных скаа. Рабочим выдавали специальные жетоны, на которых обозначалось время обеденного перерыва, и в середине дня их ненадолго отпускали поесть. Маленьким предприятиям проще было отправлять людей кормиться в одно и то же заведение, чем готовить пищу на местах.

И разумеется, поскольку владелец столовой получал от лорда наличные деньги, а за его работой никто не следил, он основательно экономил на продуктах, чтобы положить излишки в карман. Вин по собственному опыту знала, что еда в столовых на вкус ничуть не лучше простой воды, в которой разболтали немного золы.

К счастью, Вин пришла сюда не есть. Она встала в очередь перед дверью, молча ожидая, пока стоявшие впереди рабочие предъявят свои обеденные

жетоны. Когда подошла ее очередь, Вин протянула скаа у входа маленький деревянный кружок. Тот взял жетон и едва заметным кивком указал направо.

Вин направилась туда — через грязный обеденный зал, засыпанный утоптанной золой. Когда она добралась до дальней стены, то в углу комнаты увидела потрескавшуюся деревянную дверь. Человек, сидевший перед дверью, посмотрел Вин в глаза, слегка кивнул и открыл дверь. Вин быстро нырнула в маленькую комнатку за дверью.

— Вин, дорогая! — воскликнул Бриз, вольготно устроившийся за столом в центре комнаты. — Добро пожаловать! Как Феллис?

Вин пожала плечами, выбирая место у стола.

— Ах, — продолжал Бриз, — я и забыл, какая ты очаровательная собеседница. Выпьешь вина?

Вин отрицательно качнула головой.

— Ну а я определенно не против.

Бриз был одет в один из самых своих экстравагантных костюмов, возле его стула стояла дуэльная трость. Комнату освещала одна-единственная лампа, но здесь оказалось гораздо чище, чем в обеденном зале. Из четверых других мужчин, находившихся в комнате, Вин узнала лишь одного — подмастерья из лавки Колченога. Двое у двери определенно были охранниками. Последний выглядел как обычный рабочий-скаа: в черной куртке, лицо покрыто слоем сажи. Однако его уверенный вид говорил о том, что этот человек играет не последнюю роль на дне. Наверное, решила Вин, это один из бунтовщиков Йедена.

Бриз протянул скаа пустой стакан, постукивая пальцем по ободку. Мятежник посмотрел на него довольно мрачно.

— Вот прямо сейчас, — сказал Бриз, — ты гадаешь, не применяю ли я к тебе алломантию. Может, да, а может, и нет. Разве это имеет значение? Я пришел, потому что меня пригласил ваш руководитель, и он, кстати, приказал тебе позаботиться, чтобы я чувствовал себя удобно. Могу заверить, что стакан вина абсолютно необходим для моего удобства.

Мужчина мгновение-другое медлил, потом схватил стакан и ушел, бормоча себе под нос что-то насчет напрасной траты денег.

Бриз, вскинув брови, повернулся к Вин. Он был явно доволен собой.

— Ты подтолкнул его? — спросила Вин.

Бриз покачал головой:

— Нет, зачем напрасно тратить металл? Кельсер объяснил, зачем ты здесь?

— Он велел мне наблюдать за тобой, — ответила Вин, слегка раздраженная тем, что ее перепоручили Бризу. — Сказал, что у него нет времени обучать меня управляться со всеми металлами.

— Хорошо, — кивнул Бриз. — Тогда сразу и начнем. Прежде всего ты должна понять, что гашение — это не просто алломантия. Это тонкое и благородное искусство манипуляции.

— Весьма благородное искусство, — заметила Вин.

— Ты говоришь, как одна из них! — недовольно буркнул Бриз.

— Они — это кто?

— Да все. Ты же видела, как этот господин-скаа обращался со мной? Люди нас не любят, дорогая. Мысль о том, что рядом находится некто, способный воздействовать на их чувства, неким «таинственным» способом могущий вынудить их что-то сделать, заставляет людей испытывать неловкость. Но вот чего они не понимают — и должна понять ты: мы все друг другом манипулируем. На самом деле в манипулировании людьми и заключается суть всех взаимоотношений в обществе.

Он откинулся на спинку стула и принялся рисовать в воздухе концом дуэльной трости.

— Подумай вот о чем. Что делает мужчина, когда ищет внимания юной леди? Конечно, пытается манипулировать ею, чтобы добиться ее благосклонности. Что происходит, когда два старых друга решают выпить вместе? Они рассказывают истории, стараясь произвести впечатление на

собеседника. Всю жизнь человек тщится показать себя в выгодном свете и получить власть над другими. Тут нет ничего плохого... по сути, мы все зависим друг от друга. И жизнь в обществе учит нас приспосабливаться к окружающим.

Он ткнул тростью в сторону Вин.

— Разница между гасильщиками и обычными людьми лишь в том, что мы занимаемся этим со знанием дела. И еще у нас есть... небольшое преимущество. Но так ли уж оно серьезнее обычного обаяния или ослепительной улыбки? Думаю, нет.

Вин молчала.

— Кроме того, — добавил Бриз, — как я уже говорил, хороший гасильщик должен владеть и другими умениями, кроме алломантии. Алломантия не позволяет читать мысли, даже эмоции, и в этом смысле мы так же слепы, как и все остальные. Ты воздействуешь на одного человека или целую толпу, и их эмоции меняются — можно лишь надеяться, что результат будет именно таким, какой тебе нужен. Однако великие гасильщики — это те, кто умеет пользоваться глазами и интуицией, чтобы определить, какие эмоции испытывал человек, перед тем как на него обрушилась сила алломантии.

— А какое это имеет значение? — поинтересовалась Вин, пытаясь скрыть раздражение. — Ты же все равно будешь их гасить, верно? Значит, в итоге они будут ощущать то, что требуется тебе.

Бриз вздохнул и покачал головой:

— Что бы ты сказала, если б узнала, что я уже трижды тебя гасил в течение нашего разговора?

Вин обомлела.

— Когда? — резко спросила она.

— Какое это имеет значение? — повторил Бриз ее собственный вопрос. — Это и есть урок, который ты должна усвоить, дорогая. Если ты не понимаешь, что чувствует другой человек, то никогда не сможешь незаметно прикоснуться к нему алломантической силой. Подтолкни его

слишком мощно — и даже самый безмозглый скаа догадается, что на него воздействуют. Слишком слабо — и не добьешься заметного эффекта, человеком будут по-прежнему руководить другие, более сильные эмоции. Да-да, все дело в том, чтобы понимать людей, — продолжил Бриз после короткого молчания. — Ты должна разобраться, что именно чувствует человек, а потом изменить его эмоции, осторожно подтолкнув их в нужном направлении, и усилить их ради собственных целей. Это, моя дорогая, и есть самое интересное! Это трудно, но для того, кто хорошо усвоил уроки...

Дверь открылась, вернулся мрачный скаа с полной бутылкой вина. Он поставил бутылку и стакан на стол перед Бризом, отошел в другой конец комнаты к отверстию в стене и принялся наблюдать за происходящим в столовой.

— Зато это отлично вознаграждается, — сказал Бриз с улыбкой и, подмигнув Вин, наполнил стакан.

Вин просто не знала, что думать. Слова Бриза казались жестокими, но она помнила уроки Рина. Если она не овладеет этой силой, другие будут использовать свою силу против нее. Она осторожно подожгла медь — медленно, как учил Кельсер, — чтобы закрыться от воздействий гасильщика.

Дверь снова распахнулась, и в проеме появилась знакомая фигура в жилете.

— Привет, Вин! — воскликнул Хэм, взмахнув рукой. Он подошел к столу, посмотрел на бутылку.

— Бриз, ты же знаешь, что у мятежников нет денег на такие штуки.

— Кельсер возместит им убытки, — небрежно отмахнулся Бриз. — Я просто не могу работать, когда в глотке сухо. Как обстановка?

— Все спокойно, — ответил Хэм. — Но на всякий случай я оставил на углу ищеек. Запасной выход — через люк вон в том углу.

Бриз кивнул, а Хэм обернулся и посмотрел на подмастерья Колченога.

— Ты держишь завесу, Коббл?

Юноша кивнул.

— Вот и хорошо, — сказал Хэм. — Ну тогда все. Остается только ждать, когда объявится Кел.

Бриз посмотрел на карманные часы:

— Он должен прийти с минуты на минуту. Я попрошу кого-нибудь принести тебе стакан?

— Нет, спасибо, — ответил Хэм.

Бриз пожал плечами и отхлебнул вина. Какое-то время все молчали.

— Итак... — произнес наконец Хэм.

— Нет, — перебил его Бриз.

— Но...

— Как бы то ни было, мы не хотим это слушать.

Хэм многозначительно посмотрел на гасильщика:

— Даже не рассчитывай, что я поддамся, Бриз.

Бриз возвел глаза к потолку и сделал еще глоток.

— В чем дело? — спросила Вин. — Что ты хотел сказать?

— Вот только не надо его поощрять, дорогая! — воскликнул Бриз.

Вин нахмурилась и посмотрела на Хэма. Тот улыбался. Бриз вздохнул:

— Ну хорошо, только меня не впутывайте. Я не настроен участвовать в пустом споре.

— Не обращай на него внимания, — сказал Хэм, придвигая стул ближе к Вин. — Итак, я в раздумье. Пытаясь свергнуть Последнюю империю, мы делаем нечто хорошее — или нечто плохое?

Вин помолчала и осторожно спросила:

— А какая разница?

Хэм, похоже, был ошарашен, а Бриз ухмыльнулся и с одобрением заметил:

— Достойный ответ.

Хэм бросил на Бриза возмущенный взгляд, потом снова повернулся к Вин.

— Очень большая, — сказал он.

— Ну, — снова заговорила Вин, — я, вообще-то, думаю, что это хорошее дело. Последняя империя столетиями угнетает скаа.

— Верно, — согласился Хэм. — Но есть проблема. Вседержитель — божество, правильно?

Вин пожала плечами:

— Какая разница?

Хэм уставился на нее во все глаза. Вин скорчила недовольную гримасу.

— Ладно, ладно. Братство утверждает, что он бог.

— На самом деле, — встрял Бриз, — Вседержитель лишь частица бога. Он — осколок вечности, не всеведущий или вездесущий, но просто независимая часть божественного сознания.

Хэм вздохнул.

— Мне казалось, ты не хотел участвовать в разговоре.

— Я просто уточняю, — отмахнулся Бриз.

— В любом случае, — продолжал Хэм, — бог есть творец всего сущего, верно? Он есть некая сила, которая определяет законы вселенной, и, как следствие, является источником безукоризненной этики. Ему присуща абсолютная моральность.

Вин недоуменно моргнула.

— Ты видишь дилемму? — спросил Хэм.

— Лично я вижу идиота, — пробормотал Бриз.

— Я запуталась, — сказала Вин. — А в чем проблема-то?

— Мы утверждаем, что творим добро, — пояснил Хэм. — Но именно Вседержитель — поскольку он бог — определяет, что есть добро. А значит, выступая против него, мы на самом деле творим зло. Но поскольку он совершает дурные поступки, не следует ли в данном случае считать зло добром?

Вин нахмурилась.

— Ну? — спросил Хэм.

— Думаю, ты доведешь меня до головной боли, — сообщила Вин.

— А я предупреждал, — напомнил Бриз.

Хэм вздохнул:

— Но думаешь ли ты хотя бы, что над этим стоит поразмышлять?

— Не уверена.

— А я уверен, что не стоит, — сказал Бриз.

Хэм покачал головой.

— Похоже, никому тут не нравятся достойные, разумные беседы.

Мятежный скаа, стоявший у отверстия в стене, встрепенулся:

— Кельсер пришел!

Хэм недовольно скривил губы и встал.

— Я должен обеспечить безопасность периметра. Подумай над моими

словами, Вин.

— Ладно... — пробормотала Вин, когда Хэм вышел.

— Иди сюда, Вин, — сказал Бриз, поднимаясь. — Тут есть дырка для наблюдения. Будь умницей, принеси мой стул.

Бриз даже не оглянулся, чтобы проверить, выполнит ли Вин его просьбу. Она помялась, не зная, что делать. В ней горела медь, так что Бриз не мог воздействовать на нее, но... Вздохнув, она взяла оба стула и перенесла их к стене. Бриз показал ей длинную узкую щель, через которую было видно обеденный зал.

Там за столами сидели кучки грязных скаа в коричневых рабочих куртках и поношенных плащах. Унылого вида люди с испачканными сажей лицами, они, все как один, горбились. Однако то, что они пришли на встречу, говорило об их желании выслушать Кельсера. Йеден устроился за отдельным большим столом. На нем была обычная рабочая куртка в пятнах сажи. Вин обратила внимание, что свои вьющиеся волосы он коротко подстриг.

Вин ожидала, что Кельсер торжественно появится в дверях, но он просто тихо вышел из кухни. Сначала он остановился возле стола, за которым сидел Йеден, и вполголоса обменялся с ним парой слов, а потом прошагал дальше и встал так, чтобы его видели все.

Вин впервые видела Кельсера в столь заурядной одежде. Он надел коричневую куртку, как скаа, и ржаво-коричневые свободные штаны — такие были на большинстве присутствующих. Однако его наряд был чистым. Ни пятнышка сажи на куртке и штанах, и к тому же, хотя костюм и был сшит из той же ткани, что и все вещи скаа, Вин не нашла ни единой заплатки, ни единого разошедшегося шва. Он заметно отличался от рабочих, но, как поняла Вин, его привычный костюм был бы здесь и вовсе неуместен.

Он заложил руки за спину, и постепенно собравшиеся умолкли. Вин напряженно смотрела в щель, гадая, способен ли Кельсер успокоить целую толпу голодных людей, просто встав перед ними? Может, он воспользовался алломантией? Ведь Вин, несмотря на тлевшую в ней медь, ощущала присутствие Кельсера.

Когда в обеденном зале стало совсем тихо, Кельсер заговорил.

— Наверное, все вы слышали обо мне, — сказал он. — И если бы моя история была вам безразлична, вы не пришли бы сюда.

Бриз, сидевший рядом с Вин, сделал глоток вина.

— Гашение и разжигание не похожи на другие формы алломантии, — тихо сказал он. — С большинством металлов получаешь противоположные результаты, когда толкаешь или тянешь. Но при работе с чувствами может получиться один и тот же итог независимо от того, будешь ты гасить людей или, наоборот, разжигать их. Это не относится к крайним эмоциональным состояниям — к всепоглощающей страсти либо к полному отсутствию чувств. Однако в большинстве случаев не имеет значения, какую из двух сил ты используешь. Люди отнюдь не металлические болваны — в них одновременно уживаются десятки разных чувств. И опытный гасильщик способен приглушить все эмоции, кроме той единственной, которую он хочет сделать преобладающей. — Бриз обернулся и попросил: — Руд, отправь в зал служанку в голубом, пожалуйста.

Один из охранников кивнул, приоткрыл дверь и что-то шепнул стоявшему снаружи. Мгновением позже Вин увидела сквозь щель девушку в линялом голубом платье. Та проходила между столами, наполняя стаканы.

— Мои коллеги смешались с толпой, — продолжал Бриз немного рассеянно. — И девушки-разносчицы — это знак, какие именно чувства следует пригасить.

Он замолчал, сосредоточенно глядя на сидевших в зале.

— Усталость... — прошептал он. — Она сейчас совсем не нужна. Голод... он только отвлекает. Подозрительность... определенно бестолковое чувство. И да, пока работают гасильщики, поджигатели усиливают те эмоции толпы, что нам требуются. Любопытство... самое время для него. Да, слушайте Кельсера. О нем чего только не рассказывают, он почти легенда. Глядите же на него собственными глазами — глядите и удивляйтесь!

— Я знаю, почему вы пришли сюда, — говорил тем временем Кельсер.

Сейчас он совсем не был похож на того самоуверенного болтуна, каким привыкла видеть его Вин. Его слова звучали тихо, но уверенно.

— Вы по двенадцать часов в день работаете на фабриках, в кузницах или рудниках. Вас бьют, почти не платят и плохо кормят. И ради чего? Ради того, чтобы вы, возвращаясь в конце дня в свои жалкие дома, сталкивались с новыми трагедиями? Чтоб вы узнали, что вашего друга убил жестокий надсмотрщик? Вашу дочь забрал к себе вельможа? Ваш брат погиб от руки проходившего мимо лорда просто потому, что у того не задался день?

— Да, — прошептал Бриз. — Хорошо. Красную, Руд! Отправь девушку в светло-красном.

В обеденный зал вышла другая разносчица.

— Страсть и гнев, — пробормотал Бриз себе под нос. — Но не слишком. Лишь чуть-чуть подтолкнуть... напомнить.

Вин, заинтересованная, на мгновение пригасила медь и вместо нее воспламенила бронзу, пытаясь уловить, какую именно алломантическую силу использует Бриз. Но от него не исходило никаких волн.

«Ну конечно, — подумала Вин, — я же забыла о помощнике Колченога... он мешает мне почувствовать алломантию».

Она снова подожгла медь.

А Кельсер продолжал говорить:

— Друзья мои, не вы одни так страдаете. Таких миллионы. И они нуждаются в вас. Я пришел сюда не просить — вы достаточно видели попрошаек в своей жизни. Я всего лишь предлагаю подумать. Куда лучше потратить силы? Делая оружие для Вседержителя? Или что-то более достойное?

«Он даже не упомянул о нашей армии, — подумала Вин. — И о намерениях тех, кто уже присоединился к нему. Он не хочет, чтобы они знали подробности плана. Наверное, это правильно... ведь те, кого он сумеет убедить, и так все поймут, а остальным совершенно незачем быть в курсе дел».

— Вы знаете, почему я здесь, — говорил Кельсер. — Вы знаете моего друга Йедена и знаете, кого он представляет. Каждый скаа в городе слышал о мятежниках. Может, кто-то даже подумывал присоединиться к ним. Конечно, большинство этого не сделает — большинство вернется на свои забытые золой и сажей фабрики, в пылающие жаром кузницы, в разрушающиеся дома. Вы вернетесь туда, потому что эта жизнь вам знакома. Но кто-то... кто-то пойдет со мной. И это будут люди, которых вспомнят и много лет спустя. Вспомнят, потому что они сделали нечто великое.

Многие из рабочих обменялись взглядами, но иные упорно смотрели в полупустые тарелки с супом. Наконец из дальней части зала раздался голос:

— Ты просто глупец. Вседержитель уничтожит тебя. Ты не можешь восстать против бога в его собственной столице.

Воцарилась тишина. Напряженная тишина. Вин замерла, а Бриз что-то едва слышно прошептал себе под нос.

Кельсер несколько мгновений стоял неподвижно. Потом неторопливо закатал рукава куртки, открыв паутину шрамов.

— Вседержитель — не бог, — тихо сказал он. — И он не может убить меня. Он уже пытался, но ничего не вышло. Потому что я — нечто такое, что ему никогда не уничтожить.

С этими словами Кельсер повернулся и вышел из столовой тем же путем, что и вошел.

— Ох, — вздохнул Бриз, — все-таки устроил театр под конец. Руд, отзови красную и отправь коричневую.

В зале появилась новая разносчица.

— Изумление, — пробормотал Бриз. — И гордость, да... гнев долой — сейчас не время...

Люди в столовой молчали, и Вин показалось, что атмосфера стала зловещей. Но наконец встал Йеден и заговорил, ободряя рабочих и

объясняя, что они должны сделать, если хотят узнать больше. Пока он говорил, люди снова принялись за еду.

— Зеленую, Руд, — приказал Бриз. — Хм... ну да. Сейчас самое время поразмыслить, а преданность вашу мы чуть усилим — нам ведь не надо, чтобы кто-то помчался к поручителям, верно? Кел, конечно, отлично замечает следы, но чем меньше известно властям, тем лучше. Правильно? Вот так. А что там насчет тебя самого, Йеден? А, ты слишком разволновался. Давай-ка мы погасим волнение, избавим тебя от тревог... Да, оставим одну лишь страсть — надеюсь, этого будет достаточно, чтобы твой голос перестал звучать так глупо...

Вин продолжала наблюдать. Теперь, когда Кельсер ушел, ей стало легче разбираться в реакции людей и в действиях Бриза. Пока Йеден говорил, рабочие вели себя в точном соответствии с тем, что бормотал Бриз. Да и сам Йеден явно ощутил воздействие гасильщика: из его позы исчезло напряжение, а голос звучал все более уверенно.

Удивленная Вин пригасила тлеющую медь. И сосредоточилась, пытаясь распознать прикосновение Бриза к ее собственным эмоциям, — она ведь тоже должна была попасть под воздействие его алломантической волны... Бризу явно не хватало времени заниматься отдельными людьми, кроме, возможно, Йедена. Да, уловить его влияние было нелегко. И все же Вин постепенно начала чувствовать то, что он описывал.

Это произвело на нее сильное впечатление. Такая тонкая работа... В тех немногих случаях, когда Кельсер применял алломантию, чтобы воздействовать на чувства Вин, это походило на внезапный удар в лицо. У Кельсера была огромная сила, но полностью отсутствовала деликатность.

А прикосновения Бриза оказались неопишимо тонкими и осторожными. Он приглушал определенные чувства, смягчал их, воздействуя как бы на конкретные точки, — а все остальное оставлял нетронутым. Вин почудилось, что она улавливает и разжигающие прикосновения помощников Бриза, работавших в столовой, — но им далеко было до изящества, продемонстрированного им самим. Вин не стала снова поджигать медь и следила за тем, как алломантическая сила касается ее чувств. Йеден в это время продолжал говорить. Он объяснял, что тем, кто решит присоединиться к нему, придется на время — почти на год —

оставить семью и друзей, но их родным помогут, а сами они будут обеспечены всем необходимым.

Вин проникалась к Бризу все большим уважением. Она вдруг обнаружила, что решение Кельсера отдать ее в обучение другому алломанту уже не вызывает раздражения. Да, конечно, Бриз умел работать только с одним металлом, зато как умел! Кельсер же, будучи рожденным туманом, должен был научиться всем алломантическим искусствам. Пожалуй, он действительно просто не мог как следует сосредоточиться на одной из сил.

«Надо попросить отправить меня на обучение по всем металлам, — подумала Вин. — Каждый туманщик — мастер в своей области».

Вин снова сосредоточилась на обеденном зале, где Йеден заканчивал речь.

— Вы все слышали Кельсера, Выжившего в Хатсине, — говорил он. — Слухи о нем абсолютно правдивы — он бросил воровской промысел и полностью посвятил себя помощи мятежным скаа! Друзья, мы готовим нечто грандиозное. Нечто, что может действительно завершить нашу борьбу с Последней империей. Присоединяйтесь к нам. Присоединяйтесь к своим братьям. Присоединяйтесь к самому Выжившему!

Столовая молчала.

— Ярко-красную, — распорядился Бриз. — Я хочу, чтобы эти люди прониклись тем, что услышали.

— Но ведь их эмоции угаснут? — спросила Вин, наблюдая, как по столовой движется разносчица в ярко-красном платье.

— Конечно, — ответил Бриз, откидываясь на спинку стула и закрывая смотровую щель. — Но останутся воспоминания. А если людей с каким-то событием связывают сильные чувства, они лучше запоминают и то и другое.

Несколько мгновений спустя появился Хэм.

— Неплохо. Люди ушли ободренными, несколько человек остались. У нас будет приличное количество волонтеров для отправки в пещеры.

Бриз покачал головой:

— Этого недостаточно. Доксу требуется несколько дней на организацию каждой встречи, а в итоге мы получаем в среднем по двадцать человек. Такими темпами нам не набрать к сроку нужных десяти тысяч.

— Думаешь, надо проводить больше встреч? — спросил Хэм. — Это будет довольно трудно... приходится действовать очень осторожно, чтобы приглашать только тех, кому мы действительно можем более или менее доверять.

Бриз немного подумал и допил остатки вина.

— Я пока не знаю... мы просто должны что-то придумать. А сейчас давай вернемся в лавку. Я уверен, что сегодня вечером Кельсер захочет поговорить с нами.

*

Кельсер смотрел на запад. Полуденное солнце сияло ядовитым красным светом, гневно проталкивая лучи сквозь сплошную завесу дыма. На западе, прямо под дымными облаками, Кельсер видел темный силуэт высокой горы. Это была Тириан, ближайшая к городу Пепельная гора.

Кельсер стоял на плоской крыше лавки Колченога, прислушиваясь к голосам на улице: рабочие возвращались по домам. С плоской крыши приходилось то и дело сметать золу и пепел, и именно поэтому большинство крыш в городе были островерхими, однако Кельсер считал, что возможность иметь хороший обзор стоит дополнительных трудов.

Внизу устало тащились рабочие-скаа, вздымая шаркающими ногами маленькие облачка золы. Кельсер отвернулся от них и посмотрел на север — туда, где находились Ямы Хатсина.

«Куда все это девается? — думал он. — Атиум привозят в столицу, а потом он исчезает. Братство тут ни при чем, мы уже проверили это... и, конечно, металла не касаются руки скаа. Мы предположили, что атиум поступает в сокровищницу. По крайней мере, мы надеемся, что это так».

Алломант, воспламенивший атиум, становился практически непобедимым,

что и придавало атиуму такую ценность. Но Кельсера интересовало не только богатство. Он знал, сколько атиума добывается в Ямах, а Доксон выяснил, какое количество металла Вседержитель продает — по непомерно высокой цене — знатным лордам. Это была едва ли десятая часть того, что доставлялось в столицу из рудников.

То есть девяносто процентов атиума, добываемого в мире, где-то хранилось, и не просто хранилось, а накапливалось год за годом в течение тысячелетия. С таким количеством металла команда Кельсера могла запугать даже самых могущественных из Великих Домов. План Йедена по захвату дворца многим должен был казаться бесполезным — и действительно, сам по себе он был обречен на провал. Но вот планы самого Кельсера...

Он посмотрел на небольшой брусок светлого металла, который держал в руке. Одиннадцатый металл. Кельсер знал, какие о нем ходят слухи, — он сам эти слухи и распускал. А теперь должен извлечь из них пользу.

Кельсер вздохнул, поворачиваясь лицом на восток, в сторону Кредикской Роши, дворца Вседержителя. Слово «кредик» пришло из террисийского языка и означало «тысяча шпилей». Что ж, имя вполне подходило дворцу, потому что он состоял словно бы из пучка гигантских черных копий, воткнутых в землю. Одни шпильки изгибались, другие были прямыми. Одни представляли собой массивные башни, другие, тонкие, напоминали иглы. Они различались по высоте, но не сильно, и каждое копьё заканчивалось острием.

Кредикская Роша. Именно там все и кончилось три года назад. Но Кельсеру необходимо было вернуться туда.

Крышка люка поднялась, и Кельсер, удивленно вскинув бровь, обернулся. На крышу выбрался Сэйзед — отряхнул одежду и подошел, держась, по своему обыкновению, почтительно. Даже примкнув к стану мятежников, террисиец не забывал прежней выучки.

— Мастер Кельсер, — произнес он с поклоном.

Кельсер кивнул, и Сэйзед встал рядом, глядя на императорский дворец.

— Ах, — вздохнул он, словно угадав мысли Кельсера.

Кельсер улыбнулся. Сэйзед оказался воистину ценной находкой. Хранители вынуждены были скрываться особенно тщательно, потому что Вседержитель охотился за ними чуть ли не с самого Вознесения. И некоторые из легенд утверждали, что стремление Вседержителя полностью подчинить террисийцев, разделить их на покорных скотов и вышколенных слуг, есть лишь следствие его растущей ненависти к хранителям.

— Интересно, что бы он подумал, если бы узнал, что один из хранителей живет прямо в Лютадели? — спросил Кельсер. — В нескольких шагах от дворца!

— Будем надеяться, что он никогда не узнает, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед.

— Да уж... Я ценю то, с какой готовностью ты явился сюда, Сэйз. Я знаю, насколько это опасно.

— Дело стоит того, — возразил Сэйзед. — К тому же ваш план одинаково опасен для всех, кто в нем участвует. Кроме того, мне вообще опасно жить, просто жить. Это очень вредно для здоровья — принадлежать к секте, которой боится сам Вседержитель.

— Боится? — переспросил Кельсер, поворачиваясь к Сэйзеду и глядя на него снизу вверх.

Несмотря на немалый рост Кельсера, террисиец был выше его почти на голову.

— Я не уверен, что он хоть кого-то боится, Сэйз.

— Он боится хранителей, — спокойно повторил Сэйзед. — Это неоспоримо. Возможно, из-за нашей силы. Мы не алломанты, но... умеем кое-что другое. Нечто, чего он не понимает.

Кельсер задумчиво кивнул, глядя на город. У него было столько планов, столько всего предстояло сделать... И в центре всех его замыслов находились скаа. Бедные, униженные, забытые скаа.

— Расскажи мне о какой-нибудь вере, Сэйз, — попросил Кельсер. — Такой, что наделяет силой.

— Силой? Ну, это весьма условный термин применительно к религии, я думаю. Но возможно, вам будет интересно узнать о джаизме. Его последователи были очень благочестивы и тверды в вере.

— Расскажи.

— Джаизм был основан одним-единственным человеком, — заговорил Сэйзед. — Его настоящее имя забыто, а последователи называли его просто «тот самый Джа». Его казнил местный король за призывы к разладу — у Джа отлично получались такие проповеди. Но после казни число джаистов лишь увеличилось. Джаисты полагали, что заслужат счастье благодаря своей вере и преданности, и потому постоянно проповедовали. Наверное, разговаривать с джаистами было довольно скучно, потому что они, похоже, каждую фразу заканчивали словами: «Молись тому самому Джа».

— Это интересно, Сэйз, — сказал Кельсер. — Но сила — это не только слова.

— Да, разумеется, — согласился Сэйзед. — Однако джаисты были весьма сильны в вере. Легенды гласят, что братству пришлось уничтожить их всех до единого, потому что ни один из джаистов не желал признавать своим богом Вседержителя. Они недолго продержались после Вознесения, но лишь из-за их собственной дерзости их оказалось так легко переловить.

Кельсер кивнул, с улыбкой глядя на Сэйзеда.

— Ты не спросил, хочу ли я обратиться в их веру.

— Прошу прощения, мастер Кельсер, — сказал Сэйзед, — но мне думается, эта религия вам не подходит. В ней есть некая дерзость, родственная вам, это верно, но их теологическая система покажется вам простоватой.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — усмехнулся Кельсер, всматриваясь в очертания города. — В конце концов, когда пали королевства и армии, верующие продолжали сражаться, не так ли?

— Да, верно. Некоторые из наиболее стойких верований продержались до пятого века.

— Но что давало им силу? — спросил Кельсер. — Как они это делали, Сэйз? Почему вся эта божественная дребедень обладает такой властью над людьми?

— Сдается мне, причин тут немало, — ответил Сэйзед. — Иной раз силу людям придает искренняя вера сама по себе, а для кого-то надежда важнее всего. Были и те, кого принуждали.

— Но их всех объединяла страсть, — сказал Кельсер.

— Да, мастер Кельсер, — кивнул Сэйзед. — Это вы очень точно подметили.

— Вот ее-то мы и потеряли, — задумчиво произнес Кельсер, глядя на город, населенный сотнями тысяч людей, из которых лишь малая горстка отваживалась на борьбу. — Они не верят во Вседержителя, они просто боятся его. У них не осталось ничего такого, во что стоило бы верить.

— Позвольте спросить, мастер Кельсер, — а во что верите вы?

Кельсер пожал плечами.

— Я и сам толком не понимаю, — признался он. — Но уничтожение Последней империи кажется мне недурным началом. Найдется в твоём списке религия, которая считала бы своим священным долгом уничтожение знати?

Сэйзед неодобрительно нахмурился:

— Вряд ли, мастер Кельсер.

— Ну, может, я стану ее основателем, — с кривой усмешкой сказал Кельсер. — Впрочем, не важно. Бриз и Вин не вернулись еще?

— Они пришли как раз перед тем, как я поднялся сюда.

— Хорошо. Передай им, что я спущусь с минуты на минуту.

*

Вин сидела в мягком кресле в общей комнате, поджав под себя ноги и уголком глаза следя за Маршем.

Он был так похож на Кельсера. Но при этом казался слишком... суровым. Он не гневался, не раздражался, как Колченог. Просто в нем не было и малейшей искры счастья. Он сидел в кресле, и на лице его застыло каменное выражение.

Уже собрались все, кроме Кельсера, и люди тихонько переговаривались между собой. Вин поймала взгляд Лестиборнеса и махнула ему рукой, подзывая поближе. Юноша подошел и наклонился к Вин.

— Марш, — прошептала она, стараясь, чтобы ее голос затерялся в общем шуме, — это что, кличка?

— Ну это, в общем, как родители его звали, похоже на то.

Вин немного помолчала, пытаясь понять, что именно он сказал.

— Значит, не кличка?

Лестиборнес покачал головой:

— Вообще-то, у него была одна.

— И какая?

— Железный Глаз. Только его перестали так кликать. Уж очень вроде как похоже на это... ну, когда правда железки в глазах. На инквизитора.

Вин снова посмотрела на Марша. Его лицо выглядело неподвижным, глаза не мигали, словно действительно были сделаны из железа. И она вполне понимала, почему людям не нравилось это прозвище: у нее самой одно упоминание о Стальных инквизиторах вызывало дрожь.

— Спасибо.

Лестиборнес улыбнулся. Он был серьезным юношей. Немножко странным, впечатлительным и порывистым — но серьезным.

Тут наконец появился Кельсер, и Лестиборнес вернулся на свое место.

— Привет, команда, — сказал он. — Ну что у нас?

— Кроме плохих новостей? — спросил Бриз.

— Начни с них.

— Прошло уже двенадцать недель, а мы собрали всего около двух тысяч человек, — сообщил Хэм. — Даже если учесть тех, кто сам присоединился к восставшим, мы не успеем набрать нужное количество.

— Докс? Мы можем проводить больше собраний? — спросил Кельсер.

— Наверное, — откликнулся Доксон, сидевший за столом, заваленным книгами и тетрадями.

— Ты уверен, что хочешь так рискнуть, Кельсер? — спросил Йеден.

Его отношение к Кельсеру заметно улучшилось за последние недели, особенно с тех пор, как в пещеры стали прибывать люди, которых тот убедил присоединиться к мятежникам. Как сказал бы Рин, стоит чего-то добиться — и у тебя сразу появятся друзья.

— Нам уже грозит немалая опасность, — продолжал Йеден. — По всему дну гуляют слухи. Если мы переусердствуем, братство поймет, что затевается нечто серьезное.

— Он прав, Кел, — сказал Доксон. — Кроме того, не всякий скаа захочет тебя слушать. Лютадель, разумеется, большой город, но наши возможности здесь ограничены.

— Ладно, — решил Кельсер, — тогда начнем работать в окрестных городах. Бриз, ты можешь разделить свою команду на две группы?

— Пожалуй, да, — не очень уверенно ответил Бриз.

— Мы можем оставить одну группу в Лютадели, а вторую отправить по городам. Я, наверное, смогу побывать на каждом собрании — при условии, что они будут проходить не в одно и то же время.

— Чем больше собраний, тем выше риск, что нас заметят, — сказал Йеден.

— И кстати, это ставит перед нами еще одну проблему, — добавил Хэм. — Разве не предполагалось, что мы должны как-то проникнуть в ряды братства?

— Ну и?.. — Кельсер вопросительно посмотрел на Марша.

Марш покачал головой:

— Братство — трудная задача. Мне нужно еще время.

— Да ничего не выйдет, — проворчал Колченог. — Мятежники уже пытались это сделать.

Йеден кивнул:

— Да мы раз десять пробовали заслать шпиона в братство. Это невозможно.

В комнате стало тихо.

— У меня есть идея, — шепотом произнесла Вин.

Кельсер сразу повернулся к ней.

— Камон, — пояснила она. — Он разрабатывал одно дело, когда ты забрал меня. На самом деле из-за этого дела нас и засекли поручители. Но подготовкой той работы занимался другой вор, Ферон. Он придумал мошенничество с караванами судов, которые перевозят деньги братства в Лютадель.

— И? — спросил Бриз, когда Вин сделала паузу.

— Эти же суда доставляют в Лютадель и послушников, которые проходят в столице последнюю стадию обучения. У Ферона есть свой человек среди тех, кто этим занимается, — мелкий поручитель, который берет взятки. Вдруг он сможет приписать к списку послушников еще кого-то?

Кельсер задумчиво кивнул:

— Об этом стоит подумать.

Доксон что-то записал на листе бумаги.

— Я свяжусь с Фероном и выясню, можно ли связаться с этим информатором.

— Как у нас дела с ресурсами и подготовкой? — спросил Кельсер.

Доксон пожал плечами:

— Хэм нашел двух отставных военных инструкторов. Но что касается оружия... мы с Рену налаживаем контакты и договариваемся о покупке, но не можем действовать слишком быстро. Но к счастью, когда оружие появится, его сразу будет достаточно.

Кельсер кивнул:

— Значит, все в порядке?

Бриз осторожно откашлялся.

— Я... слышал на улицах много разного, Кельсер, — сказал он. — Люди говорят о твоём одиннадцатом металле.

— Это хорошо, — одобрил Кельсер.

— Но разве тебя не беспокоит, что слухи могут дойти до Вседержителя? Если его предупредят о том, что ты задумал, нам будет гораздо труднее... сопротивляться ему.

«Он не сказал „убить“, — отметила Вин. — Они вообще не верят, что Кельсер способен на это».

Но Кельсер лишь улыбнулся:

— Не беспокойся... Я знаю обо всем и за всем слежу. На самом деле я намерен в ближайшие дни нанести Вседержителю визит.

— Визит? — сдавленным голосом переспросил Йеден. — Ты собираешься явиться к Вседержителю? Ты что, с ума... — Йеден умолк на полуслове и

оглядел собравшихся. — А, ну да. Забыл.

— Наконец-то дошло, — заметил Доксон.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и мгновение спустя появился один из охранников. Он прошел напрямик к Хэму и что-то прошептал ему на ухо.

Хэм нахмурился.

— Что? — резко спросил Кельсер.

— Неприятная случайность, — ответил Хэм.

— Случайность? — переспросил Доксон. — Какого рода?

— Помните притон, где мы встречались несколько недель назад? — сказал Хэм. — Тот, где Кел впервые изложил свой план?

«Это же берлога Камона», — сообразила Вин, сразу насторожившись.

— Ну вот, — пояснил Хэм. — Похоже, братство его обнаружило.

11

Похоже, Рашек являет собой живой пример нарастающих несогласий в обществе Терриса. Все больше молодых начинает думать, что их необычные способности следует использовать для чего-то большего, нежели огородные работы, хлебопашество и резьба по камню. Молодежь резка, местами жестока; они совсем не похожи на тихих, проникательных философов Терриса и тех святых, которых я знал.

За ними надо будет хорошенько присматривать, за этими террисийцами. Они могут стать очень опасными, если дать им шанс.

Кельсер остановился в дверях, закрывая Вин обзор. Она пригнулась, пытаясь заглянуть внутрь берлоги, но вокруг толпилось слишком много людей. Вин сумела только рассмотреть, что разбитая дверь висит на одной петле, а верхняя планка оторвана.

Кельсер довольно долго стоял на месте. Наконец он обернулся и посмотрел на Вин:

— Хэм прав, Вин. Тебе, пожалуй, ни к чему это видеть.

Вин не отступила ни на шаг, уставившись на Кельсера решительным взглядом. Наконец Кельсер вздохнул и вошел в комнату. Доксон последовал за ним, и Вин увидела то, что закрывали от нее их спины.

Пол общей комнаты был завален трупами, руки и ноги так перемешались, что в свете единственного фонаря не удавалось различить, где чьи. Тела еще не начали разлагаться — нападение на берлогу произошло утром, — но в комнате все равно стоял густой запах смерти. Запах медленно сохнувшей крови, отчаяния и ужаса.

Вин замерла в дверях. Разумеется, она и прежде видела смерть — на улицах та была обычным делом. Видела людей, зарезанных ножом в темном переулке. Видела забитых насмерть. Детей, умерших от голода. Однажды она видела даже, как раздраженный чем-то лорд одним ударом сломал шею старухе. И ее труп лежал на мостовой целых три дня, пока его не подобрали уборщики.

Но никогда прежде ей не приходилось видеть результатов такой преднамеренной бойни, какая произошла в берлоге Камона. Всех этих людей не просто убили, их разорвали на куски... руки и ноги валялись отдельно от тел. Из грудных клеток торчали обломки столов и стульев. На полу осталось лишь несколько чистых островков, не залитых темной липкой кровью.

Кельсер внимательно наблюдал за Вин, но она просто стояла, глядя на пиршество смерти, чувствуя себя... онемевшей? Как она могла отреагировать? Здесь лежали люди, которые дурно с ней обращались, обворовывали ее, били. И все же они взяли ее к себе, дали ей укрытие, кормили... а ведь другие сразу бы отправили ее на панель.

Наверное, брат выругал бы Вин за ту предательскую печаль, которую она почувствовала при виде страшного зрелища. Конечно, он всегда сердился, если Вин, будучи ребенком, плакала, когда он выводил ее в другой город, — ей не хотелось расставаться с людьми, к которым она привыкла, пусть даже они были с ней неласковы или просто ее не замечали. Похоже, она так и не избавилась от этой слабости... Вин шагнула в комнату. Нет, она не собиралась оплакивать шайку воров, и все же ей хотелось, чтобы их конец был не таким страшным.

Кроме того, трупы сами по себе выглядели кошмарно. Вин старалась не открывать чувств перед другими, но поневоле сжалась, стараясь не смотреть на растерзанные тела. Люди, устроившие налет на берлогу, действовали основательно.

«Как-то это уж слишком, даже для братства, — думала Вин. — Что за существа могли сотворить такое?»

— Инквизитор, — тихо произнес Доксон, опускаясь на корточки рядом с одним из трупов.

Кельсер кивнул. В помещение вошел Сэйзед, ступая очень осторожно, чтобы не запачкать одежду кровью. Вин обратила все внимание на террисийца, чтобы не смотреть на труп, изуродованный особенно жутким образом. Кельсер — рожденный туманом, а Доксон, судя по всему, искусный воин. Хэм и его люди охраняли подходы к берлоге. И тем не менее Бриз, Йеден и Колченог остались в лавке. Здесь было слишком

опасно... Кельсера пришлось уговаривать, чтобы он взял Вин с собой.

Но Сэйзеда он привел без колебаний. Эта, казалось бы незначительная, деталь заставила Вин посмотреть на дворецкого по-новому. Почему это место опасно для туманщиков, но безопасно для террисийского дворецкого? Неужели Сэйзед умеет драться? Но где он мог этому научиться? Предполагалось, что террисийцев с рождения учат совсем другим вещам.

Ровный шаг Сэйзеда и его спокойное лицо навели Вин на новые размышления. Хранителя, похоже, совершенно не потрясла бойня.

«Интересно», — подумала Вин, осторожно пробираясь между обломками мебели и стараясь не наступать в глубокие лужи крови.

Ей хотелось очутиться поближе к Кельсеру, а тот как раз склонился над двумя трупами. Один из них, к ужасу Вин, оказался трупом Улефа. Искривленное болью лицо юноши еще осталось узнаваемым, но дальше начиналась мешанина сломанных ребер и клочьев плоти... как будто чьи-то мощные руки взломали его грудную клетку.

Вздрогнув, Вин отвернулась.

— Плохо, очень плохо, — тихо сказал Кельсер. — Обычно Стальные инквизиторы не утруждают себя уничтожением воровских шаек. Для этого посылают поручителей с отрядом солдат, всех арестовывают и устраивают показательную казнь. Инквизиторы подключаются к делу лишь в особых случаях.

— Ты думаешь... — начала Вин, и у нее перехватило дыхание. — Ты думаешь, это тот самый?..

Кельсер кивнул.

— Во всей Последней империи около двадцати Стальных инквизиторов, и половина обычно находится за пределами Лютадели. Вряд ли возможно такое совпадение: один инквизитор заметил тебя, а после того, как ты сбежала, другой явился в твою берлогу.

Вин заставила себя посмотреть на Улефа, чтобы встретиться лицом к лицу

со своей скорбью. Да, конечно, Улеф предал ее, но ведь до того они были почти друзьями...

— Значит, — тихо спросила она, — инквизитор до сих пор чует мой след?

Кельсер кивнул, выпрямляясь.

— Это я виновата, — сказала Вин. — Улеф и все остальные...

— Виноват Камон, — резко перебил ее Кельсер. — Это он додумался надуть поручителя. — Помолчав немного, Кельсер внимательно посмотрел на Вин и спросил: — Ты как, справишься?

Вин еще раз глянула на изуродованное тело Улефа, стараясь быть сильной, и пожала плечами:

— Никто из них не был мне другом.

— Звучит довольно жестоко, Вин.

— Я знаю, — согласилась она с коротким кивком.

Кельсер еще какое-то время смотрел на нее, потом отошел и заговорил с Доксоном.

Вин покосилась на раны Улефа. Выглядели они так, словно над юношей поработала стая взбесившихся зверей, а не один-единственный человек.

«У инквизитора должны быть помощники, — решила Вин. — Не верится, что кто-то один, пусть даже инквизитор, мог сотворить такое».

Тела лежали кучей у задней двери, но Вин быстро прикинула, что абсолютное большинство шайки осталось в общей комнате. В одиночку никто не мог расправиться с ними так поспешно... или мог?

«Мы слишком многого не знаем об инквизиторах, — сказал ей как-то Кельсер. — Они вообще не подчиняются привычным законам».

Вин содрогнулась всем телом.

На лестнице прозвучали шаги — Вин напряглась, готовая в любую секунду

сорваться с места, но потом в двери показалась знакомая фигура Хэма. Он держал в руке фонарь.

— Все спокойно, — доложил Хэм. — Ни поручителей, ни городской стражи.

— Это в их духе, — вздохнул Кельсер. — Хотят, чтобы местные жители сами обнаружили бойню... а трупы здесь оставили как предупреждение.

Все замолчали, и только Сэйзед что-то негромко бормотал в углу. Вин осторожно подошла, прислушиваясь к ритмичному звучанию его голоса. Наконец он замолчал, закрыл глаза и склонил голову.

— Что это было? — спросила Вин, когда Сэйзед снова открыл глаза.

— Молитва, — ответил террисиец. — Молитва народа каззи, специально для мертвых. Она читается, чтобы пробудить души умерших и высвободить их из тел, — тогда они могут вернуться на Гору духов. — Сэйзед посмотрел на Вин. — Если хочешь, госпожа, я научу тебя этой вере. Каззи были интересным народом... они многое знали о смерти.

Вин покачала головой:

— Не сейчас. Ты знаешь их молитву... значит, это и есть твоя вера?

— Я исповедую все веры.

Вин нахмурилась:

— И что, они никогда не противоречат друг другу?

Сэйзед улыбнулся:

— О, противоречат, и очень часто! Просто я вижу истину, скрытую за всеми ними... и верю в то, что каждую религию необходимо помнить.

— Но как ты решаешь, какую именно молитву читать в определенный момент?

— Я просто вспоминаю ту, что кажется подходящей, — тихо ответил

Сэйзед, окидывая взглядом страшную картину смерти.

— Кел, — позвал Доксон из глубины комнаты, — иди сюда, посмотри.

Кельсер направился туда, и Вин последовала за ним. Доксон стоял у двери, которая вела в длинную, похожую на коридор спальню. Вин заглянула внутрь, ожидая увидеть продолжение бойни.

Но в спальне оказался всего один труп, привязанный к стулу. В слабом свете Вин разглядела, что глаза у него выколоты. Кельсер некоторое время осматривал труп.

— Это тот самый человек, которому я передал руководство, — сказал он наконец.

— Да, это Милев, — подтвердила Вин. — А что с ним случилось?

— Его убивали медленно, — ответил Кельсер. — Посмотри, сколько крови на полу, как искалечены руки и ноги... Да, он долго кричал и сопротивлялся.

— Его пытали, — уточнил Доксон.

Вин похолодела и посмотрела на Кельсера.

— Не следует ли нам сменить базу? — спросил Хэм.

Кельсер медленно покачал головой.

— Когда Колченог приходил сюда, он отлично маскировался и даже скрывал свою хромоту. Он курильщик, и его профессия — замечать следы. Его не удастся найти, расспрашивая прохожих на улице. Нет, никто из шайки Милева не мог о нем рассказать... нам ничего не грозит.

Однако ни Кельсер, ни кто-либо другой ни словом не упомянул об очевидном. Ведь как-то же инквизитор отыскал эту берлогу...

Кельсер вернулся в общую комнату, отвел Доксона в сторону и тихо заговорил с ним о чем-то. Вин хотела подобраться поближе, но Сэйзед остановил ее, положив руку на плечо.

— Госпожа Вин, — неодобрительно произнес он, — если бы мастер Кельсер желал, чтобы мы слышали разговор, он вполне мог бы говорить достаточно громко.

Вин бросила на террисийца злой взгляд. Потом потянулась мыслью внутрь себя и воспламенила олово.

От внезапно усилившейся вони она пошатнулась. Теперь она различала дыхание Сэйзеда. В комнате уже не было темно, — наоборот, от ослепительного света двух фонарей у Вин заслезились глаза. Ей стало трудно дышать в тяжелом, застоявшемся воздухе.

Зато она отчетливо услышала голос Доксона:

— ...пару раз ходили проверить, как ты и просил. Ты найдешь его через три улицы к западу от перекрестка Четырех Колодцев.

Кельсер кивнул.

— Хэм! — позвал он громко, заставив Вин подпрыгнуть на месте.

Сэйзед недовольно посмотрел на нее, качая головой.

«Он что-то знает об алломантии, — подумала Вин, правильно поняв выражение лица хранителя. — И догадался, что я сделала».

— Да, Кел? — откликнулся Хэм, выглядывая из задней комнаты.

— Забирай всех и возвращайтесь в лавку, — приказал Кельсер. — И будьте осторожны.

— Будем, не сомневайся, — пообещал Хэм.

Вин жалобно посмотрела на Кельсера, но ей пришлось покинуть берлогу вместе с Сэйзедом и Доксоном.

*

«Надо было забрать экипаж, — думал Кельсер, недовольный тем, что приходится идти пешком, медленно. — Остальные вполне могли

прогуляться до лавки».

Он бы с удовольствием воспламенил сталь и помчался гигантскими прыжками, вот только как при этом остаться незамеченным, если на улице день и толпа народа?

Кельсер поглубже надвинул шляпу. Гуляющий пешком вельможа никого не удивлял, особенно в деловом районе, где смешались удачливые скаа и неудачливые аристократы. Впрочем, и те и другие делали вид, что не замечают друг друга.

«Терпение и еще раз терпение. Скорость значения не имеет. Если они узнали о нем, он все равно уже покойник».

Кельсер вышел на большую площадь, от которой отходили четыре улицы. На каждом из углов был сооружен колодец, а в центре площади бил фонтан, украшенный массивной медной фигурой, позеленевшей от времени и почерневшей от сажи. Статуя изображала Вседержителя в торжественной позе, облаченного в латы и плащ. Он как бы попирал ногами Бездну, затаившуюся в воде.

Кельсер прошел мимо фонтана. На поверхности воды плавали хлопья недавно выпавшего пепла. С тротуаров вслед ему неслись жалобные голоса — попрошайки мастерски балансировали на грани, за которой их просьбы о помощи вызывали бы не сострадание, а раздражение. Вседержитель с трудом терпел их; попрошайничать дозволялось только тем скаа, на чью долю выпали тяжелые увечья. Однако даже этой жалкой жизни позавидовали бы скаа, трудившиеся на плантациях.

Кельсер бросил им несколько монеток, не заботясь, что привлекает к себе излишнее внимание, и пошел дальше. Миновав три поперечные улицы, он оказался на другой площади, гораздо меньшей. На ней тоже сидели попрошайки, но тут не было ни фонтана в центре, ни колодцев, поэтому прохожие сюда не забредали.

Здесьние попрошайки выглядели еще хуже: это были несчастные, которым не хватало сил, чтобы отбить для себя место на главной площади. Бледные от недоедания дети и потрепанные годами взрослые боязливо зывали к прохожим. Мужчины, у которых недоставало двух или более конечностей, прятались по углам, и их перепачканные золой и сажой фигуры были почти

неразличимы в тени.

Кельсер машинально потянулся к кошельку.

«Осторожнее, — спохватившись, мысленно предостерег он себя. — Ты не можешь спасти их всех; во всяком случае, деньгами тут не поможешь. Их время настанет, когда рухнет Последняя империя».

Не обращая внимания на жалобные призывы, он изучал грязные лица. Он лишь мельком видел Камона, но думал, что узнает его. Однако ни один из здешних попрошайек не походил на бывшего главаря ни лицом, ни комплекцией — ведь Камон, даже проголодав несколько недель, должен был сохранить следы былой упитанности.

«Здесь его нет», — разочарованно подумал Кельсер.

Кельсер в свое время приказал Милеву отправить Камона к попрошайкам, и его приказ был выполнен. Доксон сам присмотрел за этим.

Отсутствие Камона на площади могло означать и то, что он нашел себе местечко получше, и то, что его отыскало братство. Кельсер несколько мгновений стоял на месте, прислушиваясь к нытью нищих. С неба посыпались хлопья пепла.

Что-то было не так. Кельсер обратил внимание, что на северном углу перекрестка никто не сидит. Кельсер осторожно воспламенил олово — и сразу уловил в воздухе запах крови.

Он сбросил башмаки, снял ремень. За ними последовала застежка плаща — дорогая фибула упала на камни мостовой. Теперь на теле Кельсера металла осталось не много — только монеты в кошельке. Он сгреб в ладонь несколько монет и осторожно двинулся вперед, оставив попрошайкам ненужные предметы одежды.

Запах смерти усилился, но Кельсер не слышал ничего, кроме бормотания нищих за спиной. Он повернул на северную улицу и сразу заметил слева узкий переулок. Глубоко вздохнув, Кельсер зажег пьютер и нырнул в проход.

Переулок был завален отбросами и золой. Никто не ждал там Кельсера —

по крайней мере, никто живой.

Камон, отставной главарь воровской шайки, спокойно висел на веревке, привязанной к чему-то высоко наверху. Его труп медленно раскачивался на ветру, а возле него лениво кружили хлопья пепла. Камона не задушили. Нет, к веревке привязали большой крюк, который всадили ему в глотку. Окровавленный конец крюка торчал из-под подбородка, отчего голова сильно запрокинулась назад, а веревка выходила изо рта. Руки Камона были связаны, на все еще пухлом теле виднелись следы пыток.

«Как скверно!»

Сзади послышались шаги, и Кельсер резко обернулся, мгновенно поджигая сталь и швыряя на звук горсть монет.

Взвизгнув, небольшая фигурка припала к земле, а монеты разлетелись в стороны, наткнувшись на защиту.

— Вин? — изумленно воскликнул Кельсер.

Выругавшись, он бросился вперед и затащил девушку в переулок. Потом выглянул из-за угла. Нищие насторожились, услышав звон монет.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил Кельсер, поворачиваясь к Вин.

На ней были все те же коричневые брюки и серая рубашка, но у нее хватило ума набросить сверху неприметный плащ с капюшоном.

— Я просто хотела посмотреть, куда ты пошел, — ответила она, съездившись при виде его гнева.

— Здесь слишком опасно! О чем ты думала?

Вин боязливо втянула голову в плечи. Самые храбрые из нищих подкрались к переулку собрать монеты.

Кельсер приказал себе успокоиться.

«Нет смысла ругать ее за любопытство, — подумал он. — Она просто...»

Он застыл на месте. Это было так незаметно, что он чуть не пропустил...
Вин гасила его гнев.

Кельсер присмотрелся к девушке. Она явно пыталась слиться со стеной. Она выглядела такой маленькой, робкой... однако в ее взгляде Кельсер заметил огонь решимости. Да, этот ребенок отлично умеет казаться безобидным существом.

«До чего ловко! — подумал Кельсер. — И как она так быстро учится?»

— Тебе незачем применять алломантию, Вин, — мягко произнес Кельсер.
— Я не причиню тебе вреда. И ты это знаешь.

Вин вспыхнула:

— Я не нарочно... просто по привычке. Не могу от нее избавиться.

— Все в порядке, — сказал Кельсер, опуская руку ей на плечо. — Только помни: что бы ни говорил Бриз, влиять на эмоции друзей — дурной тон. К тому же среди знатных людей считается оскорблением, если кто-то использует алломантию в официальной обстановке. Такие привычки могут повлечь за собой неприятности, если ты не научишься ими управлять.

Вин кивнула и выпрямилась, изучая взглядом Камона. Кельсер предполагал, что она отвернется в ужасе, но Вин смотрела на труп молча, и на ее лице светилось мрачное удовлетворение.

«Нет, слабости в ней нет и следа, — подумал Кельсер, — какое бы впечатление она ни старалась произвести».

— Они пытали его прямо здесь? — спросила Вин. — На улице?

Кельсер кивнул, представив, как разносятся по округе вопли Камона, а нищие от ужаса забиваются в щели. Братству нравилось демонстрировать силу...

— А зачем крик? — спросила Вин.

— Это нечто вроде ритуального убийства, для особых грешников — тех, кто злоупотребляет алломантией.

Вин нахмурилась:

— Разве Камон был алломантом?

Кельсер покачал головой:

— Нет, но он наверняка признался в чем-то ужасном во время пытки. — Кельсер посмотрел на Вин. — Он должен был знать, что ты обладаешь силой, Вин. Он сознательно тебя использовал.

Вин заметно побледнела:

— Тогда... братству известно, что я — рожденная туманом?

— Возможно. Зависит от того, знал ли это Камон. Он мог считать тебя обычным туманщиком.

Вин немного помолчала.

— И как это повлияет на мою часть работы? — спросила она наконец.

— Будем продолжать действовать по плану. Лишь двое поручителей видели тебя в тайном доме Камона и в братстве, но редкий человек способен узнать в хорошо одетой аристократке безвестную служанку-скаа.

— А инквизитор? — тихо проговорила Вин.

На этот вопрос Кельсер не ответил.

— Идем, — сказал он. — Мы и так уже привлекли к себе слишком много внимания.

12

Что было бы, если бы все народы — от жителей южных островов до горцев Терриса — оказались под властью одного правителя? Каких чудес удалось бы добиться, какого прогресса, если бы человечество забыло о своих ссорах и стало действовать как единое целое?

Но полагаю, даже надеяться на это смешно. Единое и неделимое человечество? Такого не будет никогда.

Вин с трудом удерживалась от того, чтобы не одергивать свое роскошное платье. Она носила его уже несколько дней — по настоянию Сэйзеда, — и все равно оно казалось страшно неудобным. Платье было тесным в груди и в талии, а юбка спадала вниз широкими сборками и мешала ходить. Вин постоянно чудилось, что она вот-вот споткнется, и еще она ощущала, как платье выставляет напоказ грудь... Такое глубокое декольте! И хотя привычная рубашка открывала ничуть не меньше, Вин почему-то думала, что это разные вещи.

И в то же время Вин была вынуждена признать, что платье совершенно изменило ее внешность. Девушка, которую она видела в зеркале, казалась Вин незнакомкой, почти иностранкой. Голубое платье с белым кружевом на лифе и белыми оборками на юбке сочеталось по цвету с сапфировыми заколками в волосах. Сэйзед заявлял, что не почувствует себя счастливым до тех пор, пока ее волосы не отрастут хотя бы до плеч, но все равно предложил ей купить пару похожих на брошки заколок и прикрепить их над ушами.

— Аристократы часто не считают нужным скрывать свои недостатки, — пояснил он. — Наоборот, даже подчеркивают их. Привлеките внимание к своим слишком коротким волосам — и все и думать забудут о том, что вы не следуете моде, напротив, на них произведет впечатление ваш вызов.

Вин пришлось надеть еще и сапфировое ожерелье — скромное по меркам знатных людей, но тем не менее стоившее больше двух сотен мер.

Дополнением к нему служил один-единственный рубиновый браслет, создававший цветовой контраст, — видимо, того требовали последние веяния моды.

Все это принадлежало Вин и было оплачено деньгами воровской шайки. Если бы она сбежала, прихватив драгоценности и свои три тысячи мер, то смогла бы жить на эти средства не один десяток лет. Мысль о побеге казалась куда более соблазнительной, чем Вин решалась признавать. Картина побоища в берлоге Камона то и дело вспыхивала перед ее глазами. Вот что ее ждет, скорее всего, если она останется...

Так почему же она до сих пор не сбежала?

Вин отвернулась от зеркала и набросила на плечи голубую шелковую шаль — аристократический вариант плаща. Почему она не сбежала? Может, потому, что дала слово Кельсеру. Он научил ее пользоваться даром алломантии и теперь надеялся на нее. Может, они были в долгу друг перед другом. Ведь в любой команде каждый должен делать свою часть работы.

Рин сказал бы, что эти люди — просто дураки, но Вин соблазнилась возможностями, которые предоставлял ей Кельсер. И дело было не в богатстве и не в том, что работа выглядела интересной. Дело было в смутной надежде — опасной и невероятной, — что она окажется среди людей, которые доверяют друг другу. Вин просто не могла не остаться. Она должна была выяснить, действительно ли это так, или — как нашептывал ей голос Рина — все это просто очередная ложь.

Вин вышла из комнаты и направилась к парадной двери особняка — там ее ждал Сэйзед с экипажем. Она решила остаться, а это значило, что она должна делать свою работу.

И ей пора было впервые появиться на людях в роли знатной дамы.

*

Карету резко тряхнуло, и Вин подпрыгнула на сиденье. Но экипаж не остановился, он продолжал катить по улице, а Сэйзед на месте кучера даже не повернул головы.

Наверху послышался шум. Вин, насторожившись, воспламенила металлы, но с крыши кареты на приступку для лакея спрыгнул Кельсер. Он сунул голову в окно, сияя улыбкой.

Вин облегченно вздохнула, откидываясь на спинку сиденья.

— Ты мог бы просто сказать, чтобы мы прихватили тебя по дороге.

— Это ни к чему, — ответил Кельсер, открывая дверцу кареты и проскальзывая внутрь.

На улице уже стемнело, и Кельсер был в плаще рожденного туманом.

— Я предупредил Сэйзеда, что нагоню вас по дороге.

— А мне почему не сказал?

Кельсер подмигнул, захлопывая дверцу.

— Я просто подумал, что должен отплатить за тот фокус, который ты проделала со мной на прошлой неделе.

— Как это по-взрослому! — ровным тоном произнесла Вин.

— Боюсь, в душе я навсегда останусь мальчишкой. Ну, ты готова к сегодняшнему вечеру?

Вин пожала плечами, стараясь скрыть тревогу, и осмотрела себя.

— Как... э-э... как я выгляжу?

— Великолепно, — заверил ее Кельсер. — Как настоящая юная леди. И не нервничай так, Вин! Маскировка просто безупречна!

Вин почему-то не ощутила радости, как будто хотела услышать другой ответ.

— Кельсер...

— Да?

— Я давно хотела тебя спросить, — заговорила Вин, глядя в окно кареты, хотя снаружи был только туман. — Я понимаю, ты считаешь очень важным разведку среди знати. Но... неужели надо было поступать именно так? Разве мы не могли найти уличных доносчиков, которые рассказали бы все, что мы хотели узнать о делах благородных Домов?

— Возможно, — сказал Кельсер. — Но доносчиков не зря называют доносчиками, Вин. Каждый вопрос, который ты задаешь, дает им намек на твои истинные намерения... и даже простая встреча с ними уже приоткрывает нечто, что они могут продать кому-то еще. Лучше как можно реже иметь с ними дело.

Вин вздохнула.

— Я не из прихоти подвергаю тебя опасности, Вин, — продолжал Кельсер, наклоняясь поближе к ней. — Нам действительно необходим шпион в высшем свете. Ведь доносчики обычно собирают сведения среди слуг, а большинство аристократов далеко не дураки. И важные разговоры ведутся там, где слуги не могут их подслушать.

— И ты предполагаешь, что я сумею попридти при таких разговорах?

— Может, да, а может, и нет. В любом случае я давно знаю, что очень полезно иметь своего человека среди аристократов. Вдруг вам с Сэйзедом повезет услышать нечто важное, ценность чего слуги и уличные доносчики просто не поймут? Да даже на обычных приемах ты можешь достать для нас важные сведения, пусть и не узнаешь ничего особенного.

— Как это? — спросила Вин, нахмурившись.

— Отмечай людей, которые проявят к тебе интерес, — сказал Кельсер. — Возможно, они будут из тех Домов, за которыми мы хотим понаблюдать. Если они заинтересуются тобой, то, видимо, с прицелом на лорда Рену — а для этого у них может быть одна весомая причина.

— Оружие, — пробормотала Вин.

Кельсер кивнул:

— Рену — торговец оружием, и это делает его интересной фигурой для тех, кто задумывает военную акцию. И к таким Домам я намерен проявить особое внимание. Между знатными Домами уже должно возникнуть напряжение... надеюсь, они начали гадать, кто именно задумал выступить против остальных. Настоящих войн между Великими Домами не случилось уже целое столетие, но последняя была воистину опустошительной. Нам

необходимо повторить те события.

— Но это означает гибель многих знатных лордов, — заметила Вин.

Кельсер улыбнулся:

— Ничего, я как-нибудь переживу. А ты?

Вин улыбнулась в ответ, хоть и немного нервно.

— Есть и еще одна причина, — продолжил Кельсер. — Не исключено, что в какой-то момент нам придется предстать перед лицом самого Вседержителя. И что-то мне подсказывает, что чем меньше людей окажется в этой компании, тем лучше. Но если среди знати мы будем иметь своего скаа, рожденного туманом, это даст нам немалое преимущество.

Вин почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Вседержитель... он что, будет сегодня вечером?

— Нет. Там будут поручители, но, наверное, не будет инквизиторов... и уж конечно, там не появится Вседержитель. Такие вечеринки недостойны его внимания.

Вин кивнула. Она никогда прежде не видела Вседержителя... и надеялась, что никогда не увидит.

— Да не бойся ты так! — усмехнулся Кельсер. — Даже если ты встретишься с ним, тебе ничего не грозит. Он не умеет читать мысли.

— Ты уверен?

Кельсер помолчал.

— Нет, — ответил он наконец. — Но если бы даже умел, то не стал бы заглядывать в мысли каждого встречного. Я знаю нескольких скаа, изображавших лордов в его присутствии... я и сам пару раз так делал... — Кельсер умолк, посмотрев на свои покрытые шрамами руки.

— Но он в конце концов поймал тебя, — тихо заметила Вин.

— И возможно, поймает опять, — подмигнул ей Кельсер. — Но пока не стоит о нем думать. Наша цель на сегодняшний вечер — вывести в свет леди Валетт Рену. Тебе незачем рисковать и вести себя вызывающе. Просто появишься там, а когда Сэйзед скажет — уйдешь. Со знакомствами и прочим потом разберемся.

Вин кивнула.

— Хорошая девочка, — похвалил Кельсер, открывая дверцу кареты. — Я буду неподалеку от крепости — наблюдать и прислушиваться.

Вин снова кивнула, на этот раз благодарно. Кельсер выпрыгнул из кареты и исчез в тумане.

*

Вин оказалась неготовой к тому, какой яркой и светлой окажется в темноте вечера крепость Венчер. Огромное здание окружало облако света. Когда карета подъехала ближе, Вин рассмотрела восемь гигантских фонарей, пылавших вдоль фасада крепости. Они походили на костры, только горели более ровно. Рядом с ними были установлены зеркала, направлявшие свет прямо на здание. Вин не поняла для чего. Ведь бал состоится внутри... зачем же столько света снаружи?

— Не высовывайте голову из окна, госпожа Вин, — донесся сверху голос Сэйзеда. — Воспитанные молодые леди не таращатся по сторонам.

Вин бросила на него яростный взгляд, которого он не увидел, но повиновалась, хотя ее охватило нервное нетерпение, когда карета въехала во двор крепости. Наконец экипаж остановился, и лакей Дома Венчер открыл перед Вин дверцу. Второй лакей подошел, чтобы подать ей руку и помочь выйти.

Вин приняла помощь, стараясь как можно более грациозно вытащить из кареты необъятное платье. Когда она осторожно ступила на землю — страшно боясь, что споткнется, — то мысленно поблагодарила лакея за поддержку, лишь теперь поняв, почему мужчины всегда помогают женщинам выходить из карет. Это оказался не такой уж глупый обычай... глупой была одежда, которую приходилось носить леди.

Сэйзед обошел карету и занял позицию в нескольких шагах за спиной Вин. Его одежда выглядела наряднее обычной: к знакомым V-образным узорам добавились красивый пояс и широкие длинные рукава.

— Вперед, госпожа, — едва слышно подбодрил он Вин. — По ковру, чтобы ваше платье не испачкалось, и прямо в центральную дверь.

Вин кивнула, пытаясь скрыть неловкость. Она пошла вперед, мимо лордов и леди в разноцветных костюмах и платьях. Они даже не смотрели на нее, но Вин ощущала себя голой. Ее походка была неуклюжей, не то что у других леди, которые и выглядели прекрасно, и, похоже, отлично чувствовали себя в платьях. Руки Вин, затянутые в бело-голубые шелковые перчатки, вспотели.

Она заставила себя идти вперед. Когда она добралась наконец до парадной двери, Сэйзед представил ее распорядителям. Двое мужчин в черно-красных костюмах поклонились ей и предложили войти. В холле уже толпились аристократы, ожидавшие, когда их пригласят в главный зал.

«Что я делаю?» — в отчаянии подумала Вин.

Она сумела справиться со страхом перед туманом и овладеть алломантией, она выдержала общество воров и грабителей, ее не пугали побои и туманные призраки. Но это... Столько знатных лордов и леди... очутиться среди них на ярком свете, не имея возможности спрятаться... Это было очень страшно.

— Вперед, госпожа, — мягко произнес Сэйзед, стараясь успокоить ее. — Помните мои уроки.

«Спрятаться! Найти какой-нибудь угол! Тень, туман, что угодно!»

Вин, стиснув кулаки, шагнула вперед. Сэйзед шел немного позади. Краем глаза Вин заметила на его обычно безмятежном лице легкое беспокойство.

«Даже он тревожится!»

Все, чему ее учили, испарилось, как туман поутру. Вин не могла вспомнить ни имен, ни правил поведения... вообще ничего!

Она только-только вошла в холл, как важного вида вельможа в черном костюме вдруг обернулся и посмотрел на нее. Вин застыла.

Но мужчина, скользнув по ней глазами, уже отвернулся. Тут Вин отчетливо услышала слово «Рену», произнесенное шепотом, и осторожно скосила взгляд. Несколько женщин рассматривали ее.

Но они как будто не видели ее саму. Они изучали ее платье, прическу и драгоценности. Вин глянула в другую сторону — там стояла группа молодых людей и тоже таращилась на нее. Но и они не видели саму Вин, их интересовала глубина ее декольте, косметика и то, как платье подчеркивает талию.

Никто из них не замечал Вин, только личину, которую она на себя надела... то лицо, которое она желала им показать. Они видели леди Валетт. Как будто самой Вин вовсе не существовало.

Как будто она спряталась, скрылась куда-то прямо у них на глазах.

Внезапно напряжение стало ослабевать. Вин медленно выдохнула — и все ее тревоги улетучились. Сразу вспомнились уроки Сэйзеда, и Вин всем своим видом изобразила девушку, ошеломленную первым в жизни балом. Она шагнула в сторону, протягивая шаль лакею, и почувствовала, как Сэйзед тоже вздохнул и расслабился. Вин чуть заметно улыбнулась ему и отправилась в главный зал.

Она смогла это сделать. Да, она еще немного нервничала, но паника уже миновала. Вин не нужно было прятаться. Ей оказалось достаточно маски из сапфиров, косметики и голубого платья.

Главный зал крепости Венчер являл собой впечатляющее зрелище. Он был устрашающей высоты, в четыре или пять этажей, и намного больше в длину, чем в ширину. Гигантские прямоугольные витражные окна украшали стены зала, и странный ослепительный свет фонарей, что пылали снаружи, был направлен прямо на них, так что помещение захлестнул разноцветный водопад. Между окнами имелись массивные резные колонны. У их основания стена как бы отступала назад, образуя галерею под самыми окнами. Там, в уютной тени, Вин увидела десятки столов, покрытых белыми скатертями. Вдали, в противоположном конце зала, Вин разглядела балкон, находившийся не слишком высоко, и на нем тоже стояли

столы.

— Там обеденный стол самого лорда Страффа Венчера, — шепнул ей на ухо Сэйзед, осторожно показывая на балкон.

Вин кивнула.

— А огни снаружи?

— Это известковый огонь, госпожа, — пояснил Сэйзед. — Я не знаю, как происходит сам процесс... но каким-то образом негашеную известь можно раскалить до того, что она дает яркий свет, а сама при этом не плавится.

На возвышении слева от Вин заиграл струнный оркестр, и под музыку в центре зала закружились танцующие пары. Справа стояли столы с закусками: количество блюд было просто невероятным, а рядом хлопотали слуги в белом. Сэйзед подошел к распорядителю и предъявил приглашение Вин. Распорядитель кивнул и шепнул что-то на ухо молодому слуге. Юноша поклонился Вин и повел ее через зал.

— Я попросил, чтобы тебе предоставили маленький столик на одного человека, — тихо сказал Сэйзед. — Думаю, незачем в день первого выхода в свет искать каких-то знакомств. Пусть пока просто посмотрят на тебя.

Вин благодарно кивнула.

— Но помните, что столик на одного подчеркнет: вы не имеете кавалера, — предостерег ее Сэйзед. — Старайтесь есть помедленнее. Как только покончите с ужином, мужчины начнут приглашать вас на танец.

— Ты не учил меня танцевать! — рассерженно прошипела Вин.

— Времени не хватило, госпожа, — ответил Сэйзед. — Но не тревожьтесь... вы можете просто отказаться, вежливо, уважительно, но твердо. Они подумают, что вы смущены первым балом, так что ничего страшного.

Вин вздохнула. Слуга подвел их к маленькому столику поблизости от центра зала. Вин уселась на единственный стул, а Сэйзед заказал для нее ужин, после чего отступил и встал за спиной.

Вин сидела выпрямив спину, выжидая. Большинство столов располагались между колоннами галереи, поблизости от площадки для танцев, а за ними оставалось достаточно пространства вдоль стены. По этому своеобразному коридору то и дело проходили негромко беседующие пары и компании. Время от времени кто-то кивал Вин.

«Что ж, эта часть плана Кельсера удалась», — подумала Вин.

Ее заметили. Но ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы не съезжиться в кресле, когда мимо прошагал высший прелан. К счастью, он был не тем, с кем встречалась Вин, хоть и был одет в такую же серую свободную одежду и имел причудливые татуировки вокруг глаз.

На самом деле на балу оказалось немало поручителей. Они бродили тут и там, смешиваясь с ярко одетыми гостями. Но в то же время они были как бы сами по себе. Они отличались от всех. Как взрослые люди, сопровождающие детей на прогулку.

«Гарнизон присматривает за скаа, — подумала Вин. — А поручители, похоже, точно так же присматривают за знатью».

Странное зрелище. Вин всегда думала, что знатные люди свободны. И в самом деле, они выглядели такими уверенными в себе... Да они и были уверены. Они веселились, наслаждаясь пышным приемом, а поручители совсем не напоминали блюстителей порядка или даже шпионов. И тем не менее они присутствовали здесь. Они бродили с места на место, беседовали с людьми как постоянное напоминание о Вседержителе и его империи.

Вин наконец оторвала взгляд от поручителей (хотя от их присутствия ей стало не по себе) и принялась рассматривать прекрасные окна. Одно из них находилось точно напротив того места, где она сидела.

Конечно, цветные витражи изображали религиозные сцены. Может, аристократы таким образом выражали свою преданность? Или так требовало братство? Вин не имела представления. Но леди Валетт и не обязана была разбираться в таких вещах, так что все в порядке.

И все-таки некоторые сцены были Вин знакомы — в основном благодаря урокам Сэйзеда. Он, похоже, и об официальной идеологии помнил столько

же, сколько о других верованиях, хотя Вин казалось странным, что он изучал религию, которую сам считал порабощающей.

В центре большинства витражей располагалась Бездна. Черное, точнее, темно-фиолетовое пятно не имело определенной формы, это было нечто, расплывающееся во все стороны и раскинувшее вокруг себя щупальца. Вин долго смотрела на эту тьму, окруженную яркими изображениями Вседержителя, и вдруг заметила, что заворожена подсвеченными картинками.

«Что это? — гадала она. — Действительно Бездна? Тогда почему она такая бесформенная... почему не показать ее такой, какой она действительно была?»

Вин прежде никогда не задумывалась о Бездне, а уроки Сэйзеда весьма своеобразно освещали эту тему. Вин инстинктивно чуяла обман. Ведь Сэйзед говорил, что Вседержитель якобы просто выдумал какую-то чудовищную опасность, грозившую людям в далеком прошлом. Он предотвратил ее и тем самым заслужил право на трон. Но сейчас, глядя на странное, мрачное, змеящееся пятно, Вин почти верила в историю Вседержителя.

Что, если это действительно существовало? Но если так, как мог Вседержитель одолеть его?

Вин вздохнула и покачала головой. Ну вот, она уже начала думать совсем как знатная леди. Она рассматривала прекрасные изображения, гадая, что они означают, и лишь мельком прикидывая, каких денег они стоили... Все дело в том, что ее окружало пышное великолепие.

Колонны в зале были не просто колоннами, а настоящими произведениями искусства резьбы по камню. С потолка, точно над окнами, свисали широкие знамена, а сам куполообразный потолок украшали резные балки, между которыми красовались замковые камни. И хотя Вин не могла с такого расстояния рассмотреть камни как следует, она не сомневалась, что и их тоже покрывает искусная резьба.

Танцующие в центре зала пары были под стать обстановке, а может, и превосходили ее своей роскошью. Пары двигались под нежную музыку грациозно, и казалось, что движения не стоят им ни малейшего труда.

Многие даже болтали между собой во время танца, и леди чувствовали себя совершенно свободно в пышных платьях. Что же касается самих платьев, то Вин заметила, что в сравнении со многими ее собственное, отделанное лишь кружевом, выглядит слишком простеньким. И Сэйзед прав: в моде явно были длинные волосы, хотя не меньше половины дам предпочитали убирать их в высокие прически.

Здесь, в величественном зале, нарядно одетые аристократы выглядели какими-то другими. Изысканными. Утонченными. Неужели это те самые люди, которые избивали друзей Вин и заставляли скаа работать на фабриках и плантациях? Они казались такими совершенными, безупречными, хорошо воспитанными, просто неспособными на дурные поступки...

«Интересно, а они вообще замечают мир, который их окружает? — думала Вин, опустив локти на стол и наблюдая за танцующими. — Может, они не видят ничего, кроме своих крепостей и балов... точно так же как не видят настоящую меня за платьем и румянами?»

Сэйзед осторожно коснулся ее плеча, и Вин, вздохнув, приняла позу, приличествующую леди. Через несколько мгновений принесли ужин, и это была такая феерия незнакомых вкусов, что Вин растерялась бы, если бы за последние месяцы не перепробовала множество разных блюд. Да, возможно, Сэйзед в своих уроках упустил искусство танца, зато он хорошо обучил Вин застольному этикету, за что она сейчас была ему весьма благодарна. Как сказал Кельсер, ее главная задача на этот вечер — показать себя свету и продемонстрировать, что она достойная юная леди.

Вин ела аккуратно, как учили, медленно и с соблюдением всех правил. Ей совсем не нравилось, что ее могут пригласить на танец: одна мысль о том, что кто-то заговорит с ней, вызывала приступ страха. Однако ужин, как ни старайся, не может тянуться вечно, особенно учитывая, что порции для леди подавались очень маленькие. Так что Вин доела и положила вилку поперек тарелки в знак окончания ужина.

И уже через две минуты появился первый претендент.

— Леди Валетт Рену? — спросил молодой человек, слегка поклонившись.

Под темным камзолом у него был яркий зеленый жилет.

— Я лорд Райан Строб. Не желаете ли потанцевать?

— Мой лорд, — сказала Вин, скромно опустив глаза, — вы так добры, но для меня это первый бал, и я поражена! Боюсь, от волнения я могу споткнуться во время танца. Возможно, в следующий раз?..

— Разумеется, леди, — вежливо кивнул лорд Строб и ушел.

— Очень неплохо, госпожа, — тихо произнес Сэйзед. — Акцент у вас просто прекрасный. И разумеется, вы потанцуете с этим юношей на следующем балу. Думаю, к тому времени вы уже научитесь.

Вин слегка порозовела.

— Может, его там не будет.

— Может, — согласился Сэйзед. — Но вряд ли. Молодые люди просто обожают ночные развлечения.

— Они что, танцуют каждый вечер?

— Почти. В конце концов, балы и есть главная причина, по которой люди съезжаются в Лютадель. И если какой-то лорд находится в городе, а в это время проходит бал — а балы тут постоянно, — то он может не сомневаться, что его пригласят, особенно если он молод и не женат. Вам, конечно, не следует ожидать, что вас сразу начнут приглашать повсюду, но мы постараемся, чтобы вы получали хотя бы два-три приглашения в неделю.

— Два-три в... — Вин ужаснулась. — Но тогда мне понадобятся другие платья!

Сэйзед улыбнулся:

— О, вы уже рассуждаете как настоящая леди! А теперь, госпожа, приношу свои извинения...

— Извинения? — переспросила Вин, оборачиваясь.

— Я должен пойти на ужин для дворецких, — пояснил Сэйзед. — Слуг

моего ранга обычно отпускают, когда хозяин покончил с едой. Мне не хочется оставлять вас одну, но на этом обеде будут слуги высшей знати, важные сами по себе. Наверняка они станут говорить о вещах, о которых мастеру Кельсеру захочется узнать.

— Ты оставляешь меня одну?!

— Вы прекрасно справляетесь, госпожа, — сказал Сэйзед. — Ни одной серьезной ошибки... по крайней мере, такой, какой не ожидали бы от леди, впервые попавшей в высший свет.

— Например? — осторожно спросила Вин.

— Обсудим позже. А пока просто сидите за столом, пейте по капельке вино... постарайтесь не слишком часто наполнять бокал и ждите моего возвращения. Если подойдет еще какой-нибудь юноша, откажите ему так же вежливо, как первому.

Вин растерянно кивнула.

— Я вернусь примерно через час, — сказал Сэйзед и замер, как будто ожидая чего-то.

— А... — спохватилась Вин. — Ты можешь идти.

— Спасибо, госпожа, — сказал Сэйзед, кланяясь и отходя.

И Вин действительно осталась одна.

«Не одна, — напомнила она себе. — Кельсер где-то неподалеку, он наблюдает за мной».

Эта мысль немного утешала, хотя ей хотелось бы не так остро ощущать пустоту за спиной. Еще трое молодых людей пытались пригласить ее на танец, но каждый получил любезный отказ. Больше никто не подходил: видимо, по залу уже разнесся слух, что девушка не склонна танцевать. Вин старательно запомнила имена тех четверых, что заговаривали с ней, — ими мог заинтересоваться Кельсер. Потом ей оставалось только ждать.

Как ни странно, ей быстро стало скучно. Зал отлично проветривался,

однако под многочисленными слоями ткани Вин было жарко. Особенно плохо чувствовали себя ноги, ведь панталоны доходили до самых лодыжек! Да и длинные рукава не облегчали ее участи, хотя шелковая ткань мягко и нежно прилегала к коже. Танцы продолжались, и некоторое время Вин наблюдала за ними с интересом. Но вскоре ее внимание привлекли поручители.

Она обнаружила, что они все-таки выполняли на балу определенную роль. Как правило, они стояли поодаль от беседующих между собой аристократов, но время от времени присоединялись к различным группам. То и дело люди сами разыскивали ближайшего поручителя и уважительно приглашали вступить в разговор.

Вин нахмурилась, пытаясь разобраться, что именно ускользает от ее внимания. Вот наконец люди, сидевшие за ближайшим столом, вежливыми жестами приветствовали проходившего мимо поручителя. Стол стоял слишком далеко от Вин, чтобы услышать разговор, но олово...

Вин потянулась мыслью внутрь себя, чтобы воспламенить олово, но вовремя спохватилась. Сначала медь. Запалив медь, она подумала, что следует привыкнуть постоянно поддерживать ее горение.

Скрыв алломантию за завесой меди, Вин подожгла олово. Огни в зале сразу же стали ослепительными, и Вин прикрыла глаза. Оркестр как будто заиграл в десять раз громче, а хор звучащих вокруг голосов превратился из неразборчивого гудения в оглушительный шум. Вин пришлось как следует сосредоточиться на том, что ее заинтересовало. К счастью, соседний стол был не так уж далеко, и вскоре она различила в общем гуле голоса сидевших за ним.

— ...клянусь, что сообщу ему о своем назначении раньше, чем кому-либо другому, — говорил какой-то мужчина.

Вин приоткрыла глаза. Это был один из лордов за соседним столом.

— Очень хорошо, — сказал поручитель. — Я это свидетельствую и подтверждаю.

Лорд протянул руку, звякнули монеты. Вин пригасила олово и открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поручитель отходит от стола,

пряча что-то — похоже, деньги — в карман.

«Очень интересно», — подумала Вин.

К несчастью, сидевшие за столом вскоре разошлись в разные стороны, оставив Вин без возможности подслушать что-нибудь еще. Ее снова охватила скука, пока она смотрела вслед поручителю, который шел через зал к какому-то своему коллеге. Она рассеянно постукивала кончиками пальцев по столу, глядя на двух поручителей... и вдруг вздрогнула.

Она узнала одного из них. Не того, который только что получил деньги, а его собеседника, того, что постарше. Невысокий, с суровыми чертами лица, он держался очень властно и выделялся даже среди поручителей.

Сначала Вин подумала, что видела его в кантоне финансов, куда ходила вместе с Камоном, и ощутила легкий приступ паники. Но потом сообразила, что это совсем другой человек. Они встречались прежде, но не в братстве. Это был...

«Это мой отец», — в ошеломлении подумала Вин.

Брат показал его Вин, когда они пришли в Лютадель, год назад: этот поручитель проверял рабочих в местной кузнице. Рин тогда взял с собой сестру, и они прокрались в кузницу, потому что Рин считал, что она должна хоть раз взглянуть на собственного отца... хотя Вин не понимала зачем. Однако она запомнила лицо.

Вин подавила желание забраться под стол. Конечно, он не мог ее узнать, он ведь вообще не подозревал о ее существовании. Вин заставила себя отвести глаза и уставилась на окна. Однако видеть она могла только одно из них, остальные были скрыты от нее колоннами.

И тут Вин заметила то, чего не замечала до сих пор: длинный балкон на противоположной стене, высоко над головами гостей. Он располагался над окнами, между цветными витражами и потолком. Вин различила на балконе какое-то движение. Да, там прогуливались люди.

Вин тут же захотелось подняться на балкон, ведь оттуда она могла бы наблюдать за гостями, оставаясь незамеченной. К тому же она как следует рассмотрела бы знамена и те окна, что находились над ее столом, не говоря

уже о том, что и потолок сам по себе был достоин внимания.

Сэйзед велел ей оставаться на месте, но чем дольше она сидела, тем чаще ее взгляд устремлялся к балкону. Вин отчаянно хотелось встать и немного подвигаться, размять затекшие ноги. К тому же присутствие в зале ее отца — вне зависимости от того, заметил он ее или нет, — давало Вин лишний повод исчезнуть из виду.

«Похоже, никто больше не собирается приглашать меня на танец, — подумала Вин. — Опять же, вся аристократия уже успела на меня посмотреть».

Она еще немного поразмышляла и махнула рукой, подзывая лакея.

Тот мгновенно очутился рядом.

— Да, леди Рену?

— Как мне подняться туда? — спросила Вин, показывая на балкон.

— Рядом с оркестром есть лестница, леди, — ответил юноша. — По ней вы подниметесь на верхнюю галерею.

Вин кивнула в знак благодарности. Потом, решившись, встала и направилась к сцене с оркестром. Никто не обратил на нее особого внимания, и Вин зашагала более уверенно.

Каменный коридор за сценой изогнулся, одновременно устремляясь вверх, и превратился в лестницу с крутыми ступенями. Небольшие витражные окошки, узкие, не шире ладони Вин, прорезали наружную стену. Здесь они казались темными, им не доставало наружного света. Вин поднималась быстро, выплескивая накопившуюся энергию, но вскоре начала задыхаться под тяжестью платья. К тому же ей приходилось придерживать подол, чтобы не споткнуться. Однако стоило ей поджечь капельку пьютера, как подъем сделался легче. Вин даже не вспотела, и косметика на лице не успела размазаться.

Усилия оказались ненепрасными. На верхней галерее было темно, ее освещали только редкие лампы с голубыми стеклянными плафонами — и отсюда открывался изумительный вид на огромные яркие окна. К тому же

здесь было тихо, и Вин очутилась в долгожданном одиночестве. Она подошла к железным перилам и посмотрела вниз. Выяснилось, что каменные плитки пола в зале образуют некий рисунок, который можно разглядеть только сверху. Это были серые изогнутые линии на белом фоне.

«Может, так изобразили туман?» — рассеянно подумала Вин, перегибаясь через перила.

Перила, как и держатели ламп, представляли собой причудливо переплетающиеся лозы. Капители колонн были украшены каменными изображениями зверей, казалось застывших в момент прыжка.

— Вот как! Стоило уйти, чтобы налить себе еще вина...

Голос, внезапно раздавшийся за спиной Вин, заставил ее подпрыгнуть от испуга и обернуться. Позади стоял молодой человек. Костюм на нем был относительно скромным, а жилет — не таким ярким, как у большинства гостей. К тому же и камзол, и рубашка выглядели немного великоватыми, а прическа слегка растрепалась. В одной руке он держал бокал вина, а другую прятал в кармане камзола, оттопырившемся так, словно там лежала большая книга.

— ...как по возвращении, — продолжал молодой человек, — я обнаруживаю на своем любимом месте хорошенькую девушку. Конечно, джентльмену полагалось бы уйти, оставив леди размышлять о своем. Однако именно здесь — лучшее место на всем балконе, и к тому же единственное, где достаточно света для чтения.

Вин вспыхнула:

— Простите меня, мой лорд.

— Ну вот, теперь я чувствую себя виноватым. И все из-за бокала вина. Послушайте, тут вполне хватит места для двоих... если вы чуть-чуть подвинетесь.

Вин на мгновение задумалась. Следует ли ей вежливо отказаться от общества молодого лорда? Он вроде бы хочет, чтобы она осталась... наверное, знает, кто она такая? Пожалуй, следует выяснить его имя, чтобы потом сообщить Кельсеру.

В конце концов Вин отступила в сторону, и молодой человек устроился у перил рядом с ней. Он тут же прислонился спиной к колонне и, к немалому удивлению Вин, достал из кармана книгу и углубился в чтение. Он был прав: свет фонаря падал прямо на страницы. Вин немножко постояла, наблюдая за юношей, но тот, похоже, полностью сосредоточился на книге. Он вообще не смотрел на Вин.

«Он что, не собирается уделять мне внимание? — подумала Вин, сама удивляясь охватившему ее раздражению. — Наверное, мне нужно было надеть платье понаряднее».

Молодой человек продолжал читать, время от времени делая глоток вина.

— Вы всегда читаете на балах? — спросила наконец Вин.

Молодой человек посмотрел на нее:

— Да, когда удастся сбежать.

— Но зачем же вы пришли? — спросила Вин. — Зачем принимать приглашение, если вы стараетесь избегать общества?

— Но вы ведь тоже здесь, — напомнил юноша.

Вин смутилась:

— Я просто хотела посмотреть на зал сверху.

— Вот как? Тогда почему вы отказали тем троим, что приглашали вас танцевать?

Вин умолкла. Молодой человек улыбнулся и снова уставился в книгу.

— Вообще-то, их было четверо, — пробормотала Вин. — А отказала я потому, что не слишком хорошо танцую.

Юноша опустил книгу и окинул Вин взглядом.

— А знаете, вы вовсе не так застенчивы, как можно подумать.

— Застенчива? — переспросила Вин. — Ну да, я не из тех, кто таращится в

книгу, когда рядом стоит молодая леди... забыв даже представиться.

Молодой человек вскинул брови:

— А теперь вы говорите как мой отец. Вы, конечно, куда симпатичнее, но так же сварливы.

Вин продолжала пристально смотреть на него. Юноша вздохнул:

— Ладно, в таком случае позвольте мне исправиться. — Он отвесил Вин подчеркнуто официальный поклон. — Я лорд Эленд. Леди Валетт Рену, разрешите ли вы мне разделить удовольствие пребывания рядом с вами на этом балконе, пока я читаю?

Вин кивнула, сложив руки на груди.

«Эленд? Это фамилия его семьи или просто имя? Стоит ли вообще об этом задумываться? Он просто хотел почитать здесь. Но... откуда он знает, что я отказала тем, кто меня приглашал?»

У Вин возникло подозрение, что Кельсеру обязательно захочется узнать все подробности ее разговора с лордом Элендом.

Но как ни странно, Вин совсем не хотелось избавиться от общества юноши, как хотелось избежать приглашения на танцы. Она снова почувствовала раздражение, когда лорд вернулся к книге.

— Вы еще не объяснили, почему предпочитаете чтение танцам, — сказала она.

Юноша вздохнул, снова опуская книгу:

— Ну, видите ли, я тоже не слишком хороший танцор.

— А...

— Но, — продолжил лорд Эленд, назидательно поднимая палец, — это лишь часть ответа. Вы, возможно, еще этого не поняли, но балы тоже утомляют. Когда побываете на пяти или шести сотнях таких приемов, они начнут казаться вам довольно однообразными.

Вин пожала плечами:

— За такое время вы могли бы научиться танцевать как следует.

— Вы, кажется, не собираетесь позволить мне почитать? — спросил лорд Эленд.

— У меня не было такого намерения.

Эленд вздохнул и затолкал книгу в карман камзола, — судя по состоянию кармана, книги в нем бывали очень часто.

— Ладно, не важно. Не хотите ли потанцевать?

Вин похолодела, а лорд Эленд беззаботно усмехнулся.

«Боже! Он или невероятно равнодушен, или просто не умеет вести себя в обществе».

Вин не могла понять, в чем дело, и это ее сердило.

— Похоже, нет, — сказал лорд Эленд. — Хорошо... я просто подумал, что мне следует вас пригласить, раз уж мы решили, что я обязан быть джентльменом. Однако не думаю, что танцующим понравится, если мы начнем наступать им на ноги.

— Согласна. А что вы читаете?

— Дилистени, — ответил Эленд, — «Суд над памятником». Слышали о таком?

Вин отрицательно покачала головой.

— Ну разумеется. Он мало известен. — Лорд перегнулся через перила, глядя вниз. — И какие у вас впечатления от первого выхода в свет?

— Я... ошеломлена.

Лорд рассмеялся.

— О Доме Венчер можно говорить что угодно... но балы здесь устраивать

умеют.

— А вам, похоже, не слишком нравится Дом Венчер? — спросила Вин.

Вдруг рядом с ней стоял один из соперников Дома Венчер, которых искал Кельсер?

— В общем не особенно, — подтвердил лорд Эленд. — Они слишком выставляют себя напоказ, даже для высшей знати. Им недостаточно просто устроить бал, им нужен обязательно наилучший из балов. И не важно, если их слуги выбьются из сил, подготавливая его, — бедолаг еще и избыют, если наутро в зале не будет безупречной чистоты.

Вин вскинула голову.

«Вот такого я не ожидала услышать от аристократа...»

Эленд смущенно помолчал.

— Ну, это не важно. Мне кажется, вас ищет ваш террисиец.

Вин перегнулась через перила и посмотрела туда, где находился ее столик. Действительно, там стоял Сэйзед и о чем-то говорил с лакеем.

Вин тихонько охнула.

— Мне надо идти, — сказала она, поворачиваясь к лестнице.

— Всего доброго, — откликнулся Эленд. — А я смогу наконец почитать.

Он помахал Вин рукой и снова извлек книгу — еще до того, как Вин миновала первые ступени.

Вин, задыхаясь от спешки, спустилась в зал. Сэйзед сразу заметил ее.

— Ох, извини, — огорченно сказала Вин, подходя к нему.

— Не надо извиняться передо мной, госпожа, — тихо произнес Сэйзед. — Это неподобающее поведение, и в извинениях нет нужды. Я рад, что вы решили прогуляться. Я бы и сам это предложил, если бы вы не выглядели такой напуганной.

Вин кивнула.

— Нам, наверное, пора уходить? — спросила она.

— Да, этикет позволяет нам сделать это сейчас. — Сэйзед посмотрел на балкон. — Могу я спросить, что вы там делали, госпожа?

— Вообще-то, я хотела как следует рассмотреть витражи, — ответила Вин. — Но в итоге поговорила кое с кем. Похоже, он вначале заинтересовался мной, но теперь мне кажется, что он уделил мне не слишком много внимания. Ну не важно... вряд ли он настолько значителен, чтобы Кельсер захотел узнать его имя.

Сэйзед немного помолчал и спросил:

— И с кем же вы говорили?

— Вон он стоит на балконе, у колонны.

— Один из друзей лорда Венчера?

Вин застыла, ошеломленная пришедшей ей в голову мыслью.

— А что, — осторожно поинтересовалась она, — среди них есть кто-то по имени Эленд?

Сэйзед заметно побледнел.

— Вы болтали с лордом Элендом Венчером?!

— Э-э... ну да.

— Он приглашал вас танцевать?

Вин кивнула:

— Да, но не думаю, что он действительно этого хотел.

— Ох, дорогая, — вздохнул Сэйзед. — Это уж слишком...

— Венчер? — нахмурившись, повторила Вин. — Как эта крепость?

— Он наследник Великого Дома, — пояснил Сэйзед.

— Ух!.. — Вин только сейчас осознала, что ей следовало бы ощущать куда более сильный страх. — Он был в каком-то смысле невыносим... хотя держался вежливо.

— Нам не стоит обсуждать это здесь, — предостерег ее Сэйзед. — Вы слишком далеко отстоите от него по общественному положению. Пора уходить. Мне не следовало оставлять вас в одиночестве...

Он умолк и лишь бормотал что-то себе под нос, ведя Вин к выходу. А она, накидывая на плечи шаль, еще раз взглянула на балкон, воспламенив олово и прищурившись на свет.

Лорд Эленд стоял там, держа в руке закрытую книгу... и Вин могла бы поклясться, что он смотрел в ее сторону. Она улыбнулась и позволила Сэйзеду увлечь себя к карете.

13

Я знаю, что не должен позволять простому носильщику нарушать мое спокойствие. Но он из Терриса, оттуда, где родились пророчества. И если кто-то может заметить фальшивку, то почему не он?

И тем не менее я продолжаю свое путешествие, направляясь туда, где, как утверждают предсказания, я встречу с судьбой... и все иду и иду, спиной ощущая взгляд Рашека. Завистливый. Насмешливый. Ненавидящий.

Вин, поджав ноги, сидела в одном из удобных красивых кресел лорда Рену. Она радовалась тому, что избавилась наконец от огромного платья и смогла надеть привычные рубашку и штаны.

Однако сдержанное недовольство Сэйзед заставляло ее поглубже вжиматься в кресло. Он стоял в другом конце комнаты, и Вин по выражению его лица отчетливо понимала, что угодила в неприятности. Сэйзед уже расспросил ее обо всех подробностях разговора с лордом Элендом. Разумеется, он держался уважительно, но в то же время был очень настойчив.

Вин казалось, что террисиец слишком встревожен из-за того, что она обменялась несколькими словами с молодым вельможей. Они ведь не говорили ни о чем серьезном, да и Эленд определенно не походил на лорда из Великого Дома.

Но в нем действительно было что-то странное — что-то такое, что Вин не могла объяснить Сэйзеду, а потому не стала упоминать об этом. Рядом с Элендом она чувствовала себя спокойно. Вспоминая их разговор, она осознала: на несколько минут она перестала быть леди Валетт, но не превратилась опять в девочку Вин из воровской шайки... потому что эта часть ее натуры являлась не меньшей фальшивкой.

Нет, она была просто самой собой. Странное ощущение. Вин иной раз чувствовала нечто подобное рядом с Кельсером и его друзьями, но не так сильно. Как же Эленду удалось так быстро пробудить ее истинную сущность?

«Может, он применил алломантическую силу?» — подумала Вин, вздрогнув.

Эленд принадлежал к высшей знати, он вполне мог оказаться гасильщиком. Неужели за их беседой скрывалось нечто большее?..

Вин откинулась на спинку кресла, углубившись в размышления. Она ведь поддерживала на балу горение меди, так что лорд не мог воздействовать на нее алломантией. Нет, он просто умудрился пройти сквозь ее защиту. Вин снова принялась перебирать воспоминания, думая о том, как ей было спокойно... удивительно спокойно. И теперь она понимала, что не проявила должной осторожности.

«В следующий раз я буду внимательнее».

Вин предполагала, что они еще встретятся. Ей хотелось в это верить.

Вошел слуга и что-то шепотом сообщил Сэйзеду. Мгновенно воспламенив олово, Вин услышала их разговор: оказалось, наконец-то вернулся Кельсер.

— Пожалуйста, сообщите лорду Рену, — сказал Сэйзед.

Слуга, одетый в белое, кивнул и быстро вышел из комнаты.

— Вы все свободны, — спокойно обронил Сэйзед, и находившиеся в комнате слуги поспешили вон.

А Вин и Сэйзед ждали, не разговаривая и даже не шевелясь.

Кельсер и лорд Рену вошли вместе, негромко беседуя между собой. Рену, как всегда, был одет в дорогой костюм непривычного западного покроя. Держался лорд уверенно и спокойно. Даже насмотревшись вдоволь на аристократов, Вин в очередной раз поразила благородству его манер.

Кельсер был в плаще рожденного туманом.

— Сэйз, — спросил он, едва войдя в комнату, — есть новости?

— Боюсь, что есть, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед. — Так уж вышло, что сегодня на балу госпожа Вин привлекла к себе внимание лорда Эленда

Венчера.

— Эленда? — переспросил Кельсер, скрещивая руки на груди. — Наследника?

— Да, верно, — подтвердил Рену. — Я встречался с парнишкой года четыре назад, когда его отец приезжал на запад. Он поразил меня тем, что не вполне соответствовал своему положению.

«Четыре года? — удивленно подумала Вин. Не может быть, чтобы он так долго изображал лорда Рену! Кельсер ведь сбежал из Ям Хатсина всего два года назад!»

Она присмотрелась к подменьшу, но — как всегда — ничего не смогла понять.

— И насколько внимателен был юноша? — спросил Кельсер.

— Он пригласил ее танцевать, — ответил Сэйзед. — Но у госпожи Вин хватило ума отклонить предложение. Похоже, их встреча была чистой случайностью, но я боюсь, что она могла ему запомниться.

Кельсер хмыкнул.

— Ты слишком хорошо ее выучил, Сэйзед. На будущее, Вин... наверное, тебе следует быть чуть менее обаятельной.

— Почему? — брякнула Вин, стараясь скрыть раздражение. — Я думала, ты как раз и хотел, чтобы я всем нравилась.

— Только не настолько важным людям, как Эленд Венчер, детка, — сказал лорд Рену. — Мы отправили тебя ко двору, чтобы ты завела знакомства, а не устраивала светский скандал.

Кельсер кивнул.

— Да, Эленд молод, холост, и он — наследник могущественного Дома. Твое знакомство с ним может повлечь за собой серьезные проблемы. Придворные дамы сразу начнут завидовать тебе, а мужчины будут недовольны, что между вами слишком большая разница в общественном

положении. От тебя отвернется большинство знати. А нам, чтобы получать необходимые сведения, нужно, чтобы аристократы видели в тебе неуверенное в себе, незначительное и, главное, неопасное существо.

— Кроме того, дитя, — произнес лорд Рену, — вряд ли Эленд Венчер может проявить к тебе искренний интерес. Он известен при дворе как чудака и, вероятно, старается поддерживать свою репутацию, совершая неожиданные поступки.

Вин почувствовала, что краснеет.

«Он, наверное, прав», — зло сказала она себе.

И все же трое стоявших перед ней мужчин раздражали ее, особенно Кельсер, с его беспечной и легкомысленной манерой поведения.

— Да, — добавил Кельсер, — наверное, тебе было бы лучше избегать общества лорда Венчера. Постарайся задеть его, оскорбить или что-то в этом роде. Ты умеешь очень свирепо смотреть, вот и одари его таким взглядом.

Вин в бешенстве уставилась на Кельсера.

— Вот-вот! — со смехом воскликнул он. — Именно так!

Вин стиснула зубы, но тут же заставила себя расслабиться.

— Я на балу видела своего отца, — сообщила она, надеясь отвлечь Кельсера и остальных от лорда Венчера.

— В самом деле? — с любопытством спросил Кельсер.

Вин кивнула:

— Я запомнила отца, когда брат показывал мне его.

— О чем речь? — спросил Рену.

— Ее отец — какой-то поручитель, — пояснил Кельсер. — И явно достаточно влиятельный, раз посещает балы. Тебе известно его имя?

Вин отрицательно покачала головой.

— Можешь его описать?

— Ну... лысый, вокруг глаз татуировка...

Кельсер рассмеялся:

— Ладно, просто при случае покажи его мне, хорошо?

Вин кивнула, и Кельсер повернулся к Сэйзеду:

— Ты принес мне список тех, кто приглашал Вин танцевать?

— Да, мастер Кельсер. Вин сама записала имена. И еще я услышал кое-что интересное во время обеда с другими дворецкими.

— Хорошо, — пробормотал Кельсер, глядя на старинные часы в углу. — Попридержи все до завтрашнего утра. Мне надо уйти.

— Уйти? — вскинулась Вин. — Но ты только что вернулся!

— Это и есть самое интересное, — ответил Кельсер, подмигнув. — Когда ты приходишь куда-то, то потом можешь сделать только одно — уйти. Иди-ка поспи немного, вид у тебя измученный.

Кельсер помахал рукой и вышел из комнаты, что-то насвистывая себе под нос.

«Нет, он уж слишком беззаботен, — подумала Вин. — И слишком секретничает. Обычно он говорит нам, к какой знатной семье собирается наведаться».

— Я, пожалуй, и правда пойду спать, — сказала она, зевая.

Сэйзед бросил на нее подозрительный взгляд, но позволил ей уйти после того, как лорд Рену что-то тихо сказал ему на ухо. Вин поднялась в свою комнату, набросила на плечи плащ и распахнула дверь на балкон.

В спальню хлынул туман. Вин воспламенила железо и была вознаграждена зрелищем голубого луча, указывающего вдаль.

«Посмотрим, куда ты направляешься, мастер Кельсер!»

Вин зажгла сталь и вырвалась в холодную сырую осеннюю ночь. Олово обострило ее зрение, но заодно заставило сильнее ощутить влажность воздуха. Вин с силой оттолкнулась от металлической задвижки на двери балкона и тут же подтянулась к кованым воротам особняка, потом оттолкнулась от них и взлетела высоко в воздух.

Она не сводила глаз с голубого луча, указывавшего на Кельсера, и следовала за ним на достаточно большом расстоянии. У нее с собой не было ничего металлического, даже монет, и к тому же она поддерживала горение меди, чтобы скрыть алломантическую силу. Лишь какой-либо звук мог выдать ее присутствие Кельсеру, так что Вин старалась двигаться как можно тише.

К ее удивлению, Кельсер направлялся не в Феллис. Миновав ворота особняка, он повернул на север. Вин последовала за ним, приземлившись и перейдя на бесшумный бег.

«Куда же он? — растерянно думала она. — Хочет обойти Феллис по кругу? Или ему нужен один из особняков на окраине?»

Кельсер еще какое-то время двигался на север, а потом его металлический след внезапно потускнел. Вин приостановилась возле рожицы невысоких деревьев. След быстро таял — Кельсер прибавил скорости. Вин негромко выругалась, бросаясь за ним.

Голубая линия, указывавшая на Кельсера, растворялась в ночи. Вин вздохнула и замедлила движение. Она подошла к железу, но его едва хватило, чтобы поймать последний отсвет голубого луча вдали. Нет, ей не угнаться за Кельсером.

Однако горящее железо позволило ей заметить кое-что еще. Вин, нахмурившись, прошла вперед и наконец отыскала источник металла — два небольших бронзовых стержня, вбитых в землю в паре футов друг от друга. Вин выдернула один и всмотрелась в клубящийся туман на севере.

«Он перешел на прыжки, — подумала она. — Но зачем?»

Прыжками, разумеется, можно передвигаться намного быстрее, чем шагом,

но куда Кельсер так спешил? Впереди расстилалась пустошь.

Вот разве что...

Вин пошла дальше — и вскоре обнаружила еще два бронзовых стержня, воткнутых в землю. Вин оглянулась. Ночью сориентироваться было не так легко, но, похоже, линия бронзовых «опор» тянулась прямым к Лютадели.

«Вот как он это делает», — подумала Вин.

Кельсер умудрялся перемещаться между Лютаделью и Феллисом с потрясающей скоростью. Вин прежде полагала, что он ездит на лошадях, но он, похоже, нашел способ получше. Он — а возможно, и кто-то другой — проложил эту алломантическую дорогу между двумя городами.

Вин зажала в руке бронзовый стержень — он был ей нужен, чтобы смягчить приземление в случае ошибки, — встала перед второй парой бронзовых опор и взмыла в воздух.

Она отталкивалась сильно, поддерживая горение стали, бросая тело как можно выше в небо. На лету она воспламенила железо, чтобы отыскать другие источники металла. И они вскоре нашлись: два — точно на севере и еще две пары — по сторонам.

«Те, что по бокам, — для уточнения направления», — сообразила Вин.

Но если она хотела оставаться на главной бронзовой дороге, ей следовало двигаться на север. Вин взяла левее, чтобы проскочить точно между боковыми маяками, а потом сделала еще один гигантский прыжок.

Она мчалась вперед, даже не опускаясь к земле. И всего через несколько минут так вошла в ритм, что ей не нужны были боковые опоры.

Вин неслась над пустошью с невероятной скоростью. Туман разлетелся перед ней, плащ рожденного туманом полоскался и хлопал лентами за спиной. Но Вин постаралась еще прибавить ходу. Она слишком много времени потратила на изучение бронзовой дороги. Ей нужно было догнать Кельсера, иначе ей нечего делать в Лютадели.

Вин начала отчаянно бросать свое тело от опоры к опоре, всматриваясь в туман и пытаясь найти хоть какой-то алломантический след. И вот минут через десять впереди засветилась голубая линия — она указывала скорее вверх, в небо, чем на бронзовые стержни на земле. Вин облегченно вздохнула.

Но тут она увидела второй голубой луч, потом третий...

Вин нахмурилась и быстро опустилась на землю. Воспламенив олово, она посмотрела вперед — и перед ней появились смутные очертания чего-то огромного, с шариками света по верхнему краю.

«Да это же городская стена! — изумленно подумала Вин. — Так скоро? Я проделала путь в два раза быстрее всадника!»

Однако это значило, что она потеряла Кельсера. Серdito качнув головой, Вин воспользовалась прихваченным бронзовым стержнем, чтобы вскочить на стену. Едва опустившись на влажные камни, она обернулась и притянула к себе оставленный кусок бронзы. Потом, подойдя к противоположной стороне стены, вскочила на каменный парапет и, припав к нему, всмотрелась в город.

«Вернуться в Феллис? Или отправиться в лавку Колченога и подождать? Может, Кельсер придет туда?»

Потратив немного времени на раздумья, Вин спрыгнула со стены и отправилась дальше, перескакивая с крыши на крышу. Она то пользовалась оконными задвижками и прочими случайными металлическими предметами, то отталкивалась от бронзового стержня — не забывая подтягивать его обратно. И только в конце пути Вин поняла, что бессознательно стремилась к определенной цели.

В ночи перед ней возникла крепость Венчер. Большинство огней вокруг нее было погашено, и лишь несколько неярких факелов горело на сторожевых постах.

Вин сжалась в комочек на краю крыши, пытаясь понять, что именно привело ее сюда. Холодный ветер трепал плащ и волосы, и Вин даже показалось, что ей на лицо упало несколько крошечных дождевых капель. Она так долго сидела на месте, что онемели пальцы ног.

Потом она заметила в стороне какое-то движение. Она прижалась к крыше, одновременно воспламенив олово.

Через три дома от нее на крыше сидел Кельсер, чуть освещенный слабыми огнями города. Он, похоже, не заметил Вин. Он смотрел на крепость и был слишком далеко, чтобы Вин могла разобрать выражение его лица.

Вин уставилась на него с подозрением. Он не придавал значения ее встрече с лордом Элендом, но, возможно, новое знакомство Вин встревожило его куда сильнее, чем он показал. Вин охватил страх.

«А что, если он собирается убить Эленда?»

Убийство наследника наверняка породило бы серьезный конфликт между Великими Домами.

Вин ждала, опасаясь худшего. Но Кельсер наконец встал и двинулся прочь, отталкиваясь от крыш и взлетая в воздух.

Вин уронила бронзовый стержень — он бы ее выдал — и погналась за Кельсером. Тлеющее железо позволяло девушке видеть голубые лучи вдаль, и она поспешно перепрыгивала через улицы, отталкиваясь от решеток канализации. Ее переполняла решимость ни за что не потерять Кельсера снова.

Он двигался к центру столицы. Вин гадала, куда именно он направляется. Там находилась крепость Дома Эрикеллер, главного поставщика оружия. Может, Кельсер задумал как-то нарушить поставки, чтобы оживить интерес аристократов к Дому Рену?

Вин приземлилась на крышу и замерла, наблюдая за Кельсером, несшимся в темноте.

«Опять помчался. Я...»

Чья-то рука опустилась на ее плечо.

Вин взвизгнула, отпрыгивая назад и одновременно разжигая пьютер.

Кельсер смотрел на нее, склонив голову набок:

— Предполагается, что ты лежишь сейчас в постели, юная леди.

Вин покосилась в сторону, где светился голубой луч.

— Но...

— Мой кошелек с монетами, — улыбнувшись, пояснил Кельсер. — Хороший вор тащит все подряд, хоть умные трюки, хоть золотые меры. Я стал осторожнее после того, как ты выследила меня на прошлой неделе... хотя поначалу принял тебя за рожденного туманом из Дома Венчер.

— А они у них есть?

— Уверен, что есть. Большинство Великих Домов имеет своих рожденных туманом... но твой друг Эленд к ним не принадлежит. Он даже не туманщик.

— Откуда ты знаешь? Он может скрывать свой дар.

Кельсер покачал головой:

— Он чуть не погиб во время одного из походов пару лет назад. Если бы у него имелась сила, он бы ее использовал.

Вин кивнула, все еще избегая взгляда Кельсера.

Он вздохнул и уселся на скат крыши, свесив вниз одну ногу:

— Присаживайся.

Вин устроилась по соседству. Над ними все так же клубился серый туман, начал накрапывать дождь, который, впрочем, мало что изменил в сравнении с обычной ночной сыростью.

— Мне вовсе не нужно, чтобы ты выслеживала меня, Вин, — заговорил Кельсер. — Помнишь, мы говорили о доверии?

— Если бы ты доверял мне, то говорил бы, куда уходишь.

— Это ни к чему, — возразил Кельсер. — Может, я просто не хочу, чтобы ты беспокоилась из-за меня?

— Что бы ты ни делал, это всегда опасно, — сердито сказала Вин. — Так почему надо тревожиться из-за чего-то одного?

— Некоторые дела могут быть опаснее других, — тихо произнес Кельсер.

Вин помолчала, глядя в ту сторону, куда направлялся Кельсер. В сторону центра города.

Он шел к Кредикской Роще, к Холму Тысячи Шпилей. Ко дворцу Вседержителя.

— Ты хочешь выступить против Вседержителя, — прошептала Вин. — Ты на прошлой неделе говорил, что намерен навестить его.

— Ну, «навестить» — это, пожалуй, слишком сильно сказано, — ответил Кельсер. — Я действительно шел в сторону дворца, но я искренне надеюсь, что мне не придется встречаться лично с Вседержителем. Я к этому пока не готов. Но ты в любом случае отправишься напрямиком в лавку Колченога.

Вин кивнула.

Кельсер нахмурился:

— Ты намерена и дальше следить за мной?

Вин помолчала, потом опять кивнула.

— Зачем?

— Затем, что я хочу помочь, — едва слышно ответила Вин. — Моя роль во всем этом как-то вдруг свелась к посещению балов. Но я рожденная туманом — ты же сам меня учил. Я не желаю оставаться в тылу и позволять другим делать опасную работу, пока я обедаю и наблюдаю за танцующими парами.

— Твоя работа на балах очень-очень важна, — сказал Кельсер.

Вин отвернулась. Она просто подождет, пока Кельсер отойдет подальше, и отправится следом. Отчасти потому, что ей действительно хотелось сделать что-то важное, ведь она начала чувствовать себя полноценным членом

команды. Ей хотелось помочь. Однако другая часть ее рассудка помнила, что Кельсер далеко не все ей рассказывает. Возможно, он доверял Вин, а возможно, и нет. В любом случае у него определенно были свои секреты. И они имели какое-то отношение к одиннадцатому металлу и Вседержителю.

Кельсер заглянул ей в глаза и прочел в них твердое намерение следовать за ним до конца. Он обреченно вздохнул:

— Вин, я серьезно. Ты не можешь пойти со мной.

— Почему? — резко спросила она, отбросив притворство. — Если ты задумал что-то опасное, разве не лучше, если тебя будет прикрывать другой рожденный туманом?

— Ты еще не все знаешь о металлах, — напомнил Кельсер.

— Только потому, что ты меня не учишь.

— Тебе не хватает практики.

— Вот именно, — согласилась Вин. — Брат брал меня на грабежи, чтобы научить воровать.

Кельсер покачал головой:

— Это слишком рискованно.

— Кельсер, — возмутилась Вин, — мы же задумали разрушить Последнюю империю! Я в любом случае не надеюсь дожить до конца этого года. Ты сам постоянно твердишь, что иметь в команде двух рожденных туманом — значит обладать огромным преимуществом. И в чем же это преимущество, если ты не позволяешь мне стать настоящей рожденной туманом? Сколько ты еще намерен ждать? Пока я не буду готова? Думаю, этого никогда не случится.

Кельсер несколько мгновений внимательно смотрел на нее, потом улыбнулся:

— Когда мы только встретились, из тебя приходилось чуть ли не клещами вытягивать каждое слово. Но вот ты уже меня поучаешь!

Вин покраснела, а Кельсер вздохнул, сунул руку под плащ и что-то достал.

— Самому не верится, что я это делаю, — пробормотал он, протягивая Вин маленький кусочек неизвестного металла.

Вин внимательно рассмотрела крошечный серебристый шарик. Блестящий и светлый, он выглядел жидким, однако на ощупь оказался весьма твердым.

— Атиум, — сказал Кельсер. — Десятый и наиболее сильный из известных алломантических металлов. Эта капелька стоит больше, чем тот кошель, что я тебе отдал.

— Такая маленькая? — удивленно спросила Вин.

Кельсер кивнул:

— Да, атиум добывают только в одном месте — в Ямах Хатсина, и Вседержитель лично присматривает за охраной шахт и распределением металла. Великие Дома ежемесячно получают определенное количество атиума, и это один из способов Вседержителя сохранять власть над ними. В общем, вперед. Проглоти его.

Вин уставилась на светлую каплю, сомневаясь, что действительно следует переводить на нее нечто столь ценное.

— Ты его все равно не продашь, — усмехнулся Кельсер. — Иные из воровских шаек пытались это проделать, но их тут же ловили и казнили. Вседержитель весьма щепетильно относится к атиуму.

Вин кивнула и, решившись, проглотила металлический шарик. И сразу же ощутила внутри новый источник силы.

— Хорошо, — сказал Кельсер, вставая. — Подожди его, как только я тронусь с места.

Вин сосредоточилась и, как только Кельсер сделал несколько шагов вперед, осторожно потянулась мыслью к атиуму и воспламенила его.

Кельсер тут же расплылся перед ее глазами. Потом полупрозрачный, похожий на туманного призрака, силуэт возник перед ним. Он был точно

таким же, как сам Кельсер, только шел на несколько шагов впереди.

Это было нечто вроде тени наоборот. Двойник делал то же, что и Кельсер, — только раньше. Призрак обернулся, и тут же Кельсер повторил его движение.

Рот двойника открылся, губы зашевелились.

Через долю секунды Кельсер заговорил:

— Атиум позволяет заглядывать в ближайшее будущее. Или по крайней мере, дает возможность увидеть, что человек собирается сделать в следующие мгновения. К тому же он обостряет ум так, что ты успеваешь на все отреагировать.

Тень замерла на месте, и следом остановился Кельсер. Потом вдруг тень протянула руку и попыталась ударить Вин. Та инстинктивно выставила локоть — как раз в тот момент, когда рука настоящего Кельсера только начала подниматься. И Вин успела отразить удар.

— Пока ты поддерживаешь горение атиума, — сказал Кельсер, — ничто не застанет тебя врасплох. Ты можешь выставить вперед кинжал, точно зная, что твой противник сам на него напорется. Ты можешь с легкостью уйти от нападения, потому что будешь заранее видеть, куда направлен каждый удар. Атиум делает тебя почти непобедимой. Твой ум начинает работать стремительно, ты успеваешь извлечь пользу из всего, что узнаешь заранее.

Внезапно от тела Кельсера отделилось еще несколько теней. Они разбежались в разных направлениях — одни рассредоточились по крыше, другие взмыли в воздух. Вин, растерявшись, отступила назад.

— Теперь я тоже поджег атиум, — пояснил Кельсер. — Я вижу, что собираешься сделать ты, и это меняет мои намерения... что, в свою очередь, влияет на твои планы. А тени отражают каждое из действий, которое мы можем совершить.

— Что-то я запуталась, — пробормотала Вин, наблюдая за суетой теней: одни из них таяли, на их месте возникали новые...

Кельсер кивнул:

— Единственный способ расстроить планы того, в ком горит атиум, — это поджечь атиум внутри себя. Тогда ни у одного из противников не будет преимущества.

Тени исчезли.

— Что ты сделал? — спросила ошеломленная Вин.

— Ничего, — ответил Кельсер. — Наверное, твой атиум выгорел до конца.

Вин с удивлением обнаружила, что Кельсер прав: атиум кончился.

— Но он сгорел так быстро!

Кельсер сел на крышу.

— Никогда раньше не просаживала целое состояние так быстро, да?

Вин кивнула:

— Да, и такое ощущение, что все зря.

Кельсер пожал плечами:

— Атиум только тем и ценен, что дает алломантическую силу. И если ты его не используешь, он ничего не стоит. А если его поджигаешь, то тем самым истощаешь его запас. Это весьма интересное соотношение... при случае поговори об этом с Хэмом. Он любит порассуждать об экономике, построенной на атиуме. Но в любом случае каждый рожденный туманом, кого ты встретишь, скорее всего, будет иметь при себе атиум. Однако использовать его никто не спешит. К тому же никто не глотает его заранее — атиум очень хрупок и неустойчив, твой желудочный сок разрушит его примерно за час. То есть тебе придется сначала уловить, к чему идет дело — к разговору или схватке. Если заподозришь, что противник проглотил атиум, лучше сразу воспользуйся своим... но постарайся не попасть в ловушку и не истратить запас до того, как кончится атиум противника.

Вин задумчиво кивнула:

— Значит ли это, что ты берешь меня с собой?

— Я почти сожалею об этом, — со вздохом ответил Кельсер. — Но я не вижу способа вынудить тебя остаться... Впрочем, можно просто связать тебя покрепче. Но я предупреждаю, Вин. Это может быть опасно. Очень опасно. Я не собираюсь встречаться с Вседержителем, но я намерен проникнуть в его крепость. Мне кажется, я знаю, где искать ключ к победе над ним.

Вин улыбнулась и подошла к Кельсеру. Он сунул руку в один из кармашков на поясе и достал маленький флакон. Флакон походил на обычные пузырьки с алломантическими металлами, с тем лишь отличием, что в нем находилась одна-единственная крупинка металла. Бусинка атиума была в несколько раз крупнее той, что Кельсер дал Вин для первого опыта.

— Только не используй его без крайней необходимости, — предостерег Кельсер, отдавая флакон. — Тебе нужны еще какие-то металлы?

Вин кивнула:

— Я сожгла почти всю сталь, пока добиралась сюда.

Кельсер протянул ей еще один флакон.

— Но сначала нужно вернуть мой кошелек, — сказал он.

14

Иной раз я гадаю, не схожу ли с ума?

Возможно, это из-за того, что на меня давит знание... знание, что каким-то образом я должен взвалить на себя целый мир. Или это из-за виденных мною смертей, из-за того, что я потерял друзей. Друзей, которых мне пришлось убить.

К тому же я иногда вижу тени, преследующие меня. Темные твари, которых я не понимаю и не желаю понимать. Может, они — просто плод моего уставшего ума?

Дождь начался как раз в тот момент, когда они нашли кошелек. Не то чтобы это был сильный ливень, но он слегка разогнал туман. Вин передернуло, и она сжалась на крыше рядом с Кельсером, натягивая на голову капюшон. Кельсер не слишком-то обращал внимание на погоду, а значит, и ей не следовало. Немножко сырости не повредит... а скорее даже поможет, ведь дождь заглушит их шаги.

Перед ними лежала Кредикская Роща. Острые шпили и узкие башни в темноте походили на темные когти. Они весьма сильно различались по толщине: в одних вполне могли поместиться лестницы и большие комнаты, другие представляли собой просто тонкие стальные стержни, устремленные в небо. Это разнообразие наделяло дворец извращенным подобием симметрии, близкой к равновесию.

В темной туманной ночи шпили и башни выглядели зловеще — как почерневший от сажи и пепла скелет давным-давно умершего великана. Глядя на них, Вин ощутила странную подавленность, как будто сама близость дворца лишала ее надежды.

— Наша цель — туннель у основания одного из дальних шпилей справа, — сказал Кельсер так тихо, что его голос почти терялся в шелесте дождя. — По нему мы должны добраться до одной комнаты в центре здания.

— А в ней что?

— Не знаю, — ответил Кельсер. — Как раз это и нужно выяснить. Каждые три дня Вседержитель посещает эту комнату, но сегодня его там быть не должно. Он остается в ней на три часа, потом уходит. Я однажды уже пытался проникнуть туда. Три года назад.

— То твое дело, — прошептала Вин. — То самое...

— Да, меня поймали, — кивнул Кельсер. — Именно тогда. В то время мы думали, что Вседержитель хранит там сокровища. Теперь я так не считаю, но мне все равно интересно. То, что он ходит туда так часто, выглядит странным. Что-то там есть, в той комнате, Вин. Что-то очень важное. Может, именно в ней скрыт секрет его власти и бессмертия.

— Но нам-то это зачем? — спросила Вин. — У тебя ведь уже есть одиннадцатый металл?

Кельсер едва заметно нахмурился. Вин ждала ответа, но так и не дождалась.

— В прошлый раз я не сумел туда попасть, Вин, — сказал Кельсер. — Мы далеко забрались, но слишком уж легко. И когда подошли к той комнате, перед ней стояли инквизиторы. И ждали нас.

— Кто-то донес, что вы собираетесь туда проникнуть?

— Да, мы планировали дело несколько месяцев. Мы, возможно, были слишком самоуверенны, но на то имелись свои причины. Мы с Мэйр были лучшими... и все обещало пройти без сучка без задоринки. — Кельсер помолчал и повернулся к Вин. — А сегодня у меня вообще нет плана. Мы просто идем туда... и убьем любого, кто попытается нас остановить.

Вин долго молчала, чувствуя, как холодные капли дождя падают ей на руки. Потом кивнула.

Кельсер криво улыбнулся:

— Что, никаких возражений?

Вин покачала головой:

— Я просто вынудила взять меня. Мне ли теперь возражать?

Кельсер рассмеялся:

— Наверное, я переобщался с Бризом. И теперь чувствую себя не в своей тарелке, если никто не говорит мне, что я сумасшедший.

Вин лишь пожала плечами. Однако, когда они отправились дальше, она снова ощутила то тяжелое чувство, исходящее от Кредикской Рощи.

— Что-то там не так, Кельсер, — сказала она. — Что-то в этом месте... неправильное.

— Это Вседержитель, — ответил Кельсер. — От него исходят волны, как от невообразимо сильного гасильщика, он разрушает чувства тех, кто приближается к нему. Подожги медь, она поможет укрыться от его излучений.

Вин воспламенила медь. Чувство тяжести сразу исчезло.

— Лучше? — спросил Кельсер.

Вин кивнула.

— Ну и хорошо, — сказал Кельсер, протягивая ей горсть монет. — Держись поближе ко мне, и пусть твой атиум будет наготове — на всякий случай.

С этими словами он спрыгнул с крыши. Вин последовала за ним, и полосы ее плаща затрепетали в воздухе. Падая, Вин подожгла пьютер, и к моменту приземления ее ноги уже наполнились алломантической силой.

Кельсер стремительно бросился вперед, Вин не отставала. Наверное, было бы рискованно так бежать по скользким булыжникам, но тело Вин наполняла сила пьютера. Она неслась через мокрую туманную ночь, поддерживая вдобавок горение олова и меди: олово помогало ей видеть, медь создавала защиту.

Кельсер обогнул дворцовый комплекс. Как ни странно, его не опоясывала стена.

«Ну конечно, зачем тут стена? — подумала Вин. — Кто решится напасть на Вседержителя?»

Вымощенное булыжником открытое пространство — вот и все, что окружало Холм Тысячи Шпилей. Ни дерева, ни кустика, ни здания... ничего, что отвлекло бы взгляд от тревожащего, асимметричного скопления высоких башен, флигелей и шпилей.

— Пришли, — едва слышно шепнул Кельсер, однако обостренный оловом слух Вин прекрасно уловил его слова.

Он повернул к приземистому квадратному флигелю. Когда они приблизились, Вин увидела двух стражников, стоявших по сторонам огромных резных дверей.

Кельсер стремительно бросился на солдат, и горло одного из них было в ту же секунду перерезано. Второй попытался закричать, но Кельсер подпрыгнул и ударил обеими ногами в грудь стражника. Отлетев назад от нечеловечески мощного удара, гвардеец врезался в стену и свалился на землю. А Кельсер уже всей своей мощью налег на дверь — и та распахнулась.

Изнутри, из каменного коридора, выплеснулся слабый свет фонарей. Кельсер нырнул внутрь. Вин, приглушив олово, побежала за ним. Ее сердце колотилось как бешеное. Никогда прежде ей не приходилось делать ничего подобного. Простые воры тайком забирались в дома или мошенничали, но не устраивали налетов с убийствами. И, спеша за Кельсером по коридору, на гладком каменном полу которого оставались их влажные следы, Вин крепко сжимала в потеющей ладони обмотанную кожей рукоятку стеклянного кинжала.

Перед ними в коридор вышел какой-то человек, — похоже, он появился из караульной. Кельсер прыгнул вперед и ударил солдата локтем в живот, а потом сразу же с силой толкнул к стене. Стражник не успел еще упасть на пол, как Кельсер ворвался в комнату.

Вин побежала за ним — и увидела в караульном помещении яростную битву. Кельсер притянул большой металлический подсвечник, стоявший в углу, и теперь крутил его, сбивая с ног одного солдата за другим. Гвардейцы отчаянно кричали, пытаясь добраться до стойки с оружием.

Стол с остатками ужина был опрокинут, — видимо, солдаты хотели освободить место для битвы.

Один обернулся к Вин, и она отреагировала молниеносно. Воспламенив сталь, она швырнула в солдата горсть монет и сразу же с силой толкнула их. Монеты врезались в тело противника, разрывая его на части.

Вин быстро подожгла железо и вернула монеты. В следующее мгновение они снова вылетели из ее окровавленного кулака, поразив еще троих солдат. Последнего сбил с ног Кельсер, в очередной раз взмахнув подсвечником.

«Я только что убила четырех человек», — ошеломленно подумала Вин.

До сих пор убийствами занимался только ее брат.

Она услышала шум за спиной. Резко обернувшись, Вин увидела еще одну группу солдат, выбегавшую из двери напротив. Кельсер отпустил подсвечник и шагнул вперед. Четыре фонаря вдруг сорвались с креплений и понеслись к Кельсеру. Он отклонился, позволив фонарям удариться друг о друга.

В комнате сделалось темно. Вин подожгла олово, и ее глазам стало хватать того света, что проникал из коридора. Однако стражники замерли.

Секундой позже Кельсер уже был среди них. В темноте сверкнули кинжалы. Раздались крики — и наступила тишина.

Вокруг Вин лежали мертвые тела. Окровавленные монеты выпали из ее ладони. Но другой рукой Вин крепко стиснула рукоять кинжала... по крайней мере, это помогло унять дрожь в пальцах.

Кельсер опустил руку на ее плечо, и Вин подпрыгнула.

— Они были дурными людьми, Вин, — сказал он. — Каждый скаа в глубине души понимает, что с оружием в руках защищать Последнюю империю — наихудшее из преступлений.

Вин машинально кивнула. Но она чувствовала себя странно. Может, дело было и не в смертях. Оказавшись внутри здания, Вин могла бы поклясться,

что ощущает силу Вседержителя. Как будто что-то давило на нее, рождая тяжелое уныние, и даже медь не помогала.

— Идем. У нас мало времени.

Кельсер направился к двери, легко перепрыгивая через трупы, и Вин заставила себя пойти следом.

«Я сама вынудила его взять меня с собой, — думала она. — Я хотела сражаться, как он. Придется ко всему этому привыкнуть».

Они выбежали в следующий коридор, и Кельсер взмыл в длинном прыжке; Вин повторила его движение. В дальнем конце коридора она нашла якорь и подтянулась к нему.

Мимо проносились боковые коридоры, воздух свистел в ушах Вин. Впереди появились еще два стражника. Одного Кельсер ударил ногой, второму вонзил в шею кинжал. Оба рухнули на пол.

«Никакого металла, — подумала Вин, приземляясь. — Ни на одном из стражников нет ничего металлического».

Это были те, кого называли туманными убийцами. Люди, обученные сражаться с алломантами.

Кельсер нырнул в боковой коридор, и Вин пришлось сбросить скорость, чтобы не пропустить поворот. Она разожгла пьютер, желая, чтобы ноги двигались как можно быстрее. Кельсер впереди приостановился, и Вин резко затормозила рядом с ним. Справа она увидела широкую арку, за которой горел яркий свет. Вин пригасила олово, проходя вслед за Кельсером в комнату.

В шести огромных жаровнях, стоявших по углам гигантского помещения со сводчатым потолком, пылало открытое пламя. В отличие от голых коридоров, стены здесь были покрыты фресками, инкрустированными серебром. Каждая изображала какой-то эпизод из жизни Вседержителя, как те витражи в крепости Венчер, только здесь рисунки казались не такими абстрактными. Вин разглядела какую-то гору. Большую пещеру. Озеро света.

И что-то очень темное.

Кельсер шагнул вперед, и Вин последовала за ним. В центре помещения высилось некое строение — здание внутри здания. Одноэтажный домик со стенами из резного камня стоял прямо перед ними. Вин ощутила странную торжественность момента.

Кельсер шел вперед, бесцеремонно шлепая босыми ногами по гладкому черному мрамору. Вин нервно заозиралась: да, помещение казалось пустым, но здесь непременно должны были находиться стражники. Кельсер уже приблизился к большой дубовой двери. Дверь целиком покрывали незнакомые Вин письма. Кельсер протянул руку, рывком распахнул дверь...

Внутри стоял Стальной инквизитор. Тварь улыбалась, зловеще кривя губы. Из ее глаз торчали два толстых стальных стержня. Кельсер на мгновение застыл.

— Вин, беги! — закричал он.

В этот миг инквизитор выбросил вперед руку и схватил Кельсера за горло.

Вин застыла на месте. Она видела, как через арку прошли еще два инквизитора в черных балахонах. Высокие, гибкие, лысые... Из их глазниц тоже торчали металлические стержни, вокруг которых вились затейливые татуировки братства.

А первый инквизитор тем временем поднял Кельсера в воздух, держа за горло.

— Кельсер, Выживший в Хатсине, — скрипучим голосом произнесла тварь.

Потом инквизитор повернулся к Вин:

— И ты здесь... я тебя искал. Я убью твоего дружка быстро, если скажешь, кто дал тебе жизнь, полукровка.

Кельсер закашлялся, пытаясь вывернуться. Инквизитор уставил на него металлические «глаза». Кельсер снова кашлянул, словно пытаясь что-то

сказать, и инквизитор с любопытством привлек его поближе к себе.

Рука Кельсера метнулась, вонзив кинжал в шею твари. Инквизитор пошатнулся, и Кельсер тут же рубанул рукой по его предплечью, раздробив кость. Инквизитор уронил его, и Кельсер, задыхаясь, упал на мраморный пол.

Хватая ртом воздух, он бросил на Вин бешеный взгляд.

— Я сказал — беги! — прохрипел он, кидая что-то в ее сторону.

Вин протянула руку, чтобы поймать кошель с монетами. Однако тот неожиданно уклонился, и Вин осознала, что Кельсер бросил кошелек не ей, а в нее.

Мешочек ударил ее в грудь. Сила Кельсера была велика, и Вин полетела через комнату, мимо двух удивленных инквизиторов... Наконец она неловко упала на пол и еще проехала немного по гладкому мрамору.

Она встала, пошатываясь. Кельсер тоже поднялся на ноги. Однако главного инквизитора, похоже, не слишком заботил кинжал, торчавший из шеи. Двое других стояли между ней и Кельсером. Один обернулся к ней, и Вин пробрал озноб от его пугающего неестественного взгляда.

— БЕГИ! — прогремело под сводами зала.

И наконец Вин услышала. Страх разлился по ее телу, заставив двигаться. Она бросилась к арке, не зная толком, тот ли это проход, через который они с Кельсером вошли. Она схватила кошель с монетами и подожгла железо, отчаянно ища якорь в глубине коридора.

«Я должна выбраться!»

Вин ухватила за первый подвернувшийся кусок металла и рванулась к нему. Она пронеслась по коридору с бешеной скоростью, ужас усиливал горение железа.

Но вдруг она резко остановилась. Все вокруг закрутилось, она ударилась об пол, нелепо изогнулась, стукнулась головой о камень... и осталась лежать, не понимая, что случилось. Ну да, кошель с монетами... кто-то дернул за

него, используя металл, чтобы оборвать ее движение.

Вин перевернулась и увидела темную фигуру в конце коридора. Плащ инквизитора всколыхнулся, когда тварь приземлилась в нескольких шагах от Вин. Инквизитор шагнул вперед. Его лицо было совершенно неподвижным.

Вин подождала олово и пьютер, чтобы прояснить ум и прогнать боль. Она швырнула несколько монет в сторону инквизитора.

Он поднял руку — и монеты застыли в воздухе. А Вин отлетела назад, отброшенная силой собственного толчка.

Она слышала, как монеты звякнули об пол, когда она остановилась. Вин трянула головой, чувствуя, как горит по всему телу не меньше десятка синяков и ссадин. Инквизитор перешагнул через монеты и не спеша пошел к ней.

«Я должна выбраться!»

Даже Кельсер боялся сталкиваться лицом к лицу с инквизиторами. И если он не сумел победить одного, на что надеяться Вин?

Шансов у нее нет... Вин уронила кошелек и вскочила на ноги, а потом побежала вперед и нырнула в первую попавшуюся дверь. В комнате за дверью не было людей, зато в центре стоял золотой алтарь. Алтарь, четыре больших канделябра по углам и какие-то священные предметы занимали почти все помещение.

Вин развернулась лицом к двери и стремительно притянула один из канделябров, вспомнив, как проделывал это Кельсер. Инквизитор вошел в комнату и насмешливо взмахнул рукой: канделябр мгновенно вырвался из пальцев Вин.

«Он слишком силен!» — в ужасе подумала она.

Наверное, он использовал в качестве опоры крепление фонаря за спиной... Но все равно сила его железа была куда мощнее, чем у Кельсера.

Вин прыгнула, чтобы укрыться за алтарем. Инквизитор потянулся к чаше

на невысоком постаменте и взял из нее горсть каких-то маленьких металлических треугольников. Они были острыми со всех сторон и тут же порезали ладонь твари в нескольких местах. Но инквизитор не обратил внимания на кровь и протянул руку к Вин.

Она взвизгнула и пригнулась, прячась за алтарем, а над ее головой в стену ударились острые кусочки железа.

— Ты попалась, — произнес инквизитор скрипучим голосом. — Идем со мной.

Вин скосила глаза. Других дверей в комнате не было. Она осторожно выглянула из-за алтаря, и тут же ей в лицо полетел железный треугольник. Вин попыталась оттолкнуть его, но инквизитор оказался слишком силен. Вин пришлось нагнуться, чтобы металл пролетел над ней и врезался в стену.

«Я должна найти что-то, чтобы защищаться. Что-то неметаллическое».

Наконец она обнаружила то, что нужно, — большую книгу в кожаном переплете. Книга лежала рядом с алтарем. Вин схватила ее и на мгновение застыла. Если она погибнет, богатство ей не понадобится. Вин выхватила из-за пояса флакон и, проглотив атиум, сразу воспламенила его.

Тень инквизитора вышла из-за алтаря, а секундой позже появился и сам инквизитор. Тень взмахнула рукой — и в Вин полетели призраки маленьких блестящих кинжалов.

Вин вскинула книгу как раз в тот момент, когда за тенью последовало настоящее оружие. Кинжалы ударились в книгу, их острия глубоко вонзились в кожу переплета.

Инквизитор замер на секунду, и на его лице Вин заметила легкое смущение. А потом вдруг из его тела вырвался сразу десяток теней.

«О Вседержитель! — подумала Вин. — Он тоже поджег атиум!»

Не тратя времени на размышления, Вин перепрыгнула через алтарь, прихватив с собой книгу. Инквизитор развернулся, взгляд его металлических глаз устремился вслед Вин, когда та снова выскочила в

коридор.

Снаружи ее ждали солдаты. Но у каждого из них была тень-из-будущего, и Вин, на ходу прикидывая, куда могут прийти удары их дубинок, умудрилась миновать заслон из двенадцати человек. На несколько мгновений она почти забыла о боли и страхе — их заменило ощущение невероятной силы. Она легко уклонялась от ударов, дубинки взлетали над ней, но промахивались на несколько дюймов. Вин была неязвима.

Она пронеслась сквозь строй стражников, даже не думая о том, чтобы ранить или убить кого-то, — она хотела сбежать, и ничего больше. Наконец она повернула за угол.

Второй инквизитор, чье тело отбрасывало во все стороны тени будущих движений, шагнул вперед и вонзил что-то острое ей в бок.

Вин задохнулась от боли и услышала тошнотворный звук, когда тварь выдернула оружие из ее тела: это был узкий обсидиановый топор на длинной деревянной рукояти. Вин схватилась за бок и отступила назад, шатаясь и ощущая поток теплой крови, хлынувший из раны.

Инквизитор показался ей знакомым.

«Это самый первый, из той комнаты с маленьким домиком, — подумала она, плохо соображая от боли. — Неужели... значит ли это, что Кельсер мертв?»

— Кто твой отец? — спросил инквизитор.

Вин зажимала ладонью бок, пытаясь остановить кровь. Рана была плохая. Вин приходилось видеть такие прежде. От них всегда умирали.

Но она еще держится... Пьютер, с трудом сообразила она. Надо разжечь пьютер!

Она так и сделала, и пьютер вернул ей силы, дав возможность подняться на ноги. Солдаты расступились, позволяя второму инквизитору подойти к Вин. Она в ужасе переводила взгляд с одной твари на другую — они окружали ее... а по коже между пальцами текла кровь. Первый инквизитор все еще держал в руке замысловатый топор. Обсидиановое лезвие было

обагрено кровью. Ее кровью.

«Похоже, я умру», — в отчаянии подумала Вин.

И тут она услышала звук. Стук дождевых капель. Он был едва слышимым, но слух Вин обостряло олово. Она развернулась, бросилась в ближайшую дверь — и была вознаграждена зрелищем широкой арки в противоположном конце комнаты. По полу стелился туман, снаружи по камням колотил дождь...

«Наверное, отсюда вошли солдаты», — подумала Вин.

Она поддерживала горение пьютера, изумляясь, что тело продолжает двигаться, и, спотыкаясь на ходу, выбежала под дождь, инстинктивно прижимая к груди книгу в кожаном переплете.

— Надеешься удрать? — послышался за спиной почти веселый голос инквизитора.

Вин, плохо понимая, что делает, направила мысль вверх, в небо, — и подтянула себя к одному из многочисленных шпилей дворца. Взмывая в темноту, она слышала, как выругался инквизитор.

Тысяча шпилей выросла вокруг нее. Она оттолкнулась от одного из них, подтянулась к другому... Дождь теперь шел сильно, ночь стала абсолютно черной. Туман, прежде слабо отражавший свет, исчез, звезды скрылись за тучами. Вин не видела, куда летит, она просто использовала алломантию и надеялась, что между шпильями — пустое пространство.

Потом она ударилась о какой-то шпиль, ухватилась за него руками и замерла.

«Мне бы рану перевязать», — неуверенно подумала она.

Ее начала одолевать слабость, голова кружилась, несмотря на горение пьютера и олова.

Что-то ударилось о шпиль над ней, и Вин услышала негромкое рычание. Она мгновенно оттолкнулась, не успев ни в чем толком разобраться, и услышала совсем рядом свист рассекаемого воздуха.

У нее был всего один шанс. На середине прыжка Вин резко метнулась в сторону, к другому шпилью, и в то же время с силой толкнула книгу в том направлении, куда прежде летела сама. Небольшое количество металла в переплете книги имелось, и его хватило, чтобы спутать след. Книга умчалась вперед, железные уголки слабо блеснули в ночи. Больше ничего металлического у Вин не осталось.

Она ухватилась за следующий шпиль, стараясь производить как можно меньше шума, и настороженно замерла, поддерживая горение олова. Шум дождя стал оглушительным. Но сквозь него Вин слышала, как что-то ударилось об один из шпилей в той стороне, куда она отправила книгу.

Инквизитор попался на уловку. Вин вздохнула, повиснув на шпиле. Струи дождя текли по ней. Она проверила, хорошо ли горит медь, надежна ли защита. Потом чуть ослабила хватку и оторвала полосу от рубашки, чтобы перевязать рану. И несмотря на то что Вин плохо соображала, она заметила, насколько глубока рана.

«Ох, Вседержитель!..» — подумала она.

Если бы не пьютер, она давным-давно потеряла бы сознание. Она бы уже умерла, наверное.

Из темноты донесся какой-то звук. Вин похолодела, глянув вверх, но все вокруг было одинаково черным...

«Этого не может быть. Просто не может...»

Что-то ударилось о ее шпиль. Вин вскрикнула, бросаясь в сторону. Она подтянула себя к другому шпилью, на мгновение ухватилась за него, но тут же снова оттолкнулась. Инквизитор гнался за ней, и похоже было, что он двигался след в след.

«Он нашел меня. Он не мог меня видеть, не мог слышать, ощущать... Но он все равно меня нашел!»

Вин ударилась об очередную тонкий шпиль и повисла на нем, обхватив его руками. Ее силы были на исходе.

«Я должна... сбежать... спрятаться...»

Руки у нее онемели, ум почти не работал. Пальцы соскользнули с холодного влажного металла, и Вин полетела вниз, в темноту.

Она падала вместе с дождевыми каплями.

Но пролетела она немного и вскоре упала на что-то твердое, это оказалась крыша одного из самых высоких флигелей. Ошеломленная ударом, Вин поднялась на колени и поползла в сторону, ища укрытие.

«Спрятаться... спрятаться... спрятаться...»

Она с трудом поползла до угла соседней башни и забилась в темноту, усевшись в глубокую лужу смешанной с пеплом воды и обхватив себя руками. Она была мокрой насквозь от дождя и крови.

И на мгновение ей показалось, что она, возможно, сбежала от преследователя.

Темная фигура протопала по крыше. Дождь немного утих, и Вин благодаря олову увидела голову, пронзенную двумя металлическими стержнями, и темный плащ...

Она была слишком слаба, чтобы двигаться, слишком слаба, чтобы предпринять хоть что-то, поэтому просто сидела и дрожала в луже... Инквизитор повернулся к ней.

— Такая мелкая, а такая вредная! — сказал он и шагнул вперед.

Но Вин почти не расслышала его слов.

Вокруг снова стало очень темно... нет, просто у нее в глазах потемнело. Глаза закрылись. И рана больше не тревожила. Вин даже думать не могла...

Послышался какой-то звук — как будто ломались и сыпались на крышу ветки дерева.

А потом Вин обхватили чьи-то руки. Теплые, не похожие на руки смерти. Она заставила себя открыть глаза.

— Кельсер?..

Но на нее с тревогой и сочувствием смотрел вовсе не Кельсер. Это было другое лицо, куда более доброе. Вин облегченно вздохнула и потеряла сознание в тот момент, когда сильные руки подняли ее, дав странное ощущение защиты и покоя, хотя вокруг по-прежнему царилась ночь и лил дождь.

15

Я не знаю, почему Кваан предал меня. Это до сих пор не дает мне покоя. Ведь именно он нашел меня, он был тем самым террисийским мудрецом, который первым назвал меня Героем Веков. Какая насмешка судьбы, что именно он, после того как долго убеждал остальных в собственной правоте, выступил против моего правления...

— Ты взял ее с собой? — резко спросил Доксон, врываясь в кухню. — Ты взял Вин в Кредикскую Роцу? Ты что, окончательно спятил?!

— Да, — огрызнулся Кельсер. — Вы все абсолютно правы. Я сумасшедший. Идиот. Похоже, мне следовало сдохнуть в Ямах и вообще не возвращаться!

Доксон умолк, ошеломленный этим взрывом. Кельсер бешено ударил кулаком по столу, и дерево раскололось. Кельсер все еще поддерживал горение пьютера, чтобы справиться с несколькими ранами. Его плащ рожденного туманом был изодран в клочья, на теле осталось около полдюжины мелких порезов. Вся правая сторона туловища страшно болела. И Кельсеру еще повезло, что на этот раз он не сломал ни единого ребра.

Кельсер вызвал вспышку пьютера. Внутренний огонь помог ему сосредоточиться на своем гневе и на отвращении к себе. Один из подмастерьев Колченога быстро и умело накладывал повязку на самую глубокую рану. Сам Колченог сидел рядом с Хэмом у стены в кухне. Бриза не было, он отправился в пригород.

— Кельсер, во имя Вседержителя... — тихо произнес Доксон.

«Даже Доксон, — подумал Кельсер, — даже старейший из друзей клянется именем Вседержителя! Что мы делаем? На что мы вообще рассчитываем?»

— Нас ждали три инквизитора, Докс, — сказал он.

Доксон побледнел:

— И ты оставил ее там?

— Она сбежала раньше меня. Я пытался отвлечь инквизиторов, как мог, но...

— Но?

— Но один из них погнался за Вин. Я ничего не сумел сделать... возможно, двое других просто удерживали меня, чтобы их товарищ мог найти ее.

— Три инквизитора, — негромко произнес Доксон, принимая из рук подмастерья стаканчик бренди и одним глотком осушая его.

— Должно быть, мы слишком на шумели, когда прорывались внутрь, — сказал Кельсер. — Причина или в этом, или в чем-то другом. И мы по-прежнему не знаем, что спрятано в той комнате!

В кухне стало тихо. Снаружи усилился дождь, неустанно колотя по крыше и по окнам дома.

— Ну и что теперь с Вин? — спросил Хэм.

Кельсер посмотрел на Доксона и увидел во взгляде друга безнадежность. Кельсер и сам-то едва ушел, а ведь он тренировался не один год. И если Вин до сих пор в Кредикской Роще...

В груди Кельсера вспыхнула острая, пронзительная боль.

«Ты и ей позволил умереть. Сначала Мэйр, потом Вин... Скольких еще ты приведешь к смерти, прежде чем все закончится?»

— Может быть, она прячется в городе, — предположил Кельсер. — Боится вернуться, потому что ее ищут инквизиторы. Или по каким-то причинам отправилась в Феллис.

«А может быть, она где-то на улице, умирает под дождем...»

— Хэм, — решительно заявил Кельсер, — мы с тобой двинем во дворец. Докс, возьми Лестиборнеса и обойди воровские шайки. Может, кто-то что-то видел. Колченог, отправь человека в особняк Рену, надо проверить, не

там ли она.

Все встали, и Кельсеру незачем было вслух произносить то, что каждый и так понимал. Они с Хэмом не смогут приблизиться к Кредикской Роще, не столкнувшись с патрулем. И даже если Вин пряталась в городе, инквизиторы, скорее всего, найдут ее первыми. Они...

Кельсер вдруг замер, и все тоже остановились, глядя на него. Он что-то услышал.

Наверху прозвучали быстрые шаги, и по лестнице скатился дежуривший на крыше Лестиборнес. Он ворвался в кухню, насквозь мокрый.

— Кто-то идет! Прямо сюда, к нам!

— Вин? — с надеждой спросил Хэм.

Лестиборнес покачал головой:

— Нет, крупный человек. В плаще.

«Началось... Я погубил всю команду... я привел сюда инквизитора».

Хэм встал и взял деревянную дубинку. Доксон вытащил из-за пояса пару кинжалов, а шесть помощников Колченога отошли в глубину кухни, и их глаза расширились от страха.

Кельсер разжег металлы.

Задняя дверь кухни резко распахнулась. Высокий человек в темном мокром плаще стоял под дождем. На руках он держал кого-то маленького.

— Сэйзед! — воскликнул Кельсер.

— Она тяжело ранена, — сообщил Сэйзед, быстро проходя в кухню.

Его нарядная одежда насквозь промокла.

— Мастер Хэммонд, нужно немного пьютера, и поскорее. Ее запасы кончились, похоже.

Сэйзед опустил Вин на кухонный стол. Девушка была невероятно бледной и мокрой.

«Какая же она маленькая! — подумал Кельсер. — Почти ребенок. И как только мне в голову пришло взять ее с собой?»

На боку Вин виднелась глубокая рана. Сэйзед отодвинул что-то в сторону — это оказалась большая книга, которую он принес вместе с Вин, — и, приняв из рук Хэммонда флакон с металлами, наклонился над Вин и осторожно влил жидкость в рот лежавшей без сознания девушки. Все затихли в ожидании, и только шум непрерывного дождя врвался в открытую дверь.

Лицо Вин порозовело, дыхание стало ровнее. Алломантический бронзовый слух Кельсера уловил исходящую от нее пульсацию — как будто в груди у девушки вдруг забилося второе сердце.

— Хорошо, — сказал Сэйзед, разматывая неумело наложенную повязку. — Я боялся, что ее тело не настолько привыкло к алломантии, чтобы бессознательно поддерживать горение металлов. А теперь, полагаю, у нее есть надежда. Мастер Колченог, я осмелюсь попросить горшок горячей воды, бинты и сумку с лекарствами из моей комнаты. Да побыстрее!

Колченог кивнул и жестом приказал подмастерьям исполнить просьбу. Кельсер внутренне сжался, наблюдая за действиями Сэйзеда. Рана выглядела ужасно — куда хуже тех, что приходилось залечивать ему самому. Глубокая, с рваными краями, из тех, что убивают медленно, но верно.

Однако Вин не была обычным человеком: пьютер позволял алломантам оставаться в живых гораздо дольше прочих. К тому же и Сэйзед не был рядовым целителем. Хранители помнили не только религиозные учения, их метапамять содержала обширные знания о различных культурах, философских учениях и естественных науках.

Колченог выставил из комнаты своих помощников, и началась операция. Она заняла пугающе много времени. Хэм придерживал края раны, а Сэйзед медленно зашивал внутренности Вин. Наконец он свел вместе лоскуты кожи и наложил чистую повязку, а потом попросил Хэма как можно осторожнее перенести девушку на постель.

Кельсер стоял на месте, глядя, как Хэм поднимает и уносит из кухни безвольное тело Вин. Потом он повернулся к Сэйзеду и вопросительно посмотрел на него. Кроме них, в комнате находился только Доксон, тихо сидевший в углу.

Сэйзед мрачно покачал головой:

— Я не знаю, мастер Кельсер. Она может выжить, вот и все, что я скажу. Мы должны постоянно снабжать ее пьютером — он обладает хорошим кроветворным действием. И тем не менее... Я видел взрослых мужчин, умиравших и от менее страшных ран.

Кельсер молча кивнул.

— Думаю, я появился слишком поздно, — продолжал Сэйзед. — Когда я нашел ее, как можно скорее помчался в Лютадель. Я истратил целую метапамять, чтобы бежать со всех ног. И все-таки опоздал...

— Нет, друг мой, — сказал Кельсер. — Ты отлично поработал в эту ночь. Куда лучше, чем я.

Сэйзед вздохнул и потянулся к большой книге, которую отложил в сторону перед началом операции. Переплетенный в кожу том был мокрым от дождя и крови. Кельсер посмотрел на книгу и нахмурился:

— Что это?

— Не знаю, — ответил Сэйзед. — Я нашел ее во дворце, пока искал девочку. Книга написана на хленни.

Хленни, язык Хленниума... древней родины Вседержителя, где он жил до того, как Вознесся. Кельсер смерил Сэйзед оценивающим взглядом.

— Ты можешь ее перевести?

— Думаю, да, — сказал Сэйзед, и в голосе его послышалась усталость. — Но... не сейчас. После такой ночи мне необходимо отдохнуть.

Кельсер кивнул и позвал одного из подмастерьев, велел ему приготовить постель для Сэйзед. Террисиец благодарно кивнул и медленно пошел

вверх по лестнице.

— Он сегодня спас не только Вин, — сказал Доксон, бесшумно подходя к Кельсеру. — То, что ты натворил, даже для тебя — непростительная глупость.

— Я должен был узнать, Докс, — возразил Кельсер. — Я должен был вернуться. Что, если атиум на самом деле хранится там?

— Ты же говорил, что его там нет.

— Я говорил, — согласился Кельсер, — я был почти уверен в этом. Но что, если я ошибался?

— Это тебя не оправдывает, — проворчал Доксон. — Теперь Вин при смерти, а Вседержитель настороже. Тебе недостаточно, что Мэйр погибла, когда вы пытались прорваться в ту самую комнату?

Кельсер долго молчал. Он слишком вымотался, чтобы препираться. Поэтому он просто вздохнул, садясь на ближайший стул.

— Не все так просто, Докс, — сказал он.

Доксон нахмурился, внимательно глядя на него.

— Я не хотел при других говорить о Вседержителе, — продолжал Кельсер. — Но... я обеспокоен. Наш план хорош, но меня не оставляет ужасное чувство, что нам никогда не добиться успеха, пока Вседержитель жив. Мы можем украсть его деньги, разбить его армию, хитростью выманить его самого из столицы... но мне кажется, что мы все равно не сумеем остановить его.

Доксон задумался.

— Так ты серьезно насчет одиннадцатого металла?

Кельсер кивнул:

— Я два года искал способ убить его. Но ведь и другие пытались, и чего они только не перепробовали! Он как будто не замечает ран. Когда ему

отрубили голову, он лишь сильнее взбесился. Однажды несколько солдат сожгли его в гостинице во время одной из первых войн. Но Вседержитель вышел оттуда — то есть вышел скелет, но уже через несколько секунд восстановился. И только рассказы об одиннадцатом металле дают нам надежду. Но я не знаю, как он работает! И именно поэтому я должен был вернуться во дворец. Вседержитель что-то прячет в той комнате, я чувствую! И уверен: если мы узнаем что, то сможем наконец остановить его.

— Ты не должен был брать с собой Вин.

— Она меня выследила, — объяснил Кельсер. — И я побоялся, что, если оставлю ее одну, она попытается забраться туда самостоятельно. У девочки бедовый характер, Докс. Она его скрывает, но, если ей что-то взбредет в голову, ее не остановить.

Доксон вздохнул и осторожно кивнул:

— Да... но мы так и не узнали, что скрыто в той комнате.

Кельсер посмотрел на книгу. Переплет намок, но книга явно была подготовлена к любым испытаниям. Ее стягивали ремни, а сам переплет был из очень хорошей, надежной кожи, так что вода не могла проникнуть внутрь.

— Да, — сказал Кельсер, — не знаем.

«Но мы все-таки раздобыли эту штуку, чем бы она ни была».

— Оно того стоило, Кел? — спросил Доксон. — Этот безумный трюк стоил того, чтобы рисковать своей жизнью и жизнью этого ребенка?

— Не знаю, — честно ответил Кельсер и, повернувшись к Доксону, посмотрел ему прямо в глаза. — Спроси меня еще раз, когда будет известно, выживет Вин или нет.

Часть третья

Дети Кровоточащего Солнца

16

Многие думают, что наш путь начался в Хленниуме, великом и удивительном городе. Они забывают, что я не был королем, когда узнал о своем предназначении. Я и помыслить не мог о таком.

Думаю, людям не мешало бы вспомнить, что все началось не с императоров, жрецов, пророков или военачальников. Началось не в Хленниуме и не в Корделе, пришло не от великих народов Востока и не из своенравной империи Запада.

Все началось в маленьком невзрачном городке, название которого ничего вам не скажет. Все началось с юного сына кузнеца, не примечательного ничем... кроме умения притягивать неприятности.

Все началось с меня.

Когда Вин проснулась, у нее болело все тело... Значит, Рин опять ее поколотил. Что же она натворила? Может, была слишком приветлива с кем-то из воровской шайки? Или ляпнула какую-то глупость, разгневав главаря? Ей следовало держаться тихо, тихо и незаметно, подальше от остальных, и не привлекать к себе внимания. Иначе Рин побьет ее. Она должна учиться, говорил он. Она должна учиться...

Но боль была сильнее, чем от обычных побоев. Вин и вспомнить не могла, когда ей в последний раз приходилось так скверно.

Она осторожно кашлянула, открывая глаза. Она лежала на очень удобной кровати, а в кресле неподалеку сидел долговязый подросток.

«Лестиборнес, — вспомнила Вин. — Его зовут Лестиборнес. Я в лавке Колченога».

Лестиборнес вскочил:

— Ты очнулась!

Вин попыталась заговорить, но только закашлялась, и юноша поспешно

подал ей воды. Вин сделала несколько глотков, скривившись от боли в животе. Вообще-то, она чувствовала себя так, словно ее молотили дубинками по всему телу.

— Лестиборнес, — прохрипела она наконец.

— Теперича не совсем, — возразил подросток. — Кельсер велел звать меня по-другому, я нынче Призрак.

— Призрак? — переспросила Вин. — Да, тебе подходит. Я долго спала?

— Две недели, — с готовностью ответил юноша. — Погоди-ка.

Он неуклюже выбежал из комнаты, и Вин услышала, как он зовет кого-то.

«Две недели?»

Она отпила из чашки, пытаясь привести в порядок воспоминания. В комнату просачивались лучи красноватого полуденного солнца. Вин поставила чашку на столик и провела руками по телу. Она сразу обнаружила широкую повязку.

«Ну да, меня пырнул инквизитор, — вспомнила она. — Я должна была умереть».

Вин оглядела себя. Та сторона тела, которой она ударилась о крышу при падении, представляла собой сплошной синяк, уже слегка выцветший. Кроме него, нашлись еще десятки ушибов и кровоподтеков. Вин чувствовала себя ужасно.

— Вин! — воскликнул Доксон, входя в спальню. — Ты пришла в себя!

— Я бы так не сказала, — со стоном ответила Вин, натягивая одеяло и откидываясь на подушку.

Доксон хмыкнул, подошел ближе и сел на стул Лестиборнеса.

— Что ты помнишь?

— Почти все, — сказала Вин. — Мы прорвались во дворец, но там

оказались инквизиторы. Они напали на нас, и Кельсер сражался... — Вин умолкла и посмотрела на Доксона. — А Кельсер... он?..

— В порядке, — ответил Доксон. — Отделался куда легче, чем ты. Он хорошо знает дворец, мы ведь три года назад составили подробный план, и он...

Вин нахмурилась, когда Доксон вдруг умолк.

— Что?

— Знаешь, он сказал, что инквизиторы, похоже, не очень-то стремились убить его. С ним сцепился только один, а двое погнались за тобой.

«Почему? — недоуменно подумала Вин. — Может, они решили сперва уничтожить более слабого противника? Или есть другая причина?»

Она сосредоточилась, вспоминая события той ночи.

— Сэйзед, — сказала она наконец. — Он спас меня. Инквизитор почти добил меня, но... Доксон, кто он такой?

— Сэйзед? Ну, на этот вопрос, наверное, он лучше ответит сам.

— А он здесь?

Доксон покачал головой:

— Нет, ему пришлось вернуться в Феллис. Бриз и Кел набирают солдат, а Хэм уехал на прошлой неделе проверить, как дела в нашей армии. Он вернется через месяц, не раньше.

Вин кивнула. Ей захотелось спать.

— Допей воду, — предложил Доксон. — В ней есть кое-что, что снимет боль.

Вин допила до дна и снова провалилась в сон.

*

Когда она проснулась, рядом был Кельсер. Он сидел на стуле возле кровати, обхватив руками колени, и смотрел на нее в слабом свете лампы. Вин открыла глаза, и Кельсер улыбнулся:

— С возвращением!

Вин тут же потянулась к чашке.

— Как наши дела?

Кельсер пожал плечами:

— Армия растет, Рену начал закупать оружие и припасы. Твое предложение относительно братства оказалось удачным... мы нашли Ферона и почти договорились, как протащить в братство своего человека.

— Марш? — спросила Вин. — Он сам пойдет на это?

— Он всегда видел в братстве нечто притягательное, — ответил Кельсер. — И если скаа вообще может сыграть поручителя, то лучше Марша никто не справится.

Вин задумчиво кивнула, делая еще глоток. Кельсер изменился. Перемены были едва заметными... в манере говорить, в жестах... Они произошли за время ее болезни.

— Вин, — неуверенно заговорил Кельсер, — я должен извиниться. Я едва не убил тебя.

Вин тихонько фыркнула.

— Ты тут ни при чем. Я сама вынудила тебя взять меня с собой.

— Но я-то не должен был соглашаться, — возразил Кельсер. — Я ведь сначала хотел прогнать тебя — так и следовало поступить. Так что прими, пожалуйста, мои извинения.

Вин чуть заметно пожала плечами.

— А что я буду делать теперь? — спросила она. — Игра ведь

продолжается?

Кельсер улыбнулся:

— Само собой. Как только встанешь на ноги, вернешься в Феллис. Мы уже распустили слух, что леди Валетт заболела, но не может же она болеть так долго. И чем скорее ты покажешься перед гостями, тем лучше.

— Если надо, я поеду завтра! — воскликнула Вин.

Кельсер усмехнулся:

— Сомневаюсь, что это хорошая идея. Отдыхай пока.

Он встал, собираясь уйти.

— Кельсер? — окликнула Вин, заставив его остановиться и оглянуться.

Вин не сразу сумела сформулировать то, что хотела сказать.

— Во дворце... инквизиторы... Мы не так уж неуязвимы.

Она покраснела: собственные слова показались ей глупыми. Но Кельсер рассеянно улыбался. Похоже, он понял, что Вин имела в виду.

— Да, Вин. Мы вовсе не неуязвимы, — тихо ответил он.

*

Вин изучала окружающий пейзаж из окна кареты. В экипаже, присланном из особняка Рену, леди Валетт как бы отправилась на прогулку в Лютадель. На самом деле Вин села в экипаж, когда тот ненадолго остановился возле лавки Колченога. Но теперь занавески на окнах кареты были раздвинуты, и весь мир мог видеть леди Валетт — если, конечно, хоть кому-то было до нее дело.

Карета ехала в Феллис. Кельсер оказался прав — Вин пришлось еще три дня провести в лавке Колченога, прежде чем она почувствовала себя готовой к путешествию. Отчасти Вин не спешила еще и потому, что с ужасом думала, как будет втискиваться в платье со всеми этими синяками,

ушибами и раной в боку.

Однако она чувствовала себя достаточно здоровой, чтобы вернуться к делу. Ей не нравилось валяться в постели, в этом было что-то неправильное. Такого долгого отдыха ворам не полагалось: воры или быстро возвращаются к работе, или умирают. Тем, кто не может добыть средства к существованию, нет места в воровском мире.

«Оказывается, некоторые люди живут по-другому», — думала Вин.

И это открытие все еще вызывало в ней странное чувство неловкости. Для Кельсера и остальных не имело значения, что Вин зря ест их хлеб; они никак не воспользовались ее слабостью, наоборот, всячески заботились о ней, постоянно дежурили возле ее постели. Самым бдительным и неутомимым оказался молодой Лестиборнес. Вин, конечно, не помнила этого, но Кельсер сказал, что юноша часами не отходил от нее, пока она лежала без сознания.

Как понять мир, в котором главарь шайки переживает за своих людей? На дне каждый сам отвечает за себя, и слабых просто оставляли умирать, если они мешали другим зарабатывать на жизнь. Если же кто-то попадался в лапы братства, его предоставляли собственной судьбе и только надеялись, что он никого не выдаст. А тот, кто подвергал поделщиков опасности, мог винить в последствиях только себя.

«Они просто дураки, — прозвучал у нее в голове тихий голос Рина. — Весь их план приведет к катастрофе... и ты сама будешь виновата в том, что погибнешь, если не сбежишь при первой же возможности».

Сам Рин сбежал, как только ему это удалось. Может, он подозревал, что инквизиторы рано или поздно начнут охотиться за Вин из-за той силы, что ей досталась? Он всегда знал, когда уходить, и, конечно, не случайно и то, что его уже не было в берлоге Камона, когда там началась резня.

И все равно Вин не обращала внимания на голос Рина. Вместо того чтобы бежать, она позволила карете везти ее в Феллис. Хотя она не сказала бы, что чувствует себя в полной безопасности в команде Кельсера. Скорее, наоборот, ее положение в их сообществе вызывало у нее все больше опасений. А что, если они перестанут нуждаться в ней? Что, если она не сможет быть им полезной?..

Она должна была доказать им свою пригодность, должна была внедриться в высшее общество и выполнить все, что от нее требовалось. Но ей следовало научиться еще очень и очень многому. Она не могла позволить себе и дальше просто валяться в постели.

К тому же Вин нужно было продолжать уроки алломантии. Ведь всего за несколько месяцев она стала такой сильной... ей хотелось снова ощутить свободу и легко мчаться сквозь туман, отталкиваясь и притягиваясь, устремляясь в небо. Кредикская Роща преподала ей важный урок: она не неуязвима. Однако то, что Кельсер отделался лишь царапинами, подтверждало, что ей еще многому предстоит научиться. Вин нужно было упражняться, наращивать силу до тех пор, пока она не убедится, что сумеет спастись от инквизиторов, как это сделал Кельсер.

Карета миновала поворот и въехала в Феллис. Знакомый деревенский пейзаж вызвал у Вин улыбку, и она придвинулась к окну, чтобы ощутить ветерок. Если повезет, кто-нибудь из прохожих заметит ее, и пойдут разговоры, что леди Валетт каталась по городу. Вскоре они подъехали к особняку Рену. Лакей распахнул дверцу кареты, и Вин с удивлением обнаружила, что руку ей подает сам лорд Рену.

— Милорд? — удивленно сказала Вин, выходя из экипажа. — У вас наверняка есть дела поважнее.

— Ерунда, — ответил Рену. — Любой лорд может найти время на то, чтобы встретить любимую племянницу. Как прокатилась?

«Он хоть на минуту забывает о своей роли?»

Он не задал ни единого вопроса о Лютадели, не показал, что знает о ране Вин...

— Приятная прогулка, дядя. Освежающая, — проговорила она, когда они с Рену поднимались по широким ступеням особняка.

В желудке Вин медленно горел пьютер, и она радовалась этому ощущению — без спасительного металла у нее бы подгибались ноги. Кельсер предостерегал ее, что пьютер следует использовать аккуратно, чтобы не впасть в зависимость от него, но Вин просто не видела иной возможности поправиться достаточно быстро.

— Вот и чудесно, — сказал Рену. — Может, раз ты чувствуешь себя лучше, пообедаем сегодня вместе в саду? Днем будет тепло, хотя зима уже близко.

— Это было бы замечательно, — кивнула Вин.

Еще недавно ее пугало, что подменьш всегда ведет себя как настоящий аристократ. Но как только она сама вернулась к роли леди Валетт, ее охватило спокойствие. Воровка Вин, конечно же, не могла иметь ничего общего с людьми вроде лорда Рену, но для леди Валетт в этом не было ничего особенного.

— Хорошо, — сказал Рену, останавливаясь за порогом. — И все-таки давай выберем для этого другой день... сейчас тебе следует отдохнуть.

— Мой лорд, я бы хотела повидаться с Сэйзедом. Мне нужно кое-что обсудить с ним.

— Да, конечно, — согласился Рену. — Он в библиотеке, работает над одним из моих проектов.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Вин.

Рену кивнул и пошел прочь, постукивая дуэльной тростью по белому мраморному полу. Вин нахмурилась, пытаясь понять, не свихнулась ли она. Неужели кто-то способен так глубоко погрузиться в роль?

«Но ты ведь и сама это делаешь, — напомнила себе Вин. — Когда ты становишься леди Валетт, то проявляешь совершенно другую сторону своей натуры».

Она раздула тлеющий пьютер, чтобы подняться по северной лестнице, но, когда добралась до верха, снова пригасила его. Кельсер не зря говорил, что опасно поддерживать сильное горение пьютера слишком долго: алломанту нетрудно было приобрести от него зависимость.

Вин сделала несколько глубоких вдохов — подняться по лестнице оказалось нелегко даже с помощью пьютера — и пошла по коридору к библиотеке. Сэйзед сидел за письменным столом в дальнем углу комнаты, рядом с ним стояла маленькая угольная печка. Сэйзед что-то писал в блокноте. Он был одет в привычную униформу дворецкого, а на носу у

него красовались очки в тонкой оправе.

Вин остановилась в дверях, изучая взглядом человека, спасшего ей жизнь.

«Чего это вдруг он в очках? Я же видела раньше, как он читал без них».

Он выглядел полностью погруженным в работу — то и дело обращался к большой книге, лежавшей на столе, а потом делал записи в блокноте.

— Ты алломант, — тихо сказала она.

Сэйзед на мгновение замер, потом положил перо и повернулся.

— Почему вы так решили, госпожа Вин?

— Ты очень быстро добрался до Лютадели.

— Лорд Рену постоянно держит в конюшне свежих лошадей. Я мог взять одну из них.

— Ты нашел меня во дворце, — напомнила Вин.

— Кельсер рассказывал мне о своих планах, и я справедливо предположил, что вы последовали за ним. То, что я вас разыскал, — простая удача, и, смею заметить, я почти опоздал.

Вин нахмурилась:

— Но ты убил инквизитора!

— Убил? — удивился Сэйзед. — Нет, госпожа. Чтобы убить подобного монстра, нужно обладать куда большей силой, чем моя. Я просто... отвлек его.

Вин еще какое-то время постояла в дверях, пытаясь понять, почему Сэйзед так уклончиво отвечает.

— Так ты алломант или нет?

Хранитель улыбнулся и вытащил из-под стола табурет:

— Прошу вас, присаживайтесь.

Вин прошла через комнату и уселась, упираясь спиной в стеллаж с книгами.

— Что вы подумаете, если я скажу, что я не алломант? — спросил Сэйзед.

— Подумаю, что ты врешь, — честно ответила Вин.

— А прежде я когда-нибудь лгал?

— Лучшие лжецы — как раз те, кто почти все время говорят правду.

Сэйзед улыбнулся, сквозь очки рассматривая Вин.

— Это верное наблюдение, мне кажется. И все же — какие у вас есть доказательства того, что я алломант?

— Ты делаешь то, что просто невозможно без алломантии.

— Вот как? Вы стали рожденной туманом всего пару месяцев назад и уже знаете, что возможно, а что невозможно в этом мире?

Вин немного помолчала, размышляя. Да, еще совсем недавно она ничего не смыслила в алломантии... Может, ей действительно многое предстоит узнать о мире?

«Всегда есть другие секреты».

Так говорил Кельсер.

— Хорошо, — медленно проговорила она, — кем же тогда является «хранитель»?

— Вот это уже хороший вопрос, госпожа. Хранитель — это... нечто вроде склада на всякий случай. Мы помним разные вещи, которые можно использовать в будущем.

— Например, чужие религии, — сказала Вин.

Сэйзед кивнул:

— Религии — моя специальность.

— Но ты помнишь и многое другое?

Сэйзед снова кивнул:

— Например?

— Ну, — произнес Сэйзед, закрывая книгу, которую читал, — например, разные языки.

И тут Вин узнала тисненый кожаный переплет.

— Эй, это же та книга, которую я нашла во дворце! Как она попала к тебе?

— Я наткнулся на нее, пока искал вас, — пояснил террисиец. — Она написана на древнем языке, на котором никто не говорит уже целое тысячелетие.

— Но ты его знаешь? — тут же спросила Вин.

Сэйзед кивнул:

— В достаточной мере, чтобы перевести написанное.

— И... сколько вообще языков ты знаешь?

— Сто семьдесят два, — ответил Сэйзед. — На большинстве, вроде языка хленни, уже никто не говорит. Об этом позаботился Вседержитель еще в пятом веке. Тот язык, на котором теперь общаются люди, на самом деле один из диалектов Терриса, моей родины.

«Сто семьдесят два?» — изумленно подумала Вин.

— Послушай, но это... невозможно! Один человек не в состоянии помнить столько!

— Не один человек, — уточнил Сэйзед, — а один хранитель. То, что я делаю, напоминает алломантию, но это не одно и то же. Вы черпаете из металлов силу. А я использую их, чтобы хранить воспоминания.

— Но как? — спросила Вин.

Сэйзед покачал головой:

— Может, в другой раз, госпожа. Я... мы предпочитаем не выдавать свои тайны. Вседержитель преследует нас с особой страстностью. Даже странно. Мы вовсе не так опасны, как рожденные туманом, однако он не обращает внимания на алломантов и методично уничтожает хранителей. Он и террисийцев ненавидит из-за нас.

— Ненавидит? — переспросила Вин. — Да с террисийцами обращаются куда лучше, чем с обычными скаа! К вам относятся с уважением!

— Это верно, госпожа, — согласился Сэйзед. — Но скаа в определенном смысле свободнее. Большинству террисийцев с рождения предназначено стать дворецкими. Нас осталось очень мало, и Вседержитель тщательно следит за рождаемостью в Террисе. Ни одному террисийскому дворецкому не разрешается иметь семью и вообще производить на свет детей.

Вин фыркнула.

— Ну, за этим трудновато уследить!

Сэйзед некоторое время молчал, положив руки на кожаный переплет книги.

— Почему же, совсем нетрудно, — сказал он наконец, слегка нахмурившись. — Все террисийские дворецкие — евнухи, дитя мое. Я полагал, вам это известно.

Вин застыла от ужаса, потом отчаянно покраснела.

— Я... нет, я... ох, прости меня...

— Тебе совершенно не за что извиняться. Меня оскотили вскоре после рождения, как и положено, чтобы ребенок стал дворецким. И я частенько думаю, что мне куда проще жилось бы обычным скаа. Мой народ — не просто рабы. Нас превращают в послушных кукол, обученных только одному — следовать желаниям Вседержителя.

Вин все еще заливалась краской, мысленно кляня себя за бестактность.

Почему никто не предупредил ее? Но Сэйзед как будто совсем не обиделся... Впрочем, он никогда не сердился.

«Может, все дело в его... природе? — подумала Вин. — Этого и добивался Вседержитель. Дворецкий должен быть покорным и спокойным».

— Но ты, — сказала она наконец, — ты ведь мятежник. Ты борешься с Вседержителем.

— Я в некотором смысле исключение из правил, — пояснил Сэйзед. — К тому же мне кажется, мой народ совсем не так забит и поработан, как хочется думать Вседержителю. Мы прячем хранителей прямо у него под носом, а у некоторых достает храбрости и жить вопреки воспитанию. — Он немного помолчал, качая головой. — Но это совсем не легко. Мы слабые люди, госпожа. Предпочитаем делать то, что велют, потому что так спокойнее. Даже я, которого вы считаете бунтовщиком, постарался поскорее найти себе должность дворецкого, а значит, подчиненного. Думаю, мы совсем не так храбры, как хотелось бы.

— Ты оказался достаточно храбр, чтобы спасти меня, — пробормотала Вин.

Сэйзед улыбнулся:

— Но ведь это часть моих обязанностей. Я обещал мастеру Кельсеру, что позабочусь о вашей безопасности.

Вин посмотрела на него с сомнением. Ей очень хотелось понять, зачем он ее спас. В конце концов, кто стал бы рисковать жизнью ради какой-то Вин? Она углубилась в размышления, а Сэйзед вернулся к книге. Наконец Вин снова заговорила, заставив его отвлечься.

— Сэйзед?

— Да, госпожа?

— Кто предал Кельсера три года назад?

Сэйзед помолчал и отложил перо.

— Точно неизвестно, госпожа. Большинство друзей Кельсера полагает, что это Мэйр.

— Мэйр? Его жена?

Сэйзед кивнул:

— Видишь ли, она была единственной, кто мог это сделать. К тому же ей заморочил голову сам Вседержитель.

— Но разве ее не отправили в Ямы Хатсина?

— Она погибла там, — ответил Сэйзед. — Мастер Кельсер ничего не рассказывает о Ямах, но я чувствую, что шрамы на его душе, оставленные этим ужасным местом, гораздо глубже и страшнее шрамов на руках. И мне кажется, он так и не узнал, предала она его или нет.

— Мой брат говорил, что любой готов предать, если подвернется шанс и будет причина.

Сэйзед нахмурился:

— Даже если это правда, мне не хочется в нее верить.

«А лучше поверить, чем повторить судьбу Кельсера, которого выдала Вседержителю та, кого он любил».

— Кельсер изменился за последнее время, — сказала Вин. — Стал более скрытным. Может, он чувствует себя виноватым из-за того, что случилось со мной?

— Думаю, это лишь одна из причин. Он, похоже, начинает понимать, что одно дело — руководить небольшой шайкой воров и совсем другое — готовить большое восстание. Он не может рисковать так, как прежде. И поэтому, это меняет его к лучшему.

Вин не была бы так уверена, но она промолчала, вдруг осознав, насколько вымоталась. Даже сидеть на табурете стало ужасно тяжело...

— Вам бы поспать, госпожа, — предложил Сэйзед, снова берясь за книгу.

— Вы пережили смертельно опасное испытание. Поблагодарите свое тело
— оно заслужило отдых.

Вин утомленно кивнула, с трудом встала и ушла, оставив Сэйзеда за письменным столом.

Иногда я пытаюсь представить, что случилось бы, если бы я остался там, в той сонной деревушке, где родился. Я бы сделался кузнецом, как мой отец. Возможно, завел бы семью и собственных сыновей.

И тогда, скорее всего, кто-то другой взвалил бы на себя мою чудовищную ношу. Кто-то, кто смог бы нести ее лучше, чем я. Кто-то, кто заслуживал бы звания героя.

До того как поселиться в особняке Рену, Вин никогда не видела ухоженных садов. В прошлой жизни, пробираясь с другими ворами в богатые дома, она замечала иной раз декоративные растения, но никогда не обращала на них особого внимания. Растения, как и прочие увлечения знати, казались ей пустой забавой.

И она даже не представляла, как прекрасны могут быть растения, если за ними ухаживать должным образом. Балкон в особняке Рену, узкий, полукруглый, нависал над садом, и с него открывался отличный вид. Сад сам по себе был не слишком велик — он ведь требовал огромного количества воды и внимания.

И все равно он был прекрасен. Растения здесь имели вовсе не тот скучный коричневый или белый цвет, они сияли глубокими, живыми красками — всеми оттенками красного, оранжевого и желтого, и листья как будто светились изнутри. Усилиями садовников вереницы растений складывались в изящные узоры. Ближе к балкону росли экзотические деревья с желтой листвой, которая давала тень и защищала от пеплопадов. Зима в этом году выдалась очень теплая, и с большинства деревьев листья не опали. Но конечно, воздух был прохладным, и в ветвях мягко шумел ветер.

Этот шум действовал успокаивающе. Во всяком случае настолько, что Вин забыла о недавнем раздражении.

— Хочешь еще чаю, дитя? — спросил лорд Рену, но ответа ждать не стал и просто махнул рукой слуге, чтобы тот наполнил чашку Вин.

Вин сидела на бархатной подушке в удобном плетеном кресле. В последние

четыре недели любое ее желание исполнялось мгновенно. Слуги прибирали ее вещи, одевали ее, кормили, даже помогали принимать ванну. Рену следил, чтобы Вин давали все, о чем она попросит, и, конечно, никто не позволил бы ей сделать что-то, что требовало бы усилий, представляло для нее опасность или просто было ни к чему.

Другими словами, ее жизнь стала безумно скучной. Прежде все ее время занимали уроки Сэйзеда и ночные тренировки с Кельсером. И днем она в основном спала, почти не общаясь с прислугой.

Но теперь алломантия — по крайней мере, та ее часть, что предполагала ночные прыжки, — стала для Вин запретной. Ее рана еще не зажила и начинала кровоточить, если Вин слишком много двигалась. Сэйзед, правда, время от времени давал ей уроки, но в основном был занят переводом книги. Он часами просиживал в библиотеке, взволнованно вчитываясь в текст.

«Он отыскивал новые знания, — думала Вин. — Для хранителя это, наверное, сродни наркотику».

Вин не спеша пила чай, стараясь подавить раздражение, а слуги не спускали с нее глаз. Они напоминали ей птиц-падальщиков, высматривающих добычу... только эти птички искали возможность угодить Вин. И доставить ей лишнее разочарование.

От Рену тоже не было проку. Для него обедать с Вин означало просто сидеть напротив и заниматься собственными делами — писать заметки или диктовать письма. Видимо, присутствие Вин имело для него определенный смысл, однако он почти не обращал на нее внимания, разве что спрашивал, как прошел день.

И все равно Вин заставляла себя играть роль знатной особы. Лорд Рену нанял несколько новых слуг, ничего не знавших об их плане. Это была не домашняя прислуга, а садовники и разнорабочие. Нанять их пришлось из-за того, что Кельсер и Рену беспокоились, что в других знатных Домах могут возникнуть подозрения, если никто не будет иметь своего шпиона в особняке Рену. Кельсер не видел в этих людях опасности, но их присутствие значило, что Вин должна каждую секунду изображать леди.

«Поверить не могу, что люди так живут, — подумала Вин, когда слуги

начали убирать со стола лишние тарелки. — Как знать умудряется вообще ничего не делать целыми днями? Нечего и удивляться, что они готовы ехать на любой бал!»

— Тебе нравится отдыхать, дитя? — спросил лорд Рену, взглянув на нее поверх какого-то грессбуха.

— Да, дядя, — сквозь зубы ответила Вин. — Вполне.

— Тебе надо будет в ближайшее время отправиться за покупками, — сказал лорд. — Может, тебе захочется прокатиться по Кентонской улице? Купить какие-нибудь хорошенькие сережки вместо этого твоего скучного гвоздика?

Вин оцупала ухо, в котором до сих пор красовалась сережка ее матери.

— Нет, — ответила она. — Мне нравится эта.

Рену нахмурился, но промолчал, потому что его внимание привлек подходивший слуга.

— Милорд, — сказал он, — только что прибыла карета из Лютадели.

Вин встрепенулась. Этой фразой доверенные слуги давали знать, что приехал кто-то из членов команды.

— О, это хорошо, — произнес Рену. — Проводи их наверх, Таунсон.

— Да, милорд.

Несколько минут спустя на балконе появились Кельсер, Бриз, Йеден и Доксон. Рену сразу же подал слугам знак, и те, закрыв стеклянную дверь балкона, оставили хозяина наедине с гостями. Несколько человек встали на страже по другую сторону двери, чтобы никто не мог случайно подслушать разговор.

— Мы помешали вам обедать? — спросил Доксон.

— Нет! — тут же воскликнула Вин, опередив лорда Рену. — Садитесь, пожалуйста.

Кельсер подошел к перилам балкона и посмотрел на сад:

— Хороший у вас тут вид.

— Кельсер, может, не стоит? — предупредил Рену. — За некоторых садовников я не ручаюсь.

Кельсер усмехнулся:

— Ну, если они узнают меня с такого расстояния, то заслуживают куда больше, чем получают от Великих Домов.

Однако он отошел вглубь балкона и, взяв стул, уселся на него верхом. За последние недели он сделался почти прежним легкомысленным Кельсером. И все же кое-что изменилось. Он стал чаще проводить встречи, более подробно обсуждал с командой свои планы. И еще начал выглядеть более задумчивым.

«Сэйзед был прав, — подумала Вин. — Я, конечно, чуть не погибла во дворце, но Кельсера это изменило в лучшую сторону».

— Мы подумали, что на этой неделе надо встретиться здесь, — сказал Доксон. — Чтобы и вы двое могли наконец-то поучаствовать.

— Весьма мудрое решение, мастер Доксон, — сказал лорд Рену. — Но можно было и не беспокоиться так. Мы отлично справляемся...

— Нет, — перебила его Вин. — Нет, это неправда. Кое-кому нужны свежие новости. Чем вообще сейчас занимаются наши люди? Как проходит вербовка?

Рену бросил на нее недовольный взгляд, но Вин не обратила на него внимания.

«Он не настоящий лорд, — напомнила она себе. — Он такой же член шайки, как и все. И сейчас, когда рядом нет слуг, я могу говорить что хочу».

Кельсер рассмеялся:

— Жизнь взаперти сделала ее более откровенной, как я погляжу.

— Мне здесь совершенно нечем заняться, — сердито сказала Вин. — Я от этого на стенки лезу.

Бриз поставил на стол бокал вина.

— Кое-кому твоё положение показалось бы завидным, Вин.

— Только сумасшедшему.

— Ну, мы ведь говорим о знатных людях, — заметил Кельсер. — А они все немного чокнутые.

— Наша работа, — напомнила Вин, — как она продвигается?

— Вербовка идет все так же медленно, — ответил Доксон. — Но мы исправим положение.

— Нам, наверное, следует пожертвовать мерами безопасности, Кельсер, — сказал Йеден. — Только так мы достигнем нужных чисел.

«И здесь перемены», — подумала Вин, с удивлением рассматривая Йедена.

Он прилично оделся. Пусть и не в костюме знатного господина, как Доксон и Бриз, но все же его куртка и штаны были хорошо сшиты, рубашка застегнута на все пуговицы, и пятен сажи на его одежде Вин не обнаружила.

— Не поможет, Йеден, — возразил Кельсер. — К счастью, Хэм отлично справляется с уже набранными солдатами. Я несколько дней назад получил от него сообщение. Он сам удивлен, как быстро они учатся.

Бриз фыркнул.

— Ты не очень-то радуйся. Хэммонд всегда чересчур оптимистичен по отношению к людям. Дай ему отряд немых и одноногих солдат — он будет хвалить их за чувство равновесия и умение слушать.

— Мне бы хотелось взглянуть на нашу армию! — пылко воскликнул

Йеден.

— Скоро взглянешь, — пообещал Кельсер.

— Нам необходимо пропихнуть Марша в братство в течение месяца, не позже, — сказал Доксон, кивая вышедшему на балкон Сэйзеду. — Надеюсь, Марш сумеет разузнать хоть что-нибудь о том, как справиться со Стальными инквизиторами.

Вин содрогнулась, вспомнив о твари с металлическими стержнями в глазах.

— Да, это проблема, — согласился Бриз. — Учитывая то, как ловко они управились с вами обоими, мне бы не хотелось штурмовать дворец, пока они там. Они так же опасны, как рожденные туманом.

— Опаснее, — тихо произнесла Вин.

— А сможем ли мы вообще одолеть их? — осторожно спросил Доксон. — Я хочу сказать, они ведь бессмертны.

— Марш выяснит, — уверенно заявил Кельсер.

Доксон немного подумал, потом кивнул, соглашаясь.

«Да, действительно многое изменилось», — отметила Вин.

Йеден, проводивший в обществе Кельсера так много времени, уже не мог противостоять его обаянию.

— А пока, — продолжил Кельсер, — я надеюсь услышать, что именно Сэйзед узнал о Вседержителе.

Сэйзед, выбрав для себя стул, уселся и положил книгу перед собой.

— Я расскажу, что смогу, хотя эта книга оказалась не тем, на что я рассчитывал. Я думал, госпожа Вин вынесла из дворца какой-то древний религиозный текст, а это вполне мирское сочинение.

— Мирское? — удивленно переспросил Доксон. — В смысле?

— Это дневник, мастер Доксон, — пояснил Сэйзед. — Записи, сделанные,

похоже, самым Вседержителем... точнее, человеком, который впоследствии стал Вседержителем. Ведь даже доктрина братства соглашается, что до Вознесения он был простым смертным. И в этом дневнике он рассказывает о своей жизни перед последней битвой у Источника Вознесения тысячу лет назад. В основном это рассказы о его путешествиях: о людях, с которыми он встречался, о местах, где он бывал, об испытаниях, через которые ему пришлось пройти.

— Интересно, — кивнул Бриз. — Но чем это поможет нам?

— Пока не знаю, мастер Ладриан, — сказал Сэйзед. — Однако мне кажется, что весьма полезно знать подлинную историю того, что происходило с ним до Вознесения. Это по меньшей мере дает нам возможность заглянуть в мысли Вседержителя.

Кельсер кивнул:

— Да, братство явно считает эту книгу очень ценной. Вин говорила, что нашла ее в святилище, на алтаре, в центральной части дворцового комплекса.

— И разумеется, — саркастично заметил Бриз, — у нас нет никаких сомнений в ее подлинности.

— Не думаю, что это подделка, мастер Ладриан, — возразил Сэйзед. — Там слишком много подробностей, в том числе и незначительных, вроде заметок о носильщиках и припасах. К тому же Вседержитель на страницах этого дневника предстает человеком достаточно противоречивым. Если бы братство вознамерилось сочинить священную книгу, оно бы придало своему богу больше... хм, божественности.

— Я бы хотел прочитать ее, когда ты закончишь перевод, — сказал Доксон.

— И я, — поддержал его Бриз.

— Некоторые подмастерья в лавке Колченога иногда подрабатывают писцами, — проговорил Кельсер. — Попросим их сделать копии для каждого из нас.

— Полезная там подобралась команда, — заметил Доксон.

— Да, — кивнул Кельсер. — Ладно, на чем мы остановились?

Все замолчали, и Доксон указал на Вин:

— На знати.

Кельсер нахмурился.

— Я могу вернуться к работе, — поспешно заявила Вин. — Я уже почти поправилась.

Кельсер посмотрел на Сэйзеда, и тот пожал плечами. Он регулярно осматривал рану Вин, и ему, похоже, не слишком нравилось то, что он видел.

— Кел, — заговорила Вин, — я тут с ума схожу! Я выросла среди воров, я привыкла постоянно добывать себе еду и сражаться за место для ночлега... я не могу просто сидеть и позволять слугам вытирать мне нос!

«А кроме того, я должна доказать, что могу быть полезной».

— Ладно, — сказал Кельсер. — В общем-то, мы приехали по нескольким причинам, но ты — одна из них. На этой неделе состоится бал...

— Я поеду! — быстро согласилась Вин.

Кельсер погрозил ей пальцем:

— Выслушай сначала, Вин! Тебе изрядно досталось, а это задание может быть опасным.

— Кельсер, — ровным тоном произнесла Вин, — я всю жизнь прожила в опасности. Я поеду.

Похоже, ее слова не убедили Кельсера.

— Она должна, Кел, — сказал Доксон. — Во-первых, в свете могут заподозрить неладное, если она не начнет опять посещать приемы. А во-вторых, нам необходима информация. Иметь доносчиков среди прислуги — это одно, а запустить шпиона в самую гущу врагов — совсем другое. Ты

сам знаешь.

— Ну хорошо, — сдался Кельсер. — Но ты должна обещать мне не использовать алломантию до тех пор, пока Сэйзед не разрешит.

*

Вечером Вин и сама уже не понимала, почему так рвалась на бал. Она стояла в своей комнате, рассматривая платья, которые принес Доксон. После того как она целый месяц проходила в одежде знатной леди, платья стали казаться ей лишь самую малость удобнее, чем прежде.

«До чего же они все-таки легкомысленные, — думала она, изучая четыре туалета, — все эти кружева, бесконечные складки, нижние юбки... Простая рубашка и штаны куда практичнее».

И все же в платьях было нечто особенное... что-то таилось в их красоте. Она зачаровывала, как сад снаружи. Когда Вин рассматривала их по отдельности, как одинокие растения, они производили не слишком сильное впечатление. Но когда она думала о том, как будет выглядеть на балу, платья приобретали новый смысл. Они были прекрасны и должны были сделать прекрасной ее саму. Они станут тем лицом, которое Вин предъявит высшему свету, и ей хотелось выбрать наиболее подходящее.

«Интересно, будет ли там лорд Эленд Венчер?..»

Ведь Сэйзед говорил, что молодые аристократы посещают все балы?

Вин провела ладонью по одному из платьев — черному с серебряным кружевом. Оно подходило к ее волосам, но не слишком ли мрачно это будет выглядеть? Большинство дам носило яркие платья, сдержанные тона, похоже, оставались прерогативой мужских нарядов. Вин внимательно осмотрела желтое платье, но оно показалось ей излишне... дерзким. А на белом было слишком много вышивки.

Оставалось красное. Слишком глубокий вырез — глубже, чем хотелось бы Вин, — но в остальном оно было великолепно. Из тонкой, как паутинка, ткани, с длинными рукавами, присобранными у локтей и запястий, оно просто очаровало Вин. Но оно выглядело таким откровенным! Вин прикинула на себя платье, ощущая пальцами мягкую нежную ткань, и

попыталась представить, каково ей будет в этом наряде.

«Смогу ли я его надеть? Оно же совсем прозрачное! И эти бесконечные оборочки не в моем стиле».

И все же... какая-то ее часть отчаянно стремилась на бал. Повседневная жизнь знатной леди разочаровала Вин, но ее воспоминания о том единственном вечере были чудесными. Нарядные танцующие пары, музыка, атмосфера безупречной вежливости и изысканности, волшебные витражи...

«А я ведь и не заметила, как привыкла к духам!» — вдруг осознала Вин.

Она каждый день купалась в ванне с маслами, и слуги обрызгивали духами ее одежду. Конечно, аромат был очень тонкий, но по воровским меркам и он был предательским, непозволительным во время дела.

Ее волосы заметно отросли, и их тщательно подстриг парикмахер лорда Рену, так что они падали на уши, слегка завиваясь на концах. И в зеркале, несмотря на долгую болезнь, отражался уже не тощий неуклюжий подросток. Хорошее питание помогло фигуре Вин приобрести округлость.

«Я становлюсь...»

Вин задумалась. Она не знала, кем становится. Но уж точно не знатной леди. Знатные леди не мучаются оттого, что не могут тайком полетать над ночным городом. И все равно она была уже не прежней Вин. Она была...

«Я становлюсь рожденной туманом».

Вин осторожно положила красное платье обратно на кровать, подошла к окну и выглянула наружу. Солнце скоро зайдет, и тогда опустится туман... хотя, конечно, Сэйзед обязательно выставит стражу, чтобы Вин не сбежала и не занялась тем, чем ей не позволено заниматься. Впрочем, она понимала его осторожность. Он был прав. Если бы не охрана, Вин давным-давно нарушила бы запрет.

Она посмотрела направо и заметила на балконе чью-то фигуру. Кельсер. Вин еще немного постояла у окна, а потом вышла из своих комнат.

Кельсер обернулся, когда Вин появилась в дверях. Она не спешила проходить на балкон, не желая мешать ему. Но он улыбнулся, и Вин встала рядом с ним у изящных перил.

Кельсер уставился куда-то на запад — не на сад, дальше. Он смотрел в сторону лежавших за городом пустошей, освещенных заходящим солнцем.

— Тебе никогда не казалось это неправильным, Вин?

— Неправильным? — переспросила она.

— Да. Все эти высохшие растения, палящее солнце, черное дымное небо...

Вин пожала плечами:

— А что тут неправильного? Это естественно.

— Да, пожалуй. Но наверное, и твои представления о мире — часть неправильной картины. Мир не должен выглядеть так.

Вин нахмурилась:

— Откуда тебе знать, как он должен выглядеть?

Кельсер достал из жилетного кармана сложенный листок бумаги и, осторожно развернув его, протянул Вин.

Она как можно бережнее приняла листок: бумага была настолько ветхой, что грозила вот-вот рассыпаться. На листке ничего не было написано, Вин увидела лишь старый, поблекший рисунок. Рисунок изображал какое-то непонятное растение, каких Вин никогда не видела. Оно казалось невероятно хрупким. У него не было толстого стебля, а листья выглядели уж очень изящными. Верхние листья по форме и цвету отличались от остальных.

— Это называется «цветок», — пояснил Кельсер. — Когда-то, до Вознесения Вседержителя, люди выращивали их. В старых стихах и легендах можно найти их описания, но они известны только хранителям и взбунтовавшимся мудрецам. Судя по всему, эти прекрасные растения вдобавок чудесно пахли.

— Простые растения пахли? — удивилась Вин. — Как фрукты?

— Думаю, да. А некоторые письменные источники утверждают даже, что такие вот цветы превращались во фрукты. Так оно было до Вознесения.

Вин некоторое время молчала, хмурясь и пытаясь вообразить все это.

— Рисунок принадлежал моей жене, Мэйр, — тихо произнес Кельсер. — Доксон его нашел в ее вещах после того, как нас схватили. И сохранил, надеясь, что мы вернемся. Он отдал мне рисунок, когда я сбежал.

Вин еще раз взглянула на картинку.

— Мэйр постоянно грезил о временах до Вознесения, — сказал Кельсер, устремляя взгляд вдаль. Темно-красное солнце медленно опускалось за горизонт. — Она собирала подобные вещи: рисунки и описания прежних дней. Думаю, именно эти грезы и то, что она была ищейкой, привели ее на дно. И ко мне. Именно она познакомила меня с Сэйзедом, хотя в то время я не приглашал его в свою шайку. Его не интересовало воровство.

Вин сложила листок.

— Ты так и хранишь этот рисунок? После того, что она... натворила?

Кельсер на несколько мгновений застыл. Потом посмотрел на Вин:

— Опять подслушивала? А, не беспокойся. Похоже, об этом все знают.

Заходящее солнце вспыхнуло вдали, красные отсветы отразились от низких облаков и клубов дыма.

— Да, я храню этот цветок, — сказал Кельсер. — Я и сам толком не знаю почему. Но... разве ты перестала бы любить кого-то из-за того лишь, что он тебя предал? Вряд ли. Поэтому предательство и причиняет такую боль... вот откуда гнев и разочарование... Но я все еще люблю ее. Люблю.

— Но почему? — спросила Вин. — И как ты вообще после этого можешь доверять людям? Ты разве ничему не научился?

Кельсер пожал плечами.

— Мне кажется, если бы мне пришлось выбирать между любовью к Мэйр — вместе с ее предательством — и тем, чтобы никогда не встречаться с ней, я выбрал бы любовь. Я рискнул, и я проиграл, но риск того стоил. То же самое с моими друзьями. Подозрительность полезна в нашем деле, но только до определенных пределов. Я предпочитаю доверять людям, вместо того чтобы бояться удара в спину.

— Но это же просто глупо, — сказала Вин.

— Быть счастливым — глупо? — осведомился Кельсер, поворачиваясь к ней лицом. — Где тебе лучше, Вин? Ты была счастлива в шайке Камона или счастлива сейчас?

Вин промолчала.

— Я ведь не уверен, что Мэйр предала меня, — продолжал Кельсер, глядя на закат. — Она клялась потом, что не делала этого.

— И ее отправили в Ямы? — спросила Вин. — Это странно... если она была на стороне Вседержителя...

Кельсер покачал головой:

— Ее привезли в Ямы через несколько недель после меня. Нас держали врозь с тех пор, как схватили. Я не знаю, что могло произойти за это время и почему ее в конце концов отправили в Ямы. И то, что она очутилась там, позволяет мне думать, что, вероятно, она и не предавала меня, но... — Он опять повернулся к Вин. — Если бы ты слышала его, когда он нас схватил, Вин... Вседержителя... Он благодарил ее. Благодарил за то, что она предала меня. Его слова звучали так чудовищно искренне... и он все знал о нашем плане... В общем, мне было трудно после этого поверить Мэйр. Но ничто не убило мою любовь к ней. Я сам чуть не умер, когда она погибла год спустя от побоев надсмотрщика там, в Ямах. В ту ночь, когда ее труп унесли, я изменился.

— Сошел с ума?

— Нет, пробудился. «Пробуждение» — это алломантический термин. Наша сила поначалу бывает скрыта, она прорывается наружу только после какого-то тяжелого события. После чего-то, что сильно влияет на тебя.

Мудрые люди утверждают, что человек не способен управлять металлами до тех пор, пока не увидит смерть и не отвергнет ее.

— А... что тогда случилось со мной? — спросила Вин.

— Кто знает... Можно только гадать. Ты ведь росла в трудных условиях, неизвестно, когда именно ты пробудилась.

Он кивнул, будто мысленно разговаривая с самим собой, потом продолжил:

— А для меня пробуждением стала та ночь. Я был один в Ямах, мои руки кровоточили после дневной работы. Мэйр была мертва, и меня мучил страх, что я виноват в ее смерти... я не поверил ей, и это отняло у нее волю к жизни. Она умерла, зная, что я сомневаюсь в ее преданности. Может, если бы я по-настоящему любил ее, то не усомнился бы. Не знаю.

— Но ты выжил, — тихо сказала Вин.

— Да, — кивнул Кельсер. — И я решил, что ее мечты должны осуществиться. Я снова сделаю мир цветущим, с зелеными растениями, чтобы с неба не сыпался пепел... — Кельсер помолчал и вздохнул. — Да, я знаю. Я сумасшедший.

— На самом деле, — осторожно возразила Вин, — я начала видеть смысл в твоих поступках. Наконец-то.

Кельсер улыбнулся. Солнце опустилось за горизонт, и, хотя небо на западе было еще светлым, начал наползать туман. Он ниоткуда не появлялся, он как будто вырастал прямо из воздуха, раскидывал длинные извивающиеся щупальца... они удлинялись, кружились, сплетались...

— Мэйр хотела детей, — неожиданно сказал Кельсер. — Давно, когда мы только поженились, полтора десятилетия назад. А я возражал. Я намеревался тогда стать величайшим из воров-скаа, когда-либо живших на свете, и не собирался уделять внимание чему-то еще. Но наверное, хорошо, что у нас не было детей. Вседержитель мог найти и убить их. А мог и не найти, конечно... ведь сумели же выжить Докс и остальные. А теперь мне иной раз хочется, чтобы со мной рядом была частица Мэйр. Ребенок. Дочь, с такими же темными волосами, как у Мэйр, и такая же упрямая.

Он помолчал, глядя на Вин.

— В общем, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось по моей вине, девочка. Не хочу повторения.

Вин бросила на него косой взгляд:

— Взаперти я сидеть не буду.

— Не сомневаюсь. И если мы попытаемся подольше продержатъ тебя в особняке, ты, вполне возможно, однажды ночью объявишься в лавке Колченога и натворишь глупостей. В этом мы с тобой очень похожи. В общем... будь осторожна.

Вин кивнула:

— Буду.

Они постояли еще несколько минут, наблюдая за сгущающимся туманом. Наконец Кельсер потянулся, хрустнув суставами.

— Ладно, как бы то ни было, я рад, что ты с нами, Вин.

Она повела плечами:

— По правде говоря, мне бы хотелось собственными глазами увидеть хоть один цветок.

18

Вы могли бы сказать, что обстоятельства вынудили меня покинуть дом, — если бы я остался, то был бы уже мертв. В те дни, когда я бежал, не зная почему, когда нес ношу, которой не понимал, я полагал, что в Хленниуме смогу затеряться и вести скромную, незаметную жизнь.

Но постепенно я понял, что обезличенность, как и многое другое, уже невозможна для меня.

В конце концов она решила надеть красное платье. Конечно, это был дерзкий выбор, но по ощущениям — правильный. Она ведь все равно скрывала свое истинное «я» под маской благородной леди, и чем более броской окажется эта маска, тем легче будет спрятаться за ней.

Лакей распахнул дверцу кареты. Вин глубоко вздохнула, чувствуя, как стискивает грудь специальный корсет, удерживающий повязку на ране, и, опершись о руку слуги, вышла из экипажа. Расправив юбки, она кивнула Сэйзеду и направилась вверх по ступеням крепости Элариэль. Она была поменьше крепости Венчер, однако в ней имелся специальный бальный зал, тогда как Дом Венчер устраивал приемы в огромном холле.

Вин оглядела других леди, и ее спокойствие тут же улетучилось. Да, платье на ней выглядело прекрасно, но многие леди щеголяли не только нарядами. Их длинные пышные волосы и самоуверенный вид были куда важнее даже устрашающего количества драгоценностей. К тому же леди не стеснялись, что лифы их платьев весьма туго обтягивали грудь, и они так легко двигались в пышных, со множеством оборок, юбках... Вин время от времени видела ноги некоторых дам, выглядывавшие из-под подола; леди носили не простенькую плоскую обувь, как у нее, а изящные туфли на высоких каблуках.

— А почему у меня нет таких туфель? — тихо спросила она Сэйзед, когда они поднимались по устланной ковром лестнице.

— На каблуках нужно еще научиться ходить, госпожа, — ответил Сэйзед.
— А поскольку вы только начинаете танцевать, будет лучше, если вы на первое время останетесь в привычной обуви.

Вин нахмурилась, но объяснение приняла. Однако упоминание Сэйзед о танцах усилило ее тревогу. Она вспомнила, как легко двигались танцоры на последнем балу. Она наверняка не сумеет подражать им — она ведь едва освоила несколько па.

«Это не имеет значения, — подумала она. — Они увидят не меня, а леди Валетт. А ее считают провинциалкой, не умеющей держаться в свете, и к тому же вспомнят, что она перенесла тяжелую болезнь. Ей простительно плохо танцевать».

С такими мыслями Вин добралась до верха лестницы, где наконец почувствовала себя в относительной безопасности.

— Должен заметить, госпожа, — сказал Сэйзед, — на этот раз у вас не такой испуганный вид... вы кажетесь приятно взволнованной. Думаю, леди Валетт так и должна вести себя.

— Спасибо, — с улыбкой ответила Вин.

Сэйзед был прав: она действительно волновалась. И радовалась. Радовалась тому, что снова принялась за дело, волновалась, что опять очутилась в высшем свете с его великолепным изяществом.

Они вошли в квадратный бальный зал. Он располагался в одном из невысоких флигелей, отходивших от главного строения. Слуга принял у Вин шаль. Она ненадолго остановилась, ожидая, пока Сэйзед найдет ее столик и закажет ужин.

Бальный зал Дома Элариэль сильно отличался от величественного холла крепости Венчер. Полутемное помещение вовсе не выглядело высоким, и хотя здесь тоже было множество витражных окон, все они были потолочными. Центральное круглое окно ярко подсвечивалось снаружи специальными фонарями. На каждом столике стояли свечи, и, несмотря на то что в зал с улицы просачивался свет, здесь было сумрачно. Это создавало ощущение уединения, хотя вокруг толпилось множество людей.

Да, зал строился специально для приема гостей. В центре была танцевальная площадка, она находилась немного ниже уровня пола и освещалась ярче, чем остальное пространство. Вокруг площадки на двух уровнях располагались столики: первый уровень был на высоте нескольких

футов, второй — дальше и почти в два раза выше.

Распорядитель проводил Вин к столику в глубине зала. Она уселась, Сэйзед занял место за ее спиной, и они стали ждать ужина.

— Интересно, как мне раздобыть сведения, которые нужны Кельсеру? — тихо спросила Вин, оглядывая полутемный зал.

Блики от витражей падали на людей, создавая весьма загадочную атмосферу, но мешая рассмотреть лица. Присутствует ли среди постоянных посетителей балов лорд Эленд?..

— Сегодня кто-то должен пригласить вас на танец, — сказал Сэйзед. — Принимайте приглашения — это даст возможность позже подойти к кому-то из партнеров и присоединиться к компании. Вам незачем участвовать в разговоре, достаточно просто слушать. В будущем кто-то из молодых людей может попросить вас отправиться на бал вместе с ним. Тогда вы будете сидеть за его столом и присутствовать при беседах.

— Хочешь сказать, придется постоянно сидеть с одним и тем же мужчиной?

Сэйзед кивнул:

— Да, в этом нет ничего необычного. Танцевать придется тоже только с ним.

Вин помрачнела, а потом решила не задумываться и снова всмотрелась в лица гостей.

«А вдруг его здесь нет?.. Он ведь говорил, что старается по возможности избегать балов. А даже если он тут, у него хватает знакомых. Глупо думать...»

Глухой удар отвлек Вин — кто-то уронил на ее стол стопку книг. Она подскочила от неожиданности, а повернувшись, увидела Эленда Венчера. Он придвинул стул и преспокойно уселся. Слегка повернувшись боком, в сторону большого канделябра, он открыл одну из книг, явно собираясь углубиться в чтение.

Сэйзед нахмурился. Вин с трудом сдерживала улыбку, глядя на Эленда. Он опять, кажется, забыл причесаться и застегнуть пуговицы на камзоле. Да и вообще, он был одет далеко не так роскошно, как другие гости. Похоже, его костюм специально шился так, чтобы молодой человек мог чувствовать себя в нем совершенно свободно, и не имел ничего общего с вошедшими в моду строгими силуэтами.

Эленд время от времени перелистывал страницы. Вин терпеливо ждала, когда же он наконец узнает ее, но он продолжал читать. Вин не выдержала.

— Я что-то не припомню, чтобы вы спрашивали разрешения сесть за мой стол, лорд Венчер, — сказала она.

— Не обращайтесь на меня внимания, — откликнулся Эленд, не отрываясь от книги. — У вас довольно большой стол, хватит места нам обоим.

— Нам — возможно, — согласилась Вин. — Но я не уверена насчет книг. Куда теперь поставить мой ужин?

— Слева от вас сколько угодно места, — рассеянно произнес Эленд.

Сэйзед нахмурился сильнее. Он шагнул вперед, собрал книги и положил их на пол рядом со стулом Эленда.

— Вот потому-то я никогда и не нанимаю террисийцев, — заметил Эленд, не переставая читать. — Они невыносимо хорошо обучены.

— Я бы и не подумала назвать Сэйзеда невыносимым, — холодно обронила Вин. — Он добрый друг и прекрасный человек, каким вам, лорд Венчер, наверное, никогда не стать.

Эленд наконец-то поднял голову.

— О... простите, — искренне сказал он. — Приношу свои извинения.

Вин кивнула, и Эленд тут же вернулся к чтению.

«Зачем он пришел? Только для того, чтобы почитать?»

— А чем вы занимались до того, как начали докучать мне? — раздраженно

спросила она.

— Но позвольте, чем же я вам докучаю? — удивился лорд Эленд. — Я серьезно, леди Валетт. Я просто сижу здесь и молча читаю.

— Но вы сели за мой стол. Уверена, вы могли бы подыскать и другое место... будучи наследником Дома Венчер. Хотя при нашей последней встрече вы забыли упомянуть об этом факте.

— Верно, — согласился лорд Эленд. — Но, помнится, я говорил вам, что мне не слишком нравится Дом Венчер. Я вполне соответствую этому описанию.

— Вы же сами выдумали это описание!

— Так намного удобнее, — чуть заметно улыбнулся Эленд и опять уткнулся в книгу.

Вин разочарованно вздохнула.

Эленд вдруг посмотрел на нее поверх книги:

— У вас потрясающее платье. Почти такое же красивое, как вы сами.

Вин застыла с приоткрытым ртом. Лорд Эленд лукаво улыбнулся и вернулся к книге, хотя предварительно хитро покосился на Вин, как будто проверяя, то ли впечатление произвели его слова, на какое он рассчитывал. Впрочем, он знал, что не ошибся.

Сэйзед чуть придвинулся к столу, даже не пытаясь скрыть свое недовольство, но не произнес ни слова. Эленд был слишком важной персоной, чтобы ему мог делать замечания дворецкий.

Вин наконец обрела дар речи.

— Как могло случиться, лорд Эленд, что вы явились на бал в одиночестве?

— Да я не один, — ответил Эленд. — Родные всегда посылают со мной то одну, то другую девицу. Сегодня удача выпала на долю леди Стэйз Бланше... вон она, в зеленом платье, за одним из столиков напротив.

Вин посмотрела через зал. Леди Бланше оказалась роскошной светловолосой дамой. И она, грозно хмурясь, глядела в сторону Вин.

Вин вспыхнула и отвернулась.

— А разве вам не следует находиться рядом с ней?

— Наверное, — согласился лорд Эленд. — Но открою вам секрет. Я, видите ли, не такой уж и джентльмен. Кроме того, я ее не приглашал. Я вообще узнал о том, что она едет со мной, только когда сел в карету.

— Да, понимаю, — задумчиво произнесла Вин.

— И все же мое поведение непростительно. К несчастью, я вообще склонен к невежливым поступкам... взять хотя бы мою страсть читать за обеденным столом. Извините меня... надо взять что-нибудь выпить.

Он встал, сунул книгу в карман и направился к длинным столам с напитками. Вин проводила его взглядом, не зная, злиться ей или смеяться.

— Это плохо, госпожа, — тихо произнес Сэйзед.

— Ну не настолько плохо.

— Он использует вас, госпожа, — возразил Сэйзед. — Лорд Венчер печально знаменит своими непредсказуемыми и не всегда добропорядочными поступками. Многим он не нравится... особенно когда поступает вот так.

— Как?

— Он сидит с вами, просто чтобы позлить свою семью, — ответил Сэйзед.
— Ох, дитя... мне не хочется причинять боль, но вы должны понимать, как обстоят дела при дворе. Молодой человек вовсе не проявляет к вам романтического интереса. Он — самоуверенный юный лорд, недовольный жесткими требованиями отца... вот он и бунтует, ведет себя вызывающе. Он знает, что отец смягчится, если он будет дурно вести себя достаточно долгое время.

Желудок Вин судорожно сжался.

«Конечно, Сэйзед прав... наверняка прав. А зачем еще Эленду искать моего общества? Я — именно то, что ему нужно... достаточно низкого рода, чтобы раздражать его отца, и в то же время недостаточно опытна, чтобы понять истинные причины его внимания».

Тут наконец подали ужин, но у Вин совершенно пропал аппетит. Когда Эленд вернулся с большим бокалом, она все-таки взялась за еду. Он снова углубился в книгу, время от времени отпивая глоток.

«Ладно, посмотрим, что он будет делать, если я не стану мешать его чтению», — раздраженно сказала себе Вин и, вспомнив уроки Сэйзеда, с особым изяществом принялась поглощать пищу.

Ужин был не слишком обильным — в основном овощи с маслом, — и Вин подумала, что чем раньше она покончит с едой, тем скорее ее пригласят танцевать. Тогда ей хотя бы не придется сидеть рядом с Элендом Венчером.

Молодой лорд несколько раз отрывался от чтения и поглядывал на Вин поверх книги. Он явно ожидал, что она вот-вот заговорит, но Вин молчала. Пока она ела, ее гнев утих. Она посмотрела на Эленда, на его растрепанные волосы, на то, как внимательно он читает. Неужели Сэйзед прав и этот человек ведет изощренную двойную игру? Неужели он действительно пользуется ею как прикрытием?

«Каждый может предать тебя, — прошептал в ее голове голос Рина. — Любой предаст тебя, Вин!»

Но лорд Эленд казался таким искренним. Вин воспринимала его как настоящего человека, а не как маску. И похоже, ему нравилось разговаривать с ней. Когда лорд Эленд наконец опустил книгу и посмотрел на нее, Вин восприняла это как личную победу.

— Почему вы здесь, Валетт? — спросил он.

— На балу?

— Нет, в Лютадели.

— Потому что это центр мира.

Эленд нахмурился:

— Наверное, вы правы. Но империя слишком велика, чтобы иметь такой маленький центр. Не думаю, что мы всерьез осознаем, насколько она огромна. Как долго вы добирались сюда?

Вин на мгновение испугалась, но тут же вспомнила уроки Сэйзеда.

— Почти два месяца по каналам, с несколькими остановками.

— Очень долго, — сказал Эленд. — Говорят, нужно потратить полгода, чтобы проехать империю из края в край, и все равно большинство не желает видеть ничего, кроме этого крохотного центра.

— Я... — Вин умолкла на полуслове.

Вместе с Рином они пересекли весь Центральный доминион. Однако он считался самым маленьким, и Вин никогда не бывала в других частях империи. Ворам вполне хватало Центрального доминиона. Как ни странно, но чем ближе к Вседержителю, тем больше творилось беззакония, не говоря уж о том, что все богатства тоже концентрировались здесь.

— Ну и что вы думаете о городе? — спросил Эленд.

Вин немного поразмыслила.

— Он... грязный, — честно ответила она.

Подошел слуга, едва заметный в тусклом свете, и убрал ее пустую тарелку.

— Грязный, и в нем слишком много народа. И со скаа здесь ужасно обращаются, но я думаю, это везде так.

Эленд бросил на нее странный взгляд.

«Мне не следовало упоминать о скаа. Это не к лицу знатной леди».

Лорд Эленд слегка наклонился вперед:

— Вам кажется, что здесь со скаа обращаются хуже, чем на ваших плантациях? Я всегда думал, что в городах им живется лучше.

— Ну... я не знаю. Мне не слишком часто приходилось видеть поля.

— Значит, вы не часто встречались и со скаа?

Вин пожала плечами:

— Какое это имеет значение? Они ведь просто скаа.

— Ну да, именно так мы всегда и говорим, — кивнул лорд Эленд. — Но я что-то не уверен. Может, я слишком любопытен, но мне они интересны. Вы когда-нибудь прислушивались, о чем они разговаривают между собой? Как по-вашему, они обычные люди?

— Что? — изумилась Вин. — Разумеется. А кем еще они могут быть?

— Вы ведь знаете, чему учит братство.

Вообще-то, Вин не знала, но вряд ли братство могло сказать в адрес скаа что-либо лестное.

— Я взяла за правило не верить целиком и полностью всему, что говорит братство.

Лорд Эленд опять на миг замер, склонив голову набок.

— Вы... не такая, как я думал, леди Валетт.

— Такое случается.

— Ладно, расскажите мне о тех скаа, что работают на плантациях. Каковы они?

Вин пожала плечами:

— Как и прочие скаа.

— Они умны?

— Некоторые — да.

— Но не так, как вы или я? — уточнил Эленд.

Вин ненадолго задумалась.

«Как бы на моем месте ответила настоящая леди?»

— Нет, разумеется. Это ведь просто скаа. Почему они вас так интересуют?

Лорд Эленд выглядел... разочарованным.

— Просто так, — сказал он, откидываясь на спинку стула и открывая книгу.

— Мне кажется, кое-кто из тех кавалеров хотел бы пригласить вас на танец.

Вин обернулась и обнаружила, что неподалеку действительно стоит группа молодых людей. Когда Вин повернулась, они сразу отвели взгляды. Но через несколько мгновений один из них посмотрел в сторону другого столика, а потом подошел и пригласил танцевать какую-то молодую леди.

— Несколько юношей обратило на вас внимание, госпожа, — сообщил Сэйзед. — Но они ни за что не подойдут сюда. Их останавливает присутствие лорда Эленда, я полагаю.

Лорд Эленд фыркнул.

— Им бы следовало знать, что я никогда никому не мешаю.

Вин нахмурилась, но Эленд преспокойно продолжал читать.

«Отлично!» — подумала Вин, снова оборачиваясь к молодым людям.

Поймав взгляд одного из них, она чуть заметно улыбнулась. И почти сразу молодой человек подошел к ней.

— Леди Рену, я лорд Меленд Лъез, — обратился он к Вин сдержанным, официальным тоном. — Не согласитесь ли потанцевать со мной?

Вин покосилась на Эленда, но тот продолжал смотреть в книгу.

— С удовольствием, лорд Лъез, — сказала она, принимая руку молодого человека и вставая.

Он подвел ее к танцевальной площадке, и Вин занервничала. Ей вдруг показалось, что недели танцевальной практики недостаточно. Музыка

умолкла, позволяя одним парам покинуть центр зала, а другим занять их место, и лорд Лъез шагнул вперед.

Вин подавила страх, напомнив себе, что люди вокруг видят только ее платье и статус, а саму Вин никто не замечает. Она посмотрела в глаза лорду Лъезу и, к своему удивлению, обнаружила в его взгляде легкое опасение.

Заиграла музыка, они начали танцевать. Лорд Лъез выглядел предельно сосредоточенным. Вин ощутила, как вспотела ладонь, в которой лежала ее рука.

«Эй, да он нервничает так же, как и я! А может, еще больше».

Лорд Лъез был моложе Эленда и походил на ровесника Вин. Наверное, он не имел большого опыта посещения балов; во всяком случае, вряд ли он часто танцевал: слишком внимательно и напряженно он следил за каждым шагом.

«Да, похоже на то, — думала Вин, позволяя себя вести. — Более опытный лорд не стал бы приглашать меня, я ведь новичок. Завсегда и балов пока что не обращают на меня внимания... Но почему тогда Эленд заметил меня? Может, Сэйзед прав — он просто хочет позлить отца? Но ведь ему было интересно знать, что я отвечу на его вопросы...»

— Лорд Лъез, — спросила она, — вы хорошо знакомы с Элендом Венчером?

Лъез посмотрел на нее:

— Э-э, я...

— Не стоит так сосредоточиваться на танце, — сказала Вин. — Мой учитель говорит, что движения будут более естественными, если немного расслабиться.

Лорд Лъез покраснел.

«Вседержитель! — подумала Вин. — Он еще совсем мальчишка!»

— Э-э, лорд Венчер... — заговорил Лъез. — Я не знаю его. Он слишком важная персона. Куда важнее меня.

— Не стоит так пугаться знатности его рода, — усмехнулась Вин. — Насколько я смогла понять, он довольно безобидный человек.

— Я не знаю, моя леди, — ответил Лъез. — Вообще, Венчер — весьма влиятельная семья.

— Ну да, вот только Эленд не стремится поддерживать репутацию Дома. Он, похоже, предпочитает уединение... Он всегда такой?

Лъез пожал плечами. За время разговора он стал двигаться более свободно.

— Не имею представления. Похоже, вы знакомы с ним лучше, чем я, моя леди.

— Я... — Вин умолкла.

Ей действительно казалось, что она хорошо знает Эленда, куда лучше, чем можно узнать человека за две короткие встречи. Но она не сумела бы объяснить это лорду Лъезу.

«А ведь Рену упоминал, что встречался с Элендом...»

— О, Эленд просто друг нашей семьи, — сказала она, продолжая кружиться в танце.

— Вот как?

— Да. И со стороны моего дяди было весьма разумно попросить Эленда присматривать за мной на балах, а Эленд любезно согласился. Хотя, конечно, мне бы хотелось, чтобы он не читал постоянно эти свои книги, а уделил бы мне хоть немного внимания.

Лорд Лъез как будто воспрянул духом, и настороженности в нем поубавилось.

— Ах... вот оно что. Ну да, в этом есть смысл.

— Конечно, — согласилась Вин. — Эленд здесь, в Лютадели, стал мне кем-то вроде старшего брата.

Льез улыбнулся.

— А вас я спросила о нем потому, что он не слишком любит рассказывать о себе.

— Да все Венчеры в последнее время притихли, — сказал лорд Льез. — После нападения на их крепость, несколько месяцев назад.

Вин кивнула:

— Вам многое об этом известно?

Лорд Льез покачал головой:

— Нет, мне никто ничего не рассказывал.

Он посмотрел вниз, на ноги Вин:

— Вы прекрасно танцуете, леди Рену. У себя на родине вы, полагаю, были желанной гостьей любого бала.

— Вы мне льстите, мой лорд, — улыбнулась Вин.

— Ничуть. Вы так грациозны.

Вин снова улыбнулась, ощутив прилив уверенности в себе.

— Да, — негромко произнес лорд Льез, как будто обращаясь к самому себе.

— Вы совсем не такая, как говорила леди Шэн...

Он умолк, вздрогнув, как будто осознал, что именно говорит.

— А что? — спросила Вин.

— Ничего, — пробормотал лорд Льез, краснея. — Простите. Это глупость.

«Леди Шэн, — мысленно повторила Вин. — Надо запомнить это имя».

Она продолжала осторожно расспрашивать Льеза, пока танец не закончился, но юноша явно был слишком незначительной фигурой, чтобы знать что-то действительно интересное. Он просто ощущал, что между Великими Домами возникло напряжение и, хотя балы в Лютадели продолжались, кое-кто из приглашенных все чаще отсутствовал из-за политических конфликтов.

Когда музыка умолкла, Вин осталась довольна собой. Возможно, она и не узнала пока ничего такого, что было бы интересно Кельсеру, но ведь лорд Льез — только начало. Она постарается добраться и до более важных людей.

«А это значит, — думала Вин, когда лорд Льез провожал ее обратно к столу, — что мне придется постоянно присутствовать на балах».

Не то чтобы балы были ей неприятны, особенно теперь, когда она уверилась в своем умении танцевать... просто это означало, что у нее почти не останется времени на прогулки в тумане.

«Все равно Сэйзед не выпустит меня в ночь», — грустно решила она, вежливо улыбаясь лорду Льезу.

Эленд успел разбросать книги по всему столу, а вокруг стояло несколько больших канделябров, — видимо, Эленд перетащил их от других столиков.

«Ну-ну, — подумала Вин. — Мы, выходит, любим брать чужое?»

Лорд Эленд сторбился над столом, делая какие-то записи в маленькой книжке. Он даже не поднял головы, когда Вин села на свое место. Сэйзеда она поблизости не обнаружила.

— Я отправил вашего террисийца ужинать, — небрежно сообщил лорд Эленд, продолжая писать. — Ему совершенно незачем мучиться от голода, пока вы там вертите юбками.

Вин чуть приподняла брови, оглядывая книги, занявшие почти весь ее стол. Эленд меж тем отодвинул один из томов — оставив его открытым на нужной странице — и подтащил к себе другой.

— И как вам танцевалось? — поинтересовался он.

— Я получила истинное удовольствие.

— А я думал, вы не слишком хорошо танцуете.

— Так и было, — согласилась Вин. — Но я взяла несколько уроков. Не исключаю, что мои слова покажутся вам странными, но вряд ли можно стать хорошим танцором, если постоянно сидеть в полутьме и читать одну книгу за другой.

— Это что, предложение? — спросил лорд Эленд, берясь за следующий том. — Вы же знаете, что леди не полагается приглашать джентльменов на танец.

— О, мне вовсе не хочется отрывать вас от чтения, — возразила Вин, открывая одну из книг.

Она тут же поморщилась: рукописные буквы оказались мелкими и неровными.

— Кроме того, если я пойду танцевать с вами, это испортит все дело.

Эленд замер и наконец посмотрел на Вин:

— Дело?

— Да, — легко ответила Вин. — Сэйзед был прав... Лорд Лъез побаивается вас, а заодно и меня. Но для молодой леди было бы катастрофой, если бы все кавалеры начали считать ее недоступной просто потому, что некий надоедливый лорд решил позаниматься науками за ее столом.

— То есть... — осторожно начал Эленд.

— То есть я объяснила ему, что вы просто помогаете мне освоиться в свете. Что вы для меня вроде старшего брата.

— Старшего брата? — нахмурившись, переспросил Эленд.

— Да, старшего, даже старого, — с улыбкой пояснила Вин. — Я хочу сказать, вы ведь по меньшей мере вдвое старше меня?

— Вдвое... Валетт, мне двадцать один! И если вам больше десяти, я просто не могу быть вдвое старше вас!

— Никогда не умела как следует считать, — небрежно ответила Вин.

Лорд Эленд вздохнул, поднимая взгляд к потолку. Неподалеку от них лорд Лъез негромко разговаривал со своими друзьями, осторожно показывая в сторону Вин и Эленда. Можно было надеяться, что вскоре еще кто-то решится пригласить ее на танец.

— Вы знаете, кто такая леди Шэн? — спросила Вин, просто чтобы не молчать, пока молодые люди набираются храбрости.

К ее удивлению, лорд Эленд встрепнулся.

— Шэн Элариэль?

— Наверное, — пожала плечами Вин. — И кто же она?

Эленд снова уставился в книгу:

— Да так, ничего особенного.

Вин пристально посмотрела на него:

— Эленд, я в Лютадели всего несколько месяцев, но даже я знаю, что таким ответам нельзя доверять.

— Ладно, — вздохнул лорд Эленд. — Это леди, с которой я, возможно, буду обручен.

— У вас есть невеста? — изумленно спросила Вин.

— Сложно сказать. Мы не предпринимали никаких шагов в этом направлении с год или около того. Может, все уже забыли об этом.

«Потрясающе!» — подумала Вин.

Мгновением позже к столу приблизился один из приятелей лорда Лъеза. Радуюсь возможности избавиться от общества наследника Дома Венчер, Вин встала, принимая руку юноши. Но когда она шла к танцевальной

площадке, то оглянулась на Элэнда — и заметила, что он смотрит на нее поверх книги. Правда, он тут же сделал вид, будто читает.

*

Вин присела, чувствуя себя невероятно утомленной. Ей страшно хотелось сбросить туфли и растереть ноги, но Вин подозревала, что это неподобающий для леди поступок. Поэтому она осторожно воспламенила медь, создавая защиту, а потом подожгла пьютер, чтобы прогнать усталость.

Но очень скоро она погасила сначала пьютер, а потом и медь. Кельсер, конечно, уверял, что благодаря горению меди никто не сможет обнаружить ее алломантическую силу. Но Вин не была в этом уверена. Ведь когда в ней горел пьютер, ее реакции становились слишком быстрыми, а тело — слишком сильным. Ей казалось, что наблюдательный человек вполне способен заметить это, даже если сам не является алломантом.

Пьютер погас, и к Вин вернулась усталость. Она подумала, что за последнее время слишком привыкла к пьютеру. Разумеется, причина была в ее ране, ужасно болевшей при каждом неловком движении, но все равно ей следовало поскорее восстановить собственные силы.

В определенном смысле ее сегодняшняя усталость была добрым знаком, ведь Вин очень много танцевала. Теперь, когда молодые лорды смотрели на Элэнда как на опекуна, они уже не опасались приглашать Вин. А она, боясь, что отказ могут принять за политический ход, и ничего не зная о взаимоотношениях Великих Домов, принимала все приглашения. И теперь у нее не только болели ноги, ныла рана и ломило спину: оттого что Вин старалась запомнить подробности каждого разговора, она чувствовала себя совершенно выдохшейся морально.

«Хорошо, что Сэйзед заставил меня надеть туфли без каблучков», — со вздохом подумала Вин, делая глоток охлажденного сока.

Террисиец еще не вернулся с ужина, а Элэнд исчез, хотя оставил на столе свои книги.

Вин пригляделась к ним. Интересно, если она сделает вид, что читает, молодые люди ненадолго оставят ее в покое? Вин стала перебирать книги.

Той, что интересовала ее больше всех, — маленькой записной книжки в кожаном переплете — среди них не было.

Вместо нее Вин взяла массивный синий том и перетащила на свой край стола. Вин выбрала его из-за крупных букв. Неужели бумага настолько дорого стоит, что писцы вынуждены экономить каждый клочок и потому пишут так мелко, втискивая на страницу как можно больше строчек? Вин вздохнула, переворачивая страницу.

«Поверить не могу, что люди читают такие огромные книги», — подумала она.

Несмотря на то что буквы были довольно крупными, каждая страница оказалась заполнена ими до отказа. Сколько же нужно потратить дней, чтобы прочесть все от корки до корки? Рин научил ее читать и писать, чтобы она могла разобраться в деловом контракте, написать записку и, возможно, изобразить знатную леди. Однако Вин было не по силам одолеть такой длинный текст.

«Исторический опыт имперской политики управления», — было написано на первой странице. Главы назывались: «Правительственная программа пятого века», «Начало использования труда скаа на плантациях»... Вин пролистала книгу до самого конца, предполагая, что в ней может найтись что-нибудь поинтереснее. Последняя часть была озаглавлена так: «Современная политическая структура».

«Пока что, — прочитала Вин, — система плантаций обеспечивает более стабильное положение в государстве по сравнению с предыдущими моделями. Структура доминионов, где каждый местный лорд управляет своими скаа — и несет ответственность за них, — благоприятствует конкуренции и существенно укрепляет дисциплину.

Вседержитель, похоже, находит эту систему несовершенной, поскольку она дает свободу аристократии. Однако отсутствие организованных восстаний, безусловно, впечатляет. В течение двух последних столетий, с тех пор как была введена эта система, в пяти внутренних доминионах не происходило крупных бунтов.

Конечно, эта политическая система — всего лишь отросток более глобальной системы теократического правления. Независимость

аристократии компенсируется властью поручителей. Ни один лорд, как бы он ни был могуществен, не может и думать о том, чтобы поставить себя над законом. Инквизиторы готовы явиться к каждому».

Язык книги был сухим и скучным, и все же Вин удивилась, что Вседержитель вообще допускает подобное изучение своей империи. Она устроилась поудобнее, держа книгу перед собой, но дальше читать не смогла. Она слишком устала за те часы, когда старалась извлечь хоть какие-то полезные сведения из партнеров по танцам.

К несчастью, политике не было дела до усталости Вин. И хотя девушка изо всех сил притворялась, что с увлечением читает книгу лорда Эленда, вскоре кто-то подошел к ее столу.

Вин вздохнула, готовясь к очередному танцу. Но тут она заметила, что рядом стоит не лорд, а террисийский дворецкий. Как и Сэйзед, он носил одеяние с V-образным орнаментом и множество украшений.

— Леди Валетт Рену? — спросил террисиец с едва заметным акцентом.

— Да, — чуть смущенно ответила Вин.

— Моя госпожа, леди Шэн Элариэль, приглашает вас к своему столу.

«Приглашает?» — мысленно повторила Вин.

Ей сразу не понравилось это приглашение, и она совершенно не желала встречаться с бывшей невестой Эленда. Но к несчастью, Дом Элариэль был одним из самых могущественных Великих Домов — и, конечно, отказ Вин восприняли бы как оскорбление.

Террисиец терпеливо ждал.

— Очень хорошо, — сказала Вин, поднимаясь с места как можно более грациозно.

Террисиец подвел ее к одному из соседних столов. За ним сидели пять женщин, но Вин сразу поняла, которая из них Шэн. Леди Элариэль была величавой длинноволосой брюнеткой. Она не принимала участия в разговоре и тем не менее как будто властвовала над остальными дамами.

На ее запястьях сверкали браслеты с бледно-лиловыми камнями, в тон платью, а на Вин она бросила весьма рассеянный взгляд.

Однако темные глаза на самом деле были очень внимательными. Вин показалось, что ее раздели догола... просто сорвали чудесное платье, выставив напоказ уличную девчонку.

— Прошу меня извинить, леди, — сказала Шэн.

Дамы мгновенно повиновались и, величественно поднявшись с мест, удалились.

Леди Шэн взяла вилку и аккуратно отделила маленький кусочек пирожного, лежавшего перед ней на тарелке. Вин смущенно стояла у стола. Террисиец занял место позади стула леди Шэн.

— Вы можете сесть, — спокойно бросила Шэн.

«Я снова чувствую себя скаа, — подумала Вин, садясь. — Что же, выходит, знатные люди и друг с другом так обращаются?»

— Вы находитесь в завидном положении, дитя, — сказала леди Шэн.

— Простите? — не поняла Вин.

— Обращайтесь ко мне «леди Шэн», — произнесла ее собеседница, не меняя тона. — Или, если хотите, «ваша светлость».

Шэн выжидающе замолчала, продолжая отщипывать от пирожного крошечные кусочки.

— Почему, леди Шэн? — выдавила наконец Вин.

— Потому что молодой лорд Венчер решил использовать вас в своей игре. А это значит, что у вас появилась возможность стать участницей и моей игры тоже.

— А не лучше ли мне не участвовать ни в чьих играх, леди Шэн? — осторожно спросила Вин.

— Чепуха, — ответила она. — Даже невоспитанная простушка вроде вас должна видеть выгоду своего положения.

Шэн даже самые оскорбительные слова произносила спокойно и ровно. Она просто сообщала факты, которые Вин следовало признать.

Вин ошеломленно уставилась на Шэн. Ни один аристократ до сих пор не обращался с ней таким образом. Впрочем, пока что она встречалась лишь с одним представителем Великих Домов — с лордом Элендом.

— По выражению вашего лица я вижу, что вы вполне осознаете свое положение, — продолжала леди Шэн. — Будьте умницей, дитя, и не исключено, что со временем я позволю вам войти в мою свиту. Вы многому можете научиться в Лютадели.

— Например? — спросила Вин, стараясь, чтобы голос не звучал резко.

— Присмотритесь к себе, дитя. В каком виде ваши волосы — вы словно переболели чем-то ужасным! Платье висит на вас, как мешок, настолько вы худы. В Лютадели дама должна добиваться совершенства. А это что? — Произнося последние слова, она сделала легкий небрежный жест в сторону Вин.

Вин покраснела. В сидевшей напротив женщине была странная сила, оскорбляющая и унижающая. Внезапно Вин поняла, кого напоминает ей леди Шэн, — знакомых воровских главарей, и прежде всего Камона, то есть людей, которые могли ударить любого, даже не предполагая получить ответ. Все знали, что, если не повиноваться такому главарю, будет только хуже.

— И что вы хотите от меня? — спросила Вин.

Леди Шэн вскинула брови и отложила вилку, не доев пирожное. Террисиец тут же забрал тарелку и ушел с ней.

— Вы что, действительно так туго соображаете? — сказала Шэн.

Вин немного помолчала.

— Так чего же хочет от меня ваша светлость?

— Я сообщу вам со временем... в том случае, если лорд Эленд продолжит играть с вами.

Вин уловила едва заметный всплеск ненависти в глазах леди Шэн, когда та упомянула имя Эленда.

— А пока, — продолжала Шэн, — расскажите, о чем вы говорили с ним сегодня вечером.

Вин открыла рот, чтобы ответить, но почувствовала неладное. Почти неуловимое воздействие — Вин ничего не заметила бы, если бы не уроки Бриза.

«Она гасильщик? Интересно...»

Шэн старалась пробудить в Вин услужливость. Так хотела ее разговорить? Вин стала пересказывать беседу с Элендом, умалчивая о самом интересном для Шэн. И все равно она продолжала ощущать тревогу... хотя и не потому, что Шэн пыталась влиять на ее чувства. Краем глаза Вин заметила, что террисиец леди Шэн вышел из кухни, но направился не к столу леди, а совсем в другом направлении.

Он двинулся к столу Вин. И, остановившись возле него, стал рыться в книгах Эленда.

«Что бы он там ни искал, я не позволю ему найти это».

Вин резко встала, и ее собеседница впервые продемонстрировала истинные чувства — вскинула голову и удивленно уставилась на нее.

— Я только что вспомнила, что велела дворецкому ждать у моего стола, — сказала Вин. — Он будет беспокоиться, если не застанет меня на месте!

— О, ради Вседержителя! — пробормотала Шэн. — Дитя, нет никакой необходимости...

— Простите, ваша светлость, — коротко произнесла Вин, — но мне надо идти.

Это было слишком откровенно, но ничего лучшего Вин не смогла

придумать. Сделав реверанс, Вин удалилась, оставив недовольную Шэн за столом. Террисиец не сплеховал — Вин только отошла от стола леди Шэн, как он заметил ее и направился дальше ровным, размеренным шагом.

Вин вернулась на свое место, гадая, не совершила ли серьезный промах, так невежливо покинув леди Шэн. Но она настолько устала, что не в силах была по-настоящему беспокоиться. И, заметив, что на нее обратила внимание очередная компания молодых людей, Вин поспешно раскрыла одну из книг Эленда.

К счастью, на этот раз уловка сработала. Молодые люди, подождав немного, ушли, оставив Вин в покое, и она откинулась на спинку стула, чуть расслабившись, но продолжая смотреть в открытую книгу. Было уже очень поздно, бальный зал начал понемногу пустеть.

«Книги, — сосредоточенно думала Вин. Взяв стакан с соком, она сделала несколько глотков. — Что искал в них тот террисиец?»

Она внимательно осмотрела стол, пытаясь понять, что изменилось, но Эленд разбросал книги в таком беспорядке, что разобраться было невозможно. Однако в глаза Вин бросилась вдруг маленькая книжка, притаившаяся под томом побольше. Все книги лежали открытыми на разных страницах, и Вин сама видела, как Эленд их читал. Но эта осталась закрытой — и Вин не помнила, чтобы Эленд вообще открывал ее. И она лежала на прежнем месте. Вин узнала ее, потому что она была намного тоньше других. Похоже, террисиец не успел ее обнаружить.

Заинтересованная, Вин вытянула книжку из-под большого тома. Она была переплетена в черную кожу, а на корешке красовалась надпись: «Изменения климата в Северном доминионе». Вин нахмурилась, вертя книгу в руках, потом открыла ее. В книге не оказалось ни титульного листа, ни имени автора. С первой же страницы начинался текст.

«Если рассматривать Последнюю империю в целом, сразу бросается в глаза один факт. Для страны, руководимой самопровозглашенным божеством, империя ощутила на себе слишком много колоссальных ошибок правления. Большинство из них успешно скрывается, и их можно обнаружить только в метапамяти ферухимиков или в запрещенных текстах. Однако стоит заглянуть в недавнее прошлое, чтобы заметить такие промахи, как резня в

Деванексе, пересмотр учения о Бездне или переселение народа ренатов.

Вседержитель не стареет. Это неоспоримо. Но данный текст имеет своей целью доказать, что он, вне всяких сомнений, не является непогрешимым. В те дни, что предшествовали Вознесению, человечество страдало от хаоса и неуверенности, которые были следствием постоянной смены королей, императоров и прочих монархов. Хотелось бы думать, что теперь, когда власть принадлежит единственному бессмертному правителю, появилась возможность создать стабильное и просвещенное общество. Но прискорбное отсутствие обоих названных качеств как раз и представляет собой наиболее серьезную оплошность Вседержителя».

Вин ошеломленно уставилась на страницу. Некоторые слова оказались выше ее понимания, но она уловила главную мысль автора. Он утверждал...

Вин быстро захлопнула книгу и поспешно положила ее на прежнее место. Что будет, если поручители обнаружат у Эленда этот опус? Вин осторожно огляделась по сторонам. Конечно, их тут было полно: серые одеяния смешались с яркими нарядами гостей, как и на любом другом балу. Тут и там мелькали татуированные лица. Многие поручители сидели за столами знатных людей. Друзья? Или шпионы Вседержителя? Похоже, в присутствии поручителя любой начинал чувствовать себя неуютно...

«Зачем вообще Эленду такие книги? Почему он их читает? Он знатный и могущественный лорд. Зачем ему читать сочинения, клеветующие на Вседержителя?»

На ее плечо опустилась чья-то рука, и Вин невольно подскочила на месте, а пьютер и медь как будто сами вспыхнули в ее желудке.

— Ух! — сказал лорд Эленд, отпрянув. — Вам кто-нибудь говорил, Валетт, что вы весьма нервная особа?

Вин расслабилась, откинулась на спинку стула и погасила металлы. Эленд не спеша уселся на прежнее место.

— Что, наслаждаетесь Гебереном?

Вин нахмурилась, а Эленд кивком указал на большой раскрытый том, все

так же лежавший перед ней.

— Нет, — честно ответила Вин. — Он ужасно скучный. Я просто сделала вид, что читаю, чтобы меня ненадолго оставили в покое.

Лорд Эленд рассмеялся:

— Похоже, к вам возвращается рассудок.

Он принялся собирать книги и складывать их в стопку. Он вроде не заметил, что Вин трогала книгу «о климате», но именно этот томик он тщательно затолкал в середину стопки.

Вин отвела взгляд от ужасной книги.

«Наверное, не следует рассказывать ему о Шэн, пока я не поговорю с Сэйзедом».

— Думаю, рассудок и не покидал меня, — сказала она. — В конце концов, я ведь пришла на бал именно затем, чтобы танцевать!

— Мне лично кажется, что значение танцев переоценивают.

— Вам не удастся вечно прятаться от света, лорд Венчер. Вы наследник влиятельного Дома.

Эленд вздохнул, потянулся и откинулся на спинку стула.

— Наверное, вы правы, — произнес он с неожиданной прямоотой. — Но чем дольше я буду уклоняться от светских обязанностей, тем сильнее разозлится мой отец. А это уже цель достойная сама по себе.

— Но вы не только ему причиняете боль, — возразила Вин. — Как насчет девушек, которых вы никогда не приглашаете потанцевать, потому что слишком усердно копаетесь в книжках?

— Насколько я припоминаю, — сказал Эленд, укладывая в стопку последнюю книгу, — кое-кто только что притворялся, что читает, лишь бы избежать танцев. Не думаю, что даме трудно найти более любезного кавалера, чем я.

Вин вскинула брови:

— Мне это действительно нетрудно, потому что я дебютантка и не из слишком знатной семьи. Но подозреваю, что даме вашего уровня найти кавалера не так легко, хоть любезного, хоть не очень. Насколько я понимаю, не принято приглашать леди, стоящих выше по общественному положению.

Эленд замолчал, подыскивая ответ. Вин слегка подалась вперед:

— В чем дело, лорд Эленд? Почему вы так старательно уклоняетесь от исполнения долга?

— Долга? — повторил Эленд, в свою очередь наклоняясь к Вин. — Валетт, это не долг. Этот бал — сплошная чушь и пустая трата времени. Да, пустая трата.

— А женщины? — спросила Вин. — Они тоже пустая трата времени?

— Женщины? Женщины похожи на грозу. Они прекрасны, если смотреть на них, и иногда их приятно слушать, но чаще всего они просто не нужны.

Вин невольно разинула рот. А потом вдруг заметила искорки в глазах Эленда, улыбку в уголках его рта и поняла, что тоже улыбается.

— Вы нарочно дразните меня!

Улыбка лорда Эленда стала шире.

— Я большой знаток этого дела. — Он встал и ласково посмотрел на нее. — Ах, Валетт... Не надо относиться ко всему так серьезно. Оно не стоит того. Но я должен пожелать вам доброй ночи. В следующий раз, надеюсь, вы появитесь на балу быстрее чем спустя несколько месяцев.

Вин усмехнулась:

— Я подумаю об этом.

— Да уж, пожалуйста, — сказал Эленд, наклоняясь и поднимая высокую стопку книг. Она была такая тяжелая, что на миг он почти потерял

равновесие. — Кто знает... может, однажды вы действительно вынудите меня пригласить вас на танец.

Вин рассмеялась, кивнув, а Эленд повернулся и пошел прочь, огибая второй ярус пиршественных столиков. Через несколько минут встретился с двумя молодыми людьми. Вин с изумлением наблюдала, как один из них дружески хлопнул лорда Эленда по плечу и забрал у него половину книг. Дальше все трое направились вместе, о чем-то разговаривая между собой.

Вин не знала этих двоих. Она сидела в глубокой задумчивости, пока наконец из бокового коридора не появился Сэйзед. Заметив его, Вин махнула рукой. Сэйзед поспешно приблизился.

— Кто это там, с лордом Венчером? — спросила Вин, показывая на уходящего Эленда.

Сэйзед сквозь очки всмотрелся в молодых людей.

— Ничего себе!.. Один из них — лорд Джастес Лекаль. Другой — из Дома Гастинг, но я не знаю его имени.

— Ты как будто удивлен?

— Дома Лекаль и Гастинг — политические конкуренты Дома Венчер, госпожа. Конечно, знатные люди частенько уединяются после балов, чтобы заключить различные договоры... — Террисиец замолчал и повернулся к Вин. — Думаю, мастеру Кельсеру интересно будет узнать об этом. Нам пора уходить.

— Я поддерживаю, — кивнула Вин, вставая. — И мои ноги тоже. Пошли.

Они направились к выходу.

— А где ты пропадал так долго? — спросила Вин, пока они ждали отправленного за ее шалью слугу.

— Я возвращался несколько раз, госпожа, — ответил Сэйзед. — Но вы все время танцевали. Я решил, что будет полезнее поговорить со слугами, чем стоять у стола.

Вин согласно кивнула, принимая шаль, вышла на крыльцо и спустилась по выстеленным ковром ступеням. Сэйзед шагал чуть позади. Вин спешила — ей хотелось поскорее сообщить Кельсеру имена всех тех, кто приглашал ее танцевать, пока она помнила весь список. Она остановилась у подножия лестницы, ожидая кареты, и заметила нечто странное. Невдалеке в тумане что-то происходило, какая-то суета... Вин шагнула вперед, но Сэйзед остановил ее, положив руку на плечо. Леди не пристало в одиночку бродить в тумане.

Вин уже собралась воспламенить медь и олово, но помедлила — источник шума явно приближался. Вот из тумана появился стражник, волоча за собой маленькую дергающуюся фигурку. Это был мальчишка-скаа, в грязной одежде, с перепачканным сажей лицом. Солдат обошел Вин, всем своим видом давая понять, что он лишь выполняет долг и вовсе не хотел беспокоить леди, и подтащил мальчишку к капитану стражи. Вин подожгла олово, чтобы услышать их разговор.

— Поваренок, — тихо сказал солдат. — Пытался клянчить милостыню у лорда, пока тот сидел в карете и ждал, когда откроют ворота.

Капитан лишь кивнул в ответ. Солдат поволок пленника в туман, направляясь в дальний двор. Мальчик сопротивлялся, и солдат недовольно хмыкнул, крепче перехватывая его. Вин следила за ними, ощущая на плече руку Сэйзеда, удерживавшую ее на месте. Разумеется, она ничем не могла помочь мальчику. Ему не надо было...

В тумане, там, где его не увидели бы глаза обычных людей, солдат выхватил кинжал и одним взмахом перерезал мальчишке горло. Вин содрогнулась всем телом, потрясенная, услышав, как судорожно дернулся скаа, издав короткий хрип. Солдат отпустил его, а потом схватил труп за ногу и потащил куда-то.

Вин стояла не в силах пошевелиться, хотя карета уже подъехала.

— Госпожа, — подтолкнул ее Сэйзед, но Вин не шелохнулась.

«Они убили его... Прямо здесь, в нескольких шагах от места, где знать рассаживается по экипажам... Как будто смерть ничего не значит для них. Просто прирезали еще одного скаа. Как животное».

Нет, не животное, гораздо хуже. Никто не стал бы резать свинью во дворе крепости. Стражник убил мальчика небрежно, походя. Он был раздражен, что пленник пытается вырваться, а потому не стал искать более подходящее место. А если бы кто-то из аристократов и заметил это, то не обратил бы внимания.

— Госпожа, — повторил Сэйзед, снова подталкивая Вин.

Она позволила усадить себя в карету. Контраст казался ей невыносимым. Изысканные, любезные вельможи, танцы, бальный зал, залитый светом, сверкающий драгоценностями... и смерть во дворе, в тумане. Им что, наплевать? А может, они ничего не знают?

«Это Последняя империя, Вин, — напомнила она себе, когда карета тронулась с места. — Не забывай о пепле потому, что увидела несколько клочков шелка. Если бы те люди узнали, что ты — скаа, они бы зарезали тебя с такой же легкостью, с какой стражник убил бедного мальчика».

Это была отрезвляющая мысль, и Вин не думала ни о чем другом, пока они возвращались в Феллис.

19

Мы с Квааном встретились случайно — хотя, полагаю, он сказал бы, что нас свело Провидение.

С тех пор я успел познакомиться со многими террисийскими философами. Все до единого, они люди большой мудрости и унылого здравомыслия. От них просто исходит волна важности.

Другое дело — Кваан. Он так же не похож на пророка, как я — на героя. Он никогда не выглядел ни напыщенным мудрецом, ни ученым теологом. Когда мы познакомились, он занимался глупейшим исследованием в великой хленнийской библиотеке, — насколько я понял, он всерьез пытался разобраться, способны ли деревья думать.

Я бы посмеялся над тем, что именно ему довелось разыскать Великого Героя из террисийских пророчеств, если бы события приняли хоть самую малость иной оборот.

Кельсер ощутил в тумане биение другой алломантической силы. Вибрация накатывала на него ритмично, как набегают волны на безмятежный берег. Она была слабой, но угадывалась безошибочно.

Кельсер прильнул к невысокой стене сада, прислушиваясь к вибрации. Белый туман клубился вокруг, безразличный ко всему, и лишь те его клочки, что оказывались рядом с телом Кельсера, притягивались к его алломантии.

Он всматривался в ночь, разжигая олово и пытаясь найти другого алломанта. Кельсер как будто заметил фигуру, прижавшуюся к стене неподалеку, но не был уверен. Однако вибрацию он узнал. Каждый из металлов, будучи подоженным, подавал четкий сигнал, понятный тому, кто умел обращаться с бронзой. Человек в отдалении поддерживал горение олова, так же как и четверо других, которых ощущал Кельсер, — они прятались вокруг крепости Текиэль. Пять ищеек расположились по периметру, следя за темнотой и высматривая посторонних.

Кельсер улыбнулся. Великие Дома начали нервничать. Такой Дом, как

Текиэль, мог себе, конечно, позволить содержать пятерых ищеек, но ведь знатные алломанты наверняка оскорблялись, если их заставляли играть роль простых стражников. И если здесь стояли в охране пять наблюдателей, то, вероятно, несколько громил, стрелков и хватателей тоже вышли в дозор. Лютадельская знать потихоньку готовилась к войне.

По правде говоря, Великие Дома встревожились настолько, что Кельсеру с трудом удавалось находить бреши в их обороне. Он ведь был простым смертным, и даже у рожденных туманом есть предел силы. До сих пор он добивался успеха благодаря внезапности нападения. Однако, если крепость охраняли пять ищеек, Кельсеру не стоило и рассчитывать подобраться к ней незамеченным.

К счастью, этой ночью он не собирался испытывать на прочность оборону Дома Текиэль. Вместо этого, Кельсер пробрался по стене к саду. Он приостановился возле садового колодца и, воспламенив бронзу, чтобы убедиться в отсутствии поблизости других алломантов, вытащил из кустов большой мешок. Тот был достаточно тяжелым, чтобы Кельсеру пришлось, закидывая его на плечо, воспламенить пьютер. Он постоял на месте, вслушиваясь в доносящиеся из тумана звуки, и потащил мешок к крепости.

Его целью была большая, выкрашенная в белый цвет садовая беседка рядом с маленьким бассейном, в воде которого отражались огни фонарей. Здесь Кельсер сбросил с плеча мешок и вывалил на землю его содержимое — свежий труп.

Тело, принадлежавшее некоему лорду Чаррсу Энтроуну, покатило по земле и замерло лицом вниз. На спине трупа виднелись две кинжальные раны. Кельсер напал на полупьяного лорда из засады, которую устроил в трущобах скаа. Кельсеру просто хотелось избавить мир еще от одного вельможи. И уж конечно, по лорду Энтроуну никто не стал бы скучать — он был печально знаменит своим пристрастием к извращенным наслаждениям. Например, ему доставляли особое удовольствие кровавые поединки скаа. Именно за ними он и наблюдал в тот вечер.

К тому же лорд Энтроун был главным политическим союзником Дома Текиэль, о чем прекрасно знал Кельсер.

Он оставил труп на земле, в луже крови. Первыми его обнаружат

садовники, а когда слуги узнают о смерти Энтроуна, поднимется страшный шум, и не только в этой крепости. Дом Текиэль, пожалуй, сразу начнет подозревать в убийстве Дом Изенри, своего главного соперника. И конечно, внезапная смерть Энтроуна заставит Дом Текиэль сильно встревожиться и устроить собственное расследование. Тогда они узнают, что компаньоном в ночных забавах лорда Энтроуна в ту ночь был некий Круз Джеффенри — человек из семьи, которая считалась наиболее сильным союзником Дома Текиэль. А о Крузе все знали, что он рожденный туманом и отлично владеет искусством ножевого боя.

И все завертится. Виновен ли в убийстве Дом Изенри? Или эта смерть была попыткой Дома Джеффенри как следует напугать Дом Текиэль и заставить его искать союзников среди низшей знати? А может, какая-то из знатных семей хотела посильнее разжечь вражду между Домами Текиэль и Изенри?

Кельсер спрыгнул со стены, почесывая кожу под накладной бородой. На самом деле не имело значения, кого именно обвинит Дом Текиэль. Настоящей целью Кельсера было заставить вельмож ломать головы и бояться, заставить их потерять доверие друг к другу и посеять непонимание между Великими Домами. Хаос был его главным союзником в разжигании войны между Домами. И когда эта война действительно разгорится, каждый убитый вельможа будет означать, что одним противником мятежных скаа стало меньше.

Немного отойдя от крепости Текиэль, Кельсер бросил монетку и взлетел на крышу. Время от времени он прикидывал, что думают живущие в домах люди, слыша его шаги у себя над головой. Догадываются ли, что их дома показались кому-то из рожденных туманом подходящей дорогой, где можно избежать встречи с городской стражей и ночными грабителями? Или верят, что по крышам бродят страшные туманные призраки?

«Скорее всего, они ничего не замечают. Разумные люди ложатся спать, как только приходит туман».

Кельсер приземлился на одну из островерхих крыш и извлек из тайника карманные часы, чтобы проверить время. Потом он спрятал часы обратно, потому что они были металлические. Многие знатные туманщики носили при себе металлы, но это была глупая бравада. Такую моду ввел не кто иной, как сам Вседержитель. Однако Кельсер никогда не имел при себе

ничего металлического — ни часов, ни колец или браслетов — и брал что-то подобное лишь в случае крайней необходимости.

Он взмыл в воздух, направляясь к Кварталу Сажи, трущобе скаа на северной окраине столицы. Лютадель была огромным городом, широко раскинувшимся во все стороны. Каждые несколько десятилетий добавлялся новый район, а городская стена расширялась усилиями скаа. С наступлением эры каналов строительный камень подешевел и его стало нетрудно перевозить.

«Интересно, зачем вообще возводятся стены? — думал Кельсер, перелетая с крыши на крышу. — Кто может напасть на столицу? Вседержитель следит абсолютно за всем. Даже западные острова давно прекратили сопротивление».

Настоящей войны в Последней империи не было уже несколько столетий. Случавшиеся время от времени «бунты» представляли собой всего лишь выступления нескольких тысяч человек, прятавшихся в пещерах и оттуда совершавших нападения. Даже мятежники Йедена не могли полагаться на серьезную поддержку: они рассчитывали только на хаос междоусобной войны и на то, что гарнизон Лютадели выйдет из города по ложной тревоге и даст им шанс атаковать столицу. Но если кампания окажется затяжной, Кельсер проиграет. Вседержитель и Стальное братство могли в случае необходимости подвести к Лютадели миллионы солдат.

Конечно, у Кельсера был и запасной план. Он никогда не упоминал о нем, он сам едва осмеливался о таком думать. И скорее всего, у него не будет возможности осуществить его. Но если возможность подвернется...

Кельсер опустил на землю перед Кварталом Сажи, поплотнее закутался в плащ рожденного туманом и пошел по улице спокойным уверенным шагом. Нужный ему осведомитель сидел у входа в ближайшую лавку, не спеша покуривая трубку. Кельсер вскинул брови: табак был роскошью. Хойд либо слишком расточителен, либо преуспевает именно так, как утверждал Доксон.

Хойд спокойно отложил трубку и поднялся, хотя стал от этого не намного выше. Тощий лысый человечек низко поклонился Кельсеру:

— Приветствую вас, мой лорд.

Кельсер остановился перед ним, старательно спрятав руки под плащ. Уличному осведомителю незачем знать, что так называемый вельможа, с которым он встречается, на самом деле носит на руках шрамы Хатсина.

— Я слышал лестные отзывы о тебе, — сказал Кельсер с истинно аристократическим высокомерием.

— Я — один из лучших, милорд.

«Да уж, если ты так долго прожил, значит ты действительно хорош», — подумал Кельсер.

Аристократам не нравилось, когда кто-то узнавал их секреты, поэтому доносчики обычно не задерживались на этом свете.

— Мне нужно кое-что узнать, — сказал Кельсер. — Но сначала ты должен поклясться, что никому не расскажешь о нашей встрече.

— Конечно, милорд, — ответил Хойд. Он наверняка собирался нарушить обещание еще до рассвета — это была вторая причина непродолжительной жизни осведомителей. — Но вот вопрос оплаты...

— Ты получишь свои деньги, скаа! — рявкнул Кельсер.

— Конечно, милорд, — быстро кивнул Хойд. — Вы хотите узнать что-то о Доме Рену, я так понимаю...

— Да. Что ты знаешь о нем? Какие Дома состоят в союзе с Рену? Мне нужно знать.

— Мне не очень-то много известно, милорд, — заговорил Хойд. — Лорд Рену недавно перебрался в наши края, и он очень осторожный человек. У него пока что нет ни союзников, ни врагов. Он покупает много оружия и доспехов в разных местах, но, пожалуй, скорее, затем, чтобы завязать отношения с другими Домами, снискать их расположение. Мудрая тактика. Он, пожалуй, приобретет лишний товар, но ведь друзья лишними не бывают, верно?

Кельсер фыркнул.

— И за это я должен платить?

— Он накапливает слишком много товара, милорд! — быстро сказал Хойд.
— Вы могли бы получить неплохую прибыль, зная, что Рену вынужден торговать в ущерб себе.

— Я не купец, скаа! — возразил Кельсер. — Меня не интересуют прибыли и поставки.

«Пусть подумает над этим. Для него подобное заявление значит, что я — из Великого Дома... Впрочем, он уже должен был это заподозрить при виде плаща рожденного туманом, иначе он не заслуживает своей репутации».

— Конечно, милорд. Но есть и еще кое-что...

«Ага, он переходит к главному. Знают ли на улицах, что Дом Рену связан со слухами о мятежниках?»

Если уличные осведомители раскрыли эту тайну, команде Кельсера грозит серьезная опасность.

Хойд осторожно кашлянул и протянул руку ладонью вверх.

— Ты просто невыносим! — зло бросил Кельсер, швыряя кошелек к ногам Хойда.

— Да, милорд, — согласился Хойд, опускаясь на колени и шаря вокруг в поисках кошелька. — Прошу прощения, милорд. Вижу я не очень хорошо. Я даже собственные пальцы с трудом различаю, пока не поднесу их к самым глазам.

«Умно», — подумал Кельсер, когда Хойд отыскал кошелек и спрятал его.

Конечно, доносчик лгал насчет зрения. На дне никто бы долго не продержался с таким недостатком. Однако знатный человек, думая, что его осведомитель подслеповат, мог бы стать менее осмотрительным. Не то чтобы Кельсер беспокоился за себя, нет: он взял у Доксона один из лучших маскировочных комплектов. Кроме бороды, он наклеил фальшивый нос, весьма правдоподобный, надел особые башмаки на высокой платформе и намазал лицо кремом, осветляющим кожу.

— Ты говоришь, есть еще кое-что? — спросил он. — Клянусь, скаа, если твои сведения ничего не стоят...

— Они стоят, — поспешил заверить его Хойд. — Лорд Рену решил сосватать свою племянницу, леди Валетт, за лорда Эленда Венчера.

Кельсер немного помолчал.

«Вот этого я не ожидал...»

— Глупости. Венчер стоит гораздо выше Рену.

— Но эти двое разговаривали между собой — и очень долго — на балу у Венчеров месяц назад.

Кельсер презрительно расхохотался:

— Это все знают. Чушь.

— Разве? — спросил Хойд. — А все ли знают, что лорд Эленд крайне высоко отзывался о девушке в разговоре с друзьями, в компании знатных юнцов-философов, что проводят время в «Сломанном пере»?

— Молодые люди всегда говорят о девушках. Это не имеет значения. Тебе придется вернуть деньги.

— Погодите! — воскликнул Хойд, забеспокоившись. — Есть и еще кое-что. Лорд Рену и лорд Венчер заключили тайную сделку.

«Что?!»

— Это истинная правда, — продолжал Хойд. — Совсем свежая новость... я сам услышал ее час назад. Рену и Венчер как-то связаны. И по каким-то причинам лорд Рену сумел потребовать, чтобы Эленд Венчер присматривал за леди Валетт на балах. — Хойд понизил голос. — Поговаривают даже, что у Рену имеется нечто, благодаря чему он может давить на Дом Венчер.

«Да что случилось сегодня на балу?» — изумленно подумал Кельсер.

— Как-то это неубедительно звучит, скаа, — сказал он вслух. — У тебя есть

что-то, кроме пустых домыслов?

— Не о Доме Рену, мой лорд, — ответил Хойд. — Я пытался, но вы зря переживаете из-за этого дома! Вам следует поискать более влиятельное семейство — вроде Дома Элариэль...

Кельсер нахмурился. Упомянув о Доме Элариэль, Хойд явно намекнул, что у него в запасе есть кое-что, достойное денег Кельсера. Похоже, истинной тайне Рену ничто не грозило. И теперь вполне можно было поговорить и о других Домах, чтобы у Хойда не возникло подозрений из-за повышенного интереса Кельсера к Рену.

— Очень хорошо, — кивнул он. — Но если ты опять трратишь мое время...

— Отнюдь, милорд. Леди Шэн Элариэль — гасильщик.

— Доказательства?

— Я заметил, как она коснулась моих чувств, мой лорд, — сказал Хойд. — Во время пожара в крепости Элариэль неделю назад. Она гасила панику среди слуг.

Тот пожар был делом рук Кельсера. К несчастью, в результате сгорела только казарма.

— Что еще?

— Дом Элариэль недавно дал ей разрешение использовать силу при дворе. Они боятся междоусобной войны и хотят, чтобы она завоевала как можно больше сторонников. Она всегда носит в правой перчатке пакетик с латунным порошком. Подошлите к ней охотника на балу и убедитесь сами. Милорд, я не лгу! Моя жизнь зависит только от моей репутации осведомителя. Шэн Элариэль — действительно гасильщик!

Кельсер помолчал, как бы раздумывая. Эти сведения не имели для него значения, но зато его истинная цель — разузнать, что говорят о Рену, — уже была достигнута. Хойд заработал свои деньги, понимал он это или нет.

Кельсер улыбнулся. «А теперь посеём очередное зерно смуты».

— А что ты скажешь о тайных отношениях Шэн с Салменом Текиэлем? — спросил он, назвав имя наиболее подходящего молодого лорда. — Как ты думаешь, она использует силу, чтобы завоевать его расположение?

— Наверняка, милорд! — быстро ответил Хойд.

Кельсер видел, как загорелись его глаза. Хойд решил, что Кельсер совершенно бесплатно сообщил ему свежую политическую сплетню.

— Возможно, именно она обеспечила сделку Дома Элариэль с Домом Гастинг на прошлой неделе, — задумчиво произнес Кельсер.

На самом деле никакой сделки не было.

— Вполне возможно, милорд.

— Ладно, скаа, — сказал Кельсер. — Ты заработал свои деньги. Думаю, что как-нибудь навещу тебя снова.

— Спасибо, милорд, — с низким поклоном проговорил Хойд.

Кельсер уронил на землю монетку и взмыл в воздух. Когда он опускался на крышу, то увидел, как Хойд шустро подбирает монету. Найти ее не составило труда, несмотря на «плохое зрение». Кельсер улыбнулся и отправился дальше. Хойд ни словом не обмолвился о том, что Кельсер явился позже назначенного срока, но вот на следующую встречу опаздывать не стоило.

Кельсер мчался на восток, к площади Альстром. По пути он снял плащ рожденного туманом и нарядный жилет, оставшись в старой поношенной рубашке. Приземлившись в переулке, он бросил плащ и жилет и подхватил пригоршню золы. Он как следует растер темные хлопья по рукам, маскируя шрамы, затем испачкал лицо и фальшивую бороду.

Человек, вышедший из переулка минутой позже, ничем не напоминал прежнего вельможу. Борода утратила ухоженность и превратилась в ком нечесаных волос, а несколько аккуратно выдранных из нее прядей придавали лицу Кельсера болезненный вид. Он прихрамывал, делая вид, что у него искалечена нога. Увидев человека у фонтана на площади, Кельсер хриплым голосом окликнул его:

— Милорд? Мой лорд, это вы?

Лорд Страфф Венчер, глава Дома Венчер, был слишком высокомерен и деспотичен даже для вельможи. Кельсер без труда рассмотрел двух стражей по обе стороны от лорда. При этом лорда, похоже, ничуть не тревожил туман. Впрочем, все знали, что он ищейка. Венчер решительно шагнул навстречу Кельсеру, постукивая по камням дуэльной тростью.

— Ты опоздал, скаа! — процедил он.

— Милорд, я... я... я ждал там, в переулке, как мы договорились!

— Ни о чем таком мы не договаривались.

— Простите, милорд, — поклонился Кельсер и тут же пошатнулся из-за «больной» ноги. — Простите, я виноват. Я просто был там, в переулке. Я не хотел заставлять вас ждать.

— Но разве ты нас не видел?

— Простите, мой лорд, — снова поклонился Кельсер. — Глаза у меня... не очень сильные, понимаете. Я едва могу рассмотреть свои пальцы, даже если подношу их к самому лицу.

«Спасибо за подсказку, Хойд».

Венчер хмыкнул, протягивая дуэльную трость одному из стражей, а потом влепил Кельсеру пощечину. Кельсер пошатнулся, схватившись за щеку.

— Простите меня, милорд, — повторил он.

— Если заставишь меня ждать еще раз, получишь тростью, — бросил Венчер.

«Что ж, теперь я знаю, куда направиться в следующий раз, когда мне понадобится сбросить труп на чью-нибудь лужайку», — подумал Кельсер, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну довольно, — сказал Венчер. — Перейдем к делу. Что за важную новость ты хотел сообщить?

— Насчет Дома Эрикелл, мой лорд, — ответил Кельсер. — Я знаю, что ваша светлость имели с ним дела в прошлом.

— И что?

— Мой лорд, они вас здорово надули. Они продали мечи и трости Дому Текиэль за половину той цены, что вы им дали.

— Доказательства?

— Вам стоит только взглянуть на новое вооружение Дома Текиэль, мой лорд. Я говорю правду. У меня нет ничего, кроме моей репутации! И если я лишусь ее, то лишусь и самой жизни.

Кельсер не лгал. По крайней мере, лгал только отчасти. Не было смысла распространять слухи, которые Венчеру удалось бы без труда опровергнуть. Кое-что было правдой — Дом Эрикелл и впрямь сделал Дому Текиэль небольшую скидку. Кельсер просто ее преувеличил. Сыграв свою роль как следует, он мог посеять раздор между Венчером и Эрикеллом и в то же время породить у Венчера зависть к Дому Текиэль. А если Венчер обратится за новым оружием не к Эрикеллу, а к Рену... что ж, могла получиться двойная выгода.

Страфф Венчер фыркнул. Его Дом обладал огромным могуществом, невероятной властью, и источниками его богатств служили самые разнообразные дерзкие предприятия. Достичь столь высокого положения в Последней империи было очень и очень нелегко, особенно с учетом налогов, введенных Вседержителем, и цены на атиум. Именно это и делало Венчера таким полезным, ведь лорд мог превратиться в мощное оружие. Если скармливать ему удачную смесь правды и вымысла...

— Это бесполезная информация, — неожиданно сказал Венчер. — Посмотрим, много ли ты знаешь на самом деле, доносчик. Расскажи мне о Выжившем в Хатсине.

Кельсер застыл, похолодев.

— Простите, мой лорд?

— Тебе нужны деньги? — спросил Венчер. — Вот и расскажи о

Выжившем. Ходят слухи, что он вернулся в Лютадель.

— Слухи, мой лорд, — быстро ответил Кельсер. — Я никогда не видел Выжившего, но сомневаюсь, что он может находиться в Лютадели... если, конечно, он действительно выжил.

— Мне говорили, он готовит мятеж скаа.

— Всегда есть дураки, которые шепчутся о бунте скаа, мой лорд, — возразил Кельсер. — И всегда есть те, кто пытается использовать имя Выжившего, но я не верю, чтобы кто-то действительно мог выбраться из Ям. Я готов расспросить других осведомителей, если желаете, но боюсь, вы будете разочарованы результатом. Тот человек мертв... Вседержитель не допустил бы иного исхода.

— Верно, — задумчиво согласился Венчер. — Но скаа, похоже, верят в разговоры о некоем одиннадцатом металле. Ты слышал о таком, доносчик?

— Да, — кивнул Кельсер, стараясь скрыть потрясение. — Но это легенда, мой лорд.

— Однако я никогда не слышал ее прежде. А я очень внимательно слежу за подобными вещами. Так что это не легенда. Кто-то весьма умно воздействует на скаа.

— А... интересный вывод, милорд, — пробормотал Кельсер.

— Да уж, — усмехнулся Венчер. — И если предположить, что этот ваш Выживший на самом деле умер в Ямах, но кто-то сумел получить его тело... кости... существует способ, позволяющий создать точное подобие человека. Понимаешь, о чем я?

— Да, милорд, — негромко ответил Кельсер.

— Вот и займись этим, — приказал Венчер. — Меня не интересуют сплетни. Разузнай что-нибудь о нем, что бы ни представлял из себя этот главарь скаа. Вот тогда ты кое-что от меня получишь.

Венчер развернулся на месте, махнув рукой своим людям, и ушел, оставив Кельсера в глубокой задумчивости.

*

Вскоре Кельсер вернулся в особняк Рену. Алломантическая дорога между Феллисом и Лютаделью позволяла быстро преодолевать расстояние от столицы до тихого пригорода. Вовсе не Кельсер вбил в землю бронзовые стержни, он и сам представления не имел, кто это сделал. Пролетая над ними, он частенько думал, как поступил бы, если бы по пути столкнулся с другим рожденным туманом.

«Наверное, мы оба сделали бы вид, что не заметили друг друга, — подумал он, приземляясь во дворе особняка. — Уж это мы отлично умеем».

Он посмотрел на дом, укрытый туманом и освещенный фонарями; его плащ тихонько колыхался на ветру. Пустая карета во дворе свидетельствовала, что Вин и Сэйзед уже вернулись. Кельсер обнаружил их обоих в доме — они сидели в гостиной и негромко беседовали о чем-то с лордом Рену.

— Ты как-то необычно выглядишь, — заметила Вин, когда Кельсер вошел в гостиную.

Она все еще была в алом бальном платье, но сидела совсем не по-дамски, поджав ноги.

Кельсер тихонько улыбнулся.

«Еще несколько недель назад она поспешила бы снять платье, едва вернувшись домой. Скоро мы окончательно превратим ее в леди».

Он выбрал место, устроился поудобнее и подергал себя за фальшивую бороду, перепачканную сажей.

— Ты об этом? Я слышал, скоро бороды опять войдут в моду. Так что я просто следую последним веяниям.

Вин презрительно фыркнула.

— Не знала, что у нищих есть своя мода.

— Как прошел вечер, Кельсер? — спросил лорд Рену.

Кельсер пожал плечами:

— Как всегда. К счастью, похоже, что Дом Рену пока остается вне подозрений... хотя насчет меня самого кое у кого из вельмож появились опасения.

— Насчет тебя? — переспросил Рену.

Кельсер кивнул, принимая из рук слуги теплое влажное полотенце, и стал обтирать лицо и руки. Впрочем, Кельсер не был уверен, что слугу на самом деле заботит состояние гостя, а не пятна, которые он мог оставить на мебели. Оттерев сажу — на руках проступили бледные шрамы, — Кельсер стал отклеивать бороду.

— Похоже, большинство скаа уже что-то слышало об одиннадцатом металле, — сообщил он. — Эти слухи дошли до некоторых лордов, и самые умные из них встревожились.

— И как это повлияет на нас? — спросил Рену.

— Пока не знаю. Начнем распространять противоречивые слухи, чтобы заставить лордов побольше думать друг о друге и поменьше — обо мне. Забавно, что лорд Венчер хочет купить у меня информацию обо мне самом. Надо сказать, возникла весьма острая ситуация... Просто не представляю, как ты умудряешься не выходить из роли, Рену.

— Такова моя природа, — просто ответил кандра.

Кельсер покачал головой и повернулся к Вин и Сэйзеду:

— Ну а как ваш вечер?

— Скучно, — сухо сказала Вин.

— Госпожа Вин сердится, — объяснил Сэйзед. — На обратном пути она поведала мне секреты, которые вызнала во время танцев.

Кельсер хмыкнул.

— Ничего интересного?

— Сэйзед сам все узнал! — рывкнула Вин. — Я там столько часов вертела юбками, болтала с аристократишками, и все напрасно!

— Вряд ли напрасно, Вин, — возразил Кельсер, отдирая последний клочок фальшивой бороды. — Ты завела новые знакомства, тебя видели, ты потренировалась в искусстве вести светскую беседу. Что же касается интересных сведений... никто пока не станет сообщать тебе хоть что-то важное. Должно пройти время.

— И сколько времени?

— Ты почти выздоровела, так что сможешь часто ездить на балы. Через несколько месяцев у тебя появится столько знакомств, что ты станешь с легкостью получать всю нужную нам информацию.

Вин кивнула, выпуская тяжелый вздох. Было заметно, однако, что мысль о регулярных выходах в свет уже не так сильно ее пугает.

Сэйзед осторожно откашлялся.

— Мастер Кельсер, я должен кое о чем упомянуть. За нашим столом почти весь вечер сидел лорд Эленд Венчер, хотя госпожа Вин нашла способ смягчить в глазах двора опасность его внимания к ней.

— Ага, — пробормотал Кельсер, — теперь я все понял. Что ты сказала своим кавалерам, Вин? Что Рену и Венчер друзья?

Вин слегка побледнела.

— А ты откуда знаешь?

— Я обладаю таинственной силой, — небрежно взмахнув рукой, сообщил Кельсер. — В любом случае все думают, что Дома Рену и Венчер ведут между собой тайные переговоры. Возможно, люди полагают, что Венчер тайком закупает оружие.

Вин нахмурилась:

— Я ничего такого не говорила...

Кельсер кивнул, стирая с подбородка клей.

— Так устроен мир аристократов, Вин. Иногда все быстро выходит из-под контроля. Это не страшно... хотя лорду Рену придется быть крайне осторожным в сделках с Домом Венчер. Посмотрим, как там отреагируют на слова Вин.

Лорд Рену кивнул:

— Да, согласен.

Кельсер зевнул.

— Ну, если других дел нет... Надо сказать, что изображать в один вечер вельможу и попрошайку — до жути утомительное занятие.

— Есть еще кое-что, мастер Кельсер, — произнес Сэйзед. — В конце вечера госпожа Вин видела, как лорд Эленд Венчер уходил с бала в компании молодых лордов из Домов Лекаль и Гастинг.

Кельсер задумался.

— Странная компания, — сказал он наконец.

— Я тоже так решил, — согласился Сэйзед.

— Возможно, он просто старается разозлить отца, — предположил Кельсер. — Болтать на балу с врагами...

— Не исключено, — заметил Сэйзед. — Но эти трое держались как старые друзья.

Кельсер кивнул, вставая.

— Надо разобраться, Сэйз. Не исключено, что лорд Венчер и его сын просто дурачат нас.

— Да, мастер Кельсер.

Кельсер вышел из гостиной, на ходу отдав слуге плащ. Но когда он поднимался по восточной лестнице особняка, то услышал за спиной

торопливые шаги. Обернувшись, он увидел Вин. Она спешила за ним, высоко подбрав подол красного платья.

— Кельсер, — тихо заговорила девушка, — это еще не все. Я хотела бы поговорить с тобой наедине.

Кельсер посмотрел на нее с удивлением.

«Она хочет скрыть что-то от Сэйзеда?»

— Идем в мою комнату, — предложил он.

Вин молча последовала за ним по коридору.

— Ну и в чем дело? — спросил Кельсер, закрывая за Вин дверь.

— Лорд Эленд, — сказала она, глядя в пол и как будто смущаясь. — Сэйзеду он не нравится, так что я не стала ему рассказывать. Но сегодня вечером я обнаружила нечто странное.

— Что? — с любопытством спросил Кельсер, прислоняясь к письменному столу.

— Эленд принес с собой целую стопку книг, — сообщила Вин.

«Она называет его по имени, — с неодобрением отметил Кельсер. — Похоже, девочка влюбилась...»

— Конечно, все знают, что он постоянно читает, — продолжала Вин, — но некоторые книги... когда он ушел, я заглянула в них...

«Умница, Вин. Улица обострила твои инстинкты».

— ...и одна привлекла мое внимание. На корешке было написано, что книга о погоде, но внутри говорилось о Последней империи и ее пороках.

Кельсер удивленно вскинул брови:

— Что именно?

Вин пожала плечами:

— Что-то насчет того, что если Вседержитель бессмертен, то его империи следовало бы быть более мирной и развитой.

Кельсер улыбнулся:

— «Книга Ложного рассвета». Тебе ее может процитировать от начала до конца любой хранитель. Впрочем, я не предполагал, что где-то сохранились ее экземпляры. Ее автор, Делюз Каври, написал еще несколько книг, куда более опасных. И хотя он не имел отношения к алломантии, поручители сделали исключение — повесили его на крюке.

— Ну так вот, — сказала Вин, — у Эленда есть такая книга. И думаю, одна из знатных леди очень хотела бы найти ее. Я видела, как ее слуга рылся в книгах Эленда.

— Что за дама?

— Шэн Элариэль.

Кельсер кивнул:

— Бывшая невеста. Наверное, хочет отыскать что-то, позволяющее шантажировать мальчишку Венчера.

— По-моему, она алломант.

Кельсер опять рассеянно кивнул, обдумывая услышанное.

— Да, она гасильщик. И возможно, неплохо осведомлена насчет этих книг... Если молодой Венчер достаточно глуп, чтобы постоянно таскать с собой сочинения вроде «Книги Ложного рассвета»...

— Это опасно? — спросила Вин.

— Не очень, — отмахнулся Кельсер. — Книга старая, и в ней нет открытых призывов к бунту, так что это вполне может сойти ему с рук.

Вин нахмурилась:

— Но автор, похоже, весьма критично отзываясь о Вседержителе.

Неужели знати позволено читать такое?

— Не то чтобы «позволено», — ответил Кельсер. — Скорее, на это просто не обращают внимания. Запрещать книги — глупое занятие, Вин. Чем сильнее братство ругает тот или иной текст, тем больше людей стремится его прочесть. «Ложный рассвет» — скучная книга, и братство, не наложив на нее запрет, тем самым обрекло ее на безвестность.

Вин задумчиво кивнула. Да, это она понимала...

— Кроме того, — продолжал Кельсер, — к вельможам Вседержитель более снисходителен, чем к скаа. Он смотрит на них как на детей своих давно умерших друзей и союзников, тех, кто предположительно помог ему одолеть Бездну. И время от времени он позволяет им шалить — например, читать нехорошие книжки или убивать родственников.

— Значит... не стоит тревожиться из-за книги? — спросила Вин.

Кельсер пожал плечами:

— Толком не знаю. Если у молодого Эленда есть «Ложный рассвет», у него могут оказаться и другие, действительно запрещенные книги. И если у поручителей появятся доказательства, они передадут молодого человека инквизиторам, будь он хоть трижды знатен. Вопрос в том, насколько это вероятно? Ведь если наследника Дома Венчер казнят, это усилит накал страстей в Лютадели.

Вин сильно побледнела.

«Точно, — подумал Кельсер, подавив тяжкий вздох. — Надо же, она определенно влюбилась. Мне стоило предвидеть нечто подобное. Отправлять юную хорошенькую девушку в высший свет? Какой-нибудь стервятник просто обязан был запустить когти в такую добычу».

— Я тебе это сказала вовсе не для того, чтобы ты подставлял его под удар, Кельсер! — воскликнула Вин. — Я думала... ну, может быть... если он читает запрещенные книги и вроде бы он хороший человек... Вдруг он нам пригодится, станет нашим союзником?

«Ох, девочка... Я надеюсь, он не причинит тебе слишком уж сильную боль,

когда наиграется и бросит. Лучше тебе этого не испытать».

— На это не рассчитывай, — сказал Кельсер вслух. — Лорд Эленд может читать запретные книги, но это не делает его нашим другом. Всегда существовали вельможи вроде него — молодые философы и мечтатели, которым казалось, что их переполняют гениальные идеи. Им нравится пить с друзьями и болтать о Вседержителе, но в сердце они остаются аристократами и никогда не посягнут на установленный порядок.

— Но...

— Нет, Вин, — отрезал Кельсер. — Ты должна доверять мне. Эленда Венчера не интересуют ни скаа, ни мы. Он просто великосветский анархист, потому что это модно и волнующе.

— Он говорил со мной о скаа, — возразила Вин. — Он хотел знать, умны ли они и так далее.

— Это чисто интеллектуальный интерес или ты заметила в нем сострадание?

Вин замолчала, не зная, что ответить.

— Вот видишь, — сказал Кельсер. — Вин, он не может быть нашим союзником. Я припоминаю, что просил тебя держаться от него подальше. Проводя время в его компании, ты подвергаешь опасности нашу команду и все наше дело. Понимаешь?

Вин кивнула, уставившись в пол. Кельсер вздохнул.

«И почему мне кажется, что она забудет мои увещевания, едва перешагнув порог комнаты? Провались оно все пропадом!.. Когда, спрашивается, я должен с этим всем разбираться?»

— Иди спать, — проговорил он устало. — Поговорим позже.

20

Это не тень.

То темное, что следует за мной, что я едва могу разглядеть... Это на самом деле не тень. Оно черное и полупрозрачное, но у него нет четких очертаний, присущих тени. Оно неведественно... бесформенно, неустойчиво. Как будто сотворено из тьмы.

Или из тумана.

Вин ужасно надоел пейзаж между Лютаделью и Феллисом. За последние несколько недель ей пришлось раз десять проехать по одному и тому же маршруту, наблюдая бесконечные коричневые холмы, кривые деревца и заросли худосочного кустарника. Ей казалось, что она уже знает каждую кочку, на которой подкидывает карету.

Она получила приглашения на множество балов, и не только. Не менее популярны были обеды, чаепития и прочие способы проводить дни. Зачастую Вин приходилось мотаться из города в город дважды, а то и трижды в день. Видимо, молодые леди не находили себе лучшего занятия, чем сидеть в каретах по шесть часов ежедневно.

Вин тяжело вздохнула. Невдалеке она увидела группу скаа, шагавших по тропе вдоль канала, — они тащили в Лютадель какую-то баржу. Да, ее жизнь могла быть гораздо хуже...

И все равно Вин чувствовала себя разочарованной. Был полдень, и до вечера ничего особенного не предвиделось, так что ей оставалось лишь вернуться в Феллис. Вин постоянно думала о том, насколько быстрее она перемещалась бы по алломантической дороге. Ей страстно хотелось снова прыгать с крыши на крышу в тумане, но Кельсер весьма неохотно соглашался продолжать уроки. Он лишь разрешал ей ненадолго выходить по ночам для тренировок, но не позволял дальних прогулок. В основном она оттачивала навыки отталкивания и притягивания мелких предметов.

Вин огорчало и то, что ее до сих пор не оставляла слабость. Прошло уже больше трех месяцев после ее столкновения с инквизитором. Кончилась

гнилая зима без единой выпавшей снежинки. Сколько еще времени понадобится для полного выздоровления?

«По крайней мере, я уже могу ездить на балы», — думала она.

Несмотря на скуку долгих поездок, Вин начала понемногу наслаждаться своими обязанностями. Изображать знатную даму было куда легче, чем воровать. Конечно, она поплатилась бы жизнью, если бы ее тайну внезапно раскрыли, — но пока ее, кажется, с удовольствием принимали в богатых домах. И молодым людям вроде бы нравилось танцевать с ней, разговаривать, сидеть за одним столом. Это была приятная жизнь — немножко скучная, но занятия алломантией, к которым Вин рано или поздно вернется, возместят все недостатки.

И все же у Вин оставалось два повода для огорчений. Основным было то, что она не могла достать нужные Кельсеру сведения: ее все больше раздражало, что некоторые вопросы оставались без ответов. Она уже набралась достаточно опыта, чтобы почувствовать большую игру, но еще не стала своей, чтобы принимать в этой игре участие. Положение дебютантки злило Вин, но Кельсер не сомневался, что вскоре все изменится.

Вторую причину огорчений Вин устранить было куда сложнее. Лорд Эленд Венчер в последние недели пропустил довольно много балов, что не осталось незамеченным в свете. Он так и не повторил свой трюк, не провел с ней еще один вечер. И хотя Вин теперь редко оставалась в одиночестве, она быстро поняла, что другие молодые лорды лишены присущей Эленду... глубины. Ни у одного не было таких честных и выразительных глаз, ни один не обладал таким остроумием. Ни один не казался Вин настоящим. Ни один, кроме него.

Он вроде бы не избегал ее общества. И в то же время и не прилагал особых усилий, чтобы проводить с ней время.

«Неужели я в нем ошиблась?» — думала Вин, когда ее карета подъезжала к Феллису.

Эленда действительно иной раз было трудно понять. К несчастью, явная нерешительность молодого лорда никак не влияла на настроение его бывшей невесты. Вин начала понемногу понимать, почему Кельсер

серьезно предостерегал ее избегать внимания высшей знати. Хорошо, что Вин не слишком часто приходилось встречаться с Шэн Элариэль, но, когда они все-таки сталкивались, Шэн не упускала случая посмеяться над Вин, оскорбить и унижить ее. Она делала это со спокойным высокомерием, и даже то, как Шэн держалась, напоминало Вин о собственной незначительности.

«Похоже, я слишком привязываюсь к леди Валетт», — подумала Вин.

Валетт была лишь маской, и она, наверное, действительно заслуживала насмешек Шэн. Однако от этого оскорбления не становились менее обидными.

Вин покачала головой, решительно выбрасывая из нее и Шэн, и Эленда. Все то время, пока она ехала из Лютадели в Феллис, шел пеплопад, и хотя сейчас он прекратился, на улицах еще лежали черные сугробы, а порывы ветра рождали небольшие вихри. Рабочие-скаа сгребали пепел в ведра и выносили из города. Иной раз им приходилось поспешно отбегать в сторону, чтобы не угодить под колеса проезжающей мимо кареты — ни один из кучеров и не думал придерживать лошадей.

«Бедняги», — мысленно пожалела Вин оборванных ребятишек, стряхивавших пепел с осин и подметавших землю под ними.

Делалось это для того, чтобы с дерева на голову какого-нибудь вельможи не свалился случайно ком сажи. Дети по двое хватались за ствол и трясли его, обрушивая на себя черный дождь. Надсмотрщики с тростями в руках прогуливались вдоль улицы, следя, чтобы никто не отлынивал от работы.

«Эленд и все остальные, — думала Вин, наблюдая за суетой, — они просто не представляют, какова на самом деле жизнь скаа. Живут себе в крепостях, танцуют и даже не понимают, что творит Вседержитель».

Вин ценила прелести светской жизни — только Кельсер ненавидел все, связанное с аристократией. Многие из знатных людей казались по-своему добрыми, и Вин уже начала думать, что некоторые истории о жестокости лордов, слышанные от скаа, могут быть преувеличением. Но в отдельных случаях — вроде убийства несчастного мальчишки или этих маленьких скаа — она поневоле гадала: как лорды не замечают всего этого? Неужели они не понимают, как это чудовищно?

Вин вздохнула, отводя взгляд от рабочих. Карета подъехала наконец к особняку Рену. Вин сразу же заметила во внутреннем дворе целую толпу и выхватила флакончик со смесью металлов, испугавшись, что это Вседержитель прислал солдат арестовать Рену. Но тут же сообразила, что толпа состоит не из солдат, а из скаа в простой рабочей одежде.

Карета въехала в ворота, и Вин с изумлением обнаружила, что на земле лежат коробки и узлы, перепачканные сажей и золой после недавнего дождя. Рабочие энергично трудились, нагружая несколько телег. Карета остановилась перед крыльцом особняка, и Вин не стала ждать, пока Сэйзед распахнет дверцу. Она выскочила из экипажа, подобрав подол платья, и подбежала к Кельсеру и Рену, наблюдавшим за рабочими.

— Вы отправляете припасы в пещеры прямо отсюда? — спросила она, задыхаясь.

— Сначала реверанс, дитя мое, — напомнил Рену. — Всегда соблюдай приличия, если нас могут увидеть.

Вин поспешно присела в реверансе, сдерживая раздражение.

— Разумеется, Вин, — сказал Кельсер. — Рену должен что-то делать с оружием и припасами, которые собираются на складах. Люди начнут подозревать неладное, если мы никуда не отправим товары.

Рену кивнул:

— Для маскировки мы как будто отсылаем груз по каналам на мою западную плантацию. Однако баржи остановятся и выгрузят припасы — а заодно и немалую группу людей — неподалеку от пещер мятежников. А потом с небольшой командой отправятся дальше, чтобы поддержать иллюзию.

— Наши солдаты даже не подозревают, что Рену в деле, — с улыбкой сказал Кельсер. — Они думают, он просто вельможа, которого я надул. Кроме того, это возможность проверить нашу армию. Через неделю или чуть больше мы вернемся в Лютадель на одной из попутных барж Рену.

Вин немного помолчала.

— Мы? — спросила она наконец, внезапно представив, как целую неделю будет сидеть на барже, день за днем таращась на унылые берега.

Это, пожалуй, еще хуже, чем мотаться в карете между Лютаделью и Феллисом.

— Ты встревожена? — поинтересовался Кельсер. — Похоже, кое-кому стали нравиться приемы.

Вин вспыхнула:

— Я просто думала, что мне следует быть здесь. Я хочу сказать, после такой долгой болезни я...

Кельсер рассмеялся:

— Ты останешься здесь. Уедем только мы с Йеденом. Мне нужно проверить армию, а Йеден сменит Хэма, чтобы тот мог наконец вернуться в Лютадель. Еще возьмем моего брата, доставим его в Венниас, к новообращенным членам братства. Хорошо, что ты уже вернулась... я хочу, чтобы ты немного поработала с Маршем до нашего отъезда.

Вин нахмурилась:

— С Маршем?

Кельсер кивнул:

— Да, он же туманщик, охотник. Бронза — один из наименее полезных металлов, особенно для рожденного туманом, но Марш говорит, что может научить тебя нескольким штучкам. Что, если это твоя последняя возможность потренироваться с ним?

Вин посмотрела на суетящихся рабочих:

— А где он?

— Почему-то опаздывает, — ответил Кельсер, помрачнев.

«Это у них семейное, похоже».

— Он скоро придет, дитя, — сказал лорд Рену. — Может, ты пока пойдешь в дом, перекусишь?

«Я в последнее время и так слишком часто перекусываю», — подумала Вин, стараясь скрыть недовольство.

Она отправилась бродить по двору, рассматривая товары и рабочих, старательно укладывавших в телеги короба и мешки. Во дворе поддерживали чистоту, и, хотя после недавнего пеплопада еще не прибрались, она могла спокойно гулять по скошенной траве, не подбирая подол и не боясь испачкать его в сажу.

Вообще-то, пепел удивительно легко отстирывался от одежды. Если использовать определенный сорт дорогого мыла, то даже белые вещи становились абсолютно чистыми. Именно поэтому знать всегда выглядела безупречно. И именно это так сильно отличало ее от скаа.

«Кельсер прав, — думала Вин. — Мне стало нравиться изображать знатную леди».

У Вин вызывали опасения происходящие с ней перемены. Раньше ей приходилось думать только о том, как бы не умереть от голода и избежать побоев. Теперь она размышляла о долгих прогулках в карете и о кавалерах, опаздывавших на свидания. Чем все это кончится?

Вин вздохнула, шагая мимо тюков. В некоторых лежало оружие — мечи, боевые дубины, луки; большая часть мешков явно была набита продовольствием. Кельсер говорил, что для обучения армии нужно гораздо больше зерна, чем железа.

Вин осторожно провела рукой по коробам, сбоку, чтобы не задеть слой пепла. Она давно знала, что сегодня груз отправят на баржи, но не ожидала, что Кельсер уедет вместе с ним. Наверняка он решил это совсем недавно — ведь даже новый, куда более ответственный Кельсер оставался весьма импульсивным человеком. Может, это и полезно для руководителя мятежников. Он не боялся новых идей, когда бы они ни возникали.

«Не следовало ли попросить его взять меня с собой? — рассеянно подумала Вин. — А то я уж слишком заигралась в леди».

На днях она поймала себя на том, что сидит в карете идеально прямо, хотя никто не видит ее. И испугалась, что теряет свои привычки: для нее естественным стало ощущать себя леди Валетт, а не Вин.

Но разумеется, она не могла уехать. Она должна была присутствовать на обеде у леди Флавин, не говоря уже о бале в Доме Гастинг, который обещал стать главным событием месяца. И если Валетт на нем не появится, ей понадобится потом несколько недель, чтобы загладить эту оплошность. Кроме того, был еще Эленд. Если она исчезнет опять, он может забыть о ней.

«Он уже забыл, — сказала себе Вин. — Он почти не говорил с тобой на трех последних приемах. Опомнись, Вин! Это просто еще одна игра. Ты завоевываешь определенную репутацию, чтобы собирать сведения, а не для того, чтобы флиртовать и развлекаться».

Она кивнула, приняв решение. Рядом с ней несколько мужчин укладывали груз на телегу. Вин остановилась возле ящиков, наблюдая за действиями скаа. Если верить Доксону, армия почти готова.

«Мы движемся вперед, — подумала Вин. — Наверное, слухи уже расползаются».

Это было хорошо... если, конечно, слухи не начнут расползаться слишком быстро.

Вин несколько мгновений наблюдала за рабочими, ощущая нечто... странное. Рабочие выглядели слишком рассеянными. Потом Вин поняла, что именно их отвлекает. Они то и дело поглядывали в сторону Кельсера и перешептывались. Вин подошла чуть ближе, скрываясь за тюками, и воспламенила олово.

— ...точно он, — едва слышно говорил один из рабочих. — Я видел шрамы.

— Он такой высокий, — сказал другой скаа.

— Конечно высокий. А ты чего ожидал?

— Он выступал на том собрании, на котором я решил прийти сюда, —

прошептал кто-то еще. — Выживший в Хатсине...

В тоне рабочего слышалось благоговение.

Мужчины направились к горе мешков. Вин вскинула голову и осторожно пошла между рабочими, прислушиваясь. Не все говорили о Кельсере, но очень многие. И еще Вин услышала несколько упоминаний об одиннадцатом металле.

«Вот оно что, — подумала Вин. — Слухи и впрямь расползаются, но не о бунте, а о Кельсере...»

Люди говорили о нем тихо и уважительно. Почему-то Вин стало неловко. Сама она вряд ли вынесла бы подобные разговоры о себе, а вот Кельсер все воспринимал как должное. Его неудержимое обаяние, по всей видимости, лишь подпитывало все эти слухи.

«Интересно, сумеет ли он все забыть, когда план подойдет к завершению?..»

Другие члены команды явно не стремились к лидерству, но Кельсеру, похоже, это нравилось. Неужели он действительно позволит главарям мятежников править? Неужели человек вообще способен отказаться от подобной власти?

Вин нахмурилась. Кельсер — хороший человек и, наверное, мог бы стать хорошим правителем. Однако, если он захочет сделаться правителем, это будет предательством, бессовестным отказом от обещаний, которые он дал Йедену. Вин не хотелось, чтобы Кельсер так поступил.

— Валетт! — вдруг позвал он.

Вин слегка вздрогнула, чувствуя себя виноватой. Кельсер показал на карету, въехавшую во двор особняка. Прибыл Марш. Вин вернулась к Кельсеру и Рену: она подошла как раз в тот момент, когда карета остановилась, и они с Маршем одновременно оказались возле Кельсера.

Кельсер улыбнулся, кивком указывая на Вин.

— Нам нужно время на сборы, — сказал он Маршу. — Если у тебя нет

других планов, может, покажешь малышке что-нибудь новенькое?

Марш повернулся к ней. Он был стройный, как и Кельсер, и волосы у него тоже были светлые, но в целом он не казался таким красавцем. Возможно, всему причиной его неулыбчивость.

Он махнул рукой в сторону балкона:

— Подожди меня там.

Вин открыла рот, чтобы ответить, но что-то в выражении лица Марша заставило ее промолчать. Марш напомнил ей о тех днях, когда она не имела права говорить при старших. Она резко развернулась и пошла к особняку.

Чтобы добраться до балкона, много времени не понадобилось. Вин придвинула кресло к беленым деревянным перилам и уселась. Конечно, на балконе царила абсолютная чистота, нигде не было ни пятнышка сажки. Внизу Марш все еще разговаривал с Кельсером и Рену. Вдали Вин видела голые холмы и бесплодные пустоши за городом, освещенные красным солнцем.

«Я всего несколько месяцев изображаю знатную леди, и неухоженность уже кажется мне равнозначной чему-то низкому...»

Путешествуя с Рином, она не делала различий между пустошами и возделанными полями.

«А Кельсер говорил, что вся земля раньше была более плодородной, чем сегодня сады вельмож...»

Он, наверное, хотел, чтобы все стало как прежде? Хранители помнили древние языки и религии, но они ведь не могли возродить семена давным-давно исчезнувших растений. Не могли остановить пеплопады, не могли прогнать туман. Неужели мир действительно настолько изменится, когда рухнет Последняя империя?

А кроме того, разве у Вседержителя нет права на трон? Он ведь победил Бездну... по крайней мере, он так утверждает. Он спас мир, который теперь — пусть и в извращенном смысле — принадлежит ему. Вправе ли они пытаться отобрать у Вседержителя то, чем он владеет?

Вин часто думала о таких вещах, хотя ни с кем не делилась своими мыслями. Все, похоже, полностью доверились Кельсеру, а кое-кто даже разделял его взгляды. Но Вин продолжала сомневаться. Она давно научилась от брата скептицизму.

И если ей когда-либо приходилось участвовать в деле, вызывавшем сильные сомнения, то именно теперь.

Конечно, задавать себе такие вопросы уже было поздно. Она знала причину, по которой осталась в команде. Дело было не в плане, а в людях. Ей нравился Кельсер. Ей нравились Доксон, Бриз и Хэм. Ей нравились даже странный маленький Призрак и его своенравный дядюшка. Эта шайка не походила на те, с которыми Вин работала прежде.

«Но разве это причина, чтобы позволить им убить тебя?»

Вин замерла. В последнее время голос Рина слышался ей гораздо реже, чем раньше, но не исчез совсем. Уроки брата, продолжавшиеся все шестнадцать лет ее жизни, было не так легко забыть.

Через несколько секунд появился Марш. Он окинул Вин суровым взглядом и сказал:

— Кельсер, видимо, ожидает, что я потрачу весь вечер на твоё обучение. Давай начнем.

Вин кивнула.

Марш посмотрел на нее, явно ожидая ответа, но Вин сидела молча.

«Не ты один умеешь быть немногословным, приятель».

— Очень хорошо, — сказал Марш, садясь рядом с ней и кладя руку на перила балкона.

Теперь его голос звучал уже не так раздраженно.

— Кельсер говорит, ты мало времени уделяла развитию внутренней ментальной алломантии. Это так?

Вин снова молча кивнула.

— Подозреваю, многие из рожденных туманом пренебрегают этими силами, — продолжал Марш. — Это неправильно. Бронза и медь, возможно, действуют не так эффектно, как другие металлы, но дают серьезное преимущество, если умело использовать их. Инквизиторы жгут бронзу, а туманщики на дне выживают благодаря меди. Из них двоих бронза хитрее. Я могу научить тебя правильно пользоваться ею. Если освоишь мой урок, получишь преимущество перед другими рожденными туманом.

— Но ведь все рожденные туманом жгут медь? — спросила Вин. — Какой смысл изучать бронзу, если те, с кем придется драться, невосприимчивы к ее силе?

— Вижу, ты уже рассуждаешь, как они, — сказал Марш. — Не все вокруг рожденные туманом, девочка, — вообще-то, их очень, очень мало. И хоть ваша братия предпочитает думать иначе, обычные туманщики тоже способны убивать. Понимание того, что на тебя нападает громила, а не стрелок, вполне может спасти твою жизнь.

— Ну хорошо... — сказала Вин.

— Бронза также поможет тебе опознать рожденного туманом. Если заметишь, что кто-то использует алломантию, когда поблизости нет курильщика и при этом от него не исходит алломантическая пульсация, то поймешь, что это рожденный туманом, а если не он — то инквизитор. В любом случае надо бежать.

Вин опять молча кивнула. Рана в боку начала ныть.

— Есть особые преимущества в том, чтобы использовать бронзу, а не просто прикрываться медью. Если ты поджигаешь медь, то, конечно, создаешь защиту, но в определенном смысле и себя лишаешь способности видеть. Медь спасает твои эмоции от постороннего воздействия, никто не может надавить на твои чувства.

— Но это же хорошо!

Марш чуть заметно покачал головой:

— Вот как? Но что полезнее? Просто закрыться от воздействия гасильщика, вообще его не заметить или благодаря бронзе узнать, какое именно чувство он стремится погасить?

— А что, разве это можно определить? — спросила Вин, помолчав.

Марш кивнул:

— Если будешь внимательна и потренируешься, ты сможешь распознавать малейшие алломантические изменения в своем противнике. Ты увидишь, на что именно хочет воздействовать гасильщик или поджигатель. Определишь, когда кто-то вызвал вспышку металла. А если хорошо освоишь науку, будешь знать и то, когда чужие металлы подойдут к концу.

Вин всерьез задумалась.

— Похоже, ты уже поняла, в чем выгода, — сказал Марш. — Хорошо. Теперь подожги бронзу.

Вин так и сделала и сразу почувствовала две ритмичные пульсации. Эти беззвучные вибрации накатывали на нее, как удары барабана или морской прибой. Они смешивались и перепутывались между собой.

— Что ты чувствуешь? — спросил Марш.

— Я думаю, рядом горят... два металла. Одна волна идет от Кельсера, снизу. Вторая — от тебя.

— Неплохо, — одобрительно кивнул Марш. — Ты уже практиковалась.

— Совсем чуть-чуть, — призналась Вин.

— Чуть-чуть? — недоверчиво посмотрел на нее Марш. — Ты сразу определила источники волн. Это требует тренировки.

Вин пожала плечами:

— Похоже, это получается у меня само.

Марш какое-то время внимательно глядел на нее.

— Очень хорошо, — сказал он наконец. — Эти волны различаются?

Вин сосредоточилась, устремив взор в пространство перед собой.

— Закрой глаза, — посоветовал Марш. — Не отвлекайся. Сконцентрируйся только на алломантической пульсации.

Вин последовала его совету. Она ощущала пульсацию не ушами. Ей пришлось полностью уйти в себя, чтобы найти искомые различия. Одна волна как будто... ударяла в нее. Другая с каждым новым всплеском притягивала к себе.

— Одну порождает притягивающий металл, верно? — спросила Вин, открывая глаза. — Значит, это Кельсер. А ты толкаешь.

— Очень хорошо, — сказал Марш. — Кельсер поддерживает горение железа, как я его и просил, чтобы ты могла попрактиковаться. А я, само собой, жгу бронзу.

— А они все такие? — спросила Вин. — Ну, я хочу сказать, все металлы можно отличить друг от друга?

— Да. Толкающий металл отличается от притягивающего алломантическими свойствами. На самом деле их именно так и разделили на пары. Ведь не просто так говорят, что олово тянет, а пьютер толкает. Я не разрешал тебе открывать глаза.

Вин поспешно зажмурилась.

— Сосредоточься на пульсации. Постарайся определить длину волны. Можешь сказать, какая между ними разница?

Вин наморщила лоб. Она сосредоточилась, но ощущение металлов как будто... спуталось. Затуманилось. Спустя несколько минут обе пульсирующие волны по-прежнему казались ей одинаковыми.

— Я не понимаю, — призналась она наконец.

— Что ж, — сухо произнес Марш. — Мне понадобилось шесть месяцев тренировок, чтобы научиться определять длину волны, — если бы у тебя

это вышло с первого раза, я бы ощутил себя бездарем.

Вин широко открыла глаза:

— Но ты ведь сам попросил меня сделать это.

— Конечно, потому что ты нуждаешься в тренировке. Если ты уже умеешь отличать толкающий металл от притягивающего, у тебя определенно большой дар. Может, именно такой большой, как похвалялся Кельсер.

— А что я должна была увидеть? — спросила Вин.

— Постепенно ты научишься ощущать две длины волны. Внутренние металлы вроде бронзы и меди обладают меньшей частотой, чем металлы внешние, например железо и сталь. На практике ты увидишь и три рисунка: один — это физические металлы, второй — ментальные, третий — высшие. Длина волны, группа металла и расхождение «тянет-толкает», — как только ты освоишь эти три вещи, то сможешь точно определять, какой именно металл поджег твой противник. Длинная волна, что ударяет в тебя и при этом быстро меняет рисунок, — пьютер, внутренний толкающий физический металл.

— Зачем эти названия? — спросила Вин. — Внешний, внутренний?

— Металлы делятся на группы по четыре, — по крайней мере, восьмерка низших точно делится. Пара внешних металлов, пара внутренних, и в каждой паре один толкает, другой тянет. С помощью железа ты притягиваешься к чему-то, с помощью стали отталкиваешься. Олово дает тебе возможность подтянуть нечто внутри тебя, а пьютер подталкивает твои возможности.

— А бронза и медь? — поинтересовалась Вин. — Кельсер называет их внутренними металлами, но они, похоже, воздействуют на внешний мир. Медь скрывает людей, которые занимаются алломантией, она ведь прячет их снаружи!

Марш покачал головой:

— Медь не изменяет твоего противника, она изменяет нечто внутри тебя самой так, чтобы оказать воздействие на него. Потому это внутренний

металл. А вот латунь непосредственно влияет на чувства другого человека, и это металл внешний.

Вин задумчиво кивнула. Потом повернулась и посмотрела вниз, на Кельсера.

— Ты много знаешь о металлах, но ты ведь простой туманщик?

Марш кивнул. Впрочем, он явно не собирался вдаваться в подробности.

«Ладно, попробуем вот что...» — подумала Вин, гася бронзу.

Она осторожно подожгла медь, чтобы скрыть алломантическую силу. Марш никак не отреагировал, он смотрел во двор: на Кельсера и груженные телеги.

«Теперь он не должен засечь меня», — решила Вин, аккуратно воспламеняя цинк и латунь.

Она мысленно потянулась к Маршу — осторожно, как учил Бриз, — и коснулась его чувств. Слегка пригасив подозрительность и сдержанность, она в то же время усилила его грусть. Теоретически это должно было заставить его разговориться.

— Наверное, ты где-то учился этому? — задала она пробный вопрос.

«Он наверняка поймет, что я сделала. И разозлится...»

— Я пробудился, когда был еще совсем юным, — сказал Марш. — Мне хватило времени для практики.

— Так со многими бывает.

— Я... у меня были свои причины. Трудно объяснить.

— Это всегда трудно, — возразила Вин, осторожно усиливая алломантическое давление.

— Ты ведь знаешь, как Кельсер относится к знати? — спросил Марш, окидывая Вин ледяным взглядом.

«Железный глаз, — подумала Вин. — Не зря о нем так говорят».

Она кивнула в ответ.

— Я точно такие же чувства испытываю к поручителям, — продолжил Марш, отворачиваясь. — Я готов что угодно сделать, лишь бы навредить им. Они забрали нашу мать... именно тогда я пробудился и поклялся уничтожить их. Поэтому я присоединился к мятежникам и начал изучать алломантию. Инквизиторы используют ее, поэтому я должен ее понимать... понимать все, что в моих силах, быть настолько могущественным, насколько это возможно для меня, а ты сейчас меня гасишь.

Вин вздрогнула, мгновенно гася металлы. Марш снова посмотрел на нее, лицо у него было каменное.

«Бежать!» — мелькнуло в голове Вин.

Она чуть было не сорвалась с места. Оказывается, старые инстинкты не исчезли, просто спрятались поглубже.

— Да, — неловко пробормотала она.

— А ты и впрямь хороша, — сказал Марш. — Я бы этого и не заметил, если бы не разболтался ни с того ни с сего. Прекрати.

— Уже прекратила.

— Хорошо. Ты уже второй раз искажаешь мои чувства. Больше никогда этого не делай.

Вин уставилась на него:

— Второй раз?

— Первый раз это было в моей лавке, восемь месяцев назад.

«Верно. Почему я его не помню?»

— Извини.

Марш покачал головой и снова отвернулся.

— Ты рожденная туманом, в этом твоя суть. И он такой же. — Марш смотрел во двор, на Кельсера.

Они немного посидели молча.

— Марш? — заговорила наконец Вин. — А откуда ты узнал, что я рожденная туманом? Я же умела только гасить чувства.

— У тебя было инстинктивное понимание остальных металлов. Ты в тот день жгла пьютер и олово — слабо, едва заметно. Наверное, металлы попали в тебя с водой или с пищей. Ты когда-нибудь задумывалась, как выжила там, где многие погибли?

Вин помолчала.

«Меня столько раз избивали. Дни без еды, ночи в переулках под дождем и пеплом...»

Марш наблюдал за ней.

— Очень и очень немногие, даже рожденные туманом, — сказал он, — способны воспламенять металлы инстинктивно. Этим ты меня и заинтересовала. Я проследил за тобой и сказал Доксону, где тебя искать. Ты снова давишь на мои чувства?

— Нет, — покачала головой Вин. — Я же обещала.

Марш нахмурился, рассматривая Вин холодными глазами.

— Ты такой суровый, — тихо проговорила Вин. — Как мой брат.

— Вы были близки с ним?

— Я его ненавидела, — прошептала Вин.

— Понимаю... — сказал Марш после недолгой паузы, отводя взгляд.

— А ты ненавидишь Кельсера?

— Нет, у меня нет к нему ненависти. Он беспечен и самоуверен, но он мой брат.

— Разве этого достаточно?

— Да.

— Я... мне трудно это понять, — честно призналась Вин, глядя во двор — на хлопочущих скаа, короба и мешки.

— Твой брат, видимо, плохо с тобой обращался?

Вин лишь пожала плечами.

— А ваши родители? — спросил Марш. — Отец был знатным человеком. А мать?

— Сумасшедшей, — сказала Вин. — Она слышала какие-то голоса. Дело обстояло настолько плохо, что брат боялся оставлять нас с ней наедине. Но конечно, выбора у него не было...

Марш молчал.

«Как он перевел беседу на меня? — подумала Вин. — Он не гасильщик и все равно заставил меня говорить, точно так же как я заставила говорить его».

В конце концов, Вин была рада выговориться. Она нащупала сережку в ухе.

— Я мало что помню, — сказала она. — Но Рин говорил: однажды он вернулся домой и увидел, что мать вся в крови. Она убила мою маленькую сестренку, Мессили. Но меня не тронула, а дала вот эту сережку. Рин говорил... говорил, что мать держала меня на коленях и что-то бормотала, называя меня королевой. А у ее ног лежал труп сестренки. Он забрал меня у матери, и она убежала. Наверное, он спас мне жизнь. Может, потому я и оставалась с ним. Даже когда дела шли совсем плохо. — Вин посмотрела Маршу в глаза. — Ты просто не понимаешь, какой ты счастливчик. У тебя есть Кельсер.

— Да, пожалуй. Просто я... мне хотелось бы, чтобы он не обращался с людьми как с игрушками. Я убивал поручителей, но убивать обычных людей только за то, что они родились аристократами... — Марш покачал головой. — И дело не только в этом. Ему нравится, когда люди лебезят

перед ним.

В его словах была правда. Но тем не менее Вин заметила в голосе Марша что-то еще. Зависть?

«Ты же старший брат, Марш. На тебе лежала ответственность... Но ты присоединился к мятежникам, а не к ворам. Наверное, тебя злило, что Кельсер всегда всем нравился».

— Но теперь, — продолжал Марш, — он меняется в лучшую сторону. Ямы Хатсина заметно повлияли на него. Точнее, она... ее смерть его изменила.

«А это что?» — вскинулась Вин, ощутив его боль. Глубокую боль, не такую, какую испытывают при смерти жены брата.

«Вот оно что... Дело не в том, что Кельсер нравился всем, а в том, что его выбрала одна конкретная женщина. Та, которую ты любил...»

— Так или иначе, — сказал Марш решительным тоном, — былая самоуверенность осталась в прошлом. Да, его план безумен, и я уверен, что отчасти Кельсер задумал все это ради личного обогащения, но... ему ведь не обязательно было помогать мятежникам. Он пытается сделать что-то хорошее, хотя в итоге, скорее всего, погибнет.

— Зачем продолжать, если ты уверен в поражении?

— Затем, что он намерен пропихнуть меня в братство, — ответил Марш. — А те сведения, что я смогу раздобыть там, помогут мятежникам и через сотни лет после того, как мы с Кельсером умрем.

Вин задумчиво посмотрела во двор.

— Марш, я не думаю, что ты до конца понимаешь Кельсера. То, как он разговаривает со скаа... то, как они смотрят на него...

— Я знаю, — сказал Марш. — Это началось, когда он придумал историю с одиннадцатым металлом. Я не вижу тут причин для беспокойства. Кельсер просто играет в очередную игру.

— Потому я и не понимаю, зачем он отправляется в путешествие. Он ведь

на целый месяц отойдет от активных действий.

Марш пожал плечами:

— Он оставляет целую армию, которая будет работать на него. Кроме того, ему необходимо исчезнуть из города. Слухи о нем вышли из-под контроля, и лорды начали интересоваться Выжившим в Хатсине. А если пойдут разговоры, что некий человек со шрамами на руках был замечен рядом с лордом Рену...

Вин понимающе кивнула.

— Сейчас, — продолжал Марш, — он изображает из себя какого-то дальнего родственника Рену. И этот человек должен исчезнуть до того, как кто-нибудь признает в нем Выжившего. Когда Кел вернется, то займет другое положение, будет пробираться в особняк через заднюю дверь и не снимать капюшон в Лютадели. — Марш немного помолчал и поднялся. — Ладно, основы я объяснил. Теперь тебе нужно потренироваться. Когда будешь пересекаться с туманчиками, сосредоточивайся на их алломантической пульсации. А если нам доведется встретиться вновь, я покажу тебе еще кое-что, но только при условии, что ты освоишь азы.

Он ушел с балкона, не попрощавшись, и Вин проводила его взглядом. Вскоре она увидела, как он снова подходит к Кельсеру и Рену.

«На самом деле в них нет ненависти друг к другу, — думала она, облокотившись о перила балкона и глядя вниз, во двор. — Хотела бы я испытать такое...»

Некоторое время она размышляла и наконец решила, что любовь близких родственников должна немного походить на длину алломантической волны, которую ей теперь следовало искать, — то есть на то, с чем она сейчас совершенно незнакома.

21

Герой Веков окажется не человеком, но силой. Ни один народ не сможет на него претендовать, ни одной женщине не удастся его удержать, ни один король не сумеет его убить. Он не должен принадлежать никому, даже самому себе.

Кельсер спокойно сидел и читал, пока лодка медленно двигалась по каналу на север.

«Иногда меня тревожит, что я совсем не тот герой, за которого меня принимают», — было написано в дневнике.

«Какие у нас есть доказательства? Слова давно умерших людей, лишь теперь признанные пророческими? Даже если поверить в предсказания, надо изрядно постараться, чтобы соотнести их со мной. Правомерно ли считать события на Летнем Холме „ношей, выковавшей героя“? Несколько моих жен могли, наверное, дать мне „бескровную связь со всеми королями мира“, если смотреть под определенным углом. Можно найти десятки похожих фраз, так или иначе отсылающих к эпизодам моей жизни. Но точно так же они могут не иметь ко мне никакого отношения.

Философы уверяют, что пришло время и были соответствующие знамения. Но я продолжаю думать: а что, если они выбрали не того человека? Так много людей зависит от меня. Они говорят: я стану держать в руках будущее всего мира.

Но что они подумают, если узнают, что их защитник — Герой Веков, спаситель — сомневается в себе? Может, они вовсе и не будут потрясены. И пожалуй, это беспокоит меня сильнее всего. Что, если в глубине души они и сами удивлены — так же как и я?

Когда они видят меня, не видят ли они лжеца?

Рашек, похоже, думает именно так. Я знаю, что не должен позволять простому носильщику нарушать мое спокойствие. Но он из Терриса, оттуда, где родились пророчества. И если кто-то может заметить фальшивку, то почему не он?

И тем не менее я продолжаю свое путешествие, направляясь туда, где, как утверждают предсказания, я встречу с судьбой... и все иду и иду, спиной ощущая взгляд Рашека. Завистливый. Насмешливый. Ненавидящий.

И еще я тревожусь, как бы мое высокомерие не погубило всех нас».

Кельсер опустил книгу. Лодка шла рывками: скаа усердно тащили судно. Кельсер был рад, что Сэйзед успел сделать для него копию дневника Вседержителя до отплытия, иначе ему совершенно нечем было бы заняться во время путешествия.

Да, дневник оказался чрезвычайно интересным. Завораживающим и в то же время зловещим. Странно было читать слова, написанные самим Вседержителем. Кельсеру Вседержитель всегда представлялся не столько человеком, сколько... тварью. Злобной силой, которую необходимо уничтожить.

Однако автор дневника, похоже, был простым смертным. Он задавался вопросами, размышлял... казался человеком глубоким и сильным.

«Не следует так уж доверять этим записям, — подумал Кельсер, проводя ладонью по странице. — Люди редко судят о самих себе беспристрастно».

И все же история Вседержителя напомнила Кельсеру о легендах, слышанных им когда-то, — легендах, которые шепотом пересказывали скаа, обсуждали знатные лорды и запоминали хранители. Они гласили, что некогда, еще до Вознесения, Вседержитель был величайшим из людей. Любимым вождем, человеком, которому народы вверили свои надежды.

К несчастью, Кельсер знал, чем кончилась эта история. Последней империей. Вседержитель не спас человечество, он его поработил. Но когда Кельсер читал о начале тех событий, видел сомнения Вседержителя и его внутреннюю борьбу, все казалось ему еще более трагичным.

Кельсер хотел продолжить чтение, но лодка стала замедляться. Он выглянул из каюты. Десятки людей шагали по тропе вдоль канала, волоча четыре грузовые и две узкие баржи, на которых разместились охранники. Это был эффективный способ транспортировки различных товаров — и тяжелейший труд скаа. Однако бурлаки могли таким образом перетаскивать грузы, многократно превосходившие то, что они унесли бы на себе.

Сейчас скаа почему-то остановились. Впереди Кельсер рассмотрел шлюзовой механизм, за которым канал разделялся на два рукава. Нечто вроде водного перекрестка.

«Наконец-то», — подумал Кельсер.

Многодневное путешествие подходило к концу.

Кельсер не стал ждать посланца. Он просто вышел на палубу и достал из кошелька несколько монет.

«Пора их немножко расшевелить», — подумал он, роняя монетку на деревянную палубу.

Воспламенив сталь, Кельсер взмыл в воздух. Он помчался по дуге, быстро набирая высоту. Сверху он видел канал, людей, тащивших баржи к развилке, и тех, кто уже остановился и ждал своей очереди. Кельсер бросил еще монету, пролетая над тяжело груженной баржей, и оттолкнулся от нее, чтобы не потерять высоту. Будущие солдаты задрали головы, потрясенно указывая пальцами на Кельсера, парившего над каналом.

Кельсер воспламенил пьютер, наполняя тело силой, и приземлился на палубу узкой баржи, возглавлявшей караван.

Из каюты вышел удивленный Йеден.

— Лорд Кельсер! Мы... э-э... подошли к развилке.

— Сам вижу, — ответил Кельсер, оглядываясь на длинную очередь судов.

Люди на тропе взволнованно переговаривались, показывая в его сторону. Кельсер чувствовал себя немного странно, воспользовавшись алломантией среди бела дня, на глазах у множества зрителей.

«Что делать, такова необходимость, — подумал он. — Все эти люди теперь не скоро увидят меня, пройдет еще несколько месяцев. Я должен был произвести на них впечатление, дать им надежду, если, конечно, вся затея хоть чего-то стоит...»

— Может, проверить, здесь ли встречающие из пещер? — осведомился

Кельсер.

— Разумеется, — ответил Йеден, жестом приказывая одному из слуг подвести баржу к берегу и перебросить трап.

Йеден выглядел взволнованным; на самом деле он был человеком горячим и искренним, и Кельсер уважал его за это, хотя Йедену и не хватало внешнего лоска.

«У меня всю жизнь противоположная проблема, — весело подумал Кельсер, следом за Йеденом сходя на берег. — Я могу очаровывать людей одним своим видом, но при этом сам не верю в то, что говорю и делаю».

Они прошли вдоль ряда бурлаков. Перед рабочими стоял один из громил Хэма — он изображал капитана охраны Кельсера. «Капитан» отсалютовал.

— Мы добрались до развилки, лорд Кельсер.

— Сам вижу, — повторил тот.

Впереди, на склонах холмов, стояли густые березовые рощи, но они никого не интересовали. Империя владела более обильными источниками древесины, так что березы в здешних горах могли расти спокойно.

Кельсер воспламенил олово, щурясь на ослепительно вспыхнувшее солнце. Глаза быстро приспособились к яркому свету, и он заметил между деревьями легкое движение.

— Они там, — сказал Кельсер, подбрасывая монетку и с силой толкая ее.

Монетка понеслась вперед и ударилась о ствол. Сигнал был принят, и несколько человек в маскировочной одежде вышли из-за деревьев и зашагали к каналу по усыпанной золой и пеплом земле.

— Лорд Кельсер, — отсалютовал первый из них, — я — капитан Дему. Прошу, возьмите новобранцев и идите со мной. Генерал Хэммонд жаждет встретиться с вами.

*

«Капитан» Дему был молод, а выглядел настоящим солдатом. Ему едва перевалило за двадцать, но он руководил своим маленьким отрядом с такой серьезностью, что мог бы показаться самонадеянным, если бы не знал столько о воинском искусстве.

«Солдат водили в бой и большие юнцы, — думал Кельсер. — И если я в таком возрасте был бездельником, это не значит, что все должны быть такими же. Посмотреть только на бедняжку Вин... ей всего шестнадцать, а она готова поспорить в серьезности с Маршем».

Войдя в лес, они рассредоточились по разным тропинкам: по приказу Хэма каждому отряду надлежало идти своей дорогой, чтобы не оставлять явных следов. Кельсер оглянулся на мужчин, шедших позади, — их было около двух сотен — и слегка нахмурился. Они наверняка оставят после себя просеку, но что поделать? Передвижение такого количества людей едва ли можно скрыть.

Дему замедлил шаг, махнул рукой, и несколько солдат из его отряда быстро выбежали вперед. Они, конечно, и в сравнение не шли по выправке со своим командиром, и все же Кельсер был удивлен. Когда он приезжал в последний раз, эти люди выглядели настоящим сбродом, они не умели действовать сообща, как и большинство скаа-изгоев. Да, Хэм и его офицеры неплохо потрудились.

Солдаты отодвинули в сторону маскировочный кустарник, обнажив щель в земле. Внутри оказалось темно, стены поблескивали гранитом. Это была не обычная пещера, а дыра, уводящая в глубину.

Кельсер некоторое время стоял молча, всматриваясь в черную каменную расщелину. Его передернуло.

— Кельсер? — окликнул Йеден. — В чем дело?

— Напоминает Ямы. Они тоже выглядят как трещины в земле.

Йеден слегка побледнел:

— Ох... я...

Кельсер отмахнулся:

— Я знал, что меня ждет. Я спускался в Ямы каждый день в течение года, но всегда выходил наружу. Я их победил. У них нет власти надо мной.

И чтобы доказать правдивость своих слов, он шагнул вперед и начал спускаться в черную щель — достаточно широкую, чтобы в ней поместился крупный мужчина. Оглянувшись, Кельсер увидел, что солдаты — и отряд Дему, и новобранцы — молча наблюдают за ним. Он нарочно говорил с Йеденом настолько громко, чтобы его услышали.

«Пусть увидят и мою слабость, и то, как я ее преодолеваю».

Мысли звучали храбро. Однако, очутившись под землей, Кельсер словно переместился назад во времени. Зажатый между каменными стенами, он дрожащими пальцами нащупывал дорогу. Холод, сырость, темнота. Добывать атиум должны были рабы. Алломанты, конечно, работали бы более продуктивно, но использование алломантии поблизости от кристаллов атиума уничтожало их. Поэтому, наверное, Вседержитель посылал в шахты только приговоренных. Загонял в Ямы. Заставлял ползти вниз, всегда вниз...

Кельсер принудил себя двигаться вперед. Это не Ямы Хатсина. Щель не тянется бесконечно долго, в ней нет обросших кристаллами дыр, в которых нужно шарить разодранными, кровоточащими руками, чтобы нащупать жеоды атиума, скрытые в глубине. Один жеод давал неделю жизни. Жизни под кнутом надсмотрщика. Жизни под властью бога-садиста. Жизни под покрасневшим от стыда солнцем.

«Я должен изменить мир ради других, — думал Кельсер. — Сделать его лучше!»

Спускаться оказалось тяжело, куда тяжелее, чем Кельсер готов был признаться. К счастью, расщелина вскоре превратилась в большую подземную пещеру, и Кельсер заметил свет. Остаток пути он преодолел, просто рухнув и приземлившись на неровный каменный пол. Он улыбнулся человеку, ожидавшему его.

— Адский вход, Хэм! — сказал Кельсер, отряхивая с ладоней пыль.

Хэм улыбнулся:

— Видел бы ты нашу ванну...

Кельсер расхохотался, сторонясь, чтобы не мешать тем, кто спускался следом. Он обратил внимание, что от пещеры отходят несколько естественных туннелей. С уступа свисала узкая веревочная лестница, по которой проще было забраться наверх.

Вскоре внизу появились Йеден и Доксон. Их одежда порвалась и перепачкалась после сложного спуска. Да, вход был непростым. Но в том-то и крылся смысл.

— Страшно рад тебе, Кел, — сказал Хэм. Он непривычно выглядел в одежде с рукавами, которых обычно не признавал, — в строгой куртке, застегнутой на все пуговицы. — Ну, сколько человек вы мне привели?

— Всего лишь двести сорок с чем-то.

Хэм вскинул брови:

— Значит, набор в основном закончен?

— Наконец-то, — подтвердил Кельсер.

В пещеру начали спрыгивать солдаты, и несколько помощников Хэма вышли вперед, помогая новобранцам сориентироваться и уводя их в один из боковых туннелей.

К Кельсеру и Хэму подошел Йеден.

— Пещера потрясающая, лорд Кельсер! Я никогда прежде не бывал в таких местах. Нечего и удивляться, что Вседержитель не может нас обнаружить!

— Здесь все отлично охраняется и вообще устроено на славу, — с гордостью сообщил Хэм. — Входов всего три, и каждый представляет собой расщелину в склоне горы. Имея достаточное количество припасов, можно удерживать нашу крепость даже в том случае, если на нас бросят превосходящие силы противника.

— К тому же, — добавил Кельсер, — это не единственная пещера в здешних горах. Даже если бы Вседержитель всерьез задумал уничтожить

нас, его армии пришлось бы потратить не одну неделю, прочесывая местность, и все равно бы нас не нашли.

— Потрясающе, — повторил Йеден.

Он повернулся к Кельсеру:

— Лорд Кельсер, я ошибался насчет тебя. Эта операция... эта армия... вы сотворили нечто поистине впечатляющее.

Кельсер усмехнулся:

— На самом деле ты был прав насчет меня. Ты поверил мне, когда мы только задумали все это... и мы здесь лишь благодаря тебе.

— Я... ну да, наверное, — улыбнулся Йеден.

— В любом случае, — сказал Кельсер, — мне льстит твое доверие. Наверное, понадобится время, пока все спустятся... Не хочешь принять командование? Мне нужно переговорить с Хэммондом.

— Разумеется, лорд Кельсер.

В голосе Йедена прозвучало искреннее уважение, даже почтительность.

Кельсер жестом предложил Хэму отойти в сторону. Хэм, слегка нахмурившись, взял фонарь и повел Кельсера в один из боковых туннелей. Когда они оказались достаточно далеко, чтобы их никто не услышал, он остановился.

Кельсер вопросительно посмотрел на него. Хэм кивнул в сторону пещеры.

— Йеден определенно изменился, — сказал он.

— Я хорошо влияю на людей.

— Должно быть, их поражает твоя скромность. Я серьезно, Кел. Как тебе это удалось? Он пылал ненавистью, а теперь смотрит на тебя, как ребенок на обожаемого старшего брата.

Кельсер пожал плечами:

— Йедену никогда прежде не приходилось работать с хорошей опытной командой. Думаю, он начинает осознавать, что у нас действительно есть шанс. Прошло чуть больше полугода, а мы уже собрали столько мятежников, сколько он не видел за всю свою жизнь. Такой результат непременно должен был сломить его упрямство.

Хэма, похоже, не слишком убедили его слова. Он просто передернул плечами и направился дальше.

— Так о чем ты хотел поговорить?

— Вообще-то, я хотел посмотреть на два других входа, если можно, — ответил Кельсер.

Хэм кивнул и пошел вперед. Этот туннель, как и большинство других, не был сотворен руками человека, а представлял собой часть естественных подземных лабиринтов. В Центральном доминионе существовали сотни таких систем, в основном простых и маленьких. И только одна из них — Ямы Хатсина — скрывала в себе жеоды атиума.

— Йеден прав, — сказал Хэм, протискиваясь сквозь сужающийся туннель.
— Ты нашел отличное место, чтобы спрятать армию.

Кельсер кивнул:

— Отряды мятежников уже сотни лет скрываются в здешних подземных пещерах. Они так близко от Лютадели, что иной раз страшно становится, но Вседержителю ни разу не удавалось устроить успешный налет. Поэтому теперь он их просто не замечает. Думаю, слишком уж много раз его здесь постигали неудачи.

— Не сомневаюсь, — хмыкнул Хэм. — Тут слишком много всяких поворотов и узких щелей, чтобы драться с теми, кто знает каждый уголок.

Они вышли в очередную пещеру, меньшую по размерам. В ее потолке была такая же расщелина, сквозь которую просачивался солнечный свет. В пещере находился отряд из десятка солдат, которые мгновенно насторожились, заслышав шаги Хэма.

Кельсер посмотрел на них и одобрительно кивнул.

— Здесь всегда охрана? — спросил он.

— Да, у каждого из трех входов, — ответил Хэм.

— Хорошо.

Кельсер подошел ближе, рассматривая солдат. Он нарочно закатал рукава, чтобы были видны его шрамы, и отметил, как уставились на них бойцы. По правде говоря, Кельсер не знал, что ему следует проверять, но старался выглядеть как настоящий военачальник. Он изучил оружие — восемь боевых дубин, два меча — и несколькими велел поправить одежду, хотя никто из них не носил военной формы.

Наконец он обратился к солдату с эмблемой на плече:

— Кому ты позволишь покинуть пещеры, солдат?

— Только тому, у кого будет письмо с печатью генерала Хэммонда, сэр!

— И никаких исключений?

— Никаких, сэр!

— А если я захочу уйти прямо сейчас?

Солдат замялся:

— Э-э...

— Ты остановишь меня, — резко сказал Кельсер. — Никаких исключений, солдат! Ни для меня, ни для твоего приятеля, ни для офицеров — ни для кого! Нет печати — нет выхода.

— Так точно, сэр! — бодро ответил солдат.

— Молодец. Да, — добавил Кельсер, поворачиваясь к Хэму, — если у тебя все солдаты таковы, генерал, то у Вседержителя есть основания бояться.

При этих словах солдаты расправили плечи.

— Продолжайте в том же духе, ребята, — заявил Кельсер, направляясь к

туннелю.

Хэм пошел за ним.

— Спасибо, — негромко сказал он. — Они несколько недель только и говорили что о твоём приезде.

Кельсер пожал плечами:

— Я просто хотел убедиться, что они хорошо охраняют лагерь. Теперь у тебя людей прибавилось, и я настаиваю, чтобы посты были во всех туннелях, ведущих к выходам.

Хэм кивнул:

— Да, но это чересчур.

— Не смей меня, — отмахнулся Кельсер. — Один-единственный недовольный чем-то беглец или просто дурак может выдать нас Вседержителю. Хорошо, конечно, что ты в состоянии защитить пещеры, но, если снаружи встанут войска и ты очутишься в ловушке, от армии не будет проку.

— Верно, — согласился Хэм. — Хочешь взглянуть на третий выход?

— Конечно.

Хэм кивнул и повел его по очередному туннелю.

— Да, вот еще что, — немного погодя заговорил Кельсер. — Собери человек сто — тех, кому доверяешь, — и пусть проложат побольше тропинок в лесу. Если кто-то начнет искать тебя, нам не удастся скрыть, что по лесу ходило много людей. Но можно спутать следы, если появится несколько десятков троп, ведущих в разных направлениях.

— Хорошая мысль.

— У меня их сколько угодно, — усмехнулся Кельсер.

Они добрались до другой пещеры, намного большей, чем две предыдущие.

Это оказался тренировочный зал без выхода наверх. Здесь солдаты под присмотром наставников отрабатывали приемы боя на мечях и дубинах. Инструкторы были в мундирах. Идея принадлежала Доксону — чтобы офицеры носили мундиры. Всю армию одеть в форму не представлялось возможным, потребовалось бы слишком много денег, к тому же покупка такого количества обмундирования вызвала бы подозрение. Но то, что командиры всегда ходили в мундирах, порождало уверенность в рядовых солдатах.

Хэм остановился у входа в пещеру.

— Надо кое-что серьезно обсудить, Кел, — сказал он. — Эти люди... да, они начали чувствовать себя воинами, но... Короче, они же скаа. Они всю жизнь работали на фабриках или в полях. Я не знаю, как они поведут себя во время сражения.

— Если мы все сделаем правильно, им не придется много сражаться, — ответил Кельсер. — Ямы Хатсина охраняет всего пара сотен солдат... Вседержитель не может держать там большой отряд, не привлекая внимания к расположению Ям. Тысяча наших воинов без труда захватит Ямы и сразу отступит при приближении гарнизона. А оставшиеся девять тысяч столкнутся, вероятно, со стражниками Великих Домов и малой частью дворцовой гвардии, но мы будем превосходить их численно.

Хэм кивнул, хотя уверенности в его взгляде не прибавилось.

— Ну, в чем еще дело? — спросил Кельсер, прислоняясь к гладкой стене туннеля.

— А что потом, Кел? — выпалил Хэм. — Мы добудем атиум, передадим город — и нашу армию — Йедену. И что потом?

— Это уже дело Йедена, — пожал плечами Кельсер.

— Но их же всех убьют, — тихо сказал Хэм. — Десять тысяч человек не удержат Лютадель, когда подойдет имперская армия.

— Я приготовил для них кое-что получше, Хэм. Если нам удастся стравить лордов и свалить правительство...

— Ну, возможно, — с сомнением пробурчал Хэм.

— Ты же согласился с планом, Хэм, — напомнил Кельсер. — Мы именно это и задумывали с самого начала. Создать армию и передать ее Йедену.

— Да, знаю, — кивнул Хэм, вздыхая и тоже прислоняясь к стене. — Только я думал... Понимаешь, теперь, когда я командую ими, для меня все стало выглядеть иначе. Может, я просто не гожусь для такого дела. Я телохранитель, а не генерал.

«Я знаю, о чем ты думаешь, друг мой, — усмехнулся про себя Кельсер. — А я вор, а не пророк. Но иногда нам приходится играть другие роли, если того требует дело».

Он положил руку на плечо Хэма:

— Ты проделал отличную работу.

Хэм помолчал.

— Проделал? — переспросил он.

— Я привез Йедена сменить тебя. Мы с Доксом решили, что солдатам лучше привыкнуть к тому, что он их главнокомандующий. Пусть армия смотрит на него как на своего генерала. Кроме того, ты нужен в Лютадели. Кто-то должен начать работу с гарнизоном, а ты единственный из нас, у кого есть связи среди военных.

— Значит, я вернусь в столицу вместе с тобой?

Кельсер кивнул.

Хэм явно не ожидал такого, но через несколько мгновений расслабился и улыбнулся:

— Значит, я наконец-то смогу снять мундир! Но ты уверен, что Йеден справится?

— Ты же сам сказал, он сильно изменился за последние месяцы. И он действительно блестящий командир... отлично руководил мятежниками

после того, как мой брат оставил пост.

— Мне казалось...

Кельсер грустно покачал головой:

— Нас стало меньше, Хэм. Ты и Бриз — вот и все, кому я действительно могу доверять, и ты нужен мне в столице. Йеден, вероятно, не идеальная кандидатура, но эта армия должна со временем стать его войском. Так что пусть привыкает. К тому же ему будет чем заняться, а то он уже начал проявлять недовольство по поводу своей роли в плане. — Кельсер помолчал и весело усмехнулся. — Думаю, он просто завидует тому, какое внимание я уделяю другим.

Хэм засмеялся:

— Да, вот это перемена...

Они пошли дальше, оставив позади тренировочный зал, и углубились в извилистый туннель, чуть заметно уходящий вниз. Единственным источником света им служил фонарь Хэма.

— Знаешь, — через несколько минут заговорил Хэм, — в этих пещерах что-то есть. Может, ты уже заметил... Местами они просто прекрасны.

Кельсер ничего подобного не замечал. Он огляделся по сторонам. Справа от него туннель немного расширился, и дальняя стена его целиком состояла из тонких сталактитов и сталагмитов, похожих на грязноватые сосульки. Они переплетались между собой, свет фонаря заставлял их вспыхивать крошечными огоньками. Пол туннеля впереди походил на застывшую реку.

«Нет, — подумал Кельсер, — я не вижу в этом красоты, Хэм».

Возможно, другим и могли понравиться цветные камни и поблескивающие кристаллы. Но только Кельсер видел Ямы Хатсина. Бесконечные подземные коридоры, многие из которых обрывались вертикально вниз. Ему приходилось протискиваться сквозь щели, проваливаться в темноту, и ни единая искра не освещала ему дорогу.

Там он частенько подумывал о том, чтобы просто не возвращаться. Но

потом всякий раз натыкался на труп другого пленника, который то ли заблудился в темноте, то ли окончательно сдался. Кельсер ощупывал кости и обещал самому себе потерпеть еще немного. Он каждую неделю находил жеод атиума. И каждую неделю избегал казни посредством жестокого избиения.

Кроме того последнего раза... Он не заслужил жизни — его должны были убить. Но Мэйр дала ему жеод, сказав, что за последнюю неделю нашла два. И только после возвращения наверх он обнаружил, что она солгала. На следующий день ее забили до смерти. Прямо у него на глазах.

В ту ночь Кельсер пробудился, стал рожденным туманом. А следующей ночью умерли многие.

Очень многие.

«Выживший в Хатсине. Человек, которому не следовало жить. Даже увидев ее смерть, я не смог понять, предала она меня или нет. Вручила ли она мне тот жеод из любви? Или ее подтолкнуло чувство вины передо мной?»

Нет, Кельсер не видел в пещерах никакой красоты. Многие сходили с ума в Ямах, не вынеся тесных замкнутых пространств. С Кельсером такого не случилось. Однако он знал, что, какие бы красоты ни таили в себе подземные лабиринты, как бы ни были прекрасны скрытые в них кристаллы и камни, ему никогда не станет близким все это. После смерти Мэйр — никогда.

«Не хочу больше думать об этом», — решил Кельсер.

Вокруг как будто стало темнее. Кельсер посмотрел на Хэма.

— Ладно, Хэм. Валяй, скажи, о чем ты думаешь?

— Честно? — с неожиданным жаром спросил Хэм.

— Конечно, — смиренно ответил Кельсер.

— Хорошо. Меня в последнее время мучает один вопрос: отличаются ли на самом деле скаа от знатных людей?

— Само собой, отличаются, — сказал Кельсер. — У аристократов есть деньги и земли. У скаа нет ничего.

— Я не об этом... я имею в виду физические различия. Ты ведь знаешь, что твердят поручители?

Кельсер кивнул.

— А правда ли это? Я хочу сказать, у скаа ведь всегда множество детишек, а у знати, я слышал, с этим проблемы.

Равновесие — так это называлось. Предполагалось, что таким образом Вседержитель добивался, чтобы знатных людей не стало слишком много, а количество скаа, напротив, не уменьшилось. Чтобы они, несмотря на постоянные побои и убийства, могли выращивать достаточно еды и работать на заводах и фабриках.

— Лично я всегда рассматривал это как пустую болтовню братства, — искренне сказал Кельсер.

— Но мне приходилось видеть женщин-скаа, родивших больше десятка детишек, и притом я не могу назвать ни одной знатной семьи, где родилось бы больше трех наследников.

— Это просто традиция.

— А разница в росте? Не зря же говорят, что раньше отличить скаа от знатного человека можно было по внешнему виду. Теперь все не так, слишком много полукровок, но большинство скаа все равно низкорослые.

— Я думаю, дело в питании. Скаа никогда не едят досыта.

— А что ты скажешь об алломантии?

Кельсер нахмурился.

— Вот видишь? Тебе придется признать, что физические различия все-таки есть, — заявил Хэм. — Скаа не может стать туманщиком, этот дар проявляется только у тех, у кого в предках был знатный человек не дальше пятого колена.

Это действительно обстояло так, тут спорить не приходилось.

— Скаа и думают иначе, чем знатные люди, — продолжал Хэм. — Даже наши солдаты весьма робки, а ведь мы отбирали храбрейших! Йеден прав насчет большинства скаа: они никогда не станут мятежниками. Вот я и думаю... а что, если между нами действительно есть серьезные различия? Что, если аристократы имеют право властвовать над нами?

Кельсер замер на месте.

— Ты не можешь всерьез так думать.

Хэм тоже остановился.

— Ну... я и не думаю. Просто иногда мне это кажется странным. Лорды владеют алломантией, правильно? Может, так и задумано, чтобы они стояли у власти?

— Кем задумано? Вседержителем?

Хэм пожал плечами.

— Нет, Хэм, — серьезно сказал Кельсер, — это неправда. Неправда! Я знаю, такое трудно понять... все это длится слишком долго, но в жизни скаа есть что-то по-настоящему неправильное. И ты должен в это поверить.

Хэм немного помолчал, потом наконец кивнул.

— Пойдем, — вздохнул Кельсер. — Я хочу увидеть третий выход.

*

Неделя тянулась долго. Кельсер инспектировал войско, проверял, как обучают солдат, как кормят, какое у них оружие, как ведется разведка и охрана подходов к пещерам и так далее. Но главное — он разговаривал с людьми. Он хвалил и ободрял их и частенько использовал алломантию на глазах у всех.

Многие скаа слышали об алломантии, но мало кто знал, что это такое. Знатные туманцики редко пользовались силой в присутствии посторонних,

а полукровки были и того осторожнее. Обычные скаа, даже столичные, понятия не имели, что значит «толкать сталью» или «разжигать пьютер». И когда они видели, как Кельсер парит в воздухе или сражается с небывалой силой, то воспринимали это как некое «алломантическое волшебство». Кельсер ничего не имел против.

Однако всю эту хлопотливую неделю он то и дело вспоминал разговор с Хэмом.

«Да как он вообще мог помыслить о том, что скаа — низшие существа?» — думал Кельсер, сидя во время обеда за отдельным столом и ковыряясь в тарелке.

Центральная пещера была достаточно велика, чтобы вместить армию из семи тысяч человек, хотя многие сидели в боковых нишах и туннелях. Стол Кельсера установили в глубине пещеры, на каменном выступе.

«Наверное, я принимаю это слишком близко к сердцу».

Хэм вообще склонен был размышлять о вещах, к которым ни один разумный человек не относился серьезно; это была всего лишь еще одна философская дилемма. Он, похоже, и сам забыл о своих недавних тревогах. Он смеялся, болтая с Йеденом, и живо расправлялся с едой.

Что же касается Йедена, то тощий главарь мятежников выглядел вполне довольным своим генеральским мундиром и всю неделю серьезно обсуждал с Хэмом будущую стратегию военных действий. Свои новые обязанности он принял естественно и легко.

Вообще, Кельсер, похоже, оказался единственным, кто не радовался пиру. Ужин приготовили из привезенных продуктов, и, хотя он был весьма скромным по меркам аристократов, многие скаа никогда в жизни ничего подобного не пробовали. Солдаты шумно обсуждали еду и наслаждались небольшими порциями эля.

Кельсера не оставляла тревога. Что думают его солдаты о целях, за которые им предстоит сражаться? Им явно нравилось учиться военному делу, но, возможно, гораздо больше им нравилась сытная ежедневная кормежка. Верят ли они, что действительно способны разрушить Последнюю империю? Считают ли они себя хуже аристократов?

Кельсер угадывал их потаенные чувства. Многие уже осознали грозящую им опасность, и лишь строгость командиров удерживала их от бегства. Они с жаром спорили о приемах боя, они ни слова не говорили о главном — о захвате дворца Вседержителя, о сражении с гарнизоном Лютадели.

«Наверное, они не надеются на успех, — думал Кельсер. — Им необходима уверенность. Начало, конечно, положено слухами обо мне, но...»

Он толкнул локтем Хэма и тихо спросил:

— Есть у тебя серьезные нарушения дисциплины?

Хэм нахмурился, услышав неожиданный вопрос.

— Случаются иногда. В такой толпе всегда найдутся недовольные.

— Знаешь кого-то конкретного? Человека, который хотел бы уйти отсюда? Мне нужно услышать мнение того, кому не нравится наша затея.

— Двое сидят в карцере, — сказал Хэм.

— А прямо здесь? Лучше, чтобы он находился тут, за одним из столов поближе.

Хэм, поразмыслив, оглядел солдат.

— Вон тот парень, за вторым столом, в красном плаще. Его две недели назад поймали на попытке бегства.

Человек, о котором шла речь, оказался тощим и нервным типом. Он сидел за столом ссутулившись, с отсутствующим видом. Кельсер покачал головой:

— Мне бы кого попривлекательнее.

Хэм в раздумьях потер подбородок. Потом указал на другой стол:

— Билг. Вон тот здоровый, за четвертым столом справа.

— Вижу, — пробормотал Кельсер.

Он пригляделся: сильный, мускулистый мужчина, с окладистой бородой и в жилете.

— Он достаточно умен, чтобы открыто не нарушать дисциплину, — сказал Хэм. — Но он исподтишка настраивает людей. Считает, что у нас нет шансов выстоять против Последней империи. Я бы отправил его в карцер, но не могу наказывать человека только за то, что он боится... тогда мне пришлось бы пересажать половину армии. Кроме того, он слишком хороший воин, чтобы просто взять и избавиться от него.

— Он великолепен, — решил Кельсер.

Воспламенив цинк, он всмотрелся в Билга. Цинк не давал возможности читать мысли, но можно было вычленив человека из толпы и воздействовать только на него, гася или разжигая определенные чувства, как если бы он был всего лишь одним кусочком металла из многих сотен.

Впрочем, выделить Билга в толпе оказалось не так уж легко, и Кельсер сосредоточился на всем столе — соседи Билга тоже могли ему пригодиться. Потом он встал. Разговоры в пещере постепенно затихли.

— Друзья, прежде чем я уеду, мне хотелось бы еще раз сказать, что вы произвели на меня огромное впечатление, — заговорил Кельсер.

Его голос, усиленный хорошей акустикой, разносился под сводами пещеры.

— Вы становитесь отличной армией. Простите, что забираю генерала Хэммонда, но я привез на его место прекрасного человека. Многие из вас и раньше знали генерала Йедена — и вам известно, что он уже давно руководит мятежниками. Я уверен, что он поможет вам стать превосходными солдатами.

Кельсер начал понемногу разжигать чувства Билга и его соседей по столу, рассчитывая на то, что они не согласны с его словами.

— Я прошу вас совершить великое дело, — продолжал Кельсер, не глядя в сторону Билга. — Скаа, живущие в Лютадели, — да и вообще все скаа — даже не догадываются, на что вы готовы ради них. Они не подозревают, как вы учитесь сражаться, они не знают о битвах, которые вам предстоят. Однако они отдадут вам должное. И однажды назовут вас героями. — Он

еще сильнее разжег эмоции Билга. — Гарнизон Лютадели силен. Но мы сумеем разбить его, особенно если быстро возьмем городские стены. Не забывайте, зачем вы пришли сюда. Вы пришли не просто научиться махать мечом или застегивать шлем. Речь идет о революции, равной которой не видел мир, — о том, чтобы захватить власть и изгнать Вседержителя. Не забывайте об этой цели.

Кельсер сделал паузу. Краем глаза он видел, как помрачнели лица мужчин за столом Билга. Наконец в полной тишине Кельсер услышал, как кто-то что-то тихо пробормотал. Но благодаря акустике эти слова эхом разлетелись по пещере.

Кельсер нахмурился, поворачиваясь к Билгу.

— Ты что-то сказал? — спросил он.

«Вот момент, когда он должен решиться. Струсит или нет?»

Билг бросил на него ответный взгляд. Кельсер обрушил на противника вспышку латуни — и преуспел. Билг вскочил, побагровев.

— Да, сэр! — рявкнул он. — Я что-то сказал. Я сказал, что кое-кто из нас вовсе не забыл о «цели». Мы думаем о ней каждый день.

— И что именно ты думаешь? — поинтересовался Кельсер.

По пещере пробежал шепот — солдаты передавали разговор тем, кто сидел слишком далеко.

Билг глубоко вздохнул:

— Мы думаем, сэр, что вы посылаете нас на заклание. Армия Последней империи куда больше столичного гарнизона. И не имеет значения, возьмем мы городские стены или нет... нас в любом случае перебьют. Вы не можете победить империю с парой тысяч солдат.

«Блестяще! — подумал Кельсер. — Прости, Билг. Кто-то должен был это сказать... но не я».

— Я вижу, здесь мы не согласны, — громко произнес он. — Я верю в этих

людей и в их великую цель.

— А я верю, что ты дурак и фантазер! — проревел Билг. — И я был еще большим дураком, когда потащился в эти проклятые пещеры. Если ты так уверен в победе, то почему никого не выпускаешь отсюда? Мы будем сидеть в клетке до тех пор, пока ты не отправишь нас на смерть!

— Ты оскорбляешь меня! — крикнул Кельсер. — Ты отлично знаешь, почему никому не разрешается выходить. Почему ты так хочешь сбежать, солдат? Может, тебе не терпится продать товарищей Вседержителю? Получить несколько мер за четыре тысячи жизней?

Лицо Билга стало еще краснее.

— Я бы никогда такого не сделал, но я не позволю посылать меня на бойню! Твоя армия — пустая затея!

— Твои слова — слова труса и предателя, — парировал Кельсер. Он оглядел толпу. — Генералу не пристало бросать вызов младшему по званию. Найдется ли солдат, готовый показать этому человеку, что такое честь?

Сразу же встало около двух десятков. Кельсер обратил особое внимание на одного. Он был ниже других ростом, но выглядел чрезвычайно пылким и искренним. Кельсер заметил его еще раньше.

— Капитан Дему!

Молодой капитан стремительно вышел вперед.

Кельсер выхватил свой меч и протянул его воину.

— Умеешь драться на мечах, парень?

— Да, сэр!

— Кто-нибудь, найдите клинок для Билга и пару колетов.

Кельсер повернулся к Билгу:

— У знатных людей есть традиция. Когда они не могут договориться, то улаживают дело при помощи дуэли. Победи этого человека — и иди куда хочешь.

— А если он победит меня? — спросил Билг.

— Тогда ты умрешь.

— Я все равно умру, даже если останусь, — заявил Билг, забирая меч из рук ближайшего соседа. — Принимаю условия.

Кельсер кивнул и махнул рукой, предлагая солдатам раздвинуть столы и освободить место для дуэли. Солдаты окружили импровизированную площадку, чтобы наблюдать за схваткой.

— Кел, что ты делаешь? — прошипел Хэм.

— Только то, что необходимо.

— Необходимо... Кельсер, парень не справится с Билгом! Я доверяю Дему, именно поэтому я произвел его в капитаны, но он отнюдь не великий воин! А Билг — один из лучших мечников в армии!

— Солдаты это знают? — уточнил Кельсер.

— Еще бы! Прекрати этот цирк. Дему чуть ли не в два раза меньше Билга... и по умениям ему в подметки не годится. Билг разделает его двумя ударами!

Кельсер как будто не услышал просьбы. Он сидел, молча наблюдая, как Билг и Дему проверяют мечи, а солдаты застегивают на них кожаные колеты. Когда все было готово, Кельсер подал знак к началу боя.

Хэм застонал.

Он ожидал, что схватка продлится недолго. Билг уверенно шагнул вперед и быстро нанес несколько пробных ударов. Но Дему, похоже, был не так уж плох и все удары сумел отразить. Однако он действительно не годился Билгу в соперники.

Глубоко вздохнув, Кельсер воспламенил сталь и железо.

Билг занес меч, но Кельсер оттолкнул лезвие в сторону, давая Дему возможность увернуться. Молодой капитан попытался атаковать, но Билг легко отбил его клинок и тут же бросился вперед, заставив Дему отступить. Тот хотел отпрыгнуть, спасаясь от летящей стали, но двигался слишком медленно. Лезвие меча устремилось к нему, казалось, что вот-вот...

Кельсер железом подтянулся к фонарю за спиной, чтобы не упасть со стула, — и дернул за металлические пряжки на колете Дему. Кельсер успел вовремя, и капитан отлетел назад, очутившись вне досягаемости меча противника.

Дему неловко приземлился, а клинок Билга ударился о каменный пол пещеры. Рослый солдат недоуменно воззрился на собственное оружие, и по толпе прокатился изумленный ропот.

Билг зарычал и, замахнувшись, опять рванулся в атаку. Дему принял удар на клинок, но Билг с легкостью отбил его в сторону. Он снова замахнулся, и Дему инстинктивно вскинул меч, защищаясь.

Кельсер сталью остановил меч Билга на полпути. Дему стоял, вскинув руку с мечом, и выглядело это так, будто он силой мысли задержал грозившее ему оружие. Участники поединка замерли: Билг пытался шевельнуть мечом, а Дему изумленно смотрел на собственную руку. Потом, приосанившись, Дему сделал осторожный выпад.

Кельсер толкнул сталью, опрокинув Билга на спину. Огромный воин повалился наземь, вскрикнув от изумления. Когда мгновением позже он вскочил на ноги, Кельсеру уже не нужно было разжигать его ярость. Билг взревел, схватил меч двумя руками и прыгнул на Дему.

«Некоторые просто не умеют вовремя останавливаться», — подумал Кельсер, когда Билг занес меч над головой.

Дему хотел отбить удар, но Кельсер просто отодвинул его в сторону. Мгновенно опомнившись, Дему схватил меч обеими руками и кинулся навстречу Билгу. Кельсер взялся за его клинок на взмахе и, вызвав вспышку железа, повел вперед.

Мечи скрестились, и усиленный алломантией удар Дему вышиб оружие из рук Билга. Раздался звон, и здоровяк упал, сбитый с ног небывалой атакой капитана. Меч Билга отлетел далеко в сторону.

Дему шагнул вперед, занося меч над ошеломленным Билгом, но тут же остановился. Кельсер, поддерживая горение железа, потянул за меч, чтобы нанести смертельный удар, но Дему сопротивлялся.

Кельсер на мгновение замер.

«Проигравший должен умереть!» — раздраженно подумал он.

Билг, лежавший на каменном полу, тихо стонал. Кельсер увидел, что его рука выгнулась под неестественным углом, из нее торчал обломок кости и текла кровь.

«Ладно, — смилостивился Кельсер. — Достаточно».

Он прекратил тянуть меч Дему. Капитан опустил свое оружие, посмотрел на Билга, потом перевел удивленный взгляд на собственные руки. Пальцы его дрожали.

Кельсер встал, и по толпе пробежал шепот.

— Неужели вы думаете, что я отправлю вас сражаться с Вседержителем неподготовленными? — громко спросил Кельсер. — Неужели вы думаете, что я пошлю вас на смерть? Вы будете драться за справедливость, друзья! Я не брошу вас в битве с солдатами Последней империи. — Кельсер поднял руку, держа в пальцах маленький металлический слиток. — Вы слышали об этом? Вы знаете, что говорят об одиннадцатом металле? Ну так вот, у меня он есть, и я им воспользуюсь! Вседержитель умрет!

В пещере поднялся гвалт.

— И это не единственное наше оружие! — взревел Кельсер, перекрывая гул голосов. — У вас есть внутренняя сила, огромная сила! Вы слышали о тайной магии, которой владеет Вседержитель? Она есть и у нас! Пируйте, мои солдаты, и не бойтесь предстоящей битвы!

Толпа взорвалась восторженными криками, и Кельсер жестом приказал

принести еще эля. Двое слуг подошли к Билгу, чтобы помочь ему встать.

Вернувшись на место, Кельсер наткнулся на хмурый взгляд Хэма.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Знаю, — тихо ответил Кельсер.

Хэм хотел добавить что-то еще, но тут над ними навис Йеден.

— Это было потрясающе! Я... Кельсер, я не знал! Тебе следовало раньше рассказать, что ты умеешь передавать другим свою силу! Разве теперь мы сможем проиграть?

Хэм положил руку на плечо Йедена и усадил его на место.

— Ешь! — приказал он.

Придвинув свой стул поближе к Кельсеру, Хэм жарко зашептал:

— Ты только что солгал всей моей армии, Кел.

— Нет, дружище, — возразил Кельсер. — Я солгал моей армии.

Хэм помрачнел и замолк.

— Это ведь ложь только отчасти, — начал объяснять Кельсер. — Им не нужно быть настоящими воинами, они должны просто производить впечатление — достаточно долго, чтобы мы успели захватить атиум. Тогда мы подкупим гарнизон, и никому не придется сражаться. Это почти то же самое, что я им обещал.

Хэм не стал спорить.

— Прежде чем мы уедем, — добавил Кельсер, — я хочу, чтобы ты отобрал несколько десятков самых преданных и достойных доверия солдат. Отправим их в Лютадель. Они должны поклясться, что никому не выдадут месторасположение армии, зато будут распространять среди скаа слухи о сегодняшнем вечере.

— Ради приумножения твоей славы? — фыркнул Хэм.

Кельсер покачал головой:

— Иногда нам приходится делать то, что самим противно, Хэм. Может, я эгоист, но суть-то не во мне. У нас другие цели.

Хэм немножко подумал, ковыряя вилкой в тарелке. Он не ел, просто смотрел на окровавленные камни перед возвышением.

«Ох, Хэм, — подумал Кельсер, — как бы мне хотелось все тебе объяснить...»

За одними замыслами кроются другие, за одной интригой — еще десяток.

22

Поначалу были те, кто не считал Бездну серьезной угрозой, по крайней мере для себя. Однако ей мы обязаны болезнью растений, поразившей почти все края. Армии бессильны против нее. Великие города сдаются перед ее властью. Урожай погиб, земля умирает.

Именно с этим я сражаюсь. Это чудовище я должен победить. Боюсь, я слишком долго собирался. Разрушения уже так велики, что мне страшно за человечество. Оно может не выжить.

Неужели это тот самый конец света, который предсказывали философы?

Вин читала дальше:

«Мы прибыли в Террис в начале этой недели, и надо сказать, местность тут прекрасная. Величественные горы на севере — со снежными вершинами и лесистыми склонами — высятся, словно боги-хранители, над зеленой плодородной землей. Мои родные края на юге в основном плоские, равнинные. Думаю, они могли бы выглядеть не такими унылыми, если бы их разнообразили несколько холмов.

Здесь живут в основном скотоводы, хотя попадаются и лесорубы, и фермеры. И все равно это край пастухов. И кажется очень странным, что именно эти столь откровенно земледельческие места могли породить пророчества и божественных сущностей, от которых теперь зависит весь мир.

Мы наняли нескольких террисийцев в качестве носильщиков, чтобы они помогли нам перебраться через самые сложные из горных перевалов. Они непростые люди. Слухи о террисийцах воистину верны: кое-кто из них обладает весьма необычными способностями, и это заставляет задуматься.

Они умеют каким-то образом запастись силами для следующего дня. Перед сном они в течение часа лежат на походных постелях и в это время меняются внешне, становятся хилыми, хрупкими с виду, как будто постарели на полвека. Но по утрам они вновь бодры и крепки. Видимо, их сила как-то связана с металлическими браслетами и серьгами, которые они

постоянно носят.

Старшим у них носильщик по имени Рашек, весьма неразговорчивая личность. Тем не менее любопытный Брэчис обещал расспросить его как следует, надеясь узнать, как террисийцам удается накапливать силы.

Завтра начинается последний этап нашего паломничества — мы отправляемся к Дальним горам Терриса. Там я надеюсь отыскать мир и покой — для самого себя и для нашей несчастной страны».

Читая свою копию дневника, Вин быстро сделала несколько открытий. В-первых, ей не нравилось читать. Сэйзед, конечно, не слушал ее жалоб, а говорил, что она пока недостаточно владеет техникой чтения. Разве он не понимал, что чтение — бесполезное занятие по сравнению с ножевым боем или алломантией?

И все же Вин продолжала читать, как и требовал Сэйзед, пусть даже из чистого упрямства, чтобы доказать, что она на это способна. Многие слова в рукописи тяжело давались ей, и она пряталась в самой уединенной части особняка Рену, где могла произносить их вслух, стараясь разобраться в странном стиле Вседержителя.

Упорное чтение привело ее ко второму выводу: Вседержитель оказался жутким нытиком. Страницы дневника заполняли либо скучные описания его путешествия, либо жалобы и длинные рассуждения о морали. Вин уже жалела, что когда-то нашла во дворце эту книгу.

Она вздохнула, откидываясь на спинку плетеного кресла. Прохладный весенний ветерок пробежал по саду, слева журчал ручей, вытекавший из подземного источника. Воздух наполняла приятная свежесть, деревья укрывали Вин от полуденного солнца. Да, в том, чтобы быть знатной леди, пусть даже ненастоящей, имелись свои преимущества.

Позади слышались тихие шаги. Они были еще далеко, но Вин давно привыкла постоянно поддерживать тление олова. Она осторожно обернулась через плечо.

— Призрак? — удивилась она, увидев Лестиборнеса, шагавшего по садовой дорожке. — Что ты тут делаешь?

Призрак замер на месте, залившись краской.

— Да это вот... Докс велел мне тута подождать.

— Доксон? — воскликнула Вин. — Он тоже здесь?

«Может, он привез новости от Кельсера?»

Призрак кивнул, подходя ближе.

— Как оружие притарабанят, мы его тута прикопаем ненадолго.

Вин застыла.

— Ты прости, я не поняла...

— Мы привезли еще немного оружия. — Призрак изо всех сил старался говорить правильно. — Подержим его тут маленько, потом будем отправлять.

— Ясно. — Вин встала, расправив юбку. — Мне надо его увидеть.

Призрак замялся и еще гуще покраснел.

Вин вскинула голову:

— Что-то не так?

Призрак внезапно сунул руку в карман жилета и что-то достал. Вин мгновенно воспламенила пьютер, но в руке Призрака оказался обычный бело-розовый носовой платок. Юноша сунул его Вин.

Вин неуверенно взяла платок.

— Зачем это?

Призрак резко развернулся и убежал.

Вин проводила его непонимающим взглядом и посмотрела на платок. Он был сделан из мягкого кружева, но ничего необычного Вин в нем не обнаружила.

«Странный парнишка», — подумала она, засовывая платок в рукав платья.

Прихватив копию дневника, она пошла по дорожке. Она настолько привыкла к платью, что, почти не думая, придерживала подол, чтобы не цепляться за кусты или камни.

«Наверное, это уже само по себе искусство», — мысленно улыбнулась она, добравшись до выхода из сада вполне благополучно: платье ни разу не зацепилось за ветки.

Войдя в дом, она остановила первого попавшегося слугу.

— Мастер Делтон приехал? — спросила она, называя Доксона фальшивым именем.

В Лютадели Доксон изображал из себя торгового партнера лорда Рену.

— Да, моя леди, — ответил слуга. — Он сейчас с лордом Рену в кабинете.

Вин отпустила слугу. Наверное, она могла бы пойти в кабинет, но это выглядело бы некрасиво. Леди Валетт была совершенно лишней на деловом совещании.

Вин в раздумье прикусила нижнюю губу. Сэйзед постоянно твердил ей, что необходимо соблюдать этикет.

«Отлично, — подумала она, — я подожду. И кстати, может быть, Сэйзед объяснит мне, что я должна делать с платком этого сумасшедшего мальчишки?»

Она направилась в библиотеку на верхнем этаже, не забывая улыбаться, но при этом гадая, о чем говорят Рену и Доксон. Очередная партия оружия явно была лишь предлогом: Доксону совершенно незачем принимать в этом личное участие. Может, Кельсер задерживается? Или Доксон наконец-то получил весточку от Марша — ведь тот вместе с другими новоиспеченными поручителями вскоре должен был приехать в Лютадель...

«Доксон и Рену могли бы и сами послать за мной», — сердито подумала Вин.

Леди Валетт частенько принимала гостей вместе с дядей.

Вин тряхнула головой. Кельсер называл ее полноправным членом команды, но остальные явно продолжали относиться к ней как к ребенку. Они были милы с ней, но даже не думали посвящать ее в свои дела. Наверное, они поступали так ненамеренно, но от этого Вин не становилось менее обидно.

В библиотеке горели лампы. Конечно, Сэйзед сидел там, переводя последние страницы дневника. Он поднял голову, когда вошла Вин, улыбнулся и уважительно кивнул.

«Надо же, он без очков! — отметила Вин. — Тогда зачем он надевал их прежде?»

— Госпожа Вин, — сказал Сэйзед, вставая и придвигая для нее кресло. — Как продвигается изучение дневника?

Вин глянула на стопку небрежно скрепленных страниц в руке.

— Ничего. Я только не понимаю, зачем мне это читать... ты ведь дал копии и Бризу с Кельсером.

— Разумеется, — подтвердил Сэйзед. — Однако мастер Кельсер просил, чтобы каждый член команды обязательно ознакомился с дневником. Я думаю, он абсолютно прав. Чем больше людей прочтет эти слова, тем больше вероятность разгадать тайну, скрытую за ними.

Вин вздохнула, расправляя юбку и опускаясь в кресло. Ее бело-голубое платье было прекрасно. Оно предназначалось для дневного времяпрепровождения, но по роскоши лишь немногим уступало вечерним туалетам.

— Вы должны признать, госпожа, — сказал Сэйзед, усаживаясь, — текст просто изумительный. Это сочинение — мечта любого хранителя. Я узнаю о собственной стране такие вещи, которые даже мне были неизвестны!

Вин кивнула:

— Я как раз дошла до места, где они прибывают в Террис.

«Остается надеяться, что в следующей части он меньше внимания станет уделять перечислению дорожных припасов. Если честно, уж очень занудно пишет наше злобное божество...»

— Да-да! — откликнулся Сэйзед с несвойственным ему волнением. — Вы заметили, что он описывает Террис как «зеленый плодородный край»? Об этом говорят и легенды хранителей. Сейчас Террис — холодная пустыня... там повсюду мерзлая грязь, и почти ни одно растение не способно выжить. Но когда-то Террис был прекрасен и зелен, как описано в книге!

«Прекрасен и зелен... — подумала Вин. — Почему зеленый цвет обязательно прекрасен? Не хватало еще, чтобы растения были синими или лиловыми... вообще вышла бы жуть!»

Однако кое-что в дневнике все же заставило Вин удивиться, — кое-что, о чем помалкивали и Сэйзед, и Кельсер.

— Я как раз прочитала, как Вседержитель нанял носильщиков-террисийцев, — осторожно заговорила она. — Он пишет, что они очень сильны днем, потому что позволяют себе быть слабыми по ночам.

Сэйзед внезапно напрягся:

— Да, действительно.

— Ты что-то знаешь об этом? Это имеет какое-то отношение к хранителям?

— Имеет, — кивнул Сэйзед. — Но пусть лучше это останется секретом. Не потому, что вы недостойны доверия, госпожа Вин. Просто чем меньше людей знает о хранителях, тем меньше слухов о нас. Пусть Вседержитель поверит, что уничтожил нас полностью, ведь он так стремился к этому последнюю тысячу лет.

Вин пожала плечами:

— Как пожелаешь. Надеюсь, секреты, которые Кельсер надеется найти в книге, не имеют отношения к силе террисийцев, потому что если это так, то лично я ничегошеньки не замечу.

Сэйзед молчал.

— Ну ладно, — беззаботно бросила Вин, перелистывая еще не прочитанные страницы. — Похоже, он только и думает что о террисийцах. Боюсь, мне нечего будет рассказать Кельсеру.

— Вы уже многое заметили, — медленно произнес Сэйзед. — И незачем устраивать из этого целый спектакль.

Вин ехидно улыбнулась.

— Хорошо, — со вздохом сказал Сэйзед. — Похоже, зря мы позволили вам проводить столько времени с мастером Бризом.

— Те люди, из дневника, — спросила Вин, — они хранители?

Сэйзед кивнул:

— Тех, кого мы теперь называем хранителями, тогда было много... возможно, даже больше, чем туманщиков среди нынешней знати. Наше искусство называется «ферухимия», оно позволяет сохранять определенные физические способности внутри металлических предметов.

Вин нахмурилась:

— Так вы тоже жжете металлы?

— Нет, госпожа, — покачав головой, ответил Сэйзед. — Ферухимики не похожи на алломантов. Мы не сжигаем металлы. Мы используем их как склады, хранилища. Каждый кусочек металла, в зависимости от размера и состава, может сохранять определенные физические качества. Ферухимики откладывают эти качества про запас, а когда наступает подходящий момент, пользуются ими.

— Качества? Вроде силы?

Сэйзед кивнул:

— Террисийцы-носильщики, описанные в дневнике, вечером становились слабыми, потому что собирали физическую силу в своих браслетах, чтобы использовать ее на следующий день.

Вин присмотрелась к Сэйзеду:

— Вот почему ты носишь так много серег!

— Да, госпожа, — подтвердил Сэйзед и закатал рукава. Выше локтей у него были толстые железные браслеты. — Я скрываю часть своих запасов, но ношу много колец и серег. Это всегда было присуще культуре Терриса. Вседержитель даже пытался однажды запретить террисийцам прикасаться к металлу... по сути, он хотел сделать ношение металлических украшений привилегией знати, чтобы скаа вообще не имели их.

Вин нахмурилась.

— Это очень странно, — сказала она. — Знати следовало бы как раз отказаться от металлических украшений, ведь они делают лордов уязвимыми для алломантии.

— Совершенно верно, — согласился Сэйзед. — Однако в имперскую моду давным-давно вошло украшение одежды металлом. И началось это, я подозреваю, как раз тогда, когда Вседержитель возжелал отказать террисийцам в праве касаться металлов. Он сам начал носить металлические кольца и браслеты, а знать подражает ему во всем. А в наши дни большинство богатых людей носит металлические украшения как символ своего статуса.

— Звучит довольно глупо, — заметила Вин.

— Мода часто глупа, госпожа, — усмехнулся Сэйзед. — Но все эти хитрости потерпели неудачу. Многие аристократы стали носить деревянные украшения, раскрашенные под металл, а террисийцы умудрились перетерпеть сложные времена. Уж очень это непрактично — не позволять дворецким прикасаться к металлу. Но желание Вседержителя полностью уничтожить хранителей никуда не ушло.

— Он боится вас.

— И ненавидит. Не только ферухимиков, но вообще всех террисийцев. — Сэйзед положил руку на еще не переведенную часть текста. — Я надеюсь и эту тайну раскрыть благодаря дневнику. Никто не помнит, из-за чего Вседержитель начал преследовать жителей Терриса, но я подозреваю, что

это как-то связано с теми носильщиками... Их старший, Рашек, кажется весьма противоречивой личностью. Вседержитель часто упоминает о нем.

— Еще он пишет о религии, — сказала Вин. — Религии Терриса. И что-то насчет пророчеств. Что ты знаешь о них?

Сэйзед покачал головой:

— Я не могу ответить, госпожа. Я знаю о религии Терриса не больше вас.

— Но ты же собираешь разные религии. Почему ты ничего не знаешь о своей собственной?

— Не знаю, — грустно ответил Сэйзед. — Видите ли, госпожа, как раз поэтому и возникли хранители. Много веков назад мой народ спрятал нескольких выживших ферухимиков. Вседержитель провел жестокую чистку среди террисийцев... еще до того, как он придумал разводить нас, точно скот. Прежде мы не были слугами и не были обычными скаа. Мы были теми, кого надлежало уничтожать. Но что-то удержало Вседержителя от полного истребления нашего народа. Не знаю, что именно... может, он решил, что это слишком мягкое наказание. В общем, в первые два века своего правления он весьма успешно истреблял нашу веру. Общество хранителей появилось в следующем столетии, и его члены стали разыскивать то, что считалось утраченным, чтобы запомнить и сохранить для будущего.

— С помощью ферухимии?

Сэйзед кивнул, проводя пальцами по браслету на правой руке:

— Вот этот медный. Он позволяет сохранять воспоминания и мысли. Каждый хранитель носит несколько таких браслетов, наполненных знанием, — здесь песни, легенды, молитвы, исторические хроники, разные языки. У многих хранителей есть свои области интереса. Для меня это религии. А вместе мы помним все накопленные знания. Если хотя бы один из нас доживет до смерти Вседержителя, люди смогут восстановить все то, что утратили. — Он немного помолчал и опустил рукава. — Нет, не все. Есть вещи, которых и мы не знаем.

— Ваша собственная религия, — тихо сказала Вин. — Вы ее так и не

нашли?

— Да. Вседержитель пишет, что к Источнику Вознесения его привели наши пророчества, и даже это абсолютно новая для нас информация. Во что мы верили? Чему или кому поклонялись? Откуда взялись эти террисийские пророки и как именно они предсказывали будущее?

— Мне очень жаль...

— Мы продолжаем искать, госпожа. И со временем, думаю, найдем ответы. А если и нет, мы все равно оказываем человечеству бесценную услугу. Нас считают покорными слугами, а мы на свой лад боремся с Вседержителем...

Вин кивнула:

— Что еще ты можешь накапливать? Силу, воспоминания — а еще?

Сэйзед внимательно посмотрел на нее:

— Мне кажется, я и так сказал уже слишком много. Вы поняли в общих чертах, что мы делаем, и если в дневнике Вседержителя встретится упоминание о чем-то подобном — вы не запутаетесь.

— Зрение, — внезапно осенило Вин. — Вот почему ты носил очки несколько недель после того, как спас меня. Тебе нужно было тогда очень хорошо видеть в темноте, и ты израсходовал весь запас. Потом долго восполнял потраченное...

Сэйзед ничего не ответил. Он просто взял перо, намереваясь вернуться к переводу.

— Что-нибудь еще, госпожа?

— Вообще-то, да, — сказала Вин, доставая из рукава платок. — Ты не знаешь, что это?

— Выглядит как носовой платок, госпожа.

Вин скривилась:

— Очень смешно. Ты слишком много времени проводишь с Кельсером, Сэйзед.

— Знаю, — со вздохом согласился террисиец. — Думаю, он плохо влияет на меня. Что особенного в этом платке?

— Как раз это я и хочу понять! — воскликнула Вин. — Его только что дал мне Призрак.

— А! Тогда понятно.

— Что?

— В обществе знатных людей, госпожа, носовой платок — традиционный дар молодого человека юной леди, если он стремится к серьезным отношениям.

Вин изумленно уставилась на платок:

— Что?! Мальчишка сошел с ума!

— Большинство юношей его возраста немного не в себе, я полагаю, — с улыбкой сказал Сэйзед. — Я бы не назвал это неожиданностью. Разве вы не замечали, как он смотрит на вас, когда вы входите в комнату?

— Я считала, он просто странный. О чем он вообще думает? Он же намного моложе меня!

— Ему пятнадцать, госпожа. Так что разница между вами всего в один год.

— В два, — возразила Вин. — Мне на прошлой неделе исполнилось семнадцать.

— Все равно он ненамного моложе.

Вин возвела глаза к потолку:

— У меня нет времени отвечать на его ухаживания!

— Осмелюсь заметить, госпожа, что вам стоило бы ценить свои возможности. Не всем так повезло.

Вин замерла.

«Он же евнух, дура!..»

— Сэйзед, извини, я...

Сэйзед отмахнулся:

— Я не тоскую о том, чего не успел познать, госпожа. Может, мне и повезло... жизнь на дне не способствует семейным радостям. Бедняга Хэммонд, например, месяцами не видит жены.

— Хэм женат?!

— Конечно, — кивнул Сэйзед. — И мастер Йеден тоже, я уверен. Они держат свои семьи как можно дальше и не посвящают в подробности того, чем занимаются, — для их же безопасности. Но это вынуждает к долгим разлукам.

— А кто еще? — спросила Вин. — Бриз? Доксон?

— Мастер Бриз несколько эгоистичен для того, чтобы обзавестись семьей, мне так кажется. А мастер Доксон никогда не говорит на эту тему, но я подозреваю, что в прошлом у него были какие-то тяжелые переживания. Как нетрудно догадаться, это обычное дело для скаа с плантаций.

— Доксон с плантаций? — изумленно переспросила Вин.

— Да. Неужели вы никогда просто так не беседуете со своими друзьями, госпожа?

«Друзья. У меня есть друзья».

Это была странная мысль, порождавшая странные чувства.

— Не важно, — сказал Сэйзед. — Мне нужно работать. Простите мою невежливость, но мне осталось совсем немного.

— Да, конечно, — пробормотала Вин, вставая и расправляя юбку. — Спасибо, Сэйзед.

*

Доксона она нашла в кабинете для гостей. Он что-то писал, а рядом на столе лежали аккуратные стопки бумаг. Доксон был одет в обычный для знатного человека костюм, и в этой одежде он явно чувствовал себя лучше, чем другие члены команды. Кельсер всегда выглядел чересчур броско, Бриз — безусловно и в то же время слишком роскошно, а вот Доксон смотрелся естественно.

Когда Вин вошла в кабинет, он поднял голову.

— Вин? Извини... мне следовало послать за тобой. Но мне почему-то казалось, что тебя нет дома.

— Да, в последние дни меня частенько не бывает, — ответила она, закрывая за собой дверь. — Но сегодня я здесь. Мне надоело слушать, как знать болтает о пустяках за обедом.

— Могу себе представить, — улыбнулся Доксон. — Присаживайся.

Вин кивнула, подходя к столу. Ей нравились тишина и уют кабинета. Он был выдержан в теплых тонах и отделан деревом. Снаружи еще не стемнело, но Доксон уже задернул занавески и работал при свече.

— Есть новости от Кельсера? — спросила Вин, усевшись.

— Нет, — покачал головой Доксон и отложил бумагу. — И неудивительно. Он не собирался задерживаться в пещерах, так что отправлять посланца было бы глупо... Кельсер — алломант, он может передвигаться быстрее верхового. Но я думаю, его не будет еще несколько дней. Это же Кельсер, в конце концов.

Вин кивнула, не зная, что еще сказать. Она не слишком часто общалась с Доксоном — во всяком случае, не проводила с ним так много времени, как с Кельсером и Сэйзедом... или даже с Хэмом и Бризом. Но он казался добрым человеком. Очень надежным и очень умным. И в то время как другие вносили свой вклад в общее дело той или иной алломантической силой, Доксона ценили просто за его организаторские способности.

Когда нужно было что-нибудь раздобыть — например, платья для Вин, —

Доксон делал это мгновенно. Когда нужно было арендовать дом, или закупить припасы, или организовать охрану, Доксон все устраивал. Он не шел в авангарде, не обманывал вельмож, не сражался в тумане, не набирал солдат. Однако без него, как подозревала Вин, вся команда просто развалилась бы.

«Он хороший человек, — сказала она себе. — Он не будет возражать, если я задам вопрос...»

— Докс, а как вообще живется людям на плантациях?

— Э-э... на плантациях?

Вин кивнула:

— Ты ведь там вырос? Ты с плантации?

— Да, — не спеша заговорил Доксон, — я оттуда. Как там живут? Не знаю, что ответить, Вин. Это тяжелая жизнь, но жизнь большинства скаа тяжела. Нам нельзя было отлучаться без разрешения, даже на соседние поля. Мы ели чаще, чем уличные скаа, но работали столько же, сколько скаа на фабриках. Наверное, даже больше. Плантации вообще сильно отличаются от городов. Там каждый лорд сам себе хозяин. Вообще-то, формально скаа принадлежат Вседержителю, а вельможи только арендуют их, но они могут убивать рабочих, если им вздумается. Лордов интересует только одно: чтобы урожай был в порядке.

— Ты как-то очень спокойно говоришь об этом, — тихо сказала Вин.

Доксон пожал плечами:

— Это было давно, Вин. Я не думаю, что жизнь на плантациях чрезмерно тяжела. Это просто жизнь, и другой мы не знали. На самом деле теперь мне известно, что на фоне других владельцев плантаций мой лорд был еще ничего.

— Тогда почему ты сбежал?

Доксон помолчал.

— Были причины, — сказал он наконец, и в голосе его прозвучала боль. — Ты знаешь, что по закону лорд вправе взять себе любую женщину-скаа, какую пожелает?

Вин кивнула:

— Да, но потом он обязан сразу же убить ее...

— Или не сразу, а немного погодя, — кивнул Доксон. — Но так, чтобы она не смогла родить ребенка-полукровку.

— И лорд забрал женщину, которую ты любил?

Доксон кивнул:

— Я предпочитаю не говорить об этом. Не потому, что не в силах, а потому, что в этом нет смысла. Я не единственный скаа, потерявший возлюбленную из-за страсти лорда или, скорее, из-за его безразличия. Могу поспорить даже, что трудно найти скаа, который не потерял бы любимого человека из-за вельможи. Так уж устроен наш мир.

— А кем она была?

— Обычной девушкой с плантации. Я же сказал, в моей истории нет ничего особенного. Я помню, как... как мы прокрадывались между хижинами по ночам, чтобы встретиться. Все нам помогали, прятали от надсмотрщиков... нам ведь не разрешалось выходить из жилищ после наступления темноты. Я ради нее впервые преодолел страх перед туманом, и хотя многие думали, что бродить по ночам опасно, другие, не столь суеверные, поощряли меня. Наверное, их воодушевляла романтичность нашей истории. Мы с Кариен напомнили им, что в жизни есть смысл. А когда мою Кариен забрал лорд Девинше... и на следующее утро ее тело вернули нам для похорон... что-то еще ушло из наших хижин, что-то еще умерло. Я почувствовал это на следующий вечер. Я не знал, есть ли на свете места лучше плантаций, но я просто не мог находиться там, не мог видеть родных Кариен, не мог видеть лорда Девинше...

Доксон вздохнул, качая головой. Вин наконец — впервые — увидела на его лице отражение чувств.

— Знаешь, — сказал он, — меня иной раз изумляет, что мы вообще живем. После того, что они сделали с нами, после смертей и пыток у нас вроде бы не должно было остаться ни любви, ни надежды. Но это не так. Скаа продолжают любить. Они все так же пытаются обзаводиться семьями и бороться. И погляди, что из этого вышло... мы ведем маленькую безумную войну, задуманную Кельсером, мы противостоям богу, который, как мы прекрасно понимаем, просто перережет всех нас.

Вин притихла, пытаясь представить тот ужас, который описывал Доксон.

— Я... мне показалось, ты говорил, что твой лорд был добрее прочих.

— Конечно, — кивнул Доксон. — Лорд Девинше редко позволял забивать своих скаа до смерти, он лишь уничтожал стариков, когда скаа чрезмерно размножились. И у него всегда была безупречная репутация. Ты, наверное, встречалась с ним на балах... он обычно всю зиму проводит в Лютадели.

Вин похолодела.

— Доксон, но это ужасно! Как лорды могут терпеть подобное чудовище?

Доксон нахмурился и наклонился вперед, оперевшись руками в письменный стол.

— Вин, они все такие.

— Я знаю, что так говорят скаа, — возразила Вин. — Но люди, с которыми я встречаюсь на балах, другие! Я же их вижу, я с ними танцую. Докс, многие из них добрые, хорошие люди. Вряд ли они знают, какие ужасные вещи проделывают со скаа.

Доксон посмотрел на нее со странным выражением в глазах:

— Неужели я действительно слышу эти слова от тебя, Вин? Как ты думаешь, почему мы сражаемся против них? Неужели ты не понимаешь, на что они — все они — способны?

— Возможно, они бывают бессердечными, — сказала Вин, — или равнодушными. Но они не чудовища, не все они такие, как твой прежний хозяин.

Доксон покачал головой:

— Ты слепа, Вин. Любой лорд может ночью изнасиловать и убить женщину-скаа, а наутро рассуждать о морали и добродетели. Скаа для них не люди. Знатные леди не считают изменами те ночи, что их мужья проводят с женщинами-скаа.

— Я... — Вин умолкла, растерявшись.

С этой стороной жизни лордов она действительно не сталкивалась и не хотела бы сталкиваться. Побои она могла простить, но такое...

Доксон внимательно смотрел на нее.

— Ты позволяешь им дурачить себя, Вин. Да, в городах это не слишком заметно, тут есть публичные дома, но убийства все равно происходят. В некоторых борделях работают женщины благородной крови, но очень бедные. Однако в большинстве держат скаа, и их время от времени убивают, чтобы не привлекать внимания инквизиторов.

Вин стало не по себе.

— Я... знаю о борделях, Доксон. Брат вечно угрожал продать меня туда. Но то, что публичные дома существуют, вовсе не значит, что все мужчины их посещают. Многие рабочие, например, не ходят в бордели.

— Речь идет об аристократах, Вин, — сухо сказал Доксон. — Они ужасные существа. Как ты думаешь, почему я ни слова не говорю, когда Кельсер их убивает? Тебе бы следовало спросить тех симпатичных юношей, с которыми ты танцуешь, как часто они спят с женщинами-скаа, зная, что тех впоследствии убьют? Все они делают это, так или иначе.

Вин опустила голову, уставившись в пол.

— Им нет прощения, Вин, — продолжал Доксон.

Он не пылал страстью, как Кельсер, он просто воспринимал это как должное.

— Не думаю, что Кел будет счастлив, пока хоть один из них жив. Конечно,

я сомневаюсь, что мы зайдем так далеко... что сможем добиться этого, но я сам был бы рад, если бы их общество рухнуло.

Вин молчала.

«Не могут все они быть такими, — думала она. — Они так прекрасны, так преисполнены достоинства... Эленд никогда бы не воспользовался женщиной-скаа и не убил бы ее... ведь так?»

23

Я сплю каждую ночь по несколько часов. Мы должны двигаться вперед, проходить в день как можно больше, но, когда мы наконец останавливаемся, я не могу заснуть. Мысли, что беспокоят меня днем, в ночной тишине становятся еще громче.

Кроме того, я слышу, как высоко в горах что-то пульсирует... и каждый глухой удар как будто притягивает меня к вершинам.

— Говорят, что смерть братьев Джеффенри — возмездие за убийство лорда Энтроуна, — тихо рассказывала леди Клисс.

Музыканты на сцене, за спинами компании, в которой находилась Вин, продолжали играть, но было уже поздно, и танцующих осталось немного.

Окружавшие леди Клисс слушатели нахмурились. Их вместе с Вин и ее кавалером, Миленом Давенпле, молодым наследником незначительной семьи, было шестеро.

— Помилуйте, Клисс, — сказал Милен, — Дома Джеффенри и Текиэль — союзники! Зачем Текиэлям убивать двоих Джеффенри?

— И в самом деле, зачем? — подхватила леди Клисс, с видом заговорщицы наклоняясь вперед, отчего ее пышная светлая прическа слегка всколыхнулась.

Леди Клисс никогда не отличалась особым вкусом, зато была наилучшим источником светских сплетен.

— Вы помните, что лорда Энтроуна нашли мертвым в саду Текиэлей? — спросила Клисс. — Ну так ясно же, что все должны подумать: его убил один из врагов Дома Текиэль. А Дом Джеффенри просил Текиэлей о заключении союза. Очевидно, что кто-то из их семьи решил: если с Текиэлями что-то случится, они будут искать поддержки.

— Ты хочешь сказать, что Джеффенри намеренно убили сторонника Текиэлей? — спросил лорд Рене, с которым у леди Клисс этим вечером

было свидание. Он наморщил широкий лоб, пытаясь разобраться в интриге. Леди Клисс похлопала его по руке.

— Не бери в голову, дорогой, — посоветовала она и тут же продолжила: — Разве вы не понимаете? Тайком убив лорда Энтроуна, Джеффенри надеялись, что Текиэли поневоле станут их союзниками. А это дало бы им доступ к речным маршрутам Текиэлей на восточных равнинах.

— Но ничего не вышло, — задумчиво произнес Милен. — Текиэли разгадали хитрость и тут же убили Ардоуса и Каллинса.

— Я на последнем балу пару раз танцевала с Ардоусом, — сказала Вин.

«А теперь он мертв, и его труп нашли на мостовой в трущобах скаа...»

— Вот как? — оживился Милен. — И хорошо он танцевал?

— Не очень, — пожала плечами Вин.

«Что ты мелешь, Милен? Человек погиб, а тебя интересует только одно — танцевал ли он лучше, чем ты!»

— Теперь он танцует с червями, — сказал Тиден, третий, и последний мужчина в их компании.

Милен хихикнул, хотя шутка Тидена этого не заслуживала. Лорд Тиден всегда шутил довольно грубо. Он и выглядел так, что уместнее смотрелся бы в компании воров и грабителей вроде шайки Камона, а не среди лордов на балу.

«А Доксон говорил, что они все таковы, как бы ни выглядели...»

Вин никак не могла выбросить из головы разговор с Доксоном. Когда она только начала снова появляться в свете — после того, как едва не погибла, — все вельможи казались ей подделками, ненастоящими людьми. Почему же она забыла о том первом впечатлении? Позволила увлечь себя нескончаемым маскарадом, начала восхищаться их манерами и благородством?

Теперь ее пробирал озноб, когда чья-то рука во время танца ложилась ей на

талию... как будто за теплом их тел она ощущала могильный холод. Скольких скаа убил Милен? А Тиден? Он был похож на человека, готового каждую ночь наслаждаться шлюхами...

Но Вин продолжала играть свою роль. В этот вечер она наконец надела черное платье, чувствуя необходимость как-то отгородиться от других дам, наряженных в яркие туалеты и сияющих еще более яркими улыбками. Она не могла просто сбежать, она была обязана проводить с ними время и постепенно обретала тот статус, ради которого затевалась вся игра. Кельсер обрадуется, что его план относительно Дома Текиэль сработал. И Вин узнала не только это. Она услышала еще с десятков разных разговоров, полезных для ее друзей.

Один из этих разговоров касался Дома Венчер. Он, похоже, готовился к продолжительной войне. Одним из подтверждений этому служило то, что Эленд теперь гораздо реже появлялся на балах. А когда приезжал, то в основном избегал Вин, хотя она и сама не искала встречи. Воспоминания о рассказе Доксона заставляли ее предполагать, что ей трудно будет следовать этикету в беседе с ним.

— Милен, — спросил лорд Рене, — вы все еще собираетесь поучаствовать вместе с нами в завтрашней игре?

— Конечно, Рене, — ответил Милен.

— В прошлый раз вы говорили то же самое, — заметил Тиден.

— Я приду, — пообещал лорд Милен. — В прошлый раз случилось кое-что неожиданное.

— Оно точно не случится опять? — спросил Тиден. — Вы же знаете, нельзя играть без четвертого человека. И если вы не уверены, мы можем пригласить кого-то другого...

Лорд Милен вздохнул и резко взмахнул рукой, подзывая кого-то. Его жест привлек внимание Вин, которая до сих пор не вслушивалась в разговор. Она обернулась — и едва не подпрыгнула от испуга, увидев подходившего к ним поручителя.

До сих пор ей удавалось избегать встреч с поручителями на балах. После

столкновения с высшим преланом несколько месяцев назад, когда она невольно привлекла внимание инквизитора, Вин опасалась очутиться рядом с одним из них.

Поручитель шел к ним, нацепив на лицо кривую улыбку. Он казался другим, не похожим на окружавших Вин людей. Может, из-за того, что держал руки перед собой, спрятав их в рукава серого одеяния. Может, виной тому были татуировки, частично скрытые морщинами. А может, Вин напугали его глаза... ей чудилось, что они видели за маской ее сущность... Воистину поручители — глаза Вседержителя, блюстители его законов.

Поручитель остановился возле их стола. Судя по татуировкам, он принадлежал к ортодоксальному кантону, бюрократическому аппарату братства. Он окинул компанию взглядом и проговорил невыразительным голосом:

— Слушаю вас?

Лорд Милен поспешно извлек несколько монет.

— Я пообещал этим двоим встретиться с ними завтра за игрой в шелдри,
— сказал он, протягивая монеты пожилому поручителю.

Глупо было за этим звать поручителя, — по крайней мере, так казалось Вин. Однако поручитель не засмеялся и явно не счел повод нелепым. Он просто улыбнулся, схватив монеты ловко, как уличный воришка.

— Я свидетельствую это, лорд Милен, — сказал он.

— Удовлетворены? — спросил Милен у остальных.

Все закивали.

Поручитель отвернулся, даже не посмотрев на Вин, и пошел прочь. Она облегченно вздохнула, глядя ему вслед.

«Они должны знать все, что происходит при дворе, — сообразила она. — Если вельможи призывают их даже для того, чтобы засвидетельствовать такие незначительные вещи...»

Чем больше Вин узнавала о братстве, тем лучше понимала, как умно Вседержитель распорядился поручителями. Они заверяли все до единой торговые сделки: Доксону и Рену почти каждый день приходилось встречаться с ними. Только поручители могли узаконить брак, развод, приобретение земли, подтвердить унаследованный титул. Если поручитель не присутствовал при каком-то событии, оно считалось несостоявшимся; если не ставил свою печать на какой-то документ, документ оставался как будто ненаписанным.

Вин тряхнула головой. Разговор перешел на другие темы. Вечер оказался длинным, ее память была битком набита разными сведениями, которые стоило бы записать на обратном пути в Феллис.

— Простите меня, лорд Милен, — сказала она, касаясь его руки; он слегка вздрогнул. — Думаю, мне пора домой.

— Я провожу вас до кареты, — тут же предложил он.

— В этом нет необходимости, — со сладкой улыбкой возразила Вин. — Хочу немножко отдохнуть, да и все равно мне надо ждать моего террисийца. Я просто посижу пока за своим столом.

— Как вам будет угодно, — с вежливым кивком ответил лорд.

— Конечно, идите, если вам нужно, Валетт, — сказала леди Клисс. — Но вы еще не знаете новостей о братстве.

Леди Клисс прищурилась вслед уходящему поручителю.

— Нынче инквизиторы так и роятся. За последние месяцы они переловили в два раза больше воров-скаа, чем обычно. Они даже не казнят их, просто убивают на месте.

— Откуда вы знаете? — скептически поинтересовался Милен.

Он выглядел таким уверенным в себе, таким благородным... Никому бы и в голову не пришло, что на самом деле он может быть другим.

— У меня свои осведомители, — с улыбкой ответила леди Клисс. — И я знаю, что сегодня днем инквизиторы накрыли еще одну банду. Разорили их

логово недалеко отсюда.

По телу Вин пробежали ледяные мурашки. Они ведь находились совсем недалеко от лавки Колченога...

«Нет, не может быть. Доксон слишком умен. Даже когда Кельсера нет в городе, мы в безопасности».

— Проклятые воры! — зло бросил Тиден. — Проклятые скаа забыли свое место. Разве мы даем им так мало еды и одежды, что они вынуждены воровать?

— Просто удивительно, как эти твари вообще выживают в своих бандах! — промурлыкала Карли, молодая жена Тидена. — Вообразить не могу, каким тупицей надо быть, чтобы позволить скаа ограбить себя.

Тиден покраснел, и Вин украдкой бросила на него удивленный взгляд. Карли редко открывала рот, и то лишь затем, чтобы уязвить мужа.

«Должно быть, его самого ограбили. Или надули мошенники».

Запомнив полезную новость, Вин повернулась, чтобы уйти, и тут же лицом к лицу столкнулась с подошедшей к их кружку дамой — Шэн Элариэль.

Бывшая невеста Эленда выглядела блистательно, как всегда. Ее длинные каштановые волосы ослепительно сверкали, а безупречная фигура напомнила Вин о ее собственной худобе и нескладности. Шэн, казавшаяся настолько уверенной в себе, что у любого могла вызвать робость, была, как теперь начала понимать Вин, воплощением идеала леди.

Мужчины сразу почтительно склонили головы, а женщины поспешили присесть в реверансе, польщенные, что в их разговоре сочла возможным поучаствовать столь важная особа. Вин огляделась, ища пути к отступлению, но Шэн стояла прямо перед ней...

Шэн просияла.

— А, лорд Милен, — обратилась она к кавалеру Вин, — как жаль, что дама, с которой вы собирались сегодня встретиться, заболела. Похоже, вам пришлось довольствоваться малым.

Милен покраснел. Замечание Шэн поставило его в неловкое положение. Следовало ли ему броситься на защиту Вин и тем самым заслужить неодобрение могущественной аристократки? Или согласиться с леди Шэн, оскорбив тем самым спутницу?

Лорд Милен избрал самый трусливый выход: он сделал вид, что ничего не слышал.

— Леди Шэн, какая удача, что вы решили присоединиться к нам.

— Несомненно, — ровным тоном произнесла леди Шэн.

Она окинула Вин взглядом, и ее глаза заблестели.

«Чтоб ты провалилась!» — зло подумала Вин.

Похоже, каждый раз, когда леди Шэн становилось скучно, она разыскивала Вин, чтобы отыгаться на ней.

— Однако, — продолжала леди Шэн, — боюсь, я пришла не для беседы. Может, это и не слишком приятно, но мне нужно поговорить с малышкой Рену. Вы нас извините?

— Разумеется, моя леди, — сказал Милен, отступая назад. — Леди Валетт, благодарю за то, что составили мне компанию сегодняшним вечером.

Вин простилась с ним и с остальными, чувствуя себя раненым зверем, которого бросила стая. Ей очень не хотелось разговаривать с Шэн.

— Леди Шэн, — начала Вин, когда они остались наедине, — думаю, ваш интерес ко мне безоснователен. Я в последнее время почти не вижу с Элендом.

— Я знаю, — величественно кивнула леди Шэн. — Похоже, я переоценила ваши способности, дитя. Логично было бы предположить, что вы, завоевав внимание человека, стоящего неизмеримо выше вас, постараетесь не дать ему ускользнуть так легко.

«Разве она не завидует мне? — подумала Вин, подавляя желание сжаться в комочек, когда Шэн коснулась ее эмоций алломантической силой. — Ей

следовало бы ненавидеть меня за то, что я заняла ее место».

Однако это не пристало знатной леди. Вин ничего собой не представляла, она была лишь мимолетным приключением лорда. К тому же Шэн не собиралась вновь завладеть вниманием Эленда, она просто хотела нанести ответный удар задевшему ее человеку.

— Умной девочке следует держаться в соответствии со своим положением и именно из него извлекать выгоду, — сказала леди Шэн. — Если вы думаете, что на вас обратит внимание еще какой-нибудь высокий лорд, вы ошибаетесь. Эленду нравится шокировать двор — и для этого он, естественно, выбирает самую простенькую и неловкую даму, какую только может найти. Так что теперь вам не скоро удастся найти серьезного кавалера.

Вин стиснула зубы от обиды и алломантического давления. Шэн отлично владела искусством заставляя людей чувствовать себя бесконечно униженными.

— А теперь, — продолжала Шэн, — я прошу вас раздобыть для меня кое-какие сведения о книгах, что носит с собой Эленд. Вы ведь умеете читать?

Вин кротко кивнула.

— Вот и хорошо. Все, что вам нужно, — это запомнить названия книг... только не обращайтесь внимания на переплеты, они могут не соответствовать содержанию. Прочтите несколько первых страниц, потом расскажете мне.

— А если я вместо этого расскажу Эленду, что вы затеяли?

Леди Шэн рассмеялась:

— Моя дорогая, вы не знаете, что я затеяла. Кроме того, вы как будто неплохо продвигаетесь в обществе. Наверняка вы понимаете, что и думать не должны о том, чтобы предать меня.

С этими словами леди Шэн отвернулась и пошла прочь, и мгновенно вокруг нее собралась толпа аристократов. Алломантическое давление на Вин ослабло, и она дала свободу гневу и разочарованию. Прошло то время, когда она в такой ситуации просто сбежала бы, наплевав на оскорбления.

Напротив, она преисполнилась желанием ответить ударом на удар.

«Успокойся! — приказала себе Вин. — Все прекрасно. Ты стала пешкой в игре Великих Домов... Многие мелкие вельможи наверняка мечтают о такой возможности».

Вин вздохнула, возвращаясь к своему столу, который она сегодня делила с лордом Миленом. Бал проходил в великолепной крепости Дома Гастинг. Ее высокое здание окружали шесть прекрасных башен, каждая из которых стояла чуть поодаль и соединялась с соседними при помощи галереи. И везде — и в башнях, и в круглом центральном здании — было множество витражных окон.

Бальный зал располагался на верхнем этаже главной башни. К счастью, вельможам не приходилось подниматься по лестницам: хозяйева оборудовали здесь подъемные платформы, которые обслуживали скаа. Сам же бальный зал казался довольно скромным в сравнении с некоторыми из тех, где бывала Вин: простая комната со сводчатым потолком и витражными окнами.

«Забавно, как легко можно пресытиться роскошью, — думала Вин. — Не исключено, что именно поэтому вельможи вытворяют такие страшные вещи. Они так долго убивают скаа, что это уже не тревожит их».

Она попросила слугу найти Сэйзеда и уселась, чтобы дать отдых ногам.

«Хоть бы Кельсер скорее вернулся».

Когда его не было, команда, включая саму Вин, как будто не знала, чем заняться. Не то чтобы Вин не хотелось работать, просто энергия Кельсера заставляла ее действовать живее.

Вин рассеянно оглядывалась по сторонам и вдруг заметила Эленда Венчера, стоявшего неподалеку и беседовавшего с несколькими молодыми лордами. Вин застыла. Часть ее существа — собственно Вин — захотела поскорее сбежать или просто спрятаться под стол. Она бы там поместилась, даже в платье.

Но, как ни странно, другая ее часть — леди Валетт — оказалась в этот момент сильнее.

«Я должна поговорить с ним, — подумала она. — Не из-за леди Шэн, просто я хочу знать правду. Доксон преувеличивает. Я почти уверена».

Но когда она успела стать такой решительной?.. Вин удивлялась самой себе. Она пересекла бальный зал, на ходу оглядев свое черное платье. Один из собеседников Эленда хлопнул младшего Венчера по плечу, кивая в сторону Вин. Эленд обернулся, а его собеседники поспешно удалились.

— О, Валетт! — сказал он, когда Вин остановилась перед ним. — Я сегодня поздно приехал. Я даже не знал, что вы здесь.

«Лжец. Конечно, ты знал. Валетт ни за что не пропустила бы бал у Гастингов».

Как ей заговорить о самом главном? Как спросить?..

— Вы просто избегаете меня, — упрекнула она.

— Я бы так не сказал. Я просто был занят в последнее время. Домашние дела, знаете ли. Кроме того, я предупреждал вас, что я грубиян и... — Он умолк на полуслове. — Валетт? У вас все в порядке?

Вин вдруг обнаружила, что всхлипывает, а по ее щеке сползает слеза.

«Идиотка! — обругала она себя, быстро промокая глаза платком Лестиборнеса. — Ты испортишь макияж!»

— Валетт, да вы дрожите! — воскликнул Эленд. — Идемте на балкон, глотнете свежего воздуха.

Вин позволила увести себя от звуков музыки и болтовни гостей, и они вышли в тихую темноту. Балкон — один из многих, расположенных наверху главной башни крепости Гастинг, — пустовал. Здесь горел единственный каменный фонарь, вырезанный прямо в перилах, а по углам были со вкусом расставлены кадки с растениями.

В воздухе плыл туман, не слишком густой благодаря близости к теплomu жилью. Эленд не обратил на туман никакого внимания. Он, как и большинство знатных людей, считал страх перед туманом суеверием скаа... Впрочем, Вин была с ним согласна.

— Что же случилось? — спросил Эленд. — Да, признаюсь, я не уделял вам внимания в последнее время. Простите меня. Вы этого не заслужили. Я просто... похоже было, что вы неплохо чувствуете себя в обществе и мне ни к чему обременять вас своим присутствием...

— Вы когда-нибудь спали с женщинами-скаа? — выпалила Вин.

Эленд ошеломленно замолчал.

— Так дело в этом?! Кто вам сказал такое?

— Да или нет? — резко бросила Вин. Эленд ответил не сразу.

«Вседержитель... так это правда!»

— Сядьте, прошу вас, — предложил Эленд, придвигая ей кресло.

— Это правда? — снова спросила Вин, садясь. — Вы это делали. Он был прав, вы все чудовища!

— Я... — Эленд положил руку на плечо Вин, но она резко оттолкнула его.

Из ее глаз брызнули слезы, они падали на платье, оставляя мокрые пятна. Она достала платок, вытерла глаза — и на кружеве остались следы косметики.

— Мне было тринадцать, — тихо заговорил Эленд. — Отец решил, что мне пора «стать мужчиной». Я понятия не имел, что девушку убьют, Валетт. Клянусь, не знал!

— А потом? — Вин ощутила, как в ней закипает гнев. — Потом? Скольких девушек вы убили, лорд Эленд Венчер?

— Ни одной! Это никогда не повторялось, Валетт! С тех пор как я узнал, что происходит после!

— И вы думаете, я вам поверю?

— Валетт... Послушайте, я знаю, что среди придворных дам модно считать всех мужчин животными, но вы должны верить мне. Не все мы таковы.

— Мне сказали, что вы именно такой.

— Кто сказал? Кто-то из провинциальных лордов? Валетт, они меня не знают! Они просто завидуют, потому что Венчерам принадлежит большинство водных маршрутов... Может, они и имеют право на зависть. Но из-за нее они рисуют нас чудовищами!

— Но сколько? Сколько знатных людей поступает именно так?

— Возможно, треть, — ответил Эленд, — я не уверен. Я не слишком много времени провожу с такими людьми.

Вин хотелось верить ему, и от этого она заставила себя еще критичнее отнестись к его словам. Однако, глядя ему в глаза — глаза, которые она всегда считала честными, — Вин поняла, что колеблется. Впервые на своей памяти она отказалась слушать шепоток Рина — и просто поверила.

— Треть, — прошептала она.

«Так много... Но главное — не все».

Она снова поднесла руку к глазам, чтобы вытереть слезы, и Эленд вдруг уставился на ее платок.

— Кто дал вам это? — спросил он с удивлением.

— Поклонник, — отмахнулась Вин.

— Не тот, кто рассказывал обо мне?

— Нет, другой. Но... он говорил, что все знатные люди... точнее, все вельможи в Лютадели ужасны. Он говорил, придворные дамы даже внимания не обращают на то, что их мужья спят со шлюхами-скаа.

Эленд фыркнул:

— Похоже, ваш знакомый не слишком хорошо знает женщин. Попробуйте сами найти леди, которую не беспокоит, что ее муж решил с кем-то поразвлечься — хоть со скаа, хоть со знатной дамой.

Вин кивнула, глубоко вздыхая, чтобы успокоиться. Она чувствовала себя довольно глупо... и в то же время хорошо. Эленд опустился на колени рядом с ее креслом, все еще тревожась.

— Так, значит, — сказала она, — ваш отец принадлежит к той трети?

Даже в слабом свете фонаря было видно, как Эленд покраснел и опустил глаза.

— Ему нравятся разные женщины — скаа, знатные леди, — для него это не имеет значения. Но я не могу забыть о той ночи, Валетт. Я... мне бы хотелось ничего не знать.

— Это не ваша вина, Эленд, — сказала Вин. — Вам было всего тринадцать, и вы делали то, что велел отец.

Эленд отвернулся, но Вин заметила, что в его глазах светятся гнев и чувство вины.

— Кто-то должен сделать так, чтобы подобного больше не происходило, — тихо сказал он, и Вин поразило напряжение, прозвучавшее в его голосе.

«Его все это очень тревожит, — подумала она. — Он такой же, как Кельсер или Доксон. Хороший человек. Почему они этого не видят?»

Наконец Эленд вздохнул, вставая и придвигая кресло для себя. Он сел, опустив локоть на перила балкона, и запустил пальцы в и без того растрепанные волосы.

— Ну, — заметил он, — вы, наверное, не первая леди, которую я заставил плакать на балу, но вы первая, из-за кого я искренне разволновался. Кажется, я поднялся на новую ступень.

Вин улыбнулась.

— Это не из-за вас, — сказала она, откидываясь на спинку кресла. — Просто... последние месяцы выдались довольно утомительными. И когда я слышала такое, то просто не сумела справиться с собой.

— Все равно со всеми этими ужасами необходимо бороться, — возразил

Эленд. — Вседержитель ничего не замечает... не желает замечать.

Вин внимательно посмотрела на Эленда:

— И все же — почему вы в последнее время избегали меня?

Эленд опять покраснел:

— Я просто решил, что у вас теперь достаточно новых друзей.

— Как это следует понимать?

— Мне не нравится большинство тех, с кем вы проводите время, Валетт, — пояснил Эленд. — Вы умудрились отлично вписаться в высшее общество Лютадели, а я давно уже заметил, что игра в политику меняет людей.

— Вам легко говорить, — огрызнулась Вин. — Вы стоите на самой вершине политической лестницы. Вы можете себе позволить не обращать внимания на политику, но другим повезло меньше.

— Да, наверное.

— Кроме того, — продолжала Вин, — вы точно так же играете в политические игры, как и остальные. Или вы хотите сказать, что ваш первоначальный интерес ко мне не имел никакого отношения к вашему отцу? И к вашему желанию разозлить его?

Эленд вскинул руки:

— Ладно, хорошо, считайте, что уже наказали меня. Я был дураком и шутом. Это у нас семейное.

Вин вздохнула, усаживаясь поудобнее и ощущая прохладную струйку тумана на влажной от слез щеке. Эленд вовсе не был чудовищем. Она верила ему. Может, она вела себя как дурочка, но наставления Кельсера возымели эффект — она начала понемногу доверять напарникам по команде, и ей хотелось верить лорду Эленду Венчеру, как никому другому.

И теперь ее уже не бросало в холодный пот при мысли о забавах лордов, раз уж Эленд не имел к ним отношения. Даже если треть знатных вельмож

убивала женщин-скаа, все равно какую-то часть общества еще можно было спасти. Нельзя допускать, чтобы всех аристократов перебили, ведь тогда революционеры уподобятся тем, кого хотят свергнуть. Вин придется позаботиться о том, чтобы чья бы то ни было родословная не превратилась в приговор.

«Вседержитель, — вдруг подумала она, — я становлюсь такой же, как вся остальная наша шайка... я начинаю верить, что перемены и впрямь возможны».

Она посмотрела на Эленда, сидевшего напротив нее. За спиной лорда клубился туман. Вид у Эленда был мрачный.

«Я пробудила в нем тяжелые воспоминания, — огорченно подумала Вин. — Что ж, понятно, почему он так ненавидит отца...»

Ей захотелось как-то улучшить настроение молодого Венчера.

— Эленд, — тихо окликнула она ушедшего в свои мысли юношу. — Они точно такие же, как мы.

Он недоуменно посмотрел на нее.

— Что?

— Скаа на плантациях, — пояснила Вин. — Вы спрашивали меня о них. Я испугалась и ответила, как положено знатной леди... но вы, похоже, были разочарованы моим ответом.

Эленд наклонился вперед:

— Так вы общались со скаа?

Вин кивнула:

— И много. Даже слишком много, по мнению моих родных. Может, они как раз потому и отослали меня. Некоторых скаа я знала очень хорошо, особенно одного человека намного старше меня. Он потерял женщину, которую любил... Местному лорду захотелось позабавиться вечером с хорошенькой скаа.

— На вашей плантации?

Вин отрицательно покачала головой:

— Нет, он сбежал и пришел на земли моего отца.

— И вы его спрятали? — изумленно спросил Эленд. — Но беглых скаа полагается казнить!

— Я сохранила его тайну. Я не слишком долго была знакома с ним, но... В общем, могу поклясться вам, Эленд: его любовь была так же сильна, как любовь знатного человека. И определенно сильнее, чем чувства людей здесь, в Лютадели.

— А умственные способности? — горячо спросил Эленд. — Люди выглядят заторможенными?

— Вот уж нет! — возмутилась Вин. — Знаете, Эленд, я была знакома с несколькими скаа, которые явно умнее вас. У них нет образования, но все равно они умны. И разгневаны.

— Разгневаны? — переспросил Эленд.

— Некоторые, — уточнила Вин. — Из-за того, как с ними обращаются.

— Так они это понимают? Я имею в виду — неравенство между нами и ними.

— Да как они могут не понимать? — удивилась Вин, поднося платок к носу, но остановилась, заметив, что платок перемазан румянами и помадой.

— Возьмите, — сказал Эленд, протягивая ей свой. — Расскажите мне что-нибудь еще. Как вы все это узнали?

— Они сами рассказали мне, — ответила Вин. — Они мне доверяли. Я знаю, что они злятся из-за того, что им приходится слишком тяжело. Я знаю, что они умны, потому что многое скрывают от знати.

— Например?

— Например, тайную сеть передвижений. Скаа постоянно путешествуют по каналам от плантации к плантации. Вельможи ничего не замечают, потому что вообще не запоминают лиц скаа.

— Как интересно!

— И еще, — продолжала Вин, — у них есть шайки воров. Я полагаю, эти скаа особенно умны, раз скрываются от поручителей и лордов и обкрадывают Великие Дома под носом у Вседержителя.

— Да, я знаю, — кивнул Эленд. — Мне бы очень хотелось познакомиться с ними, спросить, как им удается так ловко прятаться. Должно быть, это удивительные люди.

Вин чуть было не продолжила рассказ, но вовремя прикусила язык.

«Я и так наболтала лишнего».

Эленд внимательно посмотрел на нее.

— Вы тоже удивительный человек, Валетт. Мне следовало быть умнее и не думать, что вы поддались влиянию здешней публики. Скорее, это вы однажды повлияете на них.

Вин улыбнулась.

— Но, — сказал Эленд, вставая, — мне пора. Я действительно приехал с определенной целью. Я должен встретиться кое с кем из друзей.

«Верно! — подумала Вин. — Один из тех, с кем Эленд встречался в тот раз — один из той компании, которую Кельсер и Сэйзед посчитали весьма странной, — был из дома Гастинг».

Она тоже встала, протягивая Эленду платок. Эленд не взял его.

— Оставьте у себя. Мне он все равно не нужен.

Вин посмотрела на платок. Когда лорд намерен всерьез ухаживать за дамой из высшего света, он дарит ей платок...

— Ох, спасибо! — Вин стиснула платок в руке.

Эленд улыбнулся, делая шаг в ее сторону.

— Кто-то другой, кем бы он ни был, мог обойти меня благодаря моей же собственной глупости. Но я не такой дурак, чтобы уступить в соревновании. — Он подмигнул, легко поклонился и вернулся в бальный зал.

Вин выждала несколько мгновений и проскользнула в дверь вслед за ним. Эленд уже разговаривал с теми двумя — Лекалем и Гастингом, юношами из враждебных Венчерам Домов. Они постояли на месте, а потом пошли к боковой двери.

«Через ту дверь можно попасть только в одно место, — подумала Вин. — На лестницу одной из малых башен».

— Госпожа Валетт?

Вин подпрыгнула от неожиданности и, обернувшись, увидела Сэйзед.

— Мы можем уходить? — спросил он.

Вин быстро шагнула ему навстречу.

— Лорд Эленд Венчер только что ушел по той лестнице вместе с друзьями — Гастингом и Лекалем.

— Интересно... — пробормотал Сэйзед. — Но зачем... Госпожа, что с твоим лицом?!

— Неважно, — отмахнулась Вин. — Думаю, мне надо пойти за ними.

— Еще один платок, госпожа? — спросил Сэйзед. — Однако вы не теряете времени!

— Сэйзед, ты меня слушаешь?

— Да, госпожа. Полагаю, вы можете пойти, если желаете, но это было бы слишком откровенно. Вряд ли это лучший способ добывать сведения.

— Но я же не буду шпионить открыто. Я воспользуюсь алломантией. Только мне нужно твое разрешение.

Сэйзед немного помолчал.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Как ваш бок?

— Да он зажил сто лет назад! Я вообще ничего не чувствую.

Сэйзед вздохнул:

— Хорошо. Мастер Кельсер все равно собирался возобновить ваши тренировки, как только вернется. Но... будьте осторожны. Наверное, глупо говорить такое рожденной туманом, но я все равно прощу.

— Буду, буду, — пообещала Вин. — Встретимся на балконе через час.

— Удачи, госпожа, — сказал Сэйзед.

Но Вин уже спешила назад, к балкону. Она прошла за угол и положила руки на каменные перила, глядя в туман. Прекрасная, головокружительная пустота...

«Как давно это было!» — подумала Вин, доставая из рукава флакончик с металлами. Залпом осушив его, она вытащила горсточку монет.

А потом беспечно вспрыгнула на парапет и бросилась в темный туман.

Ветер раздул подол ее платья. Олово даровало Вин возможность видеть и слышать. Она посмотрела на стену, соединявшую главную башню с боковой. Пьютер наполнил тело Вин силой. Сталь позволила умчаться в темноту, оттолкнувшись от брошенной монеты.

Вин качнулась в воздухе. Ветер трепал юбку, мешая движению, — Вин как будто тащила за собой целый тюк ткани, но ее алломантическая сила была достаточно велика, чтобы с этим справиться. Башня, в которую поднялся Эленд, располагалась рядом, Вин нужно было только попасть на верхнюю галерею, соединявшую ее с центральной башней. Вин как следует разожгла сталь и, взлетев повыше, бросила монетку в туман позади себя. Когда та ударилась о стену, рожденная туманом оттолкнулась и взмыла вверх.

Она приземлилась чуть ниже, чем следовало, — многослойные юбки смягчили удар, — но успела схватиться за парапет, ограждавший галерею. У воровки Вин вряд ли получилось бы перебраться через него, но алломанту Вин это удалось без особого труда.

Она пригнулась и черной тенью скользнула вдоль галереи. Стражников там не было, но впереди виднелась освещенная караульная.

«Туда нельзя», — подумала она и бросила взгляд наверх.

В башне, похоже, было несколько комнат, и в некоторых окнах горел свет. Вин бросила монету и взвилась вертикально вверх, а потом, подтянувшись к задвижке одного из окон, мягко опустилась на широкий каменный подоконник. Ставни были закрыты на ночь. Ей пришлось прижаться к ним и посильнее разжечь олово, чтобы услышать, что происходит внутри.

— ...балы вечно затягиваются чуть ли не до утра. Опять придется стоять двойную вахту.

«Стражники», — подумала Вин, прыгая к следующему окну.

— ...и нечего ругать меня за опоздание, — произнес по ту сторону ставен знакомый голос.

Эленд.

— Она, видишь ли, намного привлекательнее тебя, Телден.

Послышался мужской смех.

— Наконец-то грозный Эленд Венчер попал в плен к хорошенькому личику!

— Она не просто хорошенькая, Джастес, — возразил Эленд. — У нее доброе сердце... На своей плантации она приютила одного беглого скаа. Думаю, следовало бы пригласить ее к нам.

— Это невозможно, — раздался чей-то низкий голос. — Понимаешь, Эленд, я не против того, что ты любишь пофилософствовать. Проклятье, я даже готов выпить с тобой, когда ты ударяешься в свои рассуждения. Но я

не собираюсь позволять случайным людям слушать наши разговоры.

— Согласен, — сказал Джастес. — Пятерых человек вполне достаточно.

— Ладно, — вздохнул Эленд. — Но не думаю, что это справедливо.

— Эленд... — осторожно произнес еще один голос.

— Хорошо, хорошо! Телден, ты прочел ту книгу, что я дал тебе?

— Я пытался, — ответил Телден. — Но очень уж она толстая.

— Но интересная? — спросил Эленд.

— Да, очень. Я теперь понимаю, почему Вседержитель так ее ненавидит.

— Сочинения Редалевина лучше, — сказал Джастес. — И короче.

— Мне не хотелось бы выглядеть занудой, — заговорил пятый голос, — но разве это все, что мы собираемся делать? Читать?

— А что плохого в чтении? — спросил Эленд.

— Скучновато немного, — ответил пятый.

«Хороший человек», — одобрительно подумала Вин.

— Скучновато? — удивился Эленд. — Господа, эти идеи... эти слова — они и есть главное. Авторы этих книг знали, что их казнят. Разве вы не чувствуете их страсти?

— Страсть есть, — согласился пятый голос. — А пользы нет.

— Мы можем изменить мир, — сказал Джастес. — Двое из нас — старшие сыновья Великих Домов, остальные — вторые в очереди на наследование.

— Придет день, когда мы встанем во главе семей, — сказал Эленд. — И если мы воплотим в жизнь эти идеи — справедливость, миролюбие, умеренность, — то сможем повлиять даже на Вседержителя!

Пятый собеседник фыркнул:

— Это ты наследник могущественнейшего Дома, Эленд, а мы далеко не так влиятельны. Телден и Джастес, возможно, никогда не возглавят свои Дома, а Кевокс — не сердись, друг, — вообще особого влияния не имеет. Мы не можем изменить мир.

— Мы можем изменить образ жизни наших Домов, — сказал Эленд. — Если Дома перестанут ссориться из-за пустяков, мы обретем реальную силу в правительстве, вместо того чтобы просто склоняться перед капризами Вседержителя.

— Да, знать с каждым годом становится слабее, — согласился Джастес. — Наши скаа принадлежат Вседержителю, наши земли — тоже. Его поручители определяют, на ком мы должны жениться, и мы не спорим. Даже наши каналы официально его собственность. Убийцы из братства устраняют тех, кто говорит слишком открыто или слишком преуспевает. Так жить невозможно.

— Да, тут я согласен, — сказал Телден. — Конечно, болтовня Эленда о классовом неравенстве кажется мне глупостью, но я понимаю, что мы должны выступить против Вседержителя единым фронтом.

— Точно, — опять заговорил Эленд. — И именно это мы должны...

— Вин! — послышался чей-то шепот.

Вин вздрогнула всем телом, чуть не свалившись с подоконника, и огляделась по сторонам.

— Наверх глянь, — предложил голос.

Она подняла голову. На подоконнике этажом выше сидел Кельсер. Он улыбнулся, подмигнул и кивком указал Вин на галерею.

Вин оглянулась на ставни, за которыми скрывался Эленд, а Кельсер уже промчался сквозь туман мимо нее. Наконец она оттолкнулась от подоконника и последовала за Кельсером вниз, с помощью монетки замедлив падение.

— Ты вернулся! — радостно воскликнула она, приземлившись.

— Да, сегодня днем.

— А что ты здесь делаешь?

— Навещал одного нашего друга, — ответил Кельсер. — Похоже, он не слишком изменился с прошлого раза.

— С прошлого раза?

Кельсер кивнул:

— Да, я пару раз подсматривал за этой компанией, после того как ты мне о ней рассказала. Тут не о чем беспокоиться — они не опасны. Просто кучка молодых вельмож, которые вместе болтают и пьют.

— Но они задумали свергнуть Вседержителя!

— Это вряд ли, — усмехнулся Кельсер. — Они просто занимаются тем же, чем и все вельможи, — строят планы. Ничего необычного. Молодые лорды частенько заранее договариваются о союзе, еще не получив реальной власти.

— Нет, тут другое, — возразила Вин.

— Вот как? — весело спросил Кельсер. — Ты так давно стала аристократкой, что уже можешь судить об этом?

Вин вспыхнула, а Кельсер засмеялся и ласково обнял ее за плечи.

— Только не переживай. Они симпатичные ребята — для лордов, конечно. Я обещаю не убивать никого из них, хорошо?

Вин кивнула.

— Может, они нам еще пригодятся... Они выглядят более восприимчивыми к новым идеям, чем другие. Просто мне не хочется, чтобы ты потом разочаровалась, Вин. Они все равно останутся аристократами. Даже если им не нравится собственное положение, это не изменит их природу.

«Точь-в-точь как Доксон, — подумала Вин. — Кельсер готов поверить

самому худшему об Эленде».

Но разве она могла ожидать иного? Когда ведешь такую борьбу, как Кельсер и Доксон, гораздо легче — и спокойнее — верить, что все находящиеся в стане врага — воплощенное зло.

— Кстати, что с твоей косметикой? — спросил Кельсер.

— Не хочу об этом говорить, — буркнула Вин, снова мысленно возвращаясь к разговору с Элендом.

«Почему я расплакалась? Идиотка! Да еще начала спрашивать его, спал ли он со скаа...»

Кельсер пожал плечами:

— Ну и ладно. Нам следует уйти. Сомневаюсь, что молодой Венчер и его приятели станут обсуждать что-то интересное для нас.

Вин медлила.

— Я уже трижды подслушивал их, Вин, — сказал Кельсер. — Если хочешь, изложу тебе вкратце суть их разговоров.

— Хорошо, — вздохнула Вин. — Но я обещала Сэйзеду, что вернусь в бальный зал.

— Тогда возвращайся скорее, — посоветовал Кельсер. — Клянусь не рассказывать ему, что ты использовала алломантию.

— Он сказал, что мне можно.

— Он так сказал?

— Да.

— Что ж, я ошибся, — произнес Кельсер. — И не забудь попросить его принести тебе шаль, прежде чем отправишься к карете, — у тебя платье спереди испачкано пеплом. Я буду ждать вас в лавке Колченога, карета остановится возле нее, потом поедет дальше. Будем соблюдать приличия.

Вин снова кивнула, и Кельсер, подмигнув ей, спрыгнул со стены и исчез в тумане.

24

В конце концов, я должен поверить в себя. Я видел людей, сознательно уничтоживших в себе способность видеть правду и добро, но не думаю, что я — один из них. Я все еще замечаю слезы в глазах детей и чувствую их боль.

Если я когда-нибудь разучусь этому, то буду знать, что перешел грань и надежды на спасение нет.

Кельсер был уже в лавке, когда приехали Вин и Сэйзед. Он сидел в кухне вместе с Хэмом, Колченогом и Призраком, потягивая вино.

— Хэм! — радостно воскликнула Вин, проходя в кухню. — Ты вернулся!

— Ага, — весело ответил тот, поднимая стакан с вином.

— Мне казалось, тебя нет уже целую вечность!

— Думаешь, мне не казалось?

Кельсер хмыкнул, поднимаясь, чтобы снова наполнить стакан.

— Хэм малость устал изображать из себя генерала.

— Мне пришлось носить мундир, — пожаловался Хэм, потягиваясь. На нем уже был привычный жилет и свободные штаны. — Даже скаа на плантациях не подвергаются подобным пыткам!

— А ты попробовал бы походить в таком вот платье, — фыркнула Вин, присаживаясь к столу.

Она успела отряхнуть юбку, и все выглядело не так плохо, как она боялась. Темно-серый пепел, конечно, все еще был заметен на черной ткани, да и сама ткань пострадала от того, что Вин прижималась к каменной стене, но она ожидала худшего.

Хэм засмеялся:

— Похоже, ты превратилась в настоящую леди, пока меня не было.

— Это вряд ли, — возразила Вин, принимая из рук Кельсера чашку с вином.

Немного помедлив, она сделала глоток.

— Госпожа Вин просто скромница, мастер Хэммонд, — сообщил Сэйзед, тоже усаживаясь за стол. — Она становится знатоком придворных искусств не в пример многим аристократам, которых я знаю.

Вин вспыхнула, а Хэм расхохотался:

— Что, Вин, ты действительно научилась скромничать? Где ты нахваталась таких дурных привычек?

— Точно не от меня, — заявил Кельсер, наливая Сэйзеду вина.

Террисиец поднял руку, вежливо отказываясь.

— Ну конечно, она не могла научиться у тебя, Кел, — сказал Хэм. — Разве что Призрак ее научил? Он, похоже, единственный в нашей компании, кто умеет помалкивать. Верно, малыш?

Призрак залился краской, изо всех сил стараясь не смотреть на Вин.

«Мне надо поговорить с ним, — подумала Вин. — Но... не сегодня. Кельсер вернулся, Эленд — не убийца... надо немножко расслабиться».

На лестнице послышались шаги, и мгновение спустя в комнату вошел Доксон.

— Да тут вечеринка? И меня никто не позвал?

— Ты был занят, — сказал Кельсер.

— Кроме того, — добавил Хэм, — мы знаем, что ты человек ответственный и не станешь пьянствовать с бандой таких разгильдяев, как мы.

— Но кто-то же должен за вами присматривать, — беспечно бросил

Доксон, наливая себе вина.

Он посмотрел на Хэма и нахмурился:

— По-моему, я знаю этот жилет...

Хэм ухмыльнулся:

— Я отрезал рукава от мундира.

— Не может быть! — со смехом воскликнула Вин.

Хэм самодовольно кивнул. Доксон вздохнул:

— Хэм, такие вещи стоят денег!

— Все стоит денег, — возразил Хэм. — Но что такое деньги? Физическое выражение затраченных усилий, понимаемых в абстрактном смысле. Носить мундир так долго стоило мне немалых усилий. Я бы сказал, что теперь мы с этим жилетом в равных условиях.

Доксон закатил глаза. Из соседней комнаты послышался звук хлопнувшей двери, и до Вин донесся голос Бриза, поздоровавшегося с дежурившим подмастерьем.

— Кстати, Докс, — сказал Кельсер, прислоняясь к буфету. — Мне лично очень нужно это самое «физическое выражение затраченных усилий, понимаемых в абстрактном смысле». Я бы хотел арендовать небольшой склад, чтобы встречаться с осведомителями.

— Это можно устроить, — сказал Доксон. — Конечно, при условии, что мы ограничим в расходах Вин. — Он вдруг замолчал и уставился на нее. — Что ты сделала со своим платьем, милая леди?!

Вин смутилась и заерзала на стуле.

«Наверное, это заметнее, чем я думала...»

Кельсер рассмеялся:

— Тебе придется привыкнуть к тому, что ее платья будут грязными, Докс.

Вин снова взялась за работу рожденного туманом.

— Интересно, — сказал Бриз, заходя в кухню. — Смею надеяться, она в будущем не будет драться с тремя Стальными инквизиторами сразу?

— Постараюсь этого избежать, — ответила Вин.

Бриз подошел к столу и уселся с важным видом. И тут же ткнул дуэльной тростью в сторону Хэма:

— Вижу, мои интеллектуальные каникулы закончились.

Хэм улыбнулся:

— Я придумал парочку заковыристых вопросов и приберег их специально для тебя, Бриз.

— Просто умираю от предвкушения, — сказал Бриз и ткнул тростью в сторону Лестиборнеса. — Призрак, выпить!

Призрак поспешил принести Бризу стакан вина.

— Хороший парень, — заметил Бриз, беря стакан. — Мне даже почти не приходится подгонять его с помощью алломантии. Если бы все были такими!

Призрак нахмурился:

— Не игрался бы ты с людьми.

— Что бы могли значить твои слова, малыш? — удивился Бриз. — Ладно, будем считать, мы тебя поняли.

Кельсер демонстративно повел плечами и сказал:

— Не бери в голову, Призрак. Мало ли кому что нужно, шли бы они все!

Призрак кивнул:

— Фигня, конечно, типа как злиться из-за мухи в супе. И не такое бывалось.

— Эй, о чем вы двое болтаете? — осторожно поинтересовался Бриз.

— Да просто разбираемся между собой, — пояснил Призрак. — То ли надо как бы упираться, то ли нет.

— Ну да, как бы охота ли связываться, — согласился Кельсер.

— Всегда охота разобраться, — с улыбкой добавил Хэм. — Как бы надо ли репу чесать или пусть себе наплевать.

Бриз, вытаращив глаза, повернулся к Доксону:

— Друг мой, похоже, наши компаньоны окончательно сошли с ума!

Доксон пожал плечами и сказал с абсолютно непроницаемым лицом:

— И не так бывалось.

Бриз открыл рот, а все остальные расхохотались. Бриз негодуя выпрямился, тряхнул головой и что-то пробормотал себе под нос по поводу склонности некоторых к безобразному ребячеству.

Вин чуть не подавилась вином от смеха.

— А что ты сказал-то? Что это значит? — спросила она Доксона, когда тот сел рядом с ней.

— Понятия не имею, — признался Доксон. — Но прозвучало неплохо.

— Не думаю, что ты вообще что-то сказал, Докс, — со смехом заявил Кельсер.

— Нет, почему же, что-то он сказал, — возразил Призрак. — Только там смысла никакого не было.

Кельсер снова захохотал:

— Ну, это вообще характерно для Докса. Я давно заметил, что можно не слушать, что он говорит, и ничего не потеряешь... разве что пропустишь парочку его жалоб на то, что расходы слишком велики.

— Эй! — воскликнул Доксон. — Я что, должен напоминать, что кое-кто здесь отвечает за расходы? Если честно, то, как вы раскидываете меры направо и налево...

Вин улыбнулась. Даже жалобы Доксона звучали весьма благодушно. Колченог все это время сидел в стороне, у стены, с обычным своим суровым видом, но Вин заметила, что и по его губам скользнула улыбка. Кельсер встал, принес еще бутылку вина, наполнил стаканы и стал рассказывать о том, как проходит подготовка армии.

Вин чувствовала... умиротворение. Понемножку прихлебывая вино, она время от времени смотрела на открытую дверь, ведущую в неосвещенную мастерскую. И ей вдруг на мгновение почудилось, что она видит притаившуюся в темноте фигурку — призрак напуганной девочки, полной подозрений, никому не верящей. Волосы девочки были короткими и грязными, она носила простую рубаху и широкие коричневые штаны...

Вин прекрасно помнила свою вторую ночь в лавке Колченога, когда стояла там, в мастерской, и наблюдала за людьми в кухне. Неужели это действительно была она? Неужели это она пряталась в холодной темноте, завидуя веселым людям, но не решалась присоединиться к ним?

Очередная шутка Кельсера снова заставила всех расхохотаться.

«Ты прав, Кельсер, — с улыбкой подумала Вин. — Так гораздо лучше».

Сама она еще не стала такой, как они... полностью такой. Шесть прошедших месяцев не до конца заглушили шепот Рина, и Вин до сих пор не умела верить так, как Кельсер. Но она уже начала понимать, хотя бы отчасти, почему Кельсер избрал для себя такой путь.

— Ну хорошо, — сказал Кельсер, переверачивая свой стул и садясь на него верхом. — В общем, похоже, что армия будет готова к назначенному сроку, и Марш приступил к работе. Необходимо двигаться дальше. Вин, какие новости с бала?

— Дом Текиэль сейчас весьма уязвим, — ответила Вин. — Его союзники разбегаются, вокруг собираются хищники. Поговаривают, что долги и потеря доходов вынудят Текиэлей к концу месяца продать крепость. Они просто не смогут платить налоги на крепость Вседержителю.

— А это уберет из столицы один из Великих Домов, — сказал Доксон. — Большинству членов Дома Текиэль — включая всех туманщиков и их рожденного туманом — придется переехать на дальние плантации, чтобы попытаться возместить потери.

— Отлично, — заметил Хэм.

Действительно, чем больше вельмож убралось бы из столицы, тем легче стало бы ее захватить.

— Но в Лютадели все равно остается девять Великих Домов, — напомнил Бриз.

— Но они уже начали резать друг друга по ночам, — возразил Кельсер. — Так что до открытой войны остается только шаг. Подозреваю, скоро мы увидим, как она разгорится... и любому, кто не захочет убивать ради главенства в Лютадели, придется на пару лет уехать из столицы.

— Самые сильные Дома не выглядят напуганными, — сказала Вин. — Во всяком случае, они по-прежнему дают балы.

— О, они будут танцевать до самого конца, — усмехнулся Кельсер. — Балы позволяют встречаться с союзниками и присматривать за врагами. Войны Домов — это в первую очередь политика, а бал — своего рода поле битвы.

Вин кивнула, вполне согласная с Кельсером.

— Хэм, — снова заговорил Кельсер, — нам необходимо наладить регулярное получение надежных сведений из гарнизона Лютадели. Ты не передумал насчет завтрашней встречи с осведомителем из солдат?

— Я ничего не готов обещать, — ответил Хэм, — но думаю, мне удастся восстановить часть старых связей. Дай мне время, и я определюсь, с кем из военных можно иметь дело.

— Хорошо, — кивнул Кельсер.

— Мне бы хотелось пойти с ним, — вдруг заявила Вин.

Кельсер уставился на нее:

— С Хэмом?

— Да. Я мало знаю о мастерстве громилы. Хэм, наверное, мог бы показать мне пару приемов.

— Но ты умеешь воспламенять пьютер, — сказал Кельсер. — Мы с тобой этим занимались.

— Да, конечно, — согласилась Вин.

Как же объяснить ему?.. Хэм ведь работает только с пьютером и явно умеет обращаться с ним лучше, чем Кельсер.

— Да перестаньте вы надоедать ребенку, — вмешался Бриз. — Она наверняка устала от балов и приемов. Дайте ей снова ненадолго стать уличным сорванцом!

— Ну ладно, — вздохнул Кельсер и налил себе еще вина. — Бриз, насколько хорошо справятся с делом твои гасильщики, если ты сам на какое-то время уедешь?

Бриз пожал плечами:

— Конечно, я самый сильный в команде, но ведь я сам обучал остальных... Они отлично работают и без меня, особенно теперь, когда их воодушевляют истории о выжившем в Ямах Хатсина.

— Да, кстати, надо поговорить об этом, Кел, — сказал Доксон, хмурясь. — Я не уверен, что мне нравится вся эта мистическая ерунда насчет тебя и одиннадцатого металла.

— Обсудим это позже, — предложил Кельсер.

— А почему ты спросил о моих людях? — поинтересовался Бриз. — Или ты наконец проникся такой завистью к моему безупречному чувству стиля, что решил убраться с глаз подальше?

— Можно и так сказать, — усмехнулся Кельсер. — Я подумываю о том, чтобы ты заменил Йедена через несколько месяцев.

— Заменял Йедена? — удивленно переспросил Бриз. — Ты хочешь сказать, что я буду командовать армией?

— А почему нет? — ответил вопросом на вопрос Кельсер. — Ты большой мастер отдавать приказы.

— Только в тылу, друг мой, — возразил Бриз. — Я терпеть не могу выходить на передний план. Сделать меня... генералом?! Ты хоть понимаешь, насколько это глупо звучит?

— А ты подумай хорошенько, — предложил Кельсер. — Мы уже почти закончили набор, и от тебя будет гораздо больше пользы, если ты отправишься в пещеры и дашь Йедену возможность вернуться в столицу.

Бриз подумал.

— Пожалуй.

— Кстати, — сказал Кельсер, вставая. — Мне что-то кажется, что вина у нас маловато. Призрак, будь так добр, спустись в погреб, принеси еще бутылочку.

Юноша кивнул. Разговор перешел на более легкие темы. Вин поудобнее устроилась в кресле, наслаждаясь теплом печки и радуясь моменту, когда можно не тревожиться, не бороться и ничего не замышлять.

«Если бы Рину хоть раз выпало в жизни нечто подобное, — думала Вин, рассеянно касаясь сережки, — может, тогда и для него кое-что изменилось бы. Для нас — изменилось».

*

На следующий день Хэм и Вин отправились в гарнизон Лютадели.

После того как она несколько месяцев подряд изображала знатную леди, Вин предполагала, что будет чувствовать себя немного странно в старой уличной одежде. Она ошибалась. Впрочем, кое-что и впрямь изменилось — теперь ей не нужно было думать, как правильно сидеть или идти, чтобы платье не пачкалось о грязные стены или полы. И все же уличная одежда оставалась для нее привычной.

Она надела простые коричневые штаны и свободную белую рубашку, заправив ее под ремень, а сверху натянула кожаный жилет. Отросшие волосы Вин спрятала под шапку. Случайные прохожие могли принять ее за мальчишку, хотя Хэм, похоже, не считал, что это имеет какое-то значение.

Это и в самом деле не имело значения. Вин за последнее время привыкла к тому, что люди смотрят на нее оценивающе, но на улицах никто не удостаивал ее даже взглядом. Медленно бредущие рабочие-скаа, мелкие вельможи, даже обеспеченные скаа вроде Колченога — никто не обращал на нее внимания.

«Я почти забыла, что такое быть невидимкой», — подумала Вин.

К счастью, давние привычки — смотреть на ходу под ноги, уступать дорогу, сутулиться, чтобы не вызывать подозрений, — вернулись легко. Превратиться в уличную девчонку Вин оказалось так же просто, как вспомнить старую мелодию, которую она прежде мурлыкала под нос.

«Это просто другая маска, — думала Вин, шагая рядом с Хэмом. — Моя косметика теперь — это легкий налет золы на коже, не зря же я размазывала ее по щекам. Платье сменилось штанами, а штанам пришлось приобрести поношенный вид...»

Тогда кем же она была на самом деле? Вин-беспризорницей? Или леди Валетт? Или ни одной из них? Знал ли ее по-настоящему хоть кто-то из ее друзей? Знала ли она сама себя?

— Ах, как же я соскучился по этим местам! — сказал Хэм, весело шагавший рядом.

Хэм всегда выглядел счастливым. Вин не могла даже вообразить его чем-то недовольным, хотя сам он заявлял, что был несчастен, командуя армией.

— Вообще-то, странно, — продолжил он, оборачиваясь к Вин.

Он совсем не старался выглядеть унылым и незаметным, как она. Его, похоже, не беспокоило, что он выделяется на фоне других скаа.

— Мне, наверное, не следовало бы скучать по столице... я хочу сказать, Лютадель — самый грязный и перенаселенный город во всей Последней

империи. Но что-то в нем есть такое...

— Твои родные живут здесь? — спросила Вин.

Хэм покачал головой:

— Нет, они живут в маленьком городке неподалеку. Моя жена портниха. Она всем говорит, что я служу в гарнизоне Лютадели.

— Ты по ней скучаешь?

— Конечно. Это ведь нелегко... я могу лишь изредка встречаться с ней и детьми... но так лучше для них. Если меня убьют, инквизиторам будет нелегко отыскать мою семью. Я даже Келу не говорю, в каком именно городе они живут.

— Думаешь, братство станет этим заниматься? — спросила Вин. — Я имею в виду — если тебя действительно убьют.

— Я туманщик, Вин... а это значит, что в моих детях есть частичка благородной крови. И мои дети могут стать алломантами, а потом и их дети. Нет, уж если инквизиторы убивают туманщика, то стараются уничтожить и всех его детей. Так что единственный способ обезопасить семью — держаться от нее подальше.

— Но ты ведь можешь не пользоваться алломантией, — сказала Вин.

Хэм покачал головой:

— Не знаю, смогу ли я.

— Из-за того, что она дает силу?

— Нет, из-за того, что она дает деньги, — честно ответил Хэм. — Громилы — или «пьютерные руки», как предпочитают называть нас вельможи, — самые востребованные из туманщиков. Опытный громила может выстоять против полудюжины обычных людей, он способен поднимать тяжести, выносить большие нагрузки, двигаться быстрее других... Это очень важно, если по каким-то причинам ты не можешь нанять большой отряд. Соедини пару стрелков с пятеркой громил — и у тебя уже есть небольшая армия.

Многие готовы дорого платить за такую охрану.

Вин кивнула:

— Да, я понимаю, деньги могут соблазнять.

— Они не просто соблазняют, Вин. Моей семье не приходится жить в тесном многоквартирном доме с другими скаа, им не грозит смерть от голода. Моя жена работает лишь для того, чтобы создать видимость, прикрытие. В общем, для скаа они живут очень хорошо. Когда я заработаю достаточно, мы уедем из Центрального доминиона. В Последней империи есть места, о которых большинство людей вообще не знает, — места, где любой человек с деньгами чувствует себя вельможей. Места, где можно ничего не бояться и просто спокойно жить.

— Это звучит заманчиво.

Хэм кивнул, сворачивая на улицу, ведущую к главным городским воротам.

— Этой мечтой меня заразил Кельсер. Он всегда говорил, что сам хотел бы этого. Надеюсь, мне больше повезет, чем ему...

Вин нахмурилась:

— Все говорят, он был богат. Почему же он не уехал?

— Не знаю, — сказал Хэм. — Все время появлялись новые дела — каждое интереснее предыдущего. Наверное, главари вроде Кельсера могут иной раз пристраститься к игре. В какой-то момент деньги потеряли свое значение для него. И однажды он услышал о тайной сокровищнице Вседержителя, где хранится некий бесценный секрет. Если бы они с Мэйр уехали до того, как взялись за это дело... Но они не уехали. Не знаю... наверное, они просто не могли чувствовать себя счастливыми в безопасности.

Похоже, эта мысль увлекла его. Вин видела, как очередной «интересный вопрос» крутится в его голове.

«Наверное, главари вроде Кельсера могут иной раз пристраститься к игре...»

К Вин вернулись прежние опасения. Что будет, если Кельсер решит лично занять имперский трон? Наверняка он будет не так плох, как Вседержитель, но... Вин прочитала уже изрядную часть дневника Вседержителя. Он вовсе не родился тираном. Когда-то он был хорошим человеком. Хорошим человеком, чья жизнь пошла не по тому пути.

«Кельсер другой, — сердито одернула себя Вин. — Он все сделает правильно».

И все равно эта мысль не оставляла ее. Хэм мог не понимать, но Вин отчетливо видела все соблазны. Несмотря на развращенность знати, высшее общество притягивало, манило... Вин очаровывала красота, музыка, танцы. Но ее интересовало не то, что интересовало Кельсера. Вин не было дела до политических игр или торговых махинаций, но она все равно знала, почему Кельсер не хочет покидать Лютадель.

Именно это нежелание погубило прежнего Кельсера. Зато в результате родился новый, более решительный и менее самовлюбленный человек. По крайней мере, Вин надеялась на это.

«Конечно, когда-то его планы стоили жизни женщине, которую он любил. Может, поэтому он так ненавидит лордов?»

— Хэм, — осторожно спросила Вин, — а Кельсер всегда ненавидел вельмож?

Хэм кивнул:

— Да. Но сейчас его ненависть усилилась.

— Иной раз он пугает меня. Похоже, он готов убить всех, кем бы они ни были.

— Да, меня это тоже беспокоит, — согласился Хэм. — Еще и этот его одиннадцатый металл... он как будто намерен с его помощью превратиться в святого. — Хэм замолчал и внимательно посмотрел на Вин. — Не тревожься так. Мы с Бризом и Доксом уже говорили об этом. Мы готовы приструнить Кельсера, если возникнет необходимость. У него хорошие замыслы, просто его иногда заносит не туда.

Вин кивнула. Впереди уже виднелась обычная очередь людей, ожидавших разрешения пройти через городские ворота. Они с Хэмом молча миновали унылую группу рабочих, которых послали в доки, людей, трудившихся на пригородных фабриках и мельницах по берегам рек и озер, а также разных мелких вельмож, желавших немного попутешествовать. Каждый должен был иметь уважительную причину, чтобы покинуть город. Вседержитель строго контролировал все передвижения в своих землях.

«Бедняги», — думала Вин, шагая мимо оборванных детишек, тащивших ведра и щетки.

Наверное, им предстояло подняться на стену и отскрести лишайник, наросший на парапетах. Впереди, у самых ворот, какой-то чиновник вдруг принялся ругаться и сильно толкнул одного из стоявших в очереди рабочих. Скаа упал, потом поднялся и поплелся к концу очереди. Ясно было, что, если ему не разрешат выйти из города, он не сможет ничего заработать и его семья будет голодать.

Вин следом за Хэмом прошла мимо ворот по улице, идущей параллельно городской стене. В конце ее Вин увидела несколько больших зданий. Вин прежде никогда не рассматривала вблизи казармы городского гарнизона. Большинство воров предпочитали держаться от них на приличном расстоянии. Однако, когда они с Хэмом подошли ближе, Вин была поражена мощью этих строений. Высокие шпили возносились над стеной, окружавшей казармы. Сами здания выглядели приземистыми и хорошо укрепленными. У ворот стояли солдаты, провожавшие враждебными взглядами каждого, кто оказывался неподалеку.

Вин приостановилась.

— Хэм, разве мы можем пройти туда?

— Не беспокойся, — ответил Хэм. — Меня в гарнизоне знают. Кроме того, все не так плохо, как кажется. Солдаты нарочно стараются выглядеть пострашнее. Как ты можешь догадаться, в городе их не слишком любят. Большинство солдат — скаа, то есть люди, которым в обмен на лучшую жизнь пришлось продаться Вседержителю. И когда в городе случались бунты скаа, гарнизон обычно подвергался нападению. Потому здесь такие укрепления.

— Так ты знаком с этими людьми?

Хэм кивнул:

— Я ведь не такой, как Бриз или Кел, Вин. Я не строю из себя особенного. Я таков, каков есть. Солдатам неизвестно, что я туманщик, но они знают, что я со «дна». Со многими тут я знаком много лет. Они постоянно пытаются уговорить меня надеть мундир. Людей вроде меня, тех, кто уже выпал из общества, проще уломать. Таких тут полным-полно.

— Но ты собираешься предать их, — тихо сказала Вин, увлекая Хэма в сторону от дороги.

— Предать? — повторил он. — Нет, это не предательство. Они наемники, Вин. Им платят за то, чтобы они сражались, и в случае бунта они без раздумий бросятся на друзей или даже родственников. Солдаты быстро учатся понимать такие вещи. Мы можем быть друзьями сейчас, но, когда дело дойдет до схватки, ни один из нас не станет колебаться и раздумывать: убивать или нет.

Вин неуверенно кивнула. Ей это показалось жестоким.

«Жизнь вообще такова. Сплошная жестокость. В этом Рин был абсолютно прав».

— Бедняги, — пробормотал Хэм, глядя на казармы. — Они бы намгодились. Прежде чем отправиться в пещеры, я умудрился сагитировать нескольких ребят, которые показались мне наиболее сообразительными. А остальные... Они сами выбрали свой путь. Они, как и я, просто пытаются сделать жизнь своих детей немного лучше. Разница только в том, что они добровольно решили встать на его сторону. — Хэм повернулся к Вин. — Ну что, хочешь немножко поучиться искусству работы с пьютером?

Вин энергично кивнула.

— Солдаты обычно предлагают мне побороться с ними, — пояснил Хэм. — Вот и посмотришь, как я это делаю... Зажги бронзу, чтобы увидеть, когда я воспользуюсь алломантией. Первое и самое важное, что ты должна знать о пьютере, — это когда именно следует его применять. Я уже замечал, что молодые алломанты склонны постоянно разжигать пьютер, думая, что чем

сильнее они будут, тем лучше. Однако не всегда нужно бить с большой силой. Сила — важная часть борьбы, но не единственная ее составляющая. Если ты всегда бьешь сильнее, ты и устаешь раньше, а заодно даешь противнику понять, где твой предел. Сообразительный человек приберегает силы к концу схватки, когда противник уже выдыхается. А в случае продолжительных схваток — и во время войны — умнее окажется тот, кто дольше проживет.

— Да, понимаю, — кивнула Вин. — Но разве алломантия не позволяет дольше не уставать?

— Позволяет, — согласился Хэм. — И человек с хорошим запасом пьютера может драться с полной отдачей много часов подряд. Но такая пьютерная гонка требует особых умений, и к тому же рано или поздно запас металла иссякнет. Когда это случится, ты можешь умереть от переутомления. В общем, я пытаюсь объяснить тебе, что лучше регулировать силу горения пьютера. Если у тебя будет больше силы, чем нужно, ты можешь потерять равновесие, нанеся удар. Мне приходилось также видеть громил, которые так сильно надеялись на пьютер, что пренебрегали тренировками, не желали учиться разным приемам. А пьютер, хоть и увеличивает физическую силу, не прибавляет тебе мастерства. И если ты не владеешь оружием или не умеешь быстро реагировать на действия противника, ты все равно проиграешь, какой бы силой ни обладала. Я в гарнизоне держусь особенно осторожно, чтобы они не догадались, что я алломант. Ты и представить не можешь, какое это имеет значение. Понаблюдай, как я буду пользоваться пьютером. Я обойдусь без вспышек, мне не нужна сила ради силы. Если, например, я оступлюсь, я его разожгу, чтобы обострить чувство равновесия. Когда я ухажу от удара, то могу с помощью пьютера двигаться немного быстрее. Есть десятки мелких фокусов, благодаря которым нетрудно добиться уважения среди солдат.

Вин слушала с предельным вниманием, стараясь запомнить каждое слово.

— Ну ладно, — решил Хэм, — пошли. Я скажу, что ты дочка моего родственника. Ты выглядишь моложе своих лет, так что вряд ли они обратят на тебя внимание. Понаблюдай за тем, как я дерусь, а потом поговорим.

Вин в очередной раз кивнула, и они пошли к казарме. Хэм махнул рукой

одному из стражников:

— Привет, Бевидон. У меня выходной. А Сертес тут?

— Тут, Хэм, — ответил Бевидон. — Но я не знаю, удачный ли сегодня день для борьбы...

Хэм вскинул брови:

— А что?

Бевидон переглянулся с другим солдатом.

— Поди позови капитана, — сказал он.

Через несколько секунд к воротам деловито подошел еще один гвардеец. Увидев Хэма, он помахал рукой. Его мундир украшало несколько цветных полосок, а на плече Вин увидела золотистые металлические пластинки.

— Хэм! — воскликнул он, выходя за ворота.

— О, Сертес! — улыбнулся Хэм, протягивая руку. — Так ты теперь капитан?

— Да, с прошлого месяца, — кивнул Сертес.

Он помолчал, рассматривая Вин.

— Моя племянница, — пояснил Хэм. — Славная девочка.

Сертес кивнул:

— Хэм, можем мы с тобой переговорить?

Хэм пожал плечами и позволил увлечь себя на территорию казарм, в сторонку. Но Вин с помощью алломантии вполне могла подслушать их разговор.

«Что бы я делала без олова?»

— Послушай, Хэм, — тихо заговорил Сертес, — тебе, наверное, лучше не

приходить сюда в ближайшее время, нам тут не до борьбы. Гарнизон будет... занят.

— Занят? — удивился Хэм. — Чем?

— Я не могу тебе сказать. Но... вообще-то, нам бы сейчас не помешал солдат вроде тебя.

— Будет битва?

— Ага.

— Должно быть, что-то серьезное, раз нужен весь гарнизон.

Сертес помолчал немного и снова заговорил — так тихо, что Вин пришлось напрячься, чтобы расслышать.

— Мятежники, — прошептал Сертес. — Прямо тут, в Центральном доминионе. Мы только что получили сообщение. Откуда-то появилась целая армия скаа, они напали на гарнизон Холстепа на севере.

Вин мгновенно похолодела.

— Что?! — воскликнул Хэм.

— Должно быть, вышли из пещер в горах, — сказал солдат. — Последняя новость — что Холстеп держится... но, Хэм, там всего тысяча человек! Им отчаянно нужно подкрепление, а колоссам не поспеть туда вовремя. Гарнизон Валтру отправил им на помощь пять тысяч, но мы не можем бросить их одних. Похоже, там большой отряд мятежников, и Вседержитель разрешил нам отправиться на север.

Хэм кивнул:

— Да, понимаю.

— В общем, сам видишь, — сказал Сертес, — там настоящая битва, Хэм. Заплатят соответственно. И нам бы весьма пригодился человек с твоим опытом. Я бы сразу произвел тебя в младшие офицеры, дал бы собственный отряд.

— Я... мне надо подумать, — пробормотал Хэм.

Он не сумел скрыть свои чувства, и Вин его изумление показалось неестественным. Но Сертес вроде бы ничего не заметил.

— Только не думай слишком долго, — предупредил капитан. — Мы выступаем через два часа.

— Ладно, учту, — сказал Хэм, так и не придя в себя. — Позволь мне отвести домой племянницу и еще кое-что сделать по мелочи. Я вернусь до того, как вы отправитесь.

— Молодец! — сказал Сертес, и Вин увидела, как он хлопнул Хэма по плечу.

«Наша армия выдала себя, — в ужасе думала Вин. — Но они еще не готовы к войне! Вообще предполагалось, что они тайком подойдут к Лютадели и быстро захватят столицу, а не начнут прямо сейчас сражаться с северными гарнизонами. Их же просто перебьют! Что случилось?»

25

Никто не погибает от моей руки или по моему приказу, но мне бы хотелось, чтобы все было иначе. Ведь это я их убиваю. Иногда мне хочется, чтобы я смотрел на вещи не так трезво.

Кельсер сунул в мешок еще одну флягу с водой.

— Бриз, составь список тех подпольных точек, где мы с тобой набирали рекрутов. Предупреди, что братство напало на их след, пусть ложатся на дно.

Бриз кивнул, в кои-то веки воздержавшись от остроумного замечания. За его спиной в лавке Колченога суетились подмастерья, собирая для Кельсера припасы и снаряжение.

— Докс, лавке ничто не грозит, если они не схватили Йедена. Пусть трое ищеек Колченога постоянно стоят на страже. Если почуют опасность, веди всех в запасную берлогу.

Доксон быстро отдал подмастерьям соответствующие приказы. Один из них уже ушел недавно, чтобы предостеречь Рену. Кельсер полагал, что особая опасность ему не грозит. Из Феллиса успели отправить лишь первый караван барж, и люди, сопровождавшие суда, думали, что Рену ничего не знает об их планах. Рену незачем было бежать без крайней необходимости. Наоборот, его исчезновение лишило бы и его самого, и леди Валетт устойчивого положения в обществе, на завоевание которого ушло столько сил и времени.

Кельсер сунул сверток с едой в мешок и закинул его на спину.

— А мне что делать, Кел? — спросил Хэм.

— Вернись в гарнизон, как и обещал. Это будет весьма кстати — нам нужен осведомитель.

Хэм с опаской нахмурился.

— Послушай, Хэм, у меня нет времени с тобой объясняться, — сказал Кельсер. — Тебе не придется никого обманывать, ты будешь просто слушать, оставаясь самим собой.

— Но я не смогу драться с солдатами, — напомнил ему Хэм. — Я буду слушать, да, но не стану нападать на людей, которые считают меня своим.

— Прекрасно, — отрывисто бросил Кельсер. — Но я искренне надеюсь, что ты также не станешь убивать и наших солдат. Сэйзед!

— Да, мастер Кельсер?

— Много ли скорости у тебя в запасе?

Сэйзед слегка порозовел, оглянувшись на суетившихся вокруг людей.

— Часа на два-три. Это очень трудное для накопления качество.

— Мало. Я отправлюсь один. Пока меня нет, за старшего Доксон.

Кельсер уже повернулся, чтобы уйти, но остановился. За его спиной стояла Вин — все в тех же штанах, рубашке и шапке, в которых ходила в гарнизон. На ее плече висел такой же, как у Кельсера, дорожный мешок, и смотрела Вин весьма вызывающе.

— Это будет тяжелое путешествие, Вин, — сказал Кельсер. — Тебе еще не приходилось делать ничего подобного.

— Вот и хорошо.

Кельсер кивнул. Он открыл мешок. Достав оттуда маленький кулек с крошечными бусинками пьютера, он протянул его Вин. Вин взяла мешочек, не сказав ни слова.

— Проглоти пять шариков.

— Пять?!

— Да, пока хватит, — кивнул Кельсер. — Если понадобится еще, оклики меня, остановимся.

— Остановимся? Так мы не на лодке поедем?

Кельсер нахмурился:

— Скажи, зачем нам лодка?

Вин посмотрела на мешочек с пьютером, схватила со стола чашку воды и принялась глотать бусинки.

— Проверь, достаточно ли ты взяла воды, — напомнил Кельсер. — Точнее, возьми столько, сколько сможешь унести. — Он отошел в сторону, увлекая за собой Доксона. — До заката около трех часов. Если поднажмем, доберемся туда к завтрашнему полудню.

Доксон кивнул:

— Вы успеете.

«Надеюсь, — подумал Кельсер. — Гарнизон Валтру уже три дня как вышел. Даже если посланник скакал всю ночь, он не мог оказаться в Лютадели быстрее чем через два дня. И когда я доберусь до армии...»

Доксон, похоже, заметил тревогу в его глазах.

— В любом случае, — сказал он, — армия теперь для нас бесполезна.

— Я знаю, — отмахнулся Кельсер. — Речь просто о том, чтобы спасти жизни солдатам. Я пришлю весточку, как только смогу.

— Хорошо.

Кельсер отвернулся и разжег пьютер. Мешок сразу стал легким, будто пустым.

— Поджигай пьютер, Вин. Выходим.

Вин кивнула, и Кельсер сразу ощутил исходящий от нее алломантический пульс.

— Разожги как следует, — приказал он, доставая из мешка два плаща и набрасывая один на плечи Вин.

Надев второй, он шагнул вперед, резко распахнув заднюю дверь кухни. Красное солнце ярко светило в небе. Члены команды на мгновение оставили дела и повернулись, провожая взглядами Кельсера и Вин.

Девушка прибавила шагу, догоняя Кельсера.

— Хэм сказал, что я должна научиться использовать пьютер только в случае необходимости... он говорил, что лучше быть с ним осторожнее.

Кельсер обернулся и посмотрел ей в глаза.

— Сейчас не время для осторожности. Держись поближе ко мне, жги его вовсю и следи, чтобы он не кончился не вовремя.

Вин кивнула, в ее взгляде вдруг вспыхнула тревога.

— Хорошо, — сказал Кельсер, глубоко вздыхая. — Вперед.

*

Кельсер помчался по проулку со сверхъестественной скоростью. Вин резко рванулась с места, следуя за Кельсером по узкому проходу между домами и потом по улице. Пьютер горел в ней яростным огнем. Если она будет и дальше жечь его так, все пять бусинок, пожалуй, сгорят за час, если не быстрее.

На улице было полно рабочих-скаа и карет с вельможами. Кельсер, не обращая ни на кого внимания, понесся прямо по центру мостовой с безумной скоростью. Вин бежала за ними, тревожась все сильнее.

«Но не могу же я оставить его одного!» — думала она.

Правда, когда в прошлый раз она вынудила Кельсера взять ее с собой, это едва не привело ее к гибели, а потом она месяц провалялась в постели...

Кельсер лавировал между экипажами, стрелой проносился мимо пешеходов и вел себя так, словно вся улица принадлежала ему одному. Вин прилагала все усилия, чтобы не отставать. Время от времени сзади слышались раздраженные крики, но тут же затихали.

«Плащи, — поняла Вин. — Вот зачем мы их надели... вот почему мы всегда их надеваем. Вельможи, увидев такой плащ, сразу воображают, что лучше не вставать у нас на пути».

Кельсер свернул к северным воротам. Вин не отставала. Когда они приблизились к воротам, Кельсер не стал сбавлять скорость, и очередь людей, ожидавших прохода, зашумела. Стражники, проверявшие пропуска, удивленно оглянулись.

Кельсер прыгнул.

Один из одетых в латы стражников с криком упал на землю, сбитый волной алломантической силы Кельсера, когда тот пронесся над его головой. Вин глубоко вздохнула, швырнула монетку и тоже взвилась в воздух. Она с легкостью перелетела через второго стражника, изумленно смотревшего на своего товарища, который корчился на земле.

Вин оттолкнулась от лат солдата, чтобы подняться выше. Стражник пошатнулся, но устоял на ногах — Вин была в половину легче Кельсера.

Она перелетела через стену, слыша изумленные крики солдат, стоявших наверху. Ей оставалось лишь надеяться, что никто из вельмож ее не узнает. А как бы они ее узнали? Шапка слетела с головы Вин во время прыжка, но все равно те, кто был знаком с леди Валетт, едва ли могли связать изысканную даму с рожденной туманом в грязных штанах.

Плащ Вин яростно хлопал в потоках воздуха. Кельсер уже летел вниз, и Вин тоже миновала высшую точку дуги. Было очень странно пользоваться алломантией при свете дня. Даже неестественно. Вин совершила ошибку, посмотрев вниз. Вместо привычного клубящегося тумана она увидела вдалеке твердую землю.

«Как высоко!» — в ужасе подумала она.

К счастью, она не потеряла ориентации и оттолкнулась от монеты, которую бросил Кельсер. Замедлив падение, Вин благополучно опустилась на покрытую золой и пеплом землю.

Кельсер тотчас же рванул по широкой дороге. Вин последовала за ним, не обращая внимания на торговцев и путешественников. Она думала, что

теперь, выбравшись из города, Кельсер замедлит темп. Вышло наоборот — он лишь ускорился.

И тут она поняла, что он затеял. Кельсер вовсе не собирался ни идти, ни даже спокойно бежать к пещерам.

Он намеревался туда мчаться.

По каналам до пещер можно добраться за две недели. А за сколько доберутся они? Определенно, они двигались медленнее, чем идущая галопом лошадь, только никакая лошадь не выдержит такого долгого галопа.

Вин не чувствовала ни малейшей усталости. Она положилась на пьютер и ощущала лишь легкое напряжение в теле. Ее ноги едва касались земли, и с таким запасом пьютера она, пожалуй, могла бы очень долго не снижать скорости.

Догнав Кельсера, Вин побежала рядом с ним.

— А это легче, чем я думала.

— Все дело в пьютере, — ответил Кельсер. — В противном случае ты уже споткнулась бы или упала.

— Как ты думаешь, что мы там найдем? В пещерах, я имею в виду.

Кельсер покачал головой:

— Нет смысла говорить об этом. Побереги силы.

— Но я вовсе не устала!

— Посмотрим, что ты скажешь через шестнадцать часов, — усмехнулся Кельсер, прибавляя скорость на спуске с холма и поворачивая на широкую тропу, шедшую вдоль канала Лут-Дан.

«Шестнадцать часов!»

Вин чуть отстала от Кельсера, чтобы иметь больше свободы в движениях.

Кельсер все ускорялся, и они уже неслись как ураган. Да, он был прав. Если бы не пьютер, Вин давно бы полетела кубарем по такой неровной дороге. Но ее вели пьютер и олово, и она держалась на ногах, хотя теперь приходилось уделять все больше внимания каждому шагу, потому что начало темнеть и постепенно наползал туман.

Время от времени Кельсер бросал монетку и перескакивал с одного холма на другой. Однако по большей части он просто бежал, придерживаясь берега канала. Шли часы, и Вин начала наконец ощущать усталость. Она не сбавляла скорости, но чувствовала сопротивление тела и растущее желание остановиться и отдохнуть. Несмотря на пьютер, тело начинало выбиваться из сил.

Вин следила, чтобы горение пьютера не ослабевало. Она боялась, что, как только пьютер иссякнет, усталость навалится на нее так, что ей будет уже не сдвинуться с места. Кельсер приказал ей пить как можно больше воды, хотя Вин совсем не испытывала жажды.

Надвигалась ночь, темная и тихая. Ни один из путешественников не осмеливался бросать вызов туману. Кельсер и Вин пробегали мимо барж и лодок, пришвартованных на ночь, мимо шатров, раскинутых бурлаками. Дважды они замечали туманных призраков, бредущих по дороге, и первый из них напугал Вин. Но Кельсер просто промчался мимо, совершенно не обратив внимания на полупрозрачную тушу из останков людей и животных, сожранных тварью, — из их костей постепенно формировался собственный скелет туманного призрака.

Кельсер все бежал и бежал. Вин потеряла чувство времени, она ощущала только бег, бег... Движение требовало слишком большого внимания, и она не могла сосредоточиться даже на Кельсере, несшемся впереди сквозь туман. Вин просто стремительно переставляла ноги, тело оставалось таким же сильным, и в то же время на нее навалилась чудовищная усталость. Каждый шаг превращался в испытание. Вин теперь думала только об отдыхе.

Кельсер не давал ей передышки. Он все бежал и бежал, вынуждая ее бежать следом, и скорость его оставалась прежней. Вин очутилась в мире, который состоял из подавленной боли и растущей слабости. Конечно, время от времени они замедляли ход, чтобы выпить воды или проглотить

несколько бусинок пьютера, но не останавливались. Вин казалось, что она уже просто не сможет остановиться. Она ни о чем не могла думать от усталости. Она могла только разжигать пьютер. И больше ничего.

Свет, вспыхнувший на горизонте, ошеломил ее. Вставало солнце, туман отступал. Но Кельсер не позволил дню помешать им. Да и с какой стати? Они должны были бежать. Они просто... должны были... бежать...

*

«Я умираю».

Эта мысль уже не первый раз приходила в голову Вин. Точнее, она постоянно кружила там, как птица-падальщик над трупом. Но Вин продолжала бежать.

«Ненавижу бег, — подумала она вдруг. — Потому-то я и жила всегда в городах, а не в деревне. В городе бегать не нужно».

В глубине души Вин понимала, что подобные мысли совершенно пусты и бессмысленны. Но ясность рассудка временно покинула ее.

«И Кельсера я тоже ненавижу. Он заставляет меня бежать. Сколько времени прошло после восхода солнца? Несколько минут? Часов? Недель? Или несколько лет? Клянусь, я никогда не думала...»

Кельсер замедлил бег и остановился впереди на дороге. Вин настолько удивилась, что едва не налетела на него. Она споткнулась, неловко сбавляя скорость, как будто вообще забыла о возможности не бежать. Наконец она остановилась и недоуменно уставилась на собственные ноги.

«Что-то не так, — подумала она. — Я не могу просто стоять. Я должна двигаться».

Она уже дернулась, чтобы рвануться дальше, но Кельсер перехватил ее. Вин попыталась вырваться, но сил на сопротивление не осталось.

«Отдохнуть, — пробормотал кто-то в ее голове. — Расслабиться. Ты забыла, как это делается, но будет так здорово...»

— Вин! — рявкнул Кельсер. — Не гаси пьютер! Поддерживай горение или упадешь в обморок!

Вин покачала головой, не слишком хорошо соображая.

— Олово! — приказал Кельсер. — Вспышка! Сейчас же!

Вин послушалась. Голову пронзила боль, ей пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть от солнечного света. Ноги болели от кончиков пальцев до бедер. Но внезапное обострение чувств вернуло ей разум. Вин моргнула и уставилась на Кельсера.

— Лучше? — спросил он.

Вин кивнула.

— Ты весьма жестоко обошлась с собственным телом, — сказал Кельсер. — И если бы не пьютер, оно бы отказало уже много часов назад. Но все пройдет... и ты научишься проделывать такие фокусы как следует, только позже. А сейчас поддерживай горение пьютера и не засыпай. Поспим потом.

Вин снова кивнула.

— А почему... — хрипло заговорила она, — почему мы остановились?

— Прислушайся.

Вин прислушалась. И слышала голоса. Крики. Она посмотрела на Кельсера:

— Там сражаются?

— Да. До Холстепа еще час пути, но думаю, мы уже нашли то, что искали. Идем.

Он бросил на землю монетку и перепрыгнул через канал. Вин последовала за ним, и они побежали вверх по склону ближайшего холма. Кельсер добрался до вершины и глянул вниз. И замер. Вин догнала его — и увидела вдали сражение. Порыв ветра бросил ей в лицо запахи...

Кровь. Долина внизу была завалена трупами. Поодаль продолжал еще сражаться небольшой отряд оборванных, пестро одетых людей, но их окружало бесчисленное количество солдат.

— Мы опоздали, — сказал Кельсер. — Должно быть, наши люди разбили гарнизон Холстепа, а потом попытались вернуться в пещеры. Но Валтру — крупный город, всего в нескольких днях пути отсюда, а там сильный гарнизон, больше пяти тысяч солдат... И они подошли раньше нас.

Вин, прищурившись и, несмотря на яркий свет, поддерживая горение олова, взгляделась в поле битвы и поняла, что Кельсер прав. Солдаты носили имперские мундиры и, судя по завалам из трупов скаа, здесь устроили засаду. У мятежников не было ни единого шанса. Пока Вин оценивала обстановку, оставшиеся в живых скаа начали поднимать руки, сдаваясь, но солдаты продолжали убивать их. Кое-кто пытался сопротивляться, только это не продлевало им жизни.

— Бойня, — гневно пробормотал Кельсер. — Похоже, гарнизон Валтру получил приказ на уничтожение.

Он шагнул вперед.

— Кельсер! — вскрикнула Вин, хватая его за руку. — Что ты делаешь?

Он оглянулся:

— Там есть еще живые. И это мои люди.

— Ну и что ты хочешь — в одиночку напасть на целую армию? Во имя чего? Твои мятежники не владеют алломантией, они не смогут скрыться! Ты не остановишь солдат, Кельсер!

Кельсер вырвал руку, и у Вин не было сил удержать его. Она пошатнулась и упала на черную землю, взметнув клубы пепла. Кельсер уже спускался по склону к месту сражения.

Вин поспешно поднялась на колени.

— Кельсер! — крикнула она, дрожа от усталости. — Мы не бессмертны, вспомни!

Он остановился.

— Ты не бессмертен! — прошептала Вин. — Ты не можешь остановить их. Ты не можешь спасти этих людей.

Кельсер некоторое время стоял на месте, сжимая кулаки. Потом медленно опустил голову. Вдали продолжалась жестокая резня, мятежников почти не осталось.

— Пещеры, — прошептала Вин. — Там ведь должен был кто-то остаться? Может, они расскажут, почему наша армия вдруг ринулась в бой? Может, ты спасешь хотя бы их. Люди Вседержителя наверняка станут искать укрытие... если уже не ищут...

Кельсер наконец кивнул:

— Хорошо. Идем.

*

Кельсер спрыгнул в пещеру. Ему пришлось воспламенить олово, чтобы рассмотреть хоть что-то в густой темноте. Вход освещался лишь отраженными лучами солнца, проникавшими через лаз. Вин спускалась следом за ним, и шорох ее одежды казался обостренному оловом слуху оглушительным. Но в самой пещере... Оттуда не доносилось ни звука. Мгла и тишина.

«Значит, она ошиблась, — подумал Кельсер. — Здесь никого не осталось».

Кельсер глубоко вдохнул и с силой выдохнул, пытаясь унять гнев и разочарование. Он бросил своих людей на поле битвы. Кельсер покачал головой, не желая прислушиваться к доводам разума. Ярость жгла его изнутри.

Вин спрыгнула на землю рядом с ним, и ее фигурка показалась Кельсеру смутной тенью, несмотря на обостренное зрение.

— Пусто, — сообщил он, и его голос гулко отразился от камня. — Ты ошиблась.

— Нет, — шепнула Вин. — Вон там.

Она вдруг бросилась вперед, тихо и стремительно, как кошка. Кельсер окликнул ее, потом, стиснув зубы, пошел следом, прислушиваясь к ее шагам.

— Вин, вернись! Там ничего...

Он замер. Далеко впереди чуть заметно мелькнул слабый свет. «Будь я проклят! Как она заметила его с такого расстояния?» Он слышал впереди легкие шаги Вин и двигался дальше, осторожно, проверяя на ходу запас металлов и опасаясь, что в пещерах агенты братства могли оставить ловушку. Свет приближался, и вскоре послышался голос:

— Кто там? Назови пароль!

Кельсер продолжал идти вперед. Свет стал уже достаточно ярким, чтобы рассмотреть в коридоре человека с копьем. Вин ждала Кельсера, затаившись в тени. Казалось, что она пришла в себя после пьютерной гонки, но он знал: стоит им по-настоящему остановиться, как последствия не заставят себя ждать. Она посмотрела на него вопросительно, но Кельсер прошел мимо.

— Я вас слышу! — крикнул страж. — Назовите себя!

«Это капитан Дему, — сообразил Кельсер. — Один из наших. Значит, не ловушка».

— Пароль! — потребовал Дему.

— Мне не нужен пароль, — сказал Кельсер, выходя на свет.

Дему опустил копьё.

— Лорд Кельсер? Ты пришел... значит, мы победили?

Кельсер не ответил.

— Почему никто не охраняет вход?

— Мы... думали, будет лучше отойти во внутренние помещения, мой лорд. Нас немного осталось.

Кельсер оглянулся.

«Сколько времени понадобится Вседержителю, чтобы узнать у пленников все, что нужно? Да, Вин оказалась права: мы должны увести людей в безопасное место».

Вин подошла ближе, внимательно рассматривая молодого солдата.

— И сколько вас?

— Около двух тысяч, — ответил Дему. — Мы... ошиблись, мой лорд. Мне очень жаль.

Кельсер уставился на него:

— Ошиблись?

— Мы решили, что генерал Йеден слишком спешит, — пояснил Дему, краснея от стыда. — И остались здесь. Мы... думали, что должны слушать тебя, а не его. Нам следовало пойти вместе с армией.

— Армии больше нет, — резко бросил Кельсер. — Собирай людей, Дему. Нам нужно уходить сейчас же.

*

В ту ночь, сидя на пеньке, окруженный клубами тумана, Кельсер заставил себя взглянуть в лицо событиям минувшего дня.

Он сидел сложив руки на груди и прислушиваясь к негромкой возне за спиной: солдаты устраивались на ночлег. К счастью, кто-то заранее подготовил отряд к быстрому отступлению. У каждого солдата была скатка с постелью, оружие и двухнедельный запас еды. Кельсер намеревался выяснить, кто оказался таким предусмотрительным, и повысить его в звании.

Впрочем, кем бы он стал командовать? Оставшиеся две тысячи состояли в

основном либо из напуганных новичков, либо из тех, кто имел некоторый боевой опыт и сообразил, что план Йедена — чистое безумие.

Кельсер покачал головой.

«Столько людей погибло...»

Они ведь собрали почти семь тысяч человек, и теперь большинство из них мертвы. Йеден, видимо, решил испытать армию и ночью нанести стремительный удар по гарнизону Холстепа. Что толкнуло его на такую глупость?

«Я, — подумал Кельсер. — Это моя вина».

Он пообещал солдатам сверхъестественную помощь. Он сделал Йедена членом команды, он так небрежно говорил о том, чтобы совершить невозможное... Стоило ли теперь удивляться, что Йеден решил, будто может напасть на Последнюю империю, потому что Кельсер пророчил ему победу? И стоило ли удивляться, что солдаты пошли за генералом, ведь они сами слышали, что говорил Кельсер...

А теперь они все мертвы, и виноват в этом только он. Смерть не являлась для него чем-то новым. Поражение — тоже. И все равно ему было не по себе. Конечно, солдаты погибли, сражаясь с Последней империей, и это наилучшая смерть для скаа... но они умерли, ожидая некоей божественной помощи от Кельсера... и это его тревожило.

«Ты знал, что будет нелегко, — напомнил он себе. — Ты понимал, какую ношу взваливаешь на свои плечи».

Было ли у него такое право? Даже члены его собственной команды — Хэм, Бриз и остальные — считали, что Последняя империя несокрушима. Они шли за Кельсером, потому что верили в него и потому что он подал свой план как обычную воровскую работу. Что ж, теперь тот, кто оплачивал их труды, мертв. Кельсер отправил на поле битвы разведчиков, чтобы знать точно, убит Йеден или нет. Разведчики сообщили: голову Йедена и нескольких офицеров Хэма имперские солдаты водрузили на шесты вдоль дороги.

Работа окончена. Они разбиты. Армия рассеяна. Нет никаких мятежников,

и некому захватывать столицу.

Неподалеку слышались шаги. Кельсер поднял голову, не зная, хватит ли у него сил, чтобы встать. Рядом с пеньком свернулась клубочком Вин. Она спала прямо на земле, подложив под голову плащ рожденного туманом. Слишком долгое использование пьютера полностью лишило девушку сил, и она заснула в то самое мгновение, когда Кельсер объявил привал. Ему хотелось того же. Но он имел гораздо больше опыта обращения с пьютером. Конечно, и его тело вскоре потребует отдыха, но он мог продержаться дольше, чем она.

Из тумана вышел какой-то человек и, прихрамывая, двинулся к Кельсеру. Это был старик. Людей такого возраста Кельсер не призывал в армию. Наверное, он принадлежал к прежним мятежникам — тем, что жили в пещерах задолго до того, как появился Кельсер и лишил их убежища.

Старик подошел к большому камню неподалеку от пенька и с тяжелым вздохом уселся.

— Сегодня их сон будет беспокойным, — сказал старик. — Они не привыкли ночевать в тумане.

— Выбора-то у них нет, — ответил Кельсер.

Старик покачал головой:

— Пожалуй что нет.

Он немного помолчал. Выражение его морщинистого лица было трудно прочитать.

— Ты меня не помнишь?

Кельсер пригляделся:

— Извини, не помню. Я тебя вербовал?

— Можно и так сказать. Я с плантации лорда Трестинга.

Кельсер изумленно приоткрыл рот, вспомнив наконец усталого, но еще

крепкого старика с лысой головой.

— Ты тот, с кем я разговаривал ночью. Тебя зовут...

— Меннис. Когда ты убил Трестинга, нам пришлось бежать в пещеры, и мятежники нас приняли. Потом, правда, многие ушли искать для себя другую плантацию. А некоторые остались.

Кельсер кивнул.

— Так это твоя заслуга? — спросил он, махнув рукой в сторону лагеря. — Ты подготовил их к бегству?

Меннис пожал плечами:

— Некоторые из нас не способны сражаться, а потому занимаются другими делами.

Кельсер наклонился к нему:

— Что случилось, Меннис? Почему Йеден так поступил?

Меннис развел руками:

— Почему-то считается, что только в молодости человек бывает глупым. Лично я давно заметил, что возраст не прибавляет ума тому, кого обделили им еще в детстве. Йеден был из тех, кто легко поддается чужому влиянию. Тем более что ты как бы оставил ему частицу своей славы. Кое-кто из офицеров думал, что неплохо бы провести, так сказать, тренировочное сражение, чтобы испытать солдат в бою. Они решили устроить ночной налет на гарнизон Холстепа. Похоже, это оказалось не самым удачным решением.

Кельсер тяжело вздохнул:

— Даже если б они победили, то без пользы, потому что обнаружили бы существование армии.

— Они верили в тебя, — тихо сказал Меннис. — Они думали, что просто не могут проиграть.

Кельсер грустно покачал головой и уставился вверх, на клубы тумана над головой. Он медленно выдохнул, и вырвавшееся из его рта облачко пара смешалось с туманом.

— Что теперь будет с нами? — спросил Меннис.

— Мы разделим вас на маленькие группы, — сказал Кельсер, — и отведем в Лютадель, а там вы затеряетесь среди скаа.

Меннис кивнул. Он выглядел усталым, даже изможденным, но еще не сдался. Кельсер понимал его чувства.

— Ты помнишь, о чем мы говорили на плантации Трестинга? — спросил Меннис.

— Отчасти. Ты пытался убедить меня не устраивать беспорядки.

— Тебя это не остановило.

— Но я только это и умею, Меннис. Ты винишь меня за то, что я сделал, из-за чего вы и очутились здесь?

Меннис немного помолчал и кивнул:

— Да. Однако в каком-то смысле я благодарен тебе за это. Я думал, что моя жизнь уже кончена, — я каждый день просыпался с мыслью, что сегодня не смогу подняться. Но здесь, в пещерах, у меня снова появилась... цель. За это я и благодарен тебе.

— Даже после того, что случилось с армией из-за меня?

Меннис фыркнул:

— Ты слишком высоко задираешь нос, юноша! Солдаты сами позволили убить себя. Может, ты отчасти и был тому виной, но не ты делал за них выбор. Кроме того, это не первый бунт скаа, который закончился резней. Их было множество. А ты, можно сказать, уже совершил невероятное — собрал огромную армию, сумел вооружить и обучить ее, несмотря на то что мало кто верил в твою затею. Просто дела пошли иначе, чем ты ожидал, и все равно ты можешь гордиться собой.

— Гордиться? — удивленно переспросил Кельсер, стараясь не выдать своих истинных чувств. — Эта армия должна была разрушить Последнюю империю, а не совершить самоубийство в бессмысленном сражении вдали от Лютадели.

— Разрушить По... — Меннис умолк, нахмурившись. — Ты что, говоришь серьезно?

— Конечно, — сказал Кельсер. — А зачем бы мне еще такая армия?

— Для сопротивления, — предположил Меннис. — Для борьбы... Ребята за этим и пришли в пещеры. Им было важно не победить или проиграть, а делать что-то... хоть как-то бороться с Вседержителем.

Кельсер хмуро посмотрел на него:

— То есть ты с самого начала предполагал, что армия погибнет?

— А что еще с ней могло случиться? — вопросом на вопрос ответил Меннис. Он встал, качая головой. — Мечтай не мечтай, парень, вот только Вседержителя невозможно победить. Однажды я дал тебе совет — я сказал, чтобы ты внимательно выбирал битвы, в которые стоит вступить. Ну так вот, эта битва была не напрасна. А теперь разреши посоветовать тебе еще кое-что, Кельсер, Выживший в Хатсине. Иногда надо просто остановиться. Ты сделал великое дело, никто и не ожидал такого. Твои люди перебили целый гарнизон отборных солдат, прежде чем их окружили и уничтожили. Это величайшая победа скаа за многие десятилетия, а может, и за столетия. И теперь тебе пора отойти в сторонку.

С этими словами старик уважительно кивнул и, медленно переставляя ноги, поплелся к центру лагеря.

Кельсер стоял, задумчиво глядя ему вслед.

«Величайшая победа скаа за многие десятилетия...»

Но ведь именно против этого он и сражался... Не только против Вседержителя, не только против знати. Он сражался против тысячи лет такой жизни, при которой смерть пяти тысяч человек называют «величайшей победой». Он сражался против жизни, настолько лишенной

надежды, что скаа если и решались на бунт, то только заранее готовясь к поражению.

— Это не победа, Меннис, — прошептал Кельсер. — Я еще покажу тебе настоящую победу.

Он заставил себя улыбнуться — не от радости и не от гордости за себя. Он улыбался вопреки горю... его охватывала боль при мысли о гибели людей, но он улыбался — потому что не желал сдаваться. Своей улыбкой он как бы доказывал Вседержителю — и самому себе, — что не побежден.

Нет, он не собирался отходить в сторонку. Он еще не закончил дела.

Он только начал.

Часть четвертая

Танцоры Туманных Волн

26

Я все больше и больше устаю...

Вин лежала на своей постели в лавке Колченога, прислушиваясь к пульсирующей головной боли.

К счастью, она понемногу утихала. Вин еще помнила, как проснулась в то первое, ужасное утро. Боль была настолько сильной, что она почти не могла думать, а ведь ей приходилось еще и двигаться. Она совершенно не понимала, как Кельсер оставался на ногах и вел остатки армии к безопасному укрытию.

Прошло больше двух недель — целых пятнадцать дней, — а голова у нее все еще болела. Кельсер сказал, это хорошо. Он заявил, что ей необходима практика обращения с пьютером, что она должна приучить свое тело к пьютерной гонке. Однако Вин сильно сомневалась, чтобы нечто настолько болезненное могло быть «хорошим».

Впрочем, умение могло оказаться полезным. Теперь, когда голова болела уже не так сильно, Вин была готова это признать. Они с Кельсером сумели добежать до поля битвы за день с небольшим. Обратный путь занял две недели.

Вин встала, осторожно потянулась. Они вернулись меньше суток назад. Кельсер, наверное, еще полночи провел, рассказывая остальным членам команды, что произошло. Но Вин сразу отправилась спать. Ночуя на голой земле, она соскучилась по мягкой удобной постели и с радостью растянулась на простынях.

Зевнув, она потерла виски, накинула халат и пошла в ванную комнату. Там она с удовольствием обнаружила, что подмастерья Колченога уже приготовили для нее ванну. Вин заперла дверь, сбросила халат и опустилась в теплую, с легким цветочным ароматом воду. Вроде бы раньше этот запах казался ей неприятным? Он будет выдавать ее присутствие, верно, однако это невеликая цена за возможность наконец-то смыть с себя грязь долгого путешествия.

А вот длинные волосы ее по-прежнему раздражали. Вин тщательно вымыла их и распутала колтуны. Она совершенно не понимала, как придворные дамы умудряются сохранять прическу, если волосы у них постоянно спадают на спину? У Вин волосы доросли пока только до плеч, но она уже с ужасом думала, что будет, когда они станут длиннее. Они наверняка будут лезть в глаза и в рот во время ночных полетов, не говоря уже о том, что у ее врагов появится возможность ухватиться за длинные пряди.

Искупавшись, Вин вернулась к себе, оделась поудобнее и спустилась на первый этаж. В коридорах хлопотали женщины, наводя чистоту, в мастерской трудились ученики Колченога, но в кухне было тихо. Колченог, Доксон, Хэм и Бриз молча завтракали. И все они разом посмотрели на вошедшую Вин.

— Что такое? — спросила она, остановившись в дверях.

После ванны голова стала болеть еще меньше, но все равно в затылок как будто стучали молотком.

Четверо мужчин переглянулись. Первым заговорил Хэм:

— Мы как раз обсуждали, что делать дальше, когда у нас нет больше ни нанимателя, ни армии. Каково теперь наше положение?

— Положение? — повторил Бриз. — Интересное определение, Хэммонд. Я бы сказал «безвыходная ситуация».

Колченог фыркнул, и все снова уставились на Вин, явно ожидая от нее какой-то реакции.

«Зачем им знать, что я думаю?» — удивилась Вин, проходя в кухню и садясь к столу.

— Хочешь поесть? — спросил Доксон, вставая. — Тут лепешки с начинкой...

— Мне эля, — сказала Вин.

Доксон искоса поглядел на нее:

— Но еще и полудня нет.

— Дай эля. Пожалуйста. Поскорее. — Вин положила руки на стол и уронила голову.

Хэму хватило самообладания рассмеяться.

— Что, пьютерная гонка?

Вин утвердительно хмыкнула.

— Это пройдет, — заверил ее Хэм.

— Если я до тех пор не умру, — пробормотала Вин.

Хэм опять засмеялся, но веселье казалось наигранным. Доксон подал Вин большую кружку и, присев к столу, окинул всех взглядом.

— Ну так, Вин? Что ты обо всем этом думаешь?

— Не знаю, — со вздохом ответила Вин. — Армия ведь была центром всего замысла, так? Бриз, Хэм и Йеден так много времени потратили на то, чтобы собрать людей... Доксон и Рену закупили кучу оружия. А теперь солдат нет... и что у нас осталось? Работа Марша в братстве да нападения Кельсера на знатные Дома, а тут мы ему совсем не нужны. Так что команда теперь не у дел.

Все помолчали.

— Она до жути прямолинейна, — сказал наконец Доксон.

— После пьютерной гонки не до лишних слов, — заметил Хэм.

— А ты-то когда вернулся? — спросила Вин.

— Ночью, когда ты уже спала. Новобранцев почти сразу отослали обратно, чтобы не платить.

— Так гарнизон все еще там? — спросил Доксон.

Хэм кивнул:

— Да, гоняется за остатками нашей армии, потому что солдат из Валтру основательно потрепало в сражении. Так что основная часть лютадельского гарнизона какое-то время будет отсутствовать. Похоже, от нашей армии отделилось несколько довольно крупных отрядов и сбежало еще до начала битвы.

Беседа снова прервалась. Вин маленькими глотками прихлебывала эль, скорее машинально, чем надеясь, что он поможет ей прийти в себя. Через несколько минут на лестнице послышались шаги.

В кухню ворвался Кельсер.

— С добрым утром! — энергично поздоровался он. — Так, опять лепешки с начинкой. Колченог, тебе пора нанять кухарок с более живым воображением.

Несмотря на свое заявление, он схватил свернутую в трубку лепешку и откусил от нее здоровенный кусок, после чего, улыбаясь и жуя, налил себе вина.

Все продолжали молчать, только переглянулись. Кельсер стоял, прислонившись спиной к буфету, и с аппетитом жевал лепешку.

— Кел, надо поговорить, — начал Доксон. — Армии больше нет.

— Да, — ответил тот с набитым ртом. — Я заметил.

— Это конец, Кельсер, — сказал Бриз. — Хорошая была попытка, но она провалилась.

Кельсер нахмурился и опустил руку с лепешкой.

— Провалилась? С чего ты взял?

— Но армии-то нет, — напомнил Хэм.

— Армия была лишь частью плана. Да, мы вынуждены отступить, но ничего еще не закончено.

— Ох, ради всего святого, старик! — воскликнул Бриз. — Как ты можешь

так легко говорить об этом? Погибли люди. Неужели тебя это не волнует?

— Волнует, Бриз, — серьезно ответил Кельсер. — Но что сделано, то сделано. А мы должны двигаться дальше.

— Ну конечно! — возмутился Бриз. — Должны идти по твоему безумному «плану». Пора остановиться, Кел! Я знаю, тебе это не нравится, но это правда!

Кельсер поставил тарелку на буфет.

— Вот только не надо гасить меня, Бриз. Не смей меня гасить!

Бриз застыл с открытым ртом.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я не буду использовать алломантию. Я буду говорить как есть. Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, ты никогда и не собирался красть атиум. Ты просто использовал нас. Обещал нам богатство, если мы пойдем за тобой, но вовсе не намеревался сделать нас богатыми. Это все твое самолюбие... Ты решил стать величайшим главарем воров, каких только знал мир. Поэтому ты распространял слухи, поэтому собирал людей. Ты уже знавал богатство — и теперь захотел стать легендой.

Бриз умолк, сурово глядя на Кельсера. А тот сложил руки на груди и смотрел на команду. Кое-кто отвел глаза, словно подтверждая слова Бриза, и Вин была среди них. Молчание стало тягостным, все ждали от Кельсера какого-то ответа, опровержения...

На лестнице снова прозвучали шаги, и в кухню ворвался Призрак.

— Эй, вам бы поглядеть надо! Там на площади, где фонтан, народу — просто жуть!

Кельсера, похоже, это ничуть не удивило.

— Народ на площади у фонтана? — медленно повторил Хэм. — Значит...

— Идемте, — коротко бросил Кельсер, направляясь к двери. — Надо посмотреть.

*

— Я бы предпочел этого не делать, Кел, — сказал Хэм. — У меня есть причины избегать подобных мероприятий.

Кельсер как будто не слышал и шагал впереди команды. Все — даже Бриз — были одеты в простую одежду скаа с накинутыми плащами. Начался легкий пеплопад, и невесомые хлопья плыли в воздухе, как листья, падающие с невидимого дерева.

На улицах было полно скаа — по большей части рабочих с фабрик и мельниц. Вин знала только одну причину, по которой рабочих могли отпустить в дневное время и отправить на главную городскую площадь.

Казнь.

Она прежде никогда не ходила на казни. Предполагалось, что все жители города — и скаа, и знатные люди — должны присутствовать на церемонии казни, но воры знали, как оставаться незамеченными. Вдали слышался звон колоколов, извещавший о казни, по обеим сторонам улицы стояли поручители, наблюдавшие за прохожими. Вскоре они отправятся по кузням и мельницам, станут заглядывать в случайные дома в поисках тех, кто не повиновался приказу. Наказанием непокорным служила смерть. Согнать на площадь такое множество людей было нелегкой задачей, зато это доказывало могущество Вседержителя.

Чем ближе Вин подходила к главной площади, тем больше народа попадалось на улицах. На крышах домов тоже толпились люди, и мостовые были забиты битком.

«Все не поместятся», — подумала Вин.

Лютадель отличалась от других городов поистине огромным населением, и все просто не могли присутствовать при казни, даже если ограничиться мужчинами.

И все равно люди шли к площади. Отчасти из необходимости, отчасти потому, что им не нужно было работать в это время, и еще... Вин подозревала, что многие страдали болезненным любопытством и просто хотели увидеть чужую смерть.

Толпа становилась все гуще, и Кельсеру, Доксону и Хэму приходилось изо всех сил проталкиваться между зеваками. Кое-кто из скаа бросал на них недовольные взгляды, хотя большинство тупо уступало дорогу.

Встречались и те, кто удивлялся и даже волновался, узнав Кельсера, хотя сейчас его шрамы были не видны. Такие с охотой пропускали его.

Наконец они добрались до домов, окружавших площадь. Кельсер выбрал один и кивнул на него Доксону. Доксон направился туда. Человек у входа не хотел впускать его, но Доксон указал на крышу и подбросил на ладони небольшой кошелек. Через несколько минут команда получила в свое распоряжение всю крышу здания.

— Прикрой нас, Колченог, — тихо попросил Кельсер.

Курильщик кивнул и, создав завесу меди, спрятал всю компанию от глаз охотников. Вин встала у невысокого каменного ограждения и посмотрела на площадь.

— Как много народу...

— Ты всю жизнь провела в городах, Вин, — сказал Хэм, подходя к ней. — Наверняка ты не раз видела большие толпы.

— Да, но...

Как она могла объяснить? Огромная шевелящаяся масса внизу не походила на что-либо виденное ею раньше. Толпа была почти безбрежной, она выплескивалась на прилегавшие к площади улицы... Скаа стояли так плотно, что Вин не понимала, как они дышат.

Знатные люди расположились в центре площади, от скаа их отделял строй солдат. Вельможи находились поблизости от центрального пятифутового возвышения, на котором и стоял фонтан. Кто-то соорудил для них сиденья, и они устроились с удобством, как будто пришли на спектакль или на скачки. Рядом со многими стояли слуги, державшие над головами хозяев зонты от пепла. Пепел пока что, правда, едва сыпался, поэтому на него можно было не обращать внимания.

За вельможами выстроились поручители — рядовые в серой одежде, инквизиторы в черной. Вин передернуло. Она насчитала восемь

инквизиторов. Их худощавые фигуры на голову возвышались над поручителями. Но не только рост выделял темных тварей среди соратников. В Стальных инквизиторах было нечто подчеркнуто необычное...

Вин отвела взгляд и принялась рассматривать обычных поручителей. Большинство из них держались весьма важно. Чем выше было их положение, тем дороже и наряднее выглядела одежда. Вин прищурилась, воспламенила олово — и увидела знакомое лицо.

— Ой! — сказала она, показывая пальцем на одного из поручителей. — Вон тот — мой отец.

Кельсер резко обернулся:

— Который?

— Впереди стоит, — пояснила Вин. — Ниже всех ростом, с золотым шарфом.

Кельсер ошеломленно уставился на нее, лишившись дара речи.

— Это твой отец? — переспросил он.

— Кто? — Доксон присмотрелся. — Я не различаю лиц.

— Тевидиан, — ответил Кельсер.

— Что?! Лорд-прелан?! — пробормотал Доксон потрясенно.

— О чем вы? — спросила Вин. — Кто это?

Бриз рассмеялся.

— Лорд-прелан, — пояснил он, — это глава братства, моя дорогая. Он самый важный из всех поручителей Вседержителя... строго говоря, он старше по званию даже инквизиторов.

От изумления Вин потеряла дар речи.

— Сам лорд-прелан, — пробормотал Доксон, качая головой. — Вот так

сюрприз!..

— Смотрите! — неожиданно воскликнул Призрак, указывая вниз.

Толпа скаа зашевелилась. Вин казалось, что они стоят слишком плотно, чтобы сдвинуться с места, но она явно ошибалась. Люди начали пятиться, освобождая проход к центру площади.

«Зачем они?..»

И тут она ощутила это. Давящую пустоту, упавшую на нее тяжелым одеялом, лишившую воздуха, отнявшую волю. Вин мгновенно воспламенила медь. Но она могла бы поклясться, что Вседержитель гасил ее даже сквозь медную завесу. Она знала, что он приближается, заставляя ее терять все эмоции, все желания, всю силу...

— Он идет, — прошептал Призрак, съжившись за спиной Вин.

С боковой улицы выкатила черная карета, влекомая парой крупных белых жеребцов. Она проехала по образованному скаа коридору, и ее движение рождало чувство неизбежности. Вин видела, как несколько человек шарахнулись в стороны, и заподозрила, что очутись кто-то на пути черного экипажа, тот даже не замедлил бы хода.

Скаа совсем ослабли с прибытием Вседержителя. По толпе пробежала дрожь, люди странно сгибались, сутулились, когда их касалась сила Вседержителя, подавлявшая все чувства. Шепот затих, над огромной площадью воцарилась неестественная тишина.

— До чего же он могуч! — негромко сказал Бриз. — Я могу угомонить в лучшем случае пару сотен человек. А здесь не меньше десяти тысяч!

Призрак перегнулся через парапет.

— Хочется прыгнуть вниз. Просто чтобы...

Он вдруг замолчал и тряхнул головой, как будто просыпаясь. Вин нахмурилась. Что-то изменилось... Она осторожно пригасила медь — и обнаружила, что больше не ощущает давления Вседержителя. Чувство страшной тяжести, пустоты, выпотрошенности почему-то исчезло. Призрак

поднял голову, остальные члены команды расправили плечи.

Вин посмотрела по сторонам. Покосилась вниз. Скаа на площади выглядели все так же. Но ее друзья...

Она поймала взгляд Кельсера. Главарь стоял выпрямившись, решительно глядя на приближавшийся экипаж, на его лице отражалось предельное сосредоточение.

«Он разжигает наши чувства, — догадалась Вин. — Он вступил в противоборство с Вседержителем».

Для Кельсера даже защита такой маленькой группы людей уже была борьбой.

«Бриз прав, — подумала Вин. — Как можно сражаться против такой силы? Вседержитель подмял под себя сразу несколько тысяч человек!»

Но Кельсер не сдавался. Вин на всякий случай подожгла медь. Потом воспламенила латунь и стала помогать Кельсеру, разжигая чувства окружающих ее людей. Выходило странно... она как будто пыталась сдвинуть стену. Но должно быть, от ее усилий был прок, потому что Кельсер едва заметно расслабился и бросил на нее благодарный взгляд.

— Смотрите, — сказал Доксон, явно не замечая их невидимой битвы. — Телеги с пленниками!

Он показал на обоз из доброго десятка телег, тащившийся следом за каретой Вседержителя по живому коридору.

— Узнаешь кого-нибудь? — спросил Хэм, наклоняясь над оградой.

— Я как бы не смотрю, — смущенно ответил Призрак. — Дядя, ты действительно жжешь медь?

— Да, горит вовсю, — сказал Колченог. — Тебе ничего не грозит. В любом случае мы далеко от Вседержителя, и не о чем беспокоиться... площадь слишком велика.

Призрак кивнул и воспламенил олово. Мгновением позже он покачал

головой:

— Нет, никого не узнаю́.

— Ну, ты и не видел большинства рекрутированных нами, — пробормотал Хэм, щурясь.

— Верно, — согласился Призрак.

Он по-прежнему говорил с заметным акцентом, но его усилия освоить правильную речь уже привели к неплохим результатам.

Кельсер подошел к парапету и прикрыл глаза ладонью, защищаясь от солнечного света.

— Пленников-то я вижу, но... нет, никого не узнаю́. Это вообще не солдаты.

— Тогда кто же? — спросил Хэм.

— По большей части женщины и дети, — сказал Кельсер.

— Семьи солдат? — ужаснулся Хэм.

Кельсер покачал головой:

— Сомневаюсь. У них не было времени выяснять имена убитых.

Хэм стоял с непонимающим видом.

— Это наверняка случайные люди, Хэммонд, — с тяжелым вздохом сказал Бриз. — Просто живой пример... Их схватили, только чтобы наказать всех столичных скаа за укрывание мятежников.

— Даже не так, — возразил Кельсер. — Сомневаюсь, чтобы Вседержитель знал, что большинство солдат набрано в Лютадели; вряд ли его вообще это интересует. Он, скорее, полагает, что в доминионе случился очередной бунт. А казнь — лишь способ показать, в чьих руках власть.

Карета Вседержителя заехала на возвышение в центре площади. Зловещий экипаж остановился, но сам Вседержитель не вышел.

Телеги с узниками тоже остановились, и солдаты начали стаскивать с них людей. Черный пепел продолжал сыпаться с неба, когда первую группу обреченных, почти не сопротивлявшихся, втащили на каменный эшафот. Казню руководил один из инквизиторов. Он показывал, как расставить пленников между четырьмя возвышениями с чашами малых фонтанов.

Четырех пленников бросили на колени — по одному рядом с каждым фонтаном, — и четыре инквизитора взмахнули обсидиановыми топорами. Четыре топора опустились, четыре головы слетели с плеч. Солдаты крепко держали тела. Кровь хлынула в чаши фонтанов.

Струи воды окрасились красным. Солдаты сбросили трупы и тут же подтолкнули к чашам следующую четверку.

Призрак побледнел, его явно тошнило.

— Почему... почему Кельсер ничего не делает? Почему не спасает их?

— Не валяй дурака, — огрызнулась Вин. — Там внизу восемь инквизиторов... не говоря уже о самом Вседержителе. Кельсер был бы идиотом, если бы вмешался.

«Хотя я не удивлюсь, если он подумывает об этом», — тут же мысленно уточнила Вин, вспомнив, как Кельсер чуть не бросился в одиночку на целую армию.

Она посмотрела на Кельсера. Он стоял, схватившись за печную трубу с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и явно с трудом удерживал себя от того, чтобы рвануться вниз и попытаться остановить казнь.

Призрак отшатнулся и скорчился в углу крыши: его начало рвать. Хэм тихо застонал, и даже Колченог помрачнел. Доксон наблюдал с серьезным видом, как будто свидетельствовать смерть невинных людей было для него чем-то вроде ритуала. Бриз лишь уныло качал головой.

А вот Кельсер... Кельсера переполнял гнев. Его лицо налилось кровью, мускулы напряглись, глаза сверкали.

Еще четверых казнили, одним был ребенок.

— Вот это наш враг, — сказал Кельсер, яростно махнув рукой в сторону эшафота, — это вот. И нам от него не уйти и не скрыться. Это не просто работа, от которой можно отказаться, столкнувшись с непредвиденными осложнениями.

Еще четверо.

— Посмотрите на них! — потребовал Кельсер, показывая на ряды вельмож.

Большинство из них явно скучали, но некоторых, по-видимому, развлекало зрелище. Они болтали между собой и обменивались шутками, пока продолжалась казнь.

— Я знаю, что вы думаете, — сказал он, поворачиваясь к команде. — Вы думаете, я слишком жесток с вельможами и наслаждаюсь, убивая их. Но скажите честно: разве эти люди, смеющиеся при виде смерти, не заслуживают умереть от моего ножа? Я лишь вершу правосудие.

Еще четверо обезглавлены.

Вин напряженно всматривалась в ряды вельмож. Наконец она нашла группу молодых людей, среди которых сидел Эленд. Никто из его друзей не смеялся, да и старшие далеко не все веселились. То есть большинство спокойно наблюдало за происходящим, но были и те, кто явно ужасался.

— Бриз, — продолжал Кельсер, — ты спрашивал меня об атиуме. Я буду честен. Атиум никогда не был моей главной целью. Я собрал команду, потому что хотел перемен. Мы захватим атиум, да, потому что нам нужны будут средства для создания нового правительства, но сами мы не станем богаче. Йеден погиб. Он служил нам лишь поводом сделать что-то полезное, как бы оставаясь при этом обычными ворами. Но теперь его нет, и, если хотите, мы можем все бросить. Мы свободны от обязательств. Но для меня это ничего не меняет. Борьба продолжается. Люди умирают. Но вы можете не обращать внимания.

Еще четверо невинных лишились жизни.

— Хватит играть в загадки, — говорил Кельсер, внимательно всматриваясь в каждого по очереди. — Мы должны наконец перестать обманывать самих себя. Должны признать, что все затеяно не ради денег, а ради того, чтобы

прекратить вот это. — Он ткнул пальцем в сторону площади с кровавыми фонтанами.

Алые струи взлетали высоко вверх и служили ясным знаком для тех, кто стоял слишком далеко, чтобы видеть саму казнь.

— И я намерен продолжать борьбу. Я понимаю: кое-кто из вас сомневается, что я достоин вами руководить. Вы думаете, для скаа я ставлю себя слишком высоко. Вы шепчетесь между собой, что я хочу стать новым Вседержителем, и думаете, что для меня важнее собственное самолюбие, чем крушение Последней империи.

Он ненадолго замолчал, и Вин увидела, как смущенно Доксон и остальные опускают глаза. Подошел Призрак, по-прежнему зеленоватый.

Еще четверо убиты.

— Вы ошибаетесь, — тихо сказал Кельсер. — Вы должны верить мне. Вы уже доверились мне, когда начали разрабатывать план, хотя он изначально выглядел смертельно опасным. И мне по-прежнему необходимо ваше доверие! Не важно, какой оборот примут события, — мы обязаны продолжать борьбу!

Еще четверым отрубили головы.

Члены команды медленно поворачивались к Кельсеру. Кажется, он сумел окончательно преодолеть давление, что оказывал на их чувства Вседержитель... но Вин чувствовала, что ее цинк подходит к концу.

«Может быть, он действительно способен на это?» — подумала Вин неожиданно для самой себя.

И в самом деле, если существовал на свете человек, способный противостоять Вседержителю, то только Кельсер.

— Я выбрал вас не из-за вашего искусства, — снова заговорил Кельсер, — хотя каждый весьма силен в своей области. Я выбрал вас как людей, умеющих думать и обладающих совестью. Хэм, Бриз, Докс, Колченог... вы известны своей честностью и отзывчивостью. Я знал, что если мне удастся осуществить свой план, то лишь благодаря людям, которых действительно

заботят чужие судьбы. Да, Бриз, дело не в золотых мерах и не в славе. Дело в войне — той войне, которую мы ведем уже тысячу лет и которую я намерен завершить. Уходите, если хотите. Вы прекрасно знаете, что я отпущу любого, не стану спрашивать, не стану мстить. Кто пожелает — уйдет. Однако, — нахмурился он, — если вы останетесь, пообещайте не подвергать больше сомнению мой авторитет. Можете высказывать свои опасения насчет отдельных решений, но хватит шушукаться о том, почему именно я руковожу вами. Кто останется — последует за мной. Это понятно?

Он по очереди посмотрел в глаза каждому из членов команды. И каждый утвердительно кивнул.

— Мы никогда всерьез не сомневались в тебе, Кел, — сказал Доксон. — Мы просто тревожились, и я думаю, оправданно. Армия была едва ли не основной частью плана.

Кельсер кивком указал на север, в сторону главных ворот:

— Что ты видишь там, Докс?

— Ворота?

— И что в них изменилось за последнее время?

Доксон пожал плечами:

— Ничего особенного. Стражников стало меньше, но...

— А почему? — перебил его Кельсер. — Почему меньше?

Доксон на мгновение задумался.

— Потому что гарнизон ушел?

— Именно, — кивнул Кельсер. — Хэм говорит, столичный гарнизон еще несколько месяцев будет преследовать остатки разбежавшейся армии, а в городе осталась лишь десятая часть гвардейцев. Что ж, война с мятежниками — главная задача гарнизона. Лютадель, возможно, и остается незащищенной, но ведь никто и никогда не решался нападать на столицу.

По крайней мере, до сих пор.

Члены команды молча обменялись понимающими взглядами.

— Таким образом, план по захвату города частично выполнен, — сказал Кельсер. — Мы вывели гарнизон из Лютадели. Правда, цена оказалась выше, чем мы предполагали, намного выше. Я просил забытых богов, чтобы те юноши остались живы... но, к несчастью, мы уже ничего не можем изменить, можем только использовать предоставленный шанс. План продолжает работать, вооруженные отряды ушли из столицы. И если всерьез разгорится война Домов, Вседержителю нелегко будет остановить ее. Если, конечно, он захочет это сделать. По неясным причинам он примерно раз в сто лет отходит в сторонку и позволяет лордам воевать между собой. Возможно, он полагает, что, пока вельможи режут глотки друг другу, у них не возникает желания добраться до его собственной.

— А вдруг гарнизон вернется? — спросил Хэм.

— Если я не ошибаюсь, — ответил Кельсер, — Вседержитель на несколько месяцев отпустил гвардейцев погоняться за беглыми мятежниками, чтобы лорды тем временем выпустили пар. Вот только он получит чуть больше, чем ожидал. Когда начнется междоусобная война, мы постараемся под шумок захватить дворец.

— Но где ты возьмешь солдат, дружище? — спросил Бриз.

— У нас осталась часть армии и есть еще время набрать новых воинов. Придется работать осторожно, мы ведь больше не можем задействовать пещеры, так что я намерен прятать отряды прямо в столице. Конечно, солдат будет меньше, чем прежде. Но это не важно. Вы же понимаете, что гарнизон рано или поздно вернется.

Члены команды задумались, а тем временем внизу, на площади, продолжалась казнь. Вин сидела молча, изо всех сил стараясь понять, что Кельсер хотел сказать последними словами.

— Вот именно, Кел, — подтвердил Хэм. — Гарнизон вернется, а у нас не будет достаточного количества людей, чтобы принять бой.

— Но у нас будет сокровищница Вседержителя, — с улыбкой пояснил

Кельсер. — Что ты всегда говорил о солдатах гарнизона, Хэм?

Громила помолчал и тоже улыбнулся:

— Что они наемники.

— Мы захватим деньги Вседержителя, — сказал Кельсер, — и просто купим армию. Это может сработать, господа. Нужно постараться, чтобы сработало.

Похоже, эта мысль прибавила команде уверенности. Вин же смотрела только на площадь. Струи фонтанов были такими красными, что казалось, в них совсем не осталось воды. Из черного экипажа за казнью наблюдал Вседержитель. Несмотря на открытые окна кареты, Вин даже с помощью олова едва сумела различить внутри темный силуэт.

«Вот он, наш истинный враг, — подумала она. — Дело не в отсутствующем гарнизоне и не в инквизиторах с их топорами. Вот этот человек. Тот, чей дневник я читаю. Мы должны найти способ победить его, иначе все, что мы делаем, бессмысленно».

Думаю, я наконец понял, почему Рашек так сильно меня не любит. Он не верит, что чужак вроде меня действительно может стать Героем Веков. Он уверен, что я обманул философов и провидцев и не по праву ношу знак героя.

Рашек думает, что только настоящему террисийцу суждено стать Героем. Как ни странно, его ненависть лишь прибавляет мне решимости. Я докажу ему, что в силах выполнить эту задачу.

Вечером в лавку Колченога вернулись измученные люди. Казнь продолжалась много часов. Братство не выдвинуло никаких обвинений, Вседержитель ничего не объяснил... людей просто убивали и убивали одного за другим. Когда с пленниками было покончено, Вседержитель и его поручители покинули площадь, оставив гору трупов на эшафоте и фонтаны, полные крови.

Кельсер с друзьями прошел в кухню, и Вин вдруг заметила, что ее не беспокоит головная боль. Она казалась теперь слишком незначительной. На столе все еще стояло блюдо с лепешками, которое кто-то заботливо накрыл салфеткой. Никто на него не посягнул.

— Ну хорошо, — сказал Кельсер, занимая излюбленное место у буфета, — работаем дальше. Что теперь нам следует делать?

Доксон сходил за записями, лежавшими в угловом шкафчике, и вернулся к остальным.

— Раз гарнизон ушел, переключаемся на знать, — сказал он, усаживаясь за стол.

— Точно, — согласился Бриз. — Если мы действительно намерены захватить сокровищницу, имея в распоряжении всего несколько тысяч солдат, нам определенно необходимо, чтобы гвардии Вседержителя стало не до нас. Таким образом, война Домов приобретает первостепенное значение.

Кельсер кивнул:

— Ты читаешь мои мысли.

— Но что будет, когда война закончится? — спросила Вин. — Ведь в результате возвысятся какие-то из Домов, и нам придется иметь дело с ними.

Кельсер покачал головой:

— Я не намерен позволять войне кончаться, Вин... по крайней мере, она должна идти достаточно долго. Вседержитель отдает приказы, братство обеспечивает их выполнение, но только лорды действительно способны заставить скаа работать. Поэтому, если мы вовлечем в междоусобицу достаточное количество знатных семей, государственная машина рухнет сама по себе. Мы не можем сражаться со всей Последней империей, она слишком велика. Но мы можем встряхнуть ее как следует и расколоть, а потом заставить осколки воевать между собой.

— Необходимо создать финансовое напряжение в Великих Домах, — заметил Доксон, роясь в бумагах. — Аристократия — это прежде всего финансовый институт, и недостаток денежных средств может опрокинуть любой из Домов.

— Бриз, нам, наверное, потребуются твои маски, — сказал Кельсер. — Пока я один трудился над разжиганием войны, но, если мы хотим пробудить город до возвращения гарнизона, придется поднапрячься.

Бриз вздохнул:

— Отлично. Главное — осторожность, а то как бы меня не узнали под одной из личин. Я не смогу появляться на больших приемах или балах, но смогу наносить частные визиты.

— То же самое касается тебя, Докс, — сказал Кельсер.

— Я уже догадался, — кивнул Доксон.

— Это опасно для вас обоих, но нам надо действовать быстро. Вин останется нашим главным шпионом, и мы, возможно, попросим ее

распространять ложные слухи, способные нарушить равновесие в Домах.

— Пожалуй, следует сосредоточиться на самой верхушке, — добавил Хэм.

— Без сомнения, — кивнул Бриз. — Если наиболее могущественные Дома станут выглядеть уязвимыми, их враги поспешат воспользоваться случаем. И только когда Великие Дома падут, станет ясно, что именно они и были основой экономики.

На несколько мгновений воцарилась тишина, потом сразу несколько голов повернулось в сторону Вин.

— Что? — спросила она.

— Речь идет о Доме Венчер, Вин, — пояснил Доксон. — Он самый сильный из Великих Домов.

Бриз кивнул:

— Да, если падет Дом Венчер, вся Последняя империя это почувствует.

Вин какое-то время молчала.

— Не все они плохие люди, — сказала она наконец.

— Возможно, — кивнул Кельсер. — Но лорд Страфф Венчер определенно плохой человек, а его семья — венец Последней империи. Дом Венчер должен рухнуть, а ты в близких отношениях с одним из его членов.

«А не ты ли мне велел обходить Эленда стороной?» — раздраженно подумала Вин.

— Просто держи ушки на макушке, дитя, — сказал Бриз. — И попробуй подвести парнишку к разговору о делах семьи. Найди зацепку, остальное мы сделаем сами.

«Вот они, те игры, которые так ненавидит Эленд».

Но воспоминания о массовой казни были такими свежими... Да, это необходимо прекратить. Кроме того, Эленд сам говорил, что не слишком

любит свою семью. Не исключено, что она сумеет что-нибудь найти.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказала Вин.

В дверь постучали, и один из подмастерьев поспешил открыть. На кухне появился Сэйзед, плотно закутанный в плащ скаа, с опущенным капюшоном.

Кельсер взглянул на часы:

— Ты рано, Сэйз.

— Воспитываю в себе такую привычку, мастер Кельсер, — ответил террисиец.

Доксон насмешливо вскинул брови:

— Эту привычку неплохо бы приобрести еще кое-кому.

Кельсер фыркнул:

— Даже если всегда приходишь вовремя, это не значит, что от тебя есть польза. Как наши люди, Сэйз?

— Неплохо, мастер Кельсер, насколько позволяет ситуация. Но они не могут вечно прятаться в складах Рену.

— Знаю, — согласился Кельсер. — Докс, Хэм, подумайте над этим. От нашей армии осталось около двух тысяч. Я хочу, чтобы вы привели солдат в Лютадель.

Докс задумчиво кивнул:

— Найдем способ.

— Хочешь продолжить их тренировки? — спросил Хэм.

— Да. Разобьем их на отряды, а отряды по отдельности спрячем. Не можем же мы заниматься с каждым солдатом лично. Скажем... по двести человек в отряде? И разместить в труппах?

— Только нужно, чтобы отряды не знали друг о друге, — сказал Доксон, — и о том, что мы все-таки собираемся устроить штурм дворца. При таком количестве мятежников в городе всегда есть опасность, что кто-то попадется поручителям.

— Верно, — согласился Кельсер. — Скажете каждому отряду, что он в столице один — на случай какой-то необходимости в будущем.

— Ты говорил, нужно продолжить набор людей, — напомнил Хэм.

Кельсер кивнул:

— Не помешало бы по крайней мере удвоить количество солдат.

— Это будет нелегко, — с сомнением произнес Хэм. — Учитывая, что наша армия потерпела поражение...

— Какое поражение? — удивился Кельсер. — Скажите людям правду: армия выполнила свою задачу, полностью нейтрализовав столичный гарнизон.

— Правда, большинство погибло, — пробормотал Хэм.

— Об этом можно умолчать, — сказал Бриз, — или истолковать в свою пользу. Люди рассержены казнью... они прислушаются к нам.

— В общем, на ближайшие месяцы твоя задача, Хэм, — набор людей, — подытожил Кельсер.

— Времени маловато, — возразил Хэм. — Посмотрим, что я сумею сделать.

— Вот и хорошо. Сэйз, сообщение пришло?

— Пришло, мастер Кельсер, — ответил Сэйзед, извлекая из-под плаща письмо и протягивая Кельсеру.

— Что это? — удивился Бриз.

— Весточка от Марша, — сказал Кельсер, вскрывая письмо и быстро

просматривая его. — Он уже в городе, и у него есть новости.

— Какие новости? — быстро спросил Хэм.

— Он не пишет, — пожал плечами Кельсер, беря лепешку с блюда. — Но пишет, где можно встретиться с ним сегодня вечером.

Кельсер направился к двери, на ходу прихватив плащ скаа.

— Осмотрюсь там, пока не стемнело. Пойдешь со мной, Вин?

Вин кивнула и поднялась с места.

— Остальные продолжают работать над планом, — приказал Кельсер. — Я хочу, чтобы через два месяца город бурлил, да так, чтобы после взрыва даже Вседержитель не смог собрать заново все осколки.

*

— Ты ведь чего-то не сказал? — спросила Вин, отворачиваясь от окна и глядя на Кельсера. — Умолчал о какой-то части плана.

Кельсер смотрел в темноту. Марш выбрал для встречи заброшенное здание в Закоулках, нищей трущобе скаа. Кельсер нашел еще один пустующий дом — напротив, и теперь они с Вин сидели на верхнем этаже, наблюдая за улицей и ожидая Марша.

— Почему ты спрашиваешь? — сказал наконец Кельсер.

— Вседержитель, — ответила Вин, отковыривая щепки от дряхлого подоконника. — Я сегодня почувствовала его силу. Не думаю, что ее ощутили другие, они ведь не рожденные туманом. Но ты-то должен был... — Она подняла голову, встретившись с Кельсером взглядом. — Ты все еще надеешься выманить его из города перед тем, как мы попытаемся захватить дворец?

— Не беспокойся насчет него, — сказал Кельсер. — Одиннадцатый металл нам поможет.

Вин нахмурилась. За окном яростно горело садившееся солнце. Вскоре

наползет туман, и с ним, видимо, стоит ожидать Марша.

«Одиннадцатый металл», — подумала Вин, вспоминая скептицизм, с которым все члены команды слушали рассказы о нем.

— Это действительно правда? — спросила она.

— Одиннадцатый металл? Конечно... я ведь показывал его тебе, помнишь?

— Я о другом, — возразила Вин. — Я о легендах. Они правдивы? Или ты лжешь?

Кельсер повернулся к ней, хмурясь. Потом усмехнулся:

— А ты дерзкая девочка, Вин.

— Я знаю.

Улыбка Кельсера стала шире.

— Ответ: нет. Я не лгу. Легенды говорят правду, хотя мне понадобилось немало времени, чтобы разыскать их.

— И та пластинка, что ты показывал, действительно одиннадцатый металл?

— Думаю, да.

— Но ты не знаешь, как его использовать.

Кельсер помолчал и качнул головой:

— Да. Не знаю.

— Звучит не слишком утешительно.

Он пожал плечами и снова отвернулся к окну.

— Даже если мне не удастся вовремя разгадать его тайну, я сомневаюсь, что Вседержитель — такая уж проблема, как тебе кажется. Он могучий алломант, признаю, но он знает далеко не все. Если бы он знал все, мы были бы уже мертвы. И он не всемогущ, потому что иначе ему не

пришлось бы устраивать казнь, чтобы запугать людей до полной покорности. Я не знаю, что именно он собой представляет... но думаю, что он скорее человек, чем бог. Его дневник... это же мысли обычного человека. Его истинная сила пришла вместе с богатством и армией. И если мы лишим его и того и другого, он просто не сумеет остановить развал империи.

Вин нахмурилась:

— Может, он не бог, но... он нечто особенное, Кельсер. Сегодня на площади я ощущала, как он гасит мои чувства даже сквозь медную завесу.

— Это невозможно, Вин, — возразил Кельсер. — Если бы это было так, инквизиторы находили бы алломантов, даже когда их прикрывают курильщики. Ты думаешь, они не переловили бы всех туманщиков-скаа, если бы это было возможно?

Вин в ответ развела руками.

— Ты знаешь, что Вседержитель очень силен, — добавил Кельсер, — и тебе казалось, что ты чувствовала его силу сквозь защиту. Вот так.

«Может, он прав, — думала Вин, отковыривая от подоконника еще одну щепку. — В конце концов, он практикует алломантию куда дольше меня. Но ведь что-то я ощущала? А тот инквизитор, который чуть не убил меня... он же нашел меня в темноте, под дождем. Значит, и он должен был что-то ощущать...»

Вин решила оставить эту мысль на потом.

— Одиннадцатый металл, — напомнила она. — Почему мы не можем просто взять и испытать, на что он способен?

— Все не так просто, — возразил Кельсер. — Ты помнишь, я учил тебя никогда не жечь металлы, не принадлежащие к десятке?

Вин кивнула.

— Это может быть смертельно опасно, — продолжал Кельсер. — Ты рискуешь серьезно заболеть, просто воспламенив неправильный сплав. И

если я ошибаюсь насчет одиннадцатого металла...

— Он убьет тебя, — тихо договорила Вин.

Кельсер кивнул.

«Значит, ты вовсе не так уверен, как пытаешься показать, — решила Вин.
— Иначе ты бы уже давным-давно испытал его».

— Вот что ты надеешься найти в дневнике, — сказала она вслух. — Ключ к тому, как пользоваться одиннадцатым металлом.

— Да, — не стал отрицать Кельсер. — Но боюсь, в этом смысле нам пока не слишком везет. В дневнике вообще не упоминается алломантия.

— Зато там говорится о ферухимии, — напомнила Вин.

Кельсер, стоя у окна, посмотрел на нее сверху вниз:

— Значит, Сэйзед рассказал тебе?

Вин опустила взгляд:

— Ну... я его вынудила.

Кельсер усмехнулся:

— Интересно, какую угрозу я создал для мира, научив тебя алломантии?
Впрочем, мой учитель говорил обо мне то же самое.

— Он вправе тревожиться.

— Разумеется, кто спорит?

Вин улыбнулась. Солнце за окном почти зашло, и в воздухе появились первые полупрозрачные струйки тумана. Они висели, словно призраки, медленно увеличиваясь в размерах, уплотняясь, расплываясь во все стороны в ожидании ночи.

— Сэйзед успел мало рассказать мне о ферухимии, — осторожно произнесла Вин. — На что она способна?

Она с легкой тревогой ожидала ответа, подозревая, что Кельсер поймает ее на лжи.

— Ферухимия — чисто внутреннее явление, — почти сразу ответил Кельсер. — Она дает примерно то же, чего мы добиваемся с помощью пьютера и олова, — силу, выносливость, обостренные слух и зрение, но каждое из качеств необходимо накапливать по отдельности. И с ее помощью можно добиться того, на что не способна алломантия. Память, скорость физических реакций, ясность мысли... даже такие странные вещи, как физический вес или физический возраст можно менять с помощью ферухимии.

— Значит, ферухимия сильнее алломантии? — спросила Вин.

Кельсер пожал плечами:

— У ферухимиков нет внешних сил — они не способны возбуждать или притуплять чувства людей, отталкиваться или притягиваться. И главное ограничение ферухимии в том, что ты можешь запасать разные качества только одним способом: черпая их из собственного тела. Если, например, хочешь в какой-то момент стать вдвое сильнее обычного, тебе придется на несколько часов сделаться очень слабой и таким образом накопить силу. Если хочешь обрести способность быстро излечиваться — придется долгое время побыть больной. В алломантии наше топливо — металлы, и мы в силе, пока у нас есть запас, чтобы жечь. Для ферухимика металлы имеют другое значение, это лишь приспособления для хранения, а настоящее топливо — собственное тело.

— Но можно ведь украсть чужое металлическое хранилище?

— Не поможет. Ферухимик использует только тот запас, который сам же создал внутри себя.

— А...

— Вот так. В общем, я бы не сказал, что ферухимия сильнее алломантии. У обеих есть свои преимущества и свои недостатки. Например, максимальная сила алломанта зависит от максимальной яркости горения металла, и это его предел. Ферухимик этим не ограничен. Если он обладает достаточным запасом физической силы, чтобы на час стать, например, вдвое сильнее

обычного, он может выбрать и другой вариант: стать втрое сильнее на более короткий период или даже вчетверо, впятеро, — но время, конечно, при этом сократится.

Вин задумалась.

— Это немалое преимущество.

— Верно, — согласился Кельсер, доставая из-под плаща маленький флакон с бусинками атиума. — Но у нас есть это. Не страшно, если ферухимик обретет силу пяти, даже пятнадцати человек. Когда я подожгу атиум, то начну предвидеть его действия и смогу победить.

Вин согласно кивнула.

Кельсер откупорил флакон и вытряхнул одну бусинку. Потом достал второй флакон с обычной смесью металлов и бросил бусинку в него.

— Возьми. Вдруг понадобится?

— Сегодня? — удивленно спросила Вин, беря флакон.

Кельсер молча кивнул.

— Но мы же ждем Марша.

— Надеюсь. Но представь, что поручители раскрыли его и заставили написать письмо. Возможно, они следят за ним или просто схватили его и под пыткой вынудили рассказать о сегодняшней встрече. Марш находится в опасном положении. Вообрази, что ты приезжаешь на бал, где вместо вельмож — только поручители и инквизиторы. Каково?

Вин содрогнулась.

— Пожалуй, ты прав, — сказала она, пряча в карман флакончик с атиумом.

— Знаешь, что-то со мной не так, наверное. Никак не могу забыть о том, как дорого стоит эта штука.

Кельсер ответил не сразу.

— Мне стоило больших трудов перестать думать о цене атиума, — проговорил он наконец.

— Я... — Вин замолчала, взглянув на его руки.

Кельсер теперь носил перчатки и рубахи с длинным рукавом. О нем ходило слишком много слухов, и если бы кто-то посторонний заметил шрамы — это грозило бы бедой. Но Вин знала, что шрамы никуда не делись. Тысячи тонких белых полосок, пересекающихся, наползающих друг на друга...

— Честно признаться, — сказал Кельсер, — ты права относительно дневника. Я надеялся отыскать сведения об одиннадцатом металле. Но алломантия вообще не упоминается там, даже в сравнении с ферухимией. Однако две силы во многом схожи, и я предполагал, что автор дневника мог их сопоставлять.

— Возможно, он боялся, что кто-то посторонний прочтет его записи, и не хотел выдавать себя как алломанта?

Кельсер кивнул:

— Возможно. Или он к тому времени еще не пробудился. Но что бы ни случилось в горах Терриса, это превратило его из героя в тирана. Рискну предположить, что заодно пробудило и его силу. Мы не узнаем этого, пока Сэйзед не закончит перевод.

— Ему ведь немного осталось?

— Да. Всего несколько страниц, но я надеюсь, что в них-то и соль. Прочее меня разочаровало. Вседержитель не объяснил даже, что должен был сделать в тех горах! Он просто твердит, что должен сделать нечто, чтобы спасти мир, но вдруг это чистое хвастовство?

«Мне он не показался хвастуном, — подумала Вин. — Скорее наоборот».

— Не важно, — сказал Кельсер. — Когда перевод будет закончен, мы все узнаем.

За окном быстро темнело, и Вин пришлось воспламенить олово, чтобы нормально различать предметы. Вокруг сразу прояснилось, но улица

превратилась в сплетение теней и призрачного света, что, впрочем, естественно для «оловянного» зрения. Рассудком Вин понимала, что снаружи темно, однако все видела. Не так, как при дневном свете, а приглушенно, мягко. Но видела.

Кельсер посмотрел на карманные часы.

— Долго еще? — спросила Вин.

— Полчаса. Если он придет вовремя... в чем я сильно сомневаюсь. В конце концов, он же мой брат.

Вин кивнула и устроилась поудобнее, облокотившись на дряхлый подоконник. Ей стало спокойнее после того, как Кельсер дал ей бусинку атиума, пусть и совсем крошечную.

Внезапно Вин встрепенулась. Крупица атиума напомнила ей кое о чем важном. О чем она уже несколько раз думала с тревогой.

— Ты ведь ничего не говорил мне о девятом металле! — сказала она, оборачиваясь к Кельсеру.

Кельсер пожал плечами:

— Я говорил, что он не слишком важен.

— Говорил. Но что он собой представляет? Сплав какого-то металла с атиумом, наверное?

Кельсер покачал головой:

— Нет, последние два металла отличаются от восьми основных. Девятый металл — это золото.

— Золото? — переспросила Вин. — И все? Я могла бы давным-давно освоить его сама!

Кельсер усмехнулся:

— Да, если захочешь. Видишь ли, воспламенение золота вызывает

неприятные ощущения.

Вин прищурилась, глядя на Кельсера, и снова отвернулась к окну.

«Ладно, посмотрим», — подумала она.

— Ты, конечно, решила проверить? — с улыбкой спросил Кельсер.

Вин промолчала.

Кельсер вздохнул, достал из сумки золотую меру и маленький напильник.

— Попробуй, — предложил он, проводя напильником по монете. — Только если раздобудешь где-то золото, поджигай сначала самую капельку, чтобы убедиться, что золото чистое.

— А если нет?

— Сама поймешь, — пообещал Кельсер, — и очень быстро. Помнишь, как у тебя болела голова от пьютерной гонки?

— Еще бы!

— Грязный сплав обеспечит ощущения похуже. Намного. Когда будешь сама покупать металлы, в разных городах, сначала выясни, кто из торговцев занимается именно сплавами для алломантов. Они лично заинтересованы в качестве товара... потому что рожденный туманом с сильной головной болью не тот человек, с которым приятно встретиться обывателю.

Кельсер стряхнул несколько крупиц золота на маленький лоскуток ткани. Облизнув кончик пальца, он осторожно подхватил одну крупицу и проглотил ее.

— Ага, это хорошее, — сообщил он, протягивая Вин лоскут. — Давай вперед... только помни, что горение девятого металла вызывает странные ощущения.

Вин кивнула, внезапно преисполнившись опасений.

«Я ведь ничего не узнаю, пока сама не попробую», — сказала она себе,

сунула в рот крошечную золотую пылинку и запила водой из фляжки.

Внутри ее возник новый источник силы — неизвестный, отличный от тех девяти, что она знала. Посмотрев на Кельсера, Вин глубоко вздохнула и воспламенила золото.

И сразу как будто раздвоилась. Она видела себя — и еще одну себя.

Одна ее часть стала вдруг незнакомкой, совсем не похожей на девочку, какой она была. Девочка всегда оставалась осторожной и внимательной и ни за что не подожгла бы неведомый металл, доверившись слову какого-то человека. Но эта новая женщина сделалась очень глупой, она забыла чуть ли не все, благодаря чему до сих пор оставалась в живых. Она пила из чашек, наполненных чужими руками. Она доверяла незнакомцам. Она, конечно, была осторожнее многих людей, но и лишилась очень многого.

Эта другая Вин была тем, что она в себе всегда втайне презирала. Сущим ребенком. Тощая как скелет, одинокая, способная лишь ненавидеть и ничего не знающая о доверии. Она не любила никого — и ее никто не любил. Она постоянно твердила себе, что ей плевать на это. Разве в жизни есть смысл? Он обязан быть! Жизнь не может быть такой жалкой, как кажется. Нет, она именно такая. В ней нет ничего стоящего.

Вин разрывалась. Она находилась сразу в двух местах, ощущала движения двух тел, была и девочкой и женщиной. Она осторожно протянула руки — по одной от каждой Вин — и коснулась своих лиц.

Тут Вин судорожно вздохнула — и все исчезло. Ее охватила буря чувств, она ощущала смущение и бессмысленность произошедшего. В комнате не было стульев, поэтому Вин опустилась на пол, прислонилась спиной к стене и обхватила руками колени.

Кельсер подошел, присел рядом, положил руку на плечо.

— Все в порядке, Вин.

— Что это было? — шепотом спросила она.

— Золото и атиум дополняют друг друга, как и остальные парные металлы,
— объяснил Кельсер. — Атиум дает возможность заглянуть в будущее,

пусть только в ближайшее. Золото действует сходным образом, только показывает прошлое. Или по крайней мере иной вариант тебя самой, если бы в прошлом обстоятельства сложились по-другому.

По телу Вин пробежала дрожь. Зловещее чувство — видеть сразу два собственных тела, ощущать себя двумя разными людьми... Ей было не по себе, мысли путались.

К счастью, все быстро проходило.

— Если что, напомни мне, что тебя надо слушаться... По крайней мере, когда речь идет об алломантии.

Кельсер усмехнулся:

— Я как мог старался уберечь тебя от девятого металла. Но ты и сама бы все узнала. Ничего, ты справишься.

Вин кивнула:

— Да... уже почти прошло. Но это не видение, Кельсер. Это было на самом деле! Я могла коснуться себя, другой себя!

— Да, золото вызывает сильные ощущения, — согласился Кельсер. — Но второй тебя здесь не было... по крайней мере, я никого не видел. Это просто галлюцинация.

— Но атиум дает не галлюцинацию, — возразила Вин. — Тени на самом деле показывают, что вскоре сделает человек.

— Верно, — кивнул Кельсер. — Я, по правде говоря, не знаю. Золото — странная штука, Вин. Не думаю, что кто-нибудь его понимает. Мой учитель, Джеммел, говорил, что золотые тени — это те, кто не существовал на самом деле, но мог бы существовать. Личность, которой ты стала бы, если бы не сделала определенного выбора. Конечно, Джеммел был немного чокнутым, так что я не знаю, стоит ли верить его словам.

Вин подумала, что вряд ли захочет в ближайшее время разбираться с золотом. Она вообще надеялась, что ей никогда не придется его поджигать. Она осталась на полу, стараясь привести себя в порядок, а Кельсер

вернулся к окну. Постояв немного, он высунулся наружу.

— Что, пришел? — спросила Вин, поднимаясь на ноги.

Кельсер кивнул.

— Может, останешься здесь и отдохнешь немножко? — предложил он.

Вин отрицательно покачала головой.

— Ну ладно, — сказал Кельсер, выкладывая на подоконник все металлическое: часы, напильник и прочие мелочи. — Пошли.

Они не стали выбираться через окно — Кельсер хотел остаться незамеченным, хотя в этой части Закоулков было так пустынно, что Вин не понимала, о чем он беспокоится. Они спустились по шаткой лесенке и крадучись вышли на улицу.

Дом, выбранный Маршем для встречи, был в еще худшем состоянии, чем тот, где они сидели в ожидании. Входная дверь отсутствовала, от нее осталось несколько гнилых досок на полу. В прихожей пахло пылью и сажей, и Вин наморщила нос, чтобы не чихнуть.

Человек, стоявший в дальнем конце комнаты, обернулся на звук.

— Кел?

— Да, это я. И Вин.

Когда Вин подошла ближе, она заметила, что Марш щурится, напряженно всматриваясь в темноту. Было странно наблюдать за ним, прекрасно видя все вокруг, но зная, что для Марша они всего лишь тени. Дальняя стена здания частично обвалилась, и в помещение свободно проникал туман, почти такой же густой, как снаружи.

— У тебя татуировки братства! — воскликнула Вин, уставившись на Марша.

— Само собой, — ответил Марш привычным сухим голосом. — Я сделал их еще до того, как пристал к каравану. Без них я не смог бы притвориться

неофитом.

Татуировки были скромными и выдавали в нем поручителя самого низшего ранга, однако этот рисунок невозможно было с чем-либо спутать. Темные линии, окружавшие глаза, зигзагами разбегались в стороны. И еще среди них выделялась одна особенная линия — толстая, ярко-красная, идущая вниз. Вин узнала ее: такие татуировки носили поручители, принадлежавшие к кантону инквизиции. Марш не просто проник в братство, он сумел пробраться в самый опасный его кантон.

— Теперь они у тебя на всю жизнь, — вздохнула Вин. — Такие заметные... Куда бы ты ни пошел, каждый узнает в тебе либо поручителя, либо мошенника.

— Что ж, такова плата, Вин, — тихо сказал Кельсер.

— Это не имеет значения, — возразил Марш. — Все равно я недолго протяну. Давайте поспешим. Мне нужно идти. У поручителей хлопотливая жизнь, так что у меня всего несколько свободных минут.

— Хорошо, — кивнул Кельсер. — Судя по всему, внедрение прошло благополучно?

— Все нормально, — сухо ответил Марш. — Даже как-то слишком хорошо... я ведь думал, что буду выделяться из группы. Я исходил из того, что не прошел пятилетней подготовки, как другие новички, и потому окажусь в невыгодном положении. И я постарался осторожно расспросить других, чтобы точно представлять себе будущие обязанности. Но похоже, я уже знал о братстве больше некоторых и был лучше подготовлен. Преланы это заметили.

Кельсер рассмеялся:

— Ты всегда умел добиваться своего.

Марш тихонько фыркнул:

— Как бы то ни было, мои знания — не говоря уже об искусстве охотника — помогли мне завоевать определенную репутацию. Я не уверен, конечно, что мне нравится пристальное внимание преланов. Моя легенда, которую

мы так старательно сочиняли, выглядит довольно хлипкой, когда на тебя смотрят инквизиторы.

Вин нахмурилась:

— Ты сказал, что ты туманщик?

— Конечно, — ответил Марш. — Братство, в особенности кантон инквизиции, охотно привлекает к работе знатных охотников. Я оказался востребованным, и это удерживает их от того, чтобы копаться в моем прошлом. Они рады были заполучить меня, несмотря на то что я заметно старше большинства новообращенных.

— Кроме того, — сказал Кельсер, — ему необходимо было сообщить, что он туманщик, чтобы попасть в самое сердце братства. Большинство поручителей высокого ранга — туманщики, и они благосклонно относятся к себе подобным.

— И у них есть на то причины, — быстро продолжил Марш. — Кел, братство обладает куда большими знаниями и умениями, чем мы предполагали.

— О чем ты?

— Они умело используют туманщиков. Просто отлично. У братства есть опорные пункты по всей столице — их называют «точками гашения». В каждой постоянно дежурит пара гасильщиков, и их единственная обязанность — распространять вокруг угнетающее воздействие, сглаживать и подавлять чувства всех, кто находится поблизости.

Кельсер зашипел сквозь зубы:

— И сколько их?

— Десятки. Особенно много их в трущобах скаа. В братстве знают, что над скаа постоянно издеваются, но хотят, чтобы все продолжалось и дальше.

— Проклятье! — воскликнул Кельсер. — Я всегда чувствовал, что скаа в Лютадели более забитые, чем в других местах, и меня это удивляло. Теперь понятно, почему нам так трудно было рекрутировать солдат. На людей

постоянно дают гасильщики!

Марш кивнул:

— Да, и у братства очень хорошие гасильщики, Кел... очень сильные. Они даже лучше Бриза. И они гасят людей постоянно, каждый день. Поскольку они не делают ничего особенного, просто удерживают скаа от бурных проявлений чувств, их трудно обнаружить. Каждая такая команда включает также курильщика, прикрывающего их, и охотника — он выслеживает алломантов, оказавшихся в поле его зрения. Могу поспорить, что так инквизиторы и находят своих жертв... ведь большинство наших людей прекрасно понимает, что нужно быть осторожным там, где много поручителей, но расслабляется на территории трущоб.

— Ты можешь достать карту этих точек? — спросил Кельсер. — Нам нужно знать, где прячутся охотники.

Марш кивнул:

— Попробую. Я как раз сейчас направляюсь на такую точку — персонал всегда сменяется по ночам, чтобы не выдавать себя. Высшие чины заинтересовались мной, и мне позволено посетить несколько точек, чтобы ознакомиться с их работой. Посмотрим, может, я и смогу составить для тебя карту.

Кельсер легко поклонился.

— Только постарайся не разбрасываться такими сведениями, хорошо? — попросил Марш. — Необходимо быть очень осторожными, Кел. Братство давно хранит тайну этих точек. И теперь, когда она стала нам известна, мы получили серьезное преимущество. Не потеряй его.

— Не потеряю, — пообещал Кельсер. — А что насчет Стальных инквизиторов? Ты что-нибудь узнал?

Марш немного помолчал.

— Они... странные, Кел. Не понимаю, в чем дело. Они, похоже, обладают всеми алломантическими силами, так что можно предположить, что они были рожденными туманом. Больше я ничего о них не знаю... кроме того,

что они стареют.

— Правда? — с любопытством спросил Кельсер. — Так они не бессмертны?

— Нет, — покачал головой Марш. — Поручители говорят, что инквизиторы время от времени сменяются. Твари живут очень долго, но в конце концов умирают от старости. А новых набирают из высшей знати. Это люди, Кел, только их как-то изменили.

Кельсер кивнул:

— Понятно. Если они могут умереть от старости, значит должен существовать способ убить их.

— Я тоже так думаю, — сказал Марш. — Посмотрим, что мне удастся узнать, но не слишком надейся на меня. Инквизиторы почти не общаются с обычными поручителями — между ними существует некое противостояние. Братством руководит лорд-прелан, но инквизиторы считают, что власть должна принадлежать им.

— Интересно, — медленно протянул Кельсер.

Вин почти видела, как работает его ум, усваивая новые сведения.

— Мне пора, — сказал Марш. — Пришлось бежать всю дорогу сюда, но я, наверное, все равно опоздаю на встречу.

Кельсер кивнул, и Марш направился к выходу, осторожно пробираясь между кучами мусора.

— Марш, — окликнул Кельсер, когда тот стоял в дверях.

Марш обернулся.

— Спасибо, — сказал Кельсер. — Я могу лишь догадываться, насколько это опасно.

— Я стараюсь не ради тебя, Кел, — ответил Марш. — Но... благодарю. Постараюсь узнать побольше и пришлю тебе весточку, когда мне будет что

сказать.

— Будь осторожен.

Марш растворился в ночном тумане. Кельсер еще несколько минут стоял неподвижно в развалинах дома, глядя вслед брату.

«Вот тут он искренен, — подумала Вин. — Он тревожится за брата».

— Пошли, — сказал наконец Кельсер. — Тебе нужно вернуться в особняк Рену — через несколько дней в Доме Лекаль будет бал, и ты должна на нем присутствовать.

Иногда мои спутники говорят, что я слишком много тревожусь и слишком часто задаю вопросы. Я, конечно, сомневаюсь в себе как в герое, но есть то, что я никогда не подвергал сомнению: благая цель нашего путешествия.

Бездна должна быть уничтожена. Я видел ее, я ее чувствовал. Имя, которое мы используем, слишком слабо отображает суть. Да, она глубока и непостижима, но главное, что она ужасна. Многие не осознают, что она разумна, но я ощутил это или нечто похожее в те мгновения, когда столкнулся с ней напрямую.

Бездна — некая разрушающая сила, плодящая безумие и гниение. Она уничтожит наш мир не потому, что испытывает враждебность к нему, а потому, что такова ее природа.

Бальный зал крепости Лекаль имел форму пирамиды. Танцевальная площадка располагалась в центре на возвышении высотой в половину человеческого роста, а обеденные столы стояли на четырех помостах вокруг нее. Слуги суетились в коридорах между возвышениями, разнося ужин.

Вверху по всему периметру находилось четыре яруса балконов. Чем выше располагался балкон, тем сильнее он нависал над танцевальной площадкой. И хотя зал ярко освещался, на балконах было полутемно. Это позволяло как следует рассмотреть главную достопримечательность крепости — маленькие окна с витражами, тянувшиеся вдоль всех балконов.

В Доме Лекаль говорили, что хотя в других крепостях есть окна и побольше, но нигде нет таких замысловатых витражей. Вин вынуждена была признать, что окна действительно производят впечатление. За последние несколько месяцев она видела столько композиций из цветного стекла, что стала воспринимать их как нечто само собой разумеющееся. Но окна крепости Лекаль действительно затмевали большинство из них. Каждое представляло собой настоящее произведение искусства. Здесь гарцевали экзотические животные, плыли величественные пейзажи, горделиво красовались портреты прославленных вельмож.

И конечно же, здесь были традиционные сюжеты, посвященные Вознесению. Вин легко узнавала их, с удивлением обнаруживая, что они как бы иллюстрируют то, о чем она читала в дневнике. Холмы, покрытые изумрудной зеленью. Крутые горы, по склонам которых будто текли волны. Глубокое темное озеро. И... чернота. Бездна. Хаос.

«Он победил это, — думала Вин. — Но что именно он победил?»

Может, в конце дневника написано об этом?

Вин тряхнула головой, отходя от ниши с черным окном. Она шла по второму ярусу балконов. Сегодня Вин надела белое платье, наряд, который и вообразить себе не могла, когда жила на дне. Пепел и зола были тогда неотъемлемой частью ее жизни, и она даже не знала, как выглядит чистый белый цвет, поэтому платье казалось ей волшебным. Вин надеялась, что в ней никогда не угаснут воспоминания о прежней жизни, потому что так она гораздо выше ценила то, что настоящие вельможи воспринимали как должное.

Вин двигалась по балкону, ища свою жертву. Яркие разноцветные лучи струились сквозь окна, разбрасывая по полу пестрые пятна. Большинство окон располагалось в неглубоких нишах, и потому балкон впереди Вин был как бы перерезан темными и светлыми полосами. Вин уже не останавливалась, чтобы рассмотреть ту или иную картину. Она видела достаточно для первого визита в крепость Лекаль. У нее было важное дело на сегодняшний вечер.

Свою цель она заметила на восточном балконе. Леди Клисс разговаривала с какими-то людьми, и Вин остановилась неподалеку, сделав вид, что рассматривает витраж. Вскоре компания леди Клисс распалась: никто не мог подолгу выдерживать ее общество. Дама пошла по балкону в сторону Вин.

Когда она очутилась рядом, Вин повернулась, как будто удивившись:

— О, леди Клисс! А я весь вечер вас не видела!

Клисс тут же остановилась, явно радуясь возможности посплетничать с кем-то еще.

— Леди Валетт! — воскликнула она. — Вас не было на балу у лорда Кейба на прошлой неделе. Надеюсь, вас не сразил очередной приступ лихорадки?

— Нет-нет, — заверила ее Вин. — В тот вечер я просто ужинала с дядюшкой.

— А! — разочарованно отозвалась леди Клисс.

Она явно надеялась услышать что-то поинтереснее.

— Ну что ж, это очень мило.

— Я слышала, у вас есть интересные новости о леди Трен-Педри, — осторожно сказала Вин. — Я тоже недавно узнала кое-что забавное. — Она посмотрела на леди Клисс, надеясь пробудить ее любопытство.

— Ах, вы об этом! — пылко воскликнула дама. — Ну да, я слышала, что семья Трен-Педри вовсе не заинтересована в союзе с Домом Эйм, хотя отец леди и предполагал, что скоро состоится свадьба. Но вы же знаете, каковы сыновья Эймов. Федрен, по крайней мере, форменный шут.

Вин мысленно закатила глаза. Леди Клисс продолжала болтать, совершенно не замечая, что Вин тоже хочет что-то сказать.

«Пытаться тонко намекнуть этой особе — все равно что лить изысканные духи в умывальник скаа».

— Это очень интересно, — сказала Вин, бесцеремонно перебивая леди Клисс. — Может, колебания Трен-Педри связаны с тем, что Дом Эйм налаживает отношения с Домом Гастинг?

Клисс некоторое время раздумывала.

— С чего бы? — спросила она наконец.

— Ну, все знают, что замышляет Дом Гастинг.

— Все? — переспросила леди Клисс.

Вин сделала вид, что смутилась.

— О!.. Ну, может, не все... Прошу, леди Клисс, забудьте мои слова.

— Забыть? Разумеется, я уже забыла. Но продолжайте же, вы не можете вот так взять и замолчать! Что вы имели в виду?

— Я зря это сказала, — пробормотала Вин, — я просто случайно слышала, как об этом говорил мой дядя.

— Ваш дядя? — Леди Клисс уже горела любопытством. — И что он говорил? Вы ведь знаете, мне можно доверять.

— Ну... — как бы в сомнении протянула Вин. — Он говорил, что Дом Гастинг переправляет часть своего имущества назад, в Южный доминион. Дядя обрадовался, ведь Дом Гастинг перехватил часть его контрактов, и он надеется теперь вернуть их.

— Переправляет... — задумчиво повторила леди Клисс. — Зачем им это делать, если они не собираются покидать столицу?

— Но разве их можно винить? — тихо спросила Вин. — Я имею в виду, кто захочет рисковать после того, что случилось с Домом Текиэль?

— И правда, кто...

Леди Клисс просто дрожала от желания поскорее поделиться новостями с кем-нибудь еще.

— Конечно, это всего лишь слух, — сказала Вин. — Так что вам, пожалуй, не следует пересказывать его другим.

— Разумеется, — согласилась леди Клисс. — Э-э... извините меня. Мне необходимо освежиться.

— Да, конечно, — кивнула Вин, провожая взглядом поспешно удалившуюся даму.

Вин улыбнулась. Дом Гастинг, само собой, не делал никаких приготовлений к отъезду. Это была одна из самых могущественных семей в столице, и вряд ли они собирались бежать. Однако Доксон как раз занимался сейчас изготовлением фальшивых документов, которые, случись

им оказаться в нужном месте, должны были вызвать подозрение, что Гастинги задумали покинуть город.

Если все пройдет благополучно, вскоре вся столица будет ожидать, что Гастинги вот-вот уедут. Их союзники поверят в это и, возможно, сами начнут понемногу убираться из города. Те, кто сейчас покупает у них оружие, станут подыскивать других поставщиков, опасаясь, что Гастинги не выполнят контракт, если уедут. А когда они не уедут, это сочтут признаком нерешительности. Союзники Гастингов исчезнут, доходы уменьшатся, и они, возможно, окажутся следующим Домом, не устоявшим под ударами судьбы.

Гастинги, однако, должны были стать легкой добычей. Они славились любовью к двойной игре, так что люди без труда поверят, будто они замыслили тайное бегство. К тому же Дом Гастинг широко занимался торговлей, и для поддержания своего жизненного уровня ему необходимо было заключать множество контрактов. А Дом, основные источники дохода которого на виду, становился уязвимым. Лорду Гастингу приходилось много работать в последние десятилетия, чтобы усилить влияние своей семьи, и он уже исчерпал практически все ресурсы.

Другие Великие Дома выглядели более устойчивыми. Вин вздохнула и пошла по балкону, поглядывая на большие часы с противоположной стороны бального зала.

Да, с Домом Венчер не удастся справиться так легко. Он обладал немалой властью, и хотя Венчеры занимались торговлей, однако не зависели от нее в такой степени, как другие Дома. Венчеры были слишком богаты и влиятельны, чтобы их могла сломить простая торговая неудача.

В определенном смысле устойчивость Венчеров была на пользу Вин. Этот Дом не имел очевидных слабых мест, так что, возможно, команда не будет разочарована, если Вин не сумеет ничего найти. В конце концов, у них не возникало крайней необходимости разрушать Дом Венчер. Просто его разорение могло бы помочь осуществлению их плана.

Что бы ни случилось, Вин собиралась постараться, чтобы Венчеров не постигла та же судьба, что Дом Текиэль. Репутация Текиэлей была погублена, торговые дела — расстроены, Текиэли попытались покинуть

столицу, и это последнее проявление слабости стало их окончательным крахом. Кое-кто из членов семьи погиб еще до бегства. Тела остальных нашли в сгоревших судах на канале, — судя по всему, на них напали грабители. Но Вин знала, что ни одна из воровских шаяк никогда не решилась бы напасть на большую группу аристократов.

Кельсер до сих пор не выяснил, кто из Великих Домов стоял за этим убийством, но вельможи Лютадели, похоже, даже не интересовались подробностями. Дом Текиэль сам дал слабину, а для аристократии нет ничего постыднее зрелища Великого Дома, не способного справиться с собственными делами. Кельсер оказался прав: вельможи продолжали встречаться на балах и обмениваться вежливыми улыбками — притом что лордам все сильнее хотелось перерезать друг другу глотки.

«Прямо как в воровских шайках, — думала Вин. — На самом деле вельможи не слишком отличаются от тех людей, которых я знала на дне».

Из-за того что все скрывалось под безупречными манерами, воздух в высшем свете дрожал, как перед грозой. Втайне зрели заговоры, совершались убийства, и что самое главное — работали рожденные туманом. Не случайно все балы в последнее время охранялись удвоенным количеством стражников, причем часть из них была в латах, а часть — без единой крупницы металла в одежде. Приемы стали теперь дополнительным способом показать силу и предостеречь врагов.

«Эленд в безопасности, — твердила себе Вин. — Что бы он ни думал о своей семье, его родственники знают, как удержаться на вершине. Он наследник, они защитят его от наемных убийц».

Правда, Вин хотелось, чтобы эти слова звучали чуть более убедительно. Она знала, что Шэн Элариэль что-то задумала. Возможно, Дому Венчер ничего не грозило, но сам Эленд... иной раз он слишком рассеян. И если Шэн предпримет что-то против него лично, это может стать тяжелым потрясением для Дома Венчер и точно станет страшным ударом для Вин.

— Леди Валетт Рену, — раздался голос за ее спиной. — Сдается мне, вы опоздали.

Вин обернулась и увидела Эленда, стоявшего в нише слева от нее. Вин улыбнулась, бросила быстрый взгляд на часы и обнаружила, что

действительно пришла на несколько минут позже, чем обещала.

— Я, должно быть, нахваталась дурных привычек от друзей, — с улыбкой сказала Вин, подходя к нише.

— Я ведь не говорил, что это дурно, — рассмеялся Эленд. — Я бы заметил даже, что придворная дама просто обязана быть немного неточной. Это заранее приучает джентльмена к будущим капризам супруги... по крайней мере, так любила говорить моя мать.

— Похоже, она была мудрой женщиной, — сказала Вин.

Ниша оказалась достаточно просторной, чтобы в ней могли бок о бок стоять два человека. Вин повернулась лицом к Эленду, слева от нее находился балкон, справа — прекрасный витраж в лиловых тонах. Молодые люди были так близко друг к другу, что их ноги почти соприкасались.

— Не уверен, — протянул Эленд. — Она ведь вышла замуж за моего отца!

— И вступила тем самым в могущественнейший Дом Последней империи. Вы готовы придумать что-то лучше? Разве что она могла попытаться выйти за самого Вседержителя. Хотя, насколько мне известно, он не ищет удачного брака.

— А жаль, — сказал Эленд. — Может, он выглядел бы не таким подавленным, если бы в его жизни появилась женщина.

— Зависит от женщины, — возразила Вин, бросив косой взгляд на прошедшую мимо них компанию. — Знаете, это не лучшее место для уединения. Люди странно посматривают на нас.

— Но вы же сами забрались в нишу, — возразил Эленд.

— Верно, но я не подумала, что по этому поводу могут возникнуть сплетни.

— Пусть возникают, — отмахнулся Эленд.

— Потому что это рассердит вашего отца?

Эленд покачал головой:

— Нет, он меня больше не интересуется, Валетт. — Эленд придвинулся к Вин вплотную.

Вин почувствовала его дыхание.

— Думаю, мне хочется вас поцеловать, — сказал Эленд, помолчав.

Вин вздрогнула:

— Не уверена, что вам действительно этого хочется, Эленд.

— Почему?

— Что вы вообще знаете обо мне?

— Меньше, чем хотелось бы.

— Меньше, чем необходимо, — уточнила Вин, глядя ему в глаза.

— Так расскажите мне, — предложил он.

— Не могу. Не сейчас.

Эленд внимательно посмотрел на нее, чуть заметно кивнул и вышел на балкон.

— Что ж, может, прогуляемся?

— Да, — согласилась Вин, испытывая немалое облегчение... и легкое разочарование.

— Отлично. А то в нишах просто ужасный свет и невозможно читать.

— Только попробуйте! — возмутилась Вин, заметив торчавшую из его кармана книгу. — Читайте в чем-нибудь другом обществе, только не в моем.

— Но наше знакомство с этого началось!

— И на этом может закончиться, — пригрозила Вин, беря его под руку.

Эленд улыбнулся. Они были не единственной парой, гулявшей по балкону, а внизу множество других пар кружилось под нежную музыку.

«Здесь все кажется таким мирным... А ведь несколько дней назад многие из этих людей стояли и лениво наблюдали, как отрубают головы женщинам и детям...»

Она ощущала руку Эленда, тепло его тела. Кельсер говорил, что улыбается так много, потому что хочет ухватить всю радость, какую только можно найти в мире... насладиться моментами счастья, столь редкими в Последней империи. И теперь, шагая рядом с Элендом, Вин подумала, что, кажется, начинает понимать Кельсера.

— Валетт... — тихо сказал Эленд.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы уехали из Лютадели.

— Что?!

Он остановился и посмотрел на нее.

— Я много думал. Может, вы этого не осознаете, но в столице становится опасно. Очень опасно.

— Я знаю.

— Тогда вы должны знать и то, что мелким Домам без союзников нет сейчас места в Центральном доминионе, — сказал Эленд. — Ваш дядя проявил немалую храбрость, приехав сюда и попытавшись тут обосноваться, но он выбрал неудачное время. Я думаю, скоро события выйдут из-под контроля. И когда это случится, я не смогу быть уверенным в вашей безопасности.

— Мой дядя знает, что делает, Эленд.

— Это другое, Валетт. Целые Дома рушатся. Семью Текиэль убили не

разбойники... это дело рук Дома Гастинг. Их смерть не последняя, которую мы увидим, прежде чем все закончится.

Вин помолчала, снова вспомнив о Шэн.

— Но вам ведь ничего не грозит? Дом Венчер... не такой, как другие. Он надежен.

Эленд покачал головой:

— Мы уязвимее многих, Валетт.

— Но у вас огромное состояние, — возразила Вин. — И оно не зависит от торговых контрактов.

— О наших контрактах просто никто не знает, — тихо сказал Эленд. — Но они есть, Валетт. Мы лишь умело создаем видимость их отсутствия. Однако с теми налогами, что ввел Вседержитель... в общем, мы держимся в столице только благодаря поступлениям наличности. Тайным поступлениям.

Вин нахмурилась, а Эленд наклонился к ней и продолжил шепотом:

— Моя семья занимается добычей атиума для Вседержителя, Валетт. Вот откуда у нас богатство. Так что наше положение целиком зависит от капризов Вседержителя. Он не желает лично руководить таким хлопотным делом, как добыча атиума, но очень возмущается, если нарушается график поставок.

«Разузнай побольше! — требовали все инстинкты Вин. — Это важная тайна, это то, что нужно Кельсеру...»

— Ох, Эленд, — прошептала она, — вы не должны мне об этом рассказывать!

— Почему же? — возразил он. — Я вам доверяю. С атиумом в последнее время возникли проблемы. Что-то случилось несколько лет назад, и с тех пор многое изменилось. Мой отец не всегда может удовлетворить требования Вседержителя. И когда это произошло в последний раз...

— Что?

Эленд явно волновался.

— Скажем так: для Дома Венчер скоро все может обернуться к худшему. Вседержитель зависит от атиума, Валетт, благодаря ему он контролирует лордов. Без атиума не защититься от рожденных туманом. Вседержитель владеет рынком атиума и получает огромные доходы. Он платит армии за счет того, что продает малую часть своих запасов по очень высокой цене. Если бы вы знали побольше об экономике и ее зависимости от алломантии, все это, конечно, имело бы для вас гораздо больше смысла.

«Ох, поверь, я понимаю куда больше, чем ты говоришь. И теперь вдобавок знаю больше, чем следовало бы».

Эленд замолчал и просиял любезной улыбкой, когда мимо них по балкону прошел поручитель. Тот внимательно посмотрел на них задумчивыми глазами из паутины татуировок.

Когда поручитель удалился, Эленд снова заговорил.

— Я хочу, чтобы вы уехали, — повторил он. — Все знают, что я уделяю вам внимание. Надеюсь, они думают, что я хочу лишь позлить отца, но все равно могут попытаться использовать вас. Великие Дома не постесняются уничтожить вашу семью ради того, чтобы добраться до меня и моего отца. Вы должны уехать.

— Я... подумаю об этом, — сказала Вин.

— Времени на раздумья почти не осталось, — предостерег Эленд. — Я хочу, чтобы вы уехали до того, как окажетесь втянутой в то, что происходит в столице.

«Я уже втянута, и куда глубже, чем ты можешь себе представить».

— Я подумаю. Послушайте, Эленд, мне кажется, вам следовало бы в первую очередь побеспокоиться о самом себе. Я думаю, Шэн Элариэль намерена вскоре нанести вам удар.

— Шэн? — удивленно спросил Эленд. — Она совершенно безобидная

особа!

— Мне так не кажется, Эленд. Вы должны быть осторожны.

Он рассмеялся:

— Только посмотрите... каждый старается убедить другого, что ситуация чрезвычайно опасна, и при этом упорно отказывается слушать.

Вин немного помолчала и улыбнулась.

Эленд вздохнул:

— Вы не собираетесь обращать внимание на мои слова? Ну что мне сделать, чтобы заставить вас уехать?

— Прямо сейчас — ничего, — тихо ответила Вин. — Эленд, разве нельзя просто хорошо провести время вместе? Если ситуация так ужасна, как вы говорите, нам может больше и не выпасть такой вечер.

Эленд, подумав, кивнул. Вин отлично видела, что тревога не оставила его, но он снова предложил ей руку, и они двинулись дальше. Вдруг кое-что привлекло внимание Вин. Она отпустила локоть Эленда и схватила его за руку.

Эленд смущенно уставился на нее, а Вин постучала ногтем по его кольцу.

— Это же настоящий металл, — удивленно сказала она.

— Да, чистое золото, — кивнул Эленд.

— Но разве вы не боитесь...

— Алломантов? — Эленд пожал плечами. — Не знаю... мне как-то не приходилось иметь с ними дело. А что, вы на плантациях не носите ничего металлического?

Вин покачала головой и показала на заколку в своей прическе.

— Крашеное дерево, — пояснила она.

Эленд задумчиво кивнул.

— Наверное, это умно, — согласился он. — Но чем дольше живешь в Лютадели, тем отчетливее понимаешь, что здесь ничего не делается с умом. Вседержитель носит металлические кольца — и, разумеется, так поступают все знатные люди. Кое-кто из философов полагает, что это часть его плана. Вседержитель носит металлические украшения, потому что знает: лорды будут подражать ему, а значит, инквизиторы смогут властвовать над ними.

— И вы согласны с этим? — спросила Вин, снова беря его под руку. — Я имею в виду — с мнением философов?

Эленд покачал головой.

— Нет, — ответил он тихо. — Вседержитель... просто очень высокомерен. Я читал о воинах прошлого, которые шли в битву без лат, чтобы доказать, насколько они храбры. Он носит металлы, чтобы порисоваться своей силой, похвастать, что ничего не боится, что никто не может угрожать ему, никто не в силах тягаться с ним.

«Что ж, — подумала Вин, — ему нравится считать Вседержителя высокомерным... Может, я смогу доказать ему нечто большее».

Эленд приостановился и посмотрел на часы.

— Боюсь, мне не удастся провести с вами весь вечер, Валетт.

— Все в порядке, — кивнула она. — Вам нужно встретиться с друзьями, понимаю.

Она внимательно смотрела на него, чтобы не пропустить реакцию.

Эленд не показался ей удивленным. Он лишь чуть поднял брови, глядя на нее.

— Да, верно. А вы очень наблюдательны.

— Тут не нужна особая наблюдательность, — возразила Вин. — Каждый раз, когда мы бываем в Домах Гастинг, Венчер, Лекаль или Элариэль, вы уходите с одними и теми же людьми.

— Да, мы любим выпить вместе, — с улыбкой сказал Эленд. — Может, при нынешней политической ситуации наша компания кажется странной, но одно это весьма раздражает моего отца.

— И чем вы занимаетесь вместе? — спросила Вин.

— Обычно рассуждаем о философии. Мы немножко старомодны... что, наверное, не удивит вас, если вы знаете кого-то из нашей компании. Говорим о правительстве, о политике... о Вседержителе.

— И что же вы говорите о нем?

— Ну, нам не нравится кое-что из того, что он сделал с Последней империей.

— Так вы действительно хотите свергнуть его? — воскликнула Вин.

Эленд бросил на нее странный взгляд:

— Свергнуть? Что за нелепая идея, Валетт? Он Вседержитель... он бог! Мы никак не в состоянии лишить его власти. — Он огляделся по сторонам.
— Нет, мы с друзьями просто хотим, чтобы Последняя империя немного изменилась. Мы ничего не можем сделать прямо сейчас, но в будущем... если, конечно, нам удастся пережить следующий год, мы окажемся в том положении, когда сумеем повлиять на него.

— С какой целью?

— Вспомните, например, казнь несколько дней назад, — сказал Эленд. — Я не вижу в ней смысла. Да, скаа взбунтовались. В ответ братство казнило несколько сотен случайных людей. Какой будет результат? Только один — население обозлится еще сильнее. Значит, следует ожидать нового бунта, более масштабного. И что тогда? Вседержитель прикажет казнить еще больше народа? Сколько это может продолжаться? В конце концов просто не останется ни одного скаа.

Вин помолчала, задумчиво шагая рядом с Элендом.

— А что бы вы сделали, Эленд Венчер, — спросила она наконец, — если бы оказались у власти?

— Не знаю, — признался Эленд. — Я прочел уйму книг... некоторые из них вообще читать не положено, но я не нашел ответа. Однако я совершенно уверен, что казни не решат проблему. Стоило бы предположить, что Вседержитель за тысячу лет на престоле должен был найти метод получше. Давайте продолжим этот разговор в следующий раз. — Он остановился, отводя взгляд.

— Вам пора?

Эленд кивнул:

— Да, я обещал встретиться с друзьями, они уже ждут. Наверное, следовало предупредить их, что я могу немного задержаться...

Вин покачала головой:

— Идите к друзьям. За меня не беспокойтесь... мне тоже надо кое с кем поговорить.

Ей действительно нужно было заняться делом. Бриз и Доксон много часов потратили на то, чтобы тщательно подготовить ложную информацию, которую ей следовало распространить, и после бала ожидали Вин в лавке Колченога с докладом.

Эленд улыбнулся:

— Вероятно, мне и вправду не стоит так тревожиться о вас. Кто знает... учитывая вашу ловкость в политических маневрах, можно ожидать, что Дом Рену вскоре станет одним из самых влиятельных в столице, а я превращусь в нищего попрошайку.

Вин улыбнулась, а Эленд поклонился ей, подмигнул и направился к лестнице. Вин не спеша подошла к перилам балкона и стала рассматривать людей внизу.

«Так, значит, никакой он не мятежник, — подумала Вин. — Кельсер опять оказался прав. Интересно, он никогда не устает от собственной правоты?»

Почему-то Вин не испытывала разочарования. Не все же настолько безумны, чтобы замышлять свержение бога-императора. Но уже то, что

Эленд готов заботиться о других, ставило его выше прочих лордов. Он хороший человек, и ему нужна была женщина, которая ценила бы его.

Только он, к несчастью, встретил Вин.

«Значит, Дом Венчер втайне добывает атиум для Вседержителя, — думала она. — Получается, именно они управляют Ямами Хатсина».

Да, такое положение Великого Дома было ужасающе ненадежным. Доходы семьи напрямую зависели от того, останется ли доволен Вседержитель. Эленд думал, что достаточно осторожен, но Вин беспокоилась за него. Эленд не принимал всерьез леди Шэн Элариэль, но Вин понимала, что он ошибается. Она повернулась и решительно спустилась в зал.

Леди Шэн она нашла без труда. Ее всегда окружала толпа знатных дам, которой она заправляла, как лорд — своей плантацией. Вин помедлила. Она никогда прежде не подходила к леди Шэн.

Но кто-то же должен защитить Эленда: сам он явно на это не способен.

Вин шагнула вперед. Террисиец, прислуживавший леди Шэн, заметил ее еще издали. Он не слишком отличался от Сэйзеда внешне, но не обладал той же... духовностью. У него было неподвижное, словно высеченное из камня, лицо. Несколько дам бросили на Вин неодобрительные взгляды, но большинство, включая саму леди Шэн, сделало вид, что не замечает ее.

Вин неловко остановилась рядом с их столом, ожидая перерыва в разговоре, но дамы болтали без устали. Тогда Вин подошла поближе к Шэн.

— Леди Шэн? — произнесла она вопросительным тоном.

Та обратила на Вин ледяной взгляд:

— Я не посылала за вами, деревенщина.

— Верно, но я обнаружила несколько книг...

— Я больше не нуждаюсь в ваших услугах, — заявила Шэн, отворачиваясь.
— Я в состоянии сама управиться с Элендом Венчером. Будьте любезны

больше не беспокоить меня.

Вин ошеломленно уставилась на нее:

— Но ваш план...

— Я сказала, что больше в вас не нуждаюсь. Вы думаете, я была резка с вами прежде? О! Я тогда была в хорошем настроении. Но сейчас вы начинаете меня бесить...

Вин растерялась под взглядом этой женщины. Шэн как будто переполняло... отвращение? Гнев? А может, ревность?

«Наверное, она наконец поняла, — подумала Вин. — Догадалась, что я не играю с Элендом. Она теперь знает, что он действительно интересуется мной, и не доверит мне свои секреты».

Вин отошла от стола. Видимо, ей придется найти другой способ раскрыть замыслы леди Шэн.

*

Вопреки собственным утверждениям, Эленд Венчер не считал себя грубым человеком. Он был скорее исследователем. Ему нравилось внезапно менять тему разговора, чтобы посмотреть, как отреагируют собеседники. Как великие мыслители прошлого, он нарушал все границы и применял недозволенные методы.

«Конечно, — думал он, поднимая бокал с бренди на уровень глаз и задумчиво глядя на напиток, — большинство старых философов в конце концов были казнены за измену».

Это вряд ли можно назвать достойным примером для подражания.

Вечерняя беседа с единомышленниками закончилась, и Эленд вместе с несколькими приятелями устроился в гостиной крепости Лекаль, небольшой комнате, примыкавшей к бальному залу. Оформленная в темно-зеленых тонах, с удобными креслами, она стала бы приятным местечком для чтения, будь у Эленда другое настроение. Джастес сидел напротив, с довольным видом покуривая трубку. Было приятно видеть молодого лорда

Лекаля таким умиротворенным. В последние недели спокойствие давалось ему с трудом.

«Война Домов, — думал Эленд. — Как не вовремя!.. Но почему именно сейчас? Все шло так хорошо...»

Через несколько минут вернулся Телден с бокалом.

— Вообще-то, — сказал Джастес, махнув трубкой, — выпивку мог принести любой из слуг.

— Мне захотелось размять ноги, — пояснил Телден, устраиваясь в кресле.

— А заодно ты успел пофлиртовать по меньшей мере с тремя дамами, — сказал Джастес. — Я посчитал.

Телден улыбнулся, делая глоток. Этот крупный человек никогда не сидел прямо, он всегда разваливался в кресле. Он мог выглядеть расслабленным и благодушным, что бы ни происходило вокруг, а его отлично сшитые костюмы и безупречно подстриженные волосы придавали ему неотразимый вид.

«Может, и мне следует обращать больше внимания на такие вещи? — подумал Эленд. — Валетт терпит мою прическу, но ведь что-то другое ей бы больше понравилось?»

Лорд Эленд часто собирался пойти к парикмахеру или портному, но его всегда что-нибудь отвлекало. Он углублялся в изучение новой темы или просто зачитывался книгой, а потом обнаруживал, что опоздал к назначенному времени. В очередной раз.

— Эленд что-то помалкивает сегодня, — заметил Телден.

В комнате сидела еще одна компания, но она находилась далеко, и можно было разговаривать без опаски.

— Да он вообще немногословен в последнее время, — сказал Джастес.

— Верно, — согласился Телден, нахмурившись.

Эленд знал их достаточно хорошо, чтобы уловить намек.

— Слушайте, ну что вы за люди? Если хотите что-то сказать, скажите прямо!

— Этикет, друг мой, — пробормотал Джастес. — Мы, если ты не заметил, аристократы!

Эленд закатил глаза.

— Хорошо, я скажу, — заявил Джастес, запуская пальцы в волосы.

Эта нервная привычка — Эленд не сомневался — способствовала тому, что волосы у молодого человека заметно поредели.

— Ты слишком много времени проводишь с малышкой Рену, Эленд.

— Тому есть простое объяснение, — ответил Эленд. — Она мне нравится, видишь ли.

— В этом нет ничего хорошего, Эленд, — покачал головой Телден. — Ничего хорошего.

— Почему? — удивился Эленд. — Ты и сам как будто с удовольствием игнорируешь классовые различия, Телден. Я видел, как ты кокетничал со служанкой.

— Я не наследник своей семьи, — напомнил Телден.

— Кроме того, — сказал Джастес, — все эти девушки проверены. Их нанимала моя семья, мы знаем все об их родных и уверены в их преданности.

Эленд нахмурился:

— К чему ты клонишь?

— В этой девочке есть что-то странное, Эленд, — сказал Джастес.

Он снова нервничал, как обычно, и даже забыл о трубке, оставив ее лежать на столе. Телден кивнул:

— Как-то уж очень быстро она сблизилась с тобой, Эленд. Она чего-то добивается.

— Чего, например? — раздраженно спросил лорд Венчер.

— Эленд, Эленд! — предостерегающе воскликнул Джастес. — Ты не можешь выйти из игры, просто заявив, что больше не играешь. Ты по уши в большой политике. Смотри. Рену появляются в столице: обычная семья, желающая приподняться, и лорд Рену привозит с собой никому не известную родственницу — девушку, которая тут же начинает добиваться внимания наиболее влиятельного и при этом свободного молодого человека в Лютадели. Неужели это не кажется тебе странным?

— Честно говоря, — возразил Эленд, — я сам к ней подошел, да и то потому, что она случайно заняла место, где я до этого читал.

— Признай, что это подозрительно — как быстро она тебя поймала, — сказал Телден. — Если ты намерен и дальше развлекаться романтическими приключениями, Эленд, заруби на носу: играть с женщинами нужно так, чтобы никогда не сблизиться с ними. Это опасно.

Эленд покачал головой:

— Валетт другая.

Двое друзей переглянулись, потом Телден пожал плечами и обратил все внимание на выпивку. Джастес, однако, вздохнул, потом встал и потянулся.

— Вообще-то, мне пора идти.

— Не выпьешь с нами? — удивился Телден.

Джастес покачал головой, снова запуская пальцы в волосы.

— Ты знаешь моих родителей. Если я не выйду попрощаться хотя бы с некоторыми из гостей, меня будут изводить потом несколько недель без передышки.

Он пожелал им приятного вечера и вернулся в бальный зал. Телден, не спеша допивая вино, осторожно посмотрел на Эленда.

— Я не о ней думаю, — усмехнулся Эленд.

— А о чем тогда?

— О нашей сегодняшней встрече. Мне не нравится, как она прошла.

— Ба! — воскликнул Телден, беспечно взмахнув рукой. — Ты становишься таким же занудой, как Джастес. Что случилось с человеком, который приходил на наши встречи, чтобы просто расслабиться и поболтать с друзьями?

— Он встревожен, — сказал Эленд. — Кое-кто из его друзей может оказаться во главе своих Домов быстрее, чем он ожидал, но готовы ли они?

Телден фыркнул.

— Перестань драматизировать! — посоветовал он, улыбаясь и подмигивая молодой служанке, забиравшей пустые бокалы. — У меня лично такое чувство, что скоро все это просто лопнет. И через несколько месяцев мы оглянемся назад и удивимся: из-за чего мы так беспокоились?

«Кэйл Текиэль уже не оглянется», — подумал Эленд.

Разговор угас сам собой, и вскоре Телден, извинившись, ушел. Эленд остался один и открыл книгу «Общественные предписания», но сосредоточиться не смог. Он вертел в пальцах бокал бренди, но и пить не хотелось.

«Интересно, Валетт уже уехала?..»

Он пытался найти ее после встречи с друзьями, но она, видимо, сидела где-то в боковых комнатах с дамами.

«Эта девушка, — рассеянно думал Эленд, — слишком интересуется политикой для особы ее круга».

Возможно, он просто ревновал? Валетт находилась при дворе всего несколько месяцев, а уже, похоже, разбиралась в некоторых вопросах лучше его самого. И она была такой бесстрашной, такой дерзкой, такой... интересной. Она не принадлежала ни к одному из известных Эленду типов

придворных дам.

«А что, если Джастес прав? Она определенно отличается от других женщин, и она сама намекала, что я многого о ней не знаю».

Эленд постарался выбросить из головы эту мысль. Валетт казалась не такой, как все, верно, и в то же время оставалась весьма наивной в некоторых вопросах. Она была пылкой, любопытной и мужественной.

Эленд беспокоился за нее. Она же не знала, какой опасной может быть Лютадель. Здесь ведь не только танцевали и плели невинные интриги, здесь слишком многое зависело от политики. И что будет, если кто-нибудь решит послать рожденного туманом разобраться с Валетт и ее дядей? Рену не обладал прочными связями, и никто при дворе даже глазом не моргнет, если в Феллисе произойдет несколько убийств. Знал ли дядя Валетт, как предпринять серьезные меры предосторожности? Думал ли вообще об алломантах?

Эленд вздохнул. Надо убедить Валетт уехать из столицы. Другого выхода нет.

*

Добравшись до крепости Венчер, Эленд решил, что все-таки выпил слишком много. Он шел к своей комнате, думая только о том, как бы поскорее уронить голову на подушку.

По пути ему нужно было миновать отцовский кабинет. Из приоткрытой двери кабинета, несмотря на поздний час, лился свет. Эленд попытался прокрасться на цыпочках по ковру, но ничего не получилось.

— Эленд? — послышался из кабинета голос отца. — Зайди ко мне.

Эленд уныло вздохнул. Лорд Страфф Венчер ничего не упускал из виду. Он был ищейкой и обладал настолько острыми чувствами, что, наверное, слышал даже, как подъезжала к крепости карета сына.

«Если я не поговорю с ним сейчас, он пришлет слуг, и они будут надоедать до тех пор, пока я не сдамся».

Эленд вошел в кабинет. Отец сидел в кресле, о чем-то говоря с Ген-Суном — кандрой, прислужником семейства Венчер. Эленд никак не мог привыкнуть к новому телу этой твари — оно совсем недавно принадлежало слуге из Дома Гастинг. Увидев кандру, Эленд содрогнулся. Тварь поклонилась и бесшумно удалилась из кабинета.

Эленд остановился в дверях, прислонившись к косяку. Кресло лорда Страффа стояло рядом с книжными полками. Эленд был уверен, что отец не прочитал ни одной книги. Кабинет освещали две лампы, дававшие приглушенный рассеянный свет.

— Ты был на балу, — сказал лорд Страфф. — Что узнал?

Эленд потер лоб:

— Что я склонен к пьянству. Выпил слишком много бренди.

Лорд Страфф даже не улыбнулся. Это был безупречный имперский вельможа — высокий, крепкий, всегда безукоризненно одетый.

— Ты снова встречался... с той женщиной? — спросил он.

— Валетт? Э-э... ну да. Впрочем, мне не удалось поговорить с ней так долго, как хотелось.

— Я запретил тебе проводить с ней время.

— Да, — кивнул Эленд. — Я помню.

Лицо лорда Страффа потемнело. Он встал и подошел к письменному столу.

— Ох, Эленд, — заговорил он, — когда ты наконец избавишься от этого ребячества? Ты думаешь, я не понимаю, что все твои глупости имеют одну цель: позлить меня?

— Вообще-то, я довольно давно избавился от «ребячества», отец, — возразил Эленд. — А тебя гораздо сильнее раздражают мои природные склонности. Жаль, что я не знал этого раньше. Я мог бы не тратить столько усилий в детстве.

Лорд Страфф фыркнул и взял со стола какое-то письмо.

— Я продиктовал это Стаклесу сегодня вечером. Это согласие на приглашение к лорду Тегасу на завтрашний обед. Если война все-таки начнется, я хочу быть уверенным, что мы сумеем быстро уничтожить Дом Гастинг, и Тегас может оказаться сильным союзником. У него есть дочь. Я хочу, чтобы ты пообедал с нами завтра.

— Я подумаю, — сказал Эленд, растирая лоб. — Не знаю, в каком состоянии буду утром. Слишком много бренди, не забывай.

— Ты это сделаешь, Эленд. Это не просьба.

Эленд помолчал. Ему хотелось огрызнуться, отказаться — и дело было не в обеде, а в чем-то более важном.

«Гастинги — второй Дом в столице, — подумал он. — Если бы мы заключили с ними союз, то вместе могли бы остановить хаос в Лютадели. Остановить войну, а не разжигать ее...»

Да, вот что сделали с ним книги... Из глупого бунтовщика он превратился в философа. К несчастью, он слишком долго был дураком. Так стоит ли удивляться, что лорд Страфф не заметил перемен в сыне? Эленд и сам едва начал осознавать их.

Лорд Страфф продолжал пристально смотреть на него, и Эленд отвел взгляд.

— Я подумаю, — повторил он.

Лорд Страфф жестом приказал ему убираться и отвернулся.

Но Эленд остался на месте. Собрав всю свою гордость, он продолжил:

— Тебе, наверное, не стоит так переживать из-за Гастингов. Похоже, они готовятся сбежать из столицы.

— Что?! — воскликнул лорд Страфф, поворачиваясь к сыну. — Где ты это слышал?

— На балу, — пожав плечами, ответил Эленд.

— Мне показалось, ты говорил, что не узнал ничего важного.

— Я ничего такого не говорил. Я просто не хотел делиться с тобой новостями.

Лорд Венчер сдвинул брови:

— Не знаю, почему до сих пор вожусь с тобой... Чему бы тебя ни учили, все бесполезно. Я пытался ознакомить тебя с политикой, юноша, действительно пытался. Но теперь... в общем, я надеюсь, что переживу тебя, потому что иначе наш Дом ждут ужасные времена.

— Я знаю больше, чем ты думаешь, отец.

Лорд Страфф рассмеялся и вернулся в кресло.

— Сомневаюсь, мальчик. Ты даже женщин до сих пор не знаешь по-настоящему. И в тот единственный раз, когда я решил познакомить тебя с ними, мне пришлось самому отвести тебя в бордель.

Эленд вспыхнул.

«Осторожнее! — мысленно напомнил он себе. — Он нарочно так говорит. Он знает, как сильно это тебя тревожит».

— Иди спать, мальчик, — махнул рукой лорд Страфф. — У тебя ужасный вид.

Эленд помедлил, но наконец развернулся и вышел в коридор, тихонько вздохнув.

«Нет, я не такой, как они, — думал он, шагая к себе. — Те философы, чьи книги я читаю... они были революционерами. Они рисковали, шли на казнь. А я не в силах даже перечить отцу».

Он устало доплелся до спальни и, к немалому своему удивлению, увидел там слугу.

Эленд нахмурился:

— В чем дело?

— Лорд Эленд, к вам гость, — сообщил слуга.

— В такой час?!

— Это лорд Джастес Лекаль, мой лорд.

Эленд вскинул голову.

«Что могло случиться, великий Вседержитель?..»

— Он, полагаю, ждет в гостиной?

— Да, мой лорд.

Эленд неохотно развернулся и пошел обратно. В гостиной он обнаружил горевшего нетерпением Джастеса.

— Джастес? — усталым голосом произнес Эленд, входя в гостиную. — Надеюсь, ты скажешь мне что-то по-настоящему важное.

Джастес переминался с ноги на ногу. Он выглядел еще более взвинченным, чем обычно.

— Ну? — резко бросил Эленд, чувствуя, что его терпение на исходе.

— Это насчет той девушки.

— Валетт? — уточнил Эленд. — Ты явился сюда, чтобы поговорить о Валетт? В такой час?

— Тебе следовало бы больше доверять друзьям, — сказал Джастес.

Эленд фыркнул:

— Доверять твоим знаниям о женщинах? Прости, Джастес, на это я вряд ли способен.

— Я проследил за ней, Эленд, — брякнул Джастес.

Эленд застыл на месте.

— Что?!

— Мой человек поехал за ее каретой. Проводил ее до городских ворот. Валетт не было в карете, когда та выезжала из города.

— О чем ты? — непонимающе спросил Эленд.

— Валетт не было в карете, Эленд! — повторил Джастес. — Ее террисиец предъявил стражнику у ворот документы, а в это время мой человек подкрался и заглянул в окно кареты. Внутри никого не было! Значит, она вышла где-то в городе. Она шпионка какого-то Дома, они пытаются повлиять через тебя на твоего отца! Чтобы увлечь тебя, они создали безупречную женщину — темноволосую, немножко загадочную, стоящую вне всех политических объединений. Она достаточно низкого рода, чтобы твой интерес к ней вызвал скандал... и ее напустили на тебя!

— Джастес, это просто глу...

— Эленд, — перебил его приятель, — расскажи еще раз: как ты впервые с ней встретился?

Эленд помолчал.

— Она... просто стояла на балконе.

— Там, где ты до этого читал книгу. Все знают, что это твое любимое место. Думаешь, она случайно там оказалась?

Эленд прикрыл глаза.

«Нет, только не Валетт. Она просто не может быть частью всей этой грязи...»

Тут вдруг в его уме вспыхнула другая мысль: «Я рассказал ей об атиуме! Как я мог быть таким дураком?!»

Нет, это неправда. Эленд не мог поверить, что его так легко поймали на удочку. Но... стоило ли рисковать дальше? Он был плохим сыном, но не предателем Дома. Он вовсе не желал беды семье: он хотел однажды возглавить свой Дом, чтобы, возможно, кое-что изменить.

Эленд попрощался с Джастесом и вернулся в спальню. Он чувствовал себя таким усталым из-за всех этих интриг... Когда он наконец-то лег в постель, то не смог заснуть.

Тогда он поднялся и вызвал слугу.

— Передай отцу, что я хочу заключить сделку, — сказал он слуге. — Я приду завтра на обед, как он того желает. — Эленд немного помолчал и наконец решился: — А взамен я хочу позаимствовать у него парочку шпионов, чтобы они кое за кем проследили.

29

Все думают, что я должен был казнить Кваана за предательство. По правде говоря, я вполне мог убить его в тот момент, когда узнал о его бегстве. Но именно тогда я был не вправе это сделать.

Он стал для меня кем-то вроде отца. Я и по сей день не знаю, почему он вдруг решил, что я не герой. Почему он пошел против меня, выступив перед Конклавом Мироносцев?

Неужели он предпочел бы, чтобы победила Бездна? Пусть я не тот, кто нужен, как теперь утверждает Кваан, — все равно мое присутствие у Источника Вознесения не может быть хуже того, что случится, если Бездна продолжит разрушать наши земли.

Вин читала дальше.

«Скоро все будет кончено.

Мы уже видим пещеру прямо из лагеря. Осталось всего несколько часов подъема, и мы доберемся до нее... Я знаю, что это именно то место. Я просто чувствую это, чувствую... как будто что-то пульсирует в моей голове.

Здесь очень холодно. Готов поклясться, что сами скалы созданы из льда, а снег местами настолько глубок, что приходится прокапывать дорогу. Постоянно дует ветер. Я беспокоюсь за Федика — он изменился после того, как на него напала та тварь, сотканная из тумана, и я боюсь, что он может случайно свалиться с обрыва или поскользнуться на одном из бесчисленных ледяных выступов.

Но вот террисийцы — это подлинное чудо. Как хорошо, что мы взяли их с собой. Ни один обычный носильщик просто не выжил бы в таком путешествии. Террисийцы, похоже, вообще не обращают внимания на холод. Их тела обладают странными свойствами, у них сверхъестественная способность сопротивляться стихии. Может, они заранее „запасли“ достаточно тепла, чтобы использовать его позже?

Но они не хотят говорить о своей силе. Я уверен, что им запрещает Рашек. Носильщики смотрят на него как на старшего, хотя мне не кажется, что он имеет над ними полную власть. Федик до того происшествия с туманной тварью боялся, что террисийцы могут бросить нас во льдах. Но я не думаю, что это так. В конце концов, я здесь потому, что так предсказали пророки Терриса, и эти люди не станут выступать против собственных религиозных убеждений из-за того лишь, что я не нравлюсь одному из них.

Я имел беседу с Рашеком. Он, конечно, не хотел говорить со мной, но я его заставил. Он сорвался и долго кричал о своей ненависти к Хленниуму и моему народу. Он уверен, что мы намерены превратить террисийцев в рабов, а он считает, что террисийцы заслуживают большего. Он постоянно повторял, что его народ должен быть „главным“ благодаря своим сверхъестественным способностям.

Меня испугали его слова: я увидел в них долю правды. Вчера один из носильщиков поднял валун невероятных размеров и отшвырнул с нашей дороги небрежным жестом. За всю жизнь я не встречался ни с чем подобным.

Думаю, террисийцы могут быть очень опасными. Не исключаю, что мы действительно обращались с ними нечестно. Однако людей вроде Рашека просто необходимо сдерживать, ведь он по непонятной причине абсолютно уверен, что за пределами Терриса все так и рвутся угнетать его. Удивительно, с чего бы, ведь он так молод...

Здесь очень холодно. Когда все кончится, я, наверное, уеду туда, где тепло круглый год. Брэчис рассказывал о южных землях, об островах, где есть огромные горы, извергающие огонь.

А что вообще будет, когда все кончится? Я опять стану обычным человеком. Ничего не значащим. Звучит прелестно, даже лучше, чем мысли о жарком солнце и чистом небе. Я так устал быть Героем Веков, устал брести от города к городу и встречать либо открытую враждебность, либо фанатичное поклонение. Я устал, что меня любят и ненавидят за то, что я должен сделать по предсказанию каких-то древних старцев.

Я хочу, чтобы меня забыли. Погрузиться в безвестность. Это было бы просто чудесно.

Если кто-то прочтет эти слова, пусть знает, что сила и власть — очень тяжелая ноша. Постарайтесь не попасть в их ловушку. Пророки Терриса говорят, что у меня будет сила спасти этот мир. Но они же намекают, что у меня будет власть и разрушить его.

У меня появится возможность осуществить заветные желания. „Он возложит на себя власть, какой не было ни у кого из смертных“. Но философы предостерегают меня, что, если я буду своекорыстно пользоваться властью, мой эгоизм приведет к краху.

Разве такую ношу можно выдержать? Разве перед таким искушением можно устоять? Сейчас я чувствую себя достаточно сильным, но что будет, когда я прикоснусь к этой силе? Я спасу мир, конечно... но не попытаюсь ли я заодно и подчинить его?

Вот такие страхи мучают меня накануне возрождения мира, и я записываю их пером, на котором замерзают чернила. Рашек наблюдает за мной. Ненавидит меня. Пещера лежит над нами. Пульсирует. Мои руки дрожат. Но не от холода.

Завтра все кончится...»

Вин жадно перевернула страницу. Дальше ничего не было. Она вернулась, перечитала последние строки. И это все?

Наверное, Сэйзед еще не закончил перевод. Вин встала, вздохнула, потянулась. Она прочитала последнюю часть дневника на одном дыхании, и этот подвиг удивил ее не на шутку. Вокруг нее раскинулся сад Рену: аккуратные дорожки, ухоженные деревья и тихий ручеек — мирная картина, любимое место для чтения. Солнце уже клонилось к горизонту, становилось прохладно.

Вин не спеша пошла к особняку. Она совершенно не могла представить то место, которое описывал Вседержитель. Она видела снег на горных вершинах, но очень редко наблюдала снегопад, да и то это была скорее смесь снега и дождя. Но очутиться там, где вокруг нет ничего, кроме снега, идти день за днем, постоянно боясь попасть под лавину...

Вин хотелось бы побывать в таком месте, несмотря на опасности. И хотя дневник описывал путешествие Вседержителя не целиком, кое-что из

упомянутого в нем — ледяные просторы на севере, огромное черное озеро, водопады Терриса — казалось просто изумительным.

«Если бы только он подробнее описал, как это выглядит!» — с легким раздражением подумала Вин.

Подробно Вседержитель излагал лишь собственные страхи. Надо признать, что Вин, читая его дневник, начала испытывать к нему нечто вроде... сочувствия. Но ей трудно было связать этого человека с тем чудовищем, из-за которого умирало так много людей. Что случилось у Источника Вознесения? Что заставило Вседержителя так ужасно измениться? Вин хотела это знать.

Войдя в особняк, она отправилась на поиски Сэйзеда. Она снова начала носить платья: если бы она показалась в штанах перед кем-то, кроме членов команды, это могло бы вызвать подозрение. На ходу она улыбнулась камердинеру лорда Рену и быстро взбежала по центральной лестнице в библиотеку.

Сэйзед там не оказалось. На письменном столе не лежало ни единого листа бумаги, лампа была погашена. Вин сердито поджала губы.

«Куда он подевался? Лучше бы заканчивал перевод!»

Она спустилась, спрашивая всех встречных о Сэйзеде, и одна из горничных указала ей в сторону кухни. Вин нахмурилась и быстро пошла по коридору.

«Наверное, решил перекусить».

Сэйзед стоял в кухне в окружении слуг. Перед ним на столе лежал лист бумаги, и Сэйзед что-то негромко говорил. Он не заметил, как вошла Вин.

— Сэйзед! — окликнула она его.

Он обернулся с полупоклоном:

— Да, госпожа Вин?

— Что ты делаешь?

— Проверяю кладовые лорда Рену, госпожа. Мне, конечно, предписано помогать вам, но я по-прежнему остаюсь дворецким лорда, и у меня есть обязанности, которые я должен выполнять, когда не занят чем-то другим.

— Ты скоро вернешься к переводу?

Сэйзед удивился:

— К переводу, госпожа? Я его закончил.

— Но где же последняя часть?

— Я отдал ее вам.

— Нет, — возразила Вин. — Там все заканчивается на ночи перед тем, как они вошли в пещеру.

— Это и есть конец, госпожа. Больше в дневнике ничего нет.

— Что?! — ошеломленно спросила Вин. — Но...

Сэйзед бросил взгляд на слуг:

— Нам лучше поговорить наедине, мне кажется. — Он дал слугам еще несколько указаний по списку, кивнул Вин, предлагая следовать за ним, и через заднюю дверь вышел в сад.

Вин помедлила, потом поспешила за Сэйзедом.

— Сэйз, но все не может кончиться так! Мы же не знаем, что там случилось!

— Нам остается лишь предполагать, как я думаю, — сказал Сэйзед, неторопливо шагая по садовой дорожке.

Эта часть сада была не такой красивой, как та, к которой привыкла Вин. Здесь росла в основном только коричневая трава и редкие кусты.

— Предполагать что? — спросила Вин.

— Вседержитель должен был сделать нечто для спасения нашего мира, и

он, безусловно, сделал, поскольку мир продолжает существовать.

— Наверное, — согласилась Вин. — Но потом он забрал себе силу... Должно быть, он не устоял перед искушением воспользоваться властью. Но почему там больше ничего не написано? Почему он ничего не сказал о том, что совершил?

— Возможно, сила слишком изменила его, — ответил Сэйзед. — Или он просто не чувствовал больше потребности в ведении дневника. Он достиг цели, он стал бессмертным, хотя это побочный эффект. Но вести дневник для грядущих поколений, если собираешься жить вечно... наверное, это излишне.

— Но... — Вин от разочарования скрипнула зубами. — Но это негодный конец для такой истории, Сэйзед!

Управляющий улыбнулся:

— Поосторожнее, госпожа! Если привыкнете много читать, пожалуй, рискуете стать ученой.

Вин покачала головой:

— Нет, если все книги заканчиваются так!

— Если вас это утешит, — сказал Сэйзед, — то знайте: не только вы разочарованы содержанием дневника. В нем нет почти ничего такого, что могло бы пригодиться мастеру Кельсеру... и, конечно, там нет ни слова об одиннадцатом металле. Я даже чувствую себя немножко виноватым, потому что пользу из книги в итоге извлек только я.

— Но о религии Терриса там тоже особо не говорится.

— Верно, там сказано совсем немного, — согласился Сэйзед. — Но если честно, то это «немного» — куда больше, чем мы знали до сих пор. Я только того боюсь, что не сумею передать эти сведения. Я должен переслать копию перевода дневника туда, где мои братья и сестры, хранители, смогут ее найти. Жаль ведь, если полученные знания умрут вместе со мной.

— Не умрут, — сказала Вин.

— Вот как? Неужели моя леди внезапно превратилась в оптимистку?

— А неужели террисиец неожиданно стал пессимистом? — парировала Вин.

— Он всегда им оставался, я думаю, — с легкой улыбкой сказал Сэйзед. — И именно это делало его плохим дворецким, — по крайней мере, в глазах большинства хозяев.

— Тогда они были просто дураками! — искренне воскликнула Вин.

— Я склонен думать так же, госпожа, — ответил Сэйзед. — Но нам лучше вернуться в особняк. Вас не должны видеть в саду, когда придет туман.

— Я же все равно потом опять выйду.

— Среди рабочих многие не знают, что вы рожденная туманом, госпожа, — напомнил Сэйзед. — Лучше, я думаю, и дальше хранить это в секрете.

— Да, я знаю, — кивнула Вин. — Давай вернемся.

— Мудрое решение.

Они не спеша пошли назад, наслаждаясь сдержанной красотой восточной части сада. Трава здесь была аккуратно подстрижена, и редкие кусты подчеркивали ее строгое очарование. Южная часть сада выглядела эффектнее: там росли деревья и другие экзотические растения, протекал ручеек. Но восточный сад привлекал своей безмятежностью и простотой.

— Сэйзед? — тихо окликнула Вин.

— Да, госпожа?

— Все изменится?

— Что вы имеете в виду?

— Вообще все, — сказала Вин. — Если мы не погибнем в ближайший год, члены команды станут строить новые планы. Хэм, может быть, вернется к

семье, Докс и Кельсер задумают очередную эскападу, в лавке Колченога поселятся другие туманщики... Даже эти сады, которые обходятся так дорого, будут принадлежать кому-то другому.

Сэйзед кивнул:

— Не исключено, что так и будет. Но если все пойдет как надо, то на следующий год, возможно, Лютаделью будут править мятежники-скаа.

— Возможно. Но и тогда все изменится.

— Такова жизнь, госпожа, — сказал Сэйзед. — Мир постоянно меняется, и это правильно.

— Да, я понимаю, — со вздохом согласилась Вин. — Мне просто хочется... Мне действительно нравится жить здесь, Сэйзед. Нравится наша команда, нравится учиться у Кельсера. Мне нравится ездить на балы с Элендом, нравится гулять по саду с тобой. Я не хочу, чтобы это менялось. Не хочу, чтобы моя жизнь опять стала такой, как год назад.

— Такого не случится, госпожа, — сказал Сэйзед. — Все должно измениться к лучшему.

— Сомневаюсь, — тихо возразила Вин. — Кельсер намекал, что мое обучение почти окончено и в будущем мне придется тренироваться в одиночестве. А что касается Эленда, то он даже не подозревает, что я скаа и моя задача — постараться погубить его семью. И если даже Дом Венчер падет не по моей вине, он все равно рухнет... Я знаю, Шэн Элариэль что-то замышляет, а мне никак не удастся проникнуть в ее замыслы. И это только начало. Мы решили выступить против Последней империи. Мы, наверное, проиграем... если честно, я просто не представляю иного исхода. Мы будем сражаться, постараемся сделать что-то хорошее, но к чему это приведет? А те из нас, кто останется в живых, до самой смерти будут вынуждены скрываться от инквизиторов. Все изменится, Сэйзед, а я ничего не могу сделать, чтобы не допустить этого.

Сэйзед ласково улыбнулся.

— Тогда, госпожа, — негромко сказал он, — просто наслаждайтесь моментом. Думаю, будущее преподнесет вам немало сюрпризов.

— Может быть, — неуверенно согласилась Вин.

— Не теряйте надежды, госпожа. Думаю, вы заслужили немного удачи. До Вознесения Вседержителя существовал маленький народ, который называли асталзи. Эти люди утверждали, что каждый человек рождается с определенным запасом несчастий. И когда с асталзи случалась беда, они считали, что им повезло, ведь после этого их жизнь могла стать только лучше.

Вин вскинула брови:

— Звучит немного наивно.

— Я так не думаю, — возразил Сэйзед. — Асталзи были весьма развитым народом, они успешно соединяли религию и науку. Они считали, например, что разные цвета связаны с разными вариантами счастливой судьбы, и умели подробнейшим образом описывать свет и цвет. Именно от них мы многое узнали о старом мире. Они разработали спектр цветов и небо описывали, например, как темно-голубое, а растения — как зеленые, только всевозможных оттенков. Но не в этом дело. Их философия весьма мудра, и они много рассуждали об удаче и судьбе. По их мнению, бедность есть признак того, что вскоре придет благополучие. Это подошло бы вам, госпожа: перемены не всегда к худшему, бывает и наоборот.

— Не знаю, — с сомнением произнесла Вин. — Я хочу сказать, если количество несчастий ограничено, не может ли быть ограниченным и количество удачи? Каждый раз, когда со мной происходит что-то хорошее, я начинаю думать, что здесь-то все и закончится.

— Хм... Полагаю, это зависит от точки зрения, госпожа.

— Как ты можешь быть таким оптимистом? — спросила Вин. — Ты вылитый Кельсер.

— Не знаю, госпожа, — пожал плечами Сэйзед. — Возможно, наша жизнь была не такой тяжелой, как ваша. А может, мы просто глупее.

Вин замолчала. Они гуляли по извилистым тропинкам, вовсе не спеша в дом.

— Сэйзед, — заговорила наконец Вин, — когда ты спас меня, в ту ночь, под дождем, ты ведь воспользовался ферухимией?

Сэйзед кивнул:

— Конечно. Инквизитор сосредоточился на вас, и я сумел подкрасться к нему сзади и ударить камнем по голове. В тот момент я был во много раз сильнее обычного человека. От моего удара он врезался в стену и, полагаю, сломал несколько костей.

— И все? — спросила Вин.

— Вы разочарованы, госпожа? — улыбнулся Сэйзед. — Ожидали чего-то более эффектного?

Вин кивнула:

— Ну да... Просто ты никогда не говоришь о ферухимии. От этого она кажется очень загадочной.

Сэйзед вздохнул:

— На самом деле мне нечего скрывать, госпожа. О главной особенности ферухимической силы — способности накапливать и восстанавливать воспоминания — вы уже знаете. А остальные мои умения не слишком отличаются от дара усиливать себя за счет пьютера и олова. Хотя иные выглядят чуть более странно, — например, ферухимик может стать тяжелее или изменить свой возраст, но это слабо помогает в бою, поверьте.

— Возраст? — переспросила Вин, вскидывая голову. — Ты можешь стать моложе?

— Нет, госпожа. Не забывайте, ферухимик черпает силу из собственного тела. Он, например, может за несколько недель постареть лет на десять. А потом сбросит накопленные годы и станет на десять лет моложе своего истинного возраста, но лишь на определенный промежуток времени. В ферухимии должно соблюдаться равновесие.

Вин немного подумала.

— А металлы, которые ты используешь, имеют значение? — спросила она.
— Как в алломантии?

— Разумеется. Именно металл определяет, что именно ты можешь накопить.

Вин кивнула и глубоко задумалась.

— Сэйзед, а я могу взять у тебя немного твоего металла?

— Моего металла, госпожа?

— Того, который ты используешь для накопления, — пояснила Вин. — Я хочу попробовать поджечь его... может, он даст мне свою силу?

Сэйзед недоуменно нахмурился.

— Кто-нибудь уже пробовал это сделать? — спросила Вин.

— У верен, что пробовал, — ответил Сэйзед. — Просто не возьмусь сейчас привести конкретный пример. Я могу просмотреть свою медную метапамять...

— Так почему бы не попробовать прямо сейчас? Есть у тебя что-нибудь из базовых металлов? Что-то, в чем ты хранишь не самое важное свойство?

Сэйзед подумал и вынул из вытянутой мочки уха простенькую сережку, очень похожую на ту, которую носила сама Вин. Он вручил ей миниатюрную застежку, при помощи которой держалась сережка.

— Чистый пьютер, госпожа. В нем я скопил немного физической силы.

Вин кивнула и решительно проглотила кусочек металла. Она ощутила новый источник алломантической силы, но вполне обычный, не отличающийся от прежних. Вин осторожно воспламенила пьютер.

— Ну как? — спросил Сэйзед.

Вин покачала головой:

— Никак, я не...

Она умолкла. В источнике действительно было что-то еще.

— В чем дело, госпожа? — взволнованно спросил Сэйзед.

— Я... чувствую какую-то силу, Сэйз. Она очень слабая, я едва улавливаю ее... но могу поклясться, во мне появился новый источник, и он возник, когда я подожгла твой металл.

Сэйзед нахмурился:

— Говорите, он едва уловим? И похож как бы на тень источника, но вы не можете добраться до силы, заключенной в нем?

Вин кивнула:

— Да, а откуда ты знаешь?

— Я ощущаю то же самое, когда пробую воспользоваться металлами других ферухимиков, госпожа, — со вздохом пояснил Сэйзед. — Мне следовало заранее догадаться о результате. Вы не можете дотянуться до этой силы, потому что она не принадлежит вам.

— Надо же! — изумилась Вин.

— Не стоит разочаровываться, госпожа. Если бы алломанты могли заимствовать силу у моего народа, мы бы давно об этом знали. Но мысль была интересная. — Он повернулся и махнул рукой в сторону особняка. — Карета прибыла. Мы, кажется, опаздываем на встречу.

И они с Вин быстро пошли к особняку.

*

«Забавно, — думал Кельсер, тайком пробираясь через темный двор особняка. — Мне приходится прокрадываться в собственный дом, как в крепость важного лорда».

С его репутацией ему не оставалось ничего иного. Кельсер-вор был неплохо известен. Кельсера — организатора восстания и духовного лидера скаа и вовсе окружал ореол славы. Конечно, это не мешало ему по ночам

сеять панику в столице, просто приходилось проявлять максимум осторожности. Все больше и больше семей уезжало из города, а самые могущественные Дома заболевали паранойей. В каком-то смысле это облегчало задачу Кельсера, но бродить вокруг их крепостей становилось все опаснее.

В сравнении с крепостями особняк Рену оставался относительно беззащитным. Конечно, тут были стражники, но простые, не туманщики. Рену приходилось вести себя, в соответствии с легендой, как небогатому провинциальному вельможе. Большое количество алломантов в охране сразу выдало бы в нем состоятельного человека. Кельсер держался в тени, осторожно обходя дом с восточной стороны. Потом он оттолкнулся от монетки и взлетел на балкон перед кабинетом Рену.

Кельсер легко приземлился и заглянул в застекленную дверь балкона. Занавески были задернуты, но сквозь щель Кельсер рассмотрел Доксона, Вин, Сэйзеда, Хэма и Бриза, собравшихся у письменного стола. Сам Рену сидел в дальнем углу, не участвуя в разговоре. Его договор подразумевал, что он будет играть роль лорда Рену, но он не желал вникать в планы команды глубже необходимого.

Кельсер покачал головой.

«Сюда легко может пробраться наемный убийца. Надо, чтобы Вин ночевала в лавке Колченога».

За Рену он не беспокоился: природа кандры была такова, что ему не приходилось бояться ножа убийцы.

Кельсер тихонько постучал, и Доксон быстро подошел к двери и отпер.

— Все оценили мое эффектное появление? — осведомился Кельсер, входя в кабинет и сбрасывая плащ рожденного туманом.

Доксон фыркнул, закрывая за ним дверь.

— Да уж, появление действительно эффектное, Кел, — сказал он. — Особенно эффектно смотрятся пятна сажи на коленях.

— Пришлось кое-где поползать, — ответил Кельсер, небрежно махнув

рукой. — Есть одна заброшенная сточная канава, как раз под стеной крепости Лекаль. Им бы давно следовало ее перекрыть.

— Сомневаюсь, что они думали об этом, — заметил Бриз. — Ваш брат обычно слишком гордый, чтобы ползать на карачках. И я весьма удивлен, что ты на такое решился.

— Слишком горды, чтобы ползать? — удивился Кельсер. — Чушь! Я бы сказал, что мы, рожденные туманом, слишком горды, чтобы не суметь показаться достаточно скромными и проползти где надо, конечно не теряя достоинства.

Доксон нахмурился, возвращаясь к письменному столу.

— Кел, ты несешь бессмыслицу.

— А нам, рожденным туманом, незачем беспокоиться о смысле, — высокомерно бросил Кельсер. — Это что у вас?

— Это пришло от твоего брата, — ответил Доксон, показывая на большую карту. — Ее доставили сегодня днем в полый ножке стола, который прислали для ремонта в лавку Колченога. Из ортодоксального кантона.

— Интересно... — протянул Кельсер, разглядывая карту. — Это расположение точек гашения, полагаю?

— Именно, — подтвердил Бриз. — Эта карта — настоящее открытие для меня. Я ни разу не видел таких подробных планов города. Тут не только указаны все тридцать четыре точки, но еще и обозначены места, к которым проявляют наибольший интерес инквизиторы и разные кантоны. Я никогда не был близко знаком с твоим братом, Кел, но теперь я готов утверждать, что он гений!

— Что, трудно поверить, что он родственник Кельсера? — с улыбкой спросил Доксон.

Перед ним лежал блокнот, и он составлял полный список точек гашения.

Кельсер фыркнул:

— Может, Марш и гений, зато я — красавчик. А это что за цифры?

— Даты рейдов инквизиторов, — ответил Хэм. — Видишь, тут и логово бывшей шайки Вин.

Кельсер кивнул:

— Не представляю, как Марш умудрился стащить такую карту?

— Он ее не крал, — пояснил Доксон, продолжая писать. — Тут была записка приложена. Судя по всему, высший прелан сам дал Маршу карту. Они просто очарованы Маршем и захотели, чтобы он изучил город и предложил места для новых точек гашения. Похоже, братство встревожено конфликтами между Великими Домами и желает разместить в столице дополнительный штат гасильщиков, чтобы держать ситуацию под контролем.

— Мы должны отослать карту обратно в том же столе после его ремонта, — сказал Сэйзед. — Я сделаю все, чтобы ее скопировали как можно быстрее.

«А заодно выучишь ее наизусть, чтобы она стала частью памяти каждого хранителя, — подумал Кельсер. — Но тот день, когда ты перестанешь просто запоминать и начнешь делиться своими знаниями, уже близок, Сэйз. Надеюсь, твой народ готов к этому».

Кельсер всмотрелся в карту. Она действительно производила впечатление, Бриз был прав. И Марш, конечно, рисковал, вынося ее за пределы братства. Возможно, даже слишком рисковал, но те сведения, что содержала карта...

«Мы должны вернуть ее как можно быстрее, — решил Кельсер. — Лучше завтра утром, если получится».

— А это что? — спросила Вин, склоняясь над картой и показывая на что-то.

Она была в дворянском платье — повседневном, но почти таком же нарядном, как бальное.

Кельсер улыбнулся. Он вспомнил те дни, когда Вин выглядела в платьях

ужасно неловко, а теперь, похоже, они стали ей нравиться. Она, правда, до сих пор двигалась не совсем так, как настоящие знатные леди. Она была грациозна, но как хищник, а не как придворная дама. Но все равно платья теперь сидели на Вин безупречно, и дело было не только в искусстве портных.

«Ах, Мэйр, — с грустью подумал Кельсер, — ты всегда хотела дочь, которую могла бы научить быть одновременно и знатной леди, и воровкой...»

Они бы понравились друг другу, Вин и Мэйр. Обе со странностями, обеим чужды условности... Пожалуй, если бы его жена была жива, она бы научила Вин таким дамским уловкам, о которых Сэйзед и представления не имел.

«Но если бы Мэйр была жива, я бы не ввязался в это дело. Я бы просто не осмелился».

— Посмотри! — попросила Вин. — Одна из дат рейдов совсем недавняя... вчерашняя!

Доксон и Кельсер переглянулись.

«Нам все равно пришлось бы сказать ей об этом, рано или поздно...»

— Налет на шайку Ферона, — подтвердил Кельсер. — Инквизиторы накрыли их вчера вечером.

Вин побледнела.

— Это имя должно мне что-то сказать? — спросил Хэм.

— Ребята Ферона вместе с Камоном пытались надуть братство, — сказала Вин. — Но это значит, что инквизиторы все еще идут по моему следу...

«Инквизитор узнал ее той ночью во дворце. И хотел выяснить, кто ее отец. Как хорошо, что они всех знатных людей заставляют чувствовать себя неловко... иначе мы не смогли бы отправлять Вин на балы».

— А шайка Ферона, — осторожно спросила Вин, — она... их... ну, это

было как в прошлый раз?

Доксон кивнул:

— Никто не выжил.

Наступило тяжелое молчание, а вид у Вин стал по-настоящему больной.

«Бедный ребенок», — подумал Кельсер.

Но что они могли сделать? Только продолжать.

— Ну хорошо. Как мы используем карту?

— Тут есть примечания братства относительно обороны Домов, — сказал Хэм. — Это нам наверняка пригодится.

— Но никаких намеков на следующие удары инквизиторов, — добавил Бриз. — Наверное, они идут туда, куда их ведут осведомители.

— Надо воздерживаться от алломантии вблизи точек гашения, — заметил Докс, кладя ручку на стол. — К счастью, рядом с лавкой Колченога нет ни одной. Они в основном в тущобах.

— Нам нужно не просто избегать точек, — сказал Кельсер. — Мы должны быть готовы к их разгрому.

Бриз нахмурился:

— Риск слишком велик.

— Подумай, какой удар мы нанесем братству! Марш сказал, что на каждой станции по меньшей мере два гасильщика и один охотник. А это уже сто тридцать туманчиков братства — их, должно быть, собирали со всего Центрального доминиона. Если мы ударим одновременно...

— Нам никогда не удастся зараз перебить столько туманчиков, — возразил Доксон.

— Удастся, если используем остатки нашей армии, — задумчиво произнес Хэм. — Мы можем спрятать их в тущобах.

— У меня есть идея получше, — сказал Кельсер. — Мы можем нанять воров. Если у нас будет десять шаек и каждая разберется с тремя станциями, мы за несколько часов очистим город от гасильщиков и охотников братства.

— Тогда нужно будет как следует рассчитать время, — сказал Доксон. — Бриз прав: нелегко убить такое количество поручителей за один вечер. Инквизиторы быстро нанесут ответный удар.

Кельсер кивнул.

«Ты прав, Докс. Рассчитать время жизненно важно...»

— Ты не займешься этим? Найди несколько подходящих шаек, но подожди договариваться с ними, пока мы не решим, когда именно следует устраивать погром.

Доксон кивнул:

— Хорошо. Теперь о наших солдатах. Хэм, как у них дела?

— Вообще-то, лучше, чем я ожидал, — ответил Хэм. — Они прошли отличное обучение в пещерах. И они считают себя лучшей и достойной доверия частью армии, потому что не последовали за Йеденом и не нарушили твоего приказа.

Бриз фыркнул:

— Весьма убедительно звучит после того, как три четверти армии потеряно из-за обычной глупости.

— Они хорошие люди, Бриз, — твердо произнес Хэм. — И те, что погибли, тоже были хорошими людьми. Не надо отзываться о них дурно. Еще меня беспокоит то, как мы прячем свою армию. Один из отрядов могут обнаружить в любой момент.

— Именно поэтому отряды не знают друг о друге, — напомнил Кельсер.

— Мне бы хотелось еще кое-что добавить, — сказал Бриз, усаживаясь в кресло рядом с письменным столом. — Я понимаю, что очень важно

продолжать обучение солдат, и Хэммонд должен этим заниматься, но зачем нам-то с Доксоном к ним являться?

— Они должны знать своих командиров, — ответил Кельсер. — Если Хэм по каким-то причинам оставит пост, кто-то должен будет принять командование.

— А почему не ты? — спросил Бриз.

— На меня вы будете ссылаться, — с улыбкой сказал Кельсер. — И смирись с этим, так будет лучше.

— Смириться! — воскликнул Бриз. — Нам и так уже приходится...

— Не обсуждается, — отрезал Кельсер. — Вин, какие новости в высшем свете? Узнала что-нибудь полезное о Доме Венчер?

Вин ответила не сразу.

— Нет.

— На следующей неделе бал состоится именно в крепости Венчер, я правильно понимаю? — спросил Доксон.

Вин кивнула.

Кельсер внимательно посмотрел на девушку. «А скажет ли она, если действительно узнает что-то важное?» Кельсер встретился с ней взглядом, но ничего не смог прочитать в ее глазах.

«Девчонка стала искусной лгуньей!»

— Ладно, — сказал он. — Продолжай искать.

— Конечно, — ответила Вин.

*

Несмотря на усталость, Кельсер почти не спал этой ночью. К сожалению, он не мог даже побродить по коридорам — лишь несколько слуг знали, что он в особняке, и ему приходилось держаться осторожно, чтобы не

навредить собственной репутации.

Репутация. Кельсер вздохнул, опираясь на балконные перила и всматриваясь в туман. Иной раз его самого тревожило то, что он делал. Ему не задавали прямых вопросов, как он и просил, но Кельсер прекрасно видел, что друзей беспокоит его растущая известность.

«Но это наилучший путь. Может, мне и не понадобится кое-что делать... но если придется, я буду только рад...»

Тихий стук прервал его размышления. Кельсер удивленно обернулся и увидел, как в комнату заглядывает Сэйзед.

— Прощу прощения, мастер Кельсер, — сказал он. — Но ко мне пришел стражник и сказал, что видел вас на балконе. Он тревожится, как бы вы не выдали себя.

Кельсер вздохнул, но вернулся в комнату, плотно закрыв дверь на балкон и задернув занавески.

— Я плохо умею скрываться, Сэйзед. Для вора в особенности.

Террисиец улыбнулся и направился к двери.

— Сэйз... — окликнул его Кельсер. — Мне что-то не уснуть. У тебя нет новых идей по части религии для меня?

Сэйзед улыбнулся и прошел в комнату.

— Конечно есть, мастер Кельсер. Я тут недавно подумал, что вам следовало бы познакомиться с Истиной Беннет. Думаю, она вам отлично подойдет. Беннет — весьма развитый народ, живший некогда на южных островах. Они были храбрыми мореплавателями и блестящими картографами. Некоторые из карт, что до сих пор используются в Последней империи, созданы народом беннет. Их религия была приспособлена для нужд людей, долгие месяцы проводящих в море. Капитан корабля являлся заодно и священником, и никто не мог получить эту должность без соответствующего теологического образования.

— Наверное, на их кораблях нечасто случались бунты.

Сэйзед улыбнулся:

— Это была хорошая вера, мастер Кельсер. Основанная на знании. Для их народа священным долгом было составление карт. Они верили, что, когда весь мир будет познан, понят и перенесен на карту, люди наконец-то обретут мир и гармонию. Многие религии говорят о том же самом, но мало кто действительно трудится ради этой цели так же усердно, как трудился народ беннет.

Кельсер слегка нахмурился, прислонившись к стене рядом с балконной дверью.

— Мир и гармония, — медленно повторил он. — Но я вовсе не их ищу, Сэйз.

— Разумеется, — вздохнул Сэйзед.

Кельсер поднял голову и уставился в потолок.

— А ты можешь рассказать мне еще раз о религии валла?

— Конечно, мастер. — Сэйзед придвинул кресло, стоявшее у письменного стола, и сел. — Но что именно вы хотите услышать?

Кельсер покачал головой:

— Я и сам не знаю. Извини, Сэйз, у меня сегодня странное настроение.

— Мне кажется, у вас всегда странное настроение, — с легкой улыбкой сказал Сэйзед. — Но вы выбрали действительно интересную секту. Валла продержалась во владениях Вседержителя дольше других религий.

— Потому я о ней и спрашиваю, — кивнул Кельсер. — Мне нужно понять, что помогло им выстоять. Что заставляло валланцев продолжать борьбу?

— Решимость, я полагаю.

— Но у них не было вождей, — сказал Кельсер. — Вседержитель уничтожил весь религиозный совет валланцев во время первых походов.

— У них были вожди, мастер Кельсер, — возразил Сэйзед. — Мертвые, это верно, но тем не менее вожди.

— Кто-то мог бы сказать, что их преданность не имела смысла, — бросил Кельсер. — Потеря вождей должна была сломить народ, а не придать ему сил продолжать сопротивление.

Сэйзед покачал головой:

— Люди иной раз черпают силы там, где и предугадать невозможно. Наша вера часто становится крепче, когда ей полагалось бы ослабеть. Такова природа надежды.

— Пожалуй...

— Хотите услышать еще что-нибудь о валла?

— Нет. Спасибо, Сэйз. Мне просто необходимо было напоминание о том, что есть на свете люди, продолжающие бороться даже тогда, когда все выглядит безнадежным.

Сэйзед встал:

— Думаю, я понял вас, мастер Кельсер. Что ж, спокойной ночи.

Кельсер рассеянно кивнул, разрешая террисийцу удалиться.

Большинство террисийцев совсем не так плохи, как Рашек. Однако я вижу, что они в известной мере верят ему. Это простые люди, не философы и не ученые, и они не знают, что их собственные пророки сказали: Героем Веков станет чужак. Они видят лишь то, на что указывает им Рашек, — то есть что они являются вроде бы высшими людьми, а значит, должны не служить, а «командовать».

Ну что ж, такая страсть и такая ненависть могут обмануть кого угодно.

Вин понадобилось вновь очутиться в бальном зале крепости Венчер, чтобы вспомнить, что такое истинное величие.

Она успела поприсутствовать на огромном количестве балов в разных Домах и почти перестала замечать окружавшее ее великолепие. Но в крепости Венчер было нечто особенное — нечто, чему пытались подражать владельцы других крепостей, но чего им никогда не удавалось добиться. Все выглядело так, словно остальные Дома копировали Венчеров, как хорошо воспитанные дети — своих родителей. Все крепости были прекрасны, но никто не усомнился бы в том, какая из них наилучшая.

Необъятных размеров бальный зал крепости Венчер, обрамленный с обеих сторон огромными колоннами, показался Вин даже более величественным, чем прежде. Вин и сама не понимала почему. Она задумалась над этим, пока ждала, когда слуга примет ее шаль. Снаружи на стены крепости все так же падал яркий свет, струившийся сквозь витражи. Обеденные столы, выстроившиеся за колоннами, выглядели безупречно. Стол лорда Венчера, установленный на отдельном балконе в дальнем конце зала, казался почти что королевским тронем.

«Как-то все даже чересчур безукоризненно», — внезапно хмуро подумала Вин.

Все вокруг выглядело подчеркнутым и преувеличенным. Скатерти на столах белее обычного и отглажены уж слишком усердно. И ливреи на слугах — с иголочки. При этом у входа вместо обычных стражников стояли туманные убийцы, и не просто стояли, а выставляли себя напоказ,

демонстрируя деревянные щиты и свободные серые одеяния. В общем, Венчеры как будто решили вывести привычный спектакль на новый уровень.

— Что-то тут не так, Сэйзед, — прошептала Вин, когда распорядитель подвел их к предназначенному для Вин столу.

— О чем вы, госпожа? — спросил дворецкий, становясь рядом с ней.

— Слишком много людей сегодня, — сказала Вин, осознав наконец, что именно ее тревожит.

В последние месяцы на столичных балах присутствовало все меньше и меньше гостей. Однако похоже было, что все уехавшие из столицы специально вернулись, чтобы появиться на балу в Доме Венчер, и нарядились при этом в лучшие свои туалеты.

— Что-то будет, — тихо сказала Вин. — Что-то, о чем мы не знаем.

— Да, — чуть слышно согласился Сэйзед. — Я тоже чувствую. Наверное, мне следует пораньше отправиться на ужин для слуг.

— Хорошая мысль, — кивнула Вин. — А мне, пожалуй, лучше вообще обойтись без ужина. Мы с тобой немного опоздали; похоже, гости уже вовсю разговорились.

Сэйзед улыбнулся.

— Что такое? — тут же спросила Вин.

— Я просто вспомнил те времена, когда вы ни за что не пропустили бы ужин, госпожа.

Вин фыркнула:

— Ну знаешь!.. Радовался бы, что я ни разу не попыталась набить карманы теми вкусностями, что подают на балах... а мне хотелось, уж поверь. Ладно, иди.

Сэйзед кивнул и ушел. Вин оглядела расположившиеся по соседству

компании.

«Шэн не видно, вот радость-то!»

Но к несчастью, и леди Клисс тоже не попалась ей на глаза, так что Вин стала прикидывать, от кого бы послушать последние сплетни. Немного подумав, она с улыбкой направилась к лорду Идрену Сирису, с которым танцевала от случая к случаю. Лорд Сирис приветствовал ее сдержанным кивком, и Вин присоединилась к его компании.

Вин улыбнулась остальным — трем дамам и лорду. Со всеми ними она была знакома, а с лордом Йесталом даже танцевала однажды. Однако все четверо одарили ее холодными взглядами.

— Я давненько не бывала в крепости Венчер, — сказала Вин, возвращаясь к роли деревенской простушки. — Я и забыла, как тут прекрасно!

— Да, действительно, — откликнулась одна из дам. — Прошу меня извинить... пойду возьму себе что-нибудь выпить.

— Я с вами, — тут же сказала другая леди, и обе покинули компанию.

Вин, нахмурившись, проводила их взглядом.

— Ах, — сказал лорд Йестал, — мой стол уже накрыт. Идемте, Трисс?

— Да, конечно, — кивнула последняя из дам и вместе с Йесталом поспешила прочь.

Идрен поправил очки, чуть виновато посмотрел на Вин — и тоже ушел. Вин осталась стоять на месте, совершенно ошеломленная. Такого ледяного приема ей не оказывали ни разу со времен ее первого бала.

«Что происходит? — думала она, тревожась все сильнее. — Неужто это дело рук леди Шэн? Но могла ли она настроить против меня всех без исключения?..»

Нет, вряд ли это возможно. Потребовалось бы слишком много усилий. Кроме того, не только в отношении к Вин проявлялась странность сегодняшней обстановки. Все светские компании выглядели этим вечером

как-то необычно.

Вин попыталась присоединиться к другой компании, но результат оказался еще хуже. Как только она подошла, на нее начали демонстративно не обращать внимания. Вин растерялась и ушла, решив взять бокал вина. По дороге к столам с закуской она заметила, что первая компания, разбежавшаяся от нее, снова что-то пылко обсуждает в прежнем составе. Лорд Йестал, лорд Идрен, дамы...

Вин остановилась в тени восточной галереи и всмотрелась в толпу. Танцевало всего несколько пар, и это были либо женатые между собой люди, либо помолвленные. А сидевшие за столами и разговаривавшие старательно делали вид, что больше никого не замечают.

«На это стоит взглянуть повнимательнее», — решила Вин и направилась к лестнице.

Быстро поднявшись, она пошла по длинному, похожему на узкий коридор балкону, нависавшему над танцевальной площадкой. Знакомые ей лампы с голубыми плафонами бросали на каменные стены мягкий печальный свет.

Вин остановилась у любимого места Эленда — закуска между колонной и стеной, освещенного одной-единственной лампой. Эленд почти все балы в Доме Венчер проводил здесь, читая очередную книгу. Ему не нравились пышность и шум больших приемов.

Сейчас закуток пустовал. Вин подошла к перилам и перегнулась, чтобы разглядеть дальний конец огромного зала. Хозяйский стол находился на одном уровне с балконом, и Вин с изумлением обнаружила, что Эленд ужинает со своим отцом.

«Но почему?» — недоумевала она.

Вин посещала балы в крепости Венчер по меньшей мере полдюжины раз и никогда прежде не видела, чтобы Эленд сидел за столом со своей семьей.

Внизу она заметила знакомую фигуру в яркой одежде, пробиравшуюся сквозь толпу. Она махнула рукой Сэйзеду, но тот и сам увидел ее. Пока Вин ждала террисийца, она вдруг услышала знакомый голос в другом конце балкона. Оглянувшись и присмотревшись, Вин обнаружила знакомую

невысокую фигурку. Леди Клисс болтала с группой провинциальных лордов.

«Уж Клисс-то наверняка все знает, — подумала Вин. — Может, хоть она поговорит со мной?»

Она осталась на месте, чтобы дожидаться либо окончания беседы леди Клисс, либо прихода Сэйзеда.

Сэйзед подоспел первым. Он тяжело дышал после быстрого подъема по лестнице.

— Госпожа... — тихо позвал он, становясь рядом с Вин у перил балкона.

— Что ты узнал, Сэйзед? Этот бал какой-то зловещий. Все холодные, серьезные. Как будто похороны, а не вечеринка.

— Удачное сравнение, госпожа, — тихо сказал Сэйзед. — Мы опоздали и пропустили весьма важное объявление. Дом Гастинг сообщил, что отменяет бал, назначенный на эту неделю.

Вин нахмурилась:

— И что? Балы и раньше отменяли.

— И Дом Элариэль сообщил о том же. Обычно следом за ними давал бал Дом Текиэль, но его уже не существует. А Дом Шунах заявил, что вообще больше не будет устраивать балы.

— О чем ты говоришь, Сэйзед?..

— Похоже, госпожа, что сегодня последний бал на ближайшее время... возможно, очень долгое время.

Вин посмотрела на волшебные окна и на группки людей, державшиеся обособленно, почти враждебно...

— Так вот оно что! — пробормотала она. — Они составили окончательные союзы. Каждый стоит рядом с самыми надежными друзьями и сторонниками. Они знают, что это последний бал, они приехали ради

приличия, и все прекрасно понимают, что времени на пустую вежливость уже нет.

— Похоже на то, госпожа.

— Теперь они уйдут в глухую оборону. Так сказать, спрячутся каждый за свою стену. Вот почему никто не хочет разговаривать со мной — ведь лорд Рену придерживается нейтральной позиции. У меня нет союзников, а сейчас неподходящий момент, чтобы заигрывать со случайными людьми.

— Нужно поскорее сообщить об этом мастеру Кельсеру, госпожа, — сказал Сэйзед. — Сегодня вечером ему снова изображать осведомителя, и если он не будет знать об этой ситуации, то наверняка лишится доверия своего нанимателя. Нам необходимо уехать.

— Нет, — возразила Вин, поворачиваясь к Сэйзеду. — Я не могу уехать... не могу, пока остальные здесь. Все решили, что очень важно показаться на этом балу, и я не могу уехать, пока не начнут разъезжаться другие.

Сэйзед кивнул:

— Да, верно.

— А ты иди, Сэйзед. Найми экипаж и расскажи обо всем Кельсеру. Я побуду здесь еще немного и уйду тогда, когда это не наведет никого на мысль о слабости Дома Рену.

Сэйзед замялся:

— Я не знаю, госпожа...

Вин вздохнула:

— Я ценю твою заботу, Сэйзед, но ты не обязан постоянно держать меня за ручку. Множество людей приезжает на балы без дворецких.

Террисиец вздохнул:

— Ну хорошо, госпожа. Я все же вернусь, когда найду мастера Кельсера.

Вин кивнула, прощаясь с ним, и Сэйзед поспешил к лестнице. Вин снова перегнулась через перила. Она наблюдала за Сэйзедом, пока тот не исчез за огромными створками центральных дверей.

«И что теперь? Даже если я найду, с кем поговорить, все равно уже нет смысла распространять слухи».

И тут ей стало страшно. Кто бы мог подумать, что она настолько вживется в роль знатной леди? Конечно, ее впечатления сильно испортило то, что она знала о многих аристократах... и все равно их жизнь походила на мечту, на сон...

Доведется ли ей еще когда-нибудь получить приглашение на бал? Что случится с леди Валетт, знатной дамой? Придется ли ей навсегда расстаться с нарядными платьями и румянами, снова стать простой уличной девчонкой по имени Вин? Ведь в том новом царстве, которое намеревался построить Кельсер, едва ли могло найтись место для великолепных балов, и, наверное, к лучшему — допустимо ли танцевать, когда другие умирают от голода? И все равно ей казалось, что мир лишится чего-то невыразимо прекрасного, если в нем не будет крепостей и балов, роскошных нарядов и танцев.

Вин вздохнула, отходя от перил и оглядывая собственное платье. Его сшили из темно-синей с искрой ткани и отделали белой лентой по всему подолу. Платье было без рукавов, но Вин подобрала к нему синие шелковые перчатки выше локтей.

Когда-то такая одежда казалась ей чрезвычайно неудобной, но теперь Вин оценила ее прелесть. Ей нравилось, как корсаж подчеркивает грудь и тонкую талию. Нравилось, как спадают вниз юбки, как они шелестят на ходу.

Ей будет этого не хватать... всего этого. Но Сэйзед прав. Она не может остановить бег времени, а может лишь наслаждаться моментом.

«Но я не намерена позволить ему просидеть весь вечер там, делая вид, что он не замечает меня».

Вин развернулась и пошла вперед, на ходу кивнув леди Клисс. Как Вин и предполагала, в противоположном углу обнаружился коридор, выходящий

к личному балкону владельца крепости.

Вин немного постояла у входа, осматриваясь. Там лорды и леди в поистине королевских нарядах наслаждались привилегией находиться в обществе лорда Страффа Венчера. Вин ждала, стараясь привлечь внимание Эленда. Наконец один из гостей заметил ее и легонько толкнул наследника. Эленд удивленно обернулся, увидел Вин и покраснел.

Она подала ему знак, осторожно взмахнув рукой, и Эленд, извинившись, встал. Вин отступила назад в каменный коридор.

— Эленд! — заговорила она, когда тот вышел к ней. — Вы ужинаете с отцом!

Лорд Эленд кивнул:

— Да, бал превратился в важное событие, Валетт, и отец вполне справедливо потребовал, чтобы сегодня я выполнял все требования протокола.

— Но когда мы сможем поговорить?

Эленд ответил не сразу.

— Я... не уверен, что мы вообще сможем, — сказал он наконец.

Вин нахмурилась. Эленд, казалось, что-то скрывал. Вдобавок вместо обычной слегка поношенной и помятой одежды на нем был безупречный костюм, и даже волосы аккуратно причесаны.

— Эленд? — вопросительно произнесла Вин, делая шаг вперед.

Он предостерегающе вскинул руку:

— Все сильно изменилось, Валетт.

«Нет, — подумала она. — Это не может измениться, не так скоро!»

— Все? — переспросила она. — Что именно, Эленд?

— Я — наследник Дома Венчер, — сказал он. — Времена наступают

опасные. Дом Гастинг сегодня днем потерял целый караван судов, и это только начало. Через месяц Дома примутся открыто воевать друг с другом. И я не могу не обращать на это внимания, Валетт. Не могу больше забывать об ответственности перед семьей.

— Это замечательно, — кивнула Вин. — Но это не значит...

— Валетт, — перебил ее Эленд, — на вас тоже лежит ответственность. И очень большая. Я не стану лгать и говорить, что вы меня никогда не интересовали, — интересовали, и теперь интересуете. Но я с самого начала знал — как знали и вы, — что все это может быть только мимолетным флиртом. А правда нынче в том, что моя семья нуждается во мне и она для меня гораздо важнее вас.

Вин побледнела:

— Но...

Он повернулся, чтобы возвратиться на балкон.

— Эленд, — тихо сказала Вин, — пожалуйста, не отворачивайтесь от меня.

Он остановился и оглянулся.

— Я знаю правду, Валетт. Я знаю, что вы лгали мне о том, кто вы есть. Меня это ничуть не беспокоит, правда, я даже не сержусь и не разочарован. Честно говоря, я ожидал этого. Вы просто... играли роль. Как и все мы. — Он немного помолчал и, покачав головой, отвернулся. — Как и я.

— Эленд? — прошептала Вин, протягивая к нему руку.

— Не заставляйте меня публично ставить вас в неловкое положение, Валетт.

Вин застыла на месте, онемев. И тут же разозлилась на саму себя — разозлилась и... испугалась.

— Не уходи, — прошептала она. — Не оставляй меня.

— Прости, — ответил Эленд. — Меня ждут друзья. Это было... прелестно.

И он ушел.

Вин осталась одна в темном коридоре. Ее била легкая дрожь. Наконец она, едва волоча ноги, вернулась на общий балкон. С него она видела, как Эленд сел на свое место рядом с родными. Вин побрела в сторону лестницы.

«Он не может так со мной поступить. Только не Эленд. Только не теперь».

Однако в ее голове вдруг зазвучал голос, который она почти забыла.

«Ну конечно, он оставил тебя, — сказал Рин. — Разумеется, он бросил тебя. Все будут тебя предавать, Вин. Забыла мои уроки?»

«Нет! — в отчаянии думала Вин. — Это всего лишь политика. Когда опасность минует, я сумею вернуть Эленда».

«Я не вернулся к тебе, — прошептал Рин. — И он тоже не вернется».

Голос звучал так отчетливо, как будто брат стоял рядом.

Вин прислонилась к перилам балкона, вцепилась в железную решетку, чтобы не упасть. Нет, она никому не позволит уничтожить себя. Даже жизнь на улице не смогла ее сломать. Уж конечно, Вин не допустит, чтобы ее сломал самоуверенный вельможа. Нужно просто постоянно напоминать себе об этом.

Но почему же ей так больно? Почему это хуже, чем вечный голод, чем побои Камона?..

— А, Валетт Рену! — послышался голос.

— Леди Клисс... — с трудом произнесла Вин. — Я... мне не по себе, не хочется разговаривать.

— Ах, — воскликнула леди Клисс, — значит, Эленд Венчер наконец-то отверг вас? Не беспокойтесь, дитя. Он скоро получит по заслугам.

Вин обернулась, нахмурившись. Голос леди Клисс звучал как-то странно. Клисс вообще была не похожа на себя. Держалась слишком уж спокойно.

— Вас не затруднит передать дяде кое-что от меня? — небрежно бросила леди Клисс. — Скажите, что человек вроде него, не имеющий союзников, рискует столкнуться в ближайшие месяцы с немалыми трудностями. И если ему нужен надежный источник сведений, он всегда может послать за мной. Я знаю много интересного.

— Вы осведомитель? — воскликнула Вин, на мгновение забыв о душевной боли. — Но вы...

— Глупая болтушка? — насмешливо спросила леди. — Да, я такая. Просто удивительно, сколько можно узнать, если тебя считают придворной сплетницей. Люди приходят ко мне, когда хотят запустить откровенно ложный слух — вроде того, что вы сказали мне о Доме Гастинг на прошлой неделе. Зачем вам было нужно, чтобы я разнесла такую странную весть? Может, Дом Рену решил подзаработать, продавая оружие во время войны Домов? Или... именно Рену стоит за недавним нападением на баржи Гастинга? — Клисс прищурилась. — Скажите дядюшке, что я готова помалкивать о том, что мне известно, — за небольшую плату.

— Так вы дурачили меня все это время... — ошеломленно произнесла Вин.

— Конечно, дорогая, — подтвердила леди Клисс, похлопывая Вин по руке. — Такова придворная жизнь. Вы понемногу всему научитесь... если сумеете тут удержаться, разумеется. Ну а теперь будьте умницей и передайте дяде мое сообщение, хорошо?

Леди Клисс повернулась, чтобы уйти, и ее безвкусное платье вдруг показалось Вин королевской мантией.

— Подождите! — окликнула она Клисс. — А что вы говорили об Эленде? Что он получит по заслугам?

— А? — Леди Клисс остановилась, снова поворачиваясь к Вин. — Ну да, говорила. Вы ведь интересовались планами леди Шэн?

«Шэн? И что она задумала?»

Вин охватили дурные предчувствия.

— Но это, милая, по-настоящему дорогая тайна. Я могу вам рассказать...

но что я получу взамен? Женщина из незначительного Дома вроде меня должна как-то добывать средства к существованию...

Вин быстро сняла с шеи сапфировое ожерелье — единственную драгоценность, что была на ней.

— Вот. Возьмите это.

Леди Клисс с задумчивым видом приняла ожерелье:

— Да, чудесная вещица.

— Так что же вам известно? — резко бросила Вин.

— Боюсь, что молодой Эленд будет первым в семье Венчер, кто погибнет во время войны, — сказала леди Клисс, пряча ожерелье. — Жаль, конечно, он кажется очень милым юношей. Слишком милым, возможно.

— Когда? — требовательно спросила Вин. — Где? Как?

— Очень много вопросов, а ожерелье только одно, — усмехнулась леди Клисс.

— Но сейчас у меня больше ничего нет! — честно призналась Вин.

В ее кошельке лежали только мелкие монетки для алломантических прыжков.

— Но я же говорила, что это очень дорогой секрет, — пожала плечами леди Клисс. — То, что я вам это рассказываю, уже подвергает мою жизнь...

«Да пропади оно все пропадом! — в ярости подумала Вин. — Дурацкие светские игры!»

Она стремительно подождгла медь и латунь, обрушив на эмоции леди Клисс мощный алломантический удар. В одно мгновение она погасила все чувства осведомительницы, оставив лишь страх, а потом вцепилась в этот страх и разожгла его.

— Говорите! — рявкнула она.

Клисс задохнулась, пошатнулась и едва не упала на пол.

— Вы алломант! Тогда понятно, почему Рену привез в Лютадель такую дальнюю родственницу!

— Говорите! — повторила Вин, делая шаг вперед.

— Этим вечером его должны убить алломанты Дома Элариэль, — прошептала леди Клисс. — Может, он уже мертв... Предполагалось, что это случится вскоре после того, как Эленд уйдет с ужина. Но если вам захочется отомстить, не забывайте и про лорда Страффа.

— Отца Эленда? — изумленно спросила Вин.

— Разумеется, глупое дитя! Лорду Венчеру нужно сейчас только одно: найти повод передать Дом племяннику, а не сыну. И все, что ему необходимо сделать, — это убрать сторожевые посты с крыши поблизости от спальни Эленда, чтобы убийцы Дома Элариэль могли без труда проникнуть в здание. А поскольку убийство произойдет во время беседы Эленда с друзьями-философами, лорд Венчер избежит заодно от молодых Гастинга и Лекаля!

У Вин закружилась голова.

«Я должна что-то сделать!»

— Конечно, — насмешливо продолжала леди Клисс, — лорд Венчер был еще кое-чем озадачен. Я слышала, у вашего Эленда имеются некоторые книги. Молодому Венчеру следовало быть осторожнее, рассказывая о таких вещах своим подругам.

Вин поглядела на ухмыляющуюся леди Клисс. Та подмигнула ей:

— Я никому не скажу, что вы алломант, детка. Только позаботьтесь, чтобы я получила деньги к завтрашнему полудню. Дамам тоже нужно кушать, а я, как видите, нуждаюсь в немалом количестве пищи. Что же касается Дома Венчер... на вашем месте я бы держалась от них подальше. Убийцы, посланные леди Шэн, намерены этой ночью устроить большой переполох. И я не удивлюсь, если половина двора сбежит к комнатам мальчишки, чтобы посмотреть, что за шум. А когда все увидят его книги... в общем,

несложно догадаться, что поручители заинтересуются Домом Венчер. Жаль, конечно, что к тому времени Эленд будет уже мертв. Мы давно не видели публичной казни аристократа.

«Комнаты Эленда, — в отчаянии подумала Вин. — Он там, с друзьями».

Она повернулась, подхватив юбку, и бросилась к тому коридору, из которого совсем недавно вышла.

— Куда вы? — удивленно бросила ей вслед леди Клисс.

— Я должна остановить это! — на ходу ответила Вин.

Леди Клисс засмеялась:

— Я ведь говорила — вы уже опоздали!

Вин остановилась.

— К тому же крепость Венчер очень старая, и внутренние переходы чрезвычайно запутанны, это настоящий лабиринт! Если вы не знаете дороги, то будете блуждать часами.

Вин оглянулась по сторонам, охваченная чувством беспомощности.

— Кроме того, дитя, — добавила Клисс, собираясь уходить, — разве мальчишка не отверг вас? Чем вы ему обязаны?

«Она права. Разве я ему чем-то обязана?»

Но ответ не замедлил прийти.

«Я просто люблю его».

Эта мысль придала Вин силы. Она бросилась вперед, не обращая внимания на смех леди Клисс. Она должна попытаться. Но, попав во внутренний коридор, Вин сразу поняла, что леди Клисс говорила правду: темные переходы были узкими, запутанными... ей ни за что не успеть вовремя.

«Крыша, — подумала Вин. — В комнатах Эленда есть балкон. Я должна найти окно».

Она помчалась вперед, на ходу сбрасывая туфли и пытаясь справиться с юбкой. Ей нужно окно, достаточно большое, чтобы в него можно было протиснуться. Она вылетела в чуть более широкий коридор, освещенный мерцающими факелами. В коридоре никого не было.

А в дальнем его конце Вин увидела круглое окно с лавандовыми стеклами.

«Сойдет», — решила она.

Она вызвала вспышку стали и прыгнула, отталкиваясь от массивной железной двери за спиной. Потом она толкнула металлический переплет круглого окна и повисла в воздухе между двумя потоками алломантической силы, идущими в противоположные стороны. Она разожгла пьютер, чтобы эти силы ее не раздавили. Круглое окно было огромным, но в основном стеклянным. Насколько оно крепкое?

Оно оказалось очень крепким. Вин стонала от усилий. Потом она услышала за спиной щелчок — дверь должна была вот-вот слететь с петель.

«Ты... должно... сдать!» — в ярости подумала Вин, сильнее разжигая сталь.

От стены вокруг окна посыпалась каменная крошка.

Наконец рама с оглушительным треском вылетела наружу и исчезла в темноте, а Вин стрелой вырвалась в ночь следом за ней.

Ее тут же окутал прохладный туман. Она слегка подтянулась обратно к двери, чтобы не улететь слишком далеко, потом мощно оттолкнулась от падающей рамы. Громадное потемневшее окно летело вниз, кувыркаясь в воздухе, а Вин взмыла вверх — прямо на крышу.

Оконная рама с грохотом упала на землю как раз в тот момент, когда Вин очутилась на крыше. Ее юбку отчаянно трепал ветер. Вин приземлилась на бронзовую крышу неловко, шумно, на четвереньки. Металл оказался слишком холодным для ее босых ног.

Вин разожгла олово, и ночь превратилась в ясный день. Но ничего необычного она не заметила и, как учил Марш, воспламенила бронзу, чтобы почувствовать алломантию. Пустота — убийцы прихватили с собой

курильщика, чтобы замести следы.

«Но я не могу обыскивать все здание! Где же они? — в отчаянии думала Вин, сильнее разжигая бронзу. — Где они?»

И тут ей показалось, что она уловила в ночи алломантическую пульсацию. Слабую. Скрытую. Но отчетливую.

Вин рванулась вперед, доверившись инстинктам. На ходу она разожгла пьютер, а потом схватилась за ворот мешавшего ей платья и одним движением разорвала его сверху донизу. Из потайного кармана она достала кошелек с монетами и флаконы со смесью металлов, а потом — все так же на бегу — отшвырнула платье, кружевные панталоны и чулки. За ними последовали корсет и перчатки. Под всем этим на Вин была тонкая белая рубашка без рукавов и нижние панталоны до колен. Вин спешила изо всех сил.

«Я не должна опоздать, — думала она, — я не могу опоздать!»

Впереди в тумане вырисовались чьи-то фигуры. Они стояли возле светового окна; Вин миновала несколько таких же окон, пока бежала. Одна из фигур указала на окно, и в руке блеснул нож.

Вин вскрикнула, оттолкнулась от бронзовой крыши и прыгнула. Она приземлилась точно в центре группы ошеломленных людей и тут же, разорвав кошелек с монетами, швырнула их во врагов.

Монеты разлетелись, на мгновение блеснув в лучах, сочившихся из светового окна. Вин толкнула.

Монеты помчались, как рой бешеных насекомых, и каждая оставляла в тумане слабый след. Убийцы закричали, когда монеты врубались в их тела, и несколько темных фигур упало.

Но кое-кто остался на ногах, а часть монет отлетела в сторону — их остановили невидимые алломантические руки. Устояли четверо, и двое из них были закутаны в плащи рожденных туманом, причем одна фигура показалась Вин знакомой...

Шэн Элариэль. Дело было не в плаще. Только одна причина могла

заставить столь важную даму, как Шэн, лично принять участие в убийстве.

Шэн была рожденной туманом.

— Ты?.. — спросила Шэн, задохнувшись от изумления.

Под плащом на ней были черные облегающие брюки и черная же рубашка, волосы стянуты в узел, а плащ сидел почти элегантно.

«Два рожденных туманом, — подумала Вин. — Паршиво».

Она отскочила в сторону, пригнувшись, когда один из убийц замахнулся на нее дуэльной тростью.

Вин скользнула вдоль крыши и резко остановилась, прижав руку к холодной бронзе. Притянула к себе те немногие монеты, что не улетели во тьму, и сжала их в ладони.

— Убейте ее! — рявкнула Шэн.

Двое, которых Вин сбила с ног, стонали, лежа на крыше. Они не были ранены смертельно: один уже поднимался на ноги, хоть и с трудом.

«Громилы, — определила Вин. — Двое других, скорее всего, стрелки».

Как бы подтверждая правильность ее догадки, один из мужчин попытался вырвать у Вин флакон с металлами. К счастью, в пузырьке было не так много, чтобы враг сумел как следует зацепиться за него, и Вин без труда удержала флакон.

Шэн тем временем шагнула к световому окну.

«Нет, не выйдет!» — подумала Вин и бросилась вперед.

Стрелок предостерегающе вскрикнул, когда она приблизилась. Вин бросила монетку и толкнула ее к мужчине. Он, разумеется, швырнул ее обратно, но Вин, избрав бронзовую крышу своим якорем, вызвала вспышку стали для ответного удара.

Собственное усилие мужчины, отразившееся от монеты и увеличенное

Вин, подбросило его в воздух. Он закричал и стремительно умчался в темноту. Он был всего лишь туманщиком и не мог удержаться, зацепившись за крышу.

Второй стрелок попытался напустить на Вин металлический рой, но та без труда отразила нападение. К сожалению, он был не так глуп, как его товарищ, и, толкнув монеты, сразу же отпустил их. Но все равно было ясно, что ему не достать Вин. Так зачем же он?..

«Второй рожденный туманом!» — подумала Вин и едва успела увернуться от сверкнувших во тьме стеклянных ножей. Она удержала равновесие благодаря пьютеру. Остановившись рядом с раненым громилой, который с трудом держался на ногах, Вин толкнула его плечом в грудь, отшвырнув в сторону.

Он сильно покачнулся, держась за кровоточащий бок, а потом остутился и упал прямо в световое окно. Яркие цветные стекла разлетелись вдребезги, Вин услышала, как внизу раздались удивленные крики — и громкий удар тела об пол.

Вин посмотрела на потрясенную Шэн и зловеще усмехнулась. За ее спиной тихо выругался второй рожденный туманом, мужчина.

— Ты... ты... — прошипела знатная леди, и ее глаза загорелись ненавистью.

«Эленд, беги! — мысленно закричала Вин. — Беги, ты ведь уже предупрежден!»

Она не могла сражаться сразу с двумя рожденными туманом, ей ведь даже одного Кельсера в большинстве случаев не удавалось побороть во время их ночных тренировок. Усилив горение стали, Вин отскочила назад. Шэн решительно шагнула вперед и прыгнула за Вин. Второй рожденный туманом последовал за ней.

«Да чтоб вы сдохли!»

Вин развернулась в воздухе и стремительно подтянулась к краю крыши поблизости от того места, где вышибла круглое окно. Внизу, во дворе крепости, уже суетились люди, в тумане мелькали фонари. Наверное, лорд

Венчер решил, будто вся эта шумиха означает, что его сын уже убит. Что ж, его ждет сюрприз...

Вин опять прыгнула, растворившись в тумане. Она слышала, как оба алломанта опустились на крышу и тут же снова оттолкнулись от нее...

«Плохи дела», — с тревогой подумала Вин, летя сквозь туман.

Монет у нее не осталось, кинжалы она не взяла, а за ней гнались два опытных рожденных туманом...

Вин подожгла железо, отчаянно ища в темноте якорь. Голубая линия потянулась вниз и вправо.

Вин дернула за луч, изменив траекторию полета. Она помчалась вниз, и перед ней мрачной тенью выросла наружная стена крепости Венчер. Ее якорем оказался невезучий стражник в латах. Он упал на стену и отчаянно цеплялся за зубец стены, чтобы не полететь к Вин.

Вин опустилась прямо на него, сильно ударив стражника пятками, но тут же развернулась и спрыгнула на холодные камни. Стражник заорал и опять изо всех сил вцепился в зубец, когда двое других алломантов использовали его латы как якорь.

«Извини, приятель», — подумала Вин и сильным пинком сбросила стражника со стены.

Он тут же взлетел вверх, как будто его рывком подняли на невидимом аркане.

В темноте над головой Вин послышался звук столкнувшихся тел, и во двор крепости Венчер свалилось два человека. Вин улыбнулась и побежала по стене.

«Надеюсь, это была Шэн».

Вин подпрыгнула и опустилась на крышу сторожки у ворот. Из крепости поспешно выбегали люди, садились в кареты и уезжали.

«Вот и началась война, — подумала Вин. — Не думала, что я дам

официальный повод для нее».

Из тумана вынырнула фигура — прямо над головой Вин. Та вскрикнула и метнулась в сторону. Шэн ловко приземлилась на крышу сторожки, ленты ее плаща дрожали в тумане, как лепестки. В обеих руках Шэн держала стеклянные кинжалы, а глаза ее пылали бешенством.

Вин отскочила, кубарем скатилась с крыши сторожки на наружную стену. Двое стражников испуганно отпрянули, ошарив от вида полуголой девушки, свалившейся на них. Шэн приземлилась за их спинами и мгновенно толкнула одного из стражников в сторону Вин.

Стражник заорал, когда Вин в ответ оттолкнулась от его кирасы, но он был много тяжелее ее, так что Вин отбросило назад. Она притянулась к стражнику, чтобы удержать равновесие, и тот рухнул на стену. Вин мгновенно очутилась рядом и подхватила боевой посох, вылетевший из его руки.

Шэн атаковала, бросившись на Вин с кинжалами, и ей снова пришлось отскочить.

«А она умеет драться!» — с тревогой подумала Вин.

Сама она едва начала учиться обращению с кинжалами и теперь жалела, что вовремя не попросила Кельсера позаниматься с ней основательнее. Вин замахнулась посохом, но она никогда прежде не пользовалась таким оружием, так что ее собственная атака не удалась.

Шэн полоснула ее по лицу — Вин не успела уклониться и почувствовала жгучую боль. От неожиданности она выронила посох и коснулась щеки. На пальцах осталась кровь. Вин отступила, глядя на улыбающуюся Шэн.

И тут Вин вспомнила о флаконе. О том, который давным-давно дал ей Кельсер. В этом флаконе лежал атиум.

Флакон был спрятан в поясе, но Вин не стала тратить время на то, чтобы достать его. Она просто сильнее разожгла сталь и дернула флакон. Тот взлетел в воздух, и Вин железом рванула к себе бусинку атиума. Флакон разбился вдребезги, бусинка полетела к Вин. Она поймала ее губами.

Шэн остановилась. А потом, прежде чем Вин успела что-либо предпринять, тоже выхватила флакон и проглотила его содержимое.

«Разумеется, у нее есть атиум!»

Но сколько атиума у Шэн? Кельсер дал Вин совсем немного — примерно на тридцать секунд интенсивного горения. Шэн с улыбкой шагнула вперед. Заколки вылетели из ее волос, и черные пряди развевались на ветру. Вин стиснула зубы. У нее не оставалось выбора.

Она подожгла атиум, и тут же тело Шэн разлетелось на десятки теней. Началось противостояние рожденных туманом: тот, кто первым сожжет атиум, проиграет. Невозможно уйти от удара противника, знающего, что ты намерен сделать.

Вин осторожно шагнула назад, не сводя глаз с Шэн. Та двинулась следом, и ее фантомы смешались в одну безумную пляску теней. Шэн казалась спокойной. Она ничего не боялась.

«У нее много атиума, — решила Вин, остро чувствуя, как быстро сгорают ее собственные запасы. — Надо бежать».

Внезапно в ее грудь вонзилась призрачная стрела, и Вин едва успела отшатнуться, чтобы избежать реального попадания. Стрела пронеслась в воздухе там, где только что стояла девушка. Вин бросила взгляд на сторожку. Несколько солдат натягивали луки...

Вин выругалась, глянув в туман, и краем глаза заметила злобную улыбку Шэн.

«Она просто ждет, когда у меня кончится атиум. Хочет, чтобы я бросилась бежать... знает, что легко справится со мной тогда».

Значит, Вин оставалось одно: нападать.

Шэн недоуменно нахмурилась, когда Вин стремительно бросилась вперед. Призрачные стрелы ударились о камни за долю секунды до настоящих. Вин проскользнула между двумя стрелами. Предвидение, дарованное атиумом, позволило ей сделать это, и она ощутила лишь движение воздуха там, где промчались стрелы.

Шэн взмахнула кинжалами, и Вин шагнула вбок, уйдя от одного удара и заблокировав второй предплечьем. При этом она получила глубокую рану. Капли ее крови полетели во все стороны, отбрасывая собственные атиумные тени, но Вин уже разожгла пьютер и изо всех сил ударила Шэн в живот.

Шэн охнула от боли и согнулась, но устояла на ногах.

«Атиум почти кончился, — в отчаянии подумала Вин. — Еще несколько секунд, и все».

И она погасила его, оставшись беззащитной.

Шэн зловеще ухмыльнулась, выпрямляясь, и кинжал в ее правой руке уверенно метнулся к Вин. Шэн решила, что атиум у Вин уже кончился, а значит, справиться с ней не составит труда.

И в этот момент Вин подождла последнюю крупичу. Как раз тогда, когда в тумане над ее головой пронеслась очередная призрачная стрела.

Вин поймала реальную стрелу, следовавшую за тенью. Шершавое древко обожгло пальцы, но Вин, не обратив внимания на боль, мгновенно вонзила стрелу в грудь Шэн. Древко сломалось в руке Вин, и лишь короткий кусок, пару дюймов длиной, торчал теперь из тела Шэн. Женщина отшатнулась, но не упала.

«Проклятый пьютер!» — подумала Вин, выхватывая меч из ножен солдата, лежавшего у ее ног без сознания.

Решительно стиснув зубы, она прыгнула вперед. Шэн, еще не опомнившись, вскинула руку, чтобы оттолкнуть меч. Вин тут же бросила оружие — это был лишь отвлекающий маневр — и вонзила в грудь Шэн вторую половину сломанной стрелы.

На этот раз Шэн упала. Она попыталась встать, но, видимо, один из обломков все-таки пронзил сердце, потому что лицо ее побледнело. Еще мгновение она шевелилась, а потом рухнула бездыханной на камни.

Вин выпрямилась, глубоко вздохнула и вытерла кровь со щеки... точнее, размазала ее по всему лицу, потому что ее ладонь и так была окровавлена.

Внизу кричали солдаты, посылая в воздух все новые стрелы.

Вин оглянулась на крепость, мысленно попрощалась с Элендом и умчалась в темноту.

31

Иных людей тревожит, будут ли их помнить после смерти. У меня нет таких опасений. Даже если не думать о террисийском пророчестве, я принес в мир столько беспорядка, войн и надежд, что вряд ли меня когда-либо забудут.

Но меня беспокоит, что именно станут говорить обо мне. Историки распоряжаются прошлым как хотят. И через тысячи лет вспомнят ли обо мне как о человеке, защитившем мир от могущественного зла? Или же я останусь в истории тираном, самонадеянно решившим превратить себя в легенду?

— Не знаю, не знаю, — с усмешкой сказал Кельсер. — По-моему, Бриз стал бы отличным министром ассенизации.

Все засмеялись, а Бриз лишь развел руками.

— Если честно, — сказал он, — совершенно не понимаю, почему именно я вечно становлюсь мишенью твоих простонародных шуточек. Почему никто другой не внушает тебе такого желания?

— Это потому, мой дорогой, — сказал Хэм, подражая интонациям Бриза, — что мишень твоя и впрямь самая внушительная по сравнению с нашими.

— Ох, я вас умоляю! — возразил Бриз, в то время как Призрак согнулся пополам от смеха. — Вы ведете себя как дети. И только мальчишке такие шутки и кажутся забавными, Хэммонд.

— Я солдат, — заявил Хэм, поднимая стакан с вином. — Твои изящные остроты на меня не действуют, я слишком толстокож для этого.

Кельсер хмыкнул, прислоняясь к буфету. То, что он работал по ночам, вынуждало его часто пропускать вечерние собрания в кухне. Бриз и Хэм продолжали свою вечную перепалку. Докс сидел у другого края стола, разбираясь в гроссбухах и донесениях, а Призрак пристроился рядом с Хэмом, стараясь по мере сил участвовать в разговоре. Колченог уселся в углу, наблюдал за всеми и время от времени усмехался, хотя в целом

сохранял самый серьезный вид.

— Мне пора идти, мастер Кельсер, — сказал Сэйзед, посмотрев на стенные часы. — Госпожа Вин, наверное, уже собралась уезжать.

Кельсер кивнул:

— Мне и самому пора. Я только должен еще...

Дверь черного хода распахнулась. В проеме показалась Вин: четкий силуэт на фоне тумана. На ней не было ничего, кроме нижнего белья. И рубашка, и штаны оказались залиты кровью.

— Вин! — Хэм стремительно вскочил.

На щеке Вин красовался длинный узкий порез, предплечье было перевязано.

— Я в порядке, — устало произнесла она.

— Что с твоим платьем? — тут же требовательно спросил Док-сон.

— Ты об этом? — виновато сказала Вин, показывая ком грязной синей материи. — Оно... сам видишь. Извини, Докс.

— Великий лорд, о чем ты, девочка! — воскликнул Бриз. — Забудь о платье... что случилось с тобой?!

Вин покачала головой и, перешагнув через порог, захлопнула дверь. Призрак густо покраснел при виде ее наряда, а Сэйзед быстро подошел и осмотрел рану на ее щеке.

— Думаю, я натворила дел, — сказала Вин. — Кажется, я... убила Шэн Элариэль.

— Что? — недоверчиво переспросил Кельсер, пока Сэйзед молча разматывал повязку на руке Вин, оставив пока царапину на лице в покое.

Вин поморщилась и покосилась на Сэйзеда.

— Она оказалась рожденной туманом. Мы сражались. Я победила.

«Она убила рожденную туманом, прошедшую полное обучение? — потрясенно подумал Кельсер. — Притом что сама практикуется меньше восьми месяцев?»

— Мастер Хэммонд, — попросил Сэйзед, — вы не принесете мою лекарскую сумку?

Хэм кивнул и вышел из кухни.

— Прихвати для нее что-нибудь из одежды, — крикнул ему вслед Кельсер.
— А то у бедного Призрака может случиться сердечный приступ.

— А что с моей одеждой? — удивилась Вин, оглядывая себя. — Она открывает не больше, чем то, что я носила на дне.

— Но это же белье, Вин, — напомнил Доксон.

— И что?

— Это принципиальный момент, — сказал Доксон. — Молодые леди не должны бегать в одном белье, даже если белье похоже на повседневную одежду.

Вин пожала плечами и села на ближайший стул, а Сэйзед продолжил изучать ее рану. Вин выглядела измотанной. И не только от схватки.

«Что еще случилось на балу?»

— А где ты столкнулась с этой Элариэль? — спросил Кельсер.

— В крепости Венчер, только снаружи, — ответила Вин, глядя в пол. — Я думаю, кое-кто из стражников меня заметил. А может, и из лордов. Не знаю.

— Это грозит неприятностями, — со вздохом сказал Доксон. — Конечно, рана на щеке будет слишком заметной, хоть замажь ее румянами. Если честно, вы, алломанты... Ты ведь даже не подумала, как будешь выглядеть на следующий день после драки?

— Я, в общем-то, думала только о том, как остаться в живых, Докс, —

грустно ответила Вин.

— Это он так говорит, потому что очень испугался за тебя, — сказал Кельсер. — Не обращай внимания.

Хэммонд вернулся с сумкой Сэйзеда.

— Обе раны нужно немедленно зашить, госпожа, — сказал Сэйзед. — Думаю, на руке задета кость.

Вин кивнула. Сэйзед протер ее руку раствором, от которого кожа сразу потеряла чувствительность, и приступил к работе. Вин спокойно переносила операцию. Впрочем, она явно поддерживала сильное горение пьютера.

«Как-то уж слишком плохо она выглядит, слишком измученно», — подумал Кельсер.

Вин была такой худенькой, кожа да кости... Хэммонд набросил ей на плечи плащ, но она как будто не заметила.

«А ведь именно я втянул ее в это».

Конечно, ей самой следовало бы соображать получше и не нарываться на неприятности.

Наконец Сэйзед зашил рану на руке Вин и наложил свежую повязку. Потом занялся щекой.

— Почему ты вообще ввязалась в драку с рожденной туманом? — сердито спросил Кельсер. — Тебе следовало сбежать. Ты ничему не научилась после стычки с инквизитором?

— Я не могла сбежать, не повернувшись к ней спиной, — пояснила Вин. — Кроме того, у нее было больше атиума, чем у меня. И если бы я не напала первой, она бы просто догнала меня и... Пришлось нанести удар в тот момент, когда мы оказались в равных условиях.

— Но как вообще это случилось? — спросил Кельсер. — Она что, сама к тебе привязалась?

Вин уставилась на собственные ноги.

— Нет, это я начала.

— Почему?!

Вин надолго замолчала, пока Сэйзед возился с ее щекой.

— Она хотела убить Эленда, — сказала наконец Вин.

Кельсер от изумления разинул рот:

— Эленда Венчера? И ты рисковала жизнью... нашим планом, нашими жизнями из-за этого дурака?

Вин вскинула голову и посмотрела Кельсеру в глаза:

— Да.

— Что с тобой, девочка? — ошеломленно спросил он. — Эленд Венчер того не стоит!

Вин гневно вскочила, уронив плащ, и Сэйзед отшатнулся.

— Он хороший человек!

— Он вельможа!

— Ты тоже! — рявкнула Вин и махнула рукой в сторону остальных членов команды. — Ты что думаешь, Кельсер, это жизнь скаа? Да что вы знаете о жизни скаа? Носите одежду лордов, нападаете на своих врагов по ночам, едите досыта и пьете в компании друзей! Скаа так не живут!

Она шагнула вперед, бешено глядя на Кельсера. Он моргнул, озадаченный ее взрывом.

— Что ты вообще о них знаешь, Кельсер? — спросила Вин. — Когда ты в последний раз спал в переулке, дрожа под холодным дождем, прислушивался к тому, как кашляет какой-нибудь попрошайка рядом, и думал, что болезнь скоро убьет его? Когда ты в последний раз лежал ночью без сна, боясь, что кто-нибудь из твоей же шайки тебя изнасилует? Ты

когда-нибудь вообще пресмыкался, умирал от голода, мечтая набраться храбрости и пырнуть ножом соседа по берлоге — только ради того, чтобы отобрать у него корку хлеба? Ты когда-нибудь тряса от страха перед собственным братом, ожидая, что он в очередной раз избьет тебя, и в то же время радовался, потому что он хотя бы замечает, что ты существуешь?! — Вин замолчала, запыхавшись, а члены команды смотрели на нее во все глаза. — И не надо говорить мне тут о вельможах, — закончила Вин. — Не надо рассуждать о людях, которых ты не знаешь. Вы все не скаа — вы вельможи, хоть и без титулов.

Она повернулась и вышла вон из кухни. Кельсер проводил ее взглядом, пораженный... прислушался к ее шагам на лестнице. И его вдруг охватил стыд.

Едва ли не впервые в жизни он не знал, что сказать.

*

Вин не вернулась к себе в спальню. Она поднялась на крышу, где в темноте клубился туман. Она уселась в углу, опираясь о каменный парапет почти голой спиной, ощущая под собой доски.

Было холодно, но она этого не замечала. Рука побаливала, но онемение от зелья Сэйзеда прошло не до конца. Вин меж тем казалось, что она онемела вся, с головы до ног.

Обхватив себя руками, Вин съежилась, глядя в туман. Мысли ее путались, не говоря уже о чувствах. Ей не стоило кричать на Кельсера, но как-то так вышло... после сражения, после предательства Эленда она просто сорвалась. Ей необходимо было выплеснуть гнев.

«Тебе бы лучше наорать на свое отражение в зеркале, — прошептал в ее голове голос Рина. — Ты сама позволила себе сблизиться с ними. А теперь они тебя выгонят».

Вин не могла справиться с душевной болью. Она могла только сидеть и дрожать, и слезы лились из ее глаз, и она сама не понимала, как все могло рухнуть вот так, в одно мгновение.

Люк в крыше приподнялся с легким скрипом, и показалась голова

Кельсера.

«Ох, Вседержитель! Только не он!»

Вин попыталась смахнуть слезы, но задела только что зашитую рану на щеке и чуть не вскрикнула от боли.

Кельсер аккуратно опустил крышку люка и выпрямился во весь рост. Он был такой высокий, такой гордый...

«Он не заслужил того, что я ему наговорила. Никто из них не заслужил».

— Когда долго смотришь на туман, это успокаивает, — тихо произнес Кельсер.

Вин кивнула.

— Помнишь, что я говорил тебе однажды? Туман защищает тебя, туман дает тебе силу, он тебя прячет...

Он посмотрел с крыши вниз, потом подошел к Вин и присел перед ней на корточки, протягивая плащ.

— Есть вещи, от которых невозможно спрятаться, Вин. Я знаю... я пытался.

Она взяла плащ и закуталась в него.

— Что случилось сегодня вечером? — спросил Кельсер. — Что случилось на самом деле?

— Эленд сказал, что больше не хочет меня видеть.

— А!.. — Кельсер сел рядом с Вин. — Это было до или после того, как ты убила его бывшую невесту?

— До, — ответила Вин.

— И ты все равно ринулась защищать его?

Вин кивнула, тихонько фыркнув:

— Я знаю. Я идиотка.

— Не больше, чем все мы, — вздохнул Кельсер.

Он рассеянно смотрел на туман.

— Я ведь тоже любил Мэйр, даже после того, как она предала меня. Ничто не могло изменить моих чувств.

— Вот потому-то и неопишимо больно, — сказала Вин, вспоминая, что говорил Кельсер прежде.

«Да, теперь я наконец его понимаю».

— Нельзя перестать любить кого-то, даже если он причиняет тебе боль, — сказал он. — Хотя так было бы легче, конечно.

Она снова начала всхлипывать, и Кельсер отцовским жестом обнял ее за плечи. Вин прижалась к нему, чувствуя его тепло, пытаясь хоть как-то заглушить боль.

— Я любила его, Кельсер, — прошептала она.

— Эленда? Я знаю.

— Нет, не Эленда. Рина, брата. Он постоянно колотил меня, снова и снова. Он ругался, кричал, говорил, что предаст меня. И я каждый день думала, как я его ненавижу. Но я любила его. И так тяжело, что он ушел, хотя он предупреждал меня, что может уйти в любой момент.

— Ох, детка, — пробормотал Кельсер, крепче прижимая ее к себе, — мне так жаль!..

— Все меня бросают, — продолжала жарко шептать Вин. — Я почти не помню свою мать. Она пыталась убить меня, ты знаешь. Она слышала какие-то голоса у себя в голове, и они заставили ее убить мою маленькую сестренку. Потом она хотела убить меня, но Рин ее остановил. В любом случае она бросила меня. А потом я ухватилась за Рина. Но и он тоже ушел. Я любила Эленда, но я ему больше не нужна. — Она подняла голову и посмотрела на Кельсера. — Когда ты тоже уйдешь? Когда ты меня

бросишь?

Кельсер помрачнел:

— Я... Вин, я не знаю. Наше дело, план...

Вин заглянула ему в глаза, пытаясь найти разгадку.

«Что ты скрываешь от меня, Кельсер? Это что-то настолько опасное?»

Она вытерла глаза и отодвинулась от Кельсера, чувствуя себя немного глупо.

Он посмотрел на нее сверху вниз, качая головой.

— Слушай, ты перемазала кровью весь мой изумительно грязный наряд фальшивого осведомителя!

Вин улыбнулась:

— По крайней мере, это частично благородная кровь. Я неплохо врезала Шэн!

Кельсер рассмеялся:

— Наверное, ты действительно права насчет меня. Я не даю знати ни малейшего шанса, да?

Вин покраснела:

— Кельсер, мне не следовало всего этого говорить. Вы хорошие люди, и ваш план... ну, я понимаю, что вы хотите сделать для скаа.

— Нет, Вин, — возразил Кельсер. — Ты сказала чистую правду. Мы не настоящие скаа.

— Но это хорошо! — пылко воскликнула Вин. — Будь вы обычными скаа, вам бы не хватило ни опыта, ни храбрости, чтобы задумать такое.

— Может, у них нет опыта и знаний, — сказал Кельсер, — но насчет храбрости ты ошибаешься. Да, мы потеряли армию, но ведь ей пришлось

почти без подготовки столкнуться с превосходящими силами противника. Нет, скаа не назовешь трусами. Им просто давно не выпадало удачного шанса.

— Шанс есть у тебя, Кельсер, ведь ты наполовину скаа, наполовину аристократ. И ты решил помочь той своей половине, что принадлежит скаа. Значит, ты достоин называться настоящим скаа.

Кельсер улыбнулся:

— Достоин называться скаа... Мне нравится, как это звучит. Ну как бы то ни было, мне, возможно, следует тратить поменьше времени на раздумья, как убить очередного лорда, и побольше — на размышления о том, как помочь кому-то из скаа.

Вин кивнула, поплотнее запахнулась в плащ и уставилась в туман.

«Туман защищает нас... дает нам силу... прячет нас...»

Вин давно уже не испытывала необходимости спрятаться, забиться в угол... Но теперь, после всего, что она наговорила, ей хотелось превратиться в клочок тумана и куда-нибудь улететь...

«Я должна рассказать ему. От этого может зависеть успех всего предприятия».

Вин глубоко вздохнула:

— У Дома Венчер есть слабое место, Кельсер.

Кельсер резко повернулся к ней:

— Вот как?

Вин кивнула:

— Да. Атиум. Именно Венчеры следят за тем, как добывается и доставляется в столицу атиум. Это и есть источник их богатства.

Кельсер немного помолчал.

— Ну конечно! — сказал он наконец. — Вот как они умудряются платить налоги, вот почему обладают такой властью... Вседержителю, разумеется, необходимо, чтобы кто-то делал для него эту работу...

— Кельсер? — тихонько окликнула его Вин.

Он снова посмотрел на нее.

— Кельсер... пожалуйста, не делай ничего без крайней необходимости.

Кельсер нахмурился:

— Я... не знаю, могу ли обещать тебе это, Вин. Я постараюсь найти иные пути, но, учитывая, как обстоят дела, Дом Венчер должен пасть.

— Я понимаю.

— И я рад, что ты рассказала мне об этом.

Вин кивнула.

«Вот теперь и я его предала».

Однако Вин знала, что сделала это не из злобы, и такая мысль немного утешала. Кельсер был прав: Дом Венчер обладал властью, которую просто необходимо разрушить. Но как ни странно, Кельсер, узнав о тайне Венчеров, встревожился куда сильнее, чем сама Вин. Он сидел, уставившись в туман, и на его лице застыло непонятное выражение. Потом Кельсер машинально почесал покрытые шрамами руки.

«Шрамы, — подумала Вин. — Вот оно... Он не о Доме Венчер думает сейчас — он думает о Ямах. И о своей жене».

— Кельсер?

— Да? — Взгляд Кельсера все еще был отсутствующим.

— Я не думаю, что Мэйр предавала тебя.

Кельсер улыбнулся:

— Рад это слышать.

— Нет, я серьезно, — сказала Вин. — Инквизиторы ведь ждали вас в центральной комнате дворца?

Кельсер кивнул.

— Но они и нас тоже там встретили.

Кельсер покачал головой:

— Мы с тобой сражались с охраной, нашумели. А когда мы шли с Мэйр, то сумели проникнуть во дворец тихо. Мы ведь готовились целый год и действовали очень осторожно, в полной тайне. Но кто-то подготовил нам ловушку.

— Мэйр была алломантом? — спросила Вин. — Значит, они могли просто почувствовать ваше приближение.

Кельсер снова покачал головой:

— Нет, с нами шел курильщик. Его звали Редд. Инквизиторы убили его мгновенно, прямо там. Я предпочел бы думать, что предатель именно он, но не выходит. Редд вообще до последнего момента не знал, куда мы собираемся. Только Мэйр знала — день, час, цель... только она могла все рассказать. Кроме того, есть еще слова Вседержителя. Ты ведь не видела его, Вин. Не видела, как он улыбался, когда благодарил Мэйр. Его глаза... он говорил искренне. Ходят легенды, что Вседержитель вообще не лжет. Да и зачем бы ему?

Вин немного подумала над словами Кельсера.

— Знаешь, — заговорила она наконец, — мне кажется, инквизиторы могут ощущать алломантию даже тогда, когда она прикрыта медной завесой.

— Это невозможно.

— Но я сама почувствовала... Я засекала медное облако, прикрывавшее Шэн, и так нашла ее и других убийц. Только потому я и успела на помощь Эленду.

Кельсер нахмурился:

— Ты, скорее всего, ошибаешься.

— Но такое и раньше случалось, — возразила Вин. — Я почувствовала, как Вседержитель коснулся моих чувств, хотя в тот момент поддерживала горение меди. И могу поклясться, что, когда я пряталась от инквизитора, гнавшегося за мной, он нашел меня тогда, когда не должен был найти. Кельсер, похоже, это действительно возможно! Что, если не в меди дело? Ты можешь прятаться за ней, но главное не в меди, а в твоей собственной силе!

Кельсер довольно долго молчал.

— А знаешь... наверное, ты права.

— Тогда Мэйр незачем было предавать тебя! — горячо воскликнула Вин.
— Инквизиторы невероятно сильны! И те, что вас поджидали, могли просто ощутить, что кто-то создает медное облако или вообще воспламеняет металлы! А когда Вседержитель благодарил ее, он имел в виду, что она невольно тебя выдала! Она была алломантом и в тот момент поддерживала горение олова, и это вывело их на вас!

На лице Кельсера промелькнуло беспокойство. Он повернулся к Вин и немного отодвинулся.

— Попробуй прямо сейчас. Скажи, какой металл я жгу.

Вин закрыла глаза, воспламенила бронзу, прислушалась... настроила свои чувства, как учил Марш. Она вспомнила тренировки, те часы, когда сосредоточивалась на волнах Бриза, Хэма, Призрака. Она старалась уловить пульсирующий ритм алломантии. Старалась...

На мгновение ей показалось, будто она ощутила нечто. Нечто странное — медленную пульсацию, напоминающую отдаленный бой барабана, непохожую на алломантические ритмы, которые она улавливала прежде. И этот пульс исходил не от Кельсера. Он бился далеко... очень далеко. Вин сосредоточилась сильнее, пытаясь определить направление...

Вдруг ее внимание привлекло нечто иное. Знакомый ритм, и шел он от

Кельсера. Пусть слабый, пусть трудноразличимый за ударами ее собственного сердца, но он все равно был, и Вин отчетливо слышала дерзкое, быстрое биение.

Она открыла глаза.

— Пьютер. В тебе горит пьютер.

Кельсер удивленно уставился на нее.

— Невероятно... — прошептал он. — Давай еще раз.

Вин опять закрыла глаза.

— Олово, — сообщила она через мгновение. — А теперь сталь... ты сменил металл, пока я говорила.

— Разрази меня гром!..

— Видишь, я права! — воскликнула Вин. — Можно уловить алломантическую пульсацию сквозь медную завесу! Она звучит очень слабо, но мне кажется, надо только как следует сосредоточиться...

— Вин, — перебил ее Кельсер, — неужели ты думаешь, что никто из алломантов прежде не пробовал это сделать? Неужели ты думаешь, что за тысячу лет никто бы не заметил, что можно проникнуть сквозь медное облако? Я и сам много раз пытался! Я часами сосредоточивался на своем учителе, надеясь различить хоть что-то сквозь его завесу!

— Но... — растерянно пробормотала Вин. — Но тогда почему?..

— Должно быть, это зависит от человека, как ты и говорила. Инквизиторы могут толкать и тянуть сильнее, чем любой из рожденных туманом. Не исключено, что они могут даже влиять на чужие металлы.

— Но, Кельсер, я-то не инквизитор! — тихо сказала Вин.

— Ты очень сильна. Сильнее, чем должна быть, сильнее, чем можешь. Ты сегодня ночью убила рожденного туманом, прошедшего полное обучение!

— Мне просто повезло, — смутилась Вин. — Я ее обманула.

— Алломантия и есть сплошной обман, Вин! Нет, ты особенная. Я это заметил в тот самый день, когда ты с легкостью пресекла мои попытки воздействовать на твои чувства.

Вин покраснела:

— Нет, Кельсер, это... Может, я просто больше работала с бронзой, чем ты... я не знаю, но...

— Вин, — серьезно сказал Кельсер, — ты все еще скромничаешь и скрытничаешь. Это ты здорово умеешь... Может, потому тебе и удается видеть сквозь медь? Не знаю... Научись наконец быть гордой, детка! В этом я мог бы тебе помочь — в обретении самоуверенности.

Вин улыбнулась.

— Идем, — сказал Кельсер, вставая и протягивая ей руку. — Сэйзед будет всю ночь волноваться, если не дашь ему закончить зашивать рану на щеке, а Хэм умирает от желания услышать рассказ о сражении. Кстати, это здорово, что тело Шэн осталось в крепости Венчер. Когда Дом Элариэль узнает, где ее нашли...

Вин позволила Кельсеру поднять себя со скамьи, но на люк посмотрела с сомнением.

— Я не уверена, что готова вернуться туда, Кельсер. Как я буду смотреть им в глаза?

Кельсер рассмеялся:

— Не беспокойся! Если бы ты не говорила время от времени глупостей, ты бы просто не стала своей в этой команде. Идем.

Вин еще немного помялась и отправилась вслед за Кельсером в теплую и уютную кухню.

*

— Эленд, как ты можешь постоянно читать? — спросил Джастес.

Эленд оторвался от книги и поднял голову.

— Меня это успокаивает.

Джастес недоуменно вскинул брови. Молодой лорд Лекаль сидел в карете, постоянно ерзая на месте и постукивая пальцами по подлокотнику. Окна были плотно задернуты занавесками, отчасти чтобы скрыть свет фонаря, при котором читал Эленд, отчасти чтобы не был виден туман. Эленд никогда в этом не признавался, но зрелище клубящегося, живого тумана заставляло его нервничать. Предполагалось, что знатные люди не должны бояться такой ерунды, но от этого плотный и темный туман не становился менее зловещим.

— Твой отец, наверное, взбесится, когда ты вернешься, — заметил Джастес, продолжая стучать пальцами по подлокотникам.

Эленд пожал плечами, хотя от слов Джастеса ему стало еще больше не по себе. Не из-за отца, а из-за того, что случилось ночью. Видимо, какие-то алломанты следили за Элендом во время встречи с друзьями. Что они успели узнать? Известно ли им о книгах, которые он читал?

К счастью, один из шпионов, видимо, оступился и провалился в световой колодец. После этого начался страшный шум и паника: солдаты и гости бежали кто куда. Первой мыслью Эленда было спрятать книги — опасные книги, те, из-за которых у него могли возникнуть серьезные проблемы с поручителями.

Поэтому в общей суматохе Эленд затолкал все томики в сумку и вместе с Джастесом бросился к боковому выходу. Сесть в карету и тайком выехать за ворота крепости им удалось неожиданно легко, хотя изначально идея могла показаться опасной. Но в тот момент, когда от крепости Венчер отъезжали десятки карет, ни единая душа не обратила внимания, что вместе с Джастесом в экипаже сидит еще и Эленд.

«Наверное, теперь уже все затихло, — сказал себе Эленд. — Люди поняли, что Дом Венчер вовсе не собирался нападать на них, что им ничего не грозит. Просто какие-то шпионы проявили неосторожность».

Ему следовало вернуться домой. Однако он решил воспользоваться случаем и провести собственное маленькое расследование.

Внезапный стук в дверцу кареты заставил Джастеса подпрыгнуть на месте. Эленд закрыл книгу и распахнул дверцу. Фелт, один из лучших шпионов Дома Венчер, забрался в карету, уважительно склонив голову сначала перед Элендом, потом перед Джастесом. У шпиона был ястребиный нос и усы.

— Ну? — вопросительно произнес Джастес.

Фелт с кошачьей грацией опустился на сиденье.

— В этом доме, судя по всему, располагается столярная мастерская и лавка, мой лорд. Один из моих людей и раньше слышал об этом месте — лавка принадлежит некоему мастеру Кладенту, столяру и плотнику. Он скаа, весьма умелый.

Эленд нахмурился:

— Но зачем туда заходил дворецкий леди Валетт?

— Мы думаем, что лавка — это только прикрытие, мой лорд, — ответил Фелт. — По вашему приказу мы наблюдали за ней с того момента, как дворецкий привел нас туда. Нам пришлось держаться очень осторожно — там на крыше и на верхних этажах прячется охрана.

— Весьма странная предосторожность для столярной мастерской, мне кажется.

Фелт кивнул:

— Но это только начало, мой лорд. Один из наших лучших людей сумел подобраться к самому зданию... не думаю, что его заметили, но ему не удалось ничего узнать о происходящем в доме. Окна запечатаны, изнутри не проникает ни звука.

«Еще одна странная предосторожность», — подумал Эленд.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спросил он Фелта.

— Это, скорее всего, пристанище людей со дна, мой лорд, — сказал Фелт.
— И очень надежное. Если бы мы не наблюдали за лавкой так внимательно и не знали, что искать, то не заметили бы странностей. Я полагаю, люди в том доме — и даже террисиец — состоят в воровской шайке скаа. Хорошо подготовленной и умелой.

— Воровская шайка скаа? — переспросил Джастес. — И леди Валетт тоже в ней?

— Похоже на то, мой лорд, — кивнул Фелт.

Эленд немного помолчал.

— Некая... воровская шайка... — произнес он наконец, запинаясь.

«Но зачем им внедрять человека в высший свет? Неужто ради какого-то мошенничества?..»

— Мой лорд? — осторожно произнес Фелт. — Вы хотите, чтобы мы туда ворвались? У меня достаточно людей, чтобы захватить всех воров.

— Нет, — решил Эленд. — Отзови людей и скажи, чтобы никому не рассказывали о том, что видели.

— Слушаюсь, мой лорд, — ответил Фелт и выбрался из кареты.

— Вседержитель! — воскликнул Джастес, когда дверца кареты захлопнулась. — Нечего и удивляться, что она не похожа на обычную леди. Дело вовсе не в том, что ее воспитывали в провинции... она просто воровка!

Эленд кивнул, хотя сам не знал, что и думать.

— Ты должен мне извинение, — заявил Джастес. — Я оказался прав насчет нее.

— Возможно, — кивнул Эленд. — Но в определенном смысле ты ошибался. Она не пыталась шпионить за мной... она просто хотела меня ограбить.

— И что?

— Я... мне нужно хорошенько подумать, — решил Эленд, поднимая руку и стуча кучеру.

Экипаж тронулся с места и покатил к крепости Венчер, а Эленд откинулся на спинку сиденья и задумался.

Валетт оказалась не той, за кого себя выдавала. Однако Эленд уже был готов к этой новости. Не только слова Джастеса пробудили в нем подозрения, но и сама Валетт, когда не стала возражать на балу против обвинений Эленда. Выходило слишком очевидно: она лгала ему. Играла роль.

Ему следовало бы разозлиться. Эленд понимал это рассудком, и какая-то часть его души болела от предательства... Но как ни странно, главным его чувством было облегчение.

— Что такое? — спросил Джастес, всматриваясь в лицо Эленда.

Эленд покачал головой:

— Ты заставил меня поволноваться в последние дни, Джастес. Мне было так плохо, я почти не соображал... и все потому, что считал Валетт предательницей.

— Но она и есть предательница! Эленд, она хотела обмануть тебя!

— Да, — согласился Эленд. — Но она, по крайней мере, не шпионка другого Дома. А на фоне всех этих политических интриг простое желание ограбить меня выглядит даже привлекательным.

— Но...

— Речь идет всего лишь о деньгах, Джастес!

— Для некоторых из нас деньги — это самое важное, Эленд.

— Они не так важны, как Валетт. Бедная девочка... И все это время она, наверное, тревожилась из-за того, что должна была проделать со мной!

Джастес разинул рот и покачал головой:

— Эленд, только ты способен испытывать облегчение, узнав, что кто-то хотел тебя обокрасть. Должен ли я напомнить, что эта девица все время обманывала нас? Может, ты к ней и привязался, но я сомневаюсь, что ее чувства были такими же искренними.

— Есть вероятность, что ты прав, — согласился Эленд. — Но... я не уверен, Джастес. Мне все-таки кажется, что я знаю ее. Ее чувства кажутся такими настоящими, такими искренними, это не похоже на ложь!

— Ох, сомневаюсь, — пробормотал Джастес.

— Мы слишком мало знаем, чтобы судить ее, — произнес Эленд. — Фелт думает, что она воровка, но могут быть и другие причины, по которым шайка послала ее на балы. Может, она просто осведомитель. Или она действительно воровка, но ее целью был не я. Она массу времени проводила и с другими знатными людьми — зачем бы ей это делать, если бы она охотилась именно за мной? На самом деле со мной она бывала реже, чем с другими, и никогда ни о чем не просила.

Эленд замолчал, размышляя. Он ведь до сих пор смотрел на встречу с Валетт как на милую случайность, некое событие, в результате которого в их жизни произошел крутой поворот. Он улыбнулся и развел руками.

— Нет, Джастес. Тут кроется нечто большее. Кое-какие факты просто не имеют смысла.

— Ну... наверное, Эл, — неуверенно кивнул Джастес, хмурясь.

Эленд резко выпрямился, когда в его голове вспыхнула некая мысль, на фоне которой все рассуждения о причинах поведения Валетт показались неважными.

— Джастес! — выпалил Эленд. — Она — скаа!

— И что?

— Она одурачила меня... нас обоих. Она почти безупречно играла роль аристократки.

— Ну да, только очень неопытной.

— Подумать только, рядом со мной находилась настоящая воровка-скаа! Я ведь мог задать ей уйму вопросов!

— Вопросов? Каких еще вопросов?

— О жизни скаа, — пояснил Эленд. — Не важно. Джастес, она нас одурачила. И если рассуждать о разнице между скаа и аристократами, получается, что скаа не слишком отличаются от нас. А если так, то какое мы имеем право обращаться с ними как с животными?

Джастес пожал плечами:

— Эленд, мне кажется, тебя занесло. Ты не забыл, что началась война Домов?

Эленд рассеянно кивнул.

«Я был слишком жесток с ней сегодня. Слишком жесток?..»

Он хотел, чтобы Валетт убедилась окончательно и бесповоротно, что он больше не желает иметь с ней дело. Отчасти он был искренен, потому что верил, будто она недостойна доверия. И она действительно оказалась недостойна доверия. Но с другой стороны, он просто хотел, чтобы она уехала из столицы. Он думал, что лучше будет оборвать их отношения, пока не разразилась война.

«Но если предположить, что она на самом деле не знатная леди, то у нее нет причин уезжать...»

— Эленд! — окликнул его Джастес. — Ты вообще меня слышишь?

Эленд посмотрел на него:

— Я думаю, что сегодня вечером совершил ошибку. Я хотел заставить Валетт покинуть Лютадель. Но теперь мне кажется, что я причинил ей боль без всякой на то причины.

— Да чтоб тебя, Эленд! — воскликнул Джастес. — Наш разговор сегодня

вечером подслушивали алломанты. Ты вообще понимаешь, что это значит? А если они хотели убить нас, а не просто проследить?

— Да, верно, ты прав, — рассеянно согласился Эленд. — В любом случае Валетт лучше уехать. В ближайшие дни любой, кто близок ко мне, будет в опасности.

Джастес немного помолчал, стараясь справиться с растущим раздражением.

— Нет, Эленд, ты просто безнадежен.

— Я давно к этому стремился... Но скажи, пожалуйста, какой смысл паниковать? Шпионы выдали себя, их, скорее всего, поймали, ведь поднялся такой шум. Мы теперь знаем кое-что из тайн Валетт, так что и тут мы продвинулись вперед. В целом ночь прошла с пользой.

— Весьма оптимистичный взгляд на вещи.

— Я работаю над собой.

Но Эленд знал, что чувствовал бы себя спокойнее, вернувшись в крепость Венчер. Возможно, глупо было бежать из дома, не узнав толком, что случилось, но Эленд в тот момент не слишком хорошо соображал. Кроме того, он заранее назначил встречу Фелту, так что поднявшийся переполох дал ему возможность исчезнуть незамеченным.

Карета медленно подкатила к воротам крепости Венчер.

— Тебе надо уехать поскорее, — сказал Эленд, выскальзывая наружу. — Забери книги.

Джастес кивнул, пряча мешок с книгами за спину, потом махнул Эленду рукой и закрыл дверцу. Эленд подождал, пока карета отъедет достаточно далеко, повернулся и пошел к крепости. Удивленные привратники пропустили его без единого слова.

До сих пор повсюду горел свет. Перед входом в крепость Эленда ожидали стражники, и несколько солдат бросились ему навстречу сквозь туман. Они сразу окружили его.

— Лорд, ваш отец...

— Да-да, конечно, — перебил Эленд со вздохом. — Полагаю, я должен явиться к нему немедленно?

— Да, мой лорд.

— Что ж, ведите, капитан.

Они прошли в крепость через боковую дверь. Лорд Страфф Венчер стоял в кабинете, о чем-то разговаривая с несколькими офицерами стражи. По их бледным лицам Эленд без труда догадался, что им только что досталось на орехи, а может, лорд даже пригрозил высечь их. Они были знатными людьми, так что Венчер не мог их казнить, но он не чурался суровых дисциплинарных взысканий.

Лорд Венчер резким жестом отослал стражников и повернулся к Эленду, одарив его враждебным взглядом. Эленд, нахмурившись, посмотрел вслед солдатам. Обстановка казалась уж слишком напряженной.

— Ну? — коротко спросил лорд Венчер.

— Что — ну?

— Где ты был?

— А... я выходил, — неопределенно ответил Эленд.

Лорд Венчер тяжело вздохнул:

— Чудесно. Можешь подвергать себя опасности, если хочешь, мальчик. Кстати, очень жаль, что рожденная туманом не застала тебя... она могла избавить меня от многих разочарований.

— Рожденная туманом? — недоуменно переспросил Эленд. — Какая рожденная туманом?

— Такая, которая явилась убить тебя! — рявкнул лорд Венчер.

Эленд ошеломленно уставился на отца:

— Так это были не просто шпионы?

— О нет, — со зловещей улыбкой ответил лорд Венчер. — Это была настоящая команда убийц, их прислали к тебе и твоим друзьям.

«Великий Вседержитель! — в ужасе подумал Эленд, внезапно осознавая, как опасно было выходить из крепости в одиночку. — Я и не думал, что война Домов разгорится так быстро! По крайней мере, для меня».

— Откуда ты знаешь, что там была рожденная туманом? — спросил он, стараясь держать себя в руках.

— Наши стражники умудрились убить ее, — сказал Страфф, — когда она убегала.

Эленд нахмурился:

— Рожденная туманом? Убита простыми солдатами?

— Лучниками, — пояснил лорд Венчер. — Видимо, они сумели застать ее врасплох.

— А тот человек, что провалился в световое окно? — спросил Эленд.

— Мертв. Сломал шею.

«Он был еще жив, когда мы удрали. Что ты скрываешь от меня, отец?..»

— Рожденная туманом... Я ее знаю?

— «Знаешь» — мягко сказано, — ответил лорд Венчер, усаживаясь за письменный стол и не глядя на сына. — Это была Шэн Элариэль.

Эленд похолодел от ужаса. Шэн? Он ничего не понимал. Они были обручены, но девушка ни разу не упомянула, что она алломант. И это могло означать, что она все это время водила его за нос. Возможно, Дом Элариэль замыслил убить Эленда сразу после того, как родится отпрыск Элариэлей, которому можно было бы передать семейный титул...

«Ты прав, Джастес. Я не могу спрятаться от политики, просто не обращаю

на нее внимания. Я стал пешкой в игре давным-давно, просто не хотел признаваться себе в этом».

Отец явно был доволен произошедшим. Один из главных членов Дома Элариэль убит на земле Венчеров при попытке покушения на Эленда... После такого триумфа отец какое-то время будет просто невыносим.

Эленд вздохнул:

— А кого-нибудь из убийц взяли живьем?

Лорд Страфф покачал головой:

— Нет. Один свалился во двор, когда убегал, и скрылся. Видимо, тоже рожденный туманом. Еще одного мы нашли на крыше, мертвого, но мы не знаем, сколько их было всего.

Он вдруг замолчал.

— Что? — спросил Эленд, заметив легкое смущение во взгляде отца.

— Нет, ничего, — ответил лорд Страфф, небрежно махнув рукой. — Кое-кто из стражей утверждает, что был еще и третий рожденный туманом, который якобы напал на двух других, но я сомневаюсь... там не присутствовал никто из наших.

Эленд на мгновение задумался.

«Третий рожденный туманом, напавший на двух других...»

— Может, кто-то узнал о готовящемся покушении и пытался остановить его?

Лорд Венчер фыркнул:

— С какой стати чужому рожденному туманом защищать тебя?

— А вдруг ему просто захотелось спасти от смерти невинного человека?

Лорд Венчер расхохотался:

— Ты дурак, мой мальчик! Ты ведь и сам это понимаешь?

Эленд покраснел и повернулся к двери. Лорду Венчеру явно ничего не было от него нужно, и Эленд просто ушел. Но он не мог вернуться в свои комнаты, не мог видеть разбитое стекло и стражников, поэтому отправился в одну из гостевых спален и вызвал группу туманных убийц, чтобы те дежурили за дверью и на балконе — на всякий случай.

Он сам расстелил постель, думая о разговоре с отцом. Лорд Венчер, скорее всего, прав относительно третьего рожденного туманом. Такого просто не могло случиться.

«Но... так должно быть. Или может быть в будущем».

Эленду хотелось сделать многое, очень многое. Но отец был крепок, здоров и молод для лорда, обладающего такой властью. Могли пройти десятилетия, прежде чем Эленд унаследует титул, если, конечно, сам проживет так долго. Эленда тянуло увидеть Валетт, поговорить с ней, объяснить причины своей тревожности. Она бы поняла его. Она почему-то всегда понимала его лучше, чем другие.

«К тому же она скаа!»

Эленд никак не мог отделаться от этой мысли. У него было так много вопросов, он хотел узнать у Валетт тысячу вещей...

«Потом, — решил он, забираясь в постель. — А пока надо подумать, как помочь выстоять нашему Дому».

На этот счет он не солгал Валетт — он должен был сделать все, чтобы его семья уцелела в войне.

А после... Ну, возможно, они найдут способ обойтись без лжи и мошенничества.

Многие террисийцы выражают презрение к жителям Хленниума, но я знаю: они завидуют им. Я слышал, как носильщики говорили о прекрасных соборах хленни, с изумительными цветными витражами и просторными залами. Им также нравится наша одежда. В городах я видел, как многие молодые террисийцы выменивают меха и шкуры на хорошо сшитые мужские костюмы.

Через две улицы от лавки Колченога находилось здание, очень высокое по сравнению с соседними домами. Вин полагала, что это многоквартирный дом, плотно заселенный скаа, но никогда не бывала внутри.

Вин бросила монетку и помчалась вверх вдоль стены шестиэтажного дома. Мягко приземлившись на крышу, она заставила нервно вздрогнуть сидевшего в темноте человека.

— Это я, — шепнула Вин, бесшумно пробираясь по скату крыши.

Призрак улыбнулся. Он был лучшей ищейкой в команде и часто стоял на самых важных постах. В последнее время он то и дело дежурил вечерами: в этот сложный момент конфликт между Великими Домами грозил вот-вот вылиться в открытое столкновение.

— Они продолжают приготовления? — тихо спросила Вин, воспламеняя олово и оглядывая город.

Вдали маячило в тумане ярко освещенное здание.

Призрак кивнул, показывая на светлое пятно:

— Крепость Гастинг. Дом Элариэль нынче ночью устроит там шум и гам.

Штурма крепости Гастинг они ждали давно — за последнюю неделю она подверглась нескольким налетам со стороны разных Великих Домов. Союзники Дома Гастинг разбежались, он обанкротился, и его окончательное падение было вопросом времени.

Странным казалось только, что никто не совершал нападений в дневное время. Война Домов проходила за завесой тайны, как будто аристократы, признавая власть Вседержителя, не желали огорчать его военными действиями при солнечном свете. Все разворачивалось ночами, под покровом тумана.

— Типа как хочется того, — пробормотал Призрак.

Вин помолчала.

— Призрак... Ты не мог бы постараться говорить, как все?

Призрак указал на темные шпили вдалеке:

— Вседержитель. Похоже, он хочет, чтобы они дрались.

Вин кивнула.

«Кельсер был прав. И братство помалкивает насчет войны, и из дворца ни звука, и гарнизон не спешит возвращаться в Лютадель. Вседержитель ожидал войны и теперь намерен допустить, чтобы она шла своим чередом. Так оставляют в покое пожар на полях, выжигающий все старое и обновляющий землю».

Только на этот раз, когда погаснет одно пламя, вспыхнет другое — нападение Кельсера на столицу.

«Если, конечно, Маршу удастся узнать, как остановить Стальных инквизиторов. И если мы сможем захватить дворец. И конечно, если Кельсер найдет способ справиться с Вседержителем».

Вин покачала головой. Ей не хотелось плохо думать о Кельсере, но она просто не представляла, как такое возможно. Да, гарнизон еще не вернулся, но поговаривали, что он уже близко, солдаты придут через пару недель. Да, некоторые из знатных Домов рушились, но это и отдаленно не напоминало полный хаос, в котором нуждался Кельсер. Последняя империя потрескивала, но Вин сомневалась, что она вот-вот лопнет и развалится.

А возможно, не в этом дело? Их команда проделала потрясающую работу по разжиганию междоусобной войны. Три Великих Дома уже пало,

остальные были серьезно ослаблены. Теперь аристократам понадобятся десятилетия, чтобы прийти в себя после всех этих событий.

«Мы натворили поразительных дел, — решила Вин. — И даже если мы не нападём на дворец или наша атака провалится, все равно нам удалось нечто исключительное».

Они оставят будущим мятежникам огромное количество полезных сведений, добытых Маршем в братстве, у них будет дневник Вседержителя в переводе Сэйзеда. Конечно, это еще не окончательное крушение Последней империи, на которое рассчитывал Кельсер. Однако это серьезная победа — и скаа долгие годы будут видеть в ней источник вдохновения.

Вин с удивлением обнаружила, что гордится своим вкладом в общее дело. Может, в будущем она присоединится к настоящему восстанию — там, где скаа не слишком забиты.

«Если такие места вообще существуют...»

Вин уже начала понимать, что не только станции гашения принуждают скаа к покорности. Их приучали к этому, угнетая тысячу лет, поручители, непрерывная работа на полях и фабриках... Именно поэтому бунты скаа всегда были такими робкими. Люди знали или думали, что знают: невозможно сражаться с Последней империей.

Да и сама Вин так считала, несмотря на то что принадлежала к «свободным» ворах. Ей понадобилось столкнуться с безумным Кельсером, чтобы изменить точку зрения. Неудивительно, что Кельсер потому и поставил перед командой почти недостижимую цель, — он понимал: лишь сумасшедший вызов империи заставит людей осознать, что они могут сопротивляться.

Призрак посмотрел на нее. Он все еще чувствовал себя неловко в присутствии Вин.

— Призрак, — сказала она, — ты ведь знаешь, что Эленд отказался поддерживать наши отношения?

Призрак кивнул и слегка насторожился.

— Но я все равно люблю его, — с сожалением продолжала Вин. — Мне очень жаль, Призрак. Но это правда.

Призрак опустил голову.

— Ты не виноват, — вздохнула Вин. — Верно, это не твоя вина, ты хороший, но... Просто так случается в жизни. Мы не знаем, кого полюбим. И притом, поверь, есть люди, которых я, например, никогда не смогла бы полюбить. Они этого не заслуживают.

Призрак кивнул:

— Да, понимаю.

— Могу я оставить у себя твой платок?

Призрак пожал плечами.

— Спасибо, — искренне сказала Вин. — Для меня это много значит.

Призрак уставился в туман:

— Я же не дурак. Я знал: такого типа и быть не могло. Я ведь многое вижу, Вин. Очень многое.

Вин осторожно положила руку ему на плечо.

«Я многое вижу...»

Весьма уместное замечание для ищейки.

— Ты давно стал алломантом? — спросила она.

— Я в пять лет пробудился. Почти и не помню.

— И с тех пор постоянно тренируешься?

— В общем, да. Оно для меня как бы полезно. Я могу видеть, и слышать, и чувствовать.

— Можешь научить меня чему-нибудь? — с надеждой спросила Вин.

Призрак, сидевший на краю крыши, призадумался.

— Олово такая штука... тут типа не то главное, что видишь. Тут не видеть надо.

Вин нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда жжешь, — пояснил Призрак, — все же на тебя валится. Просто куча. Тут, там, все мешает. Хочешь сильно глядеть, так не бери в голову.

«Ну да... если хочешь быть хорошей ищейкой, — перевела для себя Вин, — научись отсекать все лишнее. Дело не в том, что ты видишь, а в том, на что ты не обращаешь внимания».

— Интересно, — задумчиво пробормотала она.

— Да, — согласился Призрак. — Когда глядишь, тут тебе и туман, и дома, и дерево чувствуешь, и крыс внизу слышишь. Выбери одно и не гляди на другое.

— Хороший совет, — решила Вин.

Тут за их спинами раздался резкий стук. Оба быстро обернулись, а опустившийся на крышу Кельсер хмыкнул и направился к ним.

— Нужно выработать условный сигнал — предупреждать людей о нашем приближении. Каждый раз, когда я навещаю один из постов, я боюсь, что наблюдатель свалится с крыши.

Вин встала и стряхнула с одежды пепел. Она была в плаще рожденного туманом, рубахе и свободных брюках. Уже много дней она не надевала платья. То есть надевала только тогда, когда находилась в особняке Рену. Но Кельсер так боялся наемных убийц, что не позволял ей оставаться там надолго.

«По крайней мере, мы купили молчание леди Клисс», — подумала Вин, которую не на шутку разозлила цена этого молчания.

— Что, пора? — спросила она.

Кельсер кивнул:

— Почти. Просто я хочу кое-куда заглянуть по дороге.

— Понятно.

Их вторую встречу Марш назначил в месте, где намеревался проводить разведку для братства. Это была отличная возможность встретиться, потому что Марш якобы искал в окрестностях признаки алломантической активности. С ним почти постоянно ходил гасильщик, однако около полуночи Маршу на час предстояло остаться одному. Этого времени не хватило бы, чтобы уйти и вернуться, но его было более чем достаточно, чтобы ему могли нанести короткий визит два опытных рожденных туманом.

Наскоро попрощавшись с Призраком, они умчались в темноту. Однако скоро спустились на улицу, потому что Кельсер решил поберечь силы.

«Странно, — подумала Вин, вспомнив свою первую ночную тренировку с Кельсером. — Пустые улицы больше не кажутся мне зловещими».

Камни мостовой стали скользкими от капель тумана, улица исчезала в белесых клубах. Было темно, тихо и пустынно. Даже война не слишком изменила столицу. Отряды солдат быстро подступали к вражеским Домам и наносили удар, стараясь пробить оборону, но не бродили так просто по улицам.

В ночном городе не было людей, но Вин чувствовала себя отлично, ведь рядом с ней всегда находился туман.

— Вин, — на ходу сказал Кельсер, — я хочу поблагодарить тебя.

Она обернулась, окинув взглядом величественную фигуру рожденного туманом.

— Поблагодарить меня? За что?

— За то, что ты сказала о Мэйр. Я много думал о том дне... о ней. Я не

знаю, все ли объясняет твоя способность видеть сквозь медную завесу, но... если у меня есть выбор, я предпочту верить, что Мэйр не предавала меня.

Вин кивнула, улыбнувшись. Кельсер грустно покачал головой:

— Глупо звучит. Как будто... все эти годы я только и ждал возможности обмануть себя.

— Не знаю, — осторожно сказала Вин. — Может, раньше я и сочла бы тебя дураком, но... много слов, Кельсер. Осознанный самообман? Просто заткни голос, что твердит тебе о предательстве, и надейся, что друзья не причинят новой боли.

Кельсер хмыкнул:

— А ты не слишком-то стремишься меня утешить.

Вин пожала плечами:

— Я просто хочу донести до тебя мысль. Доверие и недоверие — одно и то же, только с разных сторон. И я понимаю, почему люди, которым приходится выбирать, предпочитают доверие.

— Но не ты сама? — спросил Кельсер.

— Не знаю.

Кельсер немного помолчал.

— Этот... твой Эленд. Может, он просто хотел тебя отпугнуть, чтобы ты уехала из столицы? Вел себя так ради тебя самой?

— Не исключено, — согласилась Вин. — Но он и сам изменился... совсем по-другому смотрел на меня. Он знал, что я ему лгала, но вряд ли понял, что я скаа. Он, скорее всего, решил, что я шпионю в пользу какого-то из Великих Домов. Но в любом случае он, похоже, искренне хотел отделаться от меня.

— Может, тебе так кажется, потому что ты уже убедила себя, будто не

нужна ему?

— Я... — Вин замолчала, глядя на скользкую, заметенную пеплом мостовую. — Я не знаю, — сказала она наконец. — И это, кстати, твоя вина. Раньше я всегда понимала, что происходит вокруг меня. А теперь все запуталось.

— Это мы сами все запутали, — с улыбкой сказал Кельсер.

— Только непохоже, что тебя это беспокоит.

— Нет, — согласился Кельсер. — Ничуть не беспокоит. Мы пришли.

Он остановился перед одним из многоквартирных домов скаа. Внутри было темно. Скаа не могли себе позволить масляные лампы и после ужина обычно собирались у общего очага.

— Здесь? — недоуменно спросила Вин.

Кельсер кивнул и осторожно постучал в дверь. К удивлению Вин, дверь тут же приоткрылась, и в щели показалось худощавое лицо.

— Лорд Кельсер! — чуть слышно произнес человек.

— Я же говорил, что приду, — улыбнулся Кельсер. — Сегодня, мне кажется, подходящее время.

— Входи, входи, — сказал мужчина, распахивая дверь.

Он отступил, стараясь, чтобы его не коснулся туман, пока Кельсер и Вин проходили внутрь.

Вин уже приходилось бывать в таких домах, но никогда прежде они не действовали на нее так угнетающе. Слабый свет, исходящий от маленькой угольной печи, падал на лица сгрудившихся вокруг нее людей. Многие спали прямо на полу. Они постарались вымести из комнаты золу, но это все, что они могли сделать. Черные пятна все равно покрывали стены, одежду, лица... Мебели в помещении почти не было, и одеял не хватало на всех.

«Я жила точно так же, — в ужасе подумала Вин. — Воровские берлоги всегда были так набиты... даже сильнее. И это было моей жизнью».

Те, кто не спал, поднялись при виде гостя и разбудили остальных. Вин заметила, что Кельсер закатал рукава рубахи, и в свете тлеющих углей его шрамы были отчетливо видны.

По комнате пробежал шепоток.

— Выживший в Хатсине...

— Это он!

— Кельсер, властелин тумана...

«Это что-то новенькое», — удивленно подумала Вин.

Она стояла в стороне, пока Кельсер улыбался и приветствовал скаа. Люди взволнованно столпились вокруг него. Одни старались прикоснуться к его рукам, к плащу, другие не сводили с него почтительных взглядов.

— Я пришел дать вам надежду, — тихо сказал Кельсер. — Дом Гастинг падет этой ночью.

По толпе прокатился благоговейный ропот.

— Я знаю, что многие из вас работали в кузницах и на заводах Гастингов, — сказал Кельсер. — Если честно, я не представляю, чем это кончится для вас. Но это наша общая победа. По крайней мере, какое-то время вы не будете погибать у пылающих горнов или под плетью надсмотрщиков.

Небольшая толпа заволновалась. Наконец один из голосов прозвучал достаточно громко, чтобы Вин смогла разобрать слова:

— Дом Гастинг погиб? Но кто тогда будет нас кормить?

«Как они напуганы! — подумала Вин. — Я никогда не была такой... или была?»

— Я пришлю вам продукты, — пообещал Кельсер. — На какое-то время их

хватит.

— Ты так много делаешь для нас, — сказал еще кто-то.

— Ерунда, — отмахнулся Кельсер. — Если хотите отплатить мне, постарайтесь чуть-чуть расправить плечи. Избавьтесь хотя бы от части страха. Их можно победить.

— Это могут только такие, как ты, лорд Кельсер, — прошептала одна из женщин. — Но не такие, как мы.

— Вы сами себя не знаете, — сказал Кельсер.

Толпа расступилась, пропуская к Кельсеру родителей с детьми. Похоже, все хотели познакомиться с ним своих сыновей. Вин наблюдала за происходящим со смешанным чувством. В команде с сомнением относились к растущей славе Кельсера, но, держа слово, помалкивали об этом.

«Выходит, он действительно переживает за них, — думала Вин, глядя, как Кельсер берет на руки одного из малышей. — Это не просто спектакль. Уж таков Кел — любит людей, любит скаа. Только это больше похоже на любовь отца к детям, чем на любовь равного к равным».

Было ли в этом что-то дурное? Кельсер и в самом деле приходился скаа кем-то вроде отца. Он был лордом, о каком они всегда мечтали. И все равно Вин испытывала странную неловкость, видя в глазах скаа почтение и восторг.

Кельсер наконец попрощался с обитателями дома, сказав, что спешит на важную встречу. Они с Вин вышли на свежий воздух и направились к точке гашения, где должны были встретиться с Маршем. Кельсер шагал бодро, но молчал.

Наконец Вин не выдержала:

— Ты часто к ним заходишь?

Кельсер кивнул:

— По меньшей мере в два дома каждую ночь. Это помогает немного

прийти в себя после однообразной работы.

«Убивать вельмож и распространять ложные слухи — скучноватое дело, — подумала Вин. — Конечно, визит к скаа должен освежать».

Место встречи находилось всего в нескольких кварталах. Когда они подошли к нужному зданию, Кельсер остановился, всматриваясь в темноту. Наконец он показал на едва заметный свет в окне.

— Марш сказал, что зажжет свет, когда останется один.

— Зайдем через окно или по лестнице? — уточнила Вин.

— По лестнице. Дверь должна быть не заперта. Все здание принадлежит братству. Там пусто.

Кельсер оказался прав. В здании не было сильного запаха пыли и сажи, как в давно заброшенных домах, но нижние этажи явно пустовали. Вин и Кельсер быстро поднялись по лестнице.

— Марш должен знать, как братство оценивает войну Домов, — сказал Кельсер, когда они добрались до верхнего этажа.

Слабый свет пробивался сквозь щель под дверью, и Кельсер толкнул ее, продолжая говорить:

— Надеюсь, гарнизон вернется не слишком быстро. Мы уже подняли сильное волнение, но я бы предпочел, чтобы лорды еще какое-то время...

Он застыл в дверях, загородив Вин обзор.

Она мгновенно подошла к пьютеру и олову и пригнулась, ожидая нападения. Но вокруг было тихо.

— Нет... — прошептал Кельсер.

И тут Вин увидела темно-красный ручеек, побежавший в коридор мимо ноги Кельсера. Ручеек добрался до лестницы, и первые капли упали с верхней ступени.

«Ох, Вседержитель!..»

Кельсер ворвался в комнату. Вин последовала за ним, но она уже знала, что увидит. В центре помещения лежал расчлененный труп с содранной кожей и разбитой головой — он едва напоминал человеческое тело. Стены были забрызганы красным.

«Откуда в одном-единственном теле столько крови?»

Вин уже видела такое в берлоге Камона, только здесь жертва была одна.

— Инквизитор, — прошептала Вин.

Кельсер, не обращая внимания на кровь, опустился на колени рядом с трупом Марша. Он протянул руку, как будто желая коснуться лишенного кожи тела, но застыл в неподвижности.

— Кельсер, — настойчиво окликнула Вин, — это случилось совсем недавно... Инквизитор может быть поблизости.

Кельсер не двинулся с места.

— Кельсер! — крикнула Вин.

Кельсер вздрогнул и огляделся по сторонам. Он встретился взглядом с Вин, и сознание вернулось к нему. Он с трудом поднялся на ноги.

— Окно, — сказала Вин, бросаясь через комнату.

На мгновение она задержалась, заметив на письменном столе у стены деревянную ножку стола, прикрытую чистыми листами бумаги. Вин схватила ее, когда Кельсер был уже у окна.

Он оглянулся, бросил последний взгляд на комнату — и выпрыгнул в ночь.

«Прощай, Марш», — с горечью подумала Вин, следуя за Кельсером.

*

— «Думаю, инквизиторы заподозрили меня», — вслух читал Доксон.

Лист, который он держал в руках, — единственный, извлеченный из ножки стола, — был чистым, на него не попало ни капли крови, испачкавшей колени Кельсера и плащ Вин.

Доксон продолжал:

— «Я задавал слишком много вопросов, и я знаю, что они отправили письмо подкупленному поручителю, который якобы обучал меня. Я хотел выведать секреты, которые всегда интересовали мятежников: как братство убеждает рожденных туманом стать инквизиторами? Почему инквизиторы намного сильнее обычных алломантов? В чем их слабости, если они вообще есть?»

К несчастью, я так ничего и не узнал об инквизиторах, хотя люди, работающие в братстве, продолжают изумлять меня. Такое впечатление, что поручителей вообще не интересует мир за стенами кантона, их заботит только собственное положение и как можно более успешное исполнение приказов Вседержителя.

Но инквизиторы — совсем другое дело. Они преданы Вседержителю куда сильнее, чем простые поручители. Возможно, отчасти это и служит причиной разногласий между ними.

Тем не менее я чувствую, что близок к разгадке. У них действительно есть какая-то тайна, Кельсер. И есть слабое место. Я уверен. Поручители шепчутся об этом, хотя никто не знает наверняка.

Боюсь, что я слишком торопился. Инквизиторы следят за мной, наблюдают, расспрашивают обо мне. Поэтому я и написал тебе письмо. Возможно, это излишняя предосторожность. Возможно, нет». — Доксон поднял голову. — Это все.

Кельсер стоял в дальнем углу кухни, спиной к буфету, в привычной позе, в которой, против обыкновения, сквозило страшное напряжение. Он сложил руки на груди и склонил голову. Его отчаяние как будто прошло, сменившись другим чувством, — Вин иной раз замечала его в глубине глаз Кельсера, когда тот говорил о знати.

Вин невольно содрогнулась. Она внезапно обратила внимание на одежду Кельсера — темно-серый плащ рожденного туманом, черная рубашка с

длинным рукавом, угольного цвета свободные штаны. Ночью такая одежда служила маскировкой, но в ярко освещенной комнате черный цвет придавал Кельсеру зловещий вид.

Он выпрямился, и все сразу замолчали.

— Передайте Рену, что он должен немедленно уехать, — негромко заговорил Кельсер, и в его голосе звучал металл. — Он может воспользоваться легендой, что уезжает в родные края из-за войны Домов, и я хочу, чтобы к утру его не было в Феллисе. Пошлите с ним громилу и ищейку для охраны. Он должен отъехать от столицы на день пути и вернуться к нам.

Доксон посмотрел на Вин, на остальных.

— Хорошо...

— Марш все знал, Докс, — продолжал Кельсер. — Они пытали его, прежде чем убить, и наверняка сломали... Инквизиторы всегда так работают.

Он замолчал. Вин пробрал озноб. Лавка Колченога перестала быть убежищем.

— Значит, перебираемся в запасную берлогу? — спросил Доксон. — О ней знаем только мы с тобой.

Кельсер коротко кивнул:

— Я хочу, чтобы все, включая подмастерьев, убрались из лавки за пятнадцать минут. Я навещу вас в убежище через два дня.

Доксон, нахмурившись, посмотрел на Кельсера:

— Через два дня? Кел, что ты задумал?

Кельсер уже шел к двери. Он рывком распахнул ее, впуская в комнату туман, и оглянулся. Его взгляд был жестким, как у инквизитора.

— Они ранили меня в сердце. Я намерен ответить тем же.

*

Валин пробирался в темноте, на ощупь отыскивая путь и протискиваясь в узкие щели. Он полз, пальцами находя дорогу, не обращая внимания на многочисленные царапины и порезы.

«Я должен двигаться, я должен двигаться...»

Остатки разума твердили ему, что это его последний день. Шесть неудач. Если он сегодня ничего не найдет в седьмой раз, то умрет.

«Я должен двигаться».

Он ничего не видел: так глубоко под поверхность земли не проникали даже отраженные лучи солнца. Но он и без света знал, куда направляться. Возможных вариантов было всего два: вверх или вниз. Двигаться в стороны не имело смысла и было опасно. Зато если ползти вниз, то не заблудишься.

Его руки не замирали ни на мгновение, он шарил вокруг себя, ища спасительную неровность растущего кристалла. Он не может вернуться ни с чем...

«Я должен двигаться».

Он нащупал что-то мягкое и холодное. Гниющий труп, застрявший между двумя камнями. Валин прополз мимо. Мертвые тела нередко попадались в тесных подземных пещерах. Одни были свежими, от других остались только кости. Иной раз Валин думал, что мертвецам, возможно, повезло больше, чем ему.

«Я должен двигаться».

В пещерах не существовало времени. Обычно Валин выбирался наверх, чтобы поспать. Наверху его ждали надсмотрщики с плетями и пища... Еды давали мало, ровно столько, чтобы Валин не умер от голода, но это лучше, чем действительно подохнуть под землей.

«Я должен...»

Валин внезапно застыл на месте. Он как раз наполовину втиснулся в узкую

щель между камнями и собирался пролезть в нее целиком, но пальцы, постоянно шарившие вокруг, что-то нашли.

Валин задрожал от предвкушения, поняв, что это кристаллы. Да-да, это они. Кристаллы росли на стене пещеры широким кругом. Они были узкими на концах и толстыми в середине. В центре круга Валин нащупал похожее на карман углубление в стене. В углублении кристаллы были крупнее и острее. Как зубы, окружавшие пасть каменной твари.

Задержав дыхание и вознеся молитву Вседержителю, Валин просунул руку в узкое круглое отверстие. Кристаллы впивались в предплечье, оставляя длинные глубокие порезы. Валин не обращал внимания на боль, он продолжал тянуться, его рука погрузилась уже по локоть, пальцы нервно блуждали...

Вот он! Валин нащупал маленький нарост в центре углубления — ком, образованный слипшимися кристаллами. Жеод Хатсина.

Валин жадно схватил его и потянул к себе, оставляя на руке новые порезы. Тяжело дыша от радости, он прижал к себе кристалл.

Еще семь дней. Он проживет еще семь дней.

Не дожидаясь, пока голод и усталость окончательно лишат его сил, Валин пополз вверх. Он протискивался в узкие ходы, пробирался сквозь щели между камнями. Иногда ему приходилось забирать немного вправо или влево, пока над ним не открывался очередной проход. В конце концов, направлений было всего два: вверх или вниз.

Еще он постоянно прислушивался, нет ли кого поблизости. Он уже видел убитых старателей — они сталкивались с молодыми и более сильными пленниками, надеявшимися украсть жеод. К счастью, он никого не встретил. Хорошо. Он был уже стар, достаточно стар, чтобы понимать: не следовало воровать еду у лорда на плантации.

Может, он и заслужил наказание — смерть в Ямах Хатсина.

«Но сегодня я не умру», — подумал он, наконец-то ощущая свежий, чистый воздух. Снаружи была ночь. Какая разница? Он не боялся тумана — он даже побоев уже не боялся. Он слишком устал, чтобы бояться.

Валин начал выбираться из расщелины — одной из десятков расщелин, что дырявили небольшую плоскую долину, известную как Ямы Хатсина, — и вдруг замер.

В темноте он увидел человека, стоявшего прямо над ним. Человек был одет в просторный плащ, только странный, разрезанный на множество полос... Человек, весь в черном, молча смотрел на Валина. Потом он наклонился.

Валин сжался в комок. Однако мужчина просто схватил его за руку и выволок на поверхность.

— Беги отсюда, — тихо приказал мужчина в черном. — Почти все стражники мертвы. Собери пленников, сколько сможешь, и уходи. Ты нашел жеод?

Валин снова съежился, прижав руку к груди.

— Хорошо, — кивнул незнакомец. — Взломай его. В сердцевине найдешь металлический самородок. Он очень дорого стоит. Продай его на дне любого города, и заработаешь столько, что хватит на много лет. Беги быстрее! Я не знаю, как скоро поднимется тревога.

Валин, пошатнувшись, отступил назад.

— Кто ты такой?

— Тот, кем и ты скоро станешь, — с усмешкой ответил незнакомец, перешагивая через щель в земле. Ленты его странного плаща трепетали вокруг худощавого тела, как будто сплетаясь с туманом. — Выживший.

*

Кельсер всмотрелся в темную щель между камнями и прислушался к затихавшим вдали шагам пленника.

— Вот я и вернулся, — прошептал он.

Шрамы горели, воспоминания терзали ум. Воспоминания о месяцах, проведенных под землей... о днях, когда острые кристаллы оставляли на его руках глубокие порезы, когда он без передышки искал жеод... всего

один, чтобы выжить...

Неужели он действительно сможет снова погрузиться в эту тесную, безмолвную глубину? Кельсер поднял руки, глядя на белые выпуклые шрамы.

Да. Ради ее мечты — сможет.

Он шагнул к щели и начал протискиваться внутрь. Он воспламенил олово и сразу услышал внизу потрескивание.

Олово осветило узкий лаз. Чуть ниже он расширялся и одновременно расходился в разные стороны тесными извилистыми норами. То ли пещера, то ли трещина, то ли туннель... Кельсер уже видел первую выемку с кристаллами, точнее, то, что от нее осталось. Длинные серебристые кристаллы были разбиты и раскрошены.

Алломантическая сила заставляла кристаллы рассыпаться вдребезги. Именно поэтому Вседержителю для поисков атиума приходилось использовать рабов, а не алломантов.

«А теперь настоящее испытание», — подумал Кельсер, ползя дальше.

Он воспламенил железо и сразу увидел несколько голубых линий, ведущих вниз, к гнездам атиума. Далеко не в каждом гнезде мог созреть жеод, но кристаллы и сами по себе рождали тонкие голубые лучи. В них содержался остаточный атиум.

Кельсер сосредоточился на одной из голубых линий и осторожно потянул. До его обостренного оловом слуха донесся треск — что-то разбилось в щели под ним.

Кельсер улыбнулся.

Около трех лет назад, стоя над окровавленными трупами надсмотрщиков, насмерть забивших Мэйр, он впервые обнаружил, что может использовать железо для поиска кристаллических карманов. В то время он еще не осознавал свою алломантическую силу, но в его уме зародился план. План мести.

С тех пор этот план созрел и разросся, но одна из ключевых его частей осталась прежней, и Кельсер годами лелеял ее. Он умеет отыскивать кристаллические карманы и разрушать их с помощью алломантии.

А ведь они были единственным источником атиума в Последней империи.

«Вы пытались уничтожить меня, Ямы Хатсина, — думал Кельсер, пробираясь по узкому лазу. — Пришло время отплатить вам тем же».

33

Мы уже близко. Как ни странно, здесь, высоко в горах, мы наконец освободились от давящего присутствия Бездны. Я уже давно не ощущал ничего подобного.

Озеро, обнаруженное Федиком, осталось внизу, и я вижу его с выступа скалы. Отсюда оно выглядит еще более зловещим — с его гладкой, словно металлической, поверхностью. Наверное, надо было позволить ему взять образец этой странной воды.

Может, именно любопытство Федика разозлило ту туманную тварь, что преследует нас. Может, поэтому тварь и решила напасть на него, пронзив невидимым ножом.

Странно, однако это нападение успокоило меня. По крайней мере, теперь я знаю, что и другие видели тварь. Это значит, что я не сумасшедший.

— И что... это конец? — спросила Вин. — Я имею в виду наш план.

Хэм пожал плечами:

— Если инквизиторы сломали Марша, теперь они знают все. Или по крайней мере, достаточно — о нашем намерении напасть на дворец и о том, что мы собираемся использовать войну Домов как прикрытие. Нам теперь ни за что не выманить Вседержителя из Лютадели, и мы наверняка не заставим его послать в город дворцовую гвардию. В общем, Вин, ничего хорошего.

Вин долго молчала, переваривая слова Хэммонда. Сам он сидел скрестив ноги, прямо на грязном полу, прислонившись спиной к кирпичной стене. Запасная берлога оказалась сырым подвалом, состоявшим всего из трех помещений. Здесь пахло пеплом и грязью. Одну из комнат заняли подмастерья Колченога, а остальных слуг Доксон отпустил.

Бриз стоял у дальней стены. Он время от времени недовольно поглядывал на грязный пол и пыльные табуреты и явно не хотел садиться. Вин не понимала, что его волнует, — все равно ему не удастся сохранить одежду

чистой, живя в самой настоящей яме.

Не только Бриз оказался недоволен этим полудобровольным заключением. Вин слышала, как кое-кто из подмастерьев ворчал, что уж лучше было попасться в лапы братства. Тем не менее они сидели в подвале уже два дня, выходя только в случае крайней необходимости. Все прекрасно осознавали опасность: Марш мог описать инквизиторам внешность всех членов команды и их помощников.

Бриз покачал головой:

— Возможно, друзья, пора сворачивать нашу операцию. Мы старались, но, учитывая тот факт, что наш первоначальный план — создание армии — потерпел фиаско, я бы сказал, что мы уже сделали невероятно много.

Доксон вздохнул:

— Мы действительно не можем вечно жить на те деньги, что у нас остались, особенно если Кельсер по-прежнему будет подкармливать местных скаа.

Доксон сидел за столом, бывшим, по сути, единственным предметом обстановки в комнате (если не считать нескольких табуретов), и перед ним аккуратными стопками лежали все важные книги, заметки и контракты. Доксон тщательно собрал и унес с собой все до последнего листка.

Бриз кивнул:

— Да, и я первый хотел бы перемен. Все это было интересно, забавно, возбуждающе, но должен заметить, что работа с Кельсером изрядно выматывает.

Вин нахмурилась:

— Ты не хочешь оставаться в команде?

— Зависит от того, что он придумает дальше, — ответил Бриз. — Мы ведь отличаемся от прочего дна. Мы работаем потому, что нам это нравится, а не потому, что нам приказали. А это делает нас весьма разборчивыми. Мы получаем большое вознаграждение, но ведь и риск велик.

Хэм усмехнулся и заложил руки за голову, совершенно не обращая внимания на окружавшую его грязь.

— Можно лишь удивляться, как мы вообще ввязались в это конкретное дело, — сказал он. — Риск-то велик, а вознаграждения — почти никакого.

— Вообще никакого, — уточнил Бриз. — Можно теперь и не рассчитывать на атиум. То, что говорил Кельсер об альтруизме и помощи скаа, звучало неплохо, но я все-таки надеялся, что мы залезем в сокровищницу.

— Да, я тоже на это рассчитывал, — согласился Доксон, отрываясь от записей. — Но разве в любом случае игра не стоила свеч? Мы уже вошли в историю, я имею в виду.

Бриз и Хэм немного подумали, и оба кивнули.

— Потому я остаюсь, — сказал Доксон. — Кел говорил об этом: мол, он выбрал нас, потому что мы готовы рисковать собой просто ради достойной цели. Вы хорошие люди... даже ты, Бриз. И нечего на меня так смотреть.

Вин улыбалась, прислушиваясь к привычной перепалке. Да, она грустила о Марше, но рядом с ней были люди, которые знали, как идти дальше, несмотря на потери. И в этом смысле они действительно были похожи на скаа.

— Война Домов, — произнес Хэм, рассеянно улыбаясь. — Как вы думаете, сколько вельмож уже убито?

— По меньшей мере несколько сотен, — ответил Доксон, возвращаясь к бумагам. — Они уничтожают друг друга собственными загребущими благородными ручками.

— Должен признать, я сомневался, что это получится, — сказал Бриз. — Но если учесть, какие помехи торговле создает нынешняя бойня, не говоря уж о разладе среди властей... да, Доксон, ты, пожалуй, прав. Ради этого стоило постараться.

— Точно! — согласился Хэм, подражая занудному тону Бриза.

«Мне будет их не хватать, — грустно подумала Вин. — Может, Кельсер

возьмет меня с собой, когда примется за новое дело?»

На лестнице прозвучали шаги, и Вин инстинктивно передвинулась в тень. Щелястая дверь распахнулась, и в комнату вошла знакомая фигура в черном. Кельсер нес плащ рожденного туманом в руке, и выглядел он чрезвычайно вымотанным.

— Кельсер! — вскрикнула Вин, бросаясь ему навстречу.

— Привет всем, — хрипло поздоровался он.

«Знакомая усталость, — подумала Вин. — Пьютерная гонка. Где он был?»

— Ты опоздал, Кел, — сказал Доксон, не поднимая головы.

— Меня можно обвинить в чем угодно, только не в том, что я всегда прихожу вовремя, — ответил Кельсер, бросая плащ и потягиваясь всем телом. Он уселся на пол. — А где Колченог и Призрак?

— Колченог спит в задней комнате, — ответил Доксон. — Призрак ушел с Рену. Мы решили, что Рену не помешает наша лучшая ищайка.

— Правильная мысль, — одобрил Кельсер, глубоко вздыхая и прислоняясь к стене.

Глаза у него закрывались сами собой.

— Дорогой мой, — сказал Бриз, — ты выглядишь просто ужасно.

— Все не так плохо, как кажется. Я сумел добраться и даже по дороге остановился, чтобы поспать несколько часов.

— Да, но где ты был? — настойчиво поинтересовался Хэм. — Мы жутко беспокоились, что ты наделаешь глупостей.

— Действительно, — подтвердил Бриз. — Мы были просто уверены, что ты занимаешься какой-то ерундой. Мы только гадали, насколько глупыми будут твои поступки и чем они обернутся для нас. Итак, что ты натворил? Убил лорда-прелана? Зарезал дюжину вельмож? Украл плащ Вседержителя?

— Я уничтожил Ямы Хатсина, — тихо ответил Кельсер.

В комнате воцарилось ошеломленное молчание.

— Знаете, — осторожно произнес Бриз, — за столько времени нам бы следовало понять, что не стоит недооценивать этого парня.

— Уничтожил Ямы? — переспросил Хэм. — Как ты мог уничтожить их? Это же несколько трещин в земле!

— Я, конечно, не сами Ямы разрушил, — пояснил Кельсер. — Я раздробил кристаллы, которые порождают жеоды атиума.

— Все? — недоверчиво спросил Доксон.

— Все, какие сумел найти. Там было несколько сотен карманов. Но с помощью алломантии отыскать их оказалось легче легкого.

— Кристаллы? — смущенно пробормотала Вин.

— Кристаллы атиума, Вин, — сказал Кельсер. — Они рождают жеоды — не думаю, чтобы кто-то понимал, как именно это происходит. Если поблизости от них использовать алломантическую силу, кристаллы крошатся, и понадобятся столетия, чтобы они выросли заново.

— Столетия, в течение которых кристаллы не будут производить атиум, — уточнил Доксон.

— И ты... — ошеломленно выдохнула Вин.

— Я покончил с добычей атиума в Последней империи на ближайšie триста лет.

«Эленд. Дом Венчер. Они отвечали за Ямы. Что сделает Вседержитель, когда узнает?..»

— Ты сумасшедший, — тихо сказал Бриз, пристально глядя на Кельсера. — Атиум — основа имперской экономики... Только с его помощью Вседержитель управляет аристократией. Мы можем теперь и не захватывать сокровищницу, толку-то с нее... Ты полный придурок... ты

великий гений!

Кельсер криво улыбнулся:

— Принимаю оба определения. Инквизиторы уже навещали лавку Колченога?

— Нет, такой информации не поступало, — ответил Доксон.

— Хорошо, — кивнул Кельсер. — Хочется верить, что им не удалось сломать Марша. Тогда они могут и не знать, что все их наблюдательные пункты раскрыты. Ну а теперь, если вы не против, я намерен поспать. Завтра много дел.

Все уставились на него.

— Дел? — спросил наконец Доксон. — Кел... нам, вообще-то, казалось, что можно уже и остановиться. Мы спровоцировали междоусобную войну, ты только что практически уничтожил экономику империи. И теперь, когда мы, вероятно, в розыске, наши планы стали слишком рискованными... Неужели ты действительно думаешь, что мы способны на что-то еще?

Кельсер улыбнулся, с трудом поднялся на ноги и пошел к двери комнаты.

— Завтра поговорим.

*

— Как ты полагаешь, Сэйзед, что он задумал? — спросила Вин, сидя на табурете рядом с очагом, пока террисиец готовил обед.

Кельсер проспал всю ночь и не поднялся даже к полудню.

— Представления не имею, госпожа, — ответил Сэйзед, проверяя ножом тушащееся мясо. — Сейчас в городе беспорядки... Наверное, это весьма подходящий момент, чтобы выступить против Последней империи.

Вин задумалась.

— Я считаю, мы могли бы захватить дворец... Кельсер всегда хотел этого.

Ведь даже если Вседержитель предупрежден, остальные не больно-то понимают, что происходит. Но у нас нет солдат, чтобы хорошенько встряхнуть столицу. Хэм и Бриз так и не закончили набор.

Сэйзед молча пожал плечами.

— Может, Кельсер планирует сделать что-то с самим Вседержителем? — задумчиво пробормотала Вин.

— Не исключено.

— Сэйзед... ты ведь собираешь разные легенды?

— Я хранитель, и я много что собираю, — ответил Сэйзед. — Разные истории, легенды, религиозные учения. Когда я был молод, другой хранитель изложил мне все свои знания, чтобы я мог сохранить их и приумножить.

— Ты когда-нибудь слышал об одиннадцатом металле, о котором постоянно говорит Кельсер?

Сэйзед ответил не сразу.

— Нет, госпожа, — сказал он наконец. — Эта легенда мне неизвестна, я сам услышал ее от мастера Кельсера.

— Но он клянется, что это чистая правда, — возразила Вин. — И я почему-то ему верю.

— Вполне возможно, что я просто не слышал этой легенды, — сказал Сэйзед. — Если бы хранители знали все на свете, зачем бы они продолжали поиски?

Вин кивнула, хотя и не слишком уверенно.

Сэйзед спокойно продолжал помешивать мясо. Он выглядел преисполненным достоинства, даже когда занимался домашними делами. Его, похоже, совсем не беспокоило, что он выполняет работу исчезнувших слуг.

На лестнице прозвучали быстрые шаги, и Вин, насторожившись, соскользнула с табурета.

— Госпожа? — окликнул Сэйзед.

— Кто-то идет, — тихо сказала Вин, подходя к двери.

В комнату ворвался один из подмастерьев Колченога. Вин только и знала, что его зовут Тэйс. Он сменил Лестиборнеса, уехавшего с лордом Рену, и теперь был главным наблюдателем в команде.

— На площади собираются люди, — выдохнул Тэйс.

— Что случилось? — спросил Доксон, появляясь из соседней комнаты.

— Толпа на площади Четырех Фонтанов, мастер Доксон, — ответил юноша. — Глашатаи кричат на улицах, что братство готовит новую казнь.

«Хотят отплатить за Ямы, — подумала Вин. — Быстро они...»

Доксон помрачнел:

— Пора будить Кельсера.

*

— Я намерен посмотреть, — заявил Кельсер, запахивая плащ поверх рабочей одежды.

Сердце Вин упало.

«Опять?..»

— Вы можете заниматься чем угодно, — добавил Кельсер.

После долгого отдыха он выглядел гораздо лучше: переутомление прошло, от Кельсера теперь исходила та сила, которую привыкла видеть Вин.

— Эта казнь, скорее всего, ответ на то, что я сделал в Ямах, — продолжал Кельсер. — Я хочу видеть смерть этих людей, потому что косвенным образом виноват в ней.

— Кел, ты не виноват, — сказал Доксон.

— Все мы виноваты, — резко бросил Кельсер. — Это не значит, что мы сделали что-то дурное... и все равно, если бы не мы, людям не пришлось бы умирать. Поэтому мне кажется, что самое малое, что мы можем сделать для них, — это стать свидетелями их ухода.

Он распахнул дверь и пошел вверх по лестнице. Члены команды один за другим последовали за ним. В убежище остались только Колченог, Сэйзед и подмастерья.

Вин, помедлив, тоже поднялась по пыльным ступеням и присоединилась к остальным уже на грязной трущобной улице. С неба сыпался пепел, его хлопья лениво плыли в воздухе. Кельсер ушел довольно далеко, и остальным — Бризу, Хэму, Доксону и Вин — пришлось догонять его.

Их новое убежище располагалось вблизи площади Четырех Фонтанов, однако Кельсер не дошел до нее несколько кварталов. Мимо него брели скаа с пустыми глазами, собираясь в большую толпу. Вдали слышался колокольный звон.

— Кел? — окликнул Доксон.

Кельсер вскинул голову:

— Вин, слышишь?

Вин прикрыла глаза и воспламенила олово.

«Сосредоточься, — приказала она себе, — как говорил Призрак. Отбрось шум шаркающих ног, голоса людей. Вслушивайся в то, что звучит по ту сторону хлопающих дверей, дыхания толпы. Вслушивайся».

— Лошади, — сказала она, гася олово и открывая глаза. — И экипажи.

— Телеги, — поправил Кельсер, отходя к домам с середины дороги. — Они едут по этой улице.

Он огляделся и вдруг полез вверх по водосточной трубе. Бриз вытаращил глаза, подтолкнул Доксона и показал на входную дверь, но Вин и Хэм,

воспламенив пьютер, полезли вслед за Кельсером.

Доксон и Бриз выбрались на покатуую крышу через чердачное окно. Кельсер уже стоял на краю, глядя в ту сторону, откуда приближались телеги с пленниками.

— Кел, — опасно окликнул Хэм, — что ты задумал?

— Мы рядом с площадью, — неторопливо ответил тот. — А инквизиторы не поедут с пленными — они явятся из дворца, как в прошлый раз. Там не больше сотни солдат в охране...

— Сотня — это много, Кел, — сказал Хэм.

Кельсер как будто не слышал его. Он сделал шаг вперед, очутившись на самом краю.

— Я могу остановить это... могу спасти их.

Вин подошла к нему:

— Кел, даже если охрана невелика, все равно площадь в нескольких кварталах отсюда. Она битком набита солдатами, не говоря уже об инквизиторах!

Как ни странно, Хэм не поддержал ее. Он обернулся и посмотрел на Доксона и Бриза. Доксон помялся и пожал плечами.

— Вы что, все сразу с ума сошли? — спросила Вин.

— Погодите, — сказал Бриз, щурясь. — Я не ищейка, но вам не кажется, что пленники как-то слишком хорошо одеты?

Кельсер замер и крепко выругался. И вдруг спрыгнул с крыши, камнем свалившись на улицу.

— Кел! — вскрикнула Вин. — Что...

Она замолчала, прикрыла глаза ладонью, защищаясь от косого солнечного луча, прорвавшегося сквозь облака, и оглядела медленно приближавшуюся

процессию. Благодаря олову она узнала одного из тех, кто сидел на первой телеге.

Это был Призрак.

*

— Кельсер, что происходит? — резко спросила Вин, падая на мостовую позади него.

Он приостановился.

— Я видел в первой телеге Рену и Призрака. Должно быть, братство узнало их маршрут... в других телегах слуги, стражи — все, кого мы наняли для работы в особняке.

«Их маршрут... Значит, в братстве знают, что Рену — подменьш. Марш все-таки сломался».

Позади них из дома выскочил Хэм и побежал следом. Бриз и Доксон появились чуть погодя.

— Мы должны действовать очень быстро! — сказал Кельсер, ускоряя шаг.

— Кел! — Вин схватила его за руку. — Кельсер, ты не можешь их спасти! Их слишком хорошо охраняют, сейчас день, мы в центре города! Тебя просто убьют!

Он остановился посреди улицы, пытаясь вырвать руку. Потом посмотрел ей в глаза:

— Ты не понимаешь, что это значит, да, Вин? Ты никогда не понимала. Я однажды позволил тебе остановить меня, там, на склоне холма, рядом с полем сражения. Но сейчас — нет. В этот раз я не бессилён.

— Но...

Он резко высвободил руку:

— Тебе еще предстоит кое-что узнать о дружбе, Вин. Надеюсь, однажды ты

все поймешь.

И он помчался дальше навстречу телегам. Хэм пронесся мимо Вин, забирая в другую сторону и расталкивая скаа, тащившихся к площади.

Вин несколько мгновений стояла на месте под падающими хлопьями пепла, пока на нее не налетел Доксон.

— Это безумие, — пробормотала она. — Мы не можем, Докс. Мы не всесильны.

Доксон фыркнул:

— Но и не беспомощны.

Бриз пробежал мимо них, указывая на одну из боковых улиц:

— Туда! Нужно найти место, откуда мне будут видны солдаты.

Вин зачем-то побежала за ним. Внезапно вместе со страхом ее охватил стыд.

«Кельсер...»

*

Кельсер отшвырнул пару пустых флаконов, мгновенно проглотив содержимое. Флаконы сверкнули в воздухе и со звоном разлетелись о камни мостовой. Кельсер нырнул в проулок и выскочил из него на зловещую пустую улицу.

Телеги с пленниками катились прямо на него. Они как раз проезжали небольшую площадь на перекрестке двух улиц. Каждая телега была забрана решетками и битком набита людьми, которые теперь казались Кельсеру смутно знакомыми. Слуги, стражники, горничные... одни из них были мятежниками, другие — нет. И никто не заслуживал смерти.

«Слишком много скаа уже умерло, — думал Кельсер, воспламеняя металлы. — Сотни. Тысячи. Сотни тысяч. Но не сегодня. Хватит».

Он уронил монетку и прыгнул, бросив тело вверх по широкой дуге. Солдаты подняли головы, показывая на него пальцами. Кельсер приземлился в гуще их отряда.

Солдаты изумленно отшатнулись, и Кельсеру хватило этого мгновения. Он напрягся — и толкнул алломантической силой.

С воинственным воплем он стал расшвыривать солдат. Те, кто был закован в латы, отлетели, словно от взрыва. Одни бешено закрутились на месте, другие взмыли в воздух, сбивая с ног соседей, врезаясь в каменные стены...

Поднялся оглушительный крик. Кельсер развернулся, оттолкнулся от чьего-то доспеха и стремительно полетел к пленникам. Он врезался в первую телегу и вцепился в железную решетку.

Пленники испуганно подались назад. Кельсер силой пьютера вырвал дверь и швырнул ее в солдат.

— Бегите! — приказал он, спрыгивая на мостовую.

Повернувшись, он лицом к лицу столкнулся с высоким человеком в коричневой рясе. Кельсер замер и отступил назад... а человек в рясе шел к нему, на ходу сбрасывая капюшон. Пара глаз, пронзенных стальными стержнями, уставилась на Кельсера.

Инквизитор улыbnулся, и тут Кельсер услышал шаги в переулке. Топот десятков ног. Сотен...

*

— Проклятье! — выругался Бриз, когда солдаты наводнили площадь.

Доксон увлек Бриза в переулок. Вин поспешила за ними и притаилась в тени, прислушиваясь к крикам солдат на перекрестке.

— Что там? — резко спросила она.

— Инквизитор! — ответил Бриз, показывая на фигуру в рясе.

— Что? — в ужасе прошептал Доксон.

«Это ловушка», — поняла Вин, онемев от страха.

Солдаты все прибывали и прибывали на площадь, выбегая из боковых улочек.

«Кельсер, беги!»

*

Кельсер оттолкнулся от упавшего солдата и перепрыгнул через телегу. Он опустился на землю и пригнулся, глядя на подошедшее подкрепление. Многие бойцы держали в руках дубины и не носили лат. Туманные убийцы.

Инквизитор, тоже оттолкнувшись от какого-то металлического предмета, взлетел в воздух и приземлился рядом с Кельсером, подняв облако пепла. Тварь улыбалась.

«Это тот самый. Я с ним уже встречался...»

— Где девчонка? — тихо спросил инквизитор.

Кельсер как будто не слышал вопроса.

— А почему ты один? — поинтересовался он.

Улыбка твари стала шире.

— Я вытянул жребий.

Кельсер воспламенил пьютер и метнулся в сторону, когда инквизитор выхватил из-под рясы пару обсидиановых топоров. Площадь была битком набита солдатами. Кельсер слышал, как в клетках кричали люди:

— Лорд Кельсер! Лорд Кельсер! Помоги!

Кельсер тихо выругался, когда инквизитор бросился на него. Он оттолкнулся от клетки и взвился в воздух над головами солдат. Перепрыгнув их, он устремился к ближайшей телеге, намереваясь

освободить пленников. Телега содрогнулась, и Кельсер поднял взгляд. Тварь со стальными глазами усмехалась, стоя на клетке.

Кельсер оттолкнулся и отскочил назад, почувствовав, как один из топоров пронесся рядом с его головой. Он мягко приземлился и увидел ринувшихся на него солдат. Снова сделав огромный прыжок, Кельсер зацепился за одну из клеток и потянул к себе лежавшую на земле дверцу. Решетчатая дверь взлетела и с силой ударила солдат.

В этот момент сзади напал инквизитор, но Кельсер ушел в сторону. Дверца еще крутилась на каменной мостовой, и, пролетая мимо нее, Кельсер оттолкнулся и поднялся выше.

«Вин была права», — разочарованно подумал он.

Внизу он видел инквизитора. Страшные глаза твари неотрывно смотрели на Кельсера.

«Мне не следовало это делать».

Солдаты уже окружили тех скаа, которых он выпустил из клетки.

«Я должен бежать... оторваться от инквизитора. Мне уже удавалось это прежде».

Но... он не мог. На этот раз — нет. Он слишком часто отступал. И даже если это будет стоить ему всего, он должен освободить пленников.

Он уже начал падать и увидел группу людей на перекрестке. Они были вооружены, но не одеты в мундиры. А вел их кто-то знакомый...

«Хэм! Вот куда ты побежал!»

*

— Что это? — встревоженно спросила Вин, глядя на площадь.

Кельсер опускался на землю, и его темный плащ развевался в воздухе.

— Это один из наших отрядов, — ответил Доксон. — Должно быть, Хэм

его привел.

— И сколько там людей?

— Во всех отрядах по две сотни человек.

— Это слишком мало!

Доксон кивнул. Вин выпрямилась:

— Я иду туда.

— Нет, не идешь, — твердо сказал Доксон, хватая ее за плащ. — Напомнить, что случилось, когда ты в прошлый раз столкнулась с инквизитором?

— Но...

— Кел отлично справится, — сказал Доксон. — Он просто будет отвлекать инквизитора до тех пор, пока Хэм не освободит пленных. Потом сбежит. Смотри.

Вин замерла, наблюдая за происходящим.

Рядом негромко бормотал Бриз:

— Да, вам страшно. Сосредоточьтесь на этом. Забудьте все остальное. Помните только о страхе. Там сражаются инквизитор и рожденный туманом — и вы не желаете вмешиваться в это...

Вин посмотрела на площадь: солдаты бросали оружие и разбежались в разные стороны.

«Это тоже способ борьбы», — сообразила она и придвинулась к Бризу.

— Я могу помочь?

*

Кельсер увернулся от удара инквизитора, а отряд Хэма тем временем врезался в гущу имперских солдат и начал пробивать себе дорогу к телегам

с пленниками. Это отвлекло внимание остальных гвардейцев от Кельсера. Они, похоже, были только рады оставить Кельсера с инквизитором наедине и срочно помочь товарищам.

Краем глаза Кельсер заметил, что улочки, выходящие на перекресток, все гуще заполняются народом: скаа, ожидавшие казни на центральной площади, услышали шум сражения и решили посмотреть, что происходит. Еще Кельсер увидел, как несколько взводов имперских солдат пытаются пробиться к перекрестку сквозь толпу, но живая масса скаа изрядно замедляет их продвижение.

Инквизитор взмахнул топором, и Кельсер поднырнул под удар. Тварь явно начинала злиться. Небольшой отряд Хэма уже добрался до телег. Несколько человек быстро взломали замки и выпустили пленников. Остальные тем временем отбивались от имперских солдат, давая пленникам возможность бежать.

Кельсер улыбнулся, наблюдая за раздраженным инквизитором. Тварь тихо рычала.

— Валетт! — громко закричал кто-то.

Кельсер изумленно обернулся. Какой-то человек в дорогой одежде пытался пробиться к центру свалки. Он держал в руках дуэльную трость, его защищали два телохранителя, но молодому человеку явно не грозила опасность — никто не хотел задеть знатного лорда.

— Валетт! — снова закричал Эленд Венчер. Он вцепился в одного из солдат. — Кто приказал захватить караван лорда Рену? Кто отвечает за это?!

«Отлично, — подумал Кельсер. — Нужно продержаться еще немножко, пока Хэм уведет пленников. Потом я заберу тебя отсюда».

Инквизитор небрежно взмахнул топором, и голова одного из убежавших слуг слетела с плеч.

— Нет! — взревел Кельсер, когда обезглавленный труп упал к ногам инквизитора.

Тварь схватила другую жертву, женщину, и подняла топор.

— Хорошо, — процедил Кельсер, делая шаг вперед и выхватывая из-за пояса два флакона с металлами. — Отлично. Хочешь подраться? Вперед!

Тварь ухмыльнулась, отшвырнула женщину и шагнула навстречу.

Кельсер выдернул пробки, залпом осушил оба флакона и небрежно отбросил их. Металлы вспыхнули в груди, тысячекратно усиливая гнев. Его брат мертв. Его жена мертва. Родные, друзья, герои-мятежники... все мертвы.

«Хочешь, чтобы я загорелся жаждой мести? — подумал он. — Ладно, ты ее получишь».

Кельсер остановился в нескольких футах от инквизитора. Стиснув кулаки, он воспламенил сталь. Люди вокруг мгновенно разлетелись в стороны: невидимая сила ударила по их металлическим предметам. На небольшой площади, забитой имперскими солдатами, пленниками, бунтовщиками и просто горожанами, сразу образовалось пустое пространство — вокруг Кельсера и инквизитора.

— Начнем? — спросил Кельсер.

34

Я никогда не хотел никого пугать.

Если я о чем-то и сожалею, так только о том, что порождал страх. Страх — оружие тиранов. К несчастью, когда на кону стоит судьба целого мира, приходится использовать любое оружие, какое только есть под рукой.

Мертвые и умирающие лежали на мостовой. Скаа толпились на боковых улицах. Пленники выкрикивали его имя. Занавешенное дымкой солнце жгло землю.

С неба сыпался пепел.

Кельсер бросился вперед, воспламеняя пьютер и выхватывая кинжалы. И он, и инквизитор поддерживали горение атиума, и у обоих, похоже, хватало металла для долгого боя.

Кельсер пропорол кинжалами раскаленный воздух, метя в инквизитора, и стремительные движения его рук были почти неразличимы. Тварь уклонилась, на миг затерявшись в безумном вихре рожденных атиумом теней, и взмахнула топором.

Кельсер неестественно высоко подпрыгнул — пьютер помог ему — и увернулся от топора. Тут же, оттолкнувшись сталью от чужих доспехов, он бросил тело вперед и обеими ногами ударил инквизитора в лицо.

Инквизитор пошатнулся. Но когда противник падал на землю, тварь дернула силой одного из солдат и швырнула в Кельсера.

Кельсер воспламенил железо, снова оттолкнулся и в то же время подтянулся к летевшему в него солдату. В воздухе возникло нечто вроде водоворота. Кельсера отбросило в сторону, а солдат, привязанный к Кельсеру невидимой веревкой, помчался по широкой дуге, как гиря на цепочке.

Невезучий боец врезался в инквизитора, и оба рухнули на опустевшую клетку для пленников.

Солдат без сознания сполз на землю. Инквизитор свалился с клетки, упав на четвереньки. Струйка крови потекла по лицу твари, заливая обрамленный татуировками глаз, однако инквизитор продолжал улыбаться. Когда он встал, у него, похоже, даже не кружилась голова.

Кельсер опустился на мостовую, сквозь зубы изрыгая проклятия.

Инквизитор молниеносно схватился за прутья пустой клетки и оторвал ее от телеги.

«Да чтоб ты провалился!»

Тварь развернулась и метнула железную клетку в стоявшего неподалеку Кельсера. Времени увернуться не было. А если бы Кельсер попытался оттолкнуться от клетки, то врезался бы в здание за спиной.

Железная махина неслась к нему, и Кельсер подпрыгнул, одновременно бросаясь в открытую дверь клетки. Влетев внутрь, он оттолкнулся сталью сразу во всех направлениях, чтобы удержаться в центре клетки в тот момент, когда она ударилась о стену и отскочила от нее, перевернувшись вверх дном.

Клетка упала и загромычала по камням. Кельсер опустился на ее крышу, превратившуюся в пол, и клетка наконец остановилась. Сквозь решетку в толпе сражающихся он видел инквизитора. Вокруг инквизитора бесновались атиумные тени. Инквизитор наклонил голову, признавая искусство Кельсера.

Кельсер со стоном поджег пьютер и что было силы толкнул сталью. Клетка взорвалась, обломки металлических прутьев взлетели в воздух. Кельсер собрал их и направил металлический дождь на инквизитора.

Тварь вскинула руку, умело разделив поток на две части. Однако за обломками следовал сам Кельсер — с помощью стали он превратился в снаряд. Инквизитор ловко ушел в сторону, используя в качестве якоря очередного невезучего солдата. Солдат закричал, вылетая из гущи схватки, но тут же задохнулся и умолк, когда инквизитор прыгнул, оттолкнувшись от него и придавив несчастного к земле.

Инквизитор взлетел. Кельсер замедлил движение, оттолкнулся от группы

солдат и последовал за инквизитором. За его спиной посыпались на мостовую обломки клетки, и Кельсер воспользовался ими, чтобы рвануть вверх.

Вокруг него медленно падали хлопья пепла. Инквизитор развернулся в воздухе, сменил направление и помчался к Кельсеру.

«Лобовое столкновение вряд ли сулит успех тому, у кого нет в голове железных прутьев».

Кельсер стремительно подтянулся к какому-то солдату, нырнул вниз, и инквизитор пронесся над ним.

Кельсер воспламенил пьютер и тут же столкнулся с солдатом, к которому притягивался. Оба они перевернулись в воздухе. К счастью, солдат носил имперскую форму.

— Прости, приятель, — сказал Кельсер, отталкиваясь.

Солдат полетел в противоположную сторону и врезался в стену дома, а Кельсер взмыл над полем сражения. Внизу главные силы Хэма добрались наконец до последней телеги с пленниками. Однако их теснили имперские солдаты, пробившиеся сквозь толпу. В их числе были и лучники, вооруженные стрелами с обсидиановыми наконечниками.

Кельсер выругался и бросился вниз. Лучники не побоятся стрелять прямо в толпу. Они готовы перебить и своих, лишь бы не дать сбежать пленным.

Кельсер опустил на мостовую и быстро подтянул к себе несколько обломков решетки. Металлические прутья послушно полетели к нему.

Лучники подняли луки, но Кельсер видел тени их еще не совершенных поступков.

Кельсер отпустил металлические прутья и чуть подтолкнул их — так, чтобы они медленно поплыли вперед. Лучники выпустили стрелы.

Кельсер схватился силой за металлические прутья, толкнул за одни их концы и дернул за другие. Путья завертелись в воздухе, превратившись в обезумевшие ветряные мельницы. Большая часть стрел застряла в их

лопастях.

Прутья со звоном упали на мостовую вместе со сломанными стрелами. Лучники тупо смотрели на них, а Кельсер легонько дернул за прутья — и они взлетели в воздух. Он толкнул их к лучникам и отвернулся, когда раздались крики раненых. Его глаза искали настоящего противника.

«Где спряталась эта тварь?»

Кельсер оглядел площадь. Люди дрались, бежали, умирали... и каждый имел свою тень. Тени удваивали количество людей, беспорядочно двигавшихся в суете сражения, и от этого путаница лишь увеличивалась.

На площадь прибывали все новые солдаты. Многие из людей Хэма пали, но большинство отступило — для этого достаточно было бросить оружие и смешаться с толпой скаа. Кельсер беспокоился о последней телеге — там находились Рену и Призрак. Траектория, по которой отряд Хэма врезался в толпу, требовала движения от последней телеги к первой. И если бы они попытались сначала освободить Рену, пришлось бы бросить всех остальных.

Хэм явно не собирался отступать, и там, где дрался он сам, находились главные силы мятежников. Да, не зря тех, кто жжет пьютер, называли громилами: они дрались без изыщества, свойственным хватателям и стрелкам. Хэм просто налетал на врага стремительно и грубо, отшвыривая солдат со своего пути, сминая их и ведя отряд к единственной оставшейся клетке. Когда они добрались до нее, Хэм стал отбиваться от вражеских солдат, а его люди взломали замок.

Кельсер с гордостью улыбнулся, но его глаза продолжали искать инквизитора. Конечно, у него было немного людей, но имперские солдаты явно растерялись, видя решимость мятежников. Люди Кельсера сражались страстно и, несмотря на численное превосходство врага, имели немалое преимущество.

«Вот что происходит, когда наконец убеждаешь людей в необходимости борьбы. Вот мощь, которая кроется в них. Просто ее трудно высвободить».

Рену вылез из клетки и отошел в сторону, наблюдая, как его слуги выбираются на свободу. Внезапно из толпы вынырнул хорошо одетый

человек и схватил Рену за рубашку.

— Где Валетт? — прошипел Эленд Венчер, и отчаяние, прозвучавшее в его голосе, достигло обостренного слуха Кельсера. — В какой клетке?

«Мальш, ты начинаешь не на шутку меня раздражать», — подумал Кельсер, алломантической силой раздвигая солдат и спеша к телеге.

В этот момент появился инквизитор — вынырнул из-за спин солдат. Тварь с грохотом приземлилась на крышу клетки, и в каждой ее руке был зажат обсидиановый топор. Инквизитор встретился взглядом с Кельсером и улыбнулся, а потом спрыгнул и вонзил топор в спину Рену.

Кандра коротко вскрикнул, широко раскрыв глаза. А инквизитор уже повернулся к Эленду. Кельсер не был уверен, что тварь узнала юношу. Возможно, инквизитор принял Эленда за члена семьи Рену. А может, ему было все равно. Долю мгновения Кельсер медлил. Инквизитор взмахнул топором.

«Вин любит его».

Кельсер воспламенил сталь до жара в груди и с силой оттолкнулся от солдат за спиной, чтобы ринуться на инквизитора. Он обрушился на тварь как раз в тот момент, когда та уже опускала топор.

Вылетевший из руки топор ударился о камни в нескольких футах от инквизитора. Кельсер схватил тварь за горло, и оба упали. Кельсер напрягал налитые пьютером мышцы. Инквизитор держал Кельсера за руки, отчаянно пытаясь оторвать от себя рожденного туманом.

«Марш был прав, — успел подумать Кельсер в пылу схватки. — Тварь боится за свою жизнь. Ее можно убить».

Инквизитор судорожно вздохнул, металлические стержни, торчавшие из глаз, находились в нескольких дюймах от лица Кельсера. Краем глаза Кельсер заметил Эленда Венчера, пятившегося от них.

— Девочка в порядке! — процедил Кельсер сквозь стиснутые зубы. — Ее не было на баржах Рену. Беги!

Эленд неуверенно топтался на месте, но наконец появился один из его охранников, и юноша позволил увести себя.

«Поверить не могу... я только что спас вельможу! — подумал Кельсер, продолжая душировать инквизитора. — Надеюсь, дитя, ты оценишь это по достоинству».

Инквизитор медленно, с величайшим усилием отвел руки Кельсера от своего горла и улыбнулся.

«До чего же мощная бестия!»

Инквизитор оттолкнул Кельсера, притянулся к какому-то солдату и заскользил по мостовой. Налетев на валявшийся труп, он стремительно вскочил на ноги. Его горло было красным, расцарапанным, но он улыбался...

Кельсер тоже поднялся. Рядом с телегой он увидел лежащего Рену. Кельсер посмотрел кандре в глаза и чуть заметно кивнул. Рену вытянулся на земле. Из его спины торчал топор.

— Кельсер! — где-то в толпе крикнул Хэм.

— Беги! — заорал Кельсер. — Рену мертв!

Хэм выскочил из-за телеги, глянул на тело Рену и кивнул. Тут же он повернулся к своим людям, раздавая приказы.

— Выживший!.. — произнес чей-то хриплый голос.

Кельсер резко обернулся. Инквизитор решительно надвигался на него, окруженный свитой теней.

— Выживший в Хатсине, — сказала тварь, — ты обещал мне схватку. Должен ли я убить еще скаа?

Кельсер воспламенил все свои металлы.

— Я и не говорил, что мы закончили. — И улыбнулся.

Он не боялся, не чувствовал боли, ему было весело. Всю жизнь в нем жило желание сражаться.

И он всегда хотел выяснить, сможет ли одолеть инквизитора.

*

Вин в отчаянии всматривалась в толпу.

— Что такое? — спросил Доксон.

— Мне кажется, я видела Эленда!

— Здесь?! Звучит довольно глупо, не находишь?

Вин покраснела.

«Может быть».

— Я намерена выяснить, так это или нет.

— Осторожнее, — предупредил Доксон. — Если инквизитор тебя увидит...

Вин кивнула и полезла вверх по стене. Забравшись достаточно высоко, она снова стала всматриваться в перекресток, ища знакомую фигуру. Доксон прав: Эленда тут явно не было. Одна из телег — та, с которой инквизитор сорвал клетку, — лежала на боку. Лошади топтались рядом, их окружали дерущиеся скаа.

— Что ты видишь? — крикнул снизу Доксон.

— Рену упал! — ответила Вин, поджигая олово. — Похоже, у него топор в спине!

— Может, это и не убьет его, — с сомнением в голосе сказал Доксон. — Я не слишком много знаю о кандре.

«Кандра?»

— А другие пленники? — спросил Доксон.

— Сбежали, — сообщила Вин. — Клетки пусты. Докс, там столько скаа!

Похоже, что все, кто пришел на площадь Четырех Фонтанов, уже перебрались сюда. Все было забито людьми, и Вин видела тысячи скаа, толпившихся на соседних улицах.

— Хэма я не вижу, — продолжала Вин. — Ни среди живых, ни среди мертвых. И Призрака тоже.

— А Кел? — спросил Доксон.

Вин ответила не сразу.

— Все еще бьется с инквизитором, — сказала она наконец.

*

Кельсер воспламенил пьютер, продолжая молотить инквизитора кулаками по лицу, но стараясь не задевать металлических стержней в глазах. Инквизитор пошатнулся, и Кельсер врезал ему в живот. Тварь зарычала и с размаху ударила Кельсера по лицу, сбив его с ног.

Кельсер потрянул головой.

«Да как же прикончить этого уroda?» — подумал он, вскакивая на ноги.

Инквизитор шагнул к нему. Кое-кто из имперских солдат продолжал искать в толпе Хэма и его людей, но многие давно прекратили. О поединках между могущественными алломантами ходили легенды, но никто не видел их собственными глазами. И солдаты, и простые горожане ошеломленно и благоговейно наблюдали за сражением.

«Он сильнее меня, и намного, — вынужден был признать Кельсер, внимательно наблюдая за инквизитором. — Но сила — это еще не все».

Кельсер прикрыл глаза и потянул к себе разные мелкие металлические предметы, забирая их у владельцев, — оловянные чашки, стальные мечи, кошельки с монетами, кинжалы. Собрав, он метнул их в противника, поддерживая при этом горение атиума, чтобы каждый предмет раздвоился в глазах инквизитора.

Инквизитор негромко выругался, отбиваясь от металлического дождя. Кельсер воспользовался тем, что тварь отталкивает от себя металл, и слегка потянул, заставив все вещи завертеться вокруг нее. Инквизитор сталью разорвал кольцо, и Кельсер тут же отпустил его. Но как только инквизитор прекратил отталкивать металл, Кельсер подтянул все к себе.

Имперские солдаты образовали круг, с опаской глядя на происходящее. Кельсер воспользовался этим. Отталкиваясь от доспехов, он взлетел в воздух и начал метаться. Непрерывно двигаясь, он запутывал инквизитора, получив возможность швыряться в тварь металлическими предметами.

*

— Обрати внимание на пряжку моего ремня, — попросил Доксон, взобравшись по стене наверх и пристроившись рядом с Вин. — Если я свалюсь, потяни за нее, чтобы я не расшибся.

Вин кивнула, почти не замечая присутствия Доксона. Она не сводила глаз с Кельсера.

— Он великолепен!

Кельсер метался в воздухе, и его ноги не касались земли. Металлический вихрь крутился вокруг него. Кельсер управлял им с непревзойденным мастерством. Инквизитор яростно отбивался, но ясно было, что ему трудно уследить за всеми снарядами.

«Я недооценивала Кельсера, — подумала Вин. — Я полагала, что кое в чем он неискусен, потому что он не уделяет внимания некоторым вещам... Но дело-то не в этом. Вот. Вот его главное искусство — невообразимая точность в толкании и притягивании металлов. И меня он учил обращаться именно со сталью и железом. Может, он всегда знал, зачем это нужно...»

*

Кельсер волчком вертелся в центре металлического урагана. Каждый раз, когда один из предметов падал на землю, Кельсер подхватывал его и снова вовлекал в круговорот. При этом сам Кельсер ни мгновения не оставался на месте, толкая и притягивая, поддерживая металлические снаряды в воздухе и периодически швыряя их в инквизитора.

Тварь отбивалась, явно смущенная. Инквизитор пытался отталкивать снаряды строго вверх, но Кельсер тут же подвесил несколько предметов покрупнее прямо над головой противника, и твари пришлось сначала избавиться от них, чтобы не возникло рикошета.

Наконец обломок железной клетки ударил инквизитора в лицо.

Тварь пошатнулась, по ее виску потекла кровь, залив татуировки.

Кельсер тут же принялся метать в инквизитора все, что попадалось под руку. Его гнев перешел все мыслимые пределы.

— Это ты убил Марша? — закричал он, совершенно не интересуясь ответом. — Это ты был во дворце, когда меня приговорили к Ямам?

Инквизитор вскинул руку, отталкивая очередную волну, и отшатнулся, прижавшись спиной к перевернутой деревянной телеге.

Кельсер слышал, как тварь зарычала, и внезапный удар бешеной алломантической силы пронесся сквозь толпу, сбив с ног солдат и разметав металлическое облако Кельсера.

Кельсер бросился на инквизитора, подхватив с мостовой камень.

Тварь повернулась к нему лицом. Кельсер, испустив отчаянный вопль, ударил ее булыжником, и сила его ненависти была, наверное, больше, чем сила пьютера.

Камень угодил инквизитору точно между глаз. Голова твари откинулась назад, ударившись о дно лежавшей на боку телеги. Кельсер, продолжая кричать, обрушил камень еще раз, и еще, и еще...

Инквизитор взвыл от боли, протянул к Кельсеру скрюченные пальцы и попытался встать, но вдруг замер. Его голова оказалась прибитой к телеге. Металлические стержни, пронзавшие череп насквозь, от ударов Кельсера глубоко вошли в дерево.

Кельсер улыбнулся, когда тварь завизжала от ярости, пытаясь вырваться. Он огляделся, подыскивая подходящий предмет, поддел ногой труп и подхватил с земли обсидиановый топор. Грубо отполированное лезвие

блеснуло в красном солнечном свете.

— Я рад, что ты уговорил меня на поединок, — насмешливо сказал Кельсер.

Схватив топор обеими руками, он замахнулся и вонзил его в шею инквизитора. Удар был такой силы, что топор застрял в досках телеги.

Тело инквизитора сползло на мостовую, а голова осталась там, где была, — припиленная к дну телеги собственными металлическими стержнями. Окруженные татуировками глаза продолжали неестественно и зловеще таращиться на Кельсера.

Кельсер повернулся к толпе, внезапно ощутив невыносимую усталость. Все тело болело от ушибов и порезов. Он понятия не имел, где и когда потерял свой плащ. Но все равно он вызывающе взглянул на солдат. Покрытые шрамами руки были выставлены на всеобщее обозрение.

— Это Выживший в Хатсине! — прошептал один из скаа.

— Он убил инквизитора... — с благоговением произнес другой.

И тут поднялся шум. Скаа, заполонившие соседние улицы, начали выкрикивать его имя. Солдаты оглядывались по сторонам, с ужасом осознавая, что плотно окружены толпой. Горожане стали теснить их, и Кельсер ощутил гнев и надежду людей.

«Может, все должно пойти не так, как я предполагал? — подумал Кельсер, глядя на скаа. — Может, мне не стоило?..»

И тут их настиг удар. Как будто туча вдруг набежала на солнце, как будто внезапно налетела буря... как будто кто-то притушил двумя пальцами фитилек свечи. Люди съежились, крики затихли. Огонек, который разжег в горожанах Кельсер, не успел как следует разгореться.

«Почти получилось», — подумал он.

Черная карета перевалила через гребень холма и покатила к площади Четырех Фонтанов. Прибыл Вседержитель.

*

Вин едва не свалилась со стены, когда ее накрыла волна чудовищной депрессии. Она быстро зажгла медь, но, как обычно, продолжала чувствовать давление даже сквозь завесу.

— Вседержитель! — пробормотал Доксон, но Вин не поняла, выругался он или просто сообщил факт.

Скаа, плотно забившие улицы и площадь, умудрились освободить дорогу черной карете. Она прокатилась по живому коридору к усыпанному трупами перекрестку.

Солдаты отступили, а Кельсер пошел навстречу экипажу.

— Что он делает? — спросила Вин. — Почему не бежит? Это же не инквизитор... тут и речи не может быть о схватке!

— Он сам хотел этого, — с благоговением ответил Доксон. — Он этого ждал. Шанса встретиться лицом к лицу с Вседержителем и подтвердить легенды...

Вин перевела взгляд на площадь. Карета остановилась.

— Но... — тихо сказала она. — Одиннадцатый металл. Он взял его с собой?

— Наверняка.

«Кельсер всегда говорил, что его главная задача — Вседержитель, — подумала Вин. — Он готов был оставить нам все: знатных людей, гарнизон, братство. Но это Кельсер хотел сделать сам».

Вседержитель вышел из кареты, и Вин воспламенила олово. Вседержитель выглядел как...

Обычный человек.

Он был одет в черно-белый костюм, такой же, как носили вельможи, только более щегольской. Камзол спадал до пят и волочился по земле. Жилет на

нем был не цветным, а черным, с ослепительно-белой отделкой. На его пальцах сверкали кольца — символы силы и власти.

Эти кольца как будто говорили: «Я настолько сильнее всех вас, что для меня не имеет значения, ношу ли я металлы».

Вседержитель оказался вдобавок хорош собой. У него были черные как смоль волосы и бледная кожа. Высокий и стройный, он держался очень уверенно. И он казался молодым — моложе, чем могла предположить Вин, даже моложе Кельсера... Он широким шагом пересек площадь, обходя трупы, а солдаты тем временем заталкивали скаа по углам.

Внезапно сквозь строй прорвалась небольшая группа вооруженных чем попало людей. Тот, кто вел мятежников, показался Вин знакомым. Это был один из громил — помощников Хэма.

— За мою жену! — закричал громила, бросаясь вперед с копьем наперевес.

— За лорда Кельсера! — закричали остальные четверо.

«О нет!» — мысленно ужаснулась Вин.

Вседержитель просто не обратил внимания на мятежников.

Их главарь испустил боевой клич и метнул копье в грудь Вседержителю.

Тот продолжал идти, хотя из его груди торчало копье.

Мятежник замер, выхватил другое копье из рук своего товарища и метнул в спину Вседержителя. Тот даже не оглянулся, как будто мятежники со всеми их выходками были чем-то совершенно несущественным.

Мятежник отступил и тут же обернулся, услышав крики своих друзей. Они уже падали наземь под ударами топора невесть откуда взявшегося инквизитора. Он сам рухнул рядом с ними. Инквизитор встал над трупами, насмешливо улыбаясь.

А Вседержитель спокойно шел вперед, как будто не замечая, что из его тела торчат два копья. Кельсер стоял на месте, ожидая. Он выглядел настоящим оборванцем в изодранной одежде скаа. Но он был горд, он не склонил

головы, не согнулся под силой Вседержителя.

Вседержитель остановился в паре шагов от Кельсера. Копье почти касалось груди рожденного туманом. Черный пепел неторопливо сыпался с неба, хлопья кружились в воздухе. На площадь опустилась зловещая тишина. Даже инквизитор замер. Вин наклонилась вперед, ухватившись за шершавые камни, чтобы не свалиться.

«Сделай же что-нибудь, Кельсер! Используй металлы!»

Вседержитель посмотрел на инквизитора, убитого Кельсером.

— С ними нелегко справиться, — заметил он.

Слух Вин, обостренный горением олова, уловил странный акцент в речи Вседержителя.

Даже с такого расстояния она видела, что Кельсер улыбается.

— Я ведь однажды уже убил тебя, — сказал Вседержитель, переводя взгляд на Кельсера.

— Ты пытался, — ответил Кельсер громко и твердо, и его голос разнесся над площадью. — Но ты не можешь меня уничтожить, лорд тиран! Я есть то, чего тебе никогда не убить. Я есть надежда!

Вседержитель презрительно фыркнул. И, небрежно взмахнув рукой, тыльной стороной ударил Кельсера по лицу с такой силой, что Вин услышала треск, разнесшийся над притихшей площадью.

Кельсер повернулся на месте и упал, разбрызгивая фонтан крови.

— Нет! — закричала Вин.

Вседержитель выдернул из себя копье и пронзил грудь Кельсера.

— Начинайте казни, — сказал он, направляясь к карете.

На ходу он вытащил второе копье и отбросил в сторону. На площади воцарился хаос. Подгоняемые инквизитором солдаты очнулись и бросились

на толпу. С главной площади прибыли другие инквизиторы, верхом на черных конях. Черные топоры поблескивали в лучах полуденного солнца. Но ничего этого Вин уже не замечала.

— Кельсер! — кричала она.

Его тело лежало там, где упало, из груди торчало копье, алая кровь разлилась вокруг огромной лужей. «Нет. Нет. Нет!»

Вин спрыгнула со стены, оттолкнулась от кого-то и бросилась на перекресток. Она приземлилась в центре пустой площади — Вседержитель уехал, инквизиторы были слишком заняты истреблением скаа. Вин подошла к Кельсеру.

От левой половины его лица почти ничего не осталось. Но правая... правая все еще улыбалась, а единственный уцелевший глаз, хоть и мертвый, смотрел в красно-черное небо. Пепел мягко ложился на лицо Кельсера.

— Кельсер, нет... — повторила Вин, давясь слезами.

Она взяла его за руку, пытаясь нащупать пульс. Конечно, пульса не было.

— Ты же говорил, тебя нельзя убить! — рыдала Вин. — Что теперь будет с твоим планом? С одиннадцатым металлом? Со мной?

Кельсер не шевелился. Вин почти ничего не видела сквозь слезы.

«Это невозможно... Он всегда говорил, что мы не неуязвимы... но это касалось только меня. Не его. Не Кельсера. Он был неуязвим! Он должен был быть неуязвим!»

Кто-то схватил ее за руку, и Вин, вскрикнув, дернулась.

— Уходим, дитя, — сказал Хэм.

Он посмотрел на Кельсера, не веря, что командир действительно мертв.

Потом он потащил Вин прочь. Та пыталась сопротивляться, но у нее почти не осталось сил. И где-то в ее голове раздался голос Рина: «Вот видишь? А я говорил, что он тебя бросит. Я предупреждал. Я обещал тебе».

Часть пятая

Верящие в Утраченный Мир

Я знаю, что случится, если я совершу неправильный выбор. Я должен быть сильным, я не должен забрать себе власть. Потому что я уже видел, что будет, если я это сделаю.

Кельсер говорил: „Если хочешь работать со мной, прошу об одном — доверяй мне“».

Вин неподвижно висела в тумане. Туман тек мимо нее медленным потоком. Над ней, под ней, вокруг нее... Везде — туман.

«Доверяй мне, Вин, — говорил он. — Ты ведь доверилась мне настолько, что прыгнула со стены, и я поймал тебя. Доверься и на этот раз. Я тебя поймаю. Поймаю».

Она как будто находилась в пустоте. Среди тумана — и вне его. Как она завидовала туману!.. Он не думает. Не тревожится.

Ему не больно.

«Я верила тебе, Кельсер, — думала Вин. — Я действительно тебе верила, но ты меня бросил. Ты обещал, что меня никто не предаст. И что же? Ты сам меня предал!»

Она висела в воздухе. Олово, позволявшее лучше видеть в тумане, подходило к концу. Туман, холодный, влажный, напоминал ей слезы мертвеца.

«Но почему это так важно для меня? — думала она, глядя вверх. — Почему вообще что-либо имеет значение? Что ты говорил, Кельсер? Что я никогда не понимала тебя по-настоящему? Что мне нужно учиться дружбе? А ты сам? Ты даже не схватился с ним».

В ее памяти вновь всплыли недавние картины. Вседержитель нанес Кельсеру оскорбительный удар. И выживший в Ямах Хатсина умер как обычный человек.

«Может, ты поэтому не стал обещать мне, что никогда меня не оставишь?»

Вин хотелось уйти куда-нибудь. Сбежать. Уплыть. Превратиться в туман. Когда-то она желала свободы, а потом решила, что действительно нашла ее. Она ошибалась. Это не свобода — это пустота внутри...

Она была той же, что и прежде, в те дни, когда ее бросил Рин. Никакой разницы. Только Рин оставался честен. Он всегда говорил, что однажды уйдет. А Кельсер вел ее вперед, твердя о доверии и любви, но прав оказался Рин.

— Я не хочу больше всем этим заниматься, — прошептала Вин туману. — Ты мог бы просто забрать меня?

Туман не ответил. Он продолжал безмятежно кружить возле нее. Он постоянно менялся, но всегда оставался прежним...

— Госпожа? — послышался снизу неуверенный голос. — Госпожа, это вы?

Вин вздохнула, воспламенила остатки олова, пригасила сталь и начала опускаться. Ее плащ развевался, пока она падала сквозь туман. Она бесшумно приземлилась на крышу их убежища. Сэйзед стоял неподалеку, рядом с железной лестницей.

— Что, Сэйзед? — устало спросила она, подтягивая к себе три монеты, которые использовала, чтобы зависнуть в воздухе.

— Простите, госпожа, — сказал Сэйзед. — Я просто не знал, куда вы подевались.

Вин молча пожала плечами.

— Сегодня удивительно тихая ночь, мне кажется, — заметил Сэйзед. — Траурная ночь.

Сотни скаа были убиты вслед за Кельсером, еще сотни — раздавлены во время панического бегства.

— Хотелось бы мне знать, есть ли смысл в его смерти, — тихо проговорила Вин. — Мы, возможно, спасли куда больше людей, чем погибло сегодня.

— Мастер Хэммонд любит задавать вопросы, — сказал Сэйзед. — Но даже он не знает всех ответов. Просто есть на свете злые люди... так же как есть и добрые.

Вин покачала головой:

— Я ошибалась в Кельсере. Он не был добрым человеком... Он был просто лжецом. И никогда не знал, как победить Вседержителя.

— Возможно. А возможно, ему просто не удалось осуществить свой план. Или мы не понимали, что именно он задумал.

— Ты говоришь так, будто до сих пор веришь ему. — Вин отвернулась, подошла к краю плоской крыши и уставилась на темный примолкший город.

— Я верю, госпожа, — сказал Сэйзед.

— Да как ты можешь?

Сэйзед подошел к ней и встал рядом.

— Вера — это не то, что существует только в спокойные и ясные времена, я думаю. Чего вообще стоит вера, если ты отказываешься от нее после неудачи?

Вин нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

— Любой может верить в то, что всегда приносит успех, госпожа, — продолжал Сэйзед. — Но в случае неудачи... тогда трудно верить, верить все так же искренне. Очень трудно, мне кажется.

Вин пожала плечами:

— Кельсер этого не заслужил.

— Вы не верите самой себе, госпожа, — тихо произнес Сэйзед. — Вы просто гневаетесь из-за того, что случилось. Вам больно.

— Нет, я говорю серьезно, — возразила Вин, чувствуя, как по щеке ползет

слезинка. — Он недостоин нашего доверия. И никогда не был достоин.

— Скаа думают иначе. Легенды о нем разносятся с огромной скоростью, и их становится все больше. Мне придется вскоре вернуться и собрать их воедино.

Вин нахмурилась:

— Ты будешь собирать рассказы о Кельсере?

— Разумеется, — кивнул Сэйзед. — Я собираю все религии.

Вин фыркнула:

— Мы сейчас не о религии говорим, Сэйзед. Мы говорим о Келе.

— Не согласен. Для скаа он определенно религиозная фигура.

— Но мы-то знали его! Он не был ни пророком, ни божеством. Он был обычным человеком.

— Думаю, многие божества и пророки были точно такими же людьми, — тихо сказал Сэйзед.

Вин снова покачала головой. Они немного постояли молча, глядя в темноту.

— А чем занимаются остальные? — спросила наконец Вин.

— Обсуждают, что делать дальше. Уверен, они решили покинуть Лютадель порознь и искать укрытия в других городах.

— А... ты?

— Я должен отправиться на север — на мою родину, туда, где скрываются хранители, чтобы поделиться с ними накопленными знаниями. Должен рассказать братьям и сестрам о дневнике Вседержителя, особенно то, что касается нашего соплеменника Рашека. В этой истории много поучительного, мне кажется.

«Конечно, — подумала Вин. — Конечно, он тоже уйдет».

— Я вернусь, — пообещал Сэйзед.

«Ага, вернешься! Как и все остальные!»

Благодаря команде она какое-то время чувствовала себя нужной, но всегда знала, что этому придет конец. Наступит пора вернуться на улицу. Остаться одной.

— Госпожа, — осторожно произнес Сэйзед, — вы слышите?

Вин недоуменно пожала плечами. Да, в городе действительно раздавались голоса. Голоса? Вин нахмурилась и прошла в противоположный угол крыши. Голоса стали громче, их уже было отчетливо слышно даже простым слухом. Вин пригляделась.

Внизу стояли скаа — может, человек десять. Воровская шайка? Вин как раз пыталась разобраться, когда к ней подошел Сэйзед. Скаа все прибывали, осторожно выбираясь из перенаселенных домов.

— Идемте, — сказал мужчина, стоявший перед собравшимися. — И не бойтесь тумана. Разве Выжившего в Хатсине не звали властелином тумана? Разве он не говорил, что тумана бояться не нужно? И в самом деле, туман только прикрывает нас, защищает. Даже дает нам силу!

Все больше скаа выходило из своих домов, хотя их никто не звал. Толпа росла.

— Приведи остальных, — сказала Вин Сэйзеду.

— Хорошая мысль.

Сэйзед быстро пошел к лестнице.

— Ваши друзья, ваши дети, ваши отцы и матери, ваши жены и возлюбленные, — продолжал мужчина, зажигая фонарь и поднимая над головой, — они лежат сейчас мертвые на улице, в получасе ходьбы отсюда. Вседержитель не приказал даже убрать тела!

Толпа согласно загудела.

— А если бы их и убрали, — снова заговорил скаа, — разве руками Вседержителя были бы выкопаны могилы? Нет, их копали бы мы. Лорд Кельсер говорил и об этом.

— Лорд Кельсер! — воскликнуло несколько человек.

Толпа все разрасталась, к ней присоединились женщины и подростки.

Лестница звякнула, возвещая о прибытии Хэммонда. Вслед за ним на крышу поднялись Сэйзед, Бриз, Доксон, Призрак и даже Колченог.

— Лорд Кельсер! — выкрикнул все тот же мужчина.

Над толпой вспыхнуло несколько факелов, осветивших туман.

— Лорд Кельсер сегодня сражался за нас! Он убил бессмертного инквизитора!

Толпа согласно заворчала.

— Но он умер! — выкрикнул кто-то.

Повисло молчание.

— А что мы сделали, чтобы помочь ему? — спросил вожак. — Нас были тысячи. Мы пришли ему на помощь? Нет! Мы стояли и смотрели, как он бился за нас. Просто смотрели, как он погибает! Но что мы видели? Что сказал Выживший в Хатсине? Что Вседержитель никогда не сможет убить его. Лорд Кельсер — властелин тумана! Разве он не с нами сейчас?

Вин повернулась и посмотрела на членов команды. Хэм внимательно наблюдал за происходящим, но Бриз встретился взглядом с Вин и пожал плечами.

— Парень явно свихнулся на религиозной почве.

— Я говорю вам, друзья, — кричал мужчина на улице. — Я говорю, а вы услышите! Лорд Кельсер явился мне сегодня вечером! Он сказал, что всегда будет с нами! Неужели мы снова позволим одолеть его?

— Нет! — дружно закричала толпа.

Бриз покачал головой:

— Не думаю, что это будет иметь выход. Для такой малочисленной...

— А там что? — воскликнул Доксон.

Вин посмотрела вниз и нахмурилась. Вдали вспыхнул свет. Как будто в тумане загорелись еще факелы. А потом и в другой стороне, на востоке, появилось светлое пятно. За ним третье. Четвертое. Через несколько мгновений вся столица пылала.

— Ты безумный гений!.. — прошептал Доксон.

— О чем ты? — спросил Колченог.

— Об этом, — сказал Доксон, показывая на город. — Вот что мы с вами упустили. Атиум, армия, вельможи... на самом деле Кельсер думал о другом. Вот его настоящая работа! Он никогда и не предполагал, что наша команда опрокинет Последнюю империю, — нас слишком мало. А вот население столицы...

— Ты хочешь сказать, он намеренно это сделал? — уточнил Бриз.

— Он постоянно задавал мне один и тот же вопрос, — тихо сказал Сэйзед, стоявший позади всех. — Он спрашивал, что придает религии такую огромную силу. И каждый раз я отвечал ему одинаково... — Сэйзед, вскинув голову, обвел всех взглядом. — Я говорил, что у верующих должно быть нечто такое, что они страстно любили бы. Нечто... или некто.

— Но почему он нам ничего не сказал? — спросил Бриз.

— Потому что он знал, — пояснил Доксон, — знал то, с чем мы никогда не согласились бы. Знал, что ему придется умереть.

Бриз покачал головой:

— Ну нет, меня так просто не проведешь. Зачем он тогда вообще связался с нами? Он мог проделать это и в одиночку.

«Действительно, зачем?»

— Докс, — сказала Вин, стремительно разворачиваясь. — Где находится тот склад, который арендовал Кельсер? Для осведомителей?

— Недалеко, — после небольшой паузы ответил Доксон. — В двух кварталах отсюда. Он говорил, ему нужно место рядом с убежищем...

— Покажи! — потребовала Вин.

Внизу продолжала шуметь толпа скаа — все громче и громче. Улица была ярко освещена, в тумане полыхали факелы...

Команда отправилась вслед за Доксоном. Арендованный склад оказался большим приземистым строением в промышленной части трущоб. Он выглядел таким же жалким, как и все окружавшие его здания. Вин подошла к двери и, воспламенив пьютер, одним ударом сбила замок.

Дверь распахнулась. Доксон высоко поднял фонарь, и его лучи упали на груды блестящего металла. Это было оружие. Мечи, топоры, боевые дубины и шлемы — все это сверкало, поражая воображение своим количеством.

Команда восхищенно застыла, разглядывая сокровище.

— Вот в чем дело, — тихо сказала Вин. — Ему нужен был Рену, чтобы прикрывать закупки такого количества оружия. Он знал, что мятежникам оно понадобится, если они действительно решатся захватить город.

— Тогда зачем мы собирали армию? — недоуменно спросил Хэм. — Это что, тоже было прикрытие?

— Наверное, — пожала плечами Вин.

— Вы ошибаетесь, — произнес чей-то гулкий голос. — Здесь кроется нечто больше.

Все вздрогнули от неожиданности, а Вин мгновенно воспламенила металлы... и поняла, чей это голос.

— Рену? — окликнула она.

Доксон поднял фонарь повыше.

— Ну-ка, покажись нам!

Какая-то фигура вышла из глубины склада, держась в тени. Но когда она заговорила, голос ее остался тем же — голосом лорда Рену.

— Армия нужна была, чтобы у мятежников появились хорошо обученные командиры. Этому замыслу помешали известные события. Но вы были необходимы ему и для другого. После падения Великих Домов в политической структуре образуются пустоты. Кто-то должен их заполнить. А гарнизон требовалось вывести из столицы, чтобы солдаты не перебили всех скаа.

— То есть он изначально это задумал, — изумленно произнес Хэм. — Кельсер знал, что скаа сами не восстанут. Их слишком долго били и унижали, учили думать, что их тела и души принадлежат Вседержителю. Он понимал, что они не взбунтуются, если... он не даст им нового бога.

— Да, — подтвердил Рену, шагая вперед.

Свет упал на его лицо, и Вин задохнулась от изумления.

— Кельсер! — взвизгнула она.

Хэм схватил ее за плечо:

— Осторожнее, детка! Это не он!

Существо посмотрело на Вин. Да, у него было лицо Кельсера, но вот глаза... глаза глядели по-другому. И еще на лице не было привычной улыбки. Оно казалось пустым. Мертвым.

— Приношу свои извинения, — сказала существо. — Но это моя часть плана, и именно поэтому Кельсер в свое время связался со мной. Я должен был забрать его тело, когда он умрет, и появиться перед его последователями, чтобы вселить в них веру.

— Но что ты такое? — спросила охваченная ужасом Вин.

Рену — Кельсер посмотрел на нее, и лицо его вдруг сделалось прозрачным. Вин увидела череп сквозь светящуюся кожу... и вспомнила.

— Туманный призрак...

— Кандра, — уточнило существо, и его кожа утратила прозрачность. — Туманный призрак, который... вырос, с позволения сказать.

Вин отвернулась: ей стало противно. Она вспомнила ту тварь, что когда-то видела в тумане. Пожиратель трупов — так назвал его Кельсер... существо, которое переваривало чужие тела, воспроизводя внешность умерших.

«Выходит, легенды еще более правдивы, чем я думала».

— Вы все тоже были частью его плана, — сказал кандра. — Все. Вы спрашиваете, зачем он собрал команду? Он нуждался в честных, добродетельных людях, которых куда больше тревожит благополучие других, чем собственное богатство. Он выдвигал вас вперед, перед армией и толпой, позволял вам руководить. Да, он использовал вас... и учил.

Существо посмотрело последовательно на Доксона, Бриза и Хэма.

— Чиновник, политик, генерал. Новому народу, которому вот-вот предстоит родиться, понадобятся талантливые люди. — Кандра показал на большой лист бумаги, пришпиленный к столу. — Вот чему вы должны следовать. Простите, у меня дела в городе.

Существо повернулось, собираясь уйти, но остановилось перед Вин, обратив к ней лицо, так похожее на лицо Кельсера. Сам по себе кандра не напоминал ни Рену, ни Кельсера. Он выглядел слишком бесстрастным.

Кандра протянул Вин маленький кошелек:

— Он просил передать тебе это.

Опустив кошелек в ладонь Вин, он пошел дальше, и команда расступилась, давая ему дорогу.

Первым в сторону стола повернулся Бриз, но Хэм и Доксон обогнали его. Вин смотрела на кошелек. Она боялась заглянуть внутрь, поэтому поспешила за остальными.

Лист оказался картой города, скопированной с той самой, которую прислал Марш. Поверх нее обнаружилось письмо.

Друзья мои! Вам нужно многое успеть, и вы должны действовать быстро. Организуйте раздачу оружия из этого склада и двух остальных, в других районах города. В боковом помещении вы найдете лошадей, они ускорят ваши передвижения.

Как только раздадите оружие, возьмите под охрану городские ворота и нейтрализуйте остатки гарнизона. Бриз, твои люди способны на это — отправляйся с ними к казармам, чтобы захватить ворота без боя.

Сейчас в столице остается четыре Великих Дома, обладающих реальной военной силой. Я нанес на карту расположение их отрядов. Хэм, вы легко с ними управитесь. Нам не нужно, чтобы солдаты напали на людей в городе.

Доксон, оставайся на складе, пока не начнутся бои. Сюда будут подходить все новые и новые скаа — когда по городу разнесутся вести. В отряды Бриза и Хэма войдут те, кого мы уже обучили, а также новички, я надеюсь, — то есть те, кто собирается сейчас на улицах. Ты должен убедиться, что обученные скаа получили оружие, и тогда Колченог сможет повести их на дворец.

Точки гашения должны быть уже уничтожены — Рену отдал соответствующие приказы до того, как пришел на встречу с вами. Если успеете, отправьте нескольких громил проверить. А твои гасильщики, Бриз, понадобятся в городе, чтобы поддерживать в скаа боевой дух.

Думаю, всё. Славная была работенка, как считаете? Когда будете вспоминать меня, вспомните и об этом. И улыбнитесь. А теперь действуйте, да поживее.

И пусть мудрость руководит вами.

На карте были отмечены места, где находились обученные отряды, и

надписаны имена членов команды. Но Вин заметила, что ее имени и имени Сэйзеда там нет.

— Что делать? Пойду к тем, что топчутся возле нашего дома, — сказал Колченог ворчливо. — Приведу их сюда, за оружием.

И он, прихрамывая, направился к выходу.

— Колченог! — окликнул Хэм. — Не обижайся, но... почему он включил тебя в число командиров? Что ты знаешь о войне?

Колченог фыркнул, задрал штанину и показал длинный извивающийся шрам, тянувшийся вдоль голени и бедра, — именно этот шрам, судя по всему, и был причиной его хромоты.

— Как ты думаешь, где я заработал его? — бросил Колченог и спокойно пошел дальше.

Изумленный Хэм повернулся к остальным:

— Я просто глазам своим не верю...

Бриз покачал головой:

— А я-то думал, что умею манипулировать людьми! Н-да... это просто потрясающе. Экономика на грани развала, а те лорды, что пока держатся, скоро начнут открыто воевать между собой в доминионах. Кел показал, как можно убить инквизитора... и нам теперь только и остается, что сбить их с ног да обезглавить. Что же касается Вседержителя...

Все глаза обратились к Вин. Она наконец развязала кошелек. На ее ладонь выпал небольшой мешочек, явно наполненный бусинками атиума. А следом за ним из кошелька появилась маленькая металлическая полоска, завернутая в бумагу. Одиннадцатый металл.

Вин развернула листок. Это была записка.

Вин!

Сначала я полагал, что этой ночью ты убьешь всех главных вельмож в

городе. Но ты, пожалуй, убедила меня, что их можно оставить в живых.

Мне так и не удалось выяснить, как работает этот проклятый металл. Воспламенять его не опасно — он тебя не убьет, — но и толку от него, похоже, никакого. Если ты это читаешь, значит в момент встречи с Вседержителем я тоже не понял, как использовать его. Но не думаю, что это имеет значение. Людям необходимо во что-то верить, и я дал им веру.

Прошу, не сердись, что я оставил тебя. Я и так прожил слишком долго. Я должен был умереть вместо Мэйр много лет назад, так что я давно к этому готов.

Но ты нужна остальным. Ты теперь их единственная рожденная туманом — и ты должна защищать их. Вельможи обязательно отправят убийц, чтобы уничтожить еще не оперившихся вождей нового королевства.

Прощай. Я расскажу Мэйр о тебе. Она всегда хотела дочку.

— Что там говорится, Вин? — спросил Хэм.

— Что он так и не узнал, как работает одиннадцатый металл. Ему очень жаль... он не представляет, как победить Вседержителя.

— У нас есть целый город, чтобы сразиться с ним, — сказал Доксон. — Я сомневаюсь, что он сможет уничтожить всех нас... и если мы не сумеем его убить, то просто свяжем и бросим в темницу.

Все согласно закивали.

— Хорошо, — сказал Доксон. — Бриз, Хэм, поспешите к другим складам и начните раздавать оружие. Призрак, сбегай за подмастерьями... они будут у нас гонцами. Вперед!

Все сразу же разошлись. И вскоре те скаа, которых Вин недавно видела на улице, ворвались на склад, высоко держа над головами факелы. Они благоговейно уставились на горы оружия. Доксон действовал ловко и умело, он отдавал приказы новичкам, поясняя, как распределять вооружение, послал несколько человек за друзьями и родными тех, кто уже пришел. Мужчины начали вооружаться. Все вокруг были чем-то заняты, кроме Вин.

Она посмотрела на Сэйзеда, и тот улыбнулся.

— Иногда нам приходится просто ждать, и довольно долго, госпожа, — сказал он. — А потом мы вдруг начинаем понимать, почему не утратили веру. Мастер Кельсер любил порассуждать об этом.

— Всегда есть еще какой-то секрет, — прошептала Вин. — Но, Сэйзед, все чем-то заняты, кроме меня. Кельсер написал, что сначала предполагал отправить меня перебить оставшихся лордов, но потом передумал...

— Их необходимо нейтрализовать, — сказал Сэйзед. — Но убивать не обязательно. Возможно, в этом и была ваша задача? Объяснить это Кельсеру.

Вин покачала головой:

— Нет. Я должна что-то сделать, Сэйз. — Она с разочарованным видом сжала пустой кошелек.

Внутри что-то зашуршало.

Вин заглянула внутрь и увидела еще один листок бумаги, которого не заметила раньше. Вин вытащила его и осторожно развернула. Это оказался рисунок, который Кельсер когда-то показывал ей, — изображение цветка. Мэйр всегда носила его с собой, мечтая о днях, когда солнце станет не красным, а растения позеленеют...

Вин посмотрела на рисунок.

«Чиновник, политик, генерал... любому государству нужен кое-кто еще.

Хороший убийца».

Она достала из-за пояса флакон со смесью металлов и запила пару бусинок атиума. Потом подошла к горе оружия и вытащила пучок стрел с каменными наконечниками. Вин принялась ломать стрелы, оставляя от каждой по полдюйма дерева с наконечником и выбрасывая остальное.

— Госпожа? — осторожно окликнул ее Сэйзед.

Вин прошла мимо него, рассматривая вооружение. Она быстро нашла то, что искала: похожую на рубаху кольчугу из крупных металлических колец. Она выдрала горсть этих колец с помощью кинжала и силы пьютера.

— Госпожа, что ты делаешь?

Вин подошла к ящичку возле стола, который заметила еще раньше, и насыпала в кошель несколько пригоршней пьютерного порошка.

— Меня беспокоит Вседержитель, — сказала она наконец.

Взяв со стола напильник, Вин быстро провела им по бруску одиннадцатого металла и отделила несколько крупинок. Немного помедлив — металл казался похожим на серебро и одновременно незнакомым, — Вин проглотила эти крупинки, запив их водой из фляжки. Потом всыпала еще несколько крупинок в запасные флаконы с металлами.

— Мятежники наверняка справятся с ним, — сказал Сэйзед. — Думаю, без прислужников он не так уж силен.

— Ты ошибаешься, — ответила Вин, направляясь к двери. — Он очень силен, Сэйзед. Кельсер не ощущал его так, как я. Он не знал.

— Что ты задумала? — бросил ей вслед Сэйзед.

Вин остановилась в дверях. Вокруг нее уже клубился туман.

— Там, в центре дворца, есть комната, которую постоянно охраняют солдаты и инквизиторы. Кельсер дважды пытался проникнуть туда. — Она посмотрела на туман. — Сегодня я намерена выяснить, что там скрыто.

Я в итоге решил, что благодарен Рашеку за его ненависть. Она заставляет помнить, что есть люди, не признающие меня. Но моя задача не в том, чтобы искать признания или любви. Моя задача — дать человечеству возможность выжить.

Вин медленно приближалась к Кредикской Роще. Небо над городом полыхало, туман отражал и умножал свет тысяч факелов. Над столицей как будто повис сияющий купол.

Свет был желтым. Кельсер всегда говорил, что такого цвета должно быть солнце.

Четверо встревоженных стражников стояли у того самого входа во дворец, который они с Кельсером когда-то атаковали. Они пристально смотрели на подходившую Вин. Она шагала по влажным от тумана камням неторопливо, бесшумно, и плащ рожденного туманом шелестел почти торжественно.

Один из стражников направил в ее сторону копье, и Вин остановилась перед ним.

— Я тебя знаю, — тихо сказала она. — Ты работал на фабриках, в рудниках, в кузницах. И ты понимал, что однажды работа убьет тебя, а твоя семья умрет от голода. И ты пошел к Вседержителю — ты чувствовал себя очень плохо, но был полон решимости... и ты стал солдатом.

Четверо стражников смущенно переглянулись.

— Тот свет, что ты видишь за моей спиной, — продолжала Вин, — это свет огромного восстания скаа. Весь город поднялся против Вседержителя. Я не виню вас за ваш выбор, но пришло время перемен. Мятежникам могут пригодиться ваши знания, ваше умение сражаться. Идите к ним... они собираются на площади Выжившего.

— Площадь... Выжившего? — переспросил один из солдат.

— То место, где сегодня был убит выживший в Ямах Хатсина.

Солдаты неуверенно переглянулись.

Вин слегка нажала на них лестью:

— Вам больше не придется мучиться чувством вины.

Наконец один из стражников шагнул вперед, сорвал нашивки с мундира и решительно ушел в темноту. Трое других помедлили, но отправились следом, оставив Вин перед открытой дверью.

Вин пошла по коридору и вскоре добралась до караульной, где уже бывала вместе с Кельсером. Вин решительно вошла внутрь, миновала группу беседовавших солдат, не задев их, и очутилась в следующем, внутреннем коридоре. За ее спиной стражники сначала застыли от изумления, а потом подняли шум. Они выскочили в коридор, но Вин прыгнула и, отталкиваясь от фонарей, понеслась вперед.

Голоса мужчин остались позади. Даже припустив со всех ног, солдаты не могли догнать ее. Вин достигла конца коридора и плотно закуталась в плащ. Дальше она двинулась неторопливо. Спешить было совершенно незачем. Они в любом случае ожидали бы ее там.

Вин миновала арку и вошла в центральный зал со сводчатым потолком. Стены здесь были все так же украшены фресками, в углах горели медные жаровни, стоявшие на черном мраморном полу.

И еще в комнате было два инквизитора.

Вин направилась напрямик к маленькому зданию. Именно оно было ее целью.

— А мы-то искали тебя все это время, — скрипучим голосом произнес один из инквизиторов. — А ты сама пришла. Во второй раз.

Вин остановилась примерно в двадцати футах от них. Они стояли перед ней, улыбающиеся, уверенные в себе... каждый был по меньшей мере на два фута выше ее ростом.

Вин подожгла атиум, и тут же ее рука вырвалась из-под плаща и метнула в воздух множество обломанных стрел. Она воспламенила сталь, чтобы толкнуть металлические кольца, болтавшиеся на стрелах. Снаряды понеслись вперед. Тот инквизитор, что стоял впереди, хмыкнул и вскинул руку, небрежно отбрасывая стрелы.

От его удара никак не закрепленные кольца сорвались с обломков стрел и помчались обратно. Однако сами стрелы продолжали лететь вперед — их ничто больше не подталкивало, их несла сила инерции.

Инквизитор удивленно раскрыл рот, когда в него ударило два десятка стрел. Несколько вонзились ему в грудь, остальные пришились в каменную стену за его спиной. Стрелы угодили и в ноги его товарищу.

Первый инквизитор судорожно дернулся и упал. Второй яростно зарычал. Он устоял, но пошатнулся на раненных ногах. Вин бросилась мимо него, воспламенив пьютер. Второй инквизитор шагнул вперед, чтобы остановить ее, но она выхватила пригоршню пьютерного порошка и подбросила в воздух.

Инквизитор замер, смущенный. Он теперь не видел ничего, кроме паутины голубых линий, и каждая вела к крупнице металла. При таком количестве источников металла линии ослепляли.

Инквизитор в ярости развернулся, когда Вин проскочила мимо него. Он резко толкнул металлическую пыль, отгоняя ее, и в этот момент Вин выхватила стеклянный кинжал и метнула в него. В сплетении голубых линий и рожденных атиумом теней инквизитор не заметил кинжала, и тот вонзился ему в бедро. Инквизитор осел на пол, хрипло ругаясь.

«А неплохо работает! — подумала Вин, глянув в сторону первого инквизитора, который лежал на полу и стонал. — Но что делать с их железными глазами?»

Она всем весом ударилась в дверь маленького здания, воспламенив пьютер, и одновременно швырнула во второго инквизитора еще горсть металлического порошка. Она не собиралась сражаться с тварями, особенно после того, что одна из них сделала с Кельсером. Ее целью было не убийство. Она хотела узнать, что скрывается во внутреннем помещении, и сбежать.

Вин ворвалась внутрь, едва не споткнувшись о пышный ковер из шкур. Нахмурившись, она стала внимательно изучать помещение, пытаясь найти то, что прятал здесь Вседержитель.

«Это должно быть здесь, — в отчаянии думала она. — Ключ, нечто, что объяснит, как убить его...»

Она рассчитывала, что инквизиторы будут достаточно долго заниматься своими ранами и она успеет узнать тайну Вседержителя.

В комнате была только одна дверь — та, через которую вошла Вин, — а в центре горел очаг. Стены оказались странно украшены: по большей части закрыты меховыми панно, но шкуры почему-то были плохо выделаны, выглядели кривыми и перекошенными... И еще Вин увидела старые картины: краски на них поблекли и местами осыпались, холсты пожелтели.

Вин осматривалась быстро, внимательно, ища чего-нибудь, что могло бы послужить оружием против Вседержителя. К несчастью, ничего полезного она не нашла. Комната выглядела странновато, но в ней не было ничего особенного. Скорее, наоборот, она походила на уютное домашнее помещение, нечто вроде рабочего кабинета. Здесь обнаружилось множество незнакомых Вин предметов и странных украшений вроде рогов неведомой заморской твари и пары стоптанных башмаков. Комната была набита чьими-то воспоминаниями.

Вин вздрогнула, когда что-то шевельнулось в центре комнаты. У очага стояло вращающееся кресло, вот оно медленно повернулось... и Вин увидела в нем иссохшего, морщинистого старика. Лысый, с коричневыми пятнами на коже, он выглядел лет на семьдесят с лишним. Одет он был в дорогой темный костюм.

Старик уставился на Вин гневным взглядом.

«Ну вот, — подумала Вин, — опять неудача!.. Тут ничего нет. Пора сваливать».

Однако в этот момент кто-то схватил ее за ногу. Вин выругалась, пытаясь вырваться, и взглянула на окровавленную ногу инквизитора. Даже с помощью пьютера он не должен был сдвинуться с места... Вин снова попыталась высвободиться, но инквизитор крепко держал ее.

— В чем дело? — резко спросил старик, поднимаясь с кресла.

— Простите, Вседержитель, — почтительно произнес инквизитор.

«Вседержитель? Но я же видела его. Это был молодой человек!»

— Убей ее, — велел старик, небрежно махнув рукой.

— Мой лорд, — осторожно сказал инквизитор, — этот ребенок представляет особый интерес. Могу я взять ее ненадолго?

— Что за особый интерес? — спросил Вседержитель, вздыхая и опускаясь обратно в кресло.

— Мы хотели подать вам прошение, Вседержитель, — сказал инквизитор, — относительно ортодоксального кантона.

— Опять! — устало произнес Вседержитель.

— Прошу, мой лорд!

Вин продолжала бороться, сильнее разжигая пьютер. Но инквизитор прижал ей руки к бокам, и Вин мало что могла сделать.

«Какой он сильный!» — с досадой подумала она.

И тут она вспомнила. Одиннадцатый металл, чья сила таилась внутри ее, создавая незнакомый источник. Вин подняла голову и посмотрела на старика.

«Лучше попробовать».

И она подожгла одиннадцатый металл. Ничего не случилось.

Вин, разочарованная, продолжала бороться, но ее сердце упало. А потом она увидела... Рядом с Вседержителем стоял какой-то человек. Откуда он взялся? Вин не заметила, чтобы он входил в комнату.

У него была окладистая борода и толстая шерстяная куртка, отделанная мехом. Он стоял спокойно и выглядел очень довольным, радостно улыбаясь.

Вин вскинула голову. В нем промелькнуло что-то знакомое. Он напоминал того, кто убил Кельсера. Только он был старше и... живее.

Вин взглянула в сторону. Рядом с ней стоял еще один незнакомец, молодой вельможа. Судя по одежде, он был купцом, и очень богатым.

«Что происходит?»

Одиннадцатый металл выгорел. Оба чужака растаяли, словно призраки.

— Очень хорошо, — со вздохом сказал старый Вседержитель. — Я выполню твою просьбу. Мы встретимся через несколько часов... Тевидиан просил собраться и обсудить то, что происходит за стенами дворца.

— О! — воскликнул инквизитор. — Да, это очень хорошо, что он будет там. Действительно хорошо.

Вин вертелась в руках инквизитора, когда тот вдруг толкнул ее и прижал к полу. Он протянул руку, взял что-то, что Вин не разглядела, размахнулся — и боль пронзила голову Вин.

И, несмотря на горевший пьютер, Вин потеряла сознание.

*

Эленд нашел отца в северном зале у бокового входа в крепость Венчер.

— Что происходит? — громко спросил Эленд, на ходу натягивая камзол.

Волосы у него были растрепаны после сна.

Лорд Венчер стоял в зале вместе с командирами стражи и несколькими капитанами судов. Вокруг суетились солдаты и слуги, и вид у них был испуганный.

Лорд Венчер как будто не слышал вопроса, он как раз отдавал приказ гонцу, веля тому отправиться в восточные доки.

— Отец, что происходит? — повторил Эленд.

— Скаа взбунтовались, — резко бросил лорд Венчер.

«Что? — недоумевал Эленд, пока лорд Венчер подзывал к себе очередную группу солдат. — Но такого не бывает».

Бунт скаа в самой Лютадели... нет, это невозможно вообразить. Скаа не склонны к столь дерзким выходкам, они просто...

«Валетт — скаа, — вспомнил вдруг Эленд. — Ты должен перестать думать, как другие лорды, Эленд. Ты должен наконец-то открыть глаза».

Столичный гарнизон ушел далеко, и некому было расправиться со скаа. Всех горожан заставили смотреть на чудовищную казнь несколько недель назад, не говоря уже о той резне, что произошла накануне. Должно быть, терпение скаа наконец лопнуло...

«А ведь Темадре это предсказывал, — сообразил Эленд. — И еще с десятков других теоретиков — политиков и историков. Они говорили, что Последняя империя не может существовать вечно. Кто бы ни стоял во главе ее, пусть даже бог, люди все равно однажды восстанут... Наконец это случилось, и мне доведется увидеть все своими глазами! Вот только я... на другой стороне».

— Зачем пришли капитаны? — спросил Эленд.

— Мы уезжаем из города, — коротко ответил лорд Венчер.

— Оставляем крепость? — удивился Эленд. — Разве это не бесчестно?

Лорд Венчер фыркнул:

— Сейчас не время кичиться храбростью, мальчик. Речь идет о жизни и смерти. Скаа напали на городские ворота и перебили остатки гарнизона. Я не намерен ждать, когда они явятся за нашими головами.

— Но...

Лорд Венчер покачал головой:

— Мы бы в любом случае уехали. Кое-что случилось в Ямах несколько дней назад. И Вседержитель не обрадуется, когда узнает.

Венчер махнул рукой старшему капитану.

«Восстание скаа, — с трудом соображал ошеломленный Эленд. — О чем предупреждал в своих трудах Темадре? Так... он говорил, что, когда вспыхнет настоящий бунт, скаа начнут бессмысленно убивать всех подряд и жизнь знатных людей не будет стоить для них ломаного гроша. И еще он предсказывал, что бунт затихнет быстро, но после него останутся горы трупов. Тысячи убитых. Десятки тысяч».

— Что стоишь? — оборвал его размышления лорд Венчер. — Иди укладывай вещи.

— Я не поеду, — сказал Эленд неожиданно для самого себя.

Лорд Венчер нахмурился:

— Что?

Эленд посмотрел ему в глаза:

— Я не поеду, отец.

— Нет, поедешь, — возразил лорд Венчер, и в его глазах мгновенно вспыхнул гнев.

Эленд смотрел на отца и видел, что его не столько беспокоит судьба сына, сколько раздражает, что тот осмеливается перечить. Но, как ни странно, Эленд совсем не боялся.

«Кто-то должен остановить все это. Восстание может пойти на благо, но только в том случае, если скаа не увлекутся уничтожением союзников. А аристократы как раз и должны стать их союзниками в борьбе против Вседержителя. Он ведь наш общий враг».

— Отец, я не шучу. Я намерен остаться.

— Чтоб ты провалился, мальчишка! Ты издеваешься надо мной?

— Речь не о танцах или обедах, отец. Мы говорим о серьезных вещах.

Лорд Венчер немного помолчал.

— То есть ты не просто так мне перечишь?

Эленд покачал головой. Лорд Венчер неожиданно улыбнулся:

— Тогда оставайся. Это хорошая идея. Кто-то должен представлять здесь нашу семью, пока я буду собирать силы. Да... отличная идея.

Эленд молчал, глядя в веселые глаза лорда Венчера.

«Атиум... Отец готов оставить меня здесь, чтобы было кому отвечать за него! Даже если Вседержитель меня не убьет, отец вполне может надеяться, что меня прирежут восставшие скаа. В любом случае он избавится от меня. Я и впрямь не гожусь на роль главы Дома...»

Лорд Венчер тихо усмехался.

— Оставь мне хотя бы несколько солдат, — попросил Эленд.

— Я оставляю большинство. Будет трудновато увести из города даже одну лодку, не говоря уже о целом караване. Я просто не возьму их с собой. Удачи, мальчик. Передавай привет Вседержителю.

Он громко рассмеялся и пошел к оседланному коню, уже ожидавшему у входа.

Эленд остался в зале и вдруг обнаружил, что внимание окружающих обращено на него. Испуганные стражники и слуги, сообразив, что их бросили в замке, в отчаянии повернулись к Эленду.

«Я теперь в ответе за них, — в ужасе подумал Эленд. — Что делать?»

Он видел, как туман за окнами вспыхивает отсветами огней. Стражники со стены закричали, что к крепости движется толпа скаа.

Эленд подошел к открытой двери и всмотрелся в туман. За его спиной воцарилась гнетущая тишина. Дрожащие от страха люди уже понимали, какая опасность им грозит.

Эленд долго стоял неподвижно, потом резко обернулся.

— Капитан! — позвал он. — Собери всех людей... чтобы никого не осталось! И направляйтесь к крепости Лекаль.

— К крепости Лекаль, мой лорд?

— Она лучше защищена, — сказал Эленд. — Кроме того, и там и здесь осталось слишком мало солдат. По отдельности мы наверняка погибнем, а вместе, возможно, продержимся. Предложим свою помощь Дому Лекаль.

— Но... мой лорд, — осторожно возразил солдат, — Дом Лекаль — ваши враги!

Эленд кивнул:

— Кто-то же должен сделать первый шаг. Давайте действуйте!

Солдат отсалютовал и бросился выполнять приказ.

— И еще, капитан!

Тот остановился.

— Отбери пятерку лучших солдат для моей охраны. Они пойдут со мной... у нас будет особая задача.

— Какая задача, мой лорд? — смущенно спросил солдат.

Эленд повернулся спиной к туману:

— Мы выдадим себя восставшим.

*

Очнувшись, Вин ощутила сырость. Она кашлянула и застонала, когда ее затылок пронзила острая боль. Вин открыла глаза. На нее капала вода. Голова кружилась, и Вин мгновенно воспламенила пьютер и олово, чтобы прийти в себя.

Чьи-то руки грубо подняли ее. Вин чуть не подавилась, когда инквизитор

сунул ей что-то в рот.

— Глотай! — приказал он, выворачивая ей руку.

Вин вскрикнула, безуспешно пытаясь сопротивляться. В итоге ей пришлось проглотить кусочек неизвестного металла.

— А теперь подожги! — потребовал инквизитор, еще сильнее выкручивая руку.

Вин ощутила внутри источник неведомой энергии. Инквизитор мог скормить ей непригодный для алломантии металл, из тех, что вызывают болезни или, хуже того, убивают при воспламенении.

«Пленника можно прикончить и более простым способом», — подумала Вин сквозь пелену боли и подожгла неведомый металл.

В то же мгновение остальные источники силы внутри ее погасли.

— Отлично, — сказал инквизитор, бросая ее на пол.

Камни были мокрыми. Инквизитор повернулся и вышел из клетки, захлопнув за собой решетчатую дверь.

«Что это? Двенадцатый металл? Возможно, алломантия не ограничивается тем, о чем рассказывали Кельсер и остальные?»

Вин несколько раз глубоко вздохнула и с трудом поднялась на колени. Она ощущала давящее присутствие Вседержителя. Вин чувствовала его, хотя оно было и не таким сильным, как раньше. Но теперь Вин не могла зажечь медь и спрятаться от воли Вседержителя. Ее охватило желание согнуться, сжаться, сдаться...

«Нет! — подумала она. — Я должна справиться. Я должна быть сильной!»

Она заставила себя встать и принялась осматриваться. Она действительно сидела в клетке — с трех сторон ее окружали решетки, и только с четвертой находилась стена. Внутри не было ничего, даже завалящего тюфяка. Справа и слева от Вин стояли две такие же клетки.

С Вин сорвали одежду, оставив только нижнее белье. Видимо, таким образом враги хотели убедиться, что у нее нет металлов. Вин еще раз осмотрела комнату. Она была длинной и узкой, с голыми каменными стенами. В одном из углов стоял табурет, но больше никакой мебели в помещении она не заметила.

«Вот бы найти хоть один кусочек металла».

Она принялась искать. Машинально попыталась воспламенить железо, ожидая, что вспыхнут голубые лучи, но, конечно, внутри у нее не было ни крошки железа. Вин тряхнула головой, усмехаясь собственной глупости. Она настолько привыкла полагаться на алломантию, что теперь чувствовала себя ослепшей. Она не могла поджечь олово, чтобы расслышать звучащие вдали голоса.

Не могла воспламенить пьютер, чтобы укрепить тело и справиться с болью. Не могла зажечь бронзу, чтобы отыскать следы других алломантов.

Ничего. У нее не осталось ничего.

«Но ведь прежде ты обходилась без алломантии, — строго напомнила себе Вин. — Можешь обойтись и теперь».

Она как следует обшарила голый пол клетки, надеясь на счастливый случай — потерянную кем-то булавку или гвоздик... Конечно, она ничего не нашла и переключилась на решетки. Но как отщипнуть от них хотя бы крупицу железа?

«Так много металла вокруг, — разочарованно подумала Вин, — а я не могу им воспользоваться!»

Она уселась на пол, прислонившись к каменной стене и дрожа от сырости. Снаружи было темно. В окне комнаты проплывали клубы тумана. Что случилось с мятежниками? С ее друзьями? Вин казалось, что туман снаружи светлее обычного. Там горят факелы? Без олова она не могла ответить на этот вопрос.

«О чем я только думала? Неужели я надеялась на удачу там, где потерпел поражение Кельсер? Он знал, что одиннадцатый металл бесполезен».

Вообще-то, конечно, одиннадцатый металл давал определенный эффект, только не мог убить Вседержителя. Вин устроилась поудобнее, пытаясь разобраться, что произошло. В действии одиннадцатого металла было что-то знакомое. Точнее, в ощущении, которое Вин испытала, поджигая его.

«Золото. Воспламенив одиннадцатый металл, я почувствовала себя так же, как тогда, когда Кельсер заставил меня поджечь золото».

Возможно, одиннадцатый металл вовсе не был «одиннадцатым»? Золото и атиум всегда казались Вин непарными. Все остальные металлы делились на понятные пары — базовый метал и дополняющий его сплав, и они действовали противоположным образом. Железо тянуло, сталь толкала. Цинк тянул, латунь толкала. В этом был смысл. А в паре «атиум — золото» смысла не было.

А что, если одиннадцатый металл на самом деле сплав, пара атиуму или золоту?

«Это значит, что атиум и золото — два непарных металла. У них разные свойства. Отдаленно похожие, но не взаимосвязанные. Они как...»

Как другие металлы, разделенные на две большие группы по четыре в каждой. Физические, внешние металлы: железо, сталь, олово и пьютер. Внутренние металлы, влияющие на сознание: бронза, медь, цинк и латунь. И... металлы, воздействующие на время: золото и его пара, атиум и его пара.

«Выходит, есть еще один металл, только он пока никому не известен. Может, потому, что атиум и золото слишком дорого стоят, чтобы использовать их в сплавах?»

Итак, ее «одиннадцатый металл», вероятно, действительно был парой золоту — металлу, который Кельсер называл самым бесполезным из всех. Золото показало Вин ее саму — точнее, разные варианты ее самой, и эти видения выглядели настолько достоверно, что казалось — до них можно дотронуться. Но все равно это были просто видения, призраки той Вин, какой она стала бы, изменись ее прошлое.

Одиннадцатый металл проделал нечто сходное, только показал Вин не ее саму, а других людей. Но это ничего ей не дало. Какое ей дело, кем мог бы

стать Вседержитель? Он все равно оставался тираном, правившим Последней империей...

В дверях комнаты появился Стальной инквизитор в черной сутане и с капюшоном на голове. Его лицо оставалось в тени, но из-под капюшона торчали металлические стержни.

— Пора, — сказал он.

Второй инквизитор ждал в дверях, пока первый доставал из-под сутаны ключи и шел к клетке.

Вин напряглась. Замок лязгнул, и Вин мгновенно вскочила на ноги и бросилась вперед.

«Неужели я и раньше двигалась так медленно, когда еще не умела жечь пьютер?» — в ужасе подумала она.

Инквизитор схватил ее за руку — небрежно, как будто походя, — и Вин поняла, почему он совершенно не обеспокоился. Он двигался со сверхъестественной скоростью, и в сравнении с ним Вин выглядела сонной мухой.

Инквизитор развернул ее к себе и злобно ухмыльнулся. Вин увидела, что его лицо покрыто шрамами. Шрамы походили на...

«Раны от стрел, — потрясенно подумала она. — Но как он мог так быстро вылечиться?»

Вин пыталась сопротивляться, но безуспешно. Тварь потащила ее к дверям, и второй инквизитор отступил в сторону, оставив на Вин металлические стержни. Второй, в отличие от первого, не улыбался.

Вин плюнула в него, и ее плевков угодила точно в один из металлических стержней.

Ее потащили вон из комнаты по узкому коридору. Вин кричала, звала на помощь, хотя прекрасно понимала, что орать в самом сердце Кредикской Роши не имело смысла. Она только разозлила инквизитора, и тот снова заломил ей руку.

— Заткнись, — велел он, когда Вин всхлипнула от боли.

Вин замолчала и попыталась понять, где находится. Похоже, на одном из нижних этажей дворца. Для башен здесь были слишком длинные коридоры. Стены их покрывали разноцветные фрески, но в комнатах как будто никто не жил: ковры выглядели новыми, на мебели не нашлось бы ни пятнышка, ни царапинки. У Вин возникло ощущение, что и фрески нарисованы исключительно для порядка.

Наконец они дошли до лестницы и стали подниматься по ступеням.

«В одну из башен, наверное», — подумала Вин.

С каждой ступенькой Вин все сильнее чувствовала близость Вседержителя. Одно его присутствие лишало ее воли, подавляло, угнетало... Вин обвисла на руках инквизитора, забыв о сопротивлении. Ей понадобилось напрячь все силы, чтобы не дать Вседержителю окончательно раздавить ее душу.

Вскоре узкая лестница закончилась, и инквизиторы втолкнули Вин в большое круглое помещение. Несмотря на мощное давление Вседержителя и то, что Вин успела повидать немало крепостей, она не удержалась от вздоха изумления. Никогда прежде она не сталкивалась с таким поистине царственным великолепием.

Помещение оказалось круглым, и часть его изогнутой стены была полностью сделана из стекла. Освещенная снаружи комната сияла разноцветными огнями. Мастер, создавший витраж, не стал изображать на нем привычных сюжетов: там лишь извивались, сливались и перекрещивались длинные цветные ленты. Как...

«Как туман, — потрясенно подумала Вин. — Разноцветный туман».

Вседержитель сидел на высоком троне в центре помещения. Это был не старый Вседержитель, а тот, молодой и красивый, убивший Кельсера.

«Может, он самозванец? Нет, я же чувствую его так, как чувствовала того, старого... Это один и тот же человек. Значит, он умеет менять внешность и, когда хочет, выглядит молодым и симпатичным».

Небольшая группа поручителей в серых рясах стояла в дальнем конце

комнаты, о чем-то тихо переговариваясь. Поодаль выстроились в ряд семь Стальных инквизиторов. Вместе с конвоирами Вин их набралось девять... Тот, что тащил Вин, передал ее одному из ожидавших, и Вин ощутила хватку такой же невероятно сильной руки.

— Давайте наконец приступим, — сказал Вседержитель.

Один из поручителей вышел вперед и поклонился.

Вин похолодела, узнав его.

«Лорд-прелан Тевидиан, — подумала она, глядя на лысого поручителя. — Мой отец».

— Мой лорд, — заговорил Тевидиан, — простите, но я ничего не понимаю. Мы ведь уже обсуждали этот вопрос.

— Инквизиторы утверждают, что им есть что добавить, — усталым голосом произнес Вседержитель.

Тевидиан посмотрел на Вин и нахмурился.

«Он не знает, кто я, — сообразила Вин. — Конечно, он и не подозревал, что стал отцом».

— Мой лорд, — сказал Тевидиан, отводя взгляд от Вин. — Выгляните в окно! Разве нам больше не о чем поговорить? Вся столица бунтует! Факелы скаа осветили ночь, скаа осмелились выйти в туман! Они богохульствуют и нападают на крепости аристократов!

— Пусть их, — небрежно бросил Вседержитель.

Он выглядел изможденным. Да, на троне он сидел прямо, но все равно и в его позе, и в его голосе сквозила усталость.

— Но, мой лорд! — снова заговорил Тевидиан. — Великие Дома рушатся!

Вседержитель отмахнулся:

— Им это на пользу — обновляться каждое столетие. Если аристократия

становится слишком самоуверенной, не приходится ждать ничего хорошего. Обычно я позволяю им поубивать друг друга в очередной войне, но сейчас их просто вырежут бунтовщики.

— А если скаа ворвутся во дворец?

— Тогда я сам с ними разберусь, — мягко произнес Вседержитель. — И довольно об этом.

— Да, мой лорд, — поспешил согласиться Тевидиан и попятился с поклоном.

— А теперь, — сказал Вседержитель, поворачиваясь к инквизиторам, — о чем вы хотели сообщить?

Вперед вышел инквизитор со шрамами на лице:

— Вседержитель, мы желаем подать прошение, чтобы руководство братством было изъято у этих людей и передано инквизиторам.

— Мы уже обсуждали это, — ответил Вседержитель. — Ты и твои братья нужны мне для более важных дел. Вы слишком ценны, чтобы заниматься чиновничьей работой.

— Но, позволяя обычным людям руководить братством, вы невольно поощряете пороки, которые проникают в самое сердце вашего дворца! — пылко возразил инквизитор.

— Пустая болтовня! — сердито воскликнул Тевидиан. — Ты постоянно твердишь об этом, Кар, но у тебя нет доказательств!

Кар медленно повернулся, и его зловещая улыбка стала отчетливо видна в мерцающем свете. Вин передернуло. Улыбка была почти такой же страшной, как давящая алломантия Вседержителя.

— Доказательства? — спросил Кар. — Скажи мне, лорд-прелан, узнаешь ли ты эту девчонку?

— Конечно нет! — удивленно ответил Тевидиан. — Какое отношение к братству может иметь девчонка-скаа?

— Прямое, — ухмыльнулся Кар. — Я бы сказал, непосредственное. Ответь мне, детка... ответь Вседержителю: кто твой отец?

Вин хотелось спрятаться, но власть Вседержителя была так же сильна, как тверда рука инквизитора.

— Я... не знаю, — процедила она сквозь зубы.

Вседержитель чуть вскинул голову и повернулся к ней.

— Ты не можешь солгать Вседержителю, детка, — тихим хриплым голосом сказал Кар. — Он прожил много веков, он владеет алломантией так, как это не дано ни одному из смертных. Он видит твоё сердце насквозь, читает твои чувства, как открытую книгу. Он ощущает, когда ты лжешь. Он чувствует... да, чувствует!

— Я никогда не знала своего отца, — упрямо повторила Вин.

Если инквизитор так сильно хотел что-то узнать, лучше всего было помалкивать.

— Я простая беспризорница.

— Рожденная туманом — беспризорница? — насмешливо переспросил Кар. — Что ж, это забавно. Правда, Тевидиан?

Лорд-прелан молчал, только хмурился. Вседержитель неторопливо поднялся и спустился по ступеням трона.

— Да, мой лорд, — сказал Кар. — Вы уже ощутили её алломантическую силу. Вы знаете, что она полноценная рожденная туманом, удивительно сильная. Едва ли один из знатных Домов бросил бы такого ребенка. При её способностях она должна происходить из благороднейшей семьи. По крайней мере один из её родителей должен к ней принадлежать.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросил Тевидиан, бледнея.

Вседержитель не обратил внимания на них обоих. Он прошел по волнам света, отражавшимся от пола, и остановился перед Вин.

«Как близко», — подумала она.

Он гасил эмоции с такой силой, что Вин уже не испытывала страха, — ее охватила лишь глубокая, необъятная, чудовищная печаль.

Вседержитель протянул к ней худые руки, коснулся щек, заставляя девушку взглянуть ему в глаза.

— Кто твой отец, девочка? — тихо спросил он.

— Я... — Вин сжалась от отчаяния, от боли, горя, желания умереть...

Вседержитель наклонился, глядя ей в глаза. В этот момент Вин поняла правду. Она видела его взгляд. Ощущала его силу. Его почти божественную силу.

Его совершенно не беспокоило восстание скаа. Да и с чего бы? Если бы он пожелал, то мог бы собственноручно перебить всех жителей столицы. Вин знала, что это так. Возможно, ему потребовалось бы время, но что такое время для бессмертного? Ему незачем было бояться бунтов.

Он никогда их и не боялся. Кельсер совершил чудовищную ошибку.

— Твой отец, дитя! — настойчиво повторил Вседержитель, и каждое его слово падало на Вин, точно каменная глыба.

И Вин заговорила, сама того не желая:

— Брат сказал однажды, что моим отцом был вот этот человек... лорд-прелан. — Слезы текли по ее щекам, но, когда Вседержитель отвернулся, она уже не смогла вспомнить, почему заплакала.

— Это ложь, мой лорд! — вскрикнул Тевидиан, отступая назад. — Откуда ей знать? Глупый ребенок!

— Ответь честно, Тевидиан, — сказал Вседержитель, медленно подходя к поручителю. — Ты спал с женщинами-скаа?

Поручитель немного помолчал.

— Я всегда соблюдал закон! — ответил он наконец. — Все они мертвы...

— Ты... лжешь, — медленно и как будто удивленно произнес Вседержитель. — Ты не уверен в этом.

Тевидиан дрожал так, что это было заметно.

— Я... думаю, что убил всех, мой лорд. Только... была одна. Возможно, я проявил небрежность... Сначала я просто не знал, что она скаа. А солдат, которого я послал убить ее, сопляк, позволил ей бежать. Я отыскал ее потом.

— Эта женщина имела ребенка?

В зале стало очень тихо.

— Да, мой лорд, — шепотом ответил лорд-прелан.

Вседержитель прикрыл глаза, вздохнул и вернулся к трону.

— Он ваш, — сказал он инквизиторам.

В то же мгновение шесть инквизиторов метнулись через комнату, с радостным воем выхватывая из-под сутан обсидиановые ножи. Тевидиан вскинул руки и закричал, когда Стальные инквизиторы налетели на него. Кровь хлестала потоком, когда они вновь и вновь погружали кинжалы в тело умирающего прелана. Остальные поручители забились по углам, в ужасе наблюдая за происходящим.

Кар остался в стороне и с улыбкой следил за чудовищным убийством. Не присоединился к резне и тот инквизитор, который держал Вин, и еще один, хотя девушка не поняла почему.

— Твоя точка зрения доказана, Кар, — сказал Вседержитель, устало опускаясь на трон. — Похоже, я слишком доверился человеческому послушанию. Но я не ошибся. Я никогда не ошибаюсь. Пришло время перемен. Собери высших преланов, приведи их сюда — вытащи из постелей, если понадобится. Они будут свидетельствовать, как я передаю кантону инквизиции власть над всем братством.

Улыбка Кара стала шире.

— А эту полукровку убей.

— Разумеется, мой лорд, — кивнул Кар. — Только мне хотелось бы задать ей несколько вопросов. Она из банды туманщиков-скаа. Если она поможет нам добраться до остальных...

— Отлично, — кивнул Вседержитель. — В конце концов, это и есть твоя прямая обязанность.

37

Что может быть прекраснее солнца? Я часто люблюсь восходом, потому что из-за тревожного сна поднимаюсь еще до рассвета.

И каждый раз, когда я вижу безмятежный желтый свет, разливающийся над горизонтом, я начинаю чувствовать себя лучше, во мне пробуждается надежда. Можно сказать, что именно солнце заставляет меня все это время идти вперед.

Кельсер, чокнутый придурок, — думал Доксон, делая пометки на расстеленной карте, — почему ты вечно шляешься где-то, оставляя меня расхлебывать кашу?»

Открытое руководство, взятое на себя Кельсером, было завершено. Настала очередь Доксона. Он воспользовался первоначальной стратегией Кельсера, слегка изменив ее. Он старался поддерживать хаос на таком уровне, чтобы им можно было управлять, и лучшее оружие выдавал тем, кто выглядел наиболее надежно. Он специально отправил людей на захват стратегических запасов — пищи и воды, — прежде чем все растащат мародеры.

В общем, он делал то же, что и всегда: воплощал в жизнь мечты Кельсера.

За дверью послышался шум. Доксон поднял голову, когда появился посланец. Он сразу же подошел к Доксону.

— Какие новости? — спросил Доксон.

Посланец покачал головой. Это был молодой человек в имперском мундире без знаков различия.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал он негромко. — Никто из стражников не видел, чтобы она выходила, и... один утверждает, что наблюдал, как ее тащили к темницам.

— Можешь вызволить ее? — спросил Доксон.

Солдат, которого звали Горадель, побледнел. Еще недавно Горадель входил в личную стражу Вседержителя. По правде говоря, Доксон не имел представления, можно ли доверять этому человеку. И все же он, как бывший дворцовый стражник, мог проникнуть туда, куда не было доступа прочим скаа. Его прежние товарищи не знали, что он перешел на другую сторону.

«Предположим, что он теперь действительно с нами», — подумал Доксон.

События развивались слишком быстро, чтобы тратить время на сомнения. Доксон решил, что использовать этого человека просто необходимо, и предпочел довериться инстинктам.

— Можешь? — повторил он.

Горадель покачал головой:

— Сэр, ее схватил инквизитор. Я не могу освободить ее — у меня нет полномочий. Я...

Доксон вздохнул.

«Дурочка! — подумал он. — Ей бы следовало получше соображать. А Кельсеру надо было больше заниматься с ней».

Он махнул рукой, отпуская солдата, и его внимание переключилось на вошедшего Хэммонда — тот нес на плече огромный меч со сломанным эфесом.

— Готово, — сообщил Хэм. — Крепость Элариэль пала. Но крепость Лекаль все еще держится.

Доксон кивнул:

— Нам вскоре понадобятся твои люди во дворце.

«Чем скорее мы ворвемся туда, тем больше шансов спасти Вин».

Вообще-то, Доксон был почти уверен, что они окажутся во дворце слишком поздно, чтобы что-то изменить... Армии потребуется несколько часов,

чтобы собраться в нужном месте. Доксон хотел напасть на дворец со всеми силами сразу, но прямо сейчас не имел лишних людей для спасательной операции. Будь с ними Кельсер, он, пожалуй, сам бы ринулся выручать Вин, но Доксон не мог решиться на такой отчаянный поступок.

Он ведь постоянно твердил другим, что хоть кто-то в команде должен мыслить реалистично. Во дворец нельзя было соваться без серьезной подготовки. Неудача Вин доказывала это, так что пока ей придется самой о себе позаботиться.

— Мои люди готовы, — сказал Хэм, отшвыривая сломанный меч. — Только мне нужен новый клинок.

Доксон вздохнул:

— Ну ты громила... Вечно все ломаешь! Иди поищи себе что-нибудь.

Хэм ушел в глубину склада.

— Если увидишь Сэйзеда, — сказал ему вслед Доксон, — передай...

Доксон замолчал на полуслове, потому что в этот момент на склад ворвался отряд мятежных скаа, волочивших связанного пленника. На голове у него был надет мешок.

— В чем дело? — резко спросил Доксон.

Один из мятежников толкнул пленного локтем.

— Думаю, это важная птица, мой лорд. Явился к нам без оружия, потребовал, чтобы мы отвели его к тебе. Пообещал кучу золота.

Доксон удивленно вскинул брови. Солдаты стянули с головы пленного мешок, и Доксон увидел Эленда Венчера.

Доксон недоуменно уставился на молодого лорда:

— Ты?!

Эленд огляделся. Ему явно было не по себе, но, учитывая обстоятельства,

держался он неплохо.

— Мы что, уже встречались? — спросил он.

— Не совсем, — ответил Доксон.

«Проклятье! У меня нет времени на пленных».

И все же перед ним стоял сын самого Венчера... а после окончания восстания Доксону могли понадобиться союзники из аристократии.

— Я пришел предложить перемирие, — сказал Эленд Венчер.

— Не понял?

— Дом Венчер не будет оказывать сопротивления, — пояснил Эленд. — И мне, возможно, удастся уговорить оставшихся лордов прислушаться к моим словам. Они напуганы, и нет необходимости убивать всех без разбору.

Доксон хмыкнул:

— Я, видишь ли, не могу оставить в городе вооруженных врагов.

— Если вы уничтожите всю знать, вам не удастся долго продержаться, — сказал Эленд. — Мы управляем всей экономикой, и империя без нас просто развалится.

— Этого мы и добиваемся, — усмехнулся Доксон. — Послушай, у меня нет времени.

— Ты должен меня выслушать! — в отчаянии воскликнул Эленд. — Если вы будете и дальше сеять хаос и проливать кровь, то потеряете все! Я изучал историю, я знаю, о чем говорю! Когда первоначальный конфликт будет исчерпан, люди начнут искать, что бы еще разрушить! Они бросятся друг на друга! Ты должен сохранять власть над армией!

Доксон задумчиво посмотрел на молодого лорда. Он считал Эленда глупым бездельником, но сейчас юноша говорил вполне здраво.

— Я помогу вам! — продолжил Эленд. — Оставьте в покое лордов и сосредоточьте усилия на братстве и Вседержителе — это и есть ваши настоящие враги!

— Послушай, — сказал Доксон, — я отведу отряды от крепости Венчер. Нет необходимости осаждать ее, если...

— Я отправил своих солдат в крепость Лекаль, — перебил его Эленд. — Отведи отряды от всех крепостей! Никто не собирается нападать на вас с флангов — все давно сбежали из столицы и дрожат от страха!

«Возможно, он говорит правду».

— Мы подумаем... — Доксон замолчал, увидев, что Эленд больше не обращает на него внимания.

«Проклятье, как трудно с ним разговаривать!»

Эленд меж тем уставился на Хэммонда, вынырнувшего из недр склада с новым мечом. Эленд долго приглядывался к нему, и вдруг глаза молодого лорда широко раскрылись.

— Я тебя знаю! Ты был среди тех, кто спас от казни слуг лорда Рену! — Эленд с горящим взглядом повернулся к Доксону. — Ты знаешь Валетт? Она скажет тебе, что меня стоит выслушать.

Доксон и Хэм переглянулись.

— Что такое? — спросил Эленд.

— Вин... — сказал Доксон, — Валетт... несколько часов назад ушла во дворец. Мне очень жаль, парень. Сейчас она, скорее всего, в темнице Вседержителя... если, конечно, до сих пор жива.

*

Кар втолкнул Вин в клетку. Она упала на пол, сильно ударившись, и покатилась, пока не наткнулась наконец на каменную стену.

Инквизитор улыбнулся и захлопнул дверь.

— Большое спасибо, — сказал он, глядя на Вин сквозь решетку. — Ты только что помогла нам достичь того, чего мы долго добивались.

Вин уставилась на него. Воздействие Вседержителя здесь ощущалось гораздо слабее.

— Как жаль, что с нами больше нет Бендала, — продолжал Кар. — Он много лет гонялся за твоим братом и клялся, что у Тевидиана был ребенок от скаа. Бедный Бендал... Если бы Вседержитель оставил Выжившего в Хатсине нам, мы смогли бы сполна насладиться мезтью! — Он покачал головой, уставив на Вин металлические стержни. — Что поделаешь... В итоге он оказался прав. Мы поверили твоему брату, но Бендал даже тогда не сдался и в конце концов нашел тебя.

— Мой брат? — спросила Вин, с трудом поднимаясь на ноги. — Он что, продал меня?

— Продал? — удивился Кар. — Он умер, клянись, что ты сдохла от голода много лет назад! Он день и ночь орал в руках палачей... а ведь это очень трудно — вынести пытки инквизиторов. Ты сама скоро узнаешь. — Кар улыбнулся. — Но сначала позволь мне показать тебе кое-что.

Несколько стражей втоптали в комнату обнаженного, связанного человека. Он был чудовищно избит и истекал кровью. Его затолкали в соседнюю клетку.

— Сэйзед? — в ужасе вскрикнула Вин, бросаясь к решетке.

Террисиец не шевелился, пока солдаты привязывали его за руки и за ноги к металлическим кольцам, вмурованным в пол. Сэйзеда так избили, что он находился без сознания и вдобавок был совершенно нагим. Вин отвернулась, смущенная, но успела взглянуть на нижнюю часть его живота, где на месте мужского достоинства виднелся лишь короткий шрам.

«Все террисийцы-управляющие — евнухи», — когда-то сказал ей Сэйзед.

Да, этому шраму было много лет... в отличие от свежих кровоподтеков, порезов и царапин.

— Мы поймали его, когда он пробрался во дворец следом за тобой, —

пояснил Кар. — Видимо, он беспокоился за тебя.

— Что вы с ним сделали? — тихо спросила Вин.

— Почти ничего — пока, — ответил Кар. — Зато теперь ты можешь представить, как я разговаривал с твоим братом. Я признаюсь: твой брат сошел с ума прежде, чем мы сумели вывести его тайну. Но я сглупил тогда и теперь признаю свою ошибку. Мы должны были мучить его гораздо дольше... медленнее и дольше. Это действительно было ошибкой. — Он злобно ухмыльнулся и кивнул в сторону Сэйзед. — Мы не повторим ее, детка. Нет... мы испробуем другую тактику. Ты будешь смотреть, как мы пытаем террисийца. Мы будем осторожны, постараемся, чтобы его боль длилась непрерывно, но не убила его раньше времени. А когда ты расскажешь нам все необходимое, мы остановимся.

Вин содрогнулась от ужаса:

— О нет!..

— О да! — возразил Кар. — Почему бы тебе пока не подумать о том, что мы собираемся сделать с ним? Ладно. Я нужен Вседержителю, мне пора идти... чтобы официально получить власть над братством. А когда я вернусь — приступим.

Он резко развернулся, и его черная сутана взметнулась в воздухе. Стражники вышли следом за ним и, судя по всему, заняли пост по ту сторону двери.

— Ох, Сэйзед... — пробормотала Вин, опускаясь на колени перед решеткой.

— Госпожа, — произнес вдруг Сэйзед на удивление бодрым голосом, — мы всегда убеждали вас не разгуливать в одном белье. Будь здесь мастер Доксон, он бы вас отругал.

Вин застыла, ошеломленная. Сэйзед с улыбкой покосился на нее.

— Сэйзед! — тихо воскликнула она, опасливо глядя на дверь. — Ты очнулся?

— Более чем, — подтвердил террисиец.

Казалось невероятным, что такой сильный и спокойный голос исходит из такого истерзанного тела.

— Прости, Сэйзед! — сказала Вин. — Зачем ты пошел за мной? Тебе следовало остаться дома, и пусть бы я творила глупости в одиночку!

Сэйзед повернул к ней покрытую синяками и ссадинами голову. Один его глаз заплыл, но второй смотрел ясно и внимательно.

— Госпожа, — очень серьезно заговорил Сэйзед, — я поклялся мастеру Кельсеру, что буду присматривать за вами. А террисийцы так просто не нарушают клятвы.

— Но ты ведь понимал, что тебя схватят! — сказала Вин, опуская взгляд.

— Конечно понимал, госпожа, — согласился Сэйзед. — Но как еще я мог заставить их привести меня к вам?

Вин вскинула голову:

— Привести тебя... ко мне?

— Да, госпожа. Думаю, у братства есть кое-что общее с моим народом. Оба недооценивают, на что способны хранители.

Он закрыл глаза, и вдруг его тело изменилось. Оно как будто обмякло, мышцы стали вялыми, кожа повисла на костях...

— Сэйзед! — закричала Вин, бросаясь на решетку в попытке добраться до хранителя.

— Все в порядке, госпожа, — откликнулся тот слабым голосом. — Мне нужно немного времени... чтобы собраться с силами.

«Собраться с силами».

Вин застыла, наблюдая за Сэйзедом. Прошло несколько минут.

«Такого не может быть».

Сэйзед выглядел страшно слабым, как будто из него до капли высосали все силы. Но вдруг он просто спрятал их где-то?

Внезапно глаза Сэйзеда широко распахнулись. Тело обрело привычные очертания, а потом мышцы начали расти, становясь все мощнее и мощнее, и вот Сэйзед уже сделался крупнее Хэма...

Сэйзед улыбнулся, повернувшись к Вин. Его голова сидела теперь на бычьей шее. Хранитель легко разорвал оковы и встал — огромный, нечеловечески сильный... и совсем непохожий на худощавого ученого, которого так хорошо знала Вин.

«Вседержитель писал о силе террисийцев, — подумала Вин, изумленно глядя на Сэйзеда. — О том, что какой-то Рашек поднял валун размером с себя самого и отбросил с дороги».

— Но они сняли с тебя все украшения! — пробормотала Вин. — Ты голый... где ты спрятал металлы?

Сэйзед улыбнулся, хватаясь за решетку, разделявшую их.

— Я кое-чему научился у тебя, госпожа. Я проглотил металл.

С этими словами Сэйзед легко раздвинул прутья решетки.

Вин обняла Сэйзеда:

— Спасибо!

— Не за что, — ответил Сэйзед, мягко отстраняясь.

Он приложил огромную ладонь к двери клетки и выдавил замок. Дверца распахнулась настежь.

— Поспешим, госпожа, — сказал Сэйзед. — Нам нужно скрыться.

Секундой позже в комнату ворвались двое стражников — те, что притащили Сэйзеда. Они застыли как вкопанные, увидев на месте едва живого, избитого мужчины пышущего силой гиганта.

Сэйзед двинулся на них с прутом от решетки наперевес. Но ферухимия, судя по всему, не придавала ему ловкости. Сэйзед шел неуверенно, пошатываясь, и стражники рванулись за дверь, отчаянно вопя и призывая подмогу.

— Идем, госпожа, — сказал Сэйзед, бросая прут. — Моей силы хватит ненадолго. Я проглотил слишком мало металла, и он быстро прогорит.

Сэйзед уже начал уменьшаться. Вин метнулась вон из комнаты. Дверь выводила в маленькую караульную, где стояла лишь пара стульев. На спинке одного из них висел плащ. Вин бросила его Сэйзеду.

— Спасибо, госпожа, — поблагодарил террисиец.

Вин подошла к двери караульной и выглянула наружу. Там оказался большой пустой холл, от которого отходили два коридора. У стены слева стояли деревянные ящики, а в центре помещения — большой стол. Вин содрогнулась, увидев на столе следы засохшей крови и острые инструменты.

«Вот тут мы оба и окажемся, если не поспешим», — подумала Вин и махнула рукой Сэйзеду, делая знак, что можно идти.

Но, не успев сделать и шага, она замерла, потому что в дальнем конце коридора появились несколько солдат. Впереди бежал тот, который удрал от Сэйзеда. Вин тихо выругалась — если бы у нее было олово, она услышала бы их шаги.

Вин оглянулась. Сэйзед, пошатываясь, выходил из караульной. Его ферухимическая сила была на исходе, а солдаты явно основательно избили его, прежде чем бросить в клетку. Сэйзед едва передвигался.

— Вперед, госпожа, — выдохнул он. — Бегите!

«Тебе еще многому надо научиться, — как наяву, услышала Вин голос Кельсера. — Надеюсь, однажды ты поймешь, что такое дружба».

«Я не могу бросить его. Не могу».

Вин ринулась в бой, по пути схватив со стола пару угрожающе блеснувших

скальпелей. Вин вспрыгнула на стол и бросилась на солдат.

У нее не было ни крошки металла, и все же она сумела отправить тело в полет — долгие месяцы практики помогли ей сделать это. Уже падая, Вин вонзила скальпель в шею ближайшего солдата. Она приземлилась жестче, чем рассчитывала, но устояла на ногах, очутившись поблизости от еще одного стражника. Тот выругался и повернулся к ней.

Меч ударился в стену рядом с Вин. Она взмахнула рукой и рассекла стражнику бедро. Тот упал, крича от боли.

«Их слишком много», — в отчаянии подумала Вин.

Их действительно было больше двух десятков. Вин попыталась броситься на третьего, но кто-то взмахнул дубиной — и ударил Вин в бок.

Она зашипела от боли и, пошатнувшись, уронила скальпель. У нее не было пьютера, и она рухнула на каменный пол, откатившись к стене.

Вин безуспешно пыталась встать. Неподалеку от нее без сил упал Сэйзед. Он снова пытался запасти энергию, но ему не хватало времени. Солдаты должны были вот-вот схватить его...

«Что ж, я, по крайней мере, попыталась, — подумала Вин, слыша, как из коридора выбегают еще солдаты. — Я не бросила Сэйзеда. Наверное, именно это Кельсер и имел в виду».

— Валетт! — донесся до нее знакомый голос.

Вин подняла голову и увидела, как в холл врывается Эленд с шестью солдатами. Эленд был одет в хороший костюм и держал в руке дуэльную трость.

— Эленд? — хрипло прошептала Вин, ничего не понимая.

— Ты в порядке? — с тревогой спросил он, подбегая.

Тут он заметил стражников братства. Те явно смутились при виде знатного лорда, но их было больше...

— Я забираю эту девушку! — громко сказал Эленд.

Его слова прозвучали храбро, но что он мог сделать... Из оружия при нем была только дуэльная трость. Пятеро его солдат носили красные мундиры Дома Венчер, но на одном — том, что шел впереди, — был мундир дворцовой стражи. Вин вдруг сообразила, что уже видела этого человека в имперской форме с сорванными нашивками.

«Он из тех, кого я убедила перейти на нашу сторону».

Теперь он явно передумал. Он попятился, не обратив внимания на слова Эленда, и дворцовая стража начала окружать маленький спасательный отряд.

— Валетт, беги! — настойчиво сказал Эленд, поднимая дуэльную трость.

— Идемте, госпожа! — поддержал его Сэйзед, подходя к ней, чтобы помочь встать.

— Мы не можем их бросить! — возразила Вин.

— Мы должны.

— Но ты пришел сюда ради меня. Теперь мы обязаны помочь Эленду!

Сэйзед покачал головой:

— Это не одно и то же, дитя. Я знал, что у меня есть шанс спасти вас. Но сейчас мы бессильны. Сострадание прекрасно, но бессмысленно без мудрости.

Вин позволила поднять себя. Солдаты Эленда сбились в кучу, чтобы отразить нападение дворцовой стражи. Эленд стоял перед ними, явно намереваясь сражаться до конца.

«Должен же быть какой-то выход!.. — в отчаянии подумала Вин. — Должен!»

И тут она увидела то, что искала. На одном из ящичков у стены комом лежала знакомая серая одежда...

Вин вырвалась из рук Сэйзедда как раз в тот момент, когда солдаты напали на спасательный отряд. За ее спиной вскрикнул Эленд, звякнули клинки...

Вин схватила свои вещи — штаны и рубаху. Под ними лежал ее плащ. Скомканный плащ рожденного туманом. Вин зажмурилась и сунула руку в боковой карман плаща.

Ее пальцы нащупали единственный уцелевший флакон...

Выхватив флакон, Вин бросилась в бой. Дворцовые стражники расступились. Двое из них лежали раненные на полу, но из строя выбыли и трое солдат Дома Венчер. К счастью, небольшие габариты помещения не позволяли дворцовой страже окружить отряд Эленда.

У Эленда была ранена рука, его дуэльная трость разлетелась в щепки. Он схватил чужой меч и держал его не слишком умело, с тревогой глядя на превосходящие силы противника.

— Я ошибался насчет молодого лорда, госпожа, — негромко сказал Сэйзед.
— Приношу свои извинения.

Вин улыбнулась, выдернула из флакона пробку и одним залпом проглотила смесь металлов.

Источники силы вспыхнули внутри ее. Свет вокруг стал ослепительно-ярким, звон металла — оглушительным, а в ослабевшее, уставшее тело вернулась сила... Боль показалась несущественной, головокружение исчезло, камни под босыми ногами сделались страшно жесткими...

Тут дворцовые стражники снова бросились в атаку, и Эленд взмахнул мечом — решительно, но неловко. И ошеломленно замер, потому что над его головой в воздухе пронеслась Вин.

Она приземлилась в гуще солдат, расшвыривая их силой стали. Те, что оказались по бокам от нее, мгновенно врезались в стены. Один попытался замахнуться дубиной, но Вин небрежно отвела его руку и ударила стражника ладонью по лицу — его шея громко хрустнула, а голова вывернулась под неестественным углом.

Стражник еще не успел упасть, как Вин подхватила его дубину и опустила

на голову того, что напал на Эленда. Дубина разлетелась в щепки, и Вин отбросила ее. Позади нее закричали, разбегаясь, солдаты, и Вин размазала нескольких о стену. Последний оставшийся затравленно заозирался, когда Вин мысленным рывком сдернула с него шлем и с силой впечатала его в грудь солдата. Тот полетел по коридору, сбивая с ног убежавших.

Вин шумно выдохнула и замерла над телами раненых и убитых.

«Теперь я понимаю, почему Кельсера так привлекали убийства».

— Валетт? — осторожно окликнул ее сбитый с толку Эленд.

Вин подбежала к нему, радостно обняла, прижалась лицом к плечу.

— Ты вернулся, — прошептала она. — Ты вернулся, вернулся, вернулся...

— Э-э... ну да. А... а ты, значит, рожденная туманом. Это любопытно. Знаешь, вообще-то, вежливость предписывает рассказывать друзьям о подобных вещах.

— Извини, — смущенно пробормотала Вин, все еще цепляясь за него.

— Конечно, — рассеянно отмахнулся Эленд. — Э-э... Валетт? А где твоя одежда?

— На полу, — ответила она, поднимая голову и глядя на него. — Эленд, как ты меня нашел?

— Твой друг, некий мастер Доксон, сообщил, что тебя держат во дворце. Вон тот милейший человек — кажется, его зовут капитан Горадель — оказался дворцовым стражником и знал, как пробраться сюда. С его помощью я, будучи аристократом, без особых хлопот смог попасть во дворец, а потом мы услышали крики в коридоре... Э-э... Валетт... Ты не могла бы одеться? Твой вид... отвлекает.

Вин улыбнулась:

— Ты нашел меня...

— Только непонятно зачем, — сухо произнес Эленд. — Ты, похоже, не

особо нуждалась в помощи.

— Это не важно, — сказала Вин. — Ты вернулся. До сих пор никто никогда не возвращался.

Эленд посмотрел на нее, хмурясь и не понимая, о чем идет речь. Подошел Сэйзед, держа в руках одежду Вин.

— Госпожа, пора уходить.

Эленд кивнул:

— В городе сейчас небезопасно. Скаа подняли мятеж... — Он умолк и посмотрел на Вин. — Но... э-э... ты, наверное, знаешь все лучше меня.

Вин кивнула и наконец-то отпустила его.

— Да, я участвовала в его подготовке. Но ты прав: там действительно небезопасно. Иди с Сэйзедом, он знаком с командирами мятежников. С ним они тебя не тронут.

Эленд и Сэйзед не сговариваясь уставились на Вин. Та быстро натянула штаны. В кармане она обнаружила сережку, принадлежавшую матери, и вдела ее в ухо.

— Идти с Сэйзедом? — переспросил Эленд. — А ты куда?

Вин надела просторную рубашку и посмотрела на потолок... даже сквозь каменные перекрытия она ощущала его. Он был там. Могущественный, как бог. Теперь, когда Вин столкнулась с ним лицом к лицу, она знала, какова его сила. Все мятежи скаа обречены, пока он жив.

— У меня осталось дело, Эленд, — сказала она, забирая у Сэйзеда плащ рожденного туманом.

— Вы считаете, госпожа, что сумеете одолеть его? — осторожно спросил Сэйзед.

— Я должна попытаться. Одиннадцатый металл работает, Сэйз. Я видела... кое-что. Кельсер был уверен, что в нем кроется какая-то тайна...

— Но... Вседержитель, госпожа...

— Кельсер умер ради того, чтобы мятеж начался, — решительно произнесла Вин. — Я должна добиться, чтобы он не кончился ничем. Это моя задача, Сэйзед. Кельсер этого не знал, но я знаю. Я должна остановить Вседержителя.

— Вседержителя? — изумленно спросил Эленд. — Это невозможно, Валетт! Он бессмертен!

Вин оглянулась, обхватила Эленда за шею и притянула к себе, чтобы поцеловать.

— Эленд, твоя семья добывала атиум для Вседержителя. Ты знаешь, где он хранится?

— Да, — растерянно кивнул Эленд. — В сокровищнице к востоку отсюда. Но...

— Ты должен забрать атиум, Эленд. Новому правительству понадобится куча денег, чтобы не позволить лордам отбить столицу.

— Нет, Валетт, — покачал головой Эленд. — Я должен спрятать тебя в надежном месте.

Она улыбнулась и повернулась к Сэйзеду. Террисиец кивнул ей.

— Не хочешь попытаться меня отговорить? — спросила Вин.

— Нет, — тихо ответил хранитель. — Боюсь, что вы правы, госпожа. Если не устранить Вседержителя... В общем, я не стану вас удерживать. Я лишь пожелаю удачи. И приду на помощь, как только уведу в укрытие юного лорда Венчера.

Вин кивнула, улыбнулась изумленному Эленду и посмотрела вверх. Туда, где ожидала ее темная гнетущая сила.

Воспламенив медь, Вин закрылась от воздействия Вседержителя.

— Валетт... — еле слышно позвал Эленд.

Она оглянулась:

— Не тревожься. Мне кажется, я знаю, как его убить.

38

Вот такие страхи мучат меня накануне возрождения мира, и я записываю их пером, на котором замерзают чернила. Рашек наблюдает за мной. Ненавидит меня. Пещера лежит над нами. Пульсирует. Мои руки дрожат. Но не от холода.

Завтра все кончится.

Вин взлетела над Кредикской Рощей. Шпили и башни походили на зубы неведомого монстра, затаившегося внизу. Темные, прямые, зловещие, они почему-то навевали Вин мысли о Кельсере, упавшем замертво с обсидиановым топором в груди...

Туман клубился вокруг нее. Он все еще был густым и плотным, но Вин уже видела на горизонте красноватые блики. Близился рассвет.

Внизу волновалось море огней. Вин ухватилась за один из тонких спилей, развернулась, держась за скользкий металл, и окинула взглядом столицу. Тысячи факелов горели в ночи, подобно стае светлячков. Постепенно они сливались в широкие потоки, стекавшие к дворцу.

«У дворцовой стражи нет шансов выстоять, — подумала Вин. — Но если скаа ворвутся во дворец, то сами вынесут себе приговор».

Она повернулась в другую сторону. Влажный металл охлаждал пальцы. Когда она в прошлый раз металась между шпильями Кредикской Рощи, то истекала кровью и почти ничего не понимала. Тогда ее спас вовремя подоспевший Сэйзед, но сейчас рассчитывать на помощь не приходилось.

Невдалеке Вин видела главную башню с тронным залом, и ее трудно было не узнать. Снаружи ее освещало кольцо факелов, заставлявших величественный витраж играть яркими красками... Внутри башни Вин ощущала его. Она выждала еще несколько мгновений, надеясь, что инквизиторы покинут зал.

«Кельсер верил, что ключ — в одиннадцатом металле», — подумала Вин.

У нее появилась на этот счет одна идея. Она могла сработать. Должна была.

*

— С этого мгновения, — громко говорил Вседержитель, — власть над братством даруется кантону инквизиции. Поэтому все прошения, которые подавались Тевидиану, отныне следует подавать Кару.

В тронном зале стало очень тихо. Вседержитель махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена.

«Наконец-то!» — подумал Кар.

Он вскинул голову, и его пронзенные металлическими стержнями глаза, как всегда, обожгло болью, но сейчас боль приносила радость. Этого момента инквизиторы ждали два столетия, осторожно плетя политические интриги, втайне поощряя продажность и раздоры между поручителями. Наконец они добились желаемого. Отныне инквизиторам не придется склоняться перед волей низших.

Кар улыбнулся преланам, прекрасно зная, как воздействует на них внимание инквизитора. Он ничего не видел — так, как видят простые смертные, — но обладал иными талантами. Он владел алломантией так тонко, так глубоко, что различал окружающий мир с ошеломляющей точностью.

Металлы присутствовали везде: в воде, камнях, стекле... даже в человеческих телах. Концентрация их была слишком мала, чтобы воздействовать на них алломантической силой, и большинство алломантов даже не ощущали их.

Однако глазами инквизитора Кар видел исходящие от всех предметов лучи — голубые нити, тонкие, почти незаметные, но именно они заменили ему зрение. Поручители перед ним походили на запутанные клубки голубых ниточек, и все их чувства — беспокойство, гнев и страх — отражались в их позах. Беспокойство, гнев, страх... какие приятные слова! Улыбка Кара стала шире, несмотря на усталость.

Он слишком долго бодрствовал. Жизнь инквизитора истощала телесные силы, ему необходимо было часто отдыхать. Его братья уже отправились в

свои комнаты, намеренно расположенные вблизи тронного зала. Они сразу же лягут спать. После утренней казни и напряженного вечера они, конечно, крайне измотаны.

Однако сам Кар остался. И теперь в тронном зале, освещенном пятью массивными бронзовыми жаровнями, находились только он и Вседержитель. Слуги погасили факелы снаружи, и витраж мгновенно потемнел.

— Ты получил, что хотел, — тихо сказал Вседержитель. — Может, теперь ты больше не будешь докучать мне.

— Да, Вседержитель, — ответил Кар, кланяясь. — Я думаю, что...

Послышался странный звук, словно что-то негромко звякнуло. Кар, нахмурившись, осмотрелся. Маленький металлический диск прокатился по полу и замер у его ног. Инквизитор поднял монетку, взглянул на огромное окно и увидел в стекле дырку.

«Что?!»

Тут же в витраже появились десятки дыр. Зал наполнило металлическое звяканье и звон осколков. Кар отступил на шаг.

Южная сторона окна разлетелась вдребезги и обрушилась внутрь под собственным весом.

За дождем разноцветных осколков в зал влетела маленькая фигурка в плаще из развевающихся лент. В руках она держала блестящие черные кинжалы. Девушка приземлилась на согнутые ноги, и в разбитое окно за ее спиной начал вползать туман. Он тянулся за девушкой, привлеченный алломантической силой, клубился вокруг нее. На мгновение она показалась посланником самой ночи...

Потом она прыгнула вперед, прямо на Вседержителя.

*

Вин воспламенила одиннадцатый металл. Призрак Вседержителя тут же возник перед ней, словно сотканный из тумана, — он стоял на ступенях

трона.

Вин не обратила внимания на инквизитора. Тварь, к счастью, реагировала очень медленно, и Вин уже пробежала полпути к трону, когда инквизитор шагнул за ней. Однако Вседержитель сидел совершенно спокойно, наблюдая за Вин с легким интересом.

«Когда в него вонзили два копья, он даже не поморщился, — подумала Вин, преодолевая последние футы до подножия трона. — Что ему сделают мои кинжалы?»

Но она и не собиралась нападать на Вседержителя. Вместо этого она взмахнула кинжалами и вонзила их в сердце призрачной фигуры.

Кинжалы прошли сквозь нее, как сквозь воздух. Вин пошатнулась и едва удержалась на ногах.

Она снова полоснула по туманному образу. И опять кинжалы не причинили ему вреда. Призрак даже не изменил очертаний.

«Но мой золотой образ? — разочарованно подумала Вин. — Его я могла потрогать... почему я ничего не способна сделать с этим?»

Одиннадцатый металл явно работал по-другому. Тень стояла неподвижно. Вин надеялась, что, если она убьет тень, нынешнее тело Вседержителя тоже умрет... К несчастью, призрак из прошлого оказался, судя по всему, таким же нематериальным, как тени, рожденные атиумом.

Вин проиграла.

Кар бросился на нее, схватил Вин за плечи, и они вместе отлетели от трона.

Вин зарычала, воспаменяя пьютер.

«Я теперь не бессильная девчонка, которую ты запер в клетке, Кар», — подумала она, отшвыривая от себя инквизитора в тот момент, когда они падали на пол.

Инквизитор хмыкнул, поневоле отпустил Вин. Правда, он успел вцепиться в ее плащ, но Вин сбросила его и, поднявшись на ноги,

отскочила в сторону.

— Инквизиторы! — проревел Вседержитель, вставая. — Ко мне!

Вин вскрикнула: его властный голос больно ударил по ушам.

«Надо выбираться отсюда, — подумала она. — Мы отыщем другой способ прикончить его».

Сзади на нее напал Кар, обхватил руками и сжал изо всех сил. Вин закричала от боли, распалила пьютер и попыталась вырваться, но Кар держал крепко. Одной рукой он стиснул ей горло, второй — перехватил запястья. Вин яростно боролась, вертелась и извивалась, но инквизитор не отпускал. Вин попыталась бросить инквизитора вместе с собой на дверь, спиной вперед, но задвижка на двери оказалась слишком мала для такой массы, и Кар лишь пошатнулся.

Вседержитель усмехнулся, опускаясь на трон.

— У тебя нет шансов, детка. Много лет назад Кар был солдатом. Он знает, как держать пленника, чтобы тот не сумел вырваться.

Вин продолжала бороться, хватая ртом воздух, однако Вседержитель, похоже, не врал. Она попыталась ударить Кара головой, но тот увернулся. Вин слышала его дыхание возле своего уха, пока он душил ее... почти страстное дыхание. В стекле она видела отражение двери, видела, как она открылась. Еще один инквизитор вошел в тронный зал, и его стальные глаза сверкнули в кривом зеркале витража...

«Вот и все», — подумала Вин в этот странный долгий момент, глядя на стелющийся по полу туман... он вливался в разбитое окно, расплзался по залу...

Как ни странно, туман не клубился вокруг нее, словно его что-то отгоняло. Вин восприняла это как знак окончательного поражения.

«Прости, Кельсер. Я предала тебя».

Второй инквизитор остановился рядом с собратом. Он поднял руку и схватил Кара за загривок. Послышался треск...

Вин, задыхаясь, упала на пол и откатилась в сторону. Пьютер мгновенно восстановил ее силы.

Кар стоял над ней, пошатываясь. Потом он вдруг завалился набок и растянулся на полу. Второй инквизитор держал в руке металлический стержень, похожий на те, что торчали из глаз Стальных инквизиторов.

Вин посмотрела на неподвижное тело Кара. Его сутана была разорвана на спине, и Вин увидела окровавленную дыру между лопатками. Достаточно широкую, чтобы вставить в нее металлический стержень... Кар не шевелился. Он был мертв.

«Еще один стержень! — изумленно подумала Вин. — Инквизитор выдернул его из спины Кара — и тот умер! Вот в чем секрет!»

— В чем дело? — проревел Вседержитель и вскочил так стремительно, что каменный трон свалился с возвышения.

Мраморная махина треснула и раскололась на куски.

— Предательство! Среди моих верных слуг!

Инквизитор вдруг бросился на Вседержителя. От резкого движения капюшон упал с его головы, и Вин показалось, что в лице инквизитора есть что-то знакомое, несмотря на кошмарные стержни, пробившие насквозь череп. Тварь была лысой, странно одетой и все равно чем-то напоминала Кельсера...

«Нет, не Кельсера, — сообразила вдруг Вин. — Это Марш!»

Марш, со свойственной инквизиторам сверхъестественной скоростью, взлетел на возвышение. Вин никак не могла отдышаться, но от удивления забыла об всем. Марш жив...

Марш стал инквизитором!

«Значит, инквизиторы проверяли его не потому, что заподозрили в чем-то. Они намеревались принять его в свои ряды!»

А теперь, похоже, Марш хотел схватиться с Вседержителем.

«Я должна помочь ему. Может, он знает, как убить Вседержителя? Он ведь выяснил, как уничтожить инквизитора!»

Марш уже стоял на ступенях трона.

— Инквизиторы! — снова закричал Вседержитель. — Сюда!..

Он внезапно умолк, и взгляд его упал на распахнутую дверь.

На пороге лежали стальные стержни — такие же Марш вырвал из спины Кара. Их было не меньше семи...

Марш хищно улыбнулся, напомним Кельсера в моменты, когда тот сильно злился. Вин подошла к подножию трона, бросила монетку и взлетела под потолок.

Чудовищная, необъятная сила ярости Вседержителя ударила ее еще на полпути. Разрывающая душу тяжесть пробила медную защиту. Вин сильнее разожгла медь, но ей все равно не удалось полностью закрыться от давления Вседержителя.

Марш пошатнулся, и Вседержитель занес над ним руку — точно так же, как над Кельсером тогда... К счастью, Марш успел опомниться и увернуться от удара. Он зашел Вседержителю за спину и схватил его за черный камзол. Марш резко дернул, ткань разорвалась до самой поясницы Вседержителя.

Марш застыл с непонятным Вин выражением лица, и Вседержитель ударил его локтем в живот, отчего тот отлетел в противоположный конец зала. Когда Вседержитель повернулся к ней спиной, Вин заметила то, что прежде заметил Марш.

То есть ничего. В прорехе виднелась самая обычная мускулистая спина. Человеческая спина. У Вседержителя, в отличие от инквизиторов, не было вживленных в плоть металлических стержней.

«Ох, Марш!»

Внутри Вин как будто что-то оборвалось. Да, мысль была отличной, уж явно лучше, чем попытка Вин использовать одиннадцатый металл, но и тут

их ждала неудача...

Марш упал, сильно ударившись головой, проехался по каменным плитам и врезался в стену. Он остался лежать распластанным на полу под разбитым витражом.

— Марш! — закричала Вин, отталкиваясь сталью и бросаясь к нему.

Когда она была уже в воздухе, Вседержитель небрежно махнул рукой...

Вин почувствовала, как нечто ударило ее. Было ощущение, что Вседержитель притянул металлы в ее желудке, но, конечно, ощущение ложное. Кельсер уверял, что ни один алломант не в силах воздействовать на металлы внутри чьего-либо тела.

Но он говорил еще, что ни один алломант не может гасить чувства того, кто находится под медной завесой...

Разбросанные по полу монеты вдруг зазвенели и покатались к выходу. Стальные стержни на пороге звякнули и унеслись в коридор. И что и вовсе невероятно, невидимая рука как будто смахнула с подножия трона осколки стекла.

Вин согнулась, металлы рвались вон из ее желудка прямо сквозь ребра. Почти без сознания, она упала на пол. Вин лежала, и в ее кружащейся голове осталась единственная мысль.

Какая сила!..

Вседержитель спустился с возвышения, и Вин услышала его шаги. Он шел не спеша, попутно срывая камзол и рубашку. Он остался обнаженным до пояса, и лишь драгоценные украшения сверкали на его пальцах и запястьях, да два тонких браслета глубоко впились в кожу предплечий.

«Умно, — подумала Вин, с трудом поднимаясь на ноги. — Нельзя подтолкнуть его или притянуть силой металла».

Вседержитель печально покачал головой. Его ноги тонули в тумане, устилавшем зал. Он выглядел таким сильным: молодой, красивый, поигрывающий мышцами... Вин ощущала мощь его алломантии — медная

завеса почти не спасала от этого.

— О чем ты думала, детка? — негромко спросил Вседержитель. — Хотела победить меня? Как будто я обычный инквизитор, как будто моя сила искусственно создана?

Вин воспламенила пьютер и бросилась к Маршу. Она хотела поднять его и вместе с ним выпрыгнуть в окно.

Но Вседержитель уже стоял на ее пути — она не сумела уловить, когда он успел переместиться. Даже бешено прожигая пьютер, Вин не смогла бы обогнать его. Он небрежно схватил ее за плечо и поволок за собой, как тряпичную куклу, к массивным колоннам у входа в зал.

Вин судорожно пыталась найти якорь, но Вседержитель вымел из зала все металлические предметы. Кроме...

Вин в отчаянии потянула за браслет на предплечье Вседержителя. Тот махнул рукой, пресекая ее попытку, и Вин завертелась на месте. Он снова ударил ее, отшвыривая назад.

Рвались прочь из желудка Вин металлы, дребезжали стекла в витраже. Материнская сережка выскочила из уха...

Вин попыталась приземлиться на ноги, но с жуткой силой врезалась в каменную колонну, и даже пьютер ей не помог. Отчаянная боль пронзила правую ногу.

Вин упала. Она боялась открыть глаза, хотя и без того знала, что нога сломана.

Вседержитель покачал головой. Теперь Вин понимала, почему он не боялся носить драгоценности. Учитывая его силу и опыт, только полный дурак — или дура — мог хвататься алломантией за его украшения. Вседержитель таким образом просто получал дополнительную возможность воздействовать на противника.

Он шагнул вперед, и под его ногой хрустнули осколки стекла.

— Ты думаешь, меня впервые пытаются убить, детка? Я слишком многое

пережил. Меня сжигали, мне отрубали голову. Резали ножами, били камнями, отсекали руки и ноги. Однажды с меня даже содрали кожу, давно, еще в самом начале.

Он обернулся к Маршу, все так же качая головой. Как ни странно, в этот момент к Вин вернулось прежнее ощущение. Вседержитель казался усталым. Изможденным. И дело не в том, как выглядело его тело, — тело было прекрасным. Нет, так складывалось общее впечатление. Вин попыталась подняться, цепляясь за колонну.

— Я — бог! — сказал Вседержитель.

«Он не похож на того робкого типа, писавшего дневник».

— Бога невозможно свергнуть. Этот ваш бунт — вы думаете, я не видел подобного раньше? Думаете, мне не приходилось лично уничтожать целые армии? Когда же вы, люди, прекратите наконец заниматься глупостями? Сколько веков я должен доказывать истину безмозглым скаа? Скольких еще я должен убить?

Вин вскрикнула, наступив на сломанную ногу. Она воспламенила пьютер, но на глазах все равно выступили слезы. Металлы подходили к концу. Пьютер выгорел почти дотла, а без него ей, пожалуй, не остаться в сознании... Вин прислонилась к колонне. Алломантическая сила Вседержителя давила на нее. Нога невыносимо болела.

«Он слишком силен, — в отчаянии думала Вин. — Он прав. Он — бог. На что мы рассчитывали?»

— Как ты осмелился? — спросил Вседержитель, ставя на ноги обмякшего Марша.

Марш чуть слышно застонал, пытаясь поднять голову.

— Как? После того, что я дал тебе! Я поставил тебя выше прочих! Я даровал тебе могущество и власть!

Вин вдруг вскинулась. Сквозь боль и безнадежное отчаяние что-то всколыхнулось в ее памяти...

«Он постоянно повторяет... повторяет, что его слуги должны стоять выше других».

Вин мысленно обратилась к своим источникам силы, нащупав последний кусочек одиннадцатого металла. Она воспламенила его, сквозь слезы глядя на Вседержителя.

Рядом с ним появился призрак из прошлого. Человек в меховом плаще и тяжелых башмаках, крепко сбитый, с окладистой бородой. Не аристократ и не тиран. Не герой и даже не воин. Просто человек, привыкший жить в холодных горах. Пастух.

Или носильщик.

— Рашек, — прошептала Вин.

Вседержитель изумленно повернулся к ней.

— Рашек, — повторила Вин. — Тебя ведь так зовут? Это не ты писал дневник. Ты не герой, посланный спасти человечество... ты его слуга. Ты ненавидел его. — Вин перевела дыхание. — Ты... убил его, — шепотом продолжила она. — Вот что случилось в ту ночь! Вот почему дневник обрывается на полуслове! Ты убил героя и занял его место. Ты поднялся в пещеру вместо него и захватил силу — для себя. Вместо того чтобы спасти мир, ты поработил его.

— Ты не знаешь! — прорычал Вседержитель, держа на вытянутой руке безвольное тело Марша. — Ты ничего об этом не знаешь!

— Ты ненавидел его, — сказала Вин. — Ты считал, что героем следовало стать террисийцу, а не чужаку. Ты не мог стерпеть, что один из тех, кто поработил твой народ, явился претворить в жизнь ваши легенды!

Вседержитель поднял свободную руку, и на Вин навалилась невыносимая тяжесть. Алломантическая сила Вседержителя грозила размазать ее по колонне. Вин закричала и подожгла остатки пьютера, пытаясь не потерять сознания. Вокруг нее клубился туман...

Снаружи, за разбитым окном, Вин слышала звон колоколов. Они как будто возвещали о радостном событии. До нее доносились тысячи голосов. Они,

казалось, прославляли ее...

«Что толку? — подумала она. — Я знаю тайну Вседержителя, но что она мне дает? Хорошо, он был носильщиком. Слугой. Да, он террисиец... Ферухимик?!»

Сквозь пелену боли Вин всмотрелась в Вседержителя и снова обратила внимание на незамкнутые браслеты. Браслеты из неизвестного металла, глубоко врезающиеся в кожу. Настолько глубоко, что на них нельзя воздействовать алломантической силой. Но зачем? Вседержитель якобы носил металлические украшения как символ своего превосходства. Он не боялся алломантов...

А может, он просто говорил так?.. Но что, если все остальные его кольца и браслеты лишь маскировка?

И смысл маскировки в том, чтобы отвлечь внимание от пары невзрачных браслетов.

«Неужели так просто?» — подумала Вин, с трудом сопротивляясь давлению Вседержителя.

Пьютер почти иссяк. Она едва соображала, но все же воспламенила железо. Вседержитель умел проникать сквозь медную завесу. Вин тоже умела. В чем-то они были похожи. И если ему удавалось воздействовать на металлы внутри человеческого тела, то и у нее получится.

Железо вспыхнуло. Голубые линии протянулись к кольцам и браслетам Вседержителя — ко всем, кроме тех, что почти вросли в кожу.

Вин с предельной сосредоточенностью жгла железо и тянула — так сильно, как только могла. Она не гасила пьютер, чтобы Вседержитель не раздавил ее, но воздуха все равно не хватало.

Вокруг Вин клубился, танцевал туман, притянутый алломантией. Она умирала. Она знала это. Она уже почти не чувствовала боли. Она была раздавлена. Задышалась.

Она погрузилась в туман.

Тут возникли две новые голубые линии. Вин вскрикнула и потянула с такой силой, какой сама от себя не ожидала. Она все ярче разжигала железо, и давление Вседержителя вдруг подсказало ей, как именно следует тянуть его браслеты. Гнев, отчаяние и безумная боль смешались в ней, но она тянула и тянула, ничего больше не замечая.

Пьютер выгорел дотла.

«Он убил Кельсера!»

Браслеты сорвались. Вседержитель закричал от боли, но его крик донесся до Вин откуда-то издалека. Тяжесть, давившая на нее, внезапно исчезла, и Вин упала на пол. В глазах было темно. Окровавленные браслеты ударились об пол и покатались по мраморным плитам. Вин подняла глаза, воспламенив олово, чтобы хоть что-то видеть.

Вседержитель стоял на прежнем месте, но глаза его расширились от ужаса, а по рукам текла кровь. Он выпустил Марша и бросился за укатившимися браслетами. Из последних сил Вин толкнула браслеты прочь от Вседержителя. Он развернулся и увидел, как они вылетели в разбитое окно.

— Нет! — закричал Вседержитель, делая шаг к окну.

Его могучие мышцы сразу же обмякли, как это было с Сэйзедом, когда у него кончилась ферухимическая сила. Он повернулся к Вин, охваченный яростью, и лицо его менялось на глазах. Теперь он выглядел человеком средних лет...

Он шагнул к Вин. В его волосах появилась седина, вокруг глаз прорезались морщинки, похожие на тонкую паутину.

Его следующий шаг был уже неуверенным. Вседержитель дрожал под грузом прожитых лет, его спина согнулась, волосы посыпались с головы.

А потом он рухнул на пол.

Вин прислонилась к колонне. Голова шла кругом от боли. Она перестала что-либо соображать. Ей надо было отдохнуть.

— Госпожа! — донесся до нее чей-то голос.

Рядом очутился Сэйзед. Его лоб был мокрым от пота. Он что-то влил ей в рот, она проглотила...

Тело само знало, что делать дальше. Вин инстинктивно воспламенила пьютер, и он сразу наполнил ее силой. Подождла олово — и мгновенно обострившиеся чувства заставили ее очнуться. Вин глубоко вдохнула, глядя в озабоченные глаза Сэйзеда.

— Осторожнее, госпожа, — предупредил он, осматривая ее. — Кость раздроблена.

— Марш, — выдохнула Вин. — Посмотри, как там Марш...

— Марш? — переспросил Сэйзед.

И тут он увидел тяжело ворочавшегося на полу инквизитора.

— О забытые боги! — воскликнул Сэйзед, направляясь к Маршу.

Марш застонал и сел. Одну руку он прижимал к животу.

— Что... что случилось?

Вин окинула взглядом иссохшее тело на мраморном полу.

— Это Вседержитель. Он мертв.

Сэйзед недоуменно вскинул брови и выпрямился. На нем была коричневая ряса, и с собой он принес простое деревянное копье. Вин покачала головой. С таким жалким оружием Сэйзед хотел сражаться с тварью, едва не убившей их с Маршем.

«В некотором смысле все мы бессильны. Это мы должны были погибнуть, а не Вседержитель. Но я сорвала с него браслеты. Как мне удалось? Почему я не такая, как другие рожденные туманом?»

— Госпожа, — осторожно окликнул Сэйзед, — он... я думаю, он не умер. Он еще жив.

— Что?

Вин нахмурилась. В голове у нее еще не окончательно прояснилось. Сэйзед был прав: Вседержитель жил. Дряхлый старец жалко извивался на полу, пытаясь подползти к разбитому окну, за которым исчезли его браслеты.

Марш с трудом поднялся на ноги, отмахнувшись от Сэйзеда.

— Я быстро оправлюсь. Займись лучше девочкой.

— Помоги мне встать, — попросила Вин.

— Госпожа! — укоризненно воскликнул Сэйзед.

— Пожалуйста!

Сэйзед вздохнул и протянул ей копьё:

— Вот, обопритесь.

Вин схватилась за копьё, и Сэйзед помог ей подняться.

Опираясь на древко, она дохромала до Вседержителя. Тот подполз к окну и смотрел на город сквозь разбитое стекло.

Под ногами Вин хрустели осколки. Люди внизу ликовали, но Вин не видела их и не знала причин их восторга.

— Слушай, — прошипел Сэйзед. — Слушай, ты, бывший нашим божеством. Ты слышишь эти голоса? Они не тебя прославляют... они никогда не прославляли тебя. Они нашли нового вождя и обрели гордость.

— Мои... поручители... — шепнул Вседержитель.

— Твои поручители забудут о тебе, — сказал Марш. — Я об этом позабочусь. Остальные инквизиторы мертвы, я лично убил их. Ты ведь сам передал всю власть кантону инквизиции. А я — единственный инквизитор в Лютадели. Теперь я правлю твоей церковью.

— Нет... — выдохнул Вседержитель.

Марш, Вин и Сэйзед стояли рядом, глядя на древнего старика. В первых лучах утреннего солнца Вин рассмотрела наконец огромную толпу перед

дворцом.

Вседержитель посмотрел вниз, на толпу, и, похоже, осознал свое поражение. Он перевел взгляд на тех, кто победил его.

— Вы не понимаете, — прохрипел он. — Вы не знаете, что я делаю для человечества. Я действительно был вашим богом, даже если вы этого не осознавали. Убив меня, вы обрекли себя...

Троица переглянулась. Вседержитель закашлялся и как будто постарел еще сильнее.

Вин оперлась на Сэйзеда, стиснув зубы от боли в сломанной ноге.

— Тебе привет от нашего общего друга, — тихо сказала она. — Он хочет, чтобы ты знал: он не умер. Его невозможно убить. Потому что он есть надежда.

А потом она подняла копьё и вонзила его в сердце Вседержителя.

Эпилог

Как ни странно, время от времени я ощущаю небывалый покой. Казалось бы, после всего, что я видел, и всего, что мне пришлось пережить, моя душа должна биться в тисках смятения и боли. Так оно и есть.

Но иногда приходит покой.

Я чувствую его, как сейчас, когда смотрю на замерзшие скалы и оледеневшие воды, ранним утром наблюдая за рассветом столь величественным, что ничто не в силах сравниться с ним.

Если пророчества верны, если Герой Веков существует, то должно быть и нечто, направляющее мои шаги. Наблюдающее за мной, охраняющее меня. Эта вера дает мне спокойствие, напоминает о самом главном.

Если я потерплю неудачу, кто-нибудь другой завершит мое дело.

Я могу сделать только один вывод, мастер Марш, — сказал Сэйзед. — Вседержитель был одновременно и алломантом, и ферухимиком.

Вин нахмурилась. Она сидела на крыше пустого здания в трущобах скаа. Ее сломанная нога, аккуратно перевязанная Сэйзедом, свешивалась с крыши.

Вин проспала весь день, как и сидевший сейчас рядом с ней Марш. Сэйзед за это время подробно пересказал все новости остальным членам команды. Судя по всему, команда не понесла особых потерь, чему Вин была несказанно рада. Сама она еще никого не видела. Сэйзед заявил, что Вин нуждается в отдыхе. Да и друзья были слишком заняты — вместе с Элендом они собирали новое правительство.

— Ферухимик и алломант, — задумчиво протянул Марш.

Он действительно быстро восстановился. Тогда как у Вин болели ушибы, сломанные кости и порезы, полученные в схватке, Марш успел залечить сломанные ребра. Он наклонился вперед, уставив на город металлические стержни.

«Как он вообще что-то видит?» — подумала Вин.

— Да, мастер Марш, — кивнул Сэйзед. — Видишь ли, молодость — одно из качеств, которые могут накапливать ферухимики. Умение в целом бесполезное, ведь чтобы выглядеть и чувствовать себя молодым, ферухимику приходится часть жизни проводить стариком. Хранители, правда, пользуются этим для маскировки и меняют свой возраст, скрываясь от преследования. Но больше, пожалуй, это нигде не пригождается. Однако, если ферухимик родился одновременно и алломантом, события принимают иной оборот. Он получает способность воспламенять собственные запасы металлов, высвобождая вдесятеро больше энергии. Госпожа Вин пыталась как-то поджечь мой металл, но не сумела овладеть его силой. Однако, если самому создавать ферухимические запасы, а потом поджигать их...

Марш нахмурился:

— Я не понимаю, Сэйзед.

— Прошу прощения. Наверное, в этом трудновато разобраться, не зная основ алломантии и ферухимии. Я объясню по-другому. В чем основная разница между алломантами и ферухимиками?

— Алломанты извлекают силу из металлов, — сказал Марш. — А ферухимики — из собственного тела.

— Совершенно верно, — кивнул Сэйзед. — Представь, что Вседержитель соединил оба дара. Он использовал возможность ферухимиков изменять свой возраст, но он при этом питался не внутренней силой, а алломантической, внешней. Сжигая ферухимические запасы, которые сам же создавал внутри себя, он успешно изготовил новый алломантический металл — тот, что при воспламенении делает человека моложе. Если моя догадка верна, он имел неисчерпаемый запас молодости, поскольку брал силу из металла, а не из собственного тела. И все, что ему приходилось делать, — это время от времени старить свое тело, чтобы пополнить ферухимический запас.

— Значит, — уточнил Марш, — сжигание металла делало его моложе, чем в то время, когда все началось?

— Думаю, он разместил эту избыточную молодость среди других ферухимических запасов, — ответил Сэйзед. — Вседержитель не хотел тратить всю молодость сразу и накапливал ее в металлических предметах, из которых и тянул понемножку, постоянно оставаясь молодым.

— Ты о браслетах?

— Да, мастер Марш. Однако ферухимия рождает и обратный эффект. Например, чтобы стать сильнее, нужно на какое-то время ослабеть. В случае Вседержителя это значило, что ему приходилось тратить все больше и больше молодости, чтобы остановить старение. И когда госпожа Вин сорвала с него браслеты, он с невообразимой скоростью состарился. Его тело мгновенно устремилось к тому физическому состоянию, в каком ему следовало пребывать по законам природы.

Вин, наслаждаясь прохладным вечерним ветерком, смотрела на крепость Венчер. Она была ярко освещена. Не прошло и суток, а Эленд уже успел встретиться с вождями скаа и представителями знати и начал разрабатывать свод законов для нового государства.

Вин сидела молча, то и дело ощупывая сережку в ухе. Она нашла ее в тронном зале и вдела в разорванную мочку, как только та начала подживать. Вин и сама не знала, почему так цепляется за эту простенькую вещицу.

Может, потому, что сережка связывала ее с Рином и матерью, пытавшейся ее убить. А может, потому, что она напоминала о вещах, которые ей вообще не стоило делать.

Теперь ей следовало многому научиться, и в первую очередь — тайнам алломантии. Тысячу лет аристократы просто верили тому, что говорили инквизиторы и Вседержитель. Но кто знает, какие секреты они скрывали, какие металлы прятали?

— Вседержитель, — заговорила наконец Вин, — он ведь... получается, он просто пользовался своими талантами, чтобы оставаться бессмертным. Значит, на самом деле он не был богом? Ему просто повезло. Любой, владеющий одновременно и ферухимией, и алломантией, мог бы проделать то же самое.

— Похоже на то, госпожа, — согласился Сэйзед. — Думаю, потому-то он так сильно боялся хранителей. Он охотился за ферухимиками, зная, что это искусство наследуется — точно так же, как алломантия. И если бы однажды кровь террисийцев смешалась с кровью имперской знати, в результате могли родиться дети, способные бросить ему вызов.

— Потому он и ввел особые методы воспитания в Террисе, — добавил Марш.

Сэйзед кивнул:

— Он хотел быть абсолютно уверенным, что мужчины Терриса не обзаведутся подругами иного происхождения. Они могли передать детям скрытый дар ферухимии.

Марш покачал головой:

— А ведь это его народ! И он издевался на нем лишь ради того, чтобы сохранить власть!

— Но если сила Вседержителя происходила от смешения ферухимии и алломантии, — сказала Вин, — что случилось тогда у Источника Вознесения? О чем писал тот человек в дневнике — кем бы он ни был? Что он предполагал найти?

— Не имею представления, госпожа, — тихо ответил Сэйзед.

— Мы по-прежнему многого не знаем, — сказала Вин, качая головой.

Она не стала упоминать о собственных странных способностях, а заговорила о Вседержителе:

— Он был так могуществен, Сэйзед! Я кожей ощущала его алломантическую силу. Он воздействовал на металлы в моем желудке! Может, он усовершенствовал ферухимический дар, научившись воспламенять запасы металлов, но как он развил алломантические способности?

Сэйзед вздохнул:

— Боюсь, что единственный человек, знавший ответы на ваши вопросы, умер сегодня утром.

Вин немного помолчала. Вседержитель владел тайнами религии Терриса, которые хранители много столетий пытались раскрыть.

— Мне очень жаль. Наверное, мне не следовало его убивать.

Сэйзед усмехнулся:

— Тогда его убил бы собственный возраст, госпожа. Вы поступили правильно. Я внесу в хроники упоминание о том, что Вседержитель был сражен одной из угнетенных им скаа.

Вин покраснела:

— В хроники?

— Разумеется. Я по-прежнему остаюсь хранителем, госпожа. Я должен запоминать все, в том числе исторические события.

— Но ты ведь не станешь много писать обо мне?

Почему-то мысль о том, что о ней станут рассказывать легенды, смущала Вин.

— Я бы на вашем месте не беспокоился, госпожа, — с улыбкой сказал Сэйзед. — Я и мои братья будем очень заняты в ближайшее время. Нужно многое запомнить и сохранить, еще больше — рассказать миру... Сомневаюсь, что ваша история так скоро понадобится человечеству. Я запишу все, что произошло, но какое-то время придержу эти знания, если хотите.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Вин.

— Та сила, которую Вседержитель обнаружил в горах, — сказал неожиданно Марш, — может, это была алломантия? Ты ведь говорил, что об алломантии нет упоминаний до его восхождения на трон.

— Это возможно, мастер Марш, — согласился Сэйзед. — О происхождении алломантии говорит всего несколько легенд, и они утверждают, что алломанты «появились вместе с туманом».

Вин сдвинула брови, размышляя. Она всегда считала, что прозвище «рожденный туманом» возникло оттого, что алломанты предпочитают выходить по ночам. Она никогда не думала, что связь может быть более глубокой.

«Туман реагирует на алломантическую силу. Он кружится возле алломантов, тянется к ним, когда они воспаляют металлы. Что я почувствовала в тронном зале, уже умирая? Мне показалось, я извлекаю нечто из тумана».

Что бы она ни сделала тогда, повторить это Вин была не в состоянии.

Марш вздохнул и поднялся. Он проснулся несколько часов назад, но уже выглядел уставшим. Голова его постоянно клонилась вперед, как будто ее тянули к земле металлические стержни.

— Это... больно, Марш? — спросила Вин. — Все эти железки...

Марш ответил не сразу.

— Да, — сказал он. — Все одиннадцать... пульсируют. Боль как будто отражает мои чувства.

— Одиннадцать? — изумилась Вин.

Марш кивнул:

— Да. Два стержня в голове, восемь в груди, один в спине — он соединяет все остальные. Это, кстати, единственный способ без труда убить инквизитора — отделить верхние стержни от нижних. Кел для этого лишил инквизитора головы, но куда легче выдернуть центральный стержень.

— А мы думали, что ты умер, — сказала Вин. — Когда мы нашли труп и столько крови...

Марш кивнул:

— Я хотел послать весточку, что жив, но в первые дни они постоянно следили за мной. А я не ожидал, что Кел начнет форсировать события.

— Никто не ожидал, мастер Марш, — заметил Сэйзед. — Никто ничего подобного вообще не предполагал.

— Но он это сделал, — сказал Марш, качая головой. — Негодяй! Я никогда не прощу ему две вещи. Первое — что он украл мою мечту разрушить Последнюю империю и сам все провернул.

Вин подождала, но Марш молчал, и тогда она спросила:

— А второе?

Марш обратил к ней металлические глаза:

— Второе — что он позволил убить себя ради этого.

— Разрешите спросить, мастер Марш, — обратился Сэйзед, — чей труп нашли тогда госпожа Вин и мастер Кельсер?

Марш отвернулся, глядя на город.

— Вообще-то, там было несколько трупов. Видите ли, процесс изготовления нового инквизитора довольно грязен. Я бы предпочел не говорить об этом.

— Да, конечно. — Сэйзед склонил голову.

— А вот ты, — сказал Марш, — мог бы рассказать мне о существе, из которого Кельсер слепил лорда Рену.

— О кандре? Боюсь, даже хранителям не много о них известно. Кандры сродни туманным призракам, а может, это одно и то же, только кандры старше. Они предпочитают держаться в тени, оставаться незамеченными — люди не любят их, — но некоторые из знатных Домов нанимают их от случая к случаю.

Вин нахмурилась:

— Тогда... почему Кельсер не выставил такого кандру, чтобы тот погиб вместо него?

— Видишь ли, госпожа, — вздохнул Сэйзед, — кандре, чтобы кого-то изобразить, требуется сначала съесть его. Кандры такие же, как туманные призраки, у них нет собственного облика.

Вин содрогнулась:

— Ох!..

— А знаешь, он вернулся, — сказал Марш. — Он больше не использует тело моего брата, нашел какое-то другое, но явился повидать тебя, Вин.

— Меня? — По спине Вин пробежал холодок.

Марш кивнул:

— Он что-то говорил о предсмертных распоряжениях Кельсера. Мне кажется, это существо видит в тебе своего нового хозяина.

Вин вздрогнула.

«Это... эта тварь сожрала тело Кельсера».

— Я не хочу, чтобы оно тут было, — сказала она. — Я его прогоню.

— Не стоит торопиться, госпожа, — возразил Сэйзед. — Кандры — очень

ценные слуги, но с ними рассчитываются атиумом. Если Кельсер оплатил долгосрочный контракт с кандрой, глупо отказываться от его услуг. Кандра может оказаться весьма полезным союзником.

Вин покачала головой:

— Меня это не волнует. Я не хочу, чтобы оно болталось рядом. Особенно после того, что оно сделало.

Все замолчали. Наконец Марш вздохнул:

— В любом случае, если не возражаете, мне пора в крепость — новый король хочет, чтобы я ознакомил его с делами братства.

Вин нахмурилась:

— Я не понимаю... а зачем нам вообще теперь братство?

— У поручителей осталась власть, и немалая, госпожа, — пояснил Сэйзед.

— К тому же они наиболее опытные чиновники в Последней империи. Его величество поступит мудро, если постарается привлечь их на свою сторону, и признание власти мастера Марша поможет ему в этом.

Марш пожал плечами:

— Если я сумею взять власть над ортодоксальным кантоном, братство сильно изменится в ближайшие несколько лет. Я буду действовать медленно и осторожно. Поручители пока не осознали даже, чего лишились. А вот другие инквизиторы могут оказаться опасны.

Вин кивнула:

— А сколько их за пределами Лютадели?

— Не знаю, — ответил Марш. — Я ведь недолго работал в братстве. Многие говорят, что Стальных инквизиторов было около двадцати. Лично мне не удалось узнать точное количество.

Марш ушел, а Вин задумалась о последних событиях. Теперь, когда она знала их тайну, инквизиторы не сильно ее беспокоили. А вот кое-что

другое...

«Вы же не знаете, что я делаю для человечества. Я ваш бог, даже если вы этого не осознаете. Убив меня, вы обрекли себя».

Таковы были последние слова Вседержителя. В тот момент Вин думала, что он имел в виду Последнюю империю, когда говорил о человечестве. Но теперь она начала сомневаться. Когда старик произносил это, в его глазах стоял страх.

— Сэйз? — окликнула она хранителя. — А что такое Бездна? Что должен был победить тот герой?

— Хотелось бы мне знать, госпожа, — ответил Сэйзед.

— Но она ведь так и не явилась?

— Видимо, нет. Все легенды говорят: если бы Бездну не остановили, весь мир пришел бы в упадок. Конечно, подобные истории вечно грешат преувеличениями. Возможно, опасность, которую называли Бездной, являлась на самом деле Вседержителем. Он должен был сделать выбор: подчинить себе мир или позволить ему остаться свободным.

Вин его слова не убедили. Тут скрывалось что-то еще. Вин слишком хорошо помнила страх в глазах Вседержителя. Точнее, ужас.

«Он сказал „делаю“, а не „сделал“. „Что я делаю для человечества“. То есть надо понимать, что он до последнего что-то делал. И еще он сказал: „Вы обрекли себя“».

Похолодало. Солнце садилось, и свет крепости Венчер становился все ярче в наступавших сумерках. Эленд устроил там временную штаб-квартиру, хотя мог сразу перебраться в Кредикскую Рощу.

— Идите к нему, госпожа, — сказал Сэйзед. — Он должен увидеть, что с вами все в порядке.

Вин ответила не сразу. Она смотрела на столицу, на ярко освещенную крепость.

— Ты там был, Сэйзед? — спросила она. — Слышал его речь?

— Да, госпожа, — ответил хранитель. — Когда мы обнаружили, что в сокровищнице нет атиума, лорд Венчер настоял, чтобы мы послали кого-нибудь вам на помощь. Я был склонен согласиться с ним: мы ведь не воины и у меня не осталось ферухимических запасов.

«Атиума нет, — подумала Вин. — Мы не нашли ни крошки. Что же сделал с ним Вседержитель? Или... кто-то успел захватить его до нас?»

— Когда мы с мастером Элендом нашли воинов, — продолжал Сэйзед, — они занимались тем, что убивали дворцовую стражу. Кое-кто из гвардейцев хотел сдаться, но солдаты не дали. Это была неприятная сцена, госпожа. Ваш Эленд... ему не понравилось то, что он увидел. Когда он стоял перед толпой скаа, я думал, они его убьют. — Сэйзед помолчал, глядя на город. — Но то, что он сказал, госпожа... его мечты о новом государстве, его осуждение кровопролития... Боюсь, я не сумею повторить. Мне бы хотелось иметь в тот момент запас памяти, чтобы в точности запомнить его слова. — Он тяжело вздохнул, качая головой. — Как бы то ни было, я уверен, что мастер Бриз немало потрудился, чтобы утихомирить мятежников. Как только несколько человек начали прислушиваться к словам мастера Эленда, другие постепенно последовали их примеру, и... думаю, хорошо, что юноша в итоге стал королем. Присутствие мастера Эленда сделало законным наше предприятие, и мне кажется, что теперь мы можем надеяться на поддержку знатных лордов и купцов.

Вин улыбнулась:

— Кельсер ужасно разозлился бы, знаешь? Он проделал огромную работу, а мы взяли и посадили на трон аристократа.

Сэйзед покачал головой:

— Да, но мне кажется, есть кое-что поважнее. Мы не просто возвели на трон вельможу — мы сделали королем хорошего человека.

— Хорошего человека... — повторила Вин. — Да. Теперь я знаю, что существуют хорошие люди.

*

Вин осторожно опустилась на крышу крепости Венчер. Ее сломанная нога затрудняла движения, но Вин пользовалась алломантической силой, ей всего-то и нужно было, что мягко приземлиться.

Уже наступила ночь, и Вин окружал туман. Защищал ее, скрывал, давал силу...

Эленд Венчер сидел под тем самым световым окном, которое не починили с тех пор, как Вин швырнула в него тело убийцы. Эленд не заметил, что Вин притаилась у него над головой. Да и кто бы заметил? Кто мог обнаружить рожденного туманом, когда тот хотел остаться невидимым? Вин была тенью, бестелесным призраком вроде тех, что рождал одиннадцатый металл. Чем-то, что лишь могло существовать.

Могло?..

Последние события пока что трудно было осмыслить. Вин даже не пыталась еще разбираться в своих чувствах и не готовилась к встрече с Элендом.

Она смотрела вниз, на него. Эленд сидел в круге света, что-то читал и время от времени делал пометки в записной книжке. Его выступление днем прошло отлично, — похоже, все с удовольствием приняли нового короля. Однако Марш говорил, что тут сыграли свою роль и политические соображения. Вельможи смотрели на Эленда как на марионетку, которой они смогут управлять, а среди вождей скаа будто бы уже начались раздоры...

И все же Эленд составит теперь свод законов, о котором мечтал. Попытается создать идеальное государство, применить на практике те философские идеи, которые изучал долгие годы. Наверняка его ждут разочарования, и Вин подозревала, что в конце концов Эленду придется спуститься с небес на землю. Но это не имело значения. Он станет хорошим королем.

«Конечно, в сравнении с Вседержителем даже куча сажи могла бы стать хорошим королем».

Вин хотелось спуститься в теплую комнату, к Эленду, но что-то ее удерживало. За свою короткую жизнь ей пришлось испытать столько

превратностей судьбы, столько выстрадать... и до обретения алломантической силы, и после... Она не знала, что ей нужно теперь, не знала, кто она на самом деле — Вин или леди Валетт, и даже не знала, кем из них ей хочется быть.

Она кожей ощущала холодный туман. Он давал ей силы, защищал, прятал... даже если ей было это совсем не нужно.

«Я не могу. Ему нужна вовсе не я. Все было сном, мечтой. Я ребенок, выросший в тени, девочка, удел которой — одиночество. Я не заслужила. Я недостойна его».

Все было кончено. Как она и ожидала, все изменилось. По правде говоря, она так и не стала настоящей леди. Пришло время вернуться на свое место. В тень.

Пришла пора исчезнуть.

Вин повернулась, чтобы уйти, не обращая внимания на лившиеся из глаз слезы. Она покидала его, и плечи Вин опустились, когда она с трудом подошла к краю крыши и заглянула в туман.

Но потом...

«Он умер, клянясь, что ты давным-давно сдохла от голода».

В суматохе последних часов Вин едва не забыла, что сказал инквизитор о брате. А теперь вспомнила и остановилась. Туман плыл мимо нее, окутывал, утешал...

Рин не бросал ее. Его схватили инквизиторы, искавшие девочку-полукровку. Они пытали Рина.

А он умер, защищая ее.

«Рин не предавал меня. Он всегда грозился, но так и не предал».

Он был далеко не идеальным братом, но он любил ее.

В голове у нее раздался голос Рина: «Вернись».

Вин, не успев даже мысленно возразить, побрела обратно к световому окну и бросила вниз монетку.

Эленд удивленно заозирался, увидел монету и вскинул голову. В следующую секунду Вин спрыгнула вниз, отталкиваясь от монетки, чтобы замедлить падение, и осторожно встала на здоровую ногу.

— Эленд Венчер, — строго произнесла она, — я давно хотела сказать тебе кое-что. — Она помолчала, смаргивая слезы. — Ты слишком много читаешь, особенно в присутствии дам.

Он улыбнулся, вскочил с кресла и крепко обнял Вин. Она закрыла глаза, ощущая тепло его тела.

И только тут поняла, что именно этого ей всегда и хотелось.

Приложение

Подробные авторские комментарии к каждой главе книги вы найдете на сайте www.brandonsanderson.com.

ТАБЛИЦА БАЗОВЫХ АЛЛОМАНТИЧЕСКИХ МЕТАЛЛОВ

Бронза (внутренний толкающий металл, влияющий на сознание). Тот, кто умеет поджигать бронзу, чувствует, если поблизости используется алломантическая сила. Алломанты, воспламеняющие металлы, порождают так называемый алломантический пульс — колебания определенной частоты, но слышат их только те, кто жжет бронзу. Туманщики, умеющие поджигать бронзу, называются охотниками.

Поджигатель — туманщик, воспламеняющий латунь.

Железо (внешний тянущий металл, влияющий на физические возможности). Туманщик, поджигающий железо, видит голубые лучи, указывающие на ближайшие к нему металлические предметы. Используя такой луч, алломант мысленным усилием может притянуть к себе металл. Туманщики, работающие с железом, называются жуликами.

Хвататель — туманщик, поджигающий железо.

Курильщик — туманщик, поджигающий медь.

Латунь (внешний толкающий ментальный металл). Тот, кто воспламеняет латунь, может вызвать у других всплеск эмоций и сделать какое-то чувство преобладающим. Латунь не позволяет читать мысли. Туманщики, владеющие искусством воспламенения латуни, называются бунтарями.

Гасильщик — туманщик, воспламеняющий цинк.

Медь (внутренний тянущий ментальный металл). Тот, кто поджигает медь, создает невидимое защитное облако. Находясь внутри «медного облака», алломант может воспламенять любой металл и не тревожиться, что его «пульс» уловит охотник. Вдобавок тот, кто поддерживает горение меди, защищен от любого эмоционального воздействия. Туманщик, работающий с медью, называется курильщиком.

Ищейка — туманщик, поджигающий олово.

Олово (внутренний тянущий металл, влияющий на физические возможности). Тот, кто поджигает олово, усиливает свои чувства. Он начинает лучше видеть и слышать, ощущать самые тонкие запахи, различать на ощупь мельчайшие детали, что позволяет ему свободно перемещаться в ночном тумане. Туманщик, владеющий искусством воспламенения олова, называется наблюдателем.

Охотник — туманщик, воспламеняющий бронзу.

Пьютер (внутренний толкающий металл, влияющий на физические возможности). Тот, кто воспламеняет пьютер, увеличивает тем самым свою силу, ловкость и выносливость. Пьютер также улучшает чувство равновесия и ускоряет заживление ран. Туманщики, поджигающие пьютер, известны как громилы, но также их называют пьютерными руками.

Пьютерная рука — туманщик, воспламеняющий пьютер.

Сталь (внешний толкающий металл, влияющий на физические возможности). Тот, кто поджигает сталь, видит голубые лучи, указывающие на ближайшие к нему металлические предметы, — так же как и жулик. Толщина и яркость луча зависит от размера предмета и расстояния до него. Лучи указывают на все металлы, не только на сталь. Алломант может

мысленно пройти по такому лучу и оттолкнуть от себя металлический предмет. Те, кто воспламеняет сталь, называются стрелками.

Стрелок — тот, кто воспламеняет сталь.

Громила — туманщик, воспламеняющий пьютер.

Цинк (внешний тянущий металл, влияющий на сознание). Туманщик, работающий с цинком, может успокаивать чувства других людей, охлаждать их и смягчать эмоции по своему выбору. Опытный алломант способен погасить все чувства, кроме одного. Цинк не позволяет читать мысли. Тот, кто воспламеняет цинк, называется гасильщиком.